НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ

А·Н·АФАНАСЬЕВА

НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ

I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ А. Н. АФАНАСЬЕВА

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ I

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Л. Г. БАРАГ и Н. В. НОВИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА · МОСКВА 1984

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, К. В. ЧИСТОВ

Н $\frac{4702000000\text{-}374}{(042)02\text{-}84}$ без объявления

ПРЕДИСЛОВИЕ А. Н. АФАНАСЬЕВА КО 2-МУ ИЗДАНИЮ 1873 Г.

Между разнообразными памятниками устной народной словесности (песнями, пословицами, поговорками, причитаниями, заговорами и загадками) весьма видное место занимают *сказки*. Тесно связанные по своему складу и содержанию со всеми другими памятниками народного слова и исполненные древних преданий, они представляют много любопытного и в художественном и в этнографическом отношениях. Важное значение народных сказок как обильного материала для истории словесности, филологии и этнографии, давно сознано и утверждено даровитейшими из германских ученых. Они не только поспешили собрать свои народные сказки и легенды, но еще усвоили немецкой литературе в прекрасных переводах почти все, что было издано по этому предмету у других народов. Конечно, нигде не обращено такого серьезного внимания на памятники народной словесности, как в Германии, и в этом отношении заслуга немецких ученых действительно велика, и нельзя не пожелать, чтобы благородный труд, подъятый ими на пользу народности, послужил и нам благим примером. Пора, наконец, и нам дельней и строже заняться собранием и изданием в свет простонародных сказок, тем более что, кроме поэтического и ученого достоинств подобного сборника, он может с пользою послужить для первоначального воспитания, представляя занимательные рассказы для детского чтения. Разумеется, предпринимая издание с этою последнею целью, необходимо допустить строгий выбор, но такой выбор легко будет сделать. Увлекаясь простодушною фантазиею народной сказки, детский ум нечувствительно привыкнет к простоте эстетических требований и чистоте нравственных побуждений и познакомится с чистым народным языком, его меткими оборотами и художественно верными природе описаниями. Мысль эту разделяли лучшие из наших поэтов: Жуковский и Пушкин, познакомившие публику с некоторыми народными сказками, передавая их простое содержание в прекрасных стихах. Жуковский под конец своей жизни думал исключительно заняться переводом сказок различных народов; а Пушкин в одном из своих писем говорит о себе: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

Цель настоящего издания объяснить сходство сказок и легенд у различных народов, указать на ученое и поэтическое их значение и представить образцы русских народных сказок.

Мы не раз уже говорили о доисторическом сродстве преданий и поверий у всех народов индоевропейского племени. Такое сродство условлива-

лось: во-первых, одинаковостью первоначальных впечатлений, возбужденных в человеке видимою природою, обожание которой легло в основу его нравственных и религиозных убеждений, в эпоху младенчества народов; во-вторых, единством древнейшего происхождения ныне столько разъединенных народов. Разделяясь от единого корня на отдельные ветви, они вынесли из прошлой своей жизни множество одинаковых преданий, и доказательства своего изначального родства затаили в звуках родного слова. Доказано, что тою же творческою силою, какою создавался язык, создавались и народные верования и верная их представительница — народная поэзия; образование слова и мифа шло одновременно, и взаимное воздействие языка на создание мифических представлений и мифа, на рождение слова не подлежит сомнению. Теперь, если мы припомним, что народные сказки древнейшей первичной формации сохранили в себе много указаний и намеков на седую старину доисторического периода, что они суть обломки древнейшего поэтического слова — эпоса, который был для народа хранилищем его верований и подвигов,— для нас будет понятно и то удивительное с первого взгляда сходство, какое замечается между сказками различных народов, живущих на столь отдаленных одна от другой местностях и столь разною историческою жизнию. Особенно такое сходство замечается между сказками народов, состоящих в наиболее близком племенном родстве, например между сказками славянскими, литовскими и немецкими. Читатели убедятся в этих высказанных нами мнениях из подробного сличения народных сказок, на котором мы, с надеждою пояснить многие старинные предания, основываем примечания к нашему изданию [1].

Народные русские сказки раскрывают пред нами обширный мир. Поверья и предания, встречаемые в них, говорят о старинном доисторическом быте славянских племен; олицетворенная стихия, вещие птицы и звери, чары и обряды, таинственные загадки, сны и приметы — все послужило мотивами, из которых развился сказочный эпос, столько пленительный своею младенческою наивностью, теплою любовью к природе и обаятельною силою чудесного. Могучие силы и поразительные явления природы, признанные в эпоху язычества за богов, вследствие обычного развития древних верований воплощались не только в птиц и зверей, но и в антропоморфические образы и, сблизившись мало-помалу с человеческими формами и свойствами, снизошли, наконец, с своей недосягаемой высоты на степень *героев*, доступных людским страстям и житейским тревогам, и породили богатырские сказания, повествующие о их чудесных подвигах. Таковы все герои финской поэмы Калевалы и греческие полубоги; таков наш

[1] Примечания, для большего удобства, в настоящем издании помещены отдельно в последней, четвертой его книге. Они, с одной стороны, пополнены указаниями на вышедшие после 1863 г. сборники сказок разных народов, а с другой, сокращены, с исключением из них всего того, что отнесено в напечатанный нами опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, под заглавием «Поэтические воззрения славян на природу». М., 1866—1869, 3 тома, на которые и сделаны, где нужно, надлежащие ссылки.

О принципах публикации сказок в нашей книге см. ниже, с. 434—435 (*Ред.*)

Змей Горыныч, который в «былинах» является уже богатырем, хотя и сохраняет все атрибуты огненного змея (молниеносной тучи); таковы в народных сказках великаны и богатыри, удержавшие даже свои стихийные названия: Вихорь, Гром, Град. Эти сказочные герои усвоили себе то страшное могущество, какое принадлежит силам природы, и получили громадные, соответственные этому могуществу размеры; самое слово *богатырь* (от слова *бог* чрез прилагательное *богат*; сравни латинск. deus, dives, divus от корня div — блистать, светить, откуда и наши баснословные *дивы*) означает существо, наделенное высшими, божескими качествами. Трудные подвиги богатырей и их битвы с великанами и змиями суть только образные, поэтические изображения естественных явлений, так могущественно влияющих на производительность земли. Солнце, закрываемое темными тучами, в народных сказках представляется златокудрою девою неописанной красоты, похищаемою змием, который уносит ее в свои неприступные горы и ограждает крепкими затворами; освободителем красной де́вицы является богатырь, владетель чудодейственного меча-саморуба, то есть сам Перун, божество грозы и молнии: он проникает в мрачные подземелья, выпивает там всю сильную воду и поражает змия, или, говоря простым, обыкновенным языком, он разбивает тучи молнией, проливает на землю дождь и выводит из змииных пещер деву-солнце. Другой ряд народных сказок в таких же пластических образах изображает годовое обращение этого светила. Невеста-земля, в полном цвете и роскоши своих летних уборов, вдруг под влиянием чар злой колдуньи-зимы превращается в камень и засыпает долгим, непробудным сном; во всем ее царстве жизнь приостанавливается и как бы застывает до тех пор, пока жаркий поцелуй молодого царевича — весеннего солнца не разбудит красавицы для любви и общей радости. Пробужденная невеста вступает в брак с светозарным царевичем, и земля начинает свои роды.

Позднее сказка, верная народной жизни, отразила в своих богатырских повестях черты из эпохи великой борьбы христианских идей с языческими; многие из древних преданий были подновлены, согласно с вновь возникшими взглядами и убеждениями, и некоторые эпические сказания получили легендарную обстановку, хотя, впрочем, из-за этих подновлений до сих пор еще сквозит дохристианская старина. Сильномогучие богатыри, победители сказочных великанов и многоглавых змиев в «былинах» уже сражаются против какого-то Идолища и неверных народов; на своих крепких плечах они выносят беспрестанные и беспощадные битвы с *погаными* азиатскими кочевниками и отстаивают независимость и государственные основы родной земли, тогда как великаны и змии выставляются защитниками басурманства. Еще позднее — и народная сказка, свидетельствуя нам о некоторых чертах древнего новгородского быта (см. «Русск. нар. сказки» Сахарова), вводит читателя в мир действительных событий и чрез то сближает его с чисто историческим эпосом Слова о полку, малороссийских дум и народных песен о Грозном, Петре Великом и других знаменитых деятелях.

Составляя вместе с «былинами» отрывки старинного эпоса, сказки уже по тому самому запечатлены прочным художественным достоинством.

В доисторическую эпоху своего развития народ необходимо является поэтом. Обоготворяя природу, он видит в ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный в созерцание ее торжественных явлений и таинственных сил, народ все свои убеждения, верования и наблюдения воплощает в живые поэтические образы и высказывает в одной неумолкаемой поэме, отличающейся ровным и спокойным взглядом на весь мир.

Народные русские сказки проникнуты всеми особенностями эпической поэзии: тот же светлый и спокойный тон; то же неподражаемое искусство — живописать всякий предмет и всякое явление по впечатлению, ими производимому на душу человека; та же обрядность, высказывающаяся в повторении обычных эпитетов, выражений и целых описаний и сцен. Раз сказанное метко и обрисованное удачно и наглядно уже не переделывается, а как будто застывает в этой форме и постоянно повторяется там, где это признано будет необходимым по ходу сказочного действия. Оттого, несмотря на неподдельную красоту языка, народные сказки поражают однообразностью, тем более что и темы рассказов, и действующие лица, и чудесное — в бо́льшей части подобных произведений повторяются с небольшими отступлениями. Народ не выдумывал, он рассказывал только о том, чему верил, и потому даже в сказаниях своих о чудесном — с верным художественным тактом остановился на повторениях, а не отважился дать своей фантазии произвол, легко переходящий должные границы и увлекающий в область странных, чудовищных представлений.

При всем однообразии, замечаемом в народных сказаниях, в них столько истинной поэзии и столько трогательных сцен! С какой поэтической простотой, например, передана в сказке встреча Федора Тугарина с Анастасией Прекрасною.

Поехал Федор странствовать. Едет, едет и на пути видит: лежат три рати-силы побитые. «Кто здесь живой,— окликает странствующий герой,— скажи: кто побил эти рати?» В ответ ему слышится голос: «Подай воды напиться». Подает Тугарин воды раненому и узнает от него, что победила все три рати Анастасия Прекрасная, а сама отдыхает теперь в шатре. Приехал Тугарин к шатру Анастасии Прекрасной, привязал своего коня, вошел в палатку, лег сбоку девицы и заснул. Анастасия Прекрасная проснулась прежде; разбудила незваного гостя и сказала: «А что — станем биться или мириться?» Отвечал ей Тугарин: «Коли наши кони станут биться, тогда и мы попробуем силы!» —и спустили они своих коней. Кони обнюхались, стали лизать друг друга и пошли дружно пастись вместе. Тогда Анастасия Прекрасная сказала Федору Тугарину: «Будь ты мне мужем, я тебе — женою!»

Как ото всех народных произведений, от сказок веет поэтическою чистотою и искренностию; с детскою наивностию и простотою, подчас грубою, они соединяют честную откровенность и свои повествования передают без всякой затаенной иронии и ложной чувствительности. Мы говорим о сказках древнейшего образования. В позднейшем своем развитии и сказка подчиняется новым требованиям, какие бывают порождены ходом дальнейшей жизни. является послушным орудием народного юмора и сатиры

и утрачивает первоначальное простодушие (см. сказки о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове, о Шемякином суде и др.). Но всегда сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою. Напечатанная нами сказка о правде и кривде задает практический вопрос: как лучше жить — правдою или кривдою? Здесь выведены два лица, из которых каждый держится противоположного мнения: правдивый и криводушный. Правдивый — терпелив, любит труд, без ропота подвергается несчастию, которое обрушилось на него по злобе криводушного, а впоследствии, когда выпадают на его долю и почести и богатство, он забывает обиду, какую причинил ему криводушный, вспоминает, что некогда они были товарищами, и готов помочь ему. Но чувство нравственное требует для своего успокоения полного торжества правды — и криводушный погибает жертвою собственных расчетов. На таком нравственном начале создалась бо́льшая часть сказочных интриг.

Несчастие, бедность, сиротство постоянно возбуждают народное участие. Целый ряд сказок преследует нелюбовь и ненависть мачехи к падчерицам и пасынкам и излишнюю, зловредную привязанность ее к своим собственным детям. Этот тип мачехи, обрисованный народными сказками, составляет одно из самых характерных указаний на особенности патриархального быта и вполне оправдывается и древним значением сиротства, и свадебными песнями о судьбе *молодой* среди чужой для нее семьи. Мачеха, по народным сказкам, завидует и красоте, и дарованиям, и успехам своих пасынков и падчериц, особенно если сравнение с этими последними ее собственных детей, безобразных и ленивых, заставляет ее внутренне сознаваться в том, чему так неохотно верит материнское сердце. Мачеха начинает преследовать бедных сирот, задает им трудные, невыполнимые работы, сердится, когда они удачно выполняют ее приказания, и всячески старается извести их, чтобы не иметь перед глазами постоянного и живого укора. Но несчастия только воспитывают в сиротах трудолюбие, терпение и глубокое чувство любви ко всем страждущим и сострадания ко всякому чужому горю. Это чувство любви и сострадания, так возвышающее нравственную сторону человека, не ограничивается тесными пределами людского мира, а обнимает собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при виде раненой птицы, голодного зверя, выброшенной на берег морскою волною рыбы и больного дерева. Во всем этом много трогательного!.. Нравственная сила спасает сироту от всех козней; напротив, зависть и злоба мачехи подвергают ее наказанию, которое часто испытывает она на родных своих детях, испорченных ее слепою любовью и потому гордых, жестокосердных и мстительных.

С этой точки зрения особенно интересною представляется нам роль младшего из трех братьев, действующих в сказке. Бо́льшая часть народных сказок, следуя обычному эпическому приему, начинается тем, что у отца было три сына: два — умные, а третий — *дурень*. Старшие братья называются умными в том значении, какое придается этому слову на базаре житейской суеты, где всякий думает только о своих личных интере-

сах, а младший — глупым в смысле отсутствия в нем этой практической мудрости: он простодушен, незлоблив, сострадателен к чужим бедствиям до забвения собственной безопасности и всяких выгод. Согласно с этим слова *хитрый* и *злой* в областных говорах значит: ловкий, искусный, умный, острый [2]. Народная сказка, однако, всегда на стороне нравственной правды, и по ее твердому убеждению выигрыш постоянно должен оставаться за простодушием, незлобием и сострадательностию меньшого брата. Очевидно, что эпическая поэзия истинно разумным признает одно добро, а зло хотя и слывет таковым между людьми, но вводит своих поклонников в безвыходные ошибки и нередко подвергает их неизбежной гибели: следовательно, оно-то и есть истинно неразумное. В сказке «Норка-зверь» три брата отправляются искать этого чудного зверя; им предстоят многие опасности. Старшие братья обнаруживают при этом всю слабость духа и отстраняют от себя трудный подвиг, но когда третий брат смелостью преодолевает все опасности — они замышляют завладеть добытым им счастием и посягают на самую жизнь этого добродушного дурня. На возвратном пути из стран подземного мира он готов был уже подняться на Русь по нарочно опущенному канату, но братья обрезывают канат и лишают его последней надежды возвратиться когда-нибудь в родную семью. В такой беде его спасает то высокое чувство любви, которое не допускает в сердце бедняка ни малейшего ожесточения даже после столь горестного обмана. Оставленный в подземном царстве, младший брат заплакал и пошел дальше. Поднялась буря, заблистала молния, загремел гром, и полился дождь. Он подошел к дереву с надеждою укрыться под его ветвями от непогоды; смотрит, а на том дереве сидят в гнезде маленькие пташки и совсем измокли от дождя. Сострадательный дурень снял с себя одежду и накрыл птичек. Вот прилетела на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свет, и как увидала своих детей накрытыми — спросила: «Кто покрыл моих пташек? Это — ты! Спасибо тебе: проси от меня, чего хочешь!» — и по просьбе бедняка выносит его на своих могучих крыльях на Русь.

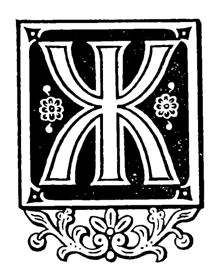
Таково в немногих словах значение народной сказки. Нет сомнения, что в ней найдется многое, что не может удовлетворить нашим образованным требованиям и взглядам на природу, жизнь и поэзию; но если в зрелых летах мы любим останавливать свой взор на детских играх и забавах и если при этом невольно пробуждаются в нас те чистейшие побуждения, какие давно были подавлены под бременем вседневных забот, то не с той ли теплою любовью и не с теми ль освежающими душу чувствами может образованный человек останавливать свое внимание на этой поэтической чистоте и детском простодушии народных произведений?

А. А.

[2] «Отеч. записки», 1852 г., Критика. Ноябрь, с. 16.

1—7. ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК

1



ил себе дед да баба. Дед говорит бабе: «Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой». Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая. «Вот будет подарок жене»,— сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла. 1а

«Ну, старуха,— говорит дед,— какой воротник привез я тебе на шубу».— «Где?» — «Там, на возу,— и рыба и воротник». Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ах ты, старый хрен! Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!» Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк: «Здравствуй, кумушка!» — «Здравствуй, куманек!» — «Дай мне рыбки!» — «Налови сам, да и ешь».— «Я не умею». — «Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай нá реку, опусти хвост в прорубь — рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь».

Волк пошел нá реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» — думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: «Волк, волк! Бейте его! Бейте его!» Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал-прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать. «Хорошо же,— думает,— уж я тебе отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушамши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу: «Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!» — «Эх, куманек,— говорит лисичка-сестричка,— у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь».— «И то правда,— говорит волк,— где тебе. кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу». Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит: «Битый небитого везет, битый небитого везет».— «Что ты, кумушка, говоришь?» — «Я, куманек, говорю: битый битого везет». — «Так, кумушка, так!»

«Давай, куманек, построим себе хатки».— «Давай, кумушка!» — «Я себе построю лубяную, а ты себе ледяную». Принялись за работу, сделали себе хатки: лисичке — лубяную, а волку — ледяную, и живут в них. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А, кумушка! — говорит волк.— Ты меня опять обманула, надо тебя за это съесть».— «Пойдем, куманек, еще поконаемся, кому-то кого достанется есть». Вот лисичка-сестричка привела его в лес к глубокой яме и говорит: «Прыгай! Если ты перепрыгнешь через яму — тебе меня есть, а не перепрыгнешь — мне тебя есть». Волк прыгнул и попал в яму. «Ну,— говорит лисичка,— сиди же тут!» — и сама ушла.

Идет она, несет скалочку в лапках и просится к мужичку в избу: «Пусти лисичку-сестричку переночевать».— «У нас и без тебя тесно».— «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а после спрашивает: «Где же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму!» Мужик — делать нечего — отдал ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к другому мужику. «Кто там?» — «Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать».— «У нас и без тебя тесно».— «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку. Рано утром она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возьму!» Мужик — делать нечего — отдал ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к третьему мужику. «Кто там?» — «Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У нас и без

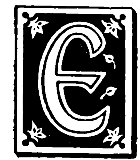
тебя тесно».— «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку». Ее пустили. Вот она легла на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку. Рано утром лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя индюшечка? Я за нее не возьму и невесточку!» Мужик — делать нечего — отдал ей за индюшечку невесточку; лисичка посадила ее в мешок, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку,
За индюшечку — невесточку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к четвертому мужику. «Кто там?» — «Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать».— «У нас и без тебя тесно».— «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку». Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку. Мужик потихоньку выпустил из мешка невесточку, а впихал туда собаку. Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идет и говорит: «Невесточка, пой песни!», а собака как зарычит. Лисичка испугалась, как шваркнет мешок с собакою да бежать.

Вот бежит лисичка и видит: на воротах сидит петушок. Она ему и говорит: «Петушок, петушок! Слезь сюда, я тебя исповедаю: у тебя семьдесят жен, ты завсегда грешон». Петух слез; она хвать его и скушала.

2



хал лесом мужичок со снетками. Лисица накрала снеточков у мужика, склала в кувшинчик, да и села под стог пообедать. Бежит голодный волк. «Кума, кума, что ты ешь?» — говорит он, увидав лису. «Снеточки»,— отвечает она. «Дай-ка мне!» — «Сам налови». — «Да я не умею»,— говорит волк. «А вот кувшин, надень на хвост, да и пусти в прорубь». Послушался волк, а лисица говорит про себя: «Ясни, ясни на небе звезды! Мерзни, волчий хвост!» *1 а, вар. 1*

Сама побежала в деревню, попалась в одной избе в квашню головой и подняла тревогу. Бежит лисица из деревни прямо на волка, а за лисицей народ. Волк от страху ну рваться, а хвост-от примерз; насилу полхвоста оторвал. Нагоняет волк лисицу в лесу, а та прикинулась хворой. «Ах, кум! — говорит.— Всю головушку избили, мочи нет идти». — «Так садись, кума, на меня»,— говорит волк. Вот и едет лисица на волке, сама попевает: «Битый небитого везет!» — «Что ты, кума, говоришь? — спрашивает волк. «Брежу, куманек!» — отвечает лисица, а сама, воровка, допевает: «У битого гузка болит!»

Вот те сказка, а мне кринка масла.

3

от в одной деревне на задворье стояли зимой стога сена, и на один из них взобралась лисица; она промыслила где-то рыбки и кушала себе. Тут же случилось проходить ночью волку. Он увидал лису и сказал ей: «Здорово, кумушка!» — «Здравствуй, куманек», — отвечала она. «Что ты ешь?» — «Рыбку».— «Да где ты взяла?» — «Наловила в пруде».— «Каким бы то способом?» — «Коли хочешь, научу».— «Спасибо скажу».— «Ну, пойдем». *1а, вар. 2*

И повела кума к проруби: «Вот садись и хвост опусти в воду, а рыбка и всползет на него греться». Кум сел и хвост опустил в прорубь, а кума ворчит: «Ясни, ясни на небе! Мерзни, мерзни, волчий хвост!» — «Да что ты, кума, говоришь?» — «И, батько, скликаю рыбку-то тебе». — «Ну, спасибо!»

Когда лиса увидела, что прорубь замерзла, она сказала: «Побегу в деревню за медом». Побежала, и след ее простыл. А обманутого волка с примерзлым хвостом увидали на пруде мужики и убили его. Я там был, мед пил, по усам текло, да в рот не кануло.

4

ыл себе дед и баба. У деда был петушок, а у бабы курочка. *1b* В один день пошли они на смитьячко[1] поискать себе пищи; петушок нашел пшеничный колосок, а курочка нашла маковку. С этого колоска дед вымолотил зерно, смолол муку; а баба, вычистивши маковку, растерла мак, смешала с медом и с дедовой муки сделала пирожок с тертым маком и, за неимением, по бедности, печки и огня, положила тот пирожок на окне своей избушки, чтобы на солнышке испекся.

В то время проходила лисичка с волчиком. Лисичка и говорит: «А что, волчику-братику, украдем этот пирожок и разделим его между собою по-братски».— «Хорошо, лисичка-сестричка, украдем». Лисичка украла. Отошедши в сторонку, она заметила, что будто бы пирожок еще не допекся и что для этого надобно ему еще пожариться на солнышке. «А мы между тем уснем, а проснувшись, смачненько[2] позавтракаем».

Так улещала лисичка волчика-братика, который вскоре и уснул. Она в то время к пирожку, разломила, сладкую начинку съела, а туда наклала... с позволения сказать — сами догадаетесь чего... и, залепив, положила. Волчик проснулся, и лиса за ним. Принялись делиться пирожком, и первая лиса заметила, что не та уже в пирожке начинка, и напустилась на волка. Волк божится, клянется, землю ест[3],— куда? лиса не верит.

[1] *Сметье* — сор.
[2] Вкусно.
[3] Это любопытное указание на старинный обряд клятвы. Вадим Пассек свидетельствует, что на Украине были примеры, когда клятва скреплялась целованием земли, и такая клятва почиталась важною и священною (Путевые записки, с. 152).

Наконец предлагает испытание: лечь обоим против солнца, и у кого от жару выступит на теле воск, тот и съел мед. Согласились.

Волчик беспечно уснул, а лиса побежала в ближнюю пасеку [4], украла сот, съела, а вощинами всего волка облепила. Проснувшись и быв изобличен, волк повинился, что он и сам не помнит, как это случилось, но после такого ясного доказательства винится и очень охотно подчиняется приговору лисички-сестрички, чтобы при первой добыче не иметь ему в ней доли, а всю уступить лисе. Вот и разошлись в разные стороны для промыслу.

Лисичка, завидев, что идет фура чумаков, легла на дороге, разметалась будто неживая и начала подфунивать [5] изо всей мочи. Чумаки ее завидели и сочли сначала живою, но, подойдя ближе, когда услышали, что за несколько шагов она так сильно смердит, закричали: «Вона здохла, бачь [6], як воня́!» — и, взяв ее, положили на воз с рыбою.

Первое дело ее было — прогрызть у воза лубки, и потом начала выкидывать рыбу. Накидавши, сколько ей надобно было, она благополучно дала тягу с воза, подобрала всю рыбу в кучу и начала преисправно ее кушать.

Волк, побродивши везде, без успеха возвращался на сборное место и увидел лису за таким роскошным пиром. «Лисичка-сестричка! Дай мне хоть маленькую рыбку...» — «О волчику-братику, налови себе, как и я наловила, да и ешь сколько душе угодно!» — «Лисичка-сестричка! Дай мне хоть головку».— «О волчику-братику, ни косточки. Я утомилась, пока ее наловила, и очень голодна».— «Где, как и чем ты ее наловила?» — «Самая безделица! Вон недалеко река; иди туда, вложи хвост в прорубь, сиди и приговаривай: ловись, рыбка, и мала и велика, ловись, рыбка, и мала и велика! Потом выдерни хвост, то увидишь, сколько вытянешь рыбы».

Как уже лиса кончила свой обед, то и взялася довести его до проруби. Волк вложил свой хвост и начал приговаривать [7]: «Ловися, рыбка, и мала и велика!», а лиса, бегая около него, приговаривала: «Мерзни, мерзни, волчий хвост!» — «Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?» — «То я тебе помогаю, а сама поминутно твердит: «Мерзни, мерзни, волчий хвост!» Волк скажет: «Ловися, рыбка, и мала и велика!», а лиса: «Мерзни, мерзни, волчий хвост!» Волк опять: «Ловися, рыбка, и мала и велика!», а лиса: «Мерзни, мерзни, волчий хвост!» — «Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?» — «То я тебе помогаю!»

Волк уже хочет вытянуть свой хвост из проруби, но лиса запрещает: «Погоди, еще мало наловилось!» И опять начинают они приговаривать. Волк только что попробует вытащить хвост, а лиса ему: «Погоди, еще рано!» — и как тогда был мороз такой, что аж скалкы [8] скачут, то лиса, разочтя время, закричала на волка: «Тяни!» Он потянул, но не тут-то было! Хвост его замерз в реке, и волк не мог освободить его, и сам остался на месте.

[4] *Пасека* — пчельник.
[5] Вонять.
[6] Смотри.
[7] Приговоры волка сказочники передают *толстым* (грубым) голосом, басом; а приговоры лисы *тоненьким*, мягким.
[8] Осколки.

Тогда лиса благим матом побежала в село и начала кричать: «Сюда, люди! Спешите бить волка, примерз к ополонке!»[9] Все бросились на волка: мужчины с дубинами, с топорами, бабы с гребнями, с днищами[10], все на волка; били его, били, колотили до того, что волк не пожалел и хвоста, оторвал его и куцый[11] побежал куда глаза глядят. Как же все люди бросились к нему на лед, то один мужик покинул даже и сани свои с лошадью. Волк, набежав на них, вскочил в сани, начал погонять лошадь и таким образом выбрался из села.

А лиса среди общей суматохи, когда все бросились бить волка, вскочила в пустую избу, увидела квашню с тестом, вскочила в нее, вы́ляпалась в тесто, побежала на дорогу и легла. Недалеко за селом увидел волк на дороге лисичку-сестричку избитую, израненную и едва живую. С большим участием бросился он к ней, и она начала жаловаться, что и ее так больно прибили, что мозг изо всех костей повыступал. «Крепись, лисичка-сестричка! Вот и я хвоста лишился, да как же быть! Иди за мною, я еще покрепче тебя, буду тебя защищать».

Лисичка начала проситься в сани, но волк ей отказал и доказал, что и одному тесно. Нечего делать! Пошла лиса тихо за едущим волком. Пройдя немного, начала упрашивать, чтобы хотя одну лапку, самую разбитую, положить на сани, не более как лапку. Волк долго отнекивался, наконец согласился. Положивши лапку, лиса после долгих переговоров упросила и о другой, третьей, четвертой, потом умолила волка иметь сострадание и к ее хвосту, который так жалко волочился, и умостилась совсем в санках. Волк услышал, что санки трещат, и начал ее упрекать. «Это, волчику-братику, я орешки кусаю!» Поехали дальше; слышит волк, что санки опять трещат, и снова упрекает лису. «Это, волчику-братику, я орешки кусаю!» Наконец санки совсем рассыпались.

Волк пошел рубить дрова на сани, а лиса осталась пасти лошадь. От скуки она выела у лошади всю внутренность, напихала туда живых воробьев и дырку под хвостом заткнула соломой. У волка сани поспели, и он запряг лошадь. «Ну, ну; ну, ну!» — лошадь ни с места. Волк увидел, что из-под хвоста у лошади торчит солома, и сказал: «Вот как обожралася, что и солома назад лезет!» Вытянул ее... воробьи выпорхнули, и кожа лошадиная упала. Лиса, притворяясь все еще больною от побоев, после продолжительного спора убедила волка, чтобы он вез ее в санках. Волк повез и стал приговаривать: «Битый битую везет! Битый битую везет!» А лисичка шепчет: «Битый небитую везет!» — «Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?» — «То я, волчику-братику, говорю: битый битую везет!..»

[9] Прорубь на льду.
[10] *Днище* — донце, дощечка, в которую втыкается прядильный гребень.
[11] Бесхвостый.

5

ыла сабе ліска і вельмі галодная. Бяжыць яна дак бяжиць, аж едуць рыбаловы; яна прытаілася, лягла на землю і ляжыць. Тые рыбаловы наглядзелі на ліску, і адзін, каторы ехаў ззаду, узяў тую ліску дый[1] ўкінуў ў воз. Ліска, седзячі ў возе, прагрызла дзіру і, выкідаўшы ўсю рыбу праз[2] тую дзіру, сама выскачыла, пападбірала рыбу, дый есць. Есць яна дак есць, аж прыходзіць воўк. «Што ты, кумко-галубко, ясі?» — «Рыбу, куме!» — «Дай же ж ты мне». — «Ото! Каб[3] я табе давала! Пайдзі дый налаві». — «А гдзе ж я буду лавіць, калі не ведаю гдзе?» — «Вот ідзі за мною, то я табе пакажу». А тымчасам дала воўку адну рыбку, каб ён рассмакаваўся[4], і павяла яго. Iс

Прыходзяць яны да аднаго возяра[5] замёрзлага. Ліска прабіла праломку[6] дый каже да воўка: «Усадзі свой хвост ў гэтую праломку, то наберецца многа рыбы». Воўк, паслухаўшы хітрай ліскі, ўсадзіў хвост ў праломку і сядзіць. Лісіца, зрабіўшы тое, што хацела, зачала бегаць па возярі, крычаць: «Мерзні, мерзні, кумаў хвост!» — «Што гаворыш, кумко?» — каже воўк. «Я кажу, каб бралася рыбка маленькая і вялікая». Сядзеў воўк, сядзеў ў праломцы, аж покі не прымёрз хвост.

Ліска, ўбачыўшы, што кумаў хвост прымёрз, пабегла ў сяло даць знаць, каб воўка ішлі біць. Людзі, пачуўшы[7], што крычаць на воўка, пабеглі зараз з кіямі, з булавамі біць воўка. А кума пабегла ў хату, гдзе мясілі хлеб, укачалася ў ращыну[8], выбегла, села на стог дый сядзіць. А воўк, пачуўшы людзей, як зачаў рваццa, дый адарваў хвост, і сам ледва[9] уцёк. Бяжыць ён дак бяжыць, аж бачыць, на стагу сядзіць ліска дый есць. «Кумко-галубко, бачыш, якая ты благая![10] Ашукала[11] мяне. Хоць за тое дай што есці» — «На, лізні раз», — сказала ліска дый пазволіла раз лізнуць.

Воўк, лізнуўшы, захацеў другі раз дый ізноў зачаў прасіць щэ. «Не дам ужо больше, бо мне баліць, бо я ем сваі мазгі; калі хочеш есці, разганіся галавой ў сасну, разбі галаву дай ясі!» Той воўк ізноў паслухаў хітрай ліскі, пашоў ў лес, дый як разагнаўся аб сасну галавой, дак і забіўся на смерць. Ліска, ўбачыўшы, што воўк забіўся, пашла, з'ела ўсе мазгі воўка дай схавалася[12] ў нару.

6

к була собі лисичка, да й пішла раз до однії баби добувать огню; ввійшла́ у хату да й каже: «Добрий день тобі, бабусю! Дай мені огня». А баба тільки що вийняла із печі пирожок із маком, солодкий, да й положила, щоб він прохолов[1]; а лисичка се і підгледала, да тілько що баба нахилилась[2] у піч, щоб достать огня, то лисичка зараз ухватила пирожок да і драла[3] Id

[1] Да и.
[2] Через, сквозь.
[3] Чтоб.
[4] Попробовал.
[5] Озеро. [6] Прорубь.
[7] Послышав.
[8] Вымазалась в тесто (*ращи́на* — мучной раствор).
[9] Едва.
[10] Недобрая, дурная
[11] Обманула.
[12] Спряталась.

[1] Остыл.
[2] Наклонилась.
[3] Убежала.

з хати, да, біжучи, весь мак із його виїла, а туда сміття наклала.

Прибігла на поле, аж там пасуть хлопці бичків. Вона і каже їм: «Ей, хлопці! Проміняйте мені бичка-третячка [4] за маковий пирожок». Тії согласились; так вона їм говорить: «Смотріть же, ви не їжте зараз сього пирожка, а тоді уже розломите, як я заведу бичка за могилку; а то ви його ні за що не розломите». Бачите вже — лисичка таки собі була розумна, що хоть кого да обманить. Тії хлопці так і зробили, а лисичка як зайшла за могилу, да зараз у ліс і повернула, щоб на дорозі не догнали; прийшла у ліс да і зробила [5] собі санки да й їде.

Коли йде вовчик: «Здорова була, лисичко-сестричко!» — «Здоров, вовчику-братику!» — «Де [6] се ти узяла собі і бичка і санки?» — «Е! Зробила».— «Підвези ж і мене».— «Е, вовчику! Не можна».— «Мені хоть одну ніжку». — «Одну можна». Він і положив, да од'їхавши немного і просить, щоби іще одну положить. «Не можна, братику! Боюсь, щоб ти саней не зламав».— «Ні, сестричко, не бійся!» — да і положив другую ніжку. Тілько що од'їхали, як щось і тріснуло. «Бачиш, вовчику, уже і ламаєш санки». — «Ні, лисичко! Се у мене був орішóк, так я розкусив». Да просить оп'ять, щоб і третю ногу положить; лисичка і ту пустила, да тілько що оп'ять од'їхали, аж щось уже дужче [7] тріснуло. Лисичка закричала: «Ох, лишечко! [8] Ти ж мені, братику, зовсім зламаєш санки». — «Ні, лисичко, се я орішóк розкусив». — «Дай же і мені, бачиш який, що сам їж, а мені і не даєш». — «Нема уже більше, а я б дав». Да і просить оп'ять, щоб пустила положить і послідню ногу. Лисичка і согласилась.

Так він тілько що положив ногу, як санки зовсім розламались. Тоді вже лисичка так на його розсердилась, що і сама не знала щоб робила! А як отошло серце, вона і каже: «Іди ж, ледащо! [9] Да нарубай дерева, щоб нам оп'ять ізробить санки; тільки рубавши кажи так: «Рубайся ж, дерево, і криве і пряме». Він і пішов да й каже усе: «Рубайся ж, дерево, усе пряме да пряме!» Нарубавши і приносить; лисичка увидала, що дерево не таке, як їй нужно, оп'ять розсердилась. «Ти, — говóрить, — не казав, видно, так, як я тобі веліла!» — «Ні, я усе теє казав, що ти мені казала». — «Да чомусь [10] не таке рубалось? Ну, сиди ж ти тут, а я сама піду нарубаю», — да і пішла у ліс.

А вовк дивиться, що він сам остався; узяв да проїв у бичка дірку да виїв усе в середині, а напускав туда горобців [11] да ще соломою заткнув, поставив бичка, а сам і втік [12]. Аж лисичка прихóдить, зробила санки да й сіла і стала поганять: «Гей, бичок-третячок!» Тілько він не везе. От вона встала, щоб поправить: може, що не так запряжено; да, не хотячи, одоткнула солому, а оттуда так і сипнули горобці летіти. Вона уже тоді побачила, що бичок неживий; покинула його да й пішла.

Легла на дорозі, аж дивиться — іде мужик з рибою; вона і притворилась, що здохла. От мужик і говорить: «Вóзьму я оцю [13] лисицю, обдеру

[4] *Третяк* — теленок или жеребенок по третьему году.
[5] Сделала (*Ред.*)
[6] Где.
[7] Сильнее.
[8] Беда (Уменьшительное от «лихо»).
[9] Негодный.
[10] Почему-то (*Ред.*).
[11] Воробьев.
[12] Убежал.
[13] Эту.

да хоть шапку собі зошью». Узяв да і положив ззаді у воза. Вона замітила, що мужик не смотрить, стала ногами викидувать рибу з воза, а когда побачила, що навикидала уже багато, тоди потихесеньку і сама злізла; сіла біля[14] риби да і їсть собі, — коли біжить оп'ять той самий вовчик.

Побачивши, що вона їсть рибу, прибіг до їй да й каже: «Здорово була, лисичко-сестричко! Де се ти набрала стільки риби?» Вона каже: «Наловила, вовчику-братику!» А собі на думці: «Подожди, і я зроблю з тобою таку штуку, як і ти зо мною». — «Як же ти ловила?» — «Так, вовчику, уложила хвостик в ополонку[15], вожу тихенько да й кажу; ловися, рибка, мала і велика! Коли хочеш, то і ти піди, налови собі». Він побіг да зробив так, як казала лисичка. А лисичка стала за деревом да й дивиться; коли у вовчика зовсім хвостик примерз, вона тоді побігла в село да й кричить: «Ідіть, люди, вбивайте вовка!» Люди набігли з кольями да і убили його.

7

днажды лиса украла лошадь с полной сбруей с телегою и давай разъезжать по́ лесу. Попадается ей навстречу медведь. «Лисонька, посади меня», — говорит медведь. «Садись, сиволапый черт!» Медведь сел. Поехали; попадается им волк. «Лисонька, посади меня», — говорит волк. «Садись, серый вор!» После того попадается навстречу косой заяц. «Лисонька, посади меня», — говорит он. «Садись, косой!» Вот и поехали вчетвером и запели песни.

Вдруг переломилась у них оглобля. Лисица говорит медведю: «Ступай ты, Мишенька, принеси оглоблю». Медведь пошел по́ лесу, только лес трещит; перевалял пропасть дерев, наконец выбрал самое большое, толстое дерево и принес лисе. «Не годится это на оглоблю, сиволапый ты Мишка! Ступай ты, серый волк!» — говорит лисица. Волк пошел и принес также целое дерево, но поменьше. «И это не годится, — говорит лиса, — поди принеси ты, косой заяц!» Заяц пошел и принес пруточек. «Все вы ничего не смыслите! Пойду уж сама», — говорит лисица.

Пока она ходила, медведь с волком и съели лошадь, а в шкуру лошадиную набили моху и опять запрягли как бы живую лошадь. Лисица выбрала славную оглобельку; приходит к телеге, а уж на ней нет ни медведя, ни волка, ни зайца. Она переменила оглобельку и начала погонять лошадь, а та ни с места. Стала ее дергать вожжами и бить палкою, лошадь и свалилась. Слезла лиса с телеги, посмотрела на лошадь и увидала, что она набита мохом, а мясо все съедено; поплакала-поплакала и опять стала ходить по́ лесу пешком.

Повадилась лиса таскать из садков рыбу. Мужики догадались и решили изловить вора, а лиса, как сметливая баба, накравши в последний раз рыбки, пошла гулять по́ лесу. Попадается ей навстречу серый волк. «Что ты ешь, лисонька?» — спрашивает волк. «Рыбку, куманек». — «Да где же ты ее берешь?» — «Да сама ловлю». — «Да как же ты ее ловишь?

[14] Подле, возле.

[15] Прорубь.

Научи-ка меня!» — «Изволь, куманек! Возьми ведро, привяжи к хвосту, да и опусти в прорубь: рыба и найдет к тебе сама в ведро; только ты часа два посиди у проруби!» Волк так и сделал; но только часа через два хвост-то у него примерз к проруби, так что он, как ни старался, — оторвать его не мог. Поутру пришли мужики и убили его.

Пришла лиса к медведю в берлогу и выпросилась перезимовать у него. На зиму запаслась она цыплятами, положила их под себя и ела понемножку. Медведь однажды и спрашивает: «Что ты, кумушка, ешь?» — «Да что, куманек, изо лба кишочки таскаю да и кушаю». — «И сладко?» — спрашивает медведь. «Сладко, куманек». — «Дай-ка попробовать!» Она ему дала немного курятинки. Облакомился Мишка и ну тискать себе изо лба кишочки, до тех пор надрывался, пока не околел. А лисица этому и рада. Ей и пищи на целый год, и мягкая постель, и теплая конура.

8. ЗА ЛАПОТОК — КУРОЧКУ, ЗА КУРОЧКУ — ГУСОЧКУ

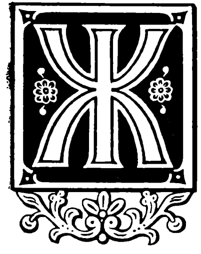
Шла лиса по дорожке и нашла ла́поток, пришла к мужику и просится: «Хозяин, пусти меня ночевать». Он говорит: «Некуда, лисонька! Тесно!» — «Да много ли нужно мне места! Я сама на лавку, а хвост под лавку». Пустили ее ночевать; она и говорит: «Положите мой ла́поток к вашим курочкам». Положили, а лисонька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встают, она и спрашивает свой лапоть, а хозяева говорят: «Лисонька, ведь он пропал!» — «Ну, отдайте мне за него курочку».

Взяла курочку, приходит в другой дом и просит, чтоб ее курочку посадили к хозяйским гуськам. Ночью лиса припрятала курочку и получила за нее утром гуська. Приходит в новый дом, просится ночевать и говорит, чтоб ее гуська посадили к барашкам; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще в один дом. Осталась ночевать и просит посадить ее барашка к хозяйским бычкам. Ночью лисонька украла и барашка, а поутру требует, чтобы за него отдали ей бычка.

Всех — и курочку, и гуська, и барашка, и бычка — она передушила, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дороге. Идет медведь с волком, а лиса говорит: «Подите, украдьте сани да поедемте кататься». Вот они украли и сани и хомут, впрягли бычка, сели все в сани; лиса стала править и кричит: «Шню, шню, бычок, соломенный бочок! Сани чужие, хомут не свой, погоняй — не стой!» Бычок нейдет. Она выпрыгнула из саней и закричала: «Оставайтесь, дураки!», а сама ушла. Медведь с волком обрадовались добыче и ну рвать бычка; рвали-рвали, видят, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись по домам.

9—13. ЛИСА-ПОВИТУХА

9



или-были кум с кумой — волк с лисой. Была у них кадочка медку. А лисица любит сладенькое; лежит кума с кумом в избушке да украдкою постукивает хвостиком. «Кума, кума,— говорит волк,— кто-то стучит».— «А, знать, меня на повой[1] зовут!» — бормочет лиса. «Так поди сходи»,— говорит волк. Вот кума из избы да прямехонько к меду, нализалась и вернулась назад. «Что бог дал?» — спрашивает волк. «*Початочек*»,— отвечает лисица. 2a

В другой раз опять лежит кума да постукивает хвостиком. «Кума! Кто-то стучится»,— говорит волк. «На повой, знать, зовут!» — «Так сходи». Пошла лисица, да опять к меду, нализалась досыта: медку только на донышке осталось. Приходит к волку. «Что бог дал?» — спрашивает ее волк. «*Серёдышек*».

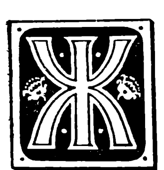
В третий раз опять так же обманула лисица волка и долизала уж весь медок. «Что бог дал?» — спрашивает ее волк. «*Поскрёбышек*».

Долго ли, коротко ли — прикинулась лисица хворою, просит кума медку принести. Пошел кум, а меду ни крошки. «Кума, кума,— кричит волк,— ведь мед съеден».— «Как съеден? Кто же съел? Кому окроме тебя!» — погоняет лисица. Волк и кстится и божится. «Ну, хорошо! — говорит лисица.— Давай ляжем на солнышке, у кого вытопится мед, тот и виноват».

Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка. «Кум, кум,— толкает волка,— это что? Вот кто съел!» И волк, нечего делать, повинился.

Вот вам сказка, а мне кринка масла.

10



или-были волк да лисичка. У лисички-то изба была ледяная, а у волка-то лубяная. Лето стало, у лисички избушка и растаяла. Пошла она к волку на фатеру[1] проситься: «Пусти-ка, кум, меня на лесенку».— «Нет, кума, не пущу».— «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!»[2] Взошла кума на лестницу; как бы добраться до печки? 2b

Начала она умолять кума не вдруг, а потихоньку, помаленьку: «Пусти-ка, кум, меня на крылечко-то». — «Нет, кума, не пущу». — «Пусти,

[1] Прием новорожденного; повивать, повивальная бабка.

[1] Квартиру.

[2] *Лизь* — входи; *инно* — союз, употр. в случае недоумения.

кум!» — «Ну, лезь инно!» Взошла на крыльцо: «Пусти-ка, кум, меня в сенцы-те». — «Нет, кума, не пущу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!» Взошла в сени: «Пусти-ка, кум, меня в избу-то».— «Нет, кума, не пущу».— «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!»

Пришла в избу: «Пусти-ка, кум, меня на го́лбчик[3]-от».— «Нет, кума, не пущу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!» Влезла на го́лбчик: «Пусти-ка, кум, меня на полатцы-то».— «Нет, кума, не пущу».— «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!» А с полатей просится: «Пусти-ка, кум, меня на печку-то».— «Нет, кума, не пущу».— «Пусти, кум!» — «Да уж лизь ты!» — с досадою сказал волк...

Легла кума на печку, да и постукивает хвостиком: «Чу, кум, меня зовут бабиться»[4].— «Поди»,— отвечает кум. Пошла кума на вышку[5], нашла кринку масла, да и почала ее; пришла назад в избу. Волк спрашивает: «Кого бог дал, кума?» — «Початышка». Легла опять да постукивает, и говорит: «Чу, кум, меня бабиться зовут».— «Поди, кума!» Сходила на вышку и пришла назад. Волк спрашивает: «Кого бог дал, кума?» — «Серёдышка». Легла опять на печку да постукивает, и говорит: «Чу, кум, меня бабиться зовут».— «Поди, кума!» Воротилась кума, а волчок-от спрашивает: «Кого бог дал, кума?»— «Заскрёбышка».

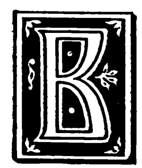
Волк хотел оладьи печи, пошел на вышку, а масла-то нету. Спрашивает он куму: «Ты, кума, съела масло?»— «Нет — ты, кум! Ляжем-ка на шесток-от: у кого масло выпрежится[6]?» Волк уснул, а у лисички выпреглось масло; она им и вымазала кума. Пробудился волк; лисичка ему и говорит: «Ведь ты, кум, съел!» Он говорит: «Нет — ты, кума!» Спорили да спорили и не могли переспорить один другого...

Кума рассердилась, пошла куды-то и легла на дорогу, а мужик с рыбой ехал, да и думает, что лисичка пропала[7], взял ее и бросил на сани. Она проела у него бочку с рыбой и рыбу рассыпала. Приехал мужик домой и посылает жену: «Поди-ка, жена, я лисицу привез». Пошла жена: ни рыбы, ни лисицы нет.

Лиса собрала рыбу и идет к куму волку: «Ли-ка[8], кум, сколько я наудила!» — «Поведи-ка меня, кума, научи».— «Вот как удь: хвост-то умочи в воду-то». Пошел кум, умочил хвост, да и приморозил. Лисичка стала смеяться над кумом: «Ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни у волка хвост!». Он не учул[9], да и спрашивает: «Чего ты, кума, говорила?» — «Чтоб бог дал тебе боле рыбы-то». Бабы пришли, да и убили волка, а лисичка убежала.

[3] *Го́лбец* — деревянная приделка к печи.
[4] Быть повивальною бабкою.
[5] Чердак.
[6] Вытопится.
[7] Издохла.
[8] Гляди-ка.
[9] Не расслыхал.

11



Волк и лиса жили в одном месте. У волка был дом коряной, а у лисы ледяной. Вот пришла весна красная, у лисы дом растаял, как не бывал. Что делать ей? Но лиса хитра, пришла она к волку под окошечко, да и говорит: «Волченёк-голубок! Пусти меня, горемычную, хоть во двор». А тот так толсто [1]: «Поди, лиса!»—«Волченёк-голубок! Пусти хоть на крылечко».— «Поди, лиса!» — «Волченёк-голубок! Пусти хоть в избу» .— «Поди, лиса!» — «Волченёк-голубок! Пусти хоть на приступочек».— «Поди, лиса!» — «Волченёк-голубок! Пусти на печку».— «Поди, лиса!» *2с*

Вот лиса на печке лежит да хвостом вертит; совсем бы она, да вишь трои сутки не едала: как узнать, где у волка хлеб? И ну искать; искала-искала, да и нашла на избице у волка лукошко толокна да кринку масла, а сама опять на печку. Стук, стук, стук! А волк: «Лиса, кто-то стукается?» Лиса в ответ: «Волченёк-голубок! Тебя в ку́мы зовут, а меня в кумушки».— «Поди, лиса, а мне лихо [2]». А лиса тому и рада: с печки скок да на избицу скок, а там масла лизнет, толоконца лизнет, лизала-лизала, да все и сзобала [3]; с избицы скок да на печку скок, и лежит, как ни в чем не бывала.

Волк спал-спал, да есть захотел и на избицу побрел. «Ахти беда!— волк завопил.— Ахти беда! Кто масло съел, толокно сзобал?» А лиса: «Волченёк-голубок! На меня не подумай».— «Полно ты, кума! Кто подумает на тебя!» И тем дело решили, а голода не заморили.

«Поди, кума, на Русь,— говорит волк лисе,— что найдешь, то и тащи, а не то с голоду умрем». А лиса ни слова в ответ и шмыг на Русь. Выбежала на дорогу, видит — едет с сельдями мужик, прикинулась и легла поперек дороги, как умерла. Наехал мужик на лису. «Ай,— говорит,— лисица! Что за шерсть, что за хвост!» А сам лису в воз. Лиса тому и рада: и ну рыть сельди, дорылась до дна и ну грызть рогозу, перегрызла рогозу и ну грызть дно у саней, перегрызла и дно; сельди все в дыру пропустила и сама ускочила.

Мужик уже спал и ничего не знал; а лиса сельди собрала и к волку в избу принесла. «На,— говорит,— волченёк-голубок! Ешь, веселись, ни об чем не тужи!» Волк не может и надивоваться ухватке своей кумы: «Да как ты, кума, сельди-то имала?» — «Ой ты, куманек-голубок! Я хвост-то как в прорубь упущу, сельдь да две, сельдь да две!» Волка так и забирает попробовать это дело неслыханное.

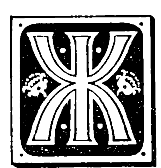
Вот он хлеба каталажку [4] наклал и отправился ловить сельдей, как кума его учила. Пришел он к реке, упустил в воду хвост, да и держит,

[1] Говорит
[2] Не хочется, лень.
[3] *Зобать* — есть, кушать.
[4] *Каталажка* — дорожная сумка, носимая за плечами.

а лиса в то ж время молит: «На небе ясни, ясни! У волка хвост мерзни, мерзни!» И вот треснул мороз, что у волка хвост замерз.

Пришли поповы дочки и волка кичигой[5] зашибли, да из шкуры себе шубу сшили! А лиса осталась одна жить, и теперя живет, и нас переживет.

12



или-были куманек да кумушка, волк да лисица. Вздумали 2а
они построить себе из снегу избушку и жить добром. Вздумано, взгадано и сделано. Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот они и построили избушку возле деревушки. Куманек кормил свою кумушку телятиною да бараниною, а кума его курочками да цыплятами.

Однажды кумушка говорит своему куманьку: «Куманек, пойдем вместе в деревню и полакомимся. Я буду сторожить, а ты будешь носить». Вот отправились на охоту, пришли в деревню; а в деревне все мужики и бабы на сенокосе, а малы ребятишки в горохе. «Ну, кум, теперь нам раздолье; хоть всю деревню шаром покати! Теперь своя воля и наша доля». И лиса улизнула в стайку[1] и двух кур удушила; пришла и добычу принесла и куму говорит: «Теперь, куманек, ты ступай, твоя череда! Я стану сторожить и на все стороны глядить».

Волк пробежал половину деревни, и послышался ему лай собаки, запертой в избе; он проскакал деревню и остановился за погребом. Видит, что нет за ним никакой погони, что в деревне нет ни шуму, ни гаму, и лиса-кумушка никакой вести ему не дает, волк тихохонько отворил погреб, схватил кринку масла и был таков. Пришли домой, зажарили добычу, съели и легли отдыхать.

Лисе показалось масло вкусно, захотелось еще полизать и отведать маслица голичком[2]. Вот она тихонько встала и к кринке подошла; на ту пору волк пробудился и с боку на бок перевалился. Лиса брызгнула[3] от кринки и снова улеглась. Волк догадался, что кумушка-лиса хочет маслицем поживиться, встал и вынес кринку в сени и поставил на высокую пóлицу, чтоб кумушке не достать. Как ухитрить — кýма обмануть и маслица отведать?

Вот волк ушел в лес за дровами, чтобы печку затопить; в ту пору Лиса Патрúкиевна приставила лесенку на потолок, вскочила по ней и с потолка на пóлицу, обнюхала масло, хотела полизать, да побоялась, чтоб кум не застал. Скорехонько воротилась, села к печке и ждала кýма; а кум что-то долго запоздал, бегал от собак, поздно пришел, жаловался, что очнно устал, и лег спать не евши.

Ночью лиса, лежа под окном, стук в стену хвостом и чужим голосом говорит: «Матушка-кормилица! Помоги, пособи горю, не дай умереть!» —

[5] *Кичига* — цеп молотильный; валек.
[1] Хлев для скотины.
[2] *Голичком* — чистого масла, одного масла (*Ред.*).
[3] Стремительно, поспешно убежала.

«Кто там,— говорит волк,— что такое?» — «Ах, куманек, кролик зовет меня в повивушки».— «Беги да к свету вернись!» — «Коли бог даст счастливо, я тотчас прибегу». Хлопнула дверьми, стукнула запором, а сама ни вон из сеней. Коль скоро все приумолкло и волк захрапел, лиса шмыг на потолок, а с потолка на пóлицу и к маслу. Зоря на дворе, и наша лиса перед волком в избе. «Что, кумушка, кого бог дал?» — «Початышек, куманек. Початышек!»

На другую ночь лиса ту же хитрость повторила и, стукнув запором, перед волком явилась. «Что, кумушка, кого бог дал? — «Серёдышек, куманек. Серёдышек!» В третью ночь кума то же сотворила и волку объявила: «Последышек, куманек. Последышек!».

Однажды волк лисе говорит: «Кумушка, мы теперь масло-то к празднику побережем, а о празднике сотворим пир на весь мир и на славу добрым людям».— «Как же, куманек, сохраним, сохраним! Ведь ты его сам упрятал, и некому взять». Перед праздником оба отправились на охоту. Волк притащил за уши свинью да ягненка, а лиса курицу да цыплéнка, и пошли наши стряпать.

Все приготовлено, только маслицем сподобить да гостям подать; ведь для праздника надобно же и снадобье [4]! «Куманек,— говорит лиса,— сходи-ка да принеси маслица-то».— «Сейчас, сейчас, кумушка!» — и вышел. Взял волк с пóлицы кринку, но кринка пуста, и масла нет. Волк изумился и кричит: «Кума! Где масло? Кто съел его? Кума, ты съела!» — «Что ты, куманек! Я масла и в глаза не видала и близко не бывала. Ты поставил масло высоко и знаешь, что мне не достать. Не сам ли ты съел, а на меня сваливаешь?» — «Так кто же его съел?» — «Верно, ты сам, кум, и хочешь меня провести; полно шутить, меня не обманешь».

Волк начал сердиться и ротиться [5], что он масла не едал и что лиса его съела. «Полно, куманек, полно шутить. Вот спознаем: кто масло съел? Кто съел, у того оно вытопится; надо лечь брюхом к огоньку, испробуем-ка? Подай-ка кринку-то, я хоть пустую посуду уберу». Волк отдал кринку, а лиса в кринку лапу и обшарила [6] всю. Вот легли наши против печи к огоньку. Волка пригрело, и он захрапел. Лиса вымарала лапой пол перед волком и лапой же провела по волчью брюху. Волк спросил: «Что ты, кума, делаешь?» — «А вот смотрю, как у тебя масло вытапливается; смотри-ка, ты и пол-от замаслил. Вишь, я правду сказала, что кто масло съел, у того и вытопится». Волк провел по брюху лапою и нашел, что оно в масле. «Что, куманек, не стыдно ли свой грех на чужих сваливать? Отпирайся теперь, вор, а укоры-то верные».

Волк осердился, с досады и горя пустился бежать и домой не воротился. Пришло лето, изба растаяла. Волк эту быль мне сам рассказывал и заверял, что вперед никогда не станет жить вместе с лисою.

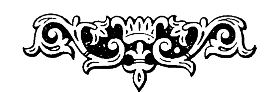
[4] Приправа к кушанью.
[5] Клясться.
[6] Вытерла.

13

У волка была изба деревянная, а у лисы ледяная. Пришло лето, 2е растаяла у лисы изба. Она пришла к волку и говорит: «Кум, ты не знаешь моего горечка!» — «Что, кума, у тебя за горечко?» — «Изба-то растаяла, пусти к себе пожить».— «Изволь, поди, кума, поживи». Лиса говорит: «Ныне, кум, разбуди меня пораньше, меня придут звать на повой». Настала ночь, к дверям пришла другая лиса и стучится. Волк услыхал и начал будить свою куму: «Кума! Вставай, пришли за тобой».— «Спасибо тебе, куманек, что разбудил; я бы проспала».

Вышла и пустила тихонько в сени свою подругу. Залезли они на полдовку[1], где у волка было много меду, и съели половину кадушки. Проводила кумушка подругу и взошла в избу. «Как, кума, младенца зовут?»— спросил волк. «Починочком». На другую ночь то же. Кумушки весь медок съели. Волк опять спрашивает: «Что, кума, как зовут?»— «Поскрёбышком». День пришел, и лиса захворала: «Ох, ох!..» — «Что, кума, или захворала?» — «Захворала, кум, что-то головушка заболела». — «Постой-ка, кума, я тебя вылечу; у меня есть запасец».

Полез на полдовку, хвать — нету меду в кадушке. Рассердился волк, вбежал в избу и спросил: «Ты, лиса, съела у меня мед?» — «Нет, кум, что ты, господь с тобой! Ты знаешь, что в день-то мы с тобой вместе ходим, а ночью я на повое бываю; когда мне твой мед есть?» — «Нет, лебедушка, пошла вон из моей избы, чтоб я тебя не видал!» Лиса ушла, а волк стал по-прежнему поживать да медок запасать.



14. ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ

Жили-были лиса да заяц. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна — у лисицы растаяла, а у зайчика стоит по-старому. Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала. Идет дорóгой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки: «Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстаньте, собаки! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная, попросилась она ко мне, да меня и выгнала».— «Не плачь, зайчик!— говорят собаки.— Мы ее выгоним».— «Нет, не выгоните!» — «Нет, выгоним!» Подошли к избенке: «Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!» А она им с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Собаки испугались и ушли.

[1] *Пóлдовка* — чердак.

Зайчик опять идет да плачет. Ему навстречу медведь: «О чем, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстань, медведь! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала».— «Не плачь, зайчик! — говорит медведь.— Я выгоню ее». — «Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь».— «Нет, выгоню!» Пошли гнать: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдуг клочки по заулочкам!» Медведь испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу бык: «Про что, зайчик, плачешь?» — «Отстань, бык! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала».— «Пойдем, я ее выгоню».— «Нет, бык, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, и ты не выгонишь».— «Нет, выгоню». Подошли к избенке: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Бык испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу петух с косой: «Кукуреку! О чем, зайчик, плачешь?» — «Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала».— «Пойдем, я выгоню».— «Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и ты не выгонишь».— «Нет, выгоню!» Подошли к избенке. «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она услыхала, испугалась, говорит: «Одеваюсь...» Петух опять: «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она говорит: «Шубу надеваю». Петух в третий раз: «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» Лисица выбежала; он ее зарубил косой-то и стал с зайчиком жить да поживать да добра наживать.

Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

15—17. ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА

15

днаждьı лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по 4а
лесу не евши. На зоре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насесть к курам. Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насести-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес — разгуляться, а лисица уж давно его стережет; спряталась за куст и под-

жидает, скоро ли петух подойдет. А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе. В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала, думала, да и придумала: дай прельщу его. Подходит к дереву и стала здоровкаться: «Здравствуй. Петенька[1]!» — «Зачем ее лукавый занес?» — думает петух. А лиса приступает с своими хитростями: «Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму».

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит: «Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за все ответишь; попомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..» — «Ах, лиса! — говорит петух.— Ласковые твои словеса, премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвирнею, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны[2] сладкие, и пойдет про нас слава добрая». Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.

16

ело удивительно: шла лисица из дальних пустынь. Завидевши петуха на высоцем древе, говорит ему ласковые словеса: «О милое мое чадо, петел! Сидишь ты на высоцем древе да мыслишь ты мысли недобрые, проклятые: вы дéржите жен помногу: кто держит десять, кто — двадцать, ѝнный — тридцать, прибывает со временем до сорока! Где сойдетесь, тут и деретесь о своих женах, как о наложницах. Сниди, милое мое чадо, на землю да покайся! Я шла из дальних пустынь, не пила, не ела, много нужды претерпела; все тебя, мое милое чадо, исповедать хотела».— «О мати моя, лисица! Я не постился и не молился; приди в ѝнное время».— «О милое мое чадо, петел! Не постился и не молился, но сниди на землю, покайся, да не во грехах умреши».— «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Не осуждайте друг друга, и сами не осуждены будете; кто что посеял, тот и пожнет. Хочешь ты меня силой к покаянию привести и не спасти, а тело мое пожрать».— «О милое мое чадо, петел! Почто ты такую речь говоришь? Почто я учиню так? Читывал ли ты притчу про мытаря и фарисея, как мытарь спасся. а фарисей погиб за гордость? Ты, мое милое чадо, без покаяния на высоцем древе погибнешь. Сниди на землю пониже, будешь к покаянию поближе; прощен и разрешен и до царствия небесного допущен».

[1] Игра слов: *петенька* — уменьшительная форма от слова «петух» (петел) и от имени Петр.

[2] *Канун* — мед, пиво, брага, сваренные к празднику или в память усопшего (*Ред.*).

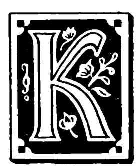
Узнал петух на своей душе тяжкий грех, умилился и прослезился и стал спускаться с ветки на ветку, с прутка на пруток, с сучка на сучок, с пенька на пенек; спустился петел на землю и сел перед лисицу. Скочила лисица, яко лукавая птица, схватила петуха в свои острые когти, зрит на него свирепыми глазами, скрежещет острыми зубами; хочет, как некоего беззаконника, жива пожрать.

И рече петел лисице: «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Ты ли меня спасешь, как тело мое пожрешь?» — «Не дорого твое тело и цветное платье, да дорого отплатить некую дружбу. Помнишь ли ты? Я шла ко крестьянину, хотела малого куренка съесть; а ты, дурак, бездельник, сидишь на высоких седалах, закричал-завопил велиим гласом, ногами затопал, крыльями замахал; тогда курицы заговорили, гуси загоготали, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали. Услыхали все мужики и бабы: бабы прибежали с помелами, а мужики с топорами и хотели мне за куренка смерть учинить; а сова у них из рода в род пребывает и всегда курят поедает. А тебе, дурак, бездельник, не быть теперь живому!».

Рече петух лисице: «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Вчерашнего числа звали меня ко Трунчинскому митрополиту во дьяки, выхваляли всем крылосом и собором: хорош молодец, изряден, горазд книги читать, и голос хорош. Не могу ли тебя, мати моя лисица, упросить своим прошеньем хоть в просвирни? Тут нам будет велик доход: станут нам давать сладкие просвиры, большие перепечи [1], и масличко, и яички, и сырчики». Узнала лисица петушиный признак (sic), отпустила петуха из своих когтей послабже. Вырвался петух, взлетел на высокое древо, закричал-завопил велиим гласо́м: «Дорогая боярыня просвирня, здравствуй! Велик ли доход, сладки ли просвиры? Не стерла ли горб, нося перепечи? Не охоча ли, ворогуша [2], до орехов? Да есть ли у тебя зубы?»

Пошла лисица в лес, яко долгий бес, и возрыда горько: «Сколько-де я по земле не бывала, а такой срамоты отроду не видала. Когда бывают петухи в дьяконах, лисицы в просвирнях!» Ему же слава и держава отныне и до веку, и сказке конец.

17



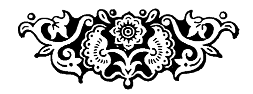
Как волки озорничали, 4c
Себя величали,—
Сходила свинья со двора.
Сводила за собой махоньких и беленьких [1].
Она думала — по́ лесу-ле́су,
Ан у [2] колос, у овес.
У ней были зубки ловки,
Усё схватывала головки,
Подходила к волку близко,

[1] Сладкое сдобное печенье из белой муки.
[2] Бранное слово, то же что — враг, ворог.

[1] Т. е. поросят.
[2] Вместо «в».

Поклонилась ему низко:
«Здравствуй, волк-волчок!
Не будет ли с тебя
Махоньких и беленьких?»—
«Эх ты, свинушка!
Я глазами окину —
И тебя не покину».
Взял за щетину
И повалил на спину.
И стал косточки объедать,
А мякушко в кучку сбирать.
Бежала непорочная лисица:
«Ох ты, кум-куманек!
Некупленное у тебя, дешевое;
Не поделишь ли мясца?» —
«Эх ты, кумушка!
Ведаешь, Ермак
Зап... натощак?
И тебе того не миновать».
Лисица слышит нерадостны речи,
Назад, назад, да и бежать!
Прибежала в город Козельск;
В городе во Козельске
Сидит красное чадо —
Петух на дубу.
«Ох ты, петух-петушок!
Спущайся ты на низящее,
С низящего на землящее;
Я твою душу
На небеса взнесу».
Петух сдуру лисицу послухал,
Слезал на низящее,
С низящего на землящее.
Лисица стала петушка вертеть,
Петушку невмочь стало терпеть,
. . . .
Ох ты, лисица, желтая княгиня!
Как у нашего у батюшки
Маслицем (блинки) поливают,
Тебя в гости поджидают;
Там-то не по-нашему,
Пироги с кашею.
Помяни, господи,
Сидора да Макара,
Третьего Захара,
Трех Матрен
Да Луку с Петром,

Деда-мироеда,
Бабку-бельматку (?).
Тюшу да Катюшу,
Бабушку Матрюшу!



18. ЛИСА-ЛЕКАРКА

Бывал-живал старик со старухой. Старик посадил кочешок [1] в подпольецо, а старуха в попелушку [2]. У старухи в попелушке совсем завял кочешок, а у старика рос, рос, до полу дорос. Старик взял топор и вырубил на полу прямо [3] кочешка дыру.

Кочешок опять рос, рос, до потолку дорос; старик опять взял топор и вырубил на потолку прямо кочешка дыру. Кочешок рос, рос до неба дорос.

Как старику поглядеть на верхушку кочешка? Полез по корешку, лез-лез, лез-лез, долез до неба, просек на́ небе дыру и влез туда. Смотрит: стоят жерновцы [4]; жерновцы повернутся — пирог да шаньга [5], наверх каши горшок. Старик наелся, напился и спать повалился.

Выспался, слез на землю и говорит: «Старуха, а старуха! Какое житье-то на небе! Там есть жерновцы, как повернутся — пирог да шаньга, наверх каши горшок!» — «Как бы мне, старичок, там побывать?» — «Садись, старуха, в мешок; я тебя унесу». Старуха подумала и села в мешок.

Старик взял мешок в зубы и полез на́ небо; лез-лез, долго лез; старухе стало скучно, она и спрашивает: «Далеко ли, старичок?» — «Далече, старуха!» Опять лез-лез, лез-лез. «Далеко ли, старичок?» — «Еще половина!» Опять лез-лез, лез-лез. Старуха снова спрашивает: «Далеко ли, старичок?» Только старик хотел сказать: «Недалече!» — мешок у него из зубов вырвался, старуха на землю свалилась и вся расшиблась. Старик спустился вниз по кочешку, поднял мешок, а в мешке одно костье, и то примельчалось.

Пошел старик из дому и горько плачет. Навстречу ему лиска: «О чем, старичок, плачешь?» — «Как не плакать! Старуха расшиблась».— «Молчи, я вылечу». Старик пал лисице в ноги: «Вылечи, что угодно заплачу!» — «Ну, вытопи баньку, снеси туда толоконца мешочек, маслица горшочек, да старуху, а сам стань за двери и не смотри в баньку».

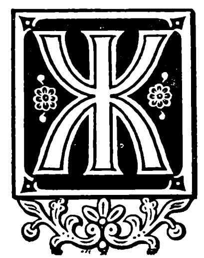
Старик вытопил баню, принес что надо и стал за двери; а лиса зашла в баню, двери на крюк, стала мыть старухины кости, моет — не моет, а все огладывает. Старик спрашивает: «Каково, старушка?» — «По-

[1] Ко́чень (кочан).
[2] Куда собирается зола, пепел.
[3] Против.
[4] Жернова, или ручная мельница.
[5] Ватрушка, или хлеб из пшеничной муки, обмазанный сметаною и маслом.

шевеливается!» — говорит лиска, а сама доела старуху, собрала костье и сложила в уголок и принялась месить саламату[6].

Старик постоял-постоял и спрашивает: «Каково, старушка?» — «Посиживает!» — говорит лиска, а сама саламату дохлебывает. Съела и говорит: «Старичок, отворь двери шире». Он отворил, а лиса прыг из баньки и убежала домой. Старик вошел в баню, поглядел: только старухины кости под лавкой, и те оглоданы, толоконце и маслице съедено. Остался старик один в бедности.

19. СТАРИК ЛЕЗЕТ НА НЕБО



ил старик и старуха. Старик катал, катал одну горошину. *5, вар. 1*
Она и упала наземь; искали, искали, не могли найти с неделю. Минула неделя, и увидели старик да старуха, что горошина дала росток; стали ее поливать, горошина взяла расти выше избы.

Горох поспел, и полез старик по горох, нащипал большой узел и стал слезать по ки́тине[1]. У старика узел упал и старуху убил; тем и кончилось.

20. СТАРИК НА НЕБЕ

ил дед да баба, и была у них хата. Посадил дед бобинку, *5, вар. 2*
а баба горошинку под стол. Горошинку поклевала курица, а бобинка выросла под самый стол; приняли стол, она еще выше выросла, сняли накат, крышу — все растет, и выросла под самое небо. Дед полез на небо; лез, лез — стоит хатка, стены из блинов, лавки из калачей, печка из творогу, вымазана маслом. Он принялся есть, наелся и лег на печку отдыхать.

Приходят двенадцать сестер-коз; у одной один глаз, у другой два, у третьей три, и так дальше; у последней двенадцать. Увидали, что кто-то попробовал их хатку, выправили ее и, уходя, оставили стеречь одноглазую. На другой день дед опять полез туда же, уви-

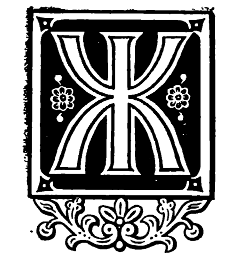
[6] Жидкая кашица (*Ред.*).

[1] *Ки́тина* — ствол травы, на которой растут стручки.

дел одноглазую и стал приговаривать: «Спи, очко, спи!» Коза заснула, он наелся и ушел. На следующий день сторожила двуглазая, потом трехглазая, и так дальше. Дед приговаривал: «Спи, очко, спи, другое, спи, третье! и проч.» Но на двенадцатой козе сбился, заговорил только одиннадцать глаз; коза увидала его двенадцатым и поймала.

21—22. ЛИСА-ПЛАЧЕЯ[1]

21



ил-был старик со старухою, была у них дочка. Раз ела она бобы и уронила один наземь. Боб рос, рос и вырос до неба. Старик полез на небо; взлез туда, ходил-ходил, любовался-любовался и говорит себе: «Дай принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!» Слез наземь — посадил старуху в мешок, взял мешок в зубы и полез опять наверх; лез, лез, устал, да и выронил мешок. Спустился поскорее, открыл мешок, смотрит — лежит старуха, зубы ощерила, глаза вытаращила. Он и говорит: «Что ты, старуха, смеешься? Что зубы-то оскалила?» — да как увидел, что она мертвая, так и залился слезами.

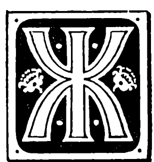
Жили они одни-одинехоньки, среди пустыря; некому и поплакать-то по старухе. Вот старик взял мешок с тремя парами беленьких курочек и пошел искать плачеи. Видит — идет медведь, он и говорит: «Поплачь-ка, медведь, по моей старухе! Я дам тебе две беленьких курочки». Медведь заревел: «Ах ты, моя родимая бабушка! Как тебя жалко».— «Нет,— говорит старик,— ты не умеешь плакать». И пошел дальше. Шел-шел и повстречал волка; заставил его причитать,— и волк не умеет.

Пошел еще и повстречал лису, заставил ее причитать за пару беленьких курочек. Она и запела: «Туру-туру, бабушка! Убил тебя дедушка». Мужику понравилась песня, он заставил лису петь в другой, третий и четвертый раз; хвать, а четвертой пары курочек и недостает. Старик говорит: «Лиса, лиса! Я четвертую пару дома забыл; пойдем ко мне». Лиса пошла за ним следом. Вот пришли домой; старик взял мешок, положил туда пару собак, а сверху заложил лисонькиными шестью курочками и отдал ей. Лиса взяла и побежала; немного погодя остановилась около пня и говорит: «Сяду на пенек, съем белую курочку». Съела и побежала вперед; потом еще на пенек села и другую курочку съела, затем третью, четвертую, пятую и шестую. А в седьмой раз открыла мешок, собаки на нее и выскочили.

[1] *Плачея* — женщина, оплакивающая по обычаю покойника с разными причитаниями.

Лиса ну бежать, бежала-бежала и спряталась под колоду, спряталась и начала спрашивать: «Ушки, ушки! Что вы делали?» — «Мы слушали да слушали, чтобы собаки лисоньку не скушали».— «Глазки, глазки! Что вы делали?» — «Мы смотрели да смотрели, чтоб собаки лисоньку не съели».— «Ножки, ножки! Что вы делали?» — «Мы бежали да бежали, чтоб собаки лисоньку не поймали».— «А ты, хвостище, что делал?» — «Я по пням, по кустам, по колодам зацеплял, чтоб собаки лисоньку поймали да разорвали».— «А, ты какой! Так вот же, нате, собаки, ешьте, мой хвост!» — и высунула хвост, а собаки схватили за хвост и самоё лисицу вытащили и разорвали.

22



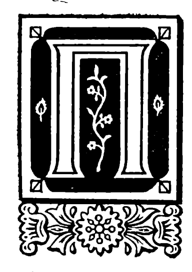
ивал-бывал старик да старушка. Старушка померла. Старику 6b
стало очень жалко, пошел он искать плачеи. Идет, а навстречу ему медведь: «Куда, старик, пошел?» — «Плачеи искать, старуха померла».— «Возьми меня в плачеи». Старик спрашивает: «Умеешь ли плакать?» Он заплакал: «м-е!» Старик говорит: «Не умеешь, не надобно, голос нехорош!»

Пошел вперед; лисица бежит: «Куда, старик, пошел?» — спрашивает его. «Плачеи искать, старуха померла».— «Возьми-ка меня».— «Умеешь ли плакать? Поплачь-ка». Она заплакала: «У — кресть-я-ни-на — бы-ла — ста-руш-ка — по-утру — ра-но — вста-ва-ла — боль-ше — простня [1] — пряла — щи — ка-шу — ва-ри-ла — ста-ри-ка — кор-ми-ла».

Старик сказал лисичке: «Ступай, ты мастерица плакать!» — и привел ее домой, старухе в ноги посадил — та стала плакать,— а сам пошел гроб строить. Пока старик ходил да воротился, а в избе нет ни старухи, ни лисички: все лисичка съела и сама ушла. Поплакал-поплакал старик и стал жить один.

23—26. МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА

23



ахал мужик ниву, пришел к нему медведь и говорит ему: 7a
«Мужик, я тебя сломаю!» — «Нет, не замай (не трогай); я вот сею репу, себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки». «Быть так,— сказал медведь,— а коли обманешь — так в лес по дрова ко мне хоть не езди!» Сказал и ушел в дуброву. Пришло время: мужик репу копает, а медведь из дубровы вылезает. «Ну, мужик, давай делить!» — «Ладно, медведюшка! Давай я привезу тебе вершки»,— и отвез ему воз ботвы.

[1] *Прóстень* — количество льна, выпрядаемое на одно веретено.

Медведь остался доволен честным разделом. Вот мужик наклал свою репу на воз и повез в город продавать, а навстречу ему медведь: «Мужик, куда ты едешь?» — «А вот, медведюшка, еду в город корешки продавать».— «Дай-ка попробовать, каков корешок!» Мужик дал ему репу. Медведь как съел — «а-а,— заревел,— ты меня обманул, мужик! Корешки твои сладеньки. Теперь не езжай ко мне по дрова, а то задеру!» Мужик воротился из города и боится ехать в лес; пожег и полочки, и лавочки, и кадочки, наконец делать нечего — надо в лес ехать.

Въезжает потихонечку; откуда ни возьмись бежит лисица. «Что ты, мужичок,— спрашивает она,— так тихо бредешь?» — «Боюсь медведя́, сердит на меня, обещал задрать».— «Небось медведя́, руби дрова, а я стану порска́ть [1]; коли спросит медведь: что такое? скажи: ловят волков и медведей». Мужик принялся рубить; глядь — ан медведь бежит и мужику кричит: «Эй, старик! Что это за крик?» Мужик говорит: «Волков ловят да медведей».— «Ох, мужичок, положи меня в сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумают, что колода лежит». Мужик положил его в сани, увязал веревкою и давай обухом гвоздить его в голову, пока медведь совсем окочурился [2].

Прибежала лиса и говорит: «Где медведь?» — «А вот, околел!» — «Ну что ж, мужичок, теперь нужно меня угостить».— «Изволь, лисонька! Поедем ко мне, я тебя угощу». Мужик едет, а лиса вперед бежит; стал мужик подъезжать к дому, свистнул своим собакам и притравил лисицу. Лиса пустилась к лесу и юрк в нору; спряталась в норе и спрашивает: «Ох вы, мои глазоньки, что вы смотрели, когда я бежала?» — «Ох, лисонька, мы смотрели, чтоб ты не спотыкнулась».— «А вы, ушки, что делали?» — «А мы всё слушали, далеко ли псы гонят».— «А ты, хвост, что делал?» — «Я-то,— сказал хвост,— все мотался под ногами, чтоб ты запуталась, да упала, да к собакам в зубы попала».—«А-а, каналья! Так пусть же тебя собаки едят». И, высунув из норы свой хвост, лиса закричала: «Ешьте, собаки, лисий хвост!» Собаки за хвост потащили и лисицу закамшили [3]. Так часто бывает: от хвоста и голова пропадает.

24

мужика с медведем была большая дружба. Вот и вздумали они 76
репу сеять; посеяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужик сказал: «Мне корешок, тебе, Миша, вершок». Выросла у них репа; мужик взял себе корешки, а Миша вершки. Видит Миша, что ошибся, и говорит мужику: «Ты, брат, меня надул! Когда будем еще что-нибудь сеять, уж меня так не проведешь».

Прошел год. Мужик и говорит медведю: «Давай, Миша, сеять пшеницу». — «Давай», — говорит Миша. Вот и посеяли они пшеницу. Созрела пшеница; мужик и говорит: «Теперь ты что возьмешь, Миша? Корешок

[1] Охотничий термин.
[2] Издох.
[3] Задавили.

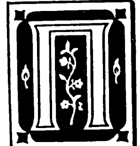
али вершок?» — «Нет, брат, теперь меня не надуешь! Подавай мне корешок, а себе бери вершок». Вот собрали они пшеницу и разделили. Мужик намолотил пшеницы, напек себе ситников [1], пришел к Мише и говорит ему: «Вот, Миша, какая верхушка-то».— «Ну, мужик,— говорит медведь,— я теперь на тебя сердит, съем тебя!» Мужик отошел и заплакал.

Вот идет лиса и говорит мужику: «Что ты плачешь?» — «Как мне не плакать, как не тужить? Меня медведь хочет съесть».— «Не бойся, дядя, не съест!» — и пошла сама в кустья, а мужику велела стоять на том же месте; вышла оттуда и спрашивает: «Мужик, нет ли здесь волков-бирюков, медведёв?» А медведь подошел к мужику и говорит: «Ой, мужик, не сказывай, не буду тебя есть». Мужик говорит лисе: «Нету!» Лиса засмеялась и сказала: «А у телеги-то что лежит?» Медведь потихоньку говорит мужику: «Скажи, что колода».— «Кабы была колода,— отвечает лиса,— она бы на телеге была увязана!» — а сама убежала опять в кустья. Медведь сказал мужику: «Свяжи меня и положи в телегу». Мужик так и сделал.

Вот лиса опять воротилась и спрашивает мужика: «Мужик, нет ли у тебя тут волков-бирюков, медведёв?» — «Нету!» — сказал мужик. «А на телеге-то что лежит?» — «Колода».— «Кабы была колода, в нее бы топор был воткнут!» Медведь и говорит мужику потихоньку: «Воткни в меня топор». Мужик воткнул ему топор в спину, и медведь издох. Вот лиса и говорит мужику: «Что теперь, мужик, ты мне за работу дашь?» — «Дам тебе пару белых кур, а ты неси — не гляди».

Она взяла у мужика мешок и пошла; несла-несла и думает: «Дай погляжу!» Глянула, а там две белые собаки. Собаки как выскочут из мешка-то да за нею. Лиса от них бегла, бегла, да под пенек в нору и ушла и, сидя там, говорит с собою: «Что вы, ушки, делали?» — «Мы всё слушали».— «А вы, ножки, что делали?» — «Мы всё бежали».— «А вы, глазки?» — «Мы всё глядели».— «А ты, хвост?» — «Я все мешал тебе бежать».— «А, ты все мешал! Постой же, я тебе дам!» — и высунула хвост собакам. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

25

осеял мужик с медведем вместе репу, и родилась репа добрая. 7c
Медведь мужику сказал: «Твои коренья, а мои верхушки». Мужик всю зиму ел, а медведь с голоду помирал. На другой год медведь сказал мужику: «Давай сеять пшеницу». Пшеница родилась добрая. «Теперь ты бери верхушки,— сказал медведь мужику,— а мои коренья». Мужик всю зиму ел, а медведь едва с голоду не помер. На третий год мужик один пашет. Медведь к нему пришел и гутарит ему: «Я тебя, мужик, съем, за то, что ты меня обманываешь». А мужик сказал ему: «Погоди, пашню допашу». Медведь и лег под мужичью телегу.

[1] *Ситник* — булка из пшеничной муки.

В ту пору бежит лиса к мужику и говорит: «Мужик, я тебя от смерти отведу; что ты мне за работу дашь?» Мужик сказал: «Кур мешок».— «Хорошо; я у тебя спрошу: что у тебя под телегою лежит?» А медведь мужику говорит: «Скажи, что колода». Лиса говорит: «Кабы была колода, она бы на телеге была увязана».

В ту пору лиса убежала прочь в кустьи, а после опять возвратилась и говорит мужику: «Что у тебя на телеге лежит?» Мужик сказал: «Колода». — «А кабы колода, в ней бы топор был воткнут». Медведь сказал мужику: «Воткни в меня топор». Мужик и воткнул топор медведю в спину, отчего медведь кончился [1]. Лиса говорит мужику: «Вывези же обещанный мешок кур».

На другой день выехал мужик на пашню и вывез мешок, а в нем две курицы и борзую собаку. Вдруг лиса прибегает и говорит мужику: «Что, привез кур?» — «Привез». — «Ну, ты же пущай по одной, а не всех вдруг». Мужик выпустил курицу и другую, потом собаку. Собака за лисой, лиса от собаки побежала в нору.

Собака стоит у норы, а лиса сама с собою говорит: «Ноги, что вы делали?» — «Мы бежали». — «А вы, глазки?» — «Мы глядели». — «А вы, уши?» — «Мы слушали». — «А ты, хвост?» — «Я, — говорит, — тебе под ноги мешался, чтоб ты упала». В ту пору лиса осердилась на хвост и высунула его из норы: «На, собака, ешь хвост!» Собака ухватила лису за хвост, вытащила ее и разорвала.

26

ыў сабе гаспадар [1] і пашоў гарацць [2]. Гаре ён дак гаре, аж прыходзіць воўк. «Чаго ты прышоў, воўче?» — кажа гаспадар. «Прышоў твае валы з'есці», — кажа воўк. «Мой ты до́бранькі, мой ты галубок, пачакай [3] хацця, паколь я дагару, а после сабе з'ясі». — «Добра» [4], — кажа воўк і пашоў пад воз і там лёг. Чалавек той гаре і плаче, аж прыходзіць ліска. «Чаго ты плачеш, чалавече?» — кажа яму ліска. «Я плачу таго, што прышоў да мяне воўк і хоче валы́ з'есці». — «Ну, калі дасі мне мех курей, то праганю воўка». — «Добра», — кажа гаспадар. Ліска пабегла на гару і крычыць: «Тру-ру-ру-ру! малады князь палюе [5]. Што у цябе, чалавече, пад возам ляжыць?» Чалавек адказвае: «Калода, пане, калода!» — «Каб калода была, то на возе ляжала бы». 7d

Воўк як пачуў, як зачне прасіць чалавека, каб узлажыў яго на воз. Чалавек узлажыў воўка на воз и зачаў гарацць. І зноў [6] тая ліска пабегла на другую гару і зноў крычыць: «Тру-ру-ру-ру! Малады князь палюе! Што у цябе, чалавече, на возе ляжыць?» — «Калода, пане!» — адказаў мужык. «Каб калода была, то увязана была бы». Воўк ізноў папрасіў ча-

[1] *Кончаться* — погибать, пропадать, умирать.

[1] Хозяин.

[2] Орать, пахать.

[3] Подожди.

[4] Хорошо.

[5] Охотится.

[6] Снова (*Ред.*).

лавека, каб увязаў; і той чалавек, узяўшы вяроўку, так увязаў воўка, што ён пакруціцца [7] не смог.

Лісіца зноў пабегла на трэцюю гару і так са́мо [8] крычыць: «Тру-ру-руру! Малады князь палюе! Што у цябе, чалавече, на возе ляжыць?» Мужык таксама адказвае: «Калода, пане!» — «Каб калода была, то сакера [9] ўрублена ў нёй была бы». Воўк, пачуўшы гэтыя сло́ва, зачаў прасіць чалавека, каб гдзе сакеру прычэпіў [10], каб яна стырчала [11]. Чалавек, узяўшы сакеру, прышоў да воза дый як рубне ў галаву воўка, дак яго і забіў на смерць.

А лісіца, ўбачыўшы гэта, прыбегла да таго мужыка і кажа: «Я цябе абараніла ад воўка; прынесі ж мяне мех курей». — «Добра!» — кажа чалавек дый, ўзяўшы таго забітага воўка, пашоў дадому. Зняўшы шкуру з воўка, ўлажыў ў мяшок заместа курей двух сабак Серку і Берку і пашоў ў поле да ліскі, гдзе яна яго чакала [12]. Прышоўшы туда, ён палажыў мяшок на землю і кажа да ліскі: «Ты разкарачсе добра, каб магла палавіць усе куры, а я іх выпушчу». Ліска разкарачалася, як той чалавек казаў, і чакае, пакаль ён выпусціць куры. А чалавек, развязаўшы мяшок, як выпусціць сабак, а тые сабакі як зачнуць рваць ліску.

Ліска ледва вырабіласе [13] ад сабак і прыбегла да нары і пытаецца ў сваіх вачэй: «Што вы думалі, як мяне рвалі сабакі?» — «Мы думалі, — кажуць вочі, — каб як прэндзей [14] уцячі [15] да норкі». — «А вы, лапкі?» — «І мы тое самое думалі». — «А ты, хвасціще-дурніще, што думаў?» — «Я думаў, каб як найпрэндзей цябе злавілі і задушылі». — «Ах ты, хвасціще! Аддам цябе сабакам!» Дый вылязла з норкі: «На, — кажа, — Серка, Берка! На хвост!» Тые сабакі парвалі ліскі хвост, дый адарвалі. Ліска бяжыць ужо са злосці [16] да мужыка лаіць [17] — на што ашукаў [18].

Бяжыць яна, дак бачыць [19]: аж штось гудзе [20]. Падбягае, аж дзюравы збан [21] з ветрам. «Ах ты, шельма, пане збане! І ты страшыш!» — кажа лісіца, дый ўзяла зачапіла пачапачку [22] на шыю дый панясла тапіць [23]. Прыходзіць да рекі, усадзіла збан дый топіць. У той збан як налілося вады, дак той збан зачаў тапіцца і павалок за сабою ліску.

А той мужык гэтое усе бачыць; пашоў да рекі, выцягнуў [24] ліску, здзёр [25] шкуру дый прадаў.

[7] Повернуться.
[8] Наречие как раз, очень (так же? *Ред.*)
[9] Топор (секира).
[10] Прицепил.
[11] Торчала.
[12] Ожидала.
[13] Отделалася.
[14] Поскорей (*польск.*).
[15] Утечь, убежать.
[16] Со злости.
[17] Бранить.
[18] Обманул.
[19] Видит.
[20] Что-то гудит.
[21] Дырявый жбан (бочонок, ведро).
[22] *Чапать* — брать; следовательно: дужка или ручка, за которую поднимают жбан.
[23] Топить.
[24] Вытянул.
[25] Содрал.

27. СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ

опался было бирюк[1] в капкан, да кое-как вырвался и стал 8
пробираться в глухую сторону. Завидели его охотники и стали следить. Пришлось бирюку бежать через дорогу, а на ту пору шел по дороге с поля мужик с мешком и цепом. Бирюк к нему: «Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок! За мной охотники гонят» Мужик согласился, запрятал его в мешок, завязал» и взвалил на плечи. Идет дальше, а навстречу ему охотники. «Не видал ли, мужичок, бирюка?» — спрашивают они. «Нет, не видал!» — отвечает мужик.

Охотники поскакали вперед и скрылись из виду. «Что, ушли мои злодеи?» — спросил бирюк. «Ушли».— «Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужик развязал мешок и выпустил его на вольный свет. Бирюк сказал: «А что, мужик, я тебя съем!» — «Ах, бирюк, бирюк! Я тебя из какой неволи выручил, а ты меня съесть хочешь!» — «Старая хлеб-соль забывается»,— отвечал бирюк. Мужик видит, что дело-то плохо, и говорит: «Ну, коли так, пойдем дальше, и если первый, кто с нами встретится, скажет по-твоему, что старая хлеб-соль забывается, тогда делать нечего — съешь меня!»

Пошли они дальше. Повстречалась им старая кобыла. Мужик к ней с вопросом: «Сделай милость, кобылушка-матушка, рассуди нас! Вот я бирюка из большой неволи выручил, а он хочет меня съесть!» — и рассказал ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «Я жила у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала, а как стала стара и пришло мне невмоготу работать — он взял да и стащил меня под яр[2]; уж я лезла, лезла, насилу вылезла, и теперь вот плетусь, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» — «Видишь, моя правда!» — молвил бирюк.

Мужик опечалился и стал просить бирюка, чтоб подождал до другой встречи. Бирюк согласился и на это. Повстречалась им старая собака. Мужик к ней с тем же вопросом. Собака подумала-подумала и сказала: «Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину, а как состарилась и перестала брехать[3],— он прогнал меня со двора, и вот плетусь я, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» — «Ну, видишь, моя правда!» Мужик еще пуще опечалился и упросил бирюка обождать до третьей встречи: «А там делай как знаешь, коли хлеба-соли моей не попомнишь».

В третий раз повстречалась им лиса. Мужик повторил ей свой вопрос. Лиса стала спорить: «Да как это можно, чтобы бирюк, этакая большая туша, мог поместиться в этаком малом мешке?» И бирюк и мужик побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не верила и сказала: «А ну-ка, мужичок, покажь, как ты сажал его в мешок-то!» Мужик рас-

[1] *Бирюк* — волк (*Ред.*).
[2] Крутой берег, обрыв (*Ред.*).
[3] Лаять.

ставил мешок, а бирюк всунул туда голову. Лиса закричала: «Да разве ты одну голову прятал в мешок?» Бирюк влез совсем. «Ну-ка, мужичок,— продолжала лиса,— покажи, как ты его завязывал?» Мужик завязал. «Ну-ка, мужичок, как ты в поле хлеб-то молотил?» Мужик начал молотить цепом по мешку. «Ну-ка, мужичок, как ты отворачивал?» Мужик стал отворачивать да задел лису по голове и убил ее до смерти, приговаривая: «Старая хлеб-соль забывается!»

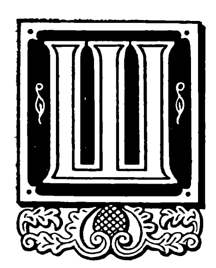
28. ОВЦА, ЛИСА И ВОЛК

У крестьянина из гурта бежала овца. Навстречу ей попалась [9] лиса и спрашивает: «Куда тебя, кумушка, бог несет?» — «О-их, кума! Была я у мужика в гурте, да житья мне не стало: где баран сдурит, а все я, овца, виновата! Вот и вздумала уйти куды глаза глядят».— «И я тоже! — отвечала лиса.— Где муж мой курочку словит, а все я, лиса, виновата. Побежим-ка вместе». Чрез несколько времени повстречался им бирюк. «Здорово, кума!» — «Здравствуй!» — говорит лиса. «Далече ли бредешь?» Она в ответ: «Куда глаза глядят!» — да как рассказала про свое горе, бирюк молвил: «И я также! Где волчица зарежет ягненка, а все я, бирюк, виноват. Пойдемте-ка вместе».

Пошли. Дорогою бирюк и говорит овце: «А что, овца, ведь на тебе тулуп-то мой?» Лиса услышала и подхватила: «Взаправду, кум, твой?» — «Верно, мой!» — «Побожишься?» — «Побожусь!» — «К присяге пойдешь?» — «Пойду».— «Ну, иди, целуй присягу». Тут лиса сметила, что мужики на тропинке поставили капкан; она привела бирюка к самому капкану и говорит: «Ну, вот здесь целуй!» Только что сунулся бирюк сдуру — а капкан щелкнул и ухватил его за морду. Лиса с овцой тотчас убежали от него подобру-поздорову.

29—30. ЗВЕРИ В ЯМЕ

29

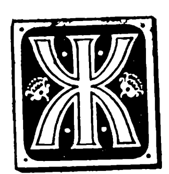


ла свинья в Питер богу молиться. Попадается ей волк 10a
навстречу: «Свинья, свинья, куда идешь?» — «В Питер, богу молиться».— «Возьми и меня».— «Пойдем, куманек!» Шли-шли, попадается лиса навстречу: «Свинья, свинья, куда идешь?» — «В Питер, богу молиться».— «Возьми и меня».— «Иди, кума!» Шли они, шли, попадается им заяц: «Свинья, свинья, куда идешь?» — «В Питер, богу молиться».— «Возьми и меня с собой».— «Ступай, косой!» Потом выпросилась еще белка, и вот они шли-шли... Глядь — на дороге яма глубокая и широкая; свинья прыгнула и попала в яму, а за ней и волк, и лиса, и заяц, и белка.

Долго они сидели, сильно проголодались — есть-то нечего. Лиса и придумала: «Давайте,— говорит,— тянуть: кто всех тоньше запоет, того и скушаем». Волк затянул толстым голосом: «О-о-о!» Свинья немного помягче: «У-у-у!» Лиса и того мягче: «Э-э-э!», а заяц с белкою тонким голоском: «И-и-и!» Тотчас разорвали звери зайца да белку и съели со всеми косточками. На другой день лиса опять говорит: «Кто толще всех запоет, того и скушаем». Волк всех толще затянул: «О-о-о!», ну, его и съели.

Лиса мясо скушала, а кишочки под себя спрятала. Дня через три сидит да ест себе кишочки; свинья и спрашивает: «Что ты, кума, кушаешь? Дай-ка мне». — «Эх, свинья! Ведь я свои кишочки таскаю; разорви и ты свое брюхо, таскай кишочки и закусывай». Свинья то и сделала, разорвала свое брюхо и досталась лисе на обед. Осталась лиса одна-одинехонька в яме; вылезла ль она оттудова или и теперь там сидит, право, не ведаю.

30



ил себе старик со старушкой, и у них только и было именья, 10b
что один боров. Пошел боров в лес желуди есть. Навстречу ему идет волк. «Боров, боров, куда ты идешь?» — «В лес, желуди есть». — «Возьми меня с собою». — «Я бы взял, — говорит,— тебя с собою, да там яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь». — «Ничего, — говорит, — перепрыгну». Вот и пошли; шли-шли по лесу и пришли к этой яме. «Ну,— говорит волк,— прыгай». Боров прыгнул — перепрыгнул. Волк прыгнул, да прямо в яму. Ну, потом боров наелся желудей и отправился домой.

На другой день опять идет боров в лес. Навстречу ему медведь. «Боров, боров, куда ты идешь?» — «В лес, желуди есть».— «Возьми,— говорит медведь,— меня с собою».— «Я бы взял тебя, да там яма глубока, широка, ты не перепрыгнешь». — «Небось, — говорит, — перепрыгну».

Подошли к этой яме. Боров прыгнул — перепрыгнул; медведь прыгнул — прямо в яму угодил. Боров наелся желудей, отправился домой.

На третий день боров опять пошел в лес желуди есть. Навстречу ему косой заяц. «Здравствуй, боров!» — «Здравствуй, косой заяц!» — «Куда ты идешь?» — «В лес, желуди есть».— «Возьми меня с собою».— «Нет, косой, там яма есть широка, глубока, ты не перепрыгнешь».— «Вот не перепрыгну, как не перепрыгнуть!» Пошли и пришли к яме. Боров прыгнул — перепрыгнул. Заяц прыгнул — попал в яму. Ну, боров наелся желудей, отправился домой.

На четвертый день идет боров в лес желуди есть. Навстречу ему лисица; тоже просится, чтоб взял ее боров с собою. «Нет,— говорит боров, — там яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь». — «И-и, — говорит лисица,— перепрыгну!» Ну, и она попалась в яму. Вот их набралось там в яме четверо, и стали они горевать, как им еду добывать.

Лисица и говорит: «Давайте-ка голос тянуть; кто не встянет — того и есть станем». Вот начала тянуть голос; один заяц отстал, а лисица всех перетянула. Взяли зайца, разорвали и съели. Проголодались и опять стали уговариваться голос тянуть; кто отстанет — чтоб того и есть. «Если,— говорит лисица,— я отстану, то и меня есть, все равно!» Начали тянуть; только волк отстал, не мог встянуть голос. Лисица с медведем взяли его, разорвали и съели.

Только лисица надула[1] медведя: дала ему немного мяса, а остальное припрятала от него ест себе потихоньку. Вот медведь начинает опять голодать и говорит: «Кума, кума, где ты берешь себе еду?» — «Экой ты, кум! Ты возьми-ка просунь себе лапу в ребра, зацепись за ребро — так и узнаешь, как есть». Медведь так и сделал, зацепил себя лапой за ребро, да и околел. Лисица осталась одна. После этого, убрамши медведя, начала лисица голодать.

Над этой ямой стояло древо, на этом древе вил дрозд гнездо. Лисица сидела, сидела в яме, все на дрозда смотрела и говорит ему: «Дрозд, дрозд, что ты делаешь?» — «Гнездо вью».— «Для чего ты вьешь?»— «Детей выведу».— «Дрозд, накорми меня, если не накормишь — я твоих детей поем». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу ему накормить. Полетел в село, принес ей курицу. Лисица курицу убрала и говорит опять: «Дрозд, дрозд, ты меня накормил?» — «Накормил».— «Ну, напои ж меня». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу напоить. Полетел в село, принес ей воды. Напилась лисица и говорит: «Дрозд, дрозд, ты меня накормил?» — «Накормил».— «Ты меня напоил?» — «Напоил». — «Вытащи ж меня из ямы».

Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу вынимать. Вот начал он палки в яму метать; наметал так, что лисица выбралась по этим палкам на волю и возле самого древа легла — протянулась. «Ну, — говорит, — накормил ты меня, дрозд?» — «Накормил».— «Напоил ты меня?» — «Напоил».— «Вытащил ты меня из ямы?» — «Вытащил».— «Ну, рассмеши ж меня теперь». Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лисицу рассме-

[1] Обманула.

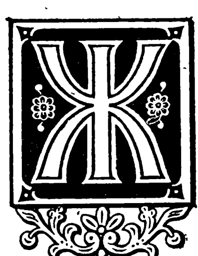
шить. «Я,— говорит он,— полечу, а ты, лиса, иди за мною». Вот хорошо — полетел дрозд в село, сел на ворота к богатому мужику, а лисица легла под воротами. Дрозд и начал кричать: «Бабка, бабка, принеси мне сала кусок! Бабка, бабка, принеси мне сала кусок!» Выскочили собаки и разорвали лисицу.

Я там была, мед-вино пила, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синий кафтан; я пошла, а воро́ны летят да кричат: «Синь кафтан, синь кафтан!» Я думала: «Скинь кафтан», взяла да и скинула. Дали мне красный шлык. Воро́ны летят да кричат: «Красный шлык, красный шлык!» Я думала, что «краденый шлык», скинула — и осталась ни с чем.

31. ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

ежала лисица по лесу, увидала на дереве тетерева и говорит 11
ему: «Терентий, Терентий! Я в городе была».— «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была, так была».— «Терентий, Терентий! Я указ добыла».— «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла, так добыла».— «Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревам, а все бы гулять по зеленым лугам».— «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять, так гулять».— «Терентий, кто там едет?» — спрашивает лисица, услышав конский топот и собачий лай. «Мужик». — «Кто за ним бежит?» — «Жеребенок».— «Как у него хвост-то?» — «Крючком». — «Ну так прощай, Терентий! Мне дома недосуг».

32. ЛИСА И ДЯТЕЛ



ил-был дятел на дубу, свил себе гнездышко, снес три 12
яичка и высидел три детёнка. Повадилась к нему лиса ходить; стук-стук хвостищем по сырому дубищу: «Дятел, дятел! Полезай с дубу долой. Мне дуб надо — *сечихичики* (?) гнуть».— «Эй, лисонька! Не дала ты мне и одного детенышка-то высидеть». — «Эй, дятел! Брось ты мне, я его выучу кузнечному». Дятел ей бросил, а она кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела.

Опять идет к дятлу и стук-стук хвостищем по сырому дубищу: «Дятел, дятел! Полезай с дубу долой, мне дуб надо — *сечихичики* гнуть».— «Эй, лисонька! Не дала ты мне и одного детенышка-то

высидеть».— «Эй, дятел! Брось ты мне, я его выучу башмачному». Дятел ей бросил, а она кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела.

Опять идет к дятлу и стук-стук хвостищем по сырому дубищу: «Дятел, дятел! Полезай с дубу долой, мне дуб надо — *сечихичики* гнуть».— «Эй, лисонька! Не дала ты мне и одного детенышка-то высидеть».— «Эй, дятел! Брось ты мне, я его выучу портняжному». Дятел бросил ей, а она кустик за кустик, лесок за лесок, да и съела.

33. ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у 13
кого-то на родинах.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости: «Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу!» Идет журавль на званый пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает: «Покушай, мой голубчик-куманек! Сама стряпала». Журавль хлоп-хлоп носом, стучал, стучал, ничего не попадает! А лисица в это время лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала.

Каша съедена; лисица говорит: «Не бессудь, любезный кум! Больше потчевать нечем».— «Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости».

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, наклал в кувшин с малым горлышком, поставил на стол и говорит: «Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать». Лиса начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдет и этак, и лизнет его, и понюхает-то, все ничего не достанет! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все поел. «Ну, не бессудь, кума! Больше угощать нечем». Взяла лису досада, думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла как несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось! С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

34. СНЕГУРУШКА И ЛИСА

ил да был старик со старухой, у них была внучка Снегурушка. 14 Собрались ее подружки идти в лес по ягоды и пришли ее звать с собой. Старики долго не соглашались, но после многих просьб отпустили Снегурушку и приказали ей не отставать от подруг. Ходя по́ лесу и собирая ягоды, деревцо за деревцо, кустик за кустик, Снегурушка отстала от своих подруг. Они аукали ее, аукали, но Снегурушка не слыхала. Уж стало темно, подружки пошли домой. Снегурушка, видя, что она осталась одна, влезла на дерево, стала горько плакать, припеваючи: «Ау, ау, Снегурушка, ау, ау, голубушка! У дедушки, у бабушки была внучка Снегурушка; ее девки в лес заманули, заманувши покинули».

Идет медведь и спрашивает: «О чем ты, Снегурушка, плачешь?» — «Как мне, батюшка-медведюшка, не плакать! Я одна у дедушки, у бабушки внучка Снегурушка; меня девки в лес заманули, заманувши покинули».— «Сойди, я тебя отнесу». — «Нет, я тебя боюсь, ты меня съешь!» Медведь ушел от нее. Она опять заплакала, припеваючи: «Ау, ау, Снегурушка, ау, ау, голубушка!..» Идет волк, спрашивает: «О чем ты, Снегурушка, плачешь?» Она отвечает ему то же, что и медведю. «Сойди, я тебя отнесу».— «Нет, я тебя боюсь, ты меня съешь!» Волк ушел, а Снегурушка опять заплакала, причитаючи: «Ау, ау, Снегурушка, ау, ау, голубушка!..»

Идет лисица, спрашивает: «Чего ты, Снегурушка, плачешь?» — «Как мне, лисонька, не плакать! Меня девки в лес заманули, заманувши покинули».— «Сойди, я тебя отнесу». Снегурушка сошла, села на спину к лисице, и та помчалась с нею; прибежала к дому и стала хвостом стучаться в калитку. «Кто там?» Лисица отвечает, что она принесла к старику и старухе их внучку Снегурушку. «Ах ты наша дорогая, такая-сякая, немазаная! Войди к нам в избу. Где нам тебя посадить и чем угостить?» Принесли молока, яиц, творогу и стали лисицу потчевать за ее услугу. А лисица просит, чтоб в награду дали ей курицу и пустили бы ее в поле. Старики простились с лисицею, посадили в один мешок курицу, а в другой собаку и понесли за нею на указанное место. Выпустили курицу; только было лисица бросилась за нею, выпустили и собаку. Увидя собаку, лисица как припустит в лес — так и ушла.

35. ЛИСА И РАК 15

Лиса и рак стоят вместе и говорят промеж себя. Лиса говорит раку: «Давай с тобой перегоняться». Рак: «Что ж, лиса, ну давай!»

Зачали перегоняться. Лишь лиса побегла, рак уцепился лисе за хвост. Лиса до места добегла, а рак не отцепляется. Лиса обернулась посмотреть, вернула хвостом, рак отцепился и говорит: «А я давно уж жду тебя тут».

36. КОЛОБОК [1]

Жил-был старик со старухою. Просит старик: «Испеки, 16
старуха, колобок».— «Из чего печь-то? Муки нету».— «Э-эх, старуха! По коробу [2] поскреби, по сусеку [3] помети; авось муки и наберется».

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригоршни с две. Замесила на сметане, изжарила в масле и положила на окошечко постудить.

Колобок полежал-полежал, да вдруг и покатился — с окна на лавку, с лавки нá пол, пó полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц: «Колобок, колобок! Я тебя съем».— «Не ешь меня, косой зайчик! Я тебе песенку спою»,— сказал колобок и запел:

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон [4].
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
У тебя, зайца, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только заяц его и видел!..

[1] Сдобная, пресная лепешка.
[2] Ящик с замком для поклажи.
[3] Засек, закром.
[4] Жарен (*Ред.*).

Катится колобок, а навстречу ему волк: «Колобок, колобок! Я тебя съем!» — «Не ешь меня, серый волк! Я тебе песенку спою!»

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
У тебя, волка, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только волк его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему медведь: «Колобок, колобок! Я тебя съем».— «Где тебе, косолапому, съесть меня!»

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У тебя, медведь, не хитро уйти!

И опять укатился; только медведь его и видел!..

Катится, катится колобок, а навстречу ему лиса: «Здравствуй, колобок! Какой ты хорошенький». А колобок запел:

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У медведя ушел,
У тебя, лиса, и подавно уйду!

«Какая славная песенка! — сказала лиса.— Но ведь я, колобок, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разок погромче». Колобок вскочил лисе на мордочку и запел ту же песню. «Спасибо, колобок! Славная песенка, еще бы послушала! Сядь-ка на мой язычок да пропой в последний разок», — сказала лиса и высунула свой язык; колобок сдуру прыг ей на язык, а лиса — ам его! и скушала.

37—39. КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА

37

ил-был старик, у него были кот да петух. Старик ушел 17а
в лес на работу, кот унес ему есть, а петуха оставили стеречь дом. На ту пору пришла лиса.

Кикереку-петушок,
Золотой гребешок!
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Так лиса пела, сидя под окном. Петух выставил окошко, высунул головку и посмотрел: кто тут поет? Лиса схватила петуха в когти и понесла его в гости. Петух закричал: «Понесла меня лиса, понесла петуха за темные леса, в далекие страны, в чужие земли, за тридевять земель, в тридцатое царство, в тридесятое государство. Кот Котонаевич, отыми меня!» Кот в поле услыхал голос петуха, бросился в погоню, достиг лису, отбил петуха и принес домой. «Мотри [1] ты, Петя-петушок,— говорит ему кот,— не выглядывай в окошко, не верь лисе; она съест тебя и косточек не оставит».

Старик опять ушел в лес на работу, а кот унес ему есть. Старик, уходя, заказывал петуху беречь дом и не выглядывать в окошко. Но лисица стерегла, ей больно хотелось скушать петушка; пришла она к избушке и запела:

Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку,
Дам и зернышков.

Петух ходил по избе да молчал. Лиса снова запела песенку и бросила в окно горошку. Петух съел горошек и говорит: «Нет, лиса, не обманешь меня! Ты хочешь меня съесть и косточек не оставишь».— «Полно ты, Петя-петушок! Стану ли я есть тебя! Мне хотелось, чтоб ты у меня погостил, моего житья-бытья посмотрел и на мое добро поглядел!» — и снова запела:

Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка!
Выгляни в окошко,
Я дала тебе горошку,
Дам и зернышков.

Петух лишь выглянул в окошко, как лиса его в когти. Петух лихим матом закричал: «Понесла меня лиса, понесла петуха за темные леса, за дремучие боры, по крутым бережкам, по высоким горам; хочет лиса

[1] Смстри.

меня съести и косточек не оставити!» Кот в поле услыхал, пустился в догоню, петуха отбил и домой принес: «Не говорил ли я тебе: не открывай окошка, не выглядывай в окошко, съест тебя лиса и косточек не оставит. Мотри, слушай меня! Мы завтра дальше пойдем».

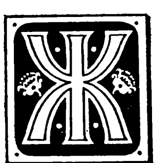
Вот опять старик на работе, а кот ему хлеба унес. Лиса подкралась под окошко, ту же песенку запела; три раза пропела, а петух все молчал. Лиса говорит: «Что это, уж ныне Петя нем стал!» — «Нет, лиса, не обманешь меня, не выгляну в окошко». Лиса побросала в окошко горошку и пшенички и снова запела:

Кикереку-петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка!
Выгляни в окошко,
У меня-то хоромы большие,
В каждом углу
Пшенички по мерочке:
Ешь — сыт, не хочу!

Потом прибавила: «Да посмотрел бы ты, Петя, сколько у меня редкостей! Да покажись же ты, Петя! Полно, не верь коту. Если бы я съести хотела тебя, то давно бы съела; а то, вишь, я тебя люблю, хочу тебе свет показать, уму-разуму тебя наставить и научить, как нужно жить. Да покажись же ты, Петя, вот я за угол уйду!» — и к стене ближе притаилась. Петух на лавку скочил и смотрел издалека; хотелось ему узнать, ушла ли лиса. Вот он высунул головку в окошко, а лиса его в когти и была такова.

Петух ту же песню запел; но кот его не слыхал. Лиса унесла петуха и за ельничком съела, только хвост да перья ветром разнесло. Кот со стариком пришли домой и петуха не нашли; сколько ни горевали, а после сказали: «Вот каково не слушаться!»

38 176



ил-был кот да баран, у них был петушок.

Вот они пошли лыки драть; пришла лиса под окошко к петушку и говорит:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляная головка!
Вот тебе с семечком лепешка.
У Карпова двора
Приукатана гора.
Стоят санки-самокатки;
Они сами катят,
Сами ехать хотят!

Петушок выглянул; она его унесла. Он доро́гой и кричит: «Кот да баран! Меня лиса несет за высокие горы, за темные леса». Они услыхали, воротились и отняли петушка.

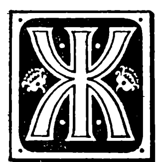
На другой день говорят ему: «Смотри же, если придет лиса — не выглядывай!» Лиса пришла, ту же песнь запела; петушок выглянул, она и унесла его. Кот да баран опять отняли. На третий день говорят ему: «Смотри же, не гляди в окно; мы теперь далеко уйдем, не услышим, как будешь кричать». Лиса пришла, таким сладким голосом запела, что петушок не утерпел — выглянул; она его схватила и понесла домой. Он кричал-кричал доро́гой; нет, не слыхали кот да баран. Приходят они домой, нет петушка! Они сделали гусельцы-барановы струночки и пошли к лисе выручать петушка.

У лисы было семь дочерей. Кот да баран пришли под окошко и начали играть: «Тюк-тюк, гусельцы-барановы струночки! Жила-была лиса красна во своем золотом гнезде; у нее было семь дочерей: первая дочь Чучелка, другая Подчучелка, третья Подай-челнок, четвертая Мети-шесток, пятая Трубу-закрывай, шестая Огня-вздувай, а седьмая Пеки-пироги!» Лиса говорит: «Поди, Чучелка, посмотри — кто такую хорошую песню поет?» Чучелка вышла, они стук ее в лобок да в коробок.

Так всех лисиных дочерей поодиночке и забрали.

Потом вышла сама лиса. Они и ее стук в лобок да в коробок; взошли в избушку, взяли петушка еще живого, воротились домой и стали жить да быть.

39

ил кот с кочетком. Кот идет за лыками в лес и бает кочетку: «Если лиса придет звать в гости и станет кликать, не высовывай ей головочку, а то унесет тебя». 17с

Вот пришла лиса звать в гости, стала кликать: «Кочетунюшка, кочетунюшка! Пойдем на гуменцы[1] золоты яблочки катать». Он глянул, она его и унесла. Вот он и стал кликать: «Котинька, котинька! Несет меня лиса за крутые горы, за быстрые воды». Кот услыхал, пришел, избавил кочетка от лисы.

Кот опять идет за лыками и опять приказывает: «Если лиса придет звать в гости, не высовывай головку, а то опять унесет». Вот лиса пришла и по-прежнему стала кликать. Кочеток глянул, она его и унесла. Вот он и стал кричать: «Котунюшка, котунюшка! Несет меня лиса за крутые горы, за быстрые воды!» Кот услыхал, прибежал, опять избавил кочетка.

Кот опять скрутился[2] идтить за лыками и говорит: «Ну, теперь я уйду далеко. Если лиса опять придет звать в гости, не высовывай головку, а то унесет, и не услышу, как будешь кричать». Кот ушел; лиса опять пришла и стала опять кликать по-прежнему. Кочеток глянул, лиса опять унесла его. Кочеток стал кричать; кричал-кричал — нет, не идет кот.

[1] Гумно.

[2] *Крутиться* — собираться что-нибудь делать.

Лиса принесла кочетка домой и крутилась уж жарить его. Тут прибежал кот, стал стучать хвостом об окно и кликать: «Лисонька! Живи хорошенько своим подворьем: один сын — Димеша, другой — Ремеша, одна дочь — Чучилка, другая — Пачучилка, третья — Подмети-шесток, четвертая — Подай-челнок!»

К коту стали выходить лисонькины дети, один за другим; он их всех поколотил; после вышла сама лиса, он и ее убил и избавил кочетка от смерти.

Пришли оба домой, стали жить да поживать да денежки наживать.

40—43. КОТ И ЛИСА

40

Жил-был мужик; у него был кот, только такой шкодли- 18
вый [1], что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал-думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понес в лес. Принес и бросил его в лесу: пускай пропадает! Кот ходил-ходил и набрел на избушку, в которой лесник жил; залез на чердак и полеживает себе, а захочет есть — пойдет пó лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошел кот гулять, а навстречу ему лиса, увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала». Поклонилась коту и спрашивает: «Скажись, добрый мóлодец, кто ты таков, каким случаем сюда зашел и как тебя по имени величать?» А кот вскинул шерсть свою и говорит: «Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром, а зовут меня Котофей Иванович».— «Ах, Котофей Иванович,— говорит лиса,— не знала про тебя, не ведала; ну, пойдем же ко мне в гости». Кот пошел к лисице; она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкою, а сама выспрашивает: «Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?» — «Холост»,— говорит кот. «И я, лисица,— девица, возьми меня замуж». Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить; а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк и начал с нею заигрывать: «Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали».— «Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужня жена».— «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?» — «Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурми-

[1] *Шкода* — убыток, вред.

строва жена».— «Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?» — «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон; барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придется!» Волк побежал за бараном.

Идет лиса, а навстречу ей медведь и стал с нею заигрывать. «Что ты, дурак, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужня жена».— «За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?» — «А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович,— за него и вышла». — «Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?» — «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон; волк барана хочет принесть. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придется!» Медведь потащился за быком.

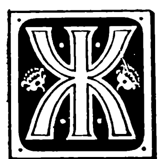
Принес волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье: смотрит — и медведь лезет с быком. «Здравствуй, брат Михайло Иваныч!» — «Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?» — «Нет, брат, давно дожидаю».— «Ступай, зови».— «Нет, не пойду, Михайло Иваныч! Сам иди, ты посмелей меня». — «Нет, брат Левон, и я не пойду». Вдруг откуда не́ взялся — бежит заяц. Медведь как крикнет на него: «Поди-ка сюда, косой черт!» Заяц испугался, прибежал. «Ну что, косой пострел, знаешь, где живет лисица?» — «Знаю, Михайло Иванович!» — «Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком».

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит: «Я полезу на сосну». — «А мне что же делать? Я куда денусь? — спрашивает волк. — Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иванович! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю». Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьем, а сам влез на сосну, на самую-таки макушку, и поглядывает: не идет ли Котофей с лисою? Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе: «Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном».— «Ступай, косой! Сейчас будем».

Вот идет кот с лисою. Медведь увидал их и говорит волку: «Ну, брат Левон Иваныч, идет лиса с мужем; какой же он маленький!» Пришел кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нем взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится: «Мало, мало!» А медведь говорит: «Невелик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберется!» Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья, а кот услыхал, что лист шевелится, подумал, что это — мышь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк вскочил, да давай бог ноги, и был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел. «Ну,— думает медведь,— увидал меня!» Слезать-то некогда, вот он положился на божью волю да как шмякнется с дерева оземь, все печенки отбил; вскочил — да бежать! А лисица вслед кричит: «Вот он вам задаст! Погодите!» С той поры все звери стали кота бояться; а кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют.

41



Жил старик и старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери, был только один серый кот. Он их поил-кормил, носил им кунок и белок, рябчиков, тетеревей и всяких зверьков. Сделался стар серый кот. Старуха и говорит старику: «Из чего мы, старик, кота держим? Только даром на печи место занял!» — «Да куда его девать-то?» — «Посади в котомку и отнеси в остров[1]; пускай там свою жизнь решит». Старик отнес. Кот остался в острову, день голодал, другой и третий и стал плакать. Идет лиса и спросила кота: «О чем ты плачешь, Котай Иванович?» — «Ах, лиса, как мне не плакать? Жил я у старика и старухи, поил-кормил их, стал стар, они и прогнали меня». А лиса говорит: «Давай, Котай Иванович, женимся!» — «Куды мне жениться! Только бы свою голову пропитать; а у тебя, чай, детки есть, кормить-поить надо».— «Ничего, как-нибудь прокормимся». Вот и вышла лиса за Котая Иваныча. *18, вар. 1*

Однажды медведь и заяц шли мимо лисицыной норы. Увидала их лиса и закричала: «Ах ты, толстопятый медведь, и ты, косой заяц! Как была я вдовой, бывало, ни один из вас не проходил мимо моей норы, а как вышла замуж, то каждый день шляетесь; ишь какие дороги proторили! Смотрите, как бы вас Котай Иванович по шее не проводил!» Вот, идучи дорогой, медведь и сказал зайцу: «Чего, брат, у нее за муж такой — Котай Иванович? Ужли больше меня?» А заяц: «Ужли прытче меня? Пойдем-ка завтра, посмотрим на него». Пришли на другой день к лисицыной норе и видят: кот гложет целый стяг быка, а сам мурлычет: «Мало, мало!» — «Ну, брат,— сказал медведь зайцу,— беда наша; Котай все говорит: мало, мало! Спрячемся, ты ляжь под хворост, а я взлезу на дерево». Только уселись они по своим местам, как выбежала из-под хвороста мышь. Кот увидал ее и в ту же минуту бросился за ней к хворосту. Заяц испугался, кинулся бежать; а медведь услышал тревогу, хотел повернуться, да со страстей упал с дерева и убился до смерти. Лиса с котом и доныне поживают да медведя поедают.

[1] Отъемный лес, удобный по своему положению для охотников.

42

некотором царстве, в некотором государстве жил в дремучих лесах могучий кот. Медведь, волк, олень, лиса и заяц собрались совет держать, как бы могучего, сильного кота к себе на пир позвать. Наготовили всякого добра и стали думать: кому идти за котом. «Ну, ступай ты, медведь!» Медведь начал отговариваться: «Я мохнат и косолап, куда мне! Пускай волк пойдет». А волк говорит: «Я неповоротлив, он меня не послушает; лучше пусть олень идет!» Олень тоже отказывается: «Я пуглив-боязлив, не сумею ответ держать; кот, пожалуй, за то меня смерти предаст. Иди ты, шустрая,— говорит лисе,— ты и собой хороша и оборотлива».— «У меня хвост длинен, не смогу скоро бежать; пускай идет заяц!» — отвечает лиса. *18, вар. 2*

Тут все стали складывать на зайца: «Ступай, косой! Не бойся. Ты поворотлив и на ногу скор; коли он на тебя вскинется, ты сейчас от него уйдешь». Заяц — делать нечего — побежал к коту; прибежал, поклонился пониже ног котовых и стал звать его на пир, на беседу. Исправил все по наказу и пустился назад бежать, сколько сил хватает. Явился к своим товарищам и говорит: «Ну, набрался страху! Сам-то кот бурый, шерсть на нем стоит дыбом, а хвост так по земле и волочится!» Тут звери стали прятаться кто куда: «медведь взобрался на дерево, волк залез в кусты, лиса зарылась в землю, а олень с зайцем совсем ушли... (*Окончание — то же, что и в предшествующей сказке.*).

43

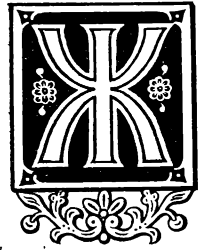
иса вышла замуж за Котонайла Иваныча. Раз побежала она припасти мужу обед; бегала, бегала и поймала утку. Несет домой, а навстречу ей лесной кабан. «Стой, лиса! — говорит. — Отдай утку». — «Нет, не дам». — «Ну, я сам отниму». — «А я скажу Котонайлу Иванычу; он тебя смерти предаст!» — «Что такой за зверь?» — думает кабан и пошел своей дорогой. Лиса побежала; вдруг повстречался ей медведь: «Куда, лиса, бежишь, кому утку несешь? Отдай ее мне». — «Ступай-ка подобру, а то скажу Котонайлу Иванычу; он тебя смерти предаст!» Медведь побоялся и пошел своей дорогой. Лиса дальше бежит, попадается ей волк. «Отдавай, — говорит, — утку!» — «Как же не так! Я вот скажу Котонайлу Иванычу, он тебя самого съест!» Волк оробел и пошел своей дорогой; а лиса побежала домой. *18, вар. 3*

Вот кабан, медведь и волк сошлись вместе и стали думать да гадать, что за зверь такой Котонайло Иваныч: наперед того его не видывали, и в лесах его не бывало! Положили: сделать большой пир и позвать к себе Котонайла Иваныча в гости. Изготовились. «Ну,— говорят,— кому же идти за Котонайлом?» — и присудили идти волку. Волк собрался и побежал к лисицыной норе. Прибежал. А кот выглядывает из норы, усы повисли, а глаза так и светятся. Затрясся волк со страху, отдал коту низкий поклон, поздравил его с молодою женою и стал просить в гости.

Кот сидит да мурчит. «У, какой сердитый!» — думает волк и не знает, как уйти... Воротился и сказал кабану и медведю: «Ну да и страшный же Котонайло Иваныч! Глаза так и горят! Только посмотрел на меня — и то дрожь проняла...» Вот оробели они и стали прятаться: медведь взлез на дерево, кабан затесался в болото, а волк закопался в стог сена...

44—47. НАПУГАННЫЕ МЕДВЕДЬ И ВОЛКИ

44



Жил себе старик да старуха, у них был кот да баран. Старуха укоп копит[1], а кот проказит. «Старик,— говорит старуха,— у нас на погребе нездорово».— «Надо поглядеть,— говорит ей старик,— не со стороны ли кто блудит[2]». Вот пошла старуха на погреб и усмотрела: кот сдвинул лапкой с горшка покрышку и слизывает себе сметанку; выгнала кота из погреба и пошла в избу, а кот наперед прибежал и запрятался на печи в углу. «Хозяин!— сказывает старуха.— Вот мы не верили, что кот блудит, а он самый и есть; давай его убьем!» 19а

Кот услыхал эти речи, как бросится с печки да бегом к барану в хлев и начал его обманывать: «Брате баран! Меня хотят завтра убити, тебя зарезати». И сговорились они оба бежать ночью от хозяина. «Как же быть? — спрашивает баран.— Рад бы я с тобой лыжи навострить, да ведь хлев-то заперт!» — «Ничего!» Кот тотчас взобрался на дверь, скинул лапкой веревочку с гвоздя и выпустил барана.

Вот и пошли они путем-дорогою, нашли волчью голову и взяли с собой; шли-шли, увидели: далеко в лесу светится огонек, они и пустились прямо на огонь. Подходят, а вокруг огня греются двенадцать волков. «Бог помочь вам, волкам!» — «Добро жаловать, кот да баран!» — Брате,— спрашивает баран у кота,— что нам вечерять[3] будет?» — «А двенадцать-то волчьих голов! Поди выбери, которая пожирнее». Баран пошел в кусты, поднял повыше волчью голову, что дорогой-то нашли, и спрашивает: «Эта ли, брате кот?» — «Нет, не эта, выбери получше». Баран опять поднял ту же голову и опять спрашивает: «Эта ли?»

Волки так напугались, что рады бы убежать, да без спросу не смеют. Четверо волков и стали проситься у кота и барана: «Пустите нас за дровами! Мы вам принесем». И ушли. Остальные восемь волков еще пуще стали бояться кота да барана: коли двенадцать смогли поесть, а осьмерых

[1] Собирает сметану и сливки на масло.
[2] Проказничает.
[3] Ужинать.

и подавно поедят. Стало еще четверо проситься за водою. Кот отпустил: «Ступайте, да скорее ворочайтесь!» Последние четыре волка отправились сходить за прежними волками: отчего-де не ворочаются? Кот отпустил, еще строже наказал поскорее приходить назад; а сам с бараном рад, что они ушли-то.

Волки собрались вместе и пустились дальше в лес. Попадается им медведь Михайло Иванович. «Слыхал ли ты, Михайло Иванович,— спрашивают волки,— чтобы кот да баран съели по двенадцати волков?» — «Нет, ребятушки, не слыхивал».— «А мы сами видели этого кота да барана».— «Как бы, ребятушки, и мне посмотреть, какова их храбрость?» — «Эх, Михайло Иваныч, ведь больно кот-от ретив, нельзя к нему поддоброхотиться: того и гляди, что в клочки изорвет! Даром что мы прытки над собаками и зайцами, а тут ничего не возьмешь. Позовем-ка лучше их на обед».

Стали посылать лисицу: «Ступай, позови кота да барана». Лисица начала отговариваться: «Я хоть и прытка, да неувертлива; как бы они меня не съели!» — «Ступай!..» Делать нечего, побежала лисица за котом и бараном. Воротилась назад и сказывает: «Обещались быть; ах, Михайло Иванович, какой кот-то сердитый! Сидит на пне да ломает его когтями: это на нас точит он свои ножи! А глаза так и выпучил!..» Медведь струхнул, сейчас посадил одного волка в сторожа на высокий пень, дал ему в лапы утирку[4] и наказал: «Коли увидишь кота с бараном, махай утиркою: мы пойдем — их повстречаем». Стали готовить обед; четыре волка притащили четыре коровы, а в повара медведь посадил сурка.

Вот идут в гости кот да баран; завидели караульного, смекнули дело и стакнулись меж собою. «Я,— говорит кот,— подползу тихонько по траве и сяду у самого пня супротив волчьей рожи, а ты, брат баран, разбежись и что есть силы ударь его лбом!» Баран разбежался, ударил со всей мочи и сшиб волка, а кот бросился ему прямо в морду, вцепился когтями и исцарапал до крови. Медведь и волки, как увидели то, зачали меж собою растабаривать[5]: «Ну, ребятушки, вот какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувечить с какого высокого пня, а нам где уж на земле устоять! Им, знать, наше готовленье-то нипочем; они придут не угощаться, а нас пятнать. А, братцы, не лучше ли нам схорониться?»

Волки все разбежались пó лесу, медведь вскарабкался на сосну, сурок спрятался в нору, а лиса забилась под колодину. Кот с бараном принялись за наготовленные кушанья. Кот ест, а сам мурлычет: «Мало, мало!», обернулся как-то назад, увидел, что из норы торчит сурков хвост, испугался да как прыснет на сосну. Медведь устрахался[6] кота, да напрямик с сосны на землю и ринулся и чуть-чуть не задавил лисы под колодиной. Побежал медведь, побежала лиса. «Знать ты, куманек, ушибся?» — спрашивает лисица. «Нет, кумушка, если б я не спрыгнул,— кот бы давно меня съел!»

[4] Полотенце.
[5] Разговаривать.
[6] Устрашился.

45

Жили-были на одном дворе козел да баран; жили промеж себя дружно: сена клок — и тот пополам, а коли вилы в бок — так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник, за каждый час на промысле, и где плохо лежит — тут у него и брюхо болит. 19b

Вот однажды лежат себе козел да баран и разговаривают промеж себя; где ни взялся котишко-мурлышко, серый лобишко, идет да таково жалостно плачет. Козел да баран и спрашивают: «Кот-коток, серенький лобок! О чем ты, ходя, плачешь, на трех ногах скачешь?» — «Как мне не плакать? Била меня старая баба, била-била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасала».— «А за какую вину такая тебе погибель?» — «Эх, за то погибель была, что себя не опознал да сметанку слизал». И опять заплакал кот-мурлыко. «Кот-коток, серый лобок! О чем же ты еще плачешь?» — «Как не плакать? Баба меня била да приговаривала: ко мне придет зять, где будет сметаны взять? За неволю придется колоть козла да барана!»

Заревели козел и баран: «Ах ты серый кот, бестолковый лоб! За что ты нас-то загубил? Вот мы тебя забодаем!» Тут мурлыко вину свою приносил и прощенья просил. Они простили его и стали втроем думу думать: как быть и что делать? «А что, середний брат баранко,— спросил мурлыко,— крепок ли у тебя лоб: попробуй-ка о ворота». Баран с разбегу стукнулся о ворота лбом: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старший брат мрасище[1]-козлище, разбежался, ударился — и ворота отворились.

Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козел да баран, а за ними скачет на трех ногах кот серый лоб. Устал он и возмолился названым братьям: «Ни то старший брат, ни то средний брат! Не оставьте меньшого братишку на съеденье зверям». Взял козел, посадил его на себя, и понеслись они опять по горам, по долам, по сыпучим пескам. Долго бежали, и день и ночь, пока в ногах силы хватило.

Вот пришло крутое крутище, станово становище; под тем крутищем скошенное поле, на том поле сто́га что города стоят. Остановились козел, баран и кот отдыхать; а ночь была осенняя, холодная. «Где огня добыть?» — думают козел да баран; а мурлышко уже добыл бересты, обернул козлу рога и велел ему с баранком стукнуться лбами. Стукнулись козел с бараном, да таково крепко, что искры из глаз посыпались; берестечко так и зарыдало[2]. «Ладно,— молвил серый кот,— теперь обогреемся»,— да за словом и затопил стог сена.

Не успели они путем обогреться, глядь — жалует незваный гость мужик-серячок Михайло Иванович. «Пустите,— говорит,— обогреться да отдохнуть; что-то неможется».— «Добро жаловать, мужик-серячок муравейничек[3]! Откуда, брат, идешь?» — «Ходил на пасеку да подрался с мужи-

[1] *Мрась* — негодяй.
[2] Вспыхнуло, затрещало.
[3] Мелкой породы медведь который любит разгребать муравьиные кучи и лакомиться муравьиными яйцами («Русск. вестн.», 1857, XII, 463).

ками, оттого и хворь прикинулась; иду к лисе лечиться». Стали вчетвером темну ночь делить: медведь под стогом, мурлыко на стогу, а козел с бараном у теплины[4]. Идут семь волков серых, восьмой белый, и прямо к стогу. «Фу-фу,— говорит белый волк,— нерусским духом пахнет. Какой-такой народ здесь? Давайте силу пытать!»

Заблеяли козел и баран со страстей[5], а мурлышко такую речь повел: «Ахти, белый волк, над волками князь! Не серди нашего старшего; он, помилуй бог, сердит! — как расходится, никому несдобровать. Аль не видите у него бороды: в ней-то и сила, бородою он зверей побивает, а рогами только кожу сымает. Лучше с честью подойдите да попросите: хотим, дескать, поиграть с твоим меньшим братишком, что под стогом-то лежит». Волки на том козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вот он крепился-крепился, да как хватит на каждую лапу по волку; запели они Лазаря, выбрались кое-как, да, поджав хвосты,— подавай бог ноги!

А козел да баран тем времечком подхватили мурлыку и побежали в лес и опять наткнулись на серых волков. Кот вскарабкался на самую макушку ели, а козел с бараном схватились передними ногами за еловый сук и повисли. Волки стоят под елью, зубы оскалили и воют, глядя на козла и барана. Видит кот серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать: «Раз волк! Два волк! Три волк! Всего-то по волку на брата. Я, мурлышко, давеча двух волков съел, и с косточками, так еще сытехонек; а ты, большой братим, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!» Только сказал он эти речи, как козел сорвался и упал прямо рогами на волка. А мурлыко знай свое кричит: «Держи его, лови его!» Тут на волков такой страх нашёл, что со всех ног припустили бежать без оглядки. Так и ушли.

46

некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужичок, 19с
у него были козел да баран. Поленился мужик накосить сена; пришла зима, нечего есть козлу и барану, стали они на весь двор реветь, а мужик схватил кнут и ну колотить их. Вот козел и сказал барану: «Давай, брат, уйдем в лес; найдем стог сена и станем жить».— «Пойдем, брат Козьма Микитич! Хуже не будет».

Козел стащил у хозяина ружье, а баран куль, и пошли вдвоем; идут путем-дорогою и нашли старую волчью голову. «Брат баран!— сказал тут козел.— Возьми эту голову и положи в куль».— «На черта она нам? И так тяжело идти!» — «Возьми! Придем на место, сварим себе студень». Баран поднял волчью голову, положил в куль и понес. Шли они, шли и, наконец, пришли в лес. «Я совсем иззяб»,— сказал баран. А козел увидал, что в стороне огонь светится, и говорит: «Вон где-то огонь горит;

[4] Огня.
[5] Со страху.

пойдем туда!» Пошли на огонь и прямехонько-таки наткнулись на волков; сидят кругом огня да греются.

Баран напугался, еле душа в теле держится. А козел говорит ему: «Не робей, баран!», а сам подошел к волкам: «Здорово, ребята!» — «Здравствуй, Козьма Микитич!» Вот, думают волки, славная будет пожива: козел да баран сами пришли, сами в рот просятся. Только козел себе на уме. «Ну-ка, брат баран! Давай,— говорит,— сюда волчью голову; сварим да сделаем студень. Да смотри выбирай, чтоб был старый волк!» Баран вынул из куля волчью голову и несет козлу. «Не та! — говорит козел.— Там, в кулю, есть другая голова, с самого старого волка,— ту и притащи».

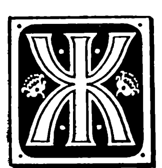
Баран стал копаться в своем куле, копался, копался и несет опять ту же голову. «Ах ты, дурак,— закричал козел и ногами затопал,— не та!.. Посмотри, на самом исподе лежит». Баран опять копался-копался и несет ту же самую голову. «Ну, вот теперь так!— сказал козел.— Эту самую голову мне и надобно». А волки поглядывают да раздумывают: «Ишь сколько наколотил нашей братии! Одних голов целый куль».— «Нет ли у вас, братцы,— спрашивает козел,— в чем нам ужин изготовить?» Тут волки повскакали и побежали кто за дровами, кто за водою, кто за посудою, а у самих на уме — как бы уйти подобру-поздорову.

Бегут, а навстречу им медведь. «Куда вы, серые волки?»— «Ах, Михайло Иванович! Ты не знаешь нашего горя: пришли к нам козел да баран, принесли с собой целый куль волчьих голов, хотят студень варить; мы убоялись, чтоб они и до нас-то не добрались, и убежали».— «Ах вы, дурачье!— сказал медведь.— Козел да баран сами к вам пришли, только бери да кушай; а вы убоялись! Пойдемте-ка со мною».— «Пойдем!»

Козел и баран увидали, что волки назад идут, засуетились, забегали. Козел взобрался на дерево, изловчился и уселся, а баран лез, лез, никак не может высоко подняться, ухватился кое-как за сук передними ногами и повис на нем. Вот пришел и медведь с волками, смотрит: куда бы девались козел да баран? Нигде не видать. «Ну, братцы,— сказал медведь волкам,— собирайте желудей, стану ворожить: куда запропастился козел с бараном?» Волки набрали желудей; а медведь сел под дерево, стал выкидывать желудями и ворожить, как бабы на бобах гадают.

Баран говорит козлу: «Ах, козел, упаду; мочи нет — ногам больно!» — «Держись,— отвечает козел,— а то ни за грош пропадем; они заедят нас!» Баран крепился-крепился, да как повалится наземь! Козел видит беду неминучую, выстрелил в ту ж минуту из ружья и закричал во всю глотку: «Хватай ворожею-то, держи его!» Медведь испугался, как бросится бежать без оглядки, а волки за ним. Так все и разбежались. Тогда козел слез с дерева и не захотел оставаться в лесу. Воротился он вместе с бараном домой, и стали себе жить-поживать да лиха избывать.

47


или старик да старуха, у них были баран да козел, только такие блудливые: совсем от стада отбились, бегают себе по сторонам — ищи где хочешь. «Знаешь что, старуха,— говорит старик,— давай заколем козла и барана, а то они с жиру бесятся! Пожалуй, туда забегут, что и не найдешь; все равно пропадут даром».— «Ну что ж? Заколем». А баран с козлом стояли под окошком, подслушали эти речи и убежали в густой-густой лес. Прибежали и говорят: «Надо развести теперь огонь, а то холодно будет; вишь какая роса холодная». Стали они таскать хворосту; набрали целую кучу. Надо огню добыть. *19с, ар.*

Недалеко мужики жгли уголья. Вот козел с бараном утащили у них головешку, развели огонь и сели греться. Вдруг прибежали три медведя и уселись около костра. Что делать! Козел стал спрашивать: «Что, баран, есть хочешь?» — «Хочу».— «А что, ружье у тебя заряжено?» — «Заряжено».— «А топор востёр?» — «Востёр».— «Ну поди, добывай на ужин».— «Нет, брат козел, я сейчас только пришел; не пойду».— «Неужто ж нам голодным спать? Ступай убей вот этого медведя; мы их не звали, они сами к нам пришли! Зажарим да поужинаем».

Медведь оробел и говорит: «Ах, братцы — козел и баран! Где станете меня жарить? Вишь у вас какой малый огонь! Пустите меня, я наломаю вам дров, разведу побольше костер, тогда убейте меня и жарьте».— «Хорошо, ступай за дровами». Медведь вскочил и давай бог ноги. «Кто себе враг!— думает он про себя.— Ни за что не ворочусь назад». Другой медведь видит, что посланный за дровами не ворочается, и взяло его раздумье: пожалуй, они за меня теперь примутся. «Пойду, — говорит, — помогу тому медведю, верно он так много наломал, что и притащить не в силу».— «Ну ступай, помоги». Вот и другой медведь убежал; остался еще один. Козел обождал немножко и говорит: «Ну, брат медведь, приходится тебя бить. Сам видишь, очередные-то ушли!» — «Ах, братцы, на чем же станете меня жарить? Огню-то вовсе нет. Лучше пойду я да погоню очередных назад».— «Да и ты, пожалуй, не воротишься?» — «Ну, право, ворочусь, да и тех с собой приведу!» — «Ступай, да поскорей приходи; не умирать же нам с голоду. Коли сам за вами пойду — всем худо будет».

И последний медведь со всех ног пустился бежать и убежал далеко-далеко. «Славно, брат, надули!— говорит козел.— Только, вишь, здесь надо каждого шороху бояться. Пойдем-ка домой, заодно пропадать, а может, старик-то и сжалится». Вот и воротились домой. Старик обрадовался: «Накорми-ка их!» — говорит старухе. Козел и баран зачали ласкаться; старухе жалко их стало. Она и говорит старику: «Неужто нам есть нечего! Не станем колоть козла и барана, пусть еще поживут!» — «Ну, ладно!» — сказал мужик. Стали они жить себе, поживать да добра наживать; а козел с бараном баловство свое совсем оставили, сделались смирными да послушными.

48. МЕДВЕДЬ, ЛИСА, СЛЕПЕНЬ И МУЖИК

Жил-был мужик, у него была пегая лошадь. Мужик запряг 20
ее в телегу и поехал в лес за дровами. Только приехал в лес, а навстречу ему идет большой медведь. Поздоровался с мужиком и спрашивает: «Скажи, мужичок, кто твою лошадку пежил[1]? Ишь какая рябенькая да славная!» — «Эх, брат Мишка! — говорит мужик.— Я сам ее выпестрил».— «Да разве ты умеешь пежить?» — «Кто? Я-то? Да еще какой мастак! Коли хочешь, я, пожалуй, сделаю тебя пестрее моей лошади». Медведь обрадовался: «Сделай милость, пожалуйста! Я тебе за работу целый улей притащу».— «Ну что ж! Хорошо. Только надо тебя, старого черта, связать веревками; а то тебе не улежать, как стану пежить».

Медведь согласился. «Погоди,— думает мужик,— я тебя спеленаю!» Взял вожжи и веревки и так скрутил, опутал медведя, что тот зачал реветь на весь лес, а мужик ему: «Постой, брат Мишка! Не шевелись, пора пежить».— «Развяжи, мужичок! — просится медведь.— Я уже не хочу быть пегим; пожалуйста, отпусти!» — «Нет, старый черт! Сам напросился, так тому и быть». Нарубил мужик дров, наклал целый ворох и развел огонь жарко-жарко, да взял топор и положил его прямо на огонь.

Как накалился топор докрасна, мужик вытащил его и давай пежить медведя; только заверещало[2]. Медведь заревел что есть мочи, понатужился, перервал все веревки и вожжи и ударился бежать пó лесу без оглядки — только лес трещит. Рыскал, рыскал медведь пó лесу, из силы выбился, хочет лечь — нельзя; все брюхо и бока выжжены; как заревет, заревет! «Ну, только попадись мне мужик в лапы, уж будет меня помнить!»

На другой день мужикова жена пошла в поле рожь жать и взяла с собою краюшку хлеба да кувшин молока. Пришла на свою полосу, поставила к сторонке кувшин с молоком и стала жать. А мужик думает: «Дай проведаю жену». Запряг лошадь, подъезжает к своей полосе и видит, что во ржи бродит лиса. Подобралась плутовка к кувшину с молоком, кое-как всунула в него свою голову, да назад-то уж никак ее и не вытащит; ходит по жниве да головою мотает и говорит: «Ну, кувшин, пошутил, да и будет!.. Ну, полно же баловать: отпусти меня!.. Кувшинушко! Голубчик! Полно тебе дурачиться, поиграл, да и довольно!..» А сама все головою мотает. Вот покудова лиса уговаривалась с кувшином, мужик достал полено, подошел да как урежет ее по ногам. Лиса бросилась вдруг в сторону, да головой прямо об камень, и кувшин в мелкие черепки разбила. Видит, что за ней гонится мужик с поленом, лиса как прибавит рыси,— даром что на трех ногах, а не догонишь и с собаками,— и скрылась в лесу.

[1] Сделал пегою.

[2] *Верещать* — трещать, шипеть как масло или вода на огне.

Воротился мужик и стал накладывать на телегу снопы. Откуда не́ взялся слепень, сел ему на шею и больно его укусил. Мужик хватился за шею и поймал слепня. «Ну,— говорит,— что с тобой мне делать? Да хорошо, постой, будешь и ты меня помнить». Взял мужик соломину и воткнул ее слепню в зад. «Лети теперь как знаешь!» Бедный слепень полетел и соломину за собой потащил. «Ну,— думает себе,— попался я в руки! Еще отроду этакой ноши я не таскивал, как теперь!»

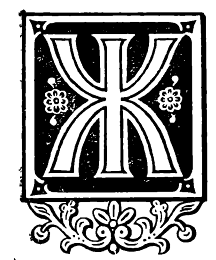
Вот летел он, летел, прилетел в лес и совсем уж из сил выбился. Захотел сесть на дерево отдохнуть, думал повыше подняться, а соломина тянет его книзу. Бился-бился, насилу кое-как присел, запыхался и так тяжело начал дышать, что даже дерево зашаталось. А под этим деревом лежал тот самый медведь, которого мужик пестрил. Медведь испугался: отчего так шибко зашаталось дерево? Глянул вверх, а на дереве сидит слепень. Он и закричал ему: «Эй, брат! Родня! Слезай, пожалуйста, долой, а то, пожалуй, ведь ты и дерево повалишь».

Слепень послушался и слетел вниз. Медведь посмотрел на него и спрашивает: «Кто, брат, тебе такую соломину в зад забил?» А слепень посмотрел на медведя и сам спрашивает: «А тебя, брат, кто изуродовал? Вишь, у тебя где шерсть, а в другом месте и кости видать».— «Ну, брат слепень, это меня мужик обработал».— «Ну, брат медведь, и мне от мужика досталось».

Смотрят они: лиса на трех ногах скачет. «Кто тебе ногу-то сломал?» — спрашивает медведь. «Ах, куманек! И сама хорошенько не видала, а некому кроме мужика; он за мной с поленом гнался».— «Братцы, пойдемте все трое губить мужика!» Тотчас все трое собрались и пошли на́ поле, где мужик убирал снопы. Вот стали они подходить; мужик увидал, испугался и не знает, что ему делать...

49—50. ВОЛК

49



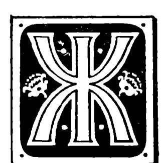
Жил старик со старухой; у них было пять овец, шестой жеребец, седьмая телка. Пришел к ним волк и стал петь песню: 21a

Жил жилец,
На кустике дворец;
У него пять овец,
Шестой жеребец,
Седьмая телка.

Старуха и говорит старику: «Ох, какая песня-то славная! Старик, дай ему овечку». Старик дал ему, волк съел и опять пришел с этой же песнию, и ходил с нею до тех пор, пока не поел овец, жеребца, телку

и старуху. Остался один старик; волк пришел и к нему с этой песнию. Старик взял кочергу и ну ею возить[1] волка. Волк убежал и с тех пор к старику ни ногой; а старик остался, горемычный, один горе мыкать.

50



ил-был старик да старушка, у них была кошечка-судомоечка, 21b
собачка-пустолаечка, овечка да коровушка. Дознался волк, что у старика много скотины; пошел просить себе. Пришел и говорит: «Отдавай старуху!» Старику жаль отдать старушку; отдал вместо ее кошечку-судомоечку. Волку этого мало; съел и опять пришел к старику: «Подавай старуху!» Старику жаль отдавать старушку; отдал за нее собачку-пустолаечку. Съел волк и опять идет за старухою. Старик не дает старушки; отдал за нее овечку, а потом и коровушку. А старушку себе оставил; и стали они вдвоем жить да быть, и теперь живут, хлеб жуют.

51—52. СВИНЬЯ И ВОЛК

51

ил-был старик и при нем старуха. У старика, у старухи 22a
не было ни сына, ни дочери; было скота только одна свинья вострорылая. И повадилась та свинья ходить со двора в задние воро́та. Черт ее понес, да в чужую полосу — в овес.

Прибежал туда волк, да и приумолк: схватил он свинку за щетинки, уволок ее за тынинки и изорвал. Тем сказка и кончилась.

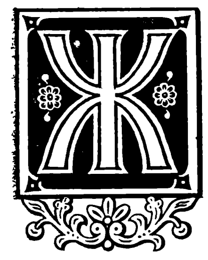
52

ыла старая свинья, не ходила никуда днем со двора; ночь при- 22b
шла — свинья со двора сошла. Хозяйскую полосу миновала, в соседскую попадала; цветочки срывала, соломку бросала. Откуль взялся старый старичище, серый волчище, поднял хвостище, свинье челом отдал: «Здравствуй, милая жена, супоросная свинья! Зачем шляешься и скитаешься? Здесь волк поедает овец». Приходит свинье конец. «Не ешь меня, волчинька, не ешь меня, серенький! Я тебе приведу стадо поросят».— «Не хочу мясца иного, хочу мясца свиного». Взял волк свинку за белую спинку, за черную щетинку; понес волк свинку за пень, за колоду, за белую березу, стал свиные косточки глодать, свиных родителей поминать.

[1] Т. е. бить.

53—54. ВОЛК И КОЗА

53



ила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала 23а
деток. Часто уходила коза в бор искать корму; как только уйдет, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят. Воротится коза, постучится в дверь и запоет: «Козлятушки, детятушки! Отопритеся, отворитеся! А я, коза, в бору была; ела траву шелкову́ю, пила воду студену́ю. Бежит молоко по вымечку, из вымечка в копытечко, из копытечка в сыру землю!» Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдет в бор, а козлятки запрутся крепко-накрепко.

Волк все это и подслушал; выждал время, и только коза в бор, он подошел к избушке и закричал своим толстым голосом: «Вы, детушки, вы, батюшки, отопритеся, отворитеся! Ваша мать пришла, молока принесла, полны копытца водицы!» А козлятки отвечают: «Слышим, слышим — не матушкин голосок! Наша матушка поет тонким голоском и не так причитает». Волк ушел и спрятался. Вот приходит коза и стучится: «Козлятушки, детятушки! Отопритеся, отворитеся! А я, коза, в бору была; ела траву шелкову́ю, пила воду студену́ю. Бежит молоко по вымечку, из вымечка в копытечко, из копытечка в сыру землю!»

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним бирюк и хотел их поесть. Коза покормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала: коли придет кто к избушке и станет проситься толстым голосом и не переберет всего, что она им причитывает,— того ни за что не впускать в двери. Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался и начал причитывать тоненьким голоском: «Козлятушки, детятушки! Отопритеся, отворитеся! А я, коза, в бору была; ела траву шелкову́ю, пила воду студену́ю. Бежит молоко по вымечку, из вымечка в копытечко, из копытечка в сыру землю!» Козлятки отперли двери, волк вбежал в избу и всех поел, только один козленочек схоронился, в печь улез.

Приходит коза; сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе к дверям и видит, что все отворено; в избу — а там все пусто; заглянула в печь и нашла одного детища. Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать и припевать: «Ох вы, детушки мои, козлятушки! На что отпиралися-отворялися, злому волку доставалися? Он вас всех поел и меня, козу, со великим горем, со кручиной сделал». Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе: «Ах ты, кума, кума! Что ты на меня грешишь? Неужли-таки я сделаю это! Пойдем в лес погуляем». — «Нет, кум, не до гулянья». — «Пойдем!» — уговаривает волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в этой яме разбойники кашицу недавно варили, и оставалось в ней еще довольно-таки огня. Коза говорит волку: «Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму?» Стали

прыгать. Волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлятки выбежали оттуда да прыг к матери. И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

54

Где-то когда-то шла брюхатая коза. Подошла она к яблоне и говорит: «Яблонь, яблонь! Пусти меня окотиться[1] под себя». Яблонь не пустила, сказала: «Яблочко отпадет, козленка ушибет; тебе ж невыгодно будет». Коза подошла к орешне, чтоб она пустила ее окотиться; и орешня не пустила, сказала: «Орех упадет, козленка ушибет». Нечего делать — коза пошла как не солоно щи хлебала. Вот шла, шла она и видит — стоит избушка, к лесу передом, а к ней задом. Тут коза сказала: «Избушка, избушка! Обратись ко мне передом, а к лесу задом; я войду в тебя». Избушка обратилась, и коза вошла в нее котиться, и окотилась. Тут коза расположилась как дома; начала нередко оставлять своих козляточек в этой избушке под запором, а сама ходить в лес — траву есть. 23b

Вот однажды — только коза ушла от козляточков — приходит к дверям избушки бирюк[2] и кричит толстым голосом: «Козлятушки, ребятушки! Отопритеся, отомкнитеся! Я — ваша мать пришла, молока принесла; бежит молоко по вымечку, из вымечка в корытце, из корытца в сыру землю». Козлятки узнали, что голос не их матери, и не отперли двери. «У нашей маменьки,— говорят они,— не такой голос; у ней голосок тонкий и нежный». Скоро после того, как ушел бирюк, приходит к двери их мать и кричит: «Ой, детушки, отопритеся, отомкнитеся! Я — ваша мать пришла, молока принесла[3]; я на бору была, скорваду[4] глодала; молочко течет по вымечку, из вымечка в корытце, из корытца в сыру землю». Козлятки отперли ей и начали пить молочко.

Между тем бирюк пришел к кузнецу и говорит ему: «Кузнец, кузнец! Сделай мне тоненький язычок». Кузнец сделал ему. Вот как наелись, напились козлятки, коза опять в лес ушла, строго приказав деткам никого не пускать к себе. Только коза ушла, приходит к дверям прежний бирюк и начал кричать голосом, похожим на голос их матери: «Ох, детушки, отопритеся, отомкнитеся! Я — ваша мать пришла, молока принесла; бежит молочко по вымечку, из вымечка в корытце, из корытца в сыру землю». Козлятки не разгадали голоса и отперли бирюку. Бирюк почти всех их поел (только один маленький козленчик спрятался под печь), поел, оставил одну шерстку да косточки и ушел в лес.

Пришла коза, кричит у двери, и козленчик отпер ей. Тут она собрала шерстку, иссушила на печи и смолола, как муку: через день затеяла блины и вздумала позвать к себе в гости бирюка, а бирюка она видывала у своей кумушки — лисы. Затеяв блины, коза приходит к куме и

[1] Разрешиться от бремени.
[2] Волк.
[3] Прибавляют еще: «творогу-то на рогу, а сметанки на боку»; «молока полны бока».
[4] *Скорвада* — дикий лук.

просит ее к себе в гости с тем бирюком. Лиса дала верное ей слово, и коза воротилась домой. Вот поутру рано, еще часов в пять, приходит к козе лиса с бирюком, а этот бирюк такой гладыш [5] стал, что коза и не узнала его. Сели они за стол; коза подала им тарелки, ножи и вилки, масло и сливки, и стали есть блины. Между тем коза полезла в пóдпол за сметаною, а у самой не то на уме; взяла с собою туда жару [6] и развела огонь, а около огня натыкала много железных тычек [7].

Только гости покушали блинов, коза и говорит им: не угодно ли будет им поиграть в ее любимую игру. Они согласились. Коза тотчас вынула одну доску из пола и, не приказывая им подходить близко, говорит: «Вот моя игра — прыгать через эту дыру скоро и без отдышки». Лиса с козою тут же перепрыгнули; за ними сряжается [8] прыгать толстый бирюк. Лишь только прыгнул, зацепил ногою за половицу и упал в дыру, а там на железные тычки и огонь. Коза с лисою прикрыли его доскою, и бирюк сгорел. Тут коза с кумою лисою сделали чудесный помин по бирюке: наелись, напились, вышли на двор; коза проводила куму, а сама с своим козленком стала жить да поживать и молочко для козленка добывать.

55—56. ВОЛК-ДУРЕНЬ

55

В одной деревне жил-был мужик, у него была собака; смолоду 24а
сторожила она весь дом, а как пришла тяжелая старость — и брехать [1] перестала. Надоела она хозяину; вот он собрался, взял веревку, зацепил собаку за шею и повел ее в лес; привел к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут по морде горькие слезы, ему и жалко стало: смиловался, привязал собаку к осине, а сам отправился домой.

Остался бедный пес в лесу и начал плакать и проклинать свою долю. Вдруг идет из-за кустов большущий волк, увидал его и говорит: «Здравствуй, пестрый кобель! Долгонько поджидал тебя в гости. Бывало, ты прогонял меня от своего дому; а теперь сам ко мне попался: что захочу, то над тобой и сделаю. Уж я тебе за все отплачу!» — «А что хочешь ты, серый волчок, надо мною сделать?» — «Да немного: съем тебя со всей шкурой и с костями».— «Ах ты, глупый серый волк! С жиру сам не знаешь, что делаешь; таки после вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачем тебе понапрасну

[5] Гладкий, жирный тучный.
[6] *Жар* — горячие уголья.
[7] Гвоздей.
[8] Готовится.
[1] Лаять.

ломать надо мною свои старые зубы? Мое мясо теперь словно гнилая колода. А вот я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мне пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и делай со мною что угодно».

Волк послушал кобеля, пошел и притащил ему половину кобылы: «Вот тебе и говядинка! Смотри поправляйся». Сказал и ушел. Собака стала прибирать мясцо и все поела. Через два дня приходит серый дурак и говорит кобелю: «Ну, брат, поправился али нет?» — «Маленько поправился; коли б еще принес ты мне какую-нибудь овцу, мое мясо сделалось бы не в пример слаще!» Волк и на то согласился, побежал в чистое поле, лег в лощине и стал караулить, когда погонит пастух свое стадо. Вот пастух и гонит стадо; волк повысмотрел из-за куста овцу, которая пожирнее да побольше, вскочил и бросился на нее: ухватил за шиворот и потащил к собаке. «Вот тебе овца, поправляйся!»

Стала собака поправляться, съела овцу и почуяла в себе силу. Пришел волк и спрашивает: «Ну что, брат, каков теперь?» — «Еще немножко худ. Вот когда б ты принес мне какого-нибудь кабана, так я бы разжирел, как свинья!» Волк добыл и кабана, принес и говорит: «Это моя последняя служба! Через два дня приду к тебе в гости».— «Ну ладно,— думает собака,— я с тобою поправлюсь». Через два дня идет волк к откормленному псу, а пес завидел и стал на него брехать. «Ах ты, мерзкий кобель,— сказал серый волк,— смеешь ты меня бранить?» — и тут же бросился на собаку и хотел ее разорвать. Но собака собралась уже с силами, стала с волком в дыбки и начала его так потчевать, что с серого только космы летят. Волк вырвался, да бежать скорее: отбежал далече, захотел остановиться, да как услышал собачий лай — опять припустил. Прибежал в лес, лег под кустом и начал зализывать свои раны, что дались ему от собаки. «Ишь как обманул мерзкий кобель! — говорит волк сам с собою.— Постой же, теперь кого ни попаду, уж тот из моих зубов не вырвется!»

Зализал волк раны и пошел за добычей. Смотрит, на горе стоит большой козел; он к нему, и говорит: «Козел, а козел! Я пришел тебя съесть».— «Ах ты, серый волк! Для чего станешь ты понапрасну ломать об меня свои старые зубы? А ты лучше стань под горою и разинь свою широкую пасть; я разбегусь да таки прямо к тебе в рот, ты меня и проглотишь!» Волк стал под горою и разинул свою широкую пасть, а козел себе на уме, полетел с горы как стрела, ударил волка в лоб, да так крепко, что он с ног свалился. А козел и был таков! Часа через три очнулся волк, голову так и ломит ему от боли. Стал он думать: проглотил ли он козла или нет? Думал-думал, гадал-гадал. «Коли бы я съел козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись, он, бездельник, меня обманул! Ну, уж теперь я буду знать, что делать!»

Сказал волк и пустился к деревне, увидал свинью с поросятами и бросился было схватить поросенка; а свинья не дает. «Ах ты, свиная харя!— говорит ей волк.— Как смеешь грубить? Да я и тебя разорву и твоих поросят за один раз проглочу». А свинья отвечала: «Ну, до сей поры не ругала я тебя; а теперь скажу, что ты большой дурачина!» —

«Как так?» — «А вот как! Сам ты, серый, посуди: как тебе есть моих поросят? Ведь они недавно родились. Надо их обмыть. Будь ты моим кумом, а я твоей кумою, станем их, малых детушек, крестить». Волк согласился.

Вот хорошо, пришли они к большой мельнице. Свинья говорит волку: «Ты, любезный кум, становись по ту сторону заставки, где воды нету, а я пойду, стану поросят в чистую воду окунать да тебе по одному подавать». Волк обрадовался, думает: вот когда попадет в зубы добыча-то! Пошел серый дурак под мост, а свинья тотчас схватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода как хлынет, и потащила за собой волка, и почала его вертеть. А свинья с поросятами отправилась домой: пришла, наелась и с детками на мягкую постель спать повалилась.

Узнал серый волк лукавство свиньи, насилу кое-как выбрался на берег и пошел с голодным брюхом рыскать по лесу. Долго издыхал он с голоду, не вытерпел, пустился опять к деревне и увидел: лежит около гумна какая-то падла. «Хорошо,— думает,— вот придет ночь, наемся хоть этой падлы». Нашло на волка неурожайное время, рад и падлою поживиться! Все лучше, чем с голоду зубами пощелкивать да по-волчьи песенки распевать. Пришла ночь; волк пустился к гумну и стал уписывать падлу. Но охотник уж давно его поджидал и приготовил для приятеля пару хороших орехов[2]; ударил он из ружья, и серый волк покатился с разбитой головою. Так и скончал свою жизнь серый волк!

56

ело было в старину, когда еще Христос ходил по земле вместе 24b
с апостолами. Раз идут они дорогою, идут широкою; попадается навстречу волк и говорит: «Господи! Мне есть хочется!» — «Поди,— сказал ему Христос,— съешь кобылу». Волк побежал искать кобылу: увидел ее, подходит и говорит: «Кобыла! Господь велел тебя съесть». Она отвечает: «Ну, нет! Меня не съешь, не позволено; у меня на то есть вид[1], только далеко забит».— «Ну покажи!» — «Подойди поближе к задним ногам». Волк подошел; она как треснет его по зубам задними копытами, ажно[2] волк на три сажени назад отлетел! А кобыла убежала.

Пошел волк с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи! Кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — «Ступай, съешь барана». Волк побежал к барану; прибежал и говорит: «Баран, я тебя съем, господь приказал».— «Пожалуй, съешь! Да ты стань под горою да разинь свою пасть, а я стану на горе, разбегусь, так прямо к тебе в рот и вскочу!» Волк стал под горою и разинул пасть; а баран как разбежится с горы да как ударит его своим бараньим лбом: бац! Сшиб волка с ног, да сам и ушел. Волк встал, глядит на все стороны: нет барана!

[2] То есть пуль.
[1] Паспорт.
[2] Так что.

Опять отправился с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи! И баран меня обманул; чуть-чуть совсем не убил!» — «Поди,— сказал Христос,— съешь портного». Побежал волк; попадается ему навстречу портной. «Портной, я тебя съем, господь приказал».— «Погоди, дай хоть с родными проститься». — «Нет, и с родными не дам проститься».— «Ну, что делать! Так и быть, съешь. Дай только я тебя смеряю: влезу ли еще в тебя-то?» — «Смеряй!» — говорит волк. Портной зашел сзади, схватил волка за хвост, завил хвост за руку, и давай серого утюжить [3]. Волк бился-бился, рвался-рвался, оторвал хвост да давай бог ноги! Бежит что есть силы, а навстречу ему семь волков. «Постой! — говорят.— Что ты, серый, без хвоста?» — «Портной оторвал».— «Где портной?» — «Вон идет по дороге».— «Давай нагонять его»,— и пустились за портным. Портной услышал погоню, видит, что дело плохо, взобрался поскорей на дерево, на самый верх, и сидит.

Вот волки прибежали и говорят: «Станем, братцы, доставать портного; ты, кургузый [4], ложись под испод, а мы на тебя, да друг на дружку уставимся — авось достанем!» Кургузый лег наземь, на него стал волк, на того другой, на другого третий, все выше и выше; уже последний взлезает. Видит портной беду неминучую: вот-вот достанут! и закричал сверху: «Ну, уж никому так не достанется, как кургузому» [5]. Кургузый как выскочит из-под низу да бежать! Все семеро волков попадали наземь да за ним вдогонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летят. А портной слез с дерева и пошел домой.

57—58. МЕДВЕДЬ

57

ил-был старик да старуха, детей у них не было. Старуха 25а
и говорит старику: «Старик, сходи по дрова». Старик пошел по дрова; попал ему навстречу медведь и сказывает: «Старик, давай бороться». Старик взял да и отсек медведю топором лапу; ушел домой с лапой и отдал старухе: «Вари, старуха, медвежью лапу». Старуха сейчас взяла, содрала кожу, села на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила в печь вариться. Медведь ревел-ревел, надумался и сделал себе липовую лапу; идет к старику на деревяшке и поет:

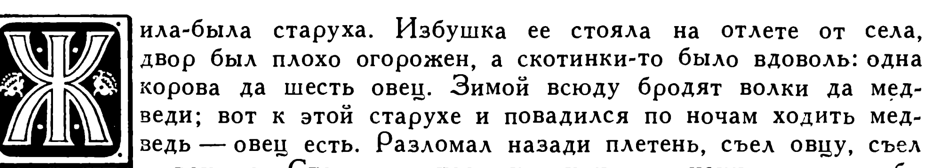
Скрипи, нога,
Скрипи, липовая!

[3] Бить.
[4] Бесхвостый.
[5] У малороссиян существует поговорка: «Кому, кому, — а що куцому, то вже не минецця!»

И вода-то спит,
И земля-то спит,
И по селам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мясо варит,
Мою кожу сушит.

В те́ поры[1] старик и старуха испугались. Старик спрятался на полати под корыто, а старуха на печь под черные рубахи. Медведь взошел в избу; старик со страху кряхтит под корытом, а старуха закашляла. Медведь нашел их, взял да и съел.

58



Жила-была старуха. Избушка ее стояла на отлете от села, 25b
двор был плохо огорожен, а скотинки-то было вдоволь: одна корова да шесть овец. Зимой всюду бродят волки да медведи; вот к этой старухе и повадился по ночам ходить медведь — овец есть. Разломал назади плетень, съел овцу, съел и другую. Старуха зачала караулить и накинула на себя такую дуре́нь[1], что и ночь стала у ней как день. Сняла она с зарезанных медведем овец шерстку и всю ноченьку сидит себе да прядет.

Вот медведь много раз приходил, хочется ему съесть овечку — не тут-то было! Только медведь за плетень, а старуха скрип дверью и выйдет на двор. Медведь с досады перестал ходить по задам, а подойдет под окно к старухиной избе и запоет песню: «Скрипи, скрипи, скрипка, на липовой ножке! И вода-то спит, и земля-то спит; одна бабушка не спит, свою шерстку прядет!»

Выйдет старуха за ворота посмотреть — кто так хорошо поет, а медведь шасть назад к плетню, стибрит[2] овцу и уйдет в лес. Так-то всех овец и перетаскал. Бедная старушка сломала свою избушку и поселилась на куте[3] у своего брата; стали они вместе жить да поживать, добра наживать да лиха избывать.

[1] Тогда.

[1] Дурь.

[2] Утащит, украдет.

[3] Угол против печи в избе (*Ред.*).

59. МЕДВЕДЬ, СОБАКА И КОШКА

ил себе мужик, у него была добрая собака, да как устарела — перестала и лаять и оберегать двор с амбарами. Не захотел мужик кормить ее хлебом, прогнал со двора. Собака ушла в лес и легла под дерево издыхать. Вдруг идет медведь и спрашивает: «Что ты, кобель, улегся здесь?» — «Пришел околевать с голоду! Видишь, нынче какая у людей правда: покуда есть сила — кормят и поят, а как пропадет сила от старости — ну и погонят со двора».— «А что, кобель, хочется тебе есть?» — «Еще как хочется-то!» — «Ну, пойдем со мною; я тебя накормлю». 26

Вот и пошли. Попадается им навстречу жеребец. «Гляди на меня!» — сказал медведь собаке и стал лапами рвать землю. «Кобель, а кобель!» — «Ну что?» — «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?» — «Красны, медведь!» Медведь еще сердитее начал рвать землю. «Кобель, а кобель! Что — шерсть взъерошилась?» — «Взъерошилась, медведь!» — «Кобель, а кобель! Что — хвост поднялся?» — «Поднялся!» Вот медведь схватил жеребца за брюхо; жеребец упал наземь. Медведь разорвал его и говорит: «Ну, кобель, ешь сколько угодно. А как приберешь все, приходи ко мне».

Живет себе кобель, ни о чем не тужит; а как съел все да проголодался опять, побежал к медведю. «Ну что, брат, съел?» — «Съел; теперича опять пришлось голодать».— «Зачем голодать! Знаешь ли, где ваши бабы жнут?» — «Знаю».— «Ну, пойдем; я подкрадусь к твоей хозяйке и ухвачу из зыбки[1] ее ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Как отнимешь, и отнеси назад; она за то станет тебя по-старому кормить хлебом». Вот ладно, прибежал медведь, подкрался и унес ребенка из зыбки. Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли-догоняли и не могли нагнать, так и воротились; мать плачет, бабы тужат.

Откуда нé взялся кобель, догнал медведя, отнял ребенка и несет его назад. «Смотрите,— говорят бабы,— старый-то кобель отнял ребенка!» Побежали навстречу. Мать уж так рада-рада. «Теперича,— говорит,— я этого кобеля ни за что не покину!» Привела его домой, налила молочка, покрошила хлебца и дала ему: «На, покушай!» А мужику говорит: «Нет, муженек, нашего кобеля надо беречь да кормить; он моего ребенка у медведя отнял. А ты сказывал, что у него силы нет!» Поправился кобель, отъелся: «Дай бог, — говорит, — здоровья медведю! Не дал помереть с голоду»,—и стал медведю первый друг.

Раз у мужика была вечеринка. На ту пору медведь пришел к собаке в гости. «Здорово, кобель! Ну как поживаешь — хлеб поедаешь?» — «Слава богу! — отвечает собака.— Не житье, а масленица. Чем же тебя потчевать? Пойдем в избу. Хозяева загуляли и не увидят, как ты пройдешь; а ты войди в избу да поскорей под печку. Вот я что добуду, тем и стану тебя потчевать». Ладно, забрались в избу. Кобель видит, что

[1] Люльки, колыбели.

гости и хозяева порядком перепились, и ну угощать приятеля. Медведь выпил стакан, другой, и поразобрало его. Гости затянули песни, и медведю захотелось, стал свою заводить; а кобель уговаривает: «Не пой, а то беда будет». Куды! Медведь не утихает, а все громче заводит свою песню. Гости услыхали вой, похватали колья и давай бить медведя; он вырвался да бежать, еле-еле жив уплелся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей, и ну проказить: куда ни полезет, а что-нибудь разобьет или из кувшина прольет. Мужик прогнал кошку из дому, а собака видит, что она бедствует без еды, и начала потихоньку носить к ней хлеба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала присматривать; как узнала про это, принялась кобеля бить; била-била, а сама приговаривала: «Не таскай кошке говядины, не носи кошке хлеба!» Вот дня через три вышел кобель со двора и видит, что кошка совсем с голоду издыхает. «Что с тобой?» — «С голоду помираю; потуда и сыта была, покуда ты меня кормил».— «Пойдем со мною».

Вот и пошли. Приходит кобель к табуну и начал копать землю лапами, а сам спрашивает: «Кошка, а кошка! Что — глаза красны?» — «Ничего не красны».— «Говори, что красны!» Кошка и говорит: «Красны».— «Кошка, а кошка! Что — шерсть ощетинилась?» — «Нет, не ощетинилась».— «Говори, дура, что ощетинилась».— «Ну, ощетинилась».— «Кошка, а кошка! Что хвост — поднялся?» — «Ничего не поднялся».— «Говори, дура, что поднялся!» — «Ну, поднялся». Кобель как бросится на кобылу, а кобыла как ударит его задом: у кобеля и дух вон! А кошка и говорит: «Вот теперича и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась, и хвост завился. Прощай, брат кобель! И я пойду помирать».

60—61. КОЗА

60

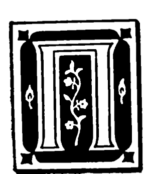
Сидит козел да плачет: он послал козу за орехами; она пошла и пропала. 27а
Вот козел и запел:

Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, коза! Пошлю на тя волки.
Волки нейдут козы гнать:
Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, волки! Пошлю на вас медведя.

Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
    Нет козы с орехами,
    Нет козы с калеными!
Добро же, медведь! Пошлю на тя люд.
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
    Нет козы с орехами,
    Нет козы с калеными!
Добро же, люди! Пошлю на вас дубье.
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
    Нет козы с орехами,
    Нет козы с калеными!
Добро же, дубье! Пошлю на тя топор.
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
    Нет козы с орехами,
    Нет козы с калеными!
Добро же, топор! Пошлю на тя камень.
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
    Нет козы с орехами,
    Нет козы с калеными!
Добро же, камень! Пошлю на тя огонь.
Огонь нейдет камень палить,
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
    Нет козы с орехами,
    Нет козы с калеными!
Добро же, огонь! Пошлю на тя воду.
Вода нейдет огонь лить,
Огонь нейдет камень палить,

Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди нейдут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки нейдут козы гнать:
    Нет козы с орехами,
    Нет козы с калеными!
Добро же, вода! Пошлю на тя бурю.
Буря пошла воду гнать,
Вода пошла огонь лить,
Огонь пошел камень палить,
Камень пошел топор тупить,
Топор пошел дубье рубить,
Дубье пошло людей бить,
Люди пошли медведь стрелять,
Медведь пошел волков драть,
Волки пошли козу гнать:
    Вот коза с орехами,
    Вот коза с калеными!

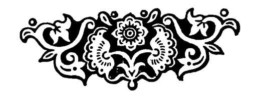
61


ошла коза за лыками;
Козы нету за рекой.
«Ну, постой же ты, коза!
Я нашлю на тебя волка».
Волк нейдет козы резать:
Козы нету за рекой.
«Ну, постой же ты мне, волк!
Я нашлю на тя медведь».
Медведь нейдет волка драть,
Волк нейдет козы резать:
Козы нету за рекой.
«Ну, постой же ты, медведь!
Я нашлю на тя дубье».
Дубье нейдет медведь бить,
Медведь нейдет волка драть,
Волк нейдет козы резать:
Козы нету за рекой.
«Ну, постой же ты, дубье!
Я нашлю на тя топор».

И так далее, на топор насылается камень, на камень — лом, на лом — кузнец, на кузнеца — плеть.

Плеть идет кузнеца бить,
Кузнец идет лом варить,
Лом идет камень дробить,

Камень идет топор точить,
Топор идет дубье рубить,
Дубье идет медведь бить,
Медведь идет волка драть,
Волк идет козу резать!



62. СКАЗКА О КОЗЕ ЛУПЛЕНОЙ

Коза рухлена, половина бока луплена!.. Слушай, послушивай! 28
Жил-был мужик, у него был зайчик. Вот и пошел мужик на́ поле; тут увидал он: лежит коза, половина бока луплена, а половина нет. Мужик сжалился над нею, взял ее, принес домой и положил под сарай. Пообедав и отдохнув немножко, вышел он на огород, и зайчик с ним. Тут коза из-под сарая в избу пробрала́сь и там крючком заперлась.

Вот зайчик захотел поесть и прибежал к дверям избы; хвать лапкой — дверь заперта! «Кто там?» — спрашивает зайчик. Коза отвечает: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выйду — все бока повыбью!» Зайчик с горем отошел от двери, вышел на улицу и плачет. Навстречу ему бирюк. «Что ты плачешь?» — спросил бирюк. «У нас в избе кто-то»,— сказал сквозь слезы зайчик. А бирюк: «Иди со мною, я выгоню!» Пришли к дверям. «Кто здесь?» — спросил бирюк. Коза затопала ногами и сказала: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выйду — все бока повыбью!»

Вот они и ушли от двери. Зайчик опять заплакал и вышел на улицу, а бирюк убежал в лес. Навстречу зайцу идет кочет: «Что ты плачешь?» Зайчик ему сказал. Вот кочет и говорит: «Иди со мною, я выгоню!» Подходя к двери, зайчик, чтобы устрашить козу, кричит: «Идет кочет на пятах, несет саблю на плечах, идет душу губить — козе голову рубить». Вот подошли; кочет и спрашивает: «Кто там?» Коза по-прежнему: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выйду — все бока повыбью!»

Зайчик опять со слезами ушел на улицу. Тут подлетела к нему пчелка, суетится и спрашивает: «Кто тебя? О чем ты плачешь?» Зайчик сказал ей, и пчелка полетела к избе. Тут она спросила: «Кто там?» Коза отвечала по-прежнему. Пчелка рассердилась, начала летать круг стенок; вот жужжала-жужжала и нашла дырочку, влезла туда да за голый бок и жальнула[1] козу ру́хлену и сделала на боку пу́хлину. Коза со всего маху в дверь, и была такова! Тут зайчик вбег в избу, наелся-напился и спать повалился. Когда зайчик проснется, тогда и сказка начнется.

[1] Ужалила.

63. СКАЗКА ПРО ОДНОГО ОДНОБОКОГО БАРАНА

У одного барина было много животины[1]. Только что он принял[2] пять барашков, из шкурок ихних выделал овчинки и стал себе шубу шить. Призвал портного. «Ну,— бает,— сшей мне шубу». Тот померил-померил; зидит, что не хватит ему пол-овчинки на шубу. «Мало,— бает,— овчин, не хватает на клинья».— «Эвтому делу можно пособить»,— бает барин и велел лакею своему у одного барана содрать шкурку с одного боку. Лакей так и сделал, как барин баял. Только что этот баран рассерчал на барина, подозвал к себе козла. «Пойдем,— бает,— от этакого лиходея; в лесу пока можно жить, травка есть, водицу найдем, сыты будем». Вот они и пошли. Пришли в лес, сладили шалашу́, и ну по ночам ночевать. Живут себе да поживают да травку поедают. 29

Только что у того барина жить не полюбилось не им одним. Ушли с того со двора корова да свинья, петух да гусак. Вот они, пока было тепло, жили себе на воле, а как пришла зимушка-зима, и они стали прятаться от мороза. Вот ходили, ходили по лесу, да и нашли шалашу́-то барана, и стали они проситься к нему: «Пусти,— ба́ют,— нам ведь холодно». А они и знать не хотят, никого не пускают.

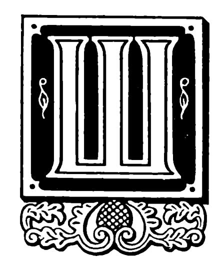
Вот корова подходит: «Пустите,— бает,— а не то всю вашу шалашу́ набок сворочу!» Баран видит, плохо дело, пустил ее. Подходит свинья: «Пустите,— бает,— а нет — так я всю землю изрою да таки подроюсь к вам; смотрите, вам же будет холоднее». Делать нечего, и эту пустили. Глядь — и гусак тоже бает: «Пустите, а не то я дыру проклюю, смотрите, вам же будет холоднее».— «Пустите,— бает и петун[3],— а не то всю крышу вашу обс ..!» Что делать, пустили и этих, да и стали все они жить вместях.

Долго ль, коротко ль они жили, а однажды шли мимо их разбойники и услыхали крик да гам, подошли, послухали; не знают, что такое есть, и посылают одного своего товарища: «Ступай,— бают,— а не то веревку на шею, да и в воду!» Делать нечего, тот и пошел. Как только взошел, как начали его со всех сторон! Вот он, делать нечего, назад... «Ну, братцы,— бает,— что хотите делайте, а я уж ни за что не пойду. Этакого страха сродясь не видывал! Только что взошел, где ни возьмись — баба, да меня ухватом-то, да меня ухватом-то; а тут еще барыня, да так и серчает; а тут, глядь,— чеботарь[4], да меня шилом-то, да меня шилом-то в зад; а тут еще портной, да ножницами; а тут еще солдат со шпорами, да так на меня скинулся, что волосы у него дыбом стали; «вот я те!» — бает. А там еще, знать, ихний, на́большой: «ужо-ка я-то его!» Братцы,— бает,— сробел».— «Ну,— бают разбойники,— делать нечего, уйдемте, а то, пожалуй, и нас-то всех перевяжут!» Ушли.

[1] Скота.
[2] *Принять* — бить и свежевать скотину.
[3] Петух.
[4] Сапожник.

А они живут пока да живут себе складно. Вдруг приходят к ихней шалаше́ зверье[5], да по духу и узнали, что́ там есть. «Ну-тка,— бают волку,— поди-ка ты наперед!» Только что тот взошел, как те начали его катать; насилу ноги оттуда вынес. Не знают, что и делать. А тута был с ними еж; вот он: «Постойте-ка,— бает,— вот ужо-ка я попытаюсь, авось лучше будет!» Вишь, он знал, что у барана-то одного бока нету. Вот он и подкатился, да и кольни барана; как тот через всех да как прыгнет, да и драла. За ним и все, да так и разбежались. А наместо их зверье тута и остались.

64. ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

ел бык лесом; попадается ему навстречу баран. «Куды, 30
баран, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу», — говорит баран. «Пойдем со мною!» Вот пошли вместе; попадается им навстречу свинья. «Куды, свинья, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу»,— отвечает свинья. «Иди с нами!» Пошли втроем дальше; навстречу им попадается гусь. «Куды, гусь, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу»,— отвечает гусь. «Ну, иди за нами!» Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух. «Куды, петух, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу»,— отвечает петух. «Иди за нами!»

Вот идут они путем-дорогою и разговаривают промеж себя: «Как же, братцы-товарищи? Время приходит холодное: где тепла искать?» Бык и сказывает: «Ну, давайте избу строить; а то и впрямь зимою позамерзнем». Баран говорит: «У меня шуба тепла — вишь какая шерсть! Я и так прозимую». Свинья говорит: «А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: зароюся в землю и без избы прозимую». Гусь говорит: «А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденуся,— меня никакой холод не возьмет; я и так прозимую». Петух говорит: «И я тож!» Бык видит — дело плохо, надо одному хлопотать. «Ну,— говорит,— вы как хотите, а я стану избу строить». Выстроил себе избушку и живет в ней.

Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран — делать нечего — приходит к быку: «Пусти, брат, погреться».— «Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пущу!» —«А коли не пустишь, то я разбегуся и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее». Бык думал-думал: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит», — и пустил барана. Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

5 Волки.

«Пусти, брат, погреться».— «Нет, не пущу; ты в землю зароешься, и так прозимуешь!» — «А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу уроню». Делать нечего, надо пустить; пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух: «Пусти, брат, к себе погреться».— «Нет, не пущу. У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; и так прозимуете!» — «А не пустишь,— говорит гусь,— так я весь мох из твоих стен повыщиплю; тебе же холоднее будет».— «Не пустишь? — говорит петух.— Так я взлечу на верх[1] всю землю с потолка сгребу; тебе же холоднее будет». Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе да поживают в избушке. Отогрелся в тепле петух и зачал песенки распевать. Услышала лиса, что петух песенки распевает, захотелось петушком полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала: «Ну, любезные куманьки, я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, быка; для тебя, волк, барана; а для себя петуха».— «Хорошо, кумушка,— говорят медведь и волк,— мы твоих услуг никогда не забудем! Пойдем же, приколем да поедим!»

Лиса привела их к избушке. «Кум,— говорит она медведю,— отворяй дверь, я наперед пойду, петуха съем». Медведь отворил дверь, а лисица вскочила в избушку. Бык увидал ее и тотчас прижал к стене рогами, а баран зачал осаживать по бокам; из лисы и дух вон. «Что она там долго с петухом не может управиться? — говорит волк.— Отпирай, брат Михайло Иванович! Я пойду».— «Ну, ступай». Медведь отворил дверь, а волк вскочил в избушку. Бык и его прижал к стене рогами, а баран ну осаживать по бокам, и так его приняли, что волк и дышать перестал. Вот медведь ждал-ждал: «Что он до сих пор не может управиться с бараном! Дай я пойду». Вошел в избушку; а бык да баран и его так же приняли. Насилу вон вырвался, и пустился бежать без оглядки.

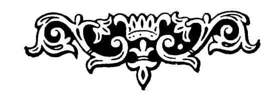
65. МЕДВЕДЬ И ПЕТУХ

Был у старика сын дурак. Просит дурак, чтобы отец его 31
женил: «А если не женишь — всю печку разломаю!» — «Как я тебя женю? У нас денег нету».— «Денег нету, да есть вол; продай его на бойню». Вол услыхал, в лес убежал. Дурак опять пристает к отцу: «Жени меня, не то всю печку разломаю!» Отец говорит: «Рад бы женить, да денег нету».— «Денег нету, да есть баран; продай его на бойню». Баран услыхал, в лес убежал. Дурак от отца не отходит: «жени меня», да и только. «Я же тебе говорю, что денег

[1] На чердак.

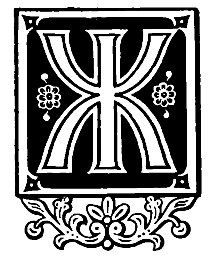
нет!» — «Денег нету, да есть петух; заколи его, испеки пирог и продай». Петух услыхал, в лес улетал.

Вол, баран и петух сошлись все вместе и выстроили себе в лесу избушку. Медведь узнал про то, захотел их съесть и пришел к избушке. Петух увидал его и запрыгал по насести; машет крыльями и кричит: «Куда-куда-куда! Да подайте мне его сюда; я ногами стопчу, топором срублю! И ножишко здесь, и гужишко здесь, и зарежем здесь, и повесим здесь!» Медведь испугался и пустился назад, бежал-бежал, от страху упал и умер. Дурак пошел в лес, нашел медведя, снял с него шкуру и продал; на эти деньги и женили дурака. Вол, баран и петух из лесу домой пришли.



66—67. СОБАКА И ДЯТЕЛ

66



Жили мужик да баба и не знали, что́ есть за работа; з 2а
а была у них собака, она их и кормила и поила. Но пришло время, стала собака стара; куда уж тут кормить мужика с бабой! Чуть сама с голоду не пропадает. «Послушай, старик,— говорит баба,— возьми ты эту собаку, отведи за деревню и прогони; пусть идет куда хочет. Теперича она нам не надобна! Было время — кормила нас, ну и держали ее». Взял старик собаку, вывел за деревню и прогнал прочь.

Вот собака ходит себе по чистому полю, а домой идти боится: старик со старухою станут бить-колотить. Ходила-ходила, села наземь и завыла крепким голосом. Летел мимо дятел и спрашивает: «О чем ты воешь?» — «Как не выть мне, дятел! Была я молода, кормила-поила старика со старухою; стала стара, они меня и прогнали. Не знаю, где век доживать».— «Пойдем ко мне, карауль моих детушек, а я кормить тебя стану». Собака согласилась и побежала за дятлом.

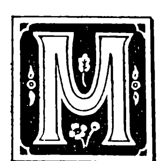
Дятел прилетел в лес к старому дубу, а в дубе было дупло, а в дупле дятлово гнездо. «Садись около дуба,— говорит дятел,— никого не пущай, а я полечу разыскивать корму». Собака уселась возле дуба, а дятел полетел. Летал-летал и увидал: идут по дороге бабы с горшочками, несут мужьям в поле обедать; пустился назад к дубу, прилетел и говорит: «Ну, собака, ступай за мною; по дороге бабы идут с горшочками, несут мужьям в поле обедать. Ты становись за кустом, а я окунусь в воду да вываляюсь в песку и стану перед бабами по дороге низко порхать, будто взлететь повыше не могу. Они начнут меня ловить, горшочки свои постановят наземь, а сами за мною. Ну, ты поскорее к горшочкам-то бросайся да наедайся досыта».

Собака побежала за дятлом и, как сказано, стала за кустом; а дятел вывалялся весь в песку и начал перед бабами по дороге перепархивать. «Смотрите-ка,— говорят бабы,— дятел-то совсем мокрый, давайте его ловить!» Покинули наземь свои горшки, да за дятлом, а он от них дальше да дальше, отвел их в сторону, поднялся вверх и улетел. А собака меж тем выбежала из-за куста и все, что было в горшочках, приела и ушла. Воротились бабы, глянули, а горшки катаются порожние; делать нечего, забрали горшки и пошли домой.

Дятел нагнал собаку и спросил: «Ну что, сыта?» — «Сыта»,— отвечает собака. «Пойдем же домой». Вот дятел летит, а собака бежит; попадается им на дороге лиса. «Лови лису!» — говорит дятел. Собака бросилась за лисою, а лиса припустила изо всех сил. Случись на ту пору ехать мужику с бочкою дегтю. Вот лиса кинулась через дорогу, прямо к телеге и проскочила сквозь спицы колеса; собака было за нею, да завязла в колесе; тут из нее и дух вон.

«Ну, мужик,— говорит дятел,— когда ты задавил мою собаку, то и я причиню тебе великое горе!» Сел на телегу и начал долбить дыру в бочке, стучит себе в самое дно. Только отгонит его мужик от бочки, дятел бросится к лошади, сядет промежду ушей и долбит ее в голову. Сгонит мужик с лошади, а он опять к бочке; таки продолбил в бочке дыру и весь деготь выпустил. А сам говорит: «Еще не то тебе будет»,— и стал долбить у лошади голову. Мужик взял большое полено, засел за телегу, выждал время и как хватит изо всей мочи; только в дятла не попал, а со всего маху ударил лошадь по голове и ушиб ее до смерти. Дятел полетел к мужиковой избе, прилетел и прямо в окошко. Хозяйка тогда печь топила, а малый ребенок сидел на лавке; дятел сел ему на голову и ну долбить. Баба прогоняла-прогоняла его, не может прогнать: злой дятел все клюет; вот она схватила палку да как ударит: в дятла-то не попала, а ребенка зашибла...

67

ужик прогнал со двора старую собаку; она придумала идти 32b
в чистое поле и кормиться полевыми мышами. Пошла в поле: увидел ее дятел и взял к себе в товарищи. «Я голодна»,— говорит собака. «Пойдем в деревню,— отвечает дятел,— там свадьбу справляют, будет чем поживиться». Птица влетела в избу, где свадьбу справляли, и зачала бегать по столам, а гости стали кидать в нее кто чем попало, всё перебили и под стол перебросали; а собака в такой суматохе незаметно пробралась в эту же избу, затесалась под стол, наелась, сколько душе угодно, и ушла. «Ну что — сыта?» — спрашивает дятел. «Сыта-то сыта, да пить хочу!» — говорит собака. «Ступай в другую избу, там старик вино цедит из бочки».

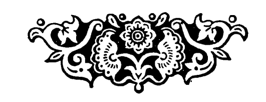
Дятел влетел в окошко, сел на бочку и ну долбить в самое дно. Старик хотел ударить дятла, кинул в него воронкой, да не попал; воронка куда-то закатилась: старик и туда и сюда, не может найти, а из бочки

вино себе льется наземь. Собака пробралась в избу, напилась и назад. Сошлась с дятлом и говорит ему: «Я теперь и сыта и пьяна, хочу вдоволь насмеяться!» — «Ладно»,— отвечает дятел. Вот увидали они, что работники хлеб молотят. Дятел тотчас сел к одному работнику на плечо и стал клевать его в затылок; а другой парень схватил палку, хотел ударить птицу, да и свалил с ног работника. А собака от смеха так и катается по земле!

После того дятел с собакою пустились в чистое поле и повстречали лисицу. Дятел начал манить лисицу; чуть-чуть подымется вверх и опять опустится вниз; лиса ну гоняться за ним по́ полю, а собака подкралась сзади к лисице, подползла на брюхе, хвать ее и начала грызть. На ту пору ехал в город мужик с возом горшки продавать, увидел, что собака лису давит, прибежал к ним с поленом, ударил со всего размаху, убил и ту и другую. Озлился дятел на старика; сел его лошади на голову и стал выклевывать ей глаза. Мужик бежит с поленом, хочет убить дятла; прибежал, как хватит — лошадь тут же и повалилась мертвая. А дятел увернулся, перелетел на́ воз и пошел бегать по горшкам, а сам так и бьет крылами. Мужик за ним и ну поленом по возу-то, по возу-то. Перебил все горшки и пошел домой ни с чем, а дятел улетел в лес.

68. КОЧЕТ И КУРИЦА

или курочка с кочетком, и пошли они в лес по орехи. 33
Пришли к орешне; кочеток залез на орешню рвать орехи, а курочку оставил на земле подбирать орехи: кочеток кидает, а курочка подбирает. Вот кинул кочеток орешек, и попал курочке в глазок, и вышиб глазок. Курочка пошла — плачет. Вот едут бояре и спрашивают: «Курочка, курочка! Что ты плачешь?» — «Мне кочеток вышиб глазок».— «Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?» — «Мне орешня портки раздрала».— «Орешня, орешня! На что ты кочетку портки раздрала?» — «Меня козы подглодали».— «Козы, козы! На что вы орешню подглодали?» — «Нас пастухи не берегут».— «Пастухи, пастухи! Что вы коз не берегете?» — «Нас хозяйка блинами не кормит».— «Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кормишь?» — «У меня свинья опару пролила».— «Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?» — «У меня волк поросенчика унес».— «Волк, волк! На что ты у свиньи поросенчика унес?» — «Я есть захотел, мне бог повелел».



69. СМЕРТЬ ПЕТУШКА

Ходят курица с петухом на поповом гумне. Подавился петушок бобовым зе́рнятком. 34

Курочка сжале́лась, пошла к речке просить воды.

Речка говорит: «Поди к липке, проси ли́ста, тогда и дам воды!» — «Липка, липка! Дай ли́сту: лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зе́рнятком: ни спыши́т [1], ни сдыши́т, ровно мертвый лежит!»

Липка сказала: «Поди к девке, проси нитки: в те́ поры дам ли́ста!» — «Девка, девка! Дай нитки, нитки нести к липке, липка даст ли́сту, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зе́рнятком: ни спыши́т, ни сдыши́т, ровно мертвый лежит!»

Девка говорит: «Поди к корове, проси молока; в те́ поры дам нитки». Пришла курочка к корове: «Корова, корова! Дай молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст ли́сту, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зе́рнятком: ни спыши́т, ни сдыши́т, ровно мертвый лежит!»

Корова говорит: «Поди, курочка, к сенокосам [2], попроси у них сена; в те́ поры дам молока». Пришла курочка к сенокосам: «Сенокосы, сенокосы! Дайте сена, сено нести к корове, корова даст молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст ли́сту, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зе́рнятком: ни спыши́т, ни сдыши́т, ровно мертвый лежит!»

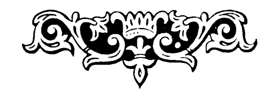
Сенокосы говорят: «Поди, курочка, к кузнецам, чтобы сковали косу». Пришла курочка к кузнецам: «Кузнецы, кузнецы! Скуйте мне косу, косу нести к сенокосам, сенокосы дадут сена, сено нести к корове, корова даст молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст ли́сту, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зе́рнятком: ни спыши́т, ни сдыши́т, ровно мертвый лежит!»

Кузнецы сказали: «Иди, курочка, к ла́янам [3], проси у них уголья; в те́ поры скуем тебе косу». Пришла курочка к ла́янам: «Ла́яна, ла́яна! Дайте уголья, уголье нести к кузнецам, кузнецы скуют косу, косу нести к сенокосам, сенокосы дадут сена, сено нести к корове, корова даст молока, молоко нести к девке, девка даст нитки, нитки нести к липке, липка даст ли́сту, лист нести к речке, речка даст воды, воду нести к петушку, — подавился петушок бобовым зе́рнятком: ни спыши́т, ни сдыши́т, ровно мертвый лежит!»

Дали ла́яна уголья; снесла курочка уголье к кузнецам, кузнецы сковали косу; снесла косу к сенокосам, сенокосы накосили сена; снесла сено к

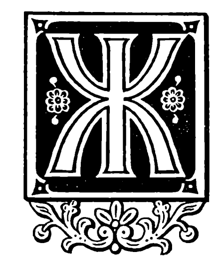
[1] *Пыша́ть* — дышать.
[2] Т. е. косцам.
[3] *Ла́яна* — жители деревни Ла́и, которая стоит при речке того же имени (Лая), впадающей в Северную Двину. Они занимаются приготовлением угля для портовых кузниц.

корове, корова дала молока; снесла молоко к девке, девка дала нитки; снесла нитки к липке, липка дала ли́сту; снесла лист к речке, речка дала воды; снесла воду к петушку: он лежит, ни спыши́т, ни сдыши́т, подавился на поповом гумне бобовым зе́рнятком!



70—71. КУРОЧКА

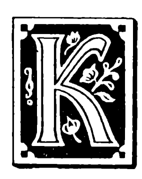
70



Жил-был старик со старушкою, у них была курочка-тата- *35а*
рушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, востро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвирня, спрашивает: что они так плачут? Старики начали пересказывать: «Как нам не плакать? Есть у нас курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, востро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старик, плачу, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась». Просвирня как услыхала — все просвиры изломала и побросала. Подходит дьячок и спрашивает у просвирни: зачем она просвиры побросала?

Она пересказала ему все горе; дьячок побежал на коло́кольню и пере́бил все колокола. Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил? Дьячок пересказал все горе попу, а поп побежал, все книги изорвал.

71



Как у нашей бабушки в задворенке
Была курочка-рябушечка; *35b*
Посадила курочка яичушко,
С полки на полку,
В осиновое дупёлко [1],
В кут под лавку.
Мышка бежала,
Хвостом вернула —
Яичко приломала!
Об этом яичке строй [2] стал плакать,

[1] Кадочка, выдолбленная из цельного дерева или пня.

[2] Нищий, калека.

Баба рыдать, вереи [3] хохотать,
Курицы летать, ворота скрипеть;
Сор под порогом заку́рился,
Двери побутусились[4], тын рассыпался;
Поповы дочери шли с водою,
Ушат приломали,
Попадье сказали:
«Ничего ты не знаешь, матушка!
Ведь у бабушки в задворенке
Была курочка-рябушечка;
Посадила курочка яичушко,
С полки на полку,
В осиновое дупёлко,
В кут под лавку.
Мышка бежала,
Хвостом вернула —
Яичко приломала!
Об этом яичке строй стал плакать,
Баба рыдать, вереи хохотать.
Курицы летать, ворота скрипеть,
Сор под порогом заку́рился,
Двери побутусились, тын рассыпался;
Мы шли с водою — ушат приломали!»
Попадья квашню месила —
Все тесто по полу разметала;
Пошла в церковь, попу сказала:
«Ничего ты не знаешь...
Ведь у бабушки в задворенке
(Снова повторяется тот же рассказ.)
. . . . тын рассыпался;
Наши дочери шли с водой —
Ушат приломали, мне сказали;
Я тесто месила —
Все тесто разметала!»
Поп стал книгу рвать —
Всю по полу разметал!

[3] *Вереи* — столбы, на которые навешиваются ворота (*Ред.*).

[4] Покривились.

72. ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Летала сова — веселая голова; вот она летала-летала и села, 36
да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала-летала и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться. «Дай пойду посватаюсь на цапле!»

Пошел журавль — тяп, тяп! Семь верст болото месил; приходит и говорит: «Дома ли цапля?» — «Дома». — «Выдь за меня замуж». — «Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!» Журавль как не солоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала: «Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля». Приходит к журавлю и говорит: «Журавль, возьми меня замуж!» — «Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!» — Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал: «Напрасно нé взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж». Приходит и говорит: «Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня».— «Нет, жу́равль, нейду за тя замуж!»! Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!» Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся.

73. ВОРОНА И РАК

Летела ворона по-над морем, смотрит — рак лезет; хап его и 37
понесла в лес, чтобы, усевшись где-нибудь на ветке, хорошенько закусить. Видит рак, что приходится пропадать и говорит вороне: «Эй, воро́но, воро́но! Знав я твого́ батька и твою матір — славні люди були!» — «Угу!» — ответила ворона, не раскрывая рта. «І братів і сестер твоїх знав, що́ за добрі люди!» — «Угу!» — «Та вже хоч вони і гарні[1] люди, а тобі не рівня. Мені здається, що й на світі нема розумнішого над тебе». — «Эге!» — крякнула ворона во весь рот и упустила рака в море.

[1] Хорошие (*Ред.*).

74. ОРЕЛ И ВОРОНА

Жила-была на Руси ворона, с няньками, с мамками, с малыми детками, с ближними соседками. Прилетели гуси-лебеди, нанесли яичек; а ворона стала их забижать, стала у них яички таскать. 38

Случилось лететь мимо сычу; видит он, что ворона больших птиц забижает, и полетел к сизому орлу. Прилетел и просит: «Батюшка сизый орел! Дай нам праведный суд на шельму ворону». Сизый орел послал за вороной легкого посла воробья. Воробей тотчас полетел, захватил ворону; она было упираться, воробей давай ее пинками и привел-таки к сизому орлу.

Орел стал судить. «Ах ты шельма ворона, шаловая[1] голова, непотребный нос, г... хвост! Про тебя говорят, что ты на чужое добро рот разеваешь, у больших птиц яички таскаешь».— «Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!» — «Про тебя же сказывают: выйдет мужичок сеять, а ты выскочишь со всем своим содомом и ну разгребать».— «Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!» — «Да еще сказывают: станут бабы жать, нажнут и покладут снопы на поле, а ты выскочишь со всем содомом и опять-таки ну разгребать да ворошить».— «Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!»

Осудили ворону в острог посадить.

75. ЗОЛОТАЯ РЫБКА

На море на океане, на острове на Буяне стояла небольшая 39
ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал сеть и стал ходить нá море да ловить рыбу: тем только и добывал себе дневное пропитание. Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему так тяжело, как доселева никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит, а сеть пуста; всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая — золотая. Возмолилась ему рыбка человечьим голосом: «Не бери меня, старичок! Пусти лучше в сине море; я тебе сама пригожусь: что пожелаешь, то и сделаю». Старик подумал-подумал и говорит: «Мне ничего от тебя не надобно: ступай гуляй в море!»

Бросил золотую рыбку в воду и воротился домой. Спрашивает его старуха: «Много ли поймал, старик?» — «Да всего-навсего одну золотую

[1] Глупая (*Ред.*).

рыбку, и ту бросил в море; крепко она возмолилась: отпусти, говорила, в сине море; я тебе в пригоду стану: что пожелаешь, все сделаю! Пожалел я рыбку, не́ взял с нее выкупу, даром на волю пустил».— «Ах ты, старый черт! Попалось тебе в руки большое счастье, а ты и владать не сумел».

Озлилась старуха, ругает старика с утра до вечера, не дает ему спокоя: «Хоть бы хлеба у ней выпросил! Ведь скоро сухой корки не будет; что жрать-то станешь?» Не выдержал старик, пошел к золотой рыбке за хлебом; пришел на́ море и крикнул громким голосом: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла к берегу: «Что тебе, старик, надо?» — «Старуха осерчала, за хлебом прислала».— «Ступай домой, будет у вас хлеба вдоволь». Воротился старик: «Ну что, старуха, есть хлеб?» — «Хлеба-то вдоволь; да вот беда: корыто раскололось, не в чем белье мыть; ступай к золотой рыбке, попроси, чтоб новое дала».

Пошел старик на́ море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебе надо, старик?» — «Старуха прислала, новое корыто просит».— «Хорошо, будет у вас и корыто». Воротился старик,— только в дверь, а старуха опять на него накинулась: «Ступай,— говорит,— к золотой рыбке, попроси, чтоб новую избу построила; в нашей жить нельзя, того и смотри что развалится!» Пошел старик на́ море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла, стала к нему головой, в море хвостом и спрашивает: «Что тебе, старик, надо?» — «Построй нам новую избу; старуха ругается, не дает мне спокою; не хочу, говорит, жить в старой избушке: она того и смотри вся развалится!» — «Не тужи, старик! Ступай домой да молись богу, все будет сделано».

Воротился старик — на его дворе стоит изба новая, дубовая, с вырезными узорами. Выбегает к нему навстречу старуха, пуще прежнего сердится, пуще прежнего ругается: «Ах ты, старый пес! Не умеешь ты счастьем пользоваться. Выпросил избу и, чай, думаешь — дело сделал! Нет, ступай-ка опять к золотой рыбке да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтоб меня добрые люди слушались, при встречах в пояс кланялись». Пошел старик на́ море, говорит громким голосом: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла рыбка, стала в море хвостом, к нему головой: «Что тебе, старик, надо?» Отвечает старик: «Не дает мне старуха спокою, совсем вздурилась: не хочет быть крестьянкою, хочет быть воеводихой».— «Хорошо, не тужи! Ступай домой да молись богу, все будет сделано».

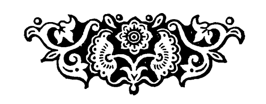
Воротился старик, а вместо избы каменный дом стоит, в три этажа выстроен; по́ двору прислуга бегает, на кухне повара стучат, а старуха в дорогом парчовом платье на высоких креслах сидит да приказы отдает. «Здравствуй, жена!» — говорит старик. «Ах ты, невежа этакой! Как смел обозвать меня, воеводиху, своею женою? Эй, люди! Взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьми как можно больнее». Тотчас прибежала прислуга, схватила старика за шиворот и потащила в конюшню; начали конюхи угощать его плетьми, да так угостили, что еле на

ноги поднялся. После того старуха поставила старика дворником; велела дать ему метлу, чтоб двор убирал, а кормить и поить его на кухне. Плохое житье старику: целый день двор убирай, а чуть где нечисто — сейчас на конюшню! «Экая ведьма! — думает старик.— Далось ей счастье, а она как свинья зарылась, уж и за мужа меня не считает!»

Ни много, ни мало прошло времени, придокучило старухе быть воеводихой, потребовала к себе старика и приказывает: «Ступай, старый черт, к золотой рыбке, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею». Пошел старик на́ море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебе, старик, надо?» — «Да что, вздурилась моя старуха пуще прежнего: не хочет быть воеводихой, хочет быть царицею».— «Не тужи! Ступай домой да молись богу, все будет сделано». Воротился старик, а вместо прежнего дома высокий дворец стоит под золотою крышею; кругом часовые ходят да ружьями выкидывают; позади большой сад раскинулся, а перед самым дворцом — зеленый луг; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балкон с генералами да с боярами и начала делать тем войскам смотр и развод: барабаны бьют, музыка гремит, солдаты «ура» кричат!

Ни много, ни мало прошло времени, придокучило старухе быть царицею, велела разыскать старика и представить пред свои очи светлые. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бегают: «Какой-такой старик?» Насилу нашли его на заднем дворе, повели к царице. «Слушай, старый черт! — говорит ему старуха.— Ступай к золотой рыбке да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы все моря и все рыбы меня слушались». Старик было отнекиваться; куда тебе! коли не пойдешь — голова долой! Скрепя сердце пошел старик на́ море, пришел и говорит: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Золотой рыбки нет как нет! Зовет старик в другой раз — опять нету! Зовет в третий раз — вдруг море зашумело, взволновалося; то было светлое, чистое, а тут совсем почернело. Приплывает рыбка к берегу: «Что тебе, старик, надо?» — «Старуха еще пуще вздурилася; уж не хочет быть царицею, хочет быть морскою владычицей, над всеми водами властвовать, над всеми рыбами повелевать».

Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла в глубину моря. Старик воротился назад, смотрит и глазам не верит: дворца как не бывало, а на его месте стоит небольшая ветхая избушка, а в избушке сидит старуха в изодранном сарафане. Начали они жить по-прежнему, старик опять принялся за рыбную ловлю; только как часто ни закидывал сетей в море, не удалось больше поймать золотой рыбки.



76. ЖАДНАЯ СТАРУХА

Жил старик со старухою; пошел в лес дрова рубить. 40
Сыскал старое дерево, поднял топор и стал рубить. Говорит ему дерево: «Не руби меня, мужичок! Что тебе надо, все сделаю».— «Ну, сделай, чтобы я богат был».— «Ладно; ступай домой, всего у тебя вдоволь будет». Воротился старик домой — изба новая, словно чаша полная, денег куры не клюют, хлеба на десятки лет хватит, а что коров, лошадей, овец — в три дня не сосчитать! «Ах, старик, откуда все это?» — спрашивает старуха. «Да вот, жена, я такое дерево нашел — что ни пожелай, то и сделает».

Пожили с месяц; приелось старухе богатое житье, говорит старику: «Хоть живем мы богато, да что в этом толку, коли люди нас не почитают! Захочет бурмистр, и тебя и меня на работу погонит; а придерется, так и палками накажет. Ступай к дереву, проси, чтоб ты бурмистром был». Взял старик топор, пошел к дереву и хочет под самый корень рубить. «Что тебе надо?» — спрашивает дерево. «Сделай, чтобы я бурмистром был».— «Хорошо, ступай с богом!»

Воротился домой, а его уж давно солдаты дожидают: «Где ты,— закричали, —старый черт, шатаешься? Отводи скорей нам квартиру, да чтоб хорошая была. Ну-ну, поворачивайся!» А сами тесаками его по горбу да по горбу. Видит старуха, что и бурмистру не всегда честь, и говорит старику: «Что за корысть быть бурмистровой женою! Вот тебя солдаты прибили, а уж о барине и говорить нечего: что захочет, то и сделает. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтоб сделало тебя барином, а меня барыней».

Взял старик топор, пошел к дереву, хочет опять рубить; дерево спрашивает: «Что тебе надо, старичок?»— «Сделай меня барином, а старуху барыней».— «Хорошо, ступай с богом!» Пожила старуха в барстве, захотелось ей большего, говорит старику: «Что за корысть, что я барыня! Вот кабы ты был полковником, а я полковницей — иное дело, все бы нам завидовали».

Погнала старика снова к дереву; взял он топор, пришел и собирается рубить. Спрашивает его дерево: «Что тебе надобно?» — «Сделай меня полковником, а старуху полковницей».— «Хорошо, ступай с богом!» Воротился старик домой, а его полковником пожаловали.

Прошло несколько времени, говорит ему старуха: «Велико ли дело — полковник! Генерал захочет, под арест посадит. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя генералом, а меня генеральшею». Пошел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе надобно?» — спрашивает дерево. «Сделай меня генералом, а старуху генеральшею».— «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а его в генералы произвели.

Опять прошло несколько времени, наскучило старухе быть генеральшею, говорит она старику: «Велико ли дело — генерал! Государь захочет, в Сибирь сошлет. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя царем, а меня царицею». Пришел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что

тебе надобно?» — спрашивает дерево. «Сделай меня царем, а старуху царицею».— «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а за ним уж послы приехали: «Государь-де помер, тебя на его место выбрали».

Не много пришлось старику со старухой нацарствовать; показалось старухе мало быть царицею, позвала старика и говорит ему: «Велико ли дело — царь! Бог захочет, смерть нашлет, и запрячут тебя в сырую землю. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтобы сделало нас богами».

Пошел старик к дереву. Как услыхало оно эти безумные речи, зашумело листьями и в ответ старику молвило: «Будь же ты медведем, а твоя жена медведицей». В ту ж минуту старик обратился медведем, а старуха медведицей, и побежали в лес.

77—80. СКАЗКА ОБ ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

77

ршишко-кропачишко [1], ершишко-пагубнишко склался на дровнишки [2] со своим маленьким ребятишкам [3]; пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро и в этом озере выпросился остаться одну ночку; от одной ночки две ночки, от двух ночек две недели, от двух недель два месяца, от двух месяцев два года, а от двух годов жил тридцать лет. Стал он по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу под добало (?) подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во един круг и стали выбирать себе судью праведную, рыбу-сом с большим усом: «Будь ты,— говорят,— нашим судьей».

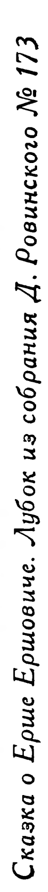
Сом послал за ершом — добрым человеком и говорит: «Ерш, добрый человек! Почему ты нашим озером завладел?» — «Потому,— говорит,— я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело снизу и доверху, с Петрова дня и до Ильина дня, выгорело оно снизу и доверху и запустело».— «Ни вовек,— говорит рыба-сом,— наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя в том свидетели, московские крепости, письменные грамоты?» — «Есть у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: соро́га-рыба [4] на пожаре была, глаза запалила, и понынче у нее красны».

[1] Кропотливый беспокойный.

[2] Санки.

[3] Творительный падеж множественного числа.

[4] Плотица.



Сказка о Ерше Ершовиче. Лубок из собрания Д. Ровинского № 173

И посылает сом-рыба за cорóгой-рыбой. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей[5], туды же понятых, зовут сорóгу-рыбу: «Сорóга-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество». Сорóга-рыба, не дошедчи рыбы-сом, кланялась. И говорит ей сом: «Здравствуй, сорóга-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» — «Ни вовек-то,— говорит сорóга-рыба,— не гарывало наше озеро!» Говорит сом-рыба: «Слышишь, ерш, добрый человек! Сорóга-рыба в глаза обвинила». А сорóга тут же примолвила: «Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, на бога уповает: «Есть же у меня,— говорит,— в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: окунь-рыба на пожаре был, головешки носил, и поныне у него крылья красны». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят: «Окунь-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество». И приходит окунь-рыба. Говорит ему сом-рыба: «Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» — «Ни вовек-то,— говорит,— наше озеро не гарывало! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, на бога уповает, говорит сом-рыбе: «Есть же у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: щука-рыба, вдова честнáя, притом не мотыга[6], скажет истинную правду. Она на пожаре была, головешки носила, и поныпче черна». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят: «Щука-рыба! Зовет рыба-сом с большим усом пред свое величество». Щука-рыба, не дошедчи рыбы-сом, кланялась: «Здравствуй, ваше величество!» — «Здравствуй, щука-рыба, вдова честнáя, притом же ты и не мотыга!— говорит сом.— Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» Щука-рыба отвечает: «Ни вовек-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знает да ведает, тот всегда без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, а на бога уповает: «Есть же,— говорит,— у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: налим-рыба на пожаре был, головешки носил, и поныпче он черен». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят к налим-рыбе и говорят: «Налим-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество».— «Ах, братцы! Нате вам гривну на труды и на волокиту; у меня губы толстые, брюхо большое, в городе не бывал, пред судьям не стаивал, говорить не умею, кланяться, право, не могу». Эти государские посыльщики пошли домой; тут поймали ерша и посадили его в петлю.

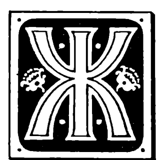
По ершовым-то молитвам бог дал дождь да слякоть. Ерш из петли-то да и выскочил; пошел он в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Трос-реку, из Трос-реки в Кам-реку. В Кам-реке идут щука да осетр. «Куда

[5] *Моль* — мелкая рыба разного рода, снетки несушеные.

[6] *Мотыга* — ветреный, непостоянный человек (*Ред.*).

вас черт понес?» — говорит им ерш. Услыхали рыбаки ершов голос тонкий и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришел Бродька — бросил ерша в лодку, пришел Петрушка — бросил ерша в плетушку: «Наварю,— говорит,— ухи, да и скушаю». Тут и смерть ершова!

78



ил-был ершишка в барском домишке — брюханишка [1], ябедничишка! Проскудалось [2] ершу, прибеднялось ему; поехал ершишка в Ростовское озеро на худеньких санишках об трех копылишках [3]. Закричал ершишка своим громким голосишком: «Рыба севрюга, калуга, язи, головли, последняя рыбка плотичка-сиротичка! Пустите меня, ерша, в озеро погулять. Мне у вас не год годовать, а хотя один час попировать, хлеба-соли покушать да речей послушать». Согласилась вся рыба севрюга, калуга, все язи, головли, маленькая рыбка плотичка-сиротичка пустить ерша в озеро на один час погулять. *41b*

Ерш погулял один час и стал всю рыбу обижать, к тине-плотине прижимать. Живой рыбе в обиду то показалось, пошла на ерша просить к Петру-осетру [4] праведному: «Петр-осетр праведный! За что нас ерш обижает? Выпросился он на один час в наше озеро побывать, да всех нас с озера и стал выгонять. Разбери и рассуди, Петр-осетр праведный, верою и правдою». Петр-осетр праведный послал малую рыбу пескаря искать ерша. Пескарь искал ерша в озере, да и не мог сыскать. Петр-осетр праведный послал среднюю рыбу щуку искать ерша.

Щука в озеро нырнула, хвостом плеснула, ерша в коргах [5] нашла: «Здоров, ершишка!» — «Здравствуй, щучишка! Зачем ты пришла?» — «К Петру-осетру праведному звать на честь, не посадит ли тебя на цепь; на тебя есть просители».— «Кто же там просит?» — «Вся рыба севрюга, калуга, все язи, головли и последняя рыба плотичка-сиротичка — и та на тебя просит, да еще сом, мужик простой, губы толстые и говорить не умеет,— и тот на тебя челобитную подал: пойдем-ка, ерш, разделаемся, что на суде по правде скажут».— «Нет, щучишка! Не лучше ли дело так будет: пойдем со мною, погуляем». Щука не соглашается с ершом гулять, а хочет ерша на суд праведный тащить, как бы поскорей его осудить. «Ну, щука, хоть ты с рыла и востра, да не возьмешь ерша с хвоста! А вот нынче суббота, у моего отца девишник — пир да веселье; пойдем лучше, попьем, погуляем вечерок, а завтра, хоть и воскресенье, пойдем — так и быть — на суд праведный; по крайней мере не голодные будем».

[1] Объедало; *брюханить* — много есть.

[2] *Скудаться* — скупиться, представляться бедным.

[3] Перекладинах? *Копыл* — дровни, дно у прядильного грибка, на которое садится пряха, и колодка, на которой плетут лапти.

[4] В рукописи везде: Петр-сётр.

[5] *Корга* — гряда камней в воде; коргá-камень или пень, лежащий на дне ре-

Щука согласилась и пошла с ершом гулять; ерш напоил ее пьяною, за пелёду [6] засадил, дверью затворил и кольем заколотил.

Долго ждали на суд щуку и не дождались. Петр-осетр праведный послал за ершом большую рыбу-сом. Сом в озеро нырнул, хвостом плеснул, ерша в коргах нашел. «Здравствуй, зятюшка!» — «Здоров, тестюшка!» — «Пойдем, ерш, на суд праведный; на тебя есть просители». «Кто же просит?» — «Вся рыба севрюга, калуга, все язи, головли и маленькая рыбка плотичка-сиротичка!» Ерш-то сому зять: сумел его сом в руки взять и самолично привел на суд праведный. «Петр-осетр праведный, зачем меня требовал наскоро?» — спросил ерш. «Как тебя было не требовать? Ты в Ростовское озеро выпросился один час погулять, а потом всех с озера и стал выживать. Живой рыбе то за досаду показалося; вот собралась рыба севрюга, калуга, язи, головли и малая рыбка плотичка-сиротичка и самолично подала мне на тебя челобитную: разбери-де, Петр-осетр, это дело правдою!» — «Ну, послушай же, — отвечает ерш, — и мою челобитную: они сами обидчики, межи-борозды вытерлись [7], а берега водою подмыло, а я ехал тем берегом вечером поздно, торопился, резко [8] гнал, да с берега в озеро попал, так и свалился с землею! Петр-осетр праведный, прикажи собрать государевых рыбаков да раскинуть неводы тонкие, погони рыбу в одно устье; тогда узнаешь, кто прав, а кто виноват: правый в неводе не останется, а все выскочит».

Петр-осетр праведный выслушал его челобитную, собрал государевых рыбаков и погнал всю рыбу в одно устье. На почине ершишка попал в неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазенки вытаращил и с неводу вперед всех выскочил. «Видишь, Петр-осетр праведный, кто прав, кто виноват?» — «Вижу, ерш, что ты прав; ступай в озеро да гуляй. Теперь никто тебя не обидит, разве озеро высохнет да ворона тебя из грязи вытащит». Пошел ершишка в озеро, при всех похваляется: «Добро же, рыба севрюга, калуга! Достанется вам и всем язям, головлям! Да не прощу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! Да достанется и сому толстобрюхому: ишь, говорить не умеет, губы толсты, а знал, как челобитную подавать! Всем отплачу!» Шел Любим, ершовой похвалы не возлюбил; шел Сергей, нес охапку жердей; пришел бес, заколотил ез [9]; пришел Перша, поставил на ерша вершу; пришел Богдан, ерша в вершу бог дал; пришел Устин, стал вершу тащить, да ерша упустил.

ки; плотное песчаное или каменистое дно озер и рек.

6 *Пелёда* — передний навес крыши между двумя избами; покрышка на скирдах. *Пелёд* — место подле самого овина, которое покрывается соломою.

7 Сгладились, уничтожились.

8 Очень много.

9 Закол рыбный.

79

года, месяца сентября 16 числа 41c
Зародился ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый [1] хвост,
Слюноватый нос,
Киловатая [2] брюшина,
Лихая образина,
На роже кожа — как елова кора.
Прижилось, прискудалось
Ершишку-плутишку
В своем славном Кубинском озере,
Собрался на ветхих [3] дровнишках
С женою и детишкам,
Поехал в Белозерское озеро,
С Белозерского в Корбозерское,
С Корбозерского в Ростовское:
«Здравствуйте, лещи,
Ростовские жильцы!
Пустите ерша пообедать
И коня покормить».
Лещи распространились [4],
Ерша к ночи пустили.
Ерш где ночь ночевал,
Тут и год годовал;
Где две ночевал,
Тут два года годовал;
Сыновей поженил,
А дочерей замуж повыдал,
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота,
Пропасти земные.
Три года лещи
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Белого свету не видали;
С того лещи
С голоду помирали,
Сбиралися лещи в земскую избу,
И думали думу заедино.

[1] Увертливый, плутоватый.
[2] *Киловат* — бранное слово (Опыт обл. великорусск. словаря).
[3] В рукописи: «на вельмей».
[4] Расступились, дали место.

И написали просьбу,
И подавали Белозер-Палтос-рыбе:
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Разжился, распоселился
В нашем Ростовском озере
И изогнал нас, лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года мы, лещи,
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали;
С того мы, лещи,
И с голоду помирали.
Есть ли у него на это дело
Книги, отписи и паспорты какие?»
И думали думу заедино
Щука ярославска,
Другая переславска,
Рыба-сом с большим усом:
Кого послать ерша позвать?
Менька [5] послать —
У него губы толстые,
А зубы редкие,
Речь не умильна,
Говорить с ершом не сумеет!
Придумала рыба-сом
С большим усом:
Послать или нет за ершом гарьюса [6];
У гарьюса губки тоненьки,
Платьице беленько,
Речь московска,
Походка господска.
Дали ему окуня рассыльным,
Карася пятисотским,
Семь молей, понятых людей.
Взяли ерша,
Сковали, связали
И на суд представили.
Ерш пред судом стоит

[5] Налима.
[6] *Хариус* — род лососей.

И с повадкой[7] говорит:
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему меня на суд повещали?» —
«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и расселился
В здешнем Ростовском озере,
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года лещи
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали,
И с того лещи
С голоду помирают.
Есть ли у тебя на это дело
Книги, отписи и паспорты какие!» —
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
В память или нет тебе пришло:
Когда горело наше славное
Кубинское озеро,
Там была у ершишка избишка,
В избишке были сенишки,
В сенишках клетишко,
В клетишке ларцишко,
У ларцишка замчишко,
У замчишка ключишко,—
Там-то были книги и отписи
И паспорты, и все пригорело!
Да не то одно пригорело;
Был у батюшки дворец
На семи верстах,
На семи столбах,
Под полатями бобры,
На полатях ковры —
И то все пригорело!»
А рыба-семга позади стояла
И на ерша злым голосом кричала:
«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лет

[7] В рукописи: «не с упадкой».

Под порогом стоял,
И сорок человек
Разбою держал,
И много голов погубил,
И много живота[8] притопил!»
И ершу стало азартно;
Как с рыбою-семгою не отговориться?
«Ах ты, рыба-семга, бока твои сальны!
И ты, рыба-сельдь, бока твои кислы!
Вас едят господа и бояра,
Меня мелкая чета крестьяна —
Бабы щей наварят
И блинов напекут,
Щи хлебают, похваливают:
Рыба костлива, да уха хороша!»
Тут ерш с семгой отговорился.
Говорит Белозер-Палтос-рыба:
«Окунь-рассыльный,
Карась-пятисотский,
Семь молей, понятых людей!
Возьмите ерша».
А ерш никаких рыб не боится,
Ото всех рыб боронится.
Собрался он, ершишко-плутишко,
На свои на ветхие[9] дровнишки
С женою и детишкам
И поезжает в свое славное
В Кубинское озеро.
Рыба-семга хоть на ерша
Злым голосом кричала,
Только за ершом вслед подавалась:
Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Возьми ты меня в свое славное
В Кубинское озеро —
Кубинского озера поглядеть
И Кубинских стáнов посмотреть».
Ерш зла и лиха не помнит,
Рыбу-семгу за собой поводит.
Рыба-семга идучи устала,
В Кубинском устье вздремала
И мужику в сеть попала.
Ерш назад оглянулся,
А сам усмехнулся:
«Слава тебе господи!

[8] Имущества.

[9] В рукописи: «вельмые».

Вчера рыба-семга
На ерша злым голосом кричала,
А сегодня мужику в сеть попала».
Ерш семге подивовал
И сам на утренней зоре вздремал,
Мужику в морду[10] попал.
Пришел Никон,
Заколил прикол[11];
Пришел Перша,
Поставил вершу;
Пришел Богдан,
И ерша бог дал;
Пришел Вавила,
Поднял ерша на вила;
Пришел Пимен,
Ерша запи́нил[12];
Пришел Обросим,
Ерша оземь бросил;
Пришел Антон,
Завертел ерша в балахон;
Пришел Амос,
Ерша в клеть понес;
Идет Спира,
Около ерша стырит[13];
Амос Спиру
Да по рылу.
«Ах ты, Спира!
Над этакой рыбой стыришь;
У тебя этака рыба
Век в дому не бывала!»
Пришел Вася,
Ерша с клети слясил[14];
Пришел Петруша,
Ерша разрушил[15];
Пришел Савва,
Вынял с ерша полтора пуда сала;
Пришел Иуда,
Расклал ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;

[10] *Морда* — рыболовная снасть, состоящая из мешка, сплетенного из ивовых прутьев.

[11] Т. е. сделал закол (ез).

[12] Т. е. запинал (пинать, пнуть).

[13] *Стырить* — дразнить, грубо говорить.

[14] Стащил (*лясить* — льстить, хитрить); *слямзить* и *слящить* — украсть.

[15] Т. е. разрезал, порушил.

Пришел Антипа,
Ерша сти́пал [16];
Пришел Алупа,
Ерша слу́пал;
Пришел Елизар,
Блюда облизал;
Пришел Влас,
Попучил глаз;
Пришла Ненила
И блюда обмыла!

80

Список с судного дела слово в слово, как был суд у Леща с Ершом: 11d

«Рыбам господам: великому Осетру и Белуге, Белой-рыбице, бьет челом Ростовского озера сынчишко боярской Лещ с товарищи. Жалоба, господа, нам на злого человека на Ерша Щетинника и на ябедника. В прошлых, господа, годах было Ростовское озеро за нами; а тот Ерш, злой человек, Щетинник(ов) наследник, лишил нас Ростовского озера, наших старых жиров [1]; расплодился тот Ерш по рекам и по озерам; он собою мал, а щетины у него аки лютые рох(г)атины, и он свидится с нами на стану — и теми острыми своими щетинами подкалывает наши бока и прокалывает нам ребра, и суется по рекам и по озерам, аки бешеная собака, путь свой потеряв. А мы, господа християнски, лукавством жить не умеем, а браниться и тягаться с лихими людьми не хотим, а хотим быть оборонены вами, праведными судьями».

Судьи спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, истцу Лещу отвечаешь ли?» Ответчик Ерш рече: «Отвечаю, господа, за себя и за товарищев своих в том, что то Ростовское озеро было старина дедов наших, а (и) ныне наше, и он, Лещ, жил у нас в суседстве на дне озера, а на свет не выхаживал. А я, господа, Ерш, божиею милостию, отца своего благословением и матерними молитвами не смутщик, не вор, не тать и не разбойник, в приводе нигде не бывал, воровского у меня ничего не вынимывали; человек я доброй, живу я своею силою, а не чужою; знают меня на Москве и в иных великих городах князи и бояря, стольники и дворяня, жильцы московские, дьяки и подьячие, и всяких чинов люди, и покупают меня дорогою ценою и варят меня с перцом и с шав(ф)раном, и ставят пред собою честно, и многие добрые люди кушают с похмелья и, кушавши, поздравляют».

Судьи спрашивали истца Леща: «Ты, Лещ, чем его уличаешь?» Истец Лещ рече: «Уличаю его божиею правдою да вами, праведными судьями». Судьи спрашивали истца Леща: «Кому у тебя ведомо про

[16] Украл.

[1] *Жира, жирова* — хорошее житье, довольство.

Ростовское озеро и о реках и о востоках[2] и на кого шлешься?» Истец Лещ рече: «Шлюся я, господа, из виноватых[3] на добрых людей разных городов и области; есть, господа, человек доброй, живет в немецкой области под Иваном-городом в реке Нарве, по имени рыба Сиг, да другой, господа, человек доброй, живет в Новгородской области в реке Волхове, по имени рыба Лодуга». Спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, шлешься ли на лещову правду, на таковых людей?» И ответчик Ерш рече: «Слатися, господа, нам на таковых людей не уметь; Сиг и Лодуга — люди богатые, животами прожиточны, а Лещ такой же человек заводной[4], шлем(т)ся в послушество»[5]. И судьи спрашивали ответчика Ерша: «Почему у тебя такие люди недрузья и какая у тебя с ними недружба?» Ответчик Ерш рече: «Господа мои судьи! Недружбы у нас с ними никакой не было, а слатися на них не смеем — для того что Сиг и Лодуга люди великие, а Лещ такой же человек заводной; они хотят нас, маломочных людей, испродать[6] напрасно».

Судьи спрашивали истца Леща: «Еще кому у тебя ведомо Ростовское озеро и о реках и о востоках, и на кого шлешься?» Истец Лещ рече: «Шлюсь я, господа, из виноватых есть человек доброй, живет в Переславском озере, рыба Сельдь». Судьи спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, шлешься ли на лещовую правду?» Ответчик же Ерш рече: «Сиг, и Лодуга, и Сельдь с племяни[7], а Лещ такой же человек заводной: в суседстве имаются, где судятся — едят и пьют вместе, про нас не молвят».

И судьи послали пристава Окуня и велели взять с собою в понятых Мня[8], приказали взять в правде переславскую Сельдь. Пристав же Окунь емлет в понятых Мня, и Мень Окуню-приставу сулит посулы великие и рече: «Господине Окуне! Аз не гожуся в понятых быть: брюхо у меня велико — ходить не смогу, а се глаза малы — далеко не вижу, а се губы толсты — перед добрыми людьми говорить не умею». Пристав же Окунь емлет в понятых Головля и Язя. И Окунь поставил в правде переславскую Сельдь. И судьи спрашивали в правде у переславской Сельди: «Сельдь, скажи ты нам про Леща, и про Ерша, и промеж ими про Ростовское озеро». Сельдь же рече в правде: «Леща с товарищи знают; Лещ человек доброй, христианин божий, живет своею, а не чужою (силою); а Ерш, господа, злой человек Щетинник»[9].

«...знаешь ли его?» Осетр же рече: «Аз, господа[10], не в правде[11] и не[12] в послушестве, а впрямь (скажу:) слышал про гого Ерша, что сварят его в ухе, а столько не едят, сколько расплюют. Да еще, господа, вам скажу божиею правдою о своей обиде: когда я шел из Волги-

[2] Истоках.
[3] Т. е. из прикосновенных к делу, ведающих о деле.
[4] Лучшего завода, породы (*Ред.*)
[5] Ссылается на свидетельство.
[6] Разорить тяжбою.
[7] То же, что «сродни».
[8] Налима.
[9] Здесь в рукописи опущена ссылка Леща на новое свидетельство. Таким свидетелем выведен Осетр; в начале же сказки он поставлен судьею: очевидная запутанность в тексте рукописи.
[10] В рукописи: «господа вы».
[11] Т. е. не ради суда.
[12] В рукописи: «мне».

реки к Ростовскому озеру и к рекам жировать и он меня встретил на устье Ростовского озера и нарече мя братом; а я лукавства его не ведал, а спрошать про него, злого человека, никого не лучилось, и он меня вопроси: «Братец Осетр, где идеши?» И аз ему поведал: «Иду к Ростовскому озеру и к рекам жировать». И рече ми Ерш: «Братец Осетр, когда аз шел Волгою-рекою, тогда аз был толще тебя и до́ле (долее, т. е. длиннее), бока мои терли у Волги-реки берега, очи мои были аки полная чаша, хвост же мой был аки большой судовой парус; а ныне, братец Осетр, видишь ты и сам, каков я стал скуден, иду из Ростовского озера». Аз же, господа, слышав такое его прелестное[13] слово, и не пошел в Ростовское озеро к рекам жировать; дружину[14] свою и детей голодом поморил, а сам от него вконец погинул. Да еще вам, господа, скажу: тот же Ерш обманул меня, Осетра, старого мужика, и приведе меня к неводу, и рече ми: «Братец Осетр, пойдем в невод; есть там рыбы много». И я его нача посылати напредь. И он, Ерш, мне рече: «Братец Осетр, коли меньшей брат ходит напредь большего?»[15] И я на его, господа, прелестное слово положился и в невод пошел, обратился в невод да увяз, а невод что боярский двор — идти (войти) ворота широки, а выйти узки. А тот Ерш за невод выскочил в ечею[16], а сам мне насмехался: «Ужели ты, братец, в неводу рыбы наелся!» А как меня поволокли вон из воды, и тот Ерш нача прощатися: «Братец, братец Осетр! Прости, не поминай лихом». А как меня мужики на берегу стали бить дубинами по голове и я нача стонать, и он, Ерш, рече ми: «Братец Осетр, терпи Христа ради!»

Конец судного дела. Судьи слушали судного дела и приговорили: Леща с товарищи опра́вить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велели казнить торго́вою казнию — бити кнутом и после кнута повесить в жаркие дни против солнца за его воровство́ и за ябедничество. А у судного дела сидели люди добрые: дьяк был Сом с большим усом, а доводчик Карась, а список с судного дела писал Вьюн, а печатал Рак своей заднею клешнею, а у печати сидел Вандыш[17] переславский. Да на того же Ерша выдали правую грамоту: где его застанут в своих вотчинах, тут его без суда казнить.

Речет Ерш судьям: «Господа судьи! Судили вы не по правде, судили по мзде. Леща с товарищи оправили, а меня обвинили». Плюнул Ерш судьям в глаза и скочил в хво́рост: только того Ерша и видели.

[13] В рукописи здесь вставлены слова: «к рекам жированье».

[14] *Дружина* — жена (*Ред.*).

[15] В рукописи следуют за этим слова: «кои честь».

[16] *Ячея* — пространство клеток у мережи.

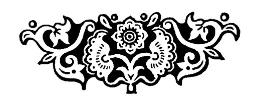
[17] Снеток, маленькая рыбка.

81. БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая
зубастая, что боже упаси! Лещи, окуни, ерши — все собра- 42
лись глазеть на нее и дивовались такому чуду. Вода той порой в Шексне всколыхалася; шел паром через реку, да чуть не затопился, а красные девки гуляли по берегу, да все порассыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по дням, а по часам: что день, то на вершок прибавится; и стала щука зубастая в Шексне похаживать да лещей, окуней полавливать: издали увидит леща, да и хвать его зубами — леща как не бывало, только косточки хрустят на зубах у щуки зубастой.

Экая оказия случилась в Шексне! Что делать лещам да окуням? Тошно приходит: щука всех приест, прикорнает[1]. Собралась вся мелкая рыбица, и стали думу думать, как перевести щуку зубастую да такую торовастую. На совет пришел и Ерш Ершович и так наскоро взголцыл[2]: «Полноте думу думать да голову ломать, полноте мозг портить; а вот послушайте, что я буду баять. Тошно нам всем тепере в Шексне; щука зубастая проходу не дает, всякую рыбу на зуб берет! Не житье нам в Шексне, переберемтесь-ка лучше в мелкие речки жить — в Сизму, Коному да Славенку; там нас никто не тронет, и будем жить припеваючи да деток наживаючи».

И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки Сизму, Коному да Славенку. По дороге, как шли, хитрый рыбарь многих из ихней братьи изловил на удочку и сварил забубенную ушицу, да тем, кажись, и заговелся. С тех пор в Шексне совсем мало стало мелкой рыбицы. Закинет рыбарь удочку в воду, да ничего не вытащит; когда-некогда попадется стерлядка, да тем и ловле шабаш! Вот вам и вся байка о щуке зубастой да такой торовастой. Много наделала плутовка хлопот в Шексне, да после и сама несдобровала; как не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил уху, хлебал да хвалил: такая была жирная! Я там был, вместе уху хлебал, по усу текло, в рот не попало.



[1] Погубит, изведет.
[2] *Го́лчить* — говорить, кричать.

82—84. ТЕРЕМ МУХИ

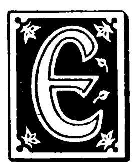
82

Построила муха терем; пришла вошь-поползуха: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Муха-горюха; а ты кто?» — «Я вошь-поползуха». Пришла блоха-попрядуха[1]: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, да вошь-поползуха». Пришел комар долгоногий: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха». Пришла мышечка-тютюрю́шечка: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я комар долгоногий». 43a

Пришла ящерка[2]-шероше́рочка: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрю́шечка». Пришла лиса Патрикеевна: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрю́шечка, я, ящерка-шероше́рочка». Пришел заюшко из-под ку́стышка: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрю́шечка, я, ящерка-шероше́рочка, я, лиса Патрикеевна».

Пришел волчище серое хвостище: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрю́шечка, я, ящерка-шероше́рочка, я, лиса Патрикеевна, я, заюшко из-под ку́стышка». Пришел медведь толстоногий: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрю́шечка, я, ящерка-шероше́рочка, я, лиса Патрикеевна, я, заюшка из-под ку́стышка, я, волчище серое хвостище». Все из терема: «А ты кто?» — «Я тяпыш-ляпыш, всем подгнётыш!» — сказал медведь, спустил лапой по терему и разбил его.

83



Ехал мужик с горшками, потерял большой кувшин. Залетела в кувшин муха и стала в нем жить-поживать. День живет, другой живет. Прилетел комар и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха; а ты кто?» — «А я комар-пискун». — «Иди ко мне жить». Вот и стали вдвоем жить. Прибежала к ним мышь и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун; а ты кто?» — «Я из-за угла хмыстень». — «Иди к нам жить». И стало их трое. При- 43b

[1] От слова «прядать» — прыгать, скакать.
[2] Ящерица.

скакала лягушка и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, да из-за угла хмыстень; а ты кто?» — «Я на воде балагта» [1].— «Иди к нам жить». Вот и стало их четверо.

Пришел заяц и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта; а ты кто?» — «Я на поле свертень».— «Иди к нам». Стало их теперь пятеро. Пришла еще лисица и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень; а ты кто?» — «Я на поле краса».— «Ступай к нам». Прибрела собака и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, да на поле краса; а ты кто?» — «А я гам-гам!» — «Иди к нам жить». Собака влезла.

Прибежал еще волк и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, на поле краса, да гам-гам; а ты кто?» — «Я из-за кустов хап».— «Иди к нам жить». Вот живут себе все вместе. Спознал про эти хоромы медведь, приходит и стучится — чуть хоромы живы: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, на поле краса, гам-гам, да из-за кустов хам: а ты кто?» — «А я лесной гнёт!» Сел на кувшин и всех раздавил.

84

ежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-норышка [1] 43с
и спрашивает: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» Никто не отзывается. Вот она вошла и стала жить в лошадиной голове. Пришла лягушка-квакушка: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Я, мышка-норышка; а ты кто?» — «А я лягушка-квакушка».— «Ступай ко мне жить». Вошла лягушка, и стали себе вдвоем жить. Прибежал заяц: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Я, мышка-норышка, да лягушка-квакушка; а ты кто?» — «А я на горе увертыш». — «Ступай к нам». Стали они втроем жить.

Прибежала лисица: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш; а ты кто?» — «А я везде поскокиш».— «Иди к нам». Стали четверо жить. Пришел волк: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде поскокиш; а ты кто?» — «А я из-за кустов хватыш».— «Иди к нам». Стали пятеро жить. Вот приходит к ним медведь: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде поскокиш, из-за кустов хватыш».— «А я всех вас давишь!» — сел на голову и раздавил всех.

[1] *Хмы́стень* — м. б. от глагола *хи́мистить* — красть, похищать, а *балагта* от *бала́кать* — болтать.

[1] От слова «нора».

85—86. МИЗГИРЬ[1]

85

стары годы, в старопрежние, в красну вёсну, в теплые лета[2] 44.
сделалась такая соморота[2], в мире тягота: стали проявляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пропускать. Проявился мизгирь, удалой добрый мóлодец, стал ножками трясти да мерёжки[3] плести, ставить на пути, на дорожки, куда летают комары да мошки. Муха грязна, строка[4] некошна[5], полетела, да чуть не пала, да к мизгирю в сеть попала; то[6] ее мизгирь стал бить, да губить, да за горло давить. Муха мизгирю возмолилася: «Батюшка мизгирь! Не бей ты меня, не губи ты меня; у меня много будет детей сиротать, по дворам ходить и собак дразнить». То ее мизгирь опустил; она полетела, забунчала[7], известила всем комарам и мошкам: «Ой еси вы, комары и мошки! Убирайтесь под осиново корище[8]: проявился мизгирь, стал ножками трясти, мерёжки плести, ставить на пути, на дорожки, куды летают комары да мошки; всех изловит!» Они полетели, забились под осиново корище, лежат яко мертвы.

Мизгирь пошел, нашел сверчка, таракана и клопа: «Ты, сверчок, сядь на кочок[9] испивать табачок; а ты, таракан, ударь в барабан; а ты, клоп-блинник, поди под осиново корище, проложь про меня, мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что мизгиря-борца, добра молодца, в живе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе, и плаху раскололи». Сверчок сел на кочок испивать табачок, а таракан ударил в барабан; клоп-блинник пошел под осиново корище, говорит: «Что запали, лежите яко мертвы? Ведь мизгиря-борца, добра молодца, в живе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе, и плаху раскололи». Они возрадовались и возвеселились, пó трою[10] перекрестились, полетели, чуть не пали, да к мизгирю все в сеть попали. Он и говорит: «Что вы очень мелки! Почаще бы ко мне в гости бывали, пивца-винца испивали и нам бы подавали!»

86

нынешние времена проявилась нова ромода[1]: комары, мухи 4b
летали, в кринках молоко болтали. Мизгирь на то осердился, на спину ложился; наставил мерёжки на все пути-дорожки. Летит пестрая оса, честнáя вдова; сверху пала, в сеть попала. Мизгирь подскочил да голову отрубил. Собирались комары да мухи: кто попом, кто скудельником[2], а кто плакальщиком;

[1] Паук.
[2] Вместо: соромота (срамота).
[3] Мрежи, сети.
[4] *Строка* — насекомое, похожее на осу.
[5] *Нéкошной* — злой, неприятный.
[6] Тут, тогда.
[7] Зажужжала.
[8] Кореньище.
[9] Сядь на кочку (?).
[10] По три раза.
[1] Суетливость, толкотня.
[2] Тот, кто обмывает усопших.

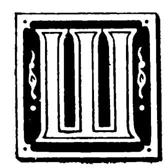
отпели кости, положили в трошни[3], понесли те кости в село Комарово. Звонят в Переборе — слышно в Моргунове, колокола клык — просят сто пуд лык.

87—88. ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ

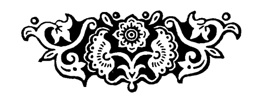
87

или-были пузырь, соломина и лапоть; пошли они в лес 45
дрова рубить, дошли до реки, не знают: как через реку перейти? Лапоть говорит пузырю: «Пузырь, давай на тебе переплывем!» — «Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдем по ней». Соломинка перетянулась; лапоть пошел по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул!

88



ли два старика по дорожке и зашли в пустую избушку со- 45 вар.
греться на печке: пузырек да бородка. Посылает пузырек бородку: «Поди, добудь огонька!» Бородка пошла, дунула на огонек и пыхнула; а пузырек хохотал да хохотал, пал с печки и лопнул.

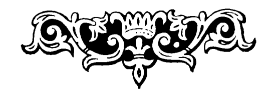


89. РЕПКА

осеял дедка репку; пошел репку рвать, захватился за репку: 46
тянет-потянет, вытянуть не может! Сóзвал дедка бабку; бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут! Пришла внучка; внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут! Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут! Пришла нóга (?). Нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут!

[3] В заплечья.
Заплечье — берестяная котомка, кошелка (*Ред.*).

Пришла дру́га но́га; дру́га но́га за но́гу, но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут! (и так далее до пятой но́ги). Пришла пя́та но́га. Пять ног за четыре, четыре но́ги за три, три но́ги за две, две но́ги за но́гу, но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут: вытянули репку!



90. ГРИБЫ

Вздумал гриб, разгадал боровик; под дубочком сидючи, на 47
все грибы глядючи, стал приказывать: «Приходите вы, белянки, ко мне на войну». Отказалися белянки: «Мы грибовые дворянки, не идем на войну».— «Приходите, рыжикú, ко мне на войну». «Отказались рыжикú: «Мы богатые мужики, неповинны на войну идти».— «Приходите вы, волнушки, ко мне на войну». Отказалися волнушки: «Мы господские стряпушки, не идем на войну» — «Приходите вы. опенки, ко мне на войну». Отказалися опенки: «У нас ноги очень тонки, мы нейдем на войну».— «Приходите, грузди, ко мне на войну». — «Мы, грузди, — ребятушки дружны, пойдем на войну!»

Это было, как царь-горох воевал с грибами.

91. МОРОЗ, СОЛНЦЕ И ВЕТЕР

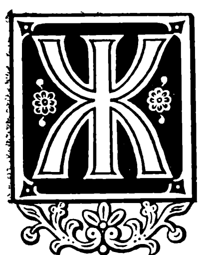
Ишоў раз сабе адзін чалавек и судосіў [1] на дарозі Со́ўнычко, 48
Мароз і Вецер. Ото-ж-то спатка́ушисе [2] з імі, сказаў вуон ім «пахвалёны» [3].— «Каму́ вўон адда́ў пахвалёны?» Со́ўнычко сабе кажа — што мне, коб я не пякло; а Мароз себе кажэ, што мне, а не табе, бо вуон цябе́ не так боіце, як мяне. «Ото-ж-бо лжэце! Непра́ўда! — ка́жэ нарэсці [4] Вецер: — Той чалавек аддаў похвалёны не вам, а мне».

Пачалú між сабою аж сперацісяц [5], сварыціся [6] й оно́што [7] за чубы не пабраліся...

[1] Повстречался, встретил.
[2] То же.
[3] При встречах и при входе в чужой дом крестьяне в виде приветствия говорят: «Нех бендзе похвалёны Иезус Христус!» Другой должен ответить: «На веки веков, амэн».
[4] Наконец.
[5] От слов: спор, прение.
[6] Браниться.
[7] Чуть-чуть, чуть не.

«Ну, калі ж так, то спыта́ймося[8] яго, каму́ вуон адда́ў пахвалёны — мне чі вам?» Даганілі таго чалавека, спыталі; аж вуон сказаў: «Ветреві».— «А што, бач[9], не каза́ў[10] я — што мне!» — «Пастуо́й же ты! Я цябе́ ра́кару спяку![11] — кажа Сло́нцэ. — Покеміш ты мяне»[12]. Ажно Вецер кажа: «Не буось, не спячэ; я буду веяці і охоладжаць яго». — «Так я ж цябе, гіцлю[13], заморожу!» — кажа Мароз. «Не лякайсе[14], небо́же[15], тогды я не буду веяці, і вуон табе нічого не зро́біт, без ветру не замаро́зіт».

92. СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ И ВОРОН ВОРОНОВИЧ



ил-был старик да старуха, у них было три дочери. Старик пошел в амбар крупку брать; взял крупку, понес домой, а на мешке-то была дырка; крупа-то в нее сыплется да сыплется. Пришел домой. Старуха спрашивает: «Где крупка?» — а крупка вся высыпалась. Пошел старик собирать и говорит: «Кабы Солнышко обогрело, кабы Месяц осветил, кабы Ворон Воронович пособил мне крупку собрать: за Солнышко бы отдал старшую дочь, за Месяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую!» Стал старик собирать — Солнце обогрело, Месяц осветил, а Ворон Воронович пособил крупку собрать. Пришел старик домой, сказал старшей дочери: «Оденься хорошенько да выйди на крылечко». Она оделась, вышла на крылечко; Солнце и утащило ее. Средней дочери также велел одеться хорошенько и выйти на крылечко. Она оделась и вышла; Месяц схватил и утащил вторую дочь. И меньшой дочери сказал: «Оденься хорошенько да выйди на крылечко». Она оделась и вышла на крылечко; Ворон Воронович схватил ее и унес. 49

Старик и говорит: «Идти разве в гости к зятю». Пошел к Солнышку; вот и пришел. Солнышко говорит: «Чем тебя потчевать?» — «Я ничего не хочу». Солнышко сказало жене, чтоб настряпала оладьев. Вот жена настряпала. Солнышко уселось среди полу, жена поставила на него сковороду — и оладьи сжарились. Накормили старика. Пришел старик домой, приказал старухе состряпать оладьев; сам сел на пол и велит ставить на себя сковороду с оладьями. «Чего на тебе испекутся!» — говорит старуха. «Ничего,— говорит,— ставь, испекутся». Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли. Нечего

[8] Спросим.
[9] Видишь.
[10] Говорил.
[11] Сделаю красным, как рак.
[12] Помянешь ты меня.
[13] Прислужник палача, живодер (Польск. словарь Мюллера, I, 218). См. Малоросс. словарь Афанасьева-Чужбинского, с. 71.
[14] Не бойся.
[15] Бедняжка, приятель.

делать, поставила старуха сковородку в печь, испеклися оладьи, наелся старик.

На другой день старик пошел в гости к другому зятю, к Месяцу. Пришел. Месяц говорит: «Чем тебя потчевать?» — «Я,— отвечает старик,— ничего не хочу». Месяц затопил про него баню. Старик говорит: «Тёмно, быва́т [1], в бане-то будет!» А Месяц ему: «Нет, светло; ступай». Пошел старик в баню, а Месяц запихал перстик [2] свой в дырочку и оттого в бане светло-светло стало. Выпарился старик, пришел домой и велит старухе топить баню ночью. Старуха истопила; он и посылает ее туда париться. Старуха говорит: «Тёмно париться-то!» — «Ступай, светло будет!» Пошла старуха, а старик видел-то, как светил ему Месяц, и сам туда ж — взял прорубил дыру в бане и запихал в нее свой перст. А в бане свету нисколько нет! Старуха знай кричит ему: «Тёмно!» Делать нечего, пошла она, принесла лучины с огнем и выпарилась.

На третий день старик пошел к Ворону Вороновичу. Пришел. «Чем тебя потчевать-то?» — спрашивает Ворон Воронович. «Я,— говорит старик,— ничего не хочу».— «Ну, пойдем хоть спать на седала [3]». Ворон поставил лестницу и полез со стариком. Ворон Воронович посадил его под крыло. Как старик заснул, они оба упали и убились.

93. ВЕДЬМА И СОЛНЦЕВА СЕСТРА

некотором царстве, далеком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой. Было ему лет двенадцать, и пошел он раз в конюшню к любимому своему конюху. Конюх этот сказывал ему завсегда сказки, и теперь Иван-царевич пришел послушать от него сказочки, да не то услышал. «Иван-царевич! — сказал конюх. — У твоей матери скоро родится дочь, а тебе сестра; будет она страшная ведьма, съест и отца, и мать, и всех подначальных людей; так ступай, попроси у отца что ни есть наилучшего коня — будто покататься, и поезжай отсюдова куда глаза глядят, коли хочешь от беды избавиться». Иван-царевич прибежал к отцу и с роду впервой заговорил с ним; царь так этому возрадовался, что не стал и спрашивать: зачем ему добрый конь надобен? Тотчас приказал что ни есть наилучшего коня из своих табунов оседлать для царевича. Иван-царевич сел и поехал куда глаза глядят. *50*

Долго-долго он ехал; наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить. Ста́рухи сказали: «Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного жить. Вот доломаем сундук иголок да

[1] Вероятно, может быть.
[2] Пальчик.
[3] Насесть.

изошьем сундук ниток — тотчас и смерть придет!» Иван-царевич заплакал и поехал дальше. Долго-долго ехал, подъезжает к Вертодубу и просит: «Прими меня к себе!» — «Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остается немного. Вот как повыдерну все эти дубы с кореньями — тотчас и смерть моя!» Пуще прежнего заплакал царевич и поехал все дальше да дальше. Подъезжает к Вертогору; стал его просить, а он в ответ: «Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы ворочать; как справлюсь с этими последними — тут и смерть моя!» Залился Иван-царевич горькими слезами и поехал еще дальше.

Долго-долго ехал; приезжает, наконец, к Солнцевой сестрице. Она его приняла к себе, кормила-поила, как за родным сыном ходила. Хорошо было жить царевичу, а все нет-нет, да и сгрустнется: захочется узнать, что в родном дому деется? Взойдет, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что все съедено, только стены осталися! Вздохнет и заплачет. Раз этак посмотрел да поплакал — воротился, а Солнцева сестра спрашивает: «Отчего ты, Иван-царевич, нонче заплаканный?» Он говорит: «Ветром в глаза надуло». В другой раз опять то же; Солнцева сестра взяла да и запретила ветру дуть. И в третий раз воротился Иван-царевич заплаканный; да уж делать нечего — пришлось во всем признаваться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра мо́лодца, на родину понаведаться. Она его не пускает, а он ее упрашивает; наконец упросил-таки, отпустила его на родину понаведаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два моложавых яблочка; какой бы ни был стар человек, а съест яблочко — вмиг помолодеет!

Приехал Иван-царевич к Вертогору, всего одна гора осталась; он взял свою щетку и бросил во чисто́ поле: откуда ни взялись — вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются; и сколько тут их — видимо-невидимо! Вертогор обрадовался и весело принялся за работу. Долго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к Вертодубу, всего три дуба осталося; он взял гребенку и кинул во чисто́ поле: откуда что́ — вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще! Вертодуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошел столетние дубы выворачивать. Долго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к старухам, дал им по яблочку; они съели, вмиг помолодели и подарили ему хусточку: как махнешь хусточкой — станет позади целое озеро!

Приезжает Иван-царевич домой. Сестра выбежала, встретила его, приголубила: «Сядь,— говорит,— братец, поиграй на гуслях, а я пойду — обед приготовлю». Царевич сел и бренчит на гуслях; выполз из норы мышонок и говорит ему человеческим голосом: «Спасайся, царевич, беги скорее! Твоя сестра ушла зубы точить». Иван-царевич вышел из горницы, сел на коня и поскакал назад; а мышонок по струнам бегает: гусли бренчат, а сестра и не ведает, что братец ушел. Наточила зубы, бросилась в горницу, глядь — нет ни души, только мышонок в нору скользнул. Разозлилась ведьма, так и скрипит зубами, и пустилась в погоню.

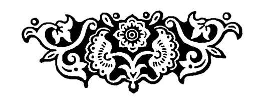
Иван-царевич услыхал шум, оглянулся — вот-вот нагонит сестра;

махнул хусточкой — и стало глубокое озеро. Пока ведьма переплыла озеро, Иван-царевич далеко уехал. Понеслась она еще быстрее... вот уж близко! Вертодуб угадал, что царевич от сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу; целую гору накидал! Нет ведьме проходу! Стала она путь прочищать, грызла-грызла, насилу продралась, а Иван-царевич уж далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала, еще немножко... и уйти нельзя! Вертогор увидал ведьму, ухватился за самую высокую гору и повернул ее как раз на дорогу, а на ту гору поставил другую. Пока ведьма карабкалась да лезла, Иван-царевич ехал да ехал и далеко очутился.

Перебралась ведьма через горы и опять погнала за братом... Завидела его и говорит: «Теперь не уйдешь от меня!» Вот близко, вот нагонит! В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестрицы и закричал: «Солнце, Солнце! Отвори оконце». Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конем. Ведьма стала просить, чтоб ей выдали брата головою; Солнцева сестра ее не послушала и не выдала. Тогда говорит ведьма: «Пусть Иван-царевич идет со мной на весы, кто кого перевесит! Если я перевешу — так я его съем, а если он перевесит — пусть меня убьет!» Пошли; сперва сел на весы Иван-царевич, а потом и ведьма полезла: только ступила ногой, как Ивана-царевича вверх и подбросило, да с такою силою, что он прямо попал на небо, к Солнцевой сестре в терема; а ведьма-змея осталась на земле.

94. ВАЗУЗА И ВОЛГА

Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее 51
и достойнее большего почета. Спорили, спорили, друг друга не переспорили и решились вот на какое дело. «Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придет к морю Хвалынскому, та из нас и умнее, и сильнее, и почету достойнее». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует; в Зубцове догнала Вазузу, да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее к себе на руки и снести в море Хвалынское[1]. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна.



[1] Каспийское (*Ред.*).

95—96. МОРОЗКО

95

Жили-были старик да старуха. У старика со старухою было 2a
три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды[1] творила, избу мела и все убирала еще дó свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала: «Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе». Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить[2] и дочерям ее услужить; но сестры, глядя на мать, Марфушу во всем обижали, с нею вздорили[3] и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старику жалко было старшей дочери; он любил ее за то, что была послушляная[4] да работящая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чем слова не перекорила[5]; да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочки ее ленивицы и упрямицы.

Вот наши старики стали думу думать: старик — как бы дочерей пристроить, а старуха — как бы старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику: «Ну, старик, отдадим Марфушу замуж».— «Ладно»,— сказал старик и побрел себе на печь; а старуха вслед ему: «Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой; а ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да накинь белую исподку[6]: завтра поедешь в гости!» Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут ее в гости, и сладко спала всю ночку; поутру рано встала, умылась, богу помолилась, все собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка — хоть куды невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвел ко крыльцу; сам пришел в избу, сел на коник и сказал: «Ну, я все изладил!» — «Садитесь за стол да жрите!» — сказала старуха. Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлебница[7] была на столе, он вынул челпан[8] и нарушал[9] хлеба и себе и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых щей и сказала: «Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь

[1] Уборы, женские платья (Опыт обл. великор. словаря).
[2] Приноровиться, прийтись по нраву.
[3] Ссорились.
[4] Послушная.
[5] Не поперечила.
[6] Чистую рубаху.
[7] Круглая коробка, лукошко с крышкой для держания хлеба.
[8] Непочатый каравай хлеба, пирог без начинки.
[9] Нарезал.

на тебя нагляделась! Старик, увези Марфутку к жениху; да мотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор,— знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка». Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлебать, а девка завыла. «Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды [10] и березы в пуху; житье-то завидное, да и сам он богатырь!»

Старик молча уклал пожитки, велел дочери накинуть шубняк [11] и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал — не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал: «Сиди и жди жениха, да мотри — принимай ласковее». А после заворотил лошадь — и домой.

Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрал. Хотела она выть, да сил на было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коёй де́вица сидит, и сверху ей говорит: «Тепло ли те, де́вица?» — «Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!» Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Мороз спросил де́вицу: «Тепло ли те, де́вица? Тепло ли те, красная?» Де́вица чуть дух переводит, но еще говорит: «Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!» Мороз пуще затрещал и сильнее защелка́л и де́вице сказал: «Тепло ли те, де́вица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?» Де́вица окостеневала и чуть слышно сказала: «Ой, тепло, голубчик Морозушко!» Тут Морозко сжалился, окутал де́вицу шубами и отогрел одеялами.

Старуха наутро мужу говорит: «Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!» Старик запряг лошадь и поехал. Подъехавши к дочери, он нашел ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил все на́ воз, сел с дочерью и поехал домой. Приехали домой, и де́вица бух в ноги мачехе. Старуха изумилась, как увидела девку живую, новую шубу и короб белья. «Э, сука, не обманешь меня».

Вот спустя немного старуха говорит старику: «Увези-ка и моих-то дочерей к жениху; он их еще не так одарит!» Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот поутру рано старуха деток своих накормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила. Старик тем же путем оставил девок под сосною. Наши де́вицы сидят да посмеиваются: «Что это у матушки выдумано — вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен черт приедет, и не знаешь какой!»

Девушки были в шубняках, а тут им стало зябко. «Что, Параха? Меня мороз по коже подирает. Ну, как суженый-ряженый не приедет,

[10] Верхние слои сосны.
[11] Крестьянская баранья шуба.

так мы здесь околеем[12]».— «Полно, Машка, врать! Коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обед[13] на дворе».— «А что, Параха, коли приедет один, кого он возьмет?» — «Не тебя ли, дурище?» — «Да, мотри, тебя!» — «Конечно, меня».— «Тебя! Полное тебе цыганить[14] да врать!» Морозко у девушек руки ознобил, и наши де́вицы сунули руки в пазухи да опять за то же. «Ой ты, заспанная рожа, нехорошая тресся[15], поганое рыло! Прясть ты не умеешь, а перебирать и вовсе не смыслишь».— «Ох ты, хвастунья! А ты что знаешь? Только по беседкам ходить да облизываться. Посмотрим, кого скорее возьмет!» Так де́вицы растабаривали и не в шутку озябли; вдруг они в один голос сказали: «Да кой хранци[16]! Что долго нейдет? Вишь ты, посинела!»

Вот вдалеке Морозко начал потрескивать и с елки на елку поскакивать да пощелкивать. Де́вицам послышалось, что кто-то едет. «Чу, Параха, уж едет, да и с колокольцом».— «Поди прочь, сука! Я не слышу, меня мороз обдирает».— «А еще замуж нарохтишься[17]!» И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над де́вицами. Он де́вицам говорит: «Тепло ли вам, де́вицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?» — «Ой, Морозко, больно студёно! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул». Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» — «Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли». Морозко еще ниже спустился, сильно приударил и сказал: «Тепло ли вам, девицы?» — «Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!» — и девушки окостенели.

Наутро старуха мужу говорит: «Запряги-ка ты, старик, пошевёнки; положи охабочку сенца да возьми шубное опахало[18]. Чай девки-то призябли; на дворе-то страшный мороз! Да мотри, вороўй[19], старый хрыч!» Старик не успел и перекусить, как был уж на дворе и на дороге. Приезжает за дочками и находит их мертвыми. Он в пошевёнки деток свалил, опахалом закутал и рогожкой закрыл. Старуха, увидя старика издалека, навстречу выбегала и так его вопрошала: «Что детки?» — «В пошевнях». Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и деток мертвыми нашла.

Тут старуха как гроза разразилась и старика разбранила: «Что ты наделал, старый пес? Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек, моих ненаглядных семечек, моих красных ягодок! Я тебя ухватом прибью, кочергой зашибу!» — «Полно, старая дрянь! Вишь, ты на богатство польстилась, а детки твои упрямицы! Коли я виноват? Ты сама захотела». Старуха посердилась, побранилась, да после с падчерицею помирилась, и стали они жить да быть да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сусед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живет. Старик внучат Морозком стращал и упрямиться не давал. Я на свадьбе был, мед-пиво пил, по усу текло, да в рот не попало.

[12] Замерзнем.

[13] Обеденная пора, полдень.

[14] Насмехаться.

[15] Ругательное слово, прилагаемое людям сварливым и вздорным: *трясся* — лихорадка.

[16] Бранное выражение (см. Опыт обл великорусск. словаря).

[17] Собираешься, хочешь (*Ред.*)

[18] Покрывало, одеяло (сличи глагол. загачиваться, запахнуть).

[19] Проворнее, скорее.

96

мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за все ее гладят по головке да приговаривают: «Умница!» А падчерица как ни угождает — ничем не угодит, все не так, все худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймется, все будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «Вези, вези, старик, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши об ней не слыхали; да не вози к родным в теплую хату, а во чисто́ поле на трескун-мороз!» Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой — и то побоялся; повез бездомную во чисто́ поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти. 52b

Осталась бедненькая, трясется и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» — «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принес по мою душу грешную». Мороз хотел ее тукнуть[1] и заморозить; но полюбились ему ее умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, подожмала ножки, сидит. Опять пришел Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» — «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принес по мою душу грешную». Мороз пришел совсем не по душу, он принес красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришел Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по не́й поминки справляет; напекла блинов. «Ступай, муж, вези хоронить свою дочь». Старик поехал. А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в се́ребре везут, а старухину женихи не берут!» — «Молчи, дура! На́ блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!» Собачка съела блин да опять: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в се́ребре везут, а старухину женихи не берут!» Старуха и блины давала и била ее, а собачка все свое: «Старикову дочь в злате, в се́ребре везут, а старухину женихи не возьмут!»

Скрипнули ворота, растворилися двери, несут сундук высокий, тяжелый, идет падчерица — панья паньей сияет! Мачеха глянула — и руки врозь! «Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место». Повез старик на то же поле, посадил на то же место. Пришел и Мороз красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил ее и убил. «Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней

[1] Стукнуть, пришибить.

запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!» А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!» — «Не ври! Нá пирог, скажи: старухину в злате, в сéребре везут!» Растворились ворота, старуха выбежала встреть[2] дочь, да вместо ее обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

97. СТАРУХА-ГОВОРУХА

И день и ночь старуха ворчит, как у ней язык не заболит? 53
А всё на падчерицу: и не умна, и не статна! Пойдет и придет, станет и сядет — все не так, невпопад! С утра до вечера как заведенные гусли. Надоела мужу, надоела всем, хоть со двора бежи! Запряг старик лошадь, затеял в город просо везть, а старуха кричит: «Бери и падчерицу, вези хоть в темный лес, хоть на путь на дорогу, только с моей шеи долой».

Старик повез. Дорога дальняя, трудная, все бор да болото, где кинуть девку? Видит: стоит избушка на курьих ножках, пирогом подперта, блином накрыта, стоит — перевертывается. «В избушке,— подумал,— лучше оставить дочь», ссадил ее, дал проса на кашу, ударил по лóшади и укатил из виду.

Осталась девка одна; натолкла проса, наварила каши много, а есть некому. Пришла ночь длинная, жуткая; спать — бока пролежишь, глядеть — глаза проглядишь, слóва молвить не с кем, и скучно и страшно! Стала она на порог, отворила дверь в лес и зовет: «Кто в лесе, кто в темном — приди ко мне гостевать!» Леший откликнулся, скинулся[1] молодцом, новогородским купцом, прибежал и подарочек принес. Нынче придет покалякает[2], завтра придет — гостинец принесет; увадился[3], наносил столько, что девать некуда!

А старуха-говоруха и скучила[4] без падчерицы, в избе у ней стало тихо, на животе тошно, язык пересох. «Ступай, муж, за падчерицей со дна моря ее достань, из огня выхвати! Я стара, я хила, за мной походить некому». Послушался муж; приехала падчерица, да как раскрыла сундук да развесила добро на веревочке от избы до ворот,— старуха было разинула рот, хотела по-своему встретить, а как увидела — губки сложила, под святые[5] гостью посадила и стала величать ее да приговаривать: «Чего изволишь, моя сударыня?»

[2] Встречать.
[1] Прикинулся, оборотился.
[2] Поболтает, поговорит.
[3] Повадился.
[4] Соскучилась.
[5] Иконы (т. е. в передний угол).

98. ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА

енился мужик вдовый с дочкою на вдове — тоже с дочкою, и было у них две сводные дочери. Мачеха была ненавистная; отдыху не дает старику: «Вези свою дочь в лес, в землянку! Она там больше напрядет». Что делать! Послушал мужик бабу, свез дочку в землянку и дал ей огниво, кремéшик, трýду [1] да мешочек круп и говорит: «Вот тебе огоньку; огонек не переводи, кашку вари, а сама сиди да пряди, да избушку-то припри». 54

Пришла ночь. Девка затопила печурку, заварила кашу, откуда ни возьмись мышка и говорит: «Дéвица, дéвица, дай мне ложечку каши». — «Ох, моя мышенька! Разбай [2] мою скуку; я тебе дам не одну ложку каши, а и досыта накормлю». Наелась мышка и ушла. Ночью вломился медведь. «Ну-ка, деушка, — говорит, — туши́ огни, давай в жмурку играть».

Мышка взбежала на плечо дéвицы и шепчет на ушко: «Не бойся, дéвица! Скажи: давай! а сама туши огонь да под печь полезай, а я стану бегать и в колокольчик звенеть». Так и сталось. Гоняется медведь за мышкою — не поймает; стал реветь да поленьями бросать; бросал-бросал, да не попал, устал и молвил: «Мастерица ты, деушка, в жмурку играть! За то пришлю тебе утром стадо коней да воз добра».

Наутро жена говорит: «Поезжай, старик, проведай-ка дочь — что напряла она в ночь?» Уехал старик, а баба сидит да ждет: как-то он дочерние косточки привезет! Вот собачка: «Тяф, тяф, тяф! С стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз добра везет». — «Врешь, шафурка [3]! Это в кузове кости гремят да погромыхивают». Вот ворота заскрипели, кони на двор вбежали, а дочка с отцом сидят на возу: полон воз добра! У бабы от жадности аж глаза горят. «Экая важность! — кричит. — Повези-ка мою дочь в лес на ночь; моя дочь два стада коней пригонит, два воза добра притащит».

Повез мужик и бабину дочь в землянку и так же снарядил ее и едою и огнем. Об вечеру заварила она кашу. Вышла мышка и просит кашки у Наташки. А Наташка кричит: «Ишь, гада какая!» — и швырнула в нее ложкой. Мышка убежала; а Наташка уписывает одна кашу, съела, огни позадула и в углу прикорнула.

Пришла полночь — вломился медведь и говорит: «Эй, где ты, деушка? Давай-ка в жмурку поиграем». Дéвица молчит, только со страху зубами стучит. «А, ты вот где! Нá колокольчик, бегай, а я буду ловить». Взяла колокольчик, рука дрожит, колокольчик бесперéчь звенит, а мышка отзывается: «Злой дéвице живой не быть!»

Наутро шлет баба старика в лес: «Ступай! Моя дочь два воза привезет, два табуна пригонит». Мужик уехал, а баба за воротами ждет. Вот собачка: «Тяф, тяф, тяф! Хозяйкина дочь едет — в кузове костьми гремит,

[1] Трут (*Ред.*).
[2] Разговори.
[3] *Шафурка* — смутьянка, сплетница (*Ред.*).

а старик на пустом возу сидит». — «Врешь ты, шавчонка! Моя дочь стада гонит и возы везет». Глядь — старик у ворот жене кузов подает; баба кузовок открыла, глянула на косточки и завыла, да так разозлилась, что с горя и злости на другой же день умерла; а старик с дочкою хорошо свой век доживал и знатного зятя к себе в дом примал.

99. КОБИЛЯЧА ГОЛОВА

Як був дід да баба, да у їх було дві дочки́: одна дідова, а дру- 55
га бабина. У діда була дочка́ така, що всегда рано уставала да усе робила, а бабиній як би нічо́го не робить! Ото раз баба послала їх на попряхи: «Ідіть же, — гово́рить, — да щоб мені багато напряли». Дідова дочка до світа встала да усе пряла; а бабина з вечора тільки як попряла трошки, да й не пряла більше.

Уранці, як світ став, пішли вони додому; треба їм було в однім місці через перелаз [1] лізти. Бабина дочка́ уперед перелізла і гово́рить: «Дай мені, сестрице, твої починки [2]; я подержу, покіль ти перелізеш». Та їй оддала; так вона, їх забравши, побігла додому да й каже: «Дивись, мамо, скільки я напряла, а сестра як легла з вечора, дак і не уставала до світа!» А та, прийшовши, скількі не божилась, що то її починки, дак куда — баба і слухать не хотіла, од того що вона її і попере́ду не любила, да і нав'язалась на діда: «Де хочеш, там і дінь [3] свою дочку́, тільки щоб вона у мене дурно [4] хліба не їла!».

От дід запріг кобилу да посадив дочку́ на віз, і сам сів, да і поїхали. Їдуть лісом, аж там стоїть хатка на курячій ніжці. Дід узяв дочку́ да й повів у хату, а хата була одчи́нена [5], да й каже: «Оставайся ж, доню [6], тут, а я піду, дровець нарубаю, щоб було чим кашу зварить». Да сам пішов з хати да й поїхав, тільки прив'язав до оконниці колодочку.

Колодочка стукне, а дочка́ і каже: «Се мій батенька дровця рубає!» Коли стукотить, гуркотить [7] кобиляча голова: «Хто в моїй хаті, одчини!» Дівчина встала і одчинила. «Дівчино, дівчино! Пересади через поріг». Вона пересадила. «Дівчино, дівчино! Постели мені постіль». Вона постелила. «Дівчино, дівчино! Положи мене на піл» [8]. Вона положила. «Дівчино, дівчино! Укрий мене». Вона і укрила. «Дівчино, дівчино! Улізь же мені у праве ухо, а у ліве вилізь».

[1] Одно или два бревна, положенных для удобства перелаза через плетень.
[2] *Починок* — пряжа, намотанная на веретено.
[3] Девай, день.
[4] Даром.
[5] Отворена.
[6] Дочка.
[7] Кричит, шумит.
[8] Возвышенный помост в крестьянских избах, заменяющий кровати.

Вона як вилізла із ушей, дак стала така хорóша, що крáщої[9] немає. Зараз стали і лакеї, і коні, і коляска; вона сіла у коляску да й поїхала до батька. Приходить у хату, а батько її не пізнав; а послі вона їм розказала, що з нею було. От баба уп'ять пристала до діда: «Вези і мою дочкý туда, куда свою возив».

Дід і бабину туда ж одвіз і, посадивши у хаті, велів себе ждать, покіль він нарубає дров. Тільки та пождала трошки, начала плакать, що сама осталась у лісі: аж оп'five стукотить, гуркотить кобиляча голова: «Хто в моїй хаті, одчини!» — «Не велика пані, і сама одчиниш», — каже дівчина. «Дівчино, дівчино! Пересади мене через поріг». — «Не велика пані, і сама перелізеш». — «Дівчино, дівчино! Постели мені постіль». — «Не велика пані, і сама постелиш». — «Дівчино, дівчино! Положи мене на піл». — «Не велика пані, і сама ляжеш». — «Дівчино, дівчино! Укрий мене». — «Не велика пані, і сама укриєшся».

Тогді кобиляча голова схватилась и з'їла бабину дочкý, да кісточки[10] в мішочку і повісила, а сама оп'five ушла. Собачка прибіжала до баби да начала брехать: «Гав, гав! Дідова дочкá як панночка, а бабиної дочкú у торбинці кісточки!» Що прожене[11] баба її, то вона оп'five і прибіжить. Тільки баба і говóрить дідові: «Поїдь да подивись, що там із моєю дочкóю робиться». От дід поїхав і привіз у торбинці кісточки, дак баба розсердилась да собачку і убила.

100. КРОШЕЧКА-ХАВРОШЕЧКА

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и пóхуже, 56
есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работáла, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому: а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжко жить-пожи-

[9] Более красивой.
[10] Косточки (*Ред.*).
[11] Прогонит.

вать: «Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрему дали пять пудов напрясть, наткать, побелить, в трубы покатать». А коровушка ей в ответ: «Красная де́вица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано». Так и сбывалось. Вылезет красная де́вица из ушка — все готово: и наткано, и побелено, и покатано. Отнесет к мачехе; та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?» Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает: «Спи, глазок, спи, глазок!» Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает: «Спи, глазок, спи, другой!» Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы дала. И Триглазка, как ее старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поет: «Спи, глазок, спи, другой!» — а об третьем забыла. Два глаза заснули, а третий глядит и все видит, все — как красная де́вица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Все, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу: «Режь рябую корову!» Старик так-сяк: «Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!» Режь, да и только! Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке: «Коровушка-матушка! Тебя хотят резать». — «А ты, красная де́вица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай». Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала; голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая — боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — тот заглядывается.

Случилось раз — девушки гуляли по́ саду; на ту пору ехал по́ полю барин — богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек: «Де́вицы-красавицы! — говорит он. — Которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет». И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались — ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не знавать.

101. БУРЕНУШКА

е в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь 57
с царицею, и была у них одна дочь, Марья-царевна. А как умерла царица, то царь взял другую жену, Ягишну. У Ягишны родилось две дочери: одна — двоеглазая, а другая — троеглазая. Мачеха не залюбила Марьи-царевны, послала ее пасти коровушку-буренушку и дала ей сухую краюшку хлебца.

Царевна пошла в чистое поле, в праву ножку буренушке поклонилась — напилась-наелась, хорошо срядилась; за коровушкой-буренушкой целый день ходит, как барыня. День прошел, она опять поклонилась ей в праву ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлеба назад принесла, на стол положила. «Чем сука жива живет?» — думает Ягишна; на другой день дала Марье-царевне ту же самую краюшку и посылает с нею свою бóльшую дочь. «Присмотри, чем Марья-царевна питается?»

Пришли в чистое поле; говорит Марья-царевна: «Дай, сестрица, я поищу у тебя в головке». Стала искать, а сама приговаривает: «Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!» Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла к коровушке-буренушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась и ходит весь день как барыня. Пришел вечер; Марья-царевна разрядилась и говорит: «Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдем домой».— «Охти мне!— взгоревалась сестрица.— Я весь день проспала, ничего не видела; теперь мати забранит меня!»

Пришли домой; спрашивает ее мати: «Что пила, что ела Марья-царевна?» — «Я ничего не видела». Ягишна заругалась на нее; поутру встает, посылает троеглазую дочерь: «Поди-ка, — говорит, — погляди, что она, сука, ест и пьет?» Пришли девицы в чистое поле буренушку пасти; говорит Марья-царевна: «Сестрица! Дай я тебе в головушке поищу».— «Поищи, сестрица, поищи, родима!» Марья-царевна стала искать да приговаривать: «Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!» А про третий глазок позабыла; третий глазок глядит да глядит, что рóбит Марья-царевна. Она подбежала к буренушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась; стало солнышко садиться — она опять поклонилась буренушке, разрядилась и ну будит троеглазую: «Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдем домой».

Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на стол положила. Стала мати спрашивать у своей дочери: «Что она пьет и ест?» Троеглазая все и рассказала. Ягишна приказывает: «Режь, старик, коровушку-буренушку». Старик зарезал; Марья-царевна просит: «Дай, дедушка родимый, хоть гузённую кишочку мне». Бросил старик ей гузённую кишочку; она взяла, посадила ее к верее — вырос ракитов куст, на нем красуются

сладкие ягодки, на нем сидят разные пташечки да поют песни царские и крестьянские.

Прослышал Иван-царевич про Марью-царевну, пришел к ее мачехе, положил блюдо на стол: «Которая девица нарвет мне полно блюдо ягодок, ту за себя замуж возьму». Ягишна послала свою бо́льшую дочерь ягод брать; птички ее и близко не подпускают, того и смотри — глаза выклюют; послала другую дочерь — и той не дали. Выпустила, наконец, Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягодок брать; она берет, а мелкие пташечки вдвое да втрое на блюдо кладут; пришла, поставила на стол и царевичу поклон отдала. Тут веселым пирком да за свадебку; взял Иван-царевич за себя Марью-царевну, и стали себе жить-поживать, добра наживать.

Долго ли, коротко ли жили, родила Марья-царевна сына. Захотелось ей отца навестить; поехала с мужем к отцу в гости. Мачеха обворотила ее гусынею, а свою бо́льшую дочь срядила Ивану-царевичу в жены. Воротился Иван-царевич домой. Старичок-пестун встает поутру ранехонько, умывается белехонько, взял младенца на́ руки и пошел в чистое поле к кусточку. Летят гуси, летят серые. «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного[1] матерь видали?» — «В другом стаде». Летит другое стадо. «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?» Младёного[1] матерь на землю скочила, кожух сдернула, другой сдернула, взяла младенца на руки, стала грудью кормить, сама плачет: «Сегодня покормлю, завтра покормлю, а послезавтра улечу за темные леса, за высокие горы!»

Старичок пошел домой; паренек спит до утра без разбуду, а подмененная жена бранится, что старичок в чистое поле ходит, всего сына заморил! Поутру старичок опять встает ранехонько, умывается белехонько, идет с ребенком в чистое поле; и Иван-царевич встал, пошел невидимо за старичком и забрался в куст. Летят гуси, летят серые. Старичок окликивает: «Гуси вы мои, гуси серые! Где младёного матку видали?» — «В другом стаде». Летит другое стадо: «Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного матерь видали?» Младёного матерь на землю скочила, кожу сдернула, другую сдернула, бросила на куст и стала младёного грудью кормить, стала прощаться с ним: «Завтра улечу за темные леса, за высокие горы!»

Отда́ла младенца старику. «Что, — говорит, — смородом[2] пахнет?» Хотела было надевать кожи, хватилась — нет ничего: Иван-царевич спалил. Захватил он Марью-царевну, она обвернулась скакухой[3], потом ящерицей и всякой гадиной, а после всего веретёшечком[4]. Иван-царевич переломил веретёшко надвое, пятку назад бросил, носок перед себя — стала перед ним молодая молодица. Пошли они вместе домой. А дочь Ягишны кричит-ревет: «Разорительница идет! Погубительница идет». Иван-царевич собрал князей и бояр, спрашивает: «С которой женой позволите жить?» Они сказали: «С первой».— «Ну, господа, которая жена скорее на ворота

[1] Младенца.
[2] Смрадом.
[3] Лягушкой.
[4] Веретеном.

скочит, с той и жить стану». Дочь Ягишны сейчас на ворота взлезла, а Марья-царевна только чапается[5], а вверх не лезет. Тут Иван-царевич взял свое ружье и застрелил подмененную жену, а с Марьей-царевной стал по-старому жить-поживать, добра наживать.

102—103. БАБА-ЯГА

102

Жили-были муж с женой и прижили дочку; жена-то и помри. 58а Мужик женился на другой, и от этой прижил дочь. Вот жена и невзлюбила падчерицу; нет житья сироте. Думал, думал наш мужик и повез свою дочь в лес. Едет лесом — глядит: стоит избушка на курьих ножках. Вот и говорит мужик: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом». Избушка и поворотилась.

Идет мужик в избушку, а в ней баба-яга: впереди голова, в одном углу нога, в другом — другая. «Русским духом пахнет!» — говорит яга. Мужик кланяется: «Баба-яга костяная нога! Я тебе дочку привез в услуженье».— «Ну, хорошо! Служи, служи мне,— говорит яга девушке,— я тебя за это награжу».

Отец простился и поехал домой. А баба-яга задала девушке пряжи с короб, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вот девушка хлопочет у печи, а сама горько плачет. Выбежали мышки и говорят ей: «Девица, девица, что ты плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем». Она дала им кашки. «А вот,— говорят,— ты на всякое веретёнце по ниточке напряди». Пришла баба-яга: «Ну что,— говорит,— все ли ты припасла?» А у девушки все готово. «Ну, теперь поди — вымой меня в бане». Похвалила яга девушку и надавала ей разной сряды. Опять яга ушла и еще труднее задала задачу. Девушка опять плачет. Выбегают мышки: «Что ты,— говорят,— девица красная, плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем». Она дала им кашки, а они опять научили ее, что и как сделать. Баба-яга опять, пришедши, ее похвалила и еще больше дала сряды[1]... А мачеха посылает мужа проведать, жива ли его дочь?

Поехал мужик; приезжает и видит, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома, он и взял ее с собой. Подъезжают они к своей деревне, а дома собачка так и рвется: «Хам, хам, хам! Барыню везут, барыню везут!» Мачеха выбежала да скалкой собачку. «Врешь,— говорит,— скажи: в коробе косточки гремят!» А собачка все свое. Приехали. Мачеха так и гонит мужа — и ее дочь туда же отвезти. Отвез мужик.

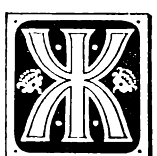
Вот баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Девка так и рвется с досады и плачет. Выбегают мыши. «Девица, девица! О чем ты,— гово-

[5] Цепляется.

[1] *Сряда* — нарядное платье.

рят,— плачешь?» А она не дала им выговорить, то тоё скалкой, то другую; с ними и провозилась, а дела-то не приделала. Яга пришла, рассердилась. В другой раз опять то же; яга изломала ее, да косточки в короб и склала. Вот мать посылает мужа за дочерью. Приехал отец и повез одни косточки. Подъезжает к деревне, а собачка опять лает на крылечке: «Хам, хам, хам! В коробе косточки везут!» Мачеха бежит со скалкой: «Врешь,— говорит,— скажи: барыню везут!» А собачка все свое: «Хам, хам, хам! В коробе косточки гремят!» Приехал муж; тут-то жена взвыла! Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

103



Жили себе дед да баба; дед овдовел и женился на другой 58b
жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха ее не полюбила, била её и думала, как бы вовсе извести. Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке: «Поди к своей тетке, моей сестре, попроси у нее иголочку и ниточку — тебе рубашку сшить». А тетка эта была баба-яга костяная нога.

Вот девочка не была глупа, да зашла прежде к своей родной тетке. «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, родимая! Зачем пришла?» — «Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку— мне рубашку сшить». Та ее и научает: «Там тебя, племянушка, будет березка в глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; там тебе ворота будут скрипеть и хлопать — ты подлей им под пяточки маслица; там тебя собаки будут рвать — ты им хлебца брось; там тебе кот будет глаза драть — ты ему ветчины дай». Пошла девочка; вот идет, идет и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит баба-яга костяная нога и ткет. «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, родимая!» — «Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку — мне рубашку сшить».— «Хорошо: садись покуда ткать». Вот девочка села за кросна [1], а баба-яга вышла и говорит своей работнице: «Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать». Девочка сидит ни жива, ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу: «Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи»,— и дала ей платочек.

Баба-яга дожидается; подошла она к окну и спрашивает: «Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?» — «Тку, тетушка, тку, милая!» Баба-яга и отошла, а девочка дала коту ветчинки и спрашивает: «Нельзя ли как-нибудь уйти отсюдова?» — «Вот тебе гребешок и полотенце,— говорит кот,— возьми их и убежи; за тобою будет гнаться баба-яга, ты приклони ухо к земле и как заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сделается широкая-широкая река; если ж баба-яга перейдет через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и как услышишь, что она близко, брось гребешок — сделается дремучий-дремучий лес; сквозь него она уже не проберется!»

[1] *Кро́сна* — стан для тканья (*Ред.*).

Баба Яга. Лубок из собрания Д. Ровинского № 37

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели ее рвать — она бросила им хлебца, и они ее пропустили; ворота хотели захлопнуться — она подлила им под пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотела ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А кот сел за кросна и ткет: не столько наткал, сколько напутал. Баба-яга подошла к окну и спрашивает: «Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?» — «Тку, тетка, тку, милая!» — отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза. «Я тебе сколько служу,— говорит кот,— ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала». Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на березку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей: «Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала». Ворота говорят: «Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила». Березка говорит: «Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала».

Работница говорит: «Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила».

Баба-яга костяная нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след заметает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга гонится, и уж близко, взяла да и бросила полотенце: сделалась река такая широкая-широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке; быки выпили всю реку дочиста. Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга близко, бросила гребешок: сделался лес такой дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколь ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает: «Где же моя дочка?» — «Она пошла к тетушке»,— говорит мачеха. Немного погодя и девочка прибежала домой. «Где ты была?» — спрашивает отец. «Ах, батюшка! — говорит она.— Так и так — меня матушка посылала к тетке попросить иголочку с ниточкой — мне рубашку сшить, а тетка, баба-яга, меня съесть хотела».— «Как же ты ушла, дочка?» Так и так — рассказывает девочка. Дед как узнал все это, рассердился на жену и расстрелил ее; а сам с дочкою стал жить да поживать да добра наживать, и я там был, мед-пиво пил: по усам текло, в рот не попало.

104. ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он 59
в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала: «Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью». Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе,— стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб

она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая: «На́, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?» Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

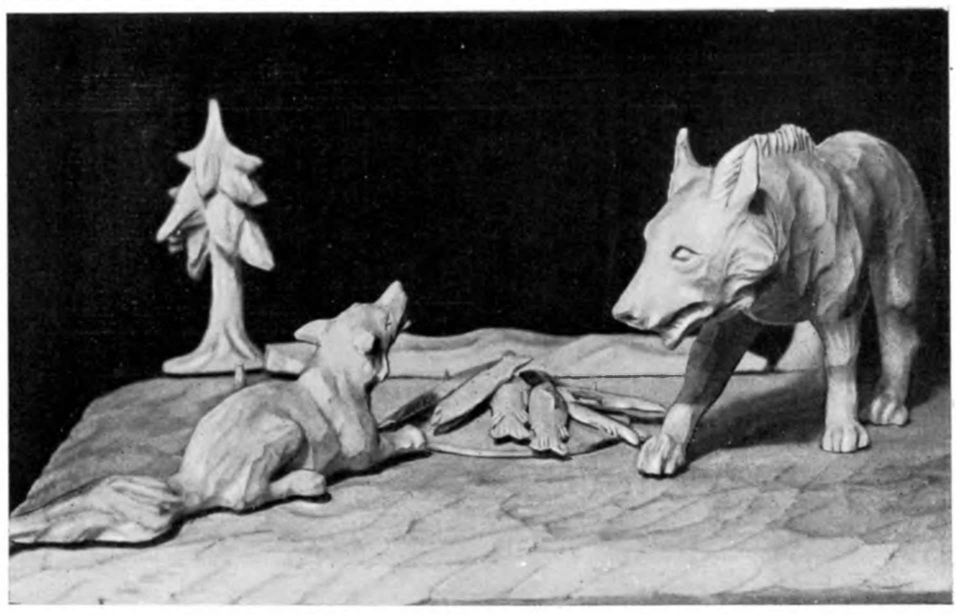
Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает: «Не выдам меньшой прежде старших!», а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

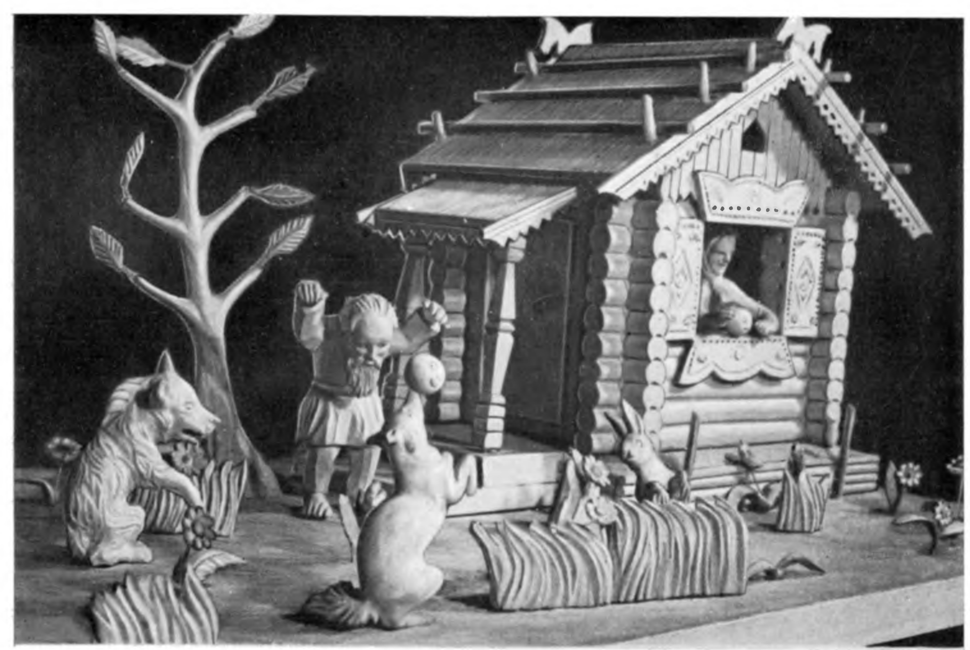
Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку. «Что теперь нам делать? — говорили девушки.— Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!» — «Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево.— Я не пойду».— «И я не пойду,— сказала та, что вязала чулок. — Мне от спиц светло!» — «Тебе за огнем идти, — закричали обе.— Ступай к бабе-яге!» — и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала: «На́, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к бабе-яге; баба-яга съест меня!» Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки. «Не бойся, Василисушка! — сказала она. — Ступай, куда посылают, только меня держи всегда

Н. И. Рыжов. Игрушка «Теремок». 1959 г.
Демонстрационный зал ВНИИИ
(Всесоюзный научно-исследовательский институт игрушки)



Н. И. Рыжов. Игрушка «Лисичка-сестричка и волк». 1970 г.
Демонстрационный зал ВНИИИ



Н. И. Рыжов. Игрушка «Колобок». 1959 г.
Демонстрационный зал ВНИИИ

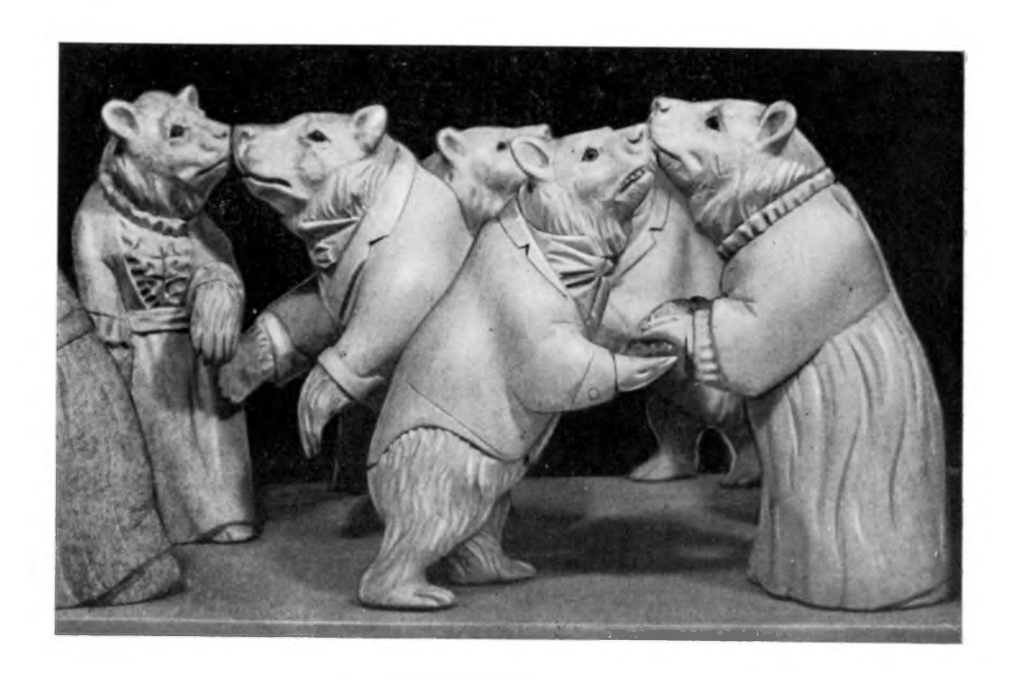
И. К. Стулов. Игрушка «Вершки и корешки».
Г. Богородск. 40-е годы XX в.

Лубок из собрания Д. Ровинского № 177
«Медведь с козою проклажаются»

Коза с медведем. Игрушка на планках.
Дер. Богородское Владимирской губ. Конец XIX **в.**
Музей игрушки в Загорске

Парная упряжка. Городец Нижегородской губ.
Середина XIX в. Музей игрушки в Загорске

*И. А. Рыжов. «Медвежья свадьба». Сергиев Посад.
Начало XX в. Музей игрушки в Загорске*



Вожак с медведем. Сергиев Посад (г. Загорск).
70-е годы XIX в. Папье-маше. Музей игрушки в Загорске

Н. Д. Бартрам. Царь с котом. Царь-укладка.
1900-е годы. Музей игрушки в Загорске

Пряха. XIX в. С. Богородское Владимирской губ.
Музей игрушки в Загорске

Дровосек. I пол. XIX в. С. Богородское Владимирской губ.
Музей игрушки в Загорске

Сосуд «Козел». Скопинская керамика.
Музей народного искусства в Москве

Сосуд «Петух». Скопинская керамика.
Музей народного искусства в Москве

«Лесовики». Вятская губ. Начало XX в.
Шишки, мох, сухая трава, береста
Музей игрушки в Загорске

при себе. При мне ничего не станется с тобой у бабы-яги». Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая,— на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне,— стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человечьих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верей у ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка́ — рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился,— настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как середи дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след заметает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала: «Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?» Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала: «Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе». — «Хорошо, — сказала яга-баба, — знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!» Потом обратилась к воротам и вскрикнула: «Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!» Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе: «Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу».

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит: «Когда завтра я уеду, ты смотри — двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь, да пойди в закром, возьми четверть пшеницы и очисть ее от чернушки[1]. Да чтоб все было сделано, а не то — съем тебя!» После такого наказу баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую

[1] *Чернуха* — ягель, род полевого дикого гороха.

6 Заказ № 27

дала мне яга-баба работу и грозится съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!» Кукла ответила: «Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!»

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник — и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула — перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник — взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след заметает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилью во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки. «Ах, ты, избавительница моя! — сказала Василиса куколке.— Ты от беды меня спасла».— «Тебе осталось только обед состряпать,— отвечала куколка, влезая в карман Василисы.— Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!»

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник — и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья — едет баба-яга. Василиса встретила ее. «Все ли сделано?» — спрашивает яга. «Изволь посмотреть сама, бабушка!» — молвила Василиса. Баба-яга все осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала: «Ну, хорошо!» Потом крикнула: «Верные мои слуги, сердечные други, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе: «Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!» Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему: «Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!»

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула: «Верные мои слуги, сердечные други, выжмите из маку масло!» Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча. «Что ж ты ничего не говоришь со мною? — сказала баба-яга.— Стоишь как немая!» — «Не смела,— отвечала Василиса,— а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем».— «Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состареешься!» — «Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?» — «Это день мой ясный»,— отвечала баба-яга. «Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?» — «Это мое солнышко красное!» — отвечала баба-яга. «А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых

твоих ворот, бабушка?» — «Это ночь моя темная — всё мои слуги верные!»

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала. «Что ж ты еще не спрашиваешь?» — молвила баба-яга. «Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состареешься».— «Хорошо,— сказала баба-яга,— что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?» — «Мне помогает благословение моей матери»,— отвечала Василиса. «Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных». Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали».

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома,— думает себе,— уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа: «Не бросай меня, неси к мачехе!»

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решилась идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу. «Авось твой огонь будет держаться!» — сказала мачеха. Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке: «Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду». Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да таких берд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит: «Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я все тебе смастерю».

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе: «Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе». Старуха взглянула на товар и ахнула: «Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец».

Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил: «Что тебе, старушка, надобно?» — «Ваше царское величество,— отвечает старуха,— я принесла диковинный товар; никому, окроме тебя, показать не хочу». Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно — вздивовался. «Что хочешь за него?» — спросил царь. «Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла». Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскроили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал: «Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить».—«Не я, государь, пряла и соткала полотно,— сказала старуха,— это работа приемыша моего — девушки».— «Ну так пусть и сошьет она!» Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе. «Я знала,— говорит ей Василиса,— что эта работа моих рук не минует». Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладываючи рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга; вошел в горницу и говорит: «Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук». Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти. «Нет,— говорит он,— красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою». Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадебку сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

105. БАБА-ЯГА И ЗАМОРЫШЕК

Жил-был старик да старуха; детей у них не было. Уж 60
чего они ни делали, как ни молились богу, а старуха все не рожала. Раз пошел старик в лес за грибами; попадается ему дорогою старый дед. «Я знаю,— говорит,— что у тебя на мыслях; ты все об детях думаешь. Поди-ка по деревне, собери с каждого двора по яичку и посади на те яйца клушку[1]; что будет, сам увидишь!» Старик воротился в деревню; в ихней деревне был сорок один двор; вот он обошел все дворы, собрал с каждого

[1] Наседку.

по яичку и посадил клушку на сорок одно яйцо. Прошло две недели, смотрит старик, смотрит и старуха,— а из тех яичек народились мальчики; сорок крепких, здоровеньких, а один не удался — хил да слаб! Стал старик давать мальчикам имена; всем дал, а последнему не достало имени. «Ну,— говорит,— будь же ты Заморышек!»

Растут у старика со старухой детки, растут не по дням, а по часам; выросли и стали работать, отцу с матерью помогать; сорок мо́лодцев в поле возятся, а Заморышек дома управляется. Пришло время сенокосное; братья траву косили, стога ставили, поработали с неделю и вернулись на деревню; поели, что бог послал, и легли спать. Старик смотрит и говорит: «Молодо-зелено! Едят много, спят крепко, а дела, поди, ничего не сделали!» — «А ты прежде посмотри, батюшка!» — отзывается Заморышек. Старик снарядился и поехал в луга; глянул — сорок стогов сметано: «Ай да молодцы ребята! Сколько за одну неделю накосили и в стога сметали».

На другой день старик опять собрался в луга, захотелось на свое добро полюбоваться; приехал — а одного стога как не бывало! Воротился домой и говорит: «Ах, детки! Ведь один стог-то пропал».— «Ничего, батюшка! — отвечает Заморышек.— Мы этого вора поймаем; дай-ка мне сто рублев, а уж я дело сделаю». Взял у отца сто рублев и пошел к кузнецу: «Можешь ли сковать мне такую цепь, чтоб хватило с ног до головы обвить человека?» — «Отчего не сковать!» — «Смотри же, делай покрепче; коли цепь выдержит — сто рублев плачу, а коли лопнет — пропал твой труд!» Кузнец сковал железную цепь; Заморышек обвил ее вокруг себя, потянул — она и лопнула. Кузнец вдвое крепче сделал; ну, та годилась. Заморышек взял эту цепь, заплатил сто рублев и пошел сено караулить; сел под стог и дожидается.

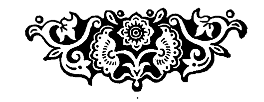
Вот в самую полуночь поднялась погода, всколыхалось море, и выходит из морской глубины чудная кобылица, подбежала к первому стогу и принялась пожирать сено. Заморышек подскочил, обротал ее железной цепью и сел верхом. Стала его кобылица мыкать, по долам, по горам носить; нет, не в силах седока сбить! Остановилась она и говорит ему: «Ну, добрый мо́лодец, когда сумел ты усидеть на мне, то возьми-владей моими жеребятами». Подбежала кобылица к синю морю и громко заржала; тут сине море всколыхалося, и вышли на́ берег сорок один жеребец; конь коня лучше! Весь свет изойди, нигде таких не найдешь! Утром слышит старик на дворе ржанье, топот; что такое? а это его сынок Заморышек целый табун пригнал. «Здорово,— говорит,— братцы! Теперь у всех у нас по коню есть; поедемте невест себе искать».— «Поедем!» Отец с матерью благословили их, и поехали братья в путь-дорогу далекую.

Долго они ездили по белому свету, да где столько невест найти? Порознь жениться не хочется, чтоб никому обидно не было; а какая мать похвалится, что у ней как раз сорок одна дочь народилась? Заехали мо́лодцы за тридевять земель; смотрят: на крутой горе стоят белокаменные палаты, высокой стеной обведены, у ворот железные столбы поставлены. Сосчитали — сорок один столб. Вот они привязали к тем

столбам своих богатырских коней и идут на двор. Встречает их баба-яга: «Ах вы, незваные-непрошеные! Как вы смели лошадей без спросу привязывать?»—«Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай». Баба-яга накормила их, напоила, в баню сводила и стала спрашивать: «Что, добрые мо́лодцы, дела пытаете иль от дела лытаете?» — «Дела пытаем, бабушка!» — «Чего ж вам надобно?»—«Да невест ищем».—«У меня есть дочери»,— говорит баба-яга, бросилась в высокие терема и вывела сорок одну де́вицу.

Тут они сосватались, начали пить, гулять, свадьбы справлять. Вечером пошел Заморышек на своего коня посмотреть. Увидел его добрый конь и промолвил человеческим голосом: «Смотри, хозяин! Как ляжете вы спать с молодыми женами, нарядите их в свои платья, а на себя наденьте женины; не то все пропадем!» Заморышек сказал это братьям; нарядили они молодых жен в свои платья, а сами оделись в женины и легли спать. Все заснули, только Заморышек глаз не смыкает. В самую полночь закричала баба-яга зычным голосом: «Эй вы, слуги мои верные! Рубите незваным гостям буйны головы». Прибежали слуги верные и отрубили буйны головы дочерям бабы-яги. Заморышек разбудил своих братьев и рассказал все, что было; взяли они отрубленные головы, воткнули на железные спицы кругом стены́, потом оседлали коней и поехали наскоро.

Поутру встала баба-яга, глянула в окошечко — кругом стены́ торчат на спицах дочерние головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щит, поскакала в погоню и начала палить щитом на все четыре стороны. Куда мо́лодцам спрятаться? Впереди сине море, позади баба-яга — и жжет и палит! Помирать бы всем, да Заморышек догадлив был: не забыл он захватить у бабы-яги платочек, махнул тем платочком перед собою — и вдруг перекинулся мост через все сине море; переехали добрые мо́лодцы на другую сторону. Заморышек махнул платочком в иную сторону — мост исчез, баба-яга воротилась назад, а братья домой поехали.



106—107. БАБА-ЯГА И ЖИХАРЬ[1]

106

ил кот, воробей да жихарько третей. Кот да воробей пошли дрова рубить и говорят жихарьку: «Домовничай да смотри: ежели придет яга-баба да станет считать ложки, ты ничего не говори, молчи!» — «Ладно», — ответил жихарь. Кот да воробей ушли, а жихарь сел на печь за трубу. Вдруг является яга-баба, берет ложки и считат: «Это — котова ложка, это — воробьева ложка, третья — жихарькова». Жихарь не мог стерпеть, закричал: «Не тронь, яга-баба, мою ложку». Яга-баба схватила жихаря, села в ступу, поехала; едет в ступе, пестом понужат[2], а помелом следы заметат. Жихарь заревел: «Кот, беги! Воробей, лети!» Те услышали, прибежали. Кот начал царапать ягу-бабу, а воробей клевать; отняли жихаря. 61а

На другой день стали опять собираться в лес дрова рубить, заказывают жихарю: «Смотри, ежели будет яга-баба, ничего не говори; мы теперь далеко уйдем». Жихарь только сел за трубу на печь, яга-баба опять явилась, начала считать ложки: «Это — котова ложка, это — воробьева ложка, это — жихарькова». Жихарько не мог утерпеть, заревел: «Не тронь, яга-баба, мою ложку». Яга-баба схватила жихаря, потащила, а жихарь ревет: «Кот, беги! Воробей, лети!» Те услышали, прибежали; кот царапать, воробей клевать ягу-бабу! Отняли жихаря, ушли домой.

На третий день собрались в лес дрова рубить, говорят жихарю: «Смотри, ежели придет яга-баба — молчи; мы теперь далеко уйдем». Кот да воробей ушли, а жихарь третей уселся за трубу на печь; вдруг опять яга-баба берет ложки и считат: «Это — котова ложка, это — воробьева ложка, третья — жихарькова». Жихарь молчит. Яга-баба вдругорядь считат: «Это — котова ложка, это — воробьева, это — жихарькова». Жихарь молчит. Яга-баба в третий раз считат: «Это — котова ложка, это — воробьева ложка, третья — жихарькова». Жихарько не мог стерпеть, забазлал[3]: «Не тронь, курва, мою ложку». Яга-баба схватила жихаря, потащила. Жихарь кричит: «Кот, беги! Воробей, лети!» Братья его не слышат.

Притащила яга-баба жихаря домой, посадила в голбец[4], сама затопила печку, говорит большой дочери: «Девка! Я пойду в Русь; ты изжарь к обеду мне жихарька».— «Ладно!» — та говорит. Печка истопилась, девка велит выходить жихарю. Жихарь вышел. «Ложись на ла́дку[5]!» — говорит опять девка. Жихарь лег, уставил одну ногу в потолок, другу́ в на́волок[6]. Девка говорит: «Не так, не так!» Жихарь бает: «А как? Ну-ка поучи». Девка легла в ла́дку. Жихарь не оробел, схватил ухват, да и пихнул в печь ла́дку с ягишниной дочерью, сам ушел опять в голбец, сидит — дожидатся ягой-бабы. Вдруг яга-баба прибежала и говорит: «Покататься было, пова-

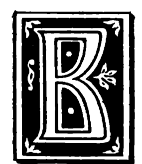
[1] *Жихарь* — лихой, удалой, смелый молодец.
[2] Погоняет.
[3] *Базлать* — громко кричать.
[4] Деревянная приделка к печи, под которою делается ход в подполье.
[5] *Ла́дка* — глиняная сковорода.
[6] Пол.

ляться было на жихарьковых косточках!» А жихарь ей в ответ: «Покатайся, поваляйся на дочерниных косточках!»

Яга-баба спохватилась, посмотрела: дочь ее изжарена, и заревела: «А, ты, мошенник, постой! Не увернешься!» Приказыват середней дочери изжарить жихарька, сама уехала. Середня дочь истопила печку, велит выходить жихарьку. Жихарь вышел, лег в ла́дку, одну ногу уставил в потолок, другу́ в наволок. Девка говорит: «Не так, не так!» — «А поучи: как?» Девка легла в ла́дку. Жихарь взял да и пихнул ее в печь, сам ушел в голбец, сидит там. Вдруг яга-баба: «Покататься было, поваляться было на жихарьковых косточках!» Он в ответ: «Поваляйся, покатайся на дочерниных косточках!» Ягишна взбесилась: «Э, постой, — говорит, — не увернешься!» Приказывает молодой дочери изжарить его. Не тут-то было, жихарь и эту изжарил!.

Яга-баба пуще рассердилась: «Погоди, — говорит, — у меня не увернешься!» Истопила печь, кричит: «Выходи, жихарько! Ложись вот на ла́дку». Жихарь лег, уставил одну ногу в потолок, другу́ в наволок, не уходит в чело [7]. Яга-баба говорит: «Не так, не так!» А жихарь будто не знат. «Я, — говорит, — не знаю, поучи сама!» Яга-баба тотчас поджалась и легла в ла́дку. Жихарь не оробел, взял да ее и пихнул в печь; сам ступай домой, прибежал, сказыват братьям: «Вот чего я сделал с ягой-бабой!»

107



одной семье было три брата: большего прозывали Бараном, середнего Козлом, а меньшего звали Чуфиль-Филюшка [1]. Вот однажды все они трое пошли в лес, а в лесу жил караульщиком родной их дедушка. У этого дедушки Баран да Козел оставили своего родного брата Чуфиль-Филюшку, а сами пошли в лес на охоту. Филюшке была и воля и доля: дедушка был стар и большой недогад, а Филюшка тороват. Захотелось ему съесть яблочко; он отвернулся [2] от дедушки да в сад, и залез на яблонь. Вдруг откуда ни взялась яга-бура в железной ступе с пехтилем [3] в руке; прискакала к яблоне и сказала: «Здорово, Филюшка! Зачем туда залез?» — «Да вот яблочко сорвать», — сказал Филюшка. «На-ка, родимый, тебе моего яблочка». — «Это гнилое», — сказал Филюшка. «На́ вот другое!» — «А это червивое». — «Ну, будет тебе дурачиться, Филюшка! А ты вот возьми-ка у меня яблочко-то из ручки в ручку». Он протянул руку. Яга-бура как схватит его, посадила в ступу и поскакала по кустам, по лесам, по оврагам, борзо погоняет ступу пехтилем. 61b

Тут Филюшка, опомнившись, начал кричать: «Козел, Баран! Бежите скорей! Меня яга утащила за те горы за крутые, за те леса за темные, за те степи за гусиновые». Козел и Баран отдыхали тогда; один лежал на земле, вот ему и слышится — кричит кто-то. «Прислонись-ка ты к зем-

[7] *Чело́* — верхняя часть русской печи.

[1] Приставка «Чуфиль, Чуфилюшка» объясняется любимою русским простолюдином игрою слов.

[2] Увернулся.

[3] *Пе́хтиль* — пест, толкач, которым толкут лен и коноплю.

ле!» — говорит лежачий сидячему. «Ой, это кричит наш Филюшка!» Пустились они бежать, бежали-бежали и догнали ягу-буру, отбили Филюшку и привезли к дедушке, а дедушка с ума по нем сошел! Вот приказали они дедушке смотреть за Филюшкой, а сами ушли. Филюшка по прежней уловке опять залез на яблонь; только залез, а яга-бура опять перед ним и дает ему яблочко. «Нет, не обманешь меня, злодейка!» — сказал Филюшка. «Да ты, Филюшка, хоть поймай у меня яблочко; я тебе брошу». — «Хорошо, кидай!» Яга нарочно кинула ему яблочко пониже; он потянулся за яблочком, хотел было схватить — вдруг хвать его за руку яга-бура и помчала без памяти опять по горам, по долам и по темным лесам; притащила его в свой дом, вымыла, выхолила и посадила в коник.

Вот поутру собирается яга идти в лес и приказывает своей дочери: «Ну, дочка моя, истопи печь жарко-на́жарко и зажарь мне Чуфиль-Филюшку к ужоткому[4]!» — а сама ушла на добычу. Дочь истопила жарко печку, взяла связала Филюшку и положила на лопату, и только хочет пихнуть его в печку — он упрет да и упрет в чело ногами. «Ты не так, Филюшка!» — сказала дочь яги-бурой. «Да как же? — говорит Филюшка. — Я не умею». — «Вот как, пусти-ка, я тебя научу!» — и легла на лопату, как надо, а Чуфиль-Филюшка был малый не промах: как вдруг сунет ее в печь и закрыл заслоном крепко-накрепко.

Прошло не больше как часа два-три, Филюшка учуял, что запахло жареным, отслонил заслонку и вынул дочь яги-бурой изжаренную, помазал ее маслом, прикрыл на сковороде полотенцем и положил в коник; а сам ушел на потолок да взял с собою будничный пехтиль и ступу яги-бурой. Вот перед вечером приходит яга-бура, прямо сунулась в коник и вытащила жаркое; поела все, собрала все кости, разложила их на земле рядом и начала по ним кататься, а про дочь и не встрянётся[5] — думает, что она в другой избе шерсть прядет. Вот яга, катаючись, приговаривает: «Любезная моя дочь! Выйди ко мне и покатайся со мною на Филюшкиных косточках!» А Филюшка с потолка кричит: «Покатайся, мать, поваляйся, мать, на дочерниных косточках!» — «А, ты там, разбойник? Постой же, я тебе задам!» — заскрипела зубами, застучала ногами и лезет на потолок. Чуфилюшка не испугался, схватил пехтиль и со всего маху ударил ее по́ лбу: яга лишь брыкнула наземь.

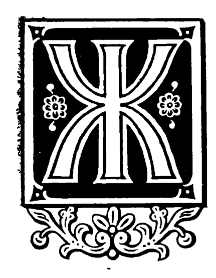
Тут Филюшка залез на крышу; увидал, что летят гуси, он и кричит им: «Дайте мне по перышку, я сделаю себе крылышки». Они дали ему по перышку; он и полетел домой. А до́ма его уж давным-давно за упокой поминают; потом, как увидали его, все несказанно обрадовались и вместо упокойной затеяли превеселую гульбу и стали себе жить-поживать да больше добра наживать.

[4] *Ужотко* — последующее, наступающее время.

[5] *Встряхнуться* — спохватиться.

108—111. ИВАШКО И ВЕДЬМА

108


ил себе дед да баба, у них был один сыночек Ивашечко; они его так-то уж любили, что и сказать нельзя! Вот просит Ивашечко у отца и матери: «Пустите меня, я поеду рыбку ловить». — «Куда тебе! Ты еще мал, пожалуй, утонешь, чего доброго!»— «Нет, не утону; я буду вам рыбку ловить: пустите!» Баба надела на него белую рубашечку, красным поясом подпоясала и отпустила Ивашечка. 62а

Вот он сел в лодку и говорит:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!
Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба нá берег и зовет своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

А Ивашко говорит:

Чóвник, чóвник, плыви к бережку:
То меня матинька зовет.

Челнок приплыл к бережку; баба забрала рыбу, накормила-напоила своего сына, переменила ему рубашечку и поясок и отпустила опять ловить рыбку.

Вот он сел в лодочку и говорит:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!
Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дед нá берег и зовет своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принес.

А Ивашко:

Чóвник, чóвник, плыви к бережку:
То меня батинька зовет.

Челнок приплыл к бережку; дед забрал рыбу, накормил-напоил сынка, переменил ему рубашечку и поясок и отпустил опять ловить рыбку.

Ведьма[1] слышала, как дед и баба призывали Ивашку, и захотелось ей овладать мальчиком. Вот приходит она нá берег и кричит хриплым голосом:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко слышит, что это голос не его матери, а голос ведьмы, и поет:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько,
Чóвник, чóвник, плыви дальшенько:
То меня не мать зовет, то меня ведьма зовет.

Ведьма увидела, что надобно звать Ивашку тем же голосом, каким его мать зовет, побежала к кузнецу и просит его: «Ковалику[2], ковалику! Скуй мне такой тонесенький голосок, как у Ивашкиной матери; а то я тебя съем!» Коваль сковал ей такой голосок, как у Ивашкиной матери. Вот ведьма пришла ночью на бережок и поет:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко приплыл; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла к себе. Пришла домой и заставляет свою дочь Аленку: «Истопи печь пожарче да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей — моих приятелей». Вот Аленка истопила печь жарко-жарко и говорит Ивашке: «Ступай, садись на лопату!»—«Я еще мал и глуп, — отвечает Ивашко,— я ничего еще не умею — не разумею; поучи меня, как надо сесть на лопату».— «Хорошо,— говорит Аленка,— поучить недолго!» — и только села она на лопату, Ивашко так и барахнул ее в печь и закрыл заслонкой, а сам вышел из хаты, запер двери и влез на высокий-высокий дуб.

Ведьма приходит с гостями и стучится в хату; никто не отворяет ей дверей. «Ах, проклятая Аленка! Верно, ушла куда-нибудь играть». Влезла ведьма в окно, отворила двери и впустила гостей; все уселись за стол, а ведьма открыла зáслонку, достала жареную Аленку — и на стол: ели-ели, пили-пили и вышли на двор и стали валяться на траве. «Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!— кричит ведьма.— Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!» А Ивашко переговаривает ее с верху дуба: «Покатайся, поваляйся, Аленкина мясца наевшись!» — «Мне что-то послышалось»,— говорит ведьма. «Это листья шумят!» Опять ведьма говорит: «Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!», а Ивашко свое: «Покатися, повалися, Аленкина мясца наевшись!» Ведьма

[1] Некоторые сказочники заменяют в этой сказке слово «ведьма» — словом «змея».

[2] *Коваль* — кузнец; ковать, подковá.

посмотрела вверх и увидела Ивашку; бросилась она грызть дуб — тот самый, где сидел Ивашко, грызла, грызла, грызла — два передних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит: «Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!» Коваль сковал ей два железных зуба.

Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб; грызла, грызла, и только что перегрызла, как Ивашко взял да и перескочил на другой, соседний дуб, а тот, что ведьма перегрызла, рухнул наземь. Ведьма видит, что Ивашко сидит уже на другом дубе, заскрипела от злости зубами и принялась снова грызть дерево; грызла, грызла, грызла — два нижних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит: «Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!» Коваль сковал ей еще два железных зуба. Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб. Ивашко не знает, что ему и делать теперь; смотрит: летят гуси-лебеди; он и просит их:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

«Пущай тебе середние во́зьмут», — говорят птицы. Ивашко ждет; летит другое стадо, он опять просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

«Пущай тебя задние во́зьмуть». Ивашко опять ждет; летит третье стадо, он просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылята,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетели к хате и посадили Ивашку на чердак.

Рано поутру баба собралась печь блины, печет, а сама вспоминает сынка: «Где-то мой Ивашечко? Хоть бы во сне его увидать!» А дед говорит: «Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях». Напекла баба блинов и говорит: «Ну, старик, давай делить блины: это — тебе, дед, это — мне; это — тебе, дед, это — мне...» — «А мне нема!» — отзывается Ивашко. «Это — тебе, дед, это — мне...» — «А мне нема!» — «А ну, старик,— говорит баба,— посмо-

три, щось там таке?» Дед полез на чердак и достал оттуда Ивашку. Дед и баба обрадовались, расспросили сына обо всем, обо всем и стали вместе жить да поживать да добра наживать.

109

ыв сабе дед да баба, да у их не было детей. Во баба и каже деду: «Иди, деду, у лес, да вырубай тельпушок[1], да зраби калисочку[2], я буду таго тельпушка калыхать[3], чи не будя чаго?» 62b

Дед зрабив так, як казала баба. Во баба калыша тельпушок да й припевая:

Люли, люли, тельпешику.
Зварю тебе кулешику —
И ячнага, и смачнага,
Явсянага, прасянага.

Глядить баба, аж у тельпушка ноги ёсть; баба зрадовалась да давай изнова петь, и спева до тых пор, покуль из таго тельпушка зрабилось дитя. Рады были баба и дед, што дав им бог радасть на старасть, и не знали, што рабить свайму дитяти.

Расте той сын да расте; уже начав рыбку лавить и памагать батьку. Во и кажа: «Тату[4]! Зраби мини серебный чавнок да залате веселечко». Батько зрабив; сын начав лавить рыбу и як паедя, так целый день ловя. Во матка принясе яму абедать або вечерять[5] да и кличе:

Иванька-сынок,
Серебный чавнок,
Залате веселечко,
Едь ко мне, мое сердечко!

Пачувши маткин голас, сын приезжая к берягу, бяре яду[6], аддае матке рыбу, а сам изнова едя.

Ти[7] мала, ти багата[8] ета так было — ведьма, што жила в саседнем селе и знакома была с Иванькиными радитилями, пазавидавала и задумала загубить бабинага сына: пригатовила абедать ти вечерять да и пашла на ряку и давай гукать[9] так, як Иванькина матка гукала яго. Иванька, пачувши яе голас, бо быв грубый, а у матки яго тоненький, да и кажа: «Ета не матка мяне заве, а ведьма!» Ведьма рассярдилась, пашла да каваля да и загадала зрабить такий язычек, як у Иванькиной матки; приходя знова на ряку да и давай звать яго. Ён думав, што то матка, приплыв к берягу. Яна яго ухватила да и панясла дамов; а ён не разглядав, як падъезжав, бо было тёмна.

[1] Чурбан.
[2] Люльку, колыбель.
[3] Качать.
[4] Отец.
[5] Ужинать.
[6] Еда, яства.
[7] Вместо *чи* — частица, соответствующая *ли, или:* «много ли, мало ли»
[8] Много.
[9] Звать.

Ведьма принясла Иваньку дамов да и кажа сваей даццé[10] Алёнце: «Дачушечка мая! Вазьми сяго хлопчика, абмый да, вытапивши печь, укинь, и як ён зжарицца, пареж и пастав на стале, а я пайду да пазаву кýмачек сваих; придем да и будем гулять». Иванька ета все чув. Ведьма пашла. Дачкá зраби, як казала матка, да, взятши лапату, што хлеб сажають, и кажа: «Ивашка, ляж на лапату, я тябе пакалышу[11]». Иванька лег, да паперёк; Алёнка хатела укинуть яго у печ, да, бача, што ён лег не так, кажа: «Сядь удовж[12]!» Ён кажа: «Пакажи мне, я не знаю, як треба[13] лечь». Алёнка здура да и лягла, а Ивашка бурхеть[14] яе у печь! Во яна там и апреглась[15]. Ивашка, выняв яе, зрабив так, як матка вялела зрабить з им, а сам пашов за горад, да и сев на явар, да и сядить. Ведьма, сабравши сваих кýмак, пришла да и давай пить да гулять да тым мясам закусывать. Яна и не думала, штоб ета была Алёнина; яна думала, што дачкá пригатовила кушания да пашла гулять да падружак.

Паедáвши харашенька таго мяса и правадивши кýмачек сваих, ведьма пашла на тоя места, где стаяв явар, што сядев Иванька, да давай качацца да пригаваривать: «Пакачуся, паваляюся, Иванькинага мяса наевшись!» А ён и кажа: «А трясцы[16] — Алёнкинага!» Яна, як пабачила яго, дагадалась, пабегла дамов, взяла тапор, да, прибегши, давай рубать явар; тапор переламився. Во яна пабегла да каваля да и приказала зрабить два возы тапаров; ён зрабив. Яна привезла их туда да давай рубить явар; рубая да рубая, а тапары все ламаюцца, бо явар быв грубый; аднак явар начав шатацца на корне и як[17] не упаде. Глядить Иванька, аж лятить стáда гусей; во ён и начав прасить их:

Гуси, гуси, лебедята!
Вазьмить мяне на крылята,
Панесить мяне к аццу, к матке;
Будя вам ести и пити
И харашо хадити!

Во тые гуси и гаворют: «Нехай[18] тябе другии вóзьмут!» Лятять другии, ён начав прасить; яны сказали, штоб яго третьи взяли. Лятять и третьи; тые сказали, што яго гусак узяв. што лятить адзаду[19]. Лятить той гусак, ён начав прасить; той гусак ухватив и панес яго. Явар упав, а ведьма ад злосци, што не папала в сваи руки Иваньку, стала рвацца, метацца, плакать, да асталась с *тáким*. А гусак панес Иваньку в тоя сяло, где радитили; принесши, сев з им на крышу. Во Иванька и став прислухацца у комен[20], што у хати делаецца. В ета время Ивашкины радитили абедали и плакали по ём;

[10] Дочери.
[11] Покачаю.
[12] Вдоль.
[13] Надо.
[14] Вкинул, вбросил быстро.
[15] Изжарилась. *Опрягать* — жарить.
[16] А чтоб тебя лихоманка!
[17] Чуть.
[18] Пускай.
[19] Позади.
[20] *Комен* — передняя часть печи для выхода дыму.

во ён и кажа: «Не плачьте, батюшка и матушка! Я тут». Яны, пачувши голас яго, выбягли на двор, зняли с крыши и вельми были рады, што нашли сына свайго. Ён разказав им все, што было. Гусака таго яны стали харашо кармить и паить; стали жить да паживать да добры мысли мать. Ти мала, ти багата паживши, радитили Иванькины памерли, а он и тяперь живе да хлеб жуе, рыбку ловя да добрых людей кормя; и гусак тей з ним. Я сам у Ивашки — надовесь[21] ён свадьбу гуляв — а на той свадьбе скакав, мед-вино пив, в роте не было, а па бараде тякло.

110

к був собі дід да баба, а у їх мале́нький синок Івашко. Довго 62с
просив Івашко батька, щоб він зробив йому човничок да пустив плавать по озеру; да все Івашко був малий, його боялись пустить одного. А як Івашко підріс, уже минув йому десятий год, тоді батько зробив човничок, а мати пішла з Івашком до озера, опустила його на воду і обіщалась навідувать всякий тиждень[1]. Бувало, як наступить п'ятінка[2], мати прийде к берегу і заспіває: «Івашечку, Івашечку! Приплинь, приплинь до бережка; бо я тобі принесла їсти-пити і сороченьку біле́нькую». Івашко скаже човничку: «Пливи, пливи, човничку, до бережка; це моя мати!» Човничок припливе, мати дасть синку їсти-пити, надіне на його біле́ньку сорочку і оп'ять одпустить човничок в воду.

Так вона навіщала Івашка, а відьма усе чула, ховавшись у кустах біля того міста, куди припливав човничок. Відьма хотіла з'їсти Івашка, і на другу п'ятницю прийшла раньше матери Івашкиної і заспівала: «Івашечку, Івашечку! Приплинь, приплинь до бережка; бо я тобі принесла їсти-пити і сороченьку біле́нькую». Да заспівала грубим голосом, так що Івашко узнав не материнський голос і каже човничку: «Пливи, пливи од бережка, бо це прийшла не моя мати». Човничок одплив. Тоді відьма побігла до коваля і просить його: «Ковалю, ковалю! Зроби мені такий голос, як у Івашкиної матери». Коваль зробив їй такий голос, і вона на другу п'ятницю оп'ять пішла раненько до бережка і заспівала тоне́ньким голоском: «Івашечку, Івашечку! Приплинь, приплинь до бережка; бо я тобі принесла їсти-пити і сороченьку біле́нькую».

Івашко не узнав уже, що це була не його мати, і сказав човничку, щоб він приплив до бережка. Відьма схапала його і потащила до себе, приказала Марусі, дочці, зжарить Івашка, а сама побігла скликать гостей. Маруся узяла лопату, що в пічку хліб сажають, і каже: «Сядь, Івашку, на лопату». Івашко сів, да не так, як вона хоче. Маруся толкує, як треба сісти, а він усе як будто не понімає і просить Марусю: «Сядь сама, — каже, — покажи мені». Маруся сіла, а він її в пічку, — вона і зжарилась. Сам вибіг із хати, взліз на дерево да й сидить.

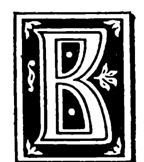
[21] Намедни.

[1] Неделю.
[2] Пятница.

Прийшла відьма з гостями, стукає в двері і кричить: «Марусю, Марусю! Одчини двері». А Маруся не чує. «Видно, суча дочка пішла на досвітки[3] — гулять з дівчатами да з парубками, ілі до подруг пішла — косу у ленти заплітать». Стукала-стукала і у двері і у окна да й виладила[4] окно, пролізла в хату, одчинила двері і ввела гостей. Дивиться — в печі жарена Маруся, подала на стол гостям і просить їсти. От і гості і сама відьма, наївшись того м'ясця, вийшли із хати на траву покататься, легли і кричать: «Покатимся, повалимся, Івашкиного м'ясця наївшись!» А Івашко з дерева: «Покатитесь, повалитесь, Марусиного м'ясця наївшись!» Відьма чує голос, да не бачить — відкіль він? Оп'ять: «Покатимся, повалимся, Івашкиного м'ясця наївшись!» А Івашко: «Покатитесь, повалитесь, Марусиного м'ясця наївшись!»

Відьма побачила Івашка і давай гризти дерево під Івашком; гризла-гризла, переламала усі зуби і побігла к ковалю, щоб він зробив їй железні зуби; прийшла назад і оп'ять начала гризти. Догризла до середини; в то врем'я гуси летять. Івашко заголосив: «Гуси мої, гусенята, візьміть мене на крилята, однесіть мене до батеньки; у його єсть много добра, єсть що їсти і пити». А гуси йому: «Нехай тебе задні візьмуть!» Прилетілі і ті; він і їх просить, но і вони сказали: «Нехай тебе візьмуть ті, що ззади летять». Прилетіли і задні, взяли Івашка і однесли к батькові і матері, посадили на кришу хати, а самі тут же сіли. Тоді баба напекла пирогов і ділить: «Цей тобі, діду, цей мені!» А Івашко з криші: «А мені?» Баба дивиться, дивиться — нічого не бачить. Оп'ять: «Цей тобі, діду, а цей мені!» А Івашко з криші: «А мені?» Вийшла баба із хати, глядь — а Івашко сидить на криші; вот його зараз зняли з криші, а гусей накормили овсом, пшеницею, напоїли і пустили летіть дальше. Івашко остався дома і тепер живе, хліб жує і добром гусей вспоминає.

111

некоторой деревне жил старик со старухой; детей у них не было. *62d*
Однажды старик поехал в лес за дровами; это было зимою. Старик нарубил дров, сколько нужно было, да срубил еще лутошку. Приехал домой, дрова на дворе оставил, а лутошку в избу принес и положил в подпечек. На третий день что-то в подпечке зашумело, а потом кричит: «Тятя! Мама! Выньте меня». Старик со старухой испугались; да слышат и в другой раз тот же голос: «Тятя! Мама! Выньте меня»; старик поглядел в подпечек и увидел там небольшого мальчика. Вынул его оттуда, показал старухе, и назвали его Лутонькою, стали его и кормить и поить.

Пришло лето, стал мальчик промышлять рыбною ловлею и тем промыслом кормил старика со старухою. Старуха, бывало, придет к нему на ловлю и кричит[1] его: «Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! Пригрянь, пригрянь ко бережку, а я тебе дам пирожка с начинкою». Лутоня как заслышит го-

[3] Собрание молодежи с полуночи до рассвета (*Ред.*).

[4] Вынула, выставила.

[1] Зовет.

лос матери — и подъезжает в берегу; от матери берет кусок пирога, а ей дает рыбу. Однажды подглядела это ягая-баба, пришла к тому месту и начала его манить к себе такими же словами, как и мать кликала; Лутонюшка услыхал толстый голос ягой-бабы и сказал ей в ответ: «Нет, не матушкин голос: очень толст! Поди, язык поточи!» С тем ягая-баба и отправилась. После того приходит туда же старуха, его мать названая, и начала манить: «Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! Пригрянь, пригрянь ко бережку, а я тебе дам пирожка с начинкою». Лутонька услыхал материн голос, подъехал к берегу, взял у нее пирог, а ей рыбу отдал.

Старуха ушла, а ягая-баба выточила свой язык на точиле и немного погодя прибежала на берег и стала манить Лутонюшку. Лутонька не узнал ее голоса, подумал, что мать его зовет, подъехал к берегу; ягая-баба схватила его и утащила в свою избу. У ягой-бабы было три дочери. Она приказала большей дочери истопить избу жарко-жарко, Лутоньку ожарить, а сама ушла в поле гулять. Бóльшая дочь истопила избу, привела Лутоньку и велела ему садиться на лопату. Лутонька был не плох, начал отговариваться, что не знает. не ведает, как сесть на лопату: «Покажи, — просит, — как надо садиться?» Дочка ягой-бабы села на лопату, а Лутонька взял лопату за черен [2] и сунул ее в печь, а сам залез на полдовку. Приходит ягая-баба и спрашивает Лутоньку; дочери вынули из печи свою сестру и подали матери: она ее и скушала. Вышла на двор и говорит: «Покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиных косточках!» А Лутонька сидит на полдовке [3] да себе говорит: «Покатайся, поваляйся на дочерних косточках!»

Ягая-баба увидела Лутоньку и закричала: «Как ни встану, а достану тебя, Лутонька!» Достала Лутоньку и отдала дочерям, приказала его ожарить, а сама опять ушла. Дочери истопили избу; середняя хотела посадить Лутоньку на лопату, но он обманул ее и сунул самоё в печь. То же сделал он и с младшею. Ягая-баба пришла домой, стала звать дочерей; нет никого. Вынула сама жареное и съела, потом вышла на двор и говорит: «Покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиных косточках!» А Лутонька с полдовки отвечает: «Покатайся, поваляйся, дура, на дочерних косточках!» Ягая-баба увидела его, осердилась и хотела достать. Лутонька закричал жалобным голосом: «Ах вы, гуси, ах вы, лебеди! Прилетите ко мне, вырвите по перышку». Гуси-лебеди прилетели, вырвали у себя по перышку, сделали два крылышка и дали Лутонюшке; Лутонька взял и улетел от ягой-бабы к отцу, к матери и стал вместе с ними жить-поживать да рыбку из воды таскать.

[2] Рукоятка.
[3] *Полдовка* — чердак (*Ред.*).

112. ТЕРЕШЕЧКА

Худое житье было старику со старухою! Век они прожили, 63
а детей не нажили; смолоду еще перебивались так-сяк; состарились оба, напиться подать некому, и тужат и плачут. Вот сделали они колодочку, завернули ее в пеленочку, положили в люлечку, стали качать да прибаюкивать — и вместо колодочки стал рость в пеленочках сынок Терешечка, настоящая ягодка! Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Отец ему сделал челночок. Терешечка поехал рыбу ловить; а мать ему и молочко и творожок стала носить. Придет, бывало, на берег и зовет: «Терешечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». Терешечка далеко услышит ее голосок, подъедет к бережку, высыпет рыбку, напьется-наестся и опять поедет ловить.

Один раз мать говорила ему: «Сыночек, милочка! Будь осторожен, тебя караулит ведьма Чувилиха; не попадись ей в когти». Сказала и пошла. А Чувилиха пришла к бережку и зовет страшным голосом: «Терешечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». А Терешечка распознал и говорит: «Дальше, дальше, мой челночок! Это не родимой матушки голосок, а злой ведьмы Чувилихи». Чувилиха услышала, побежала, доку[1] сыскала и добыла себе голосок, как у Терешечкиной матери. Пришла мать, стала звать сына тоненьким голоском: «Терешечка, мой сыночек, плыви, плыви к бережочку». Терешечка услышал и говорит: «Ближе, ближе, мой челночок! Это родимой матушки голосок». Мать его накормила, напоила и опять за рыбкой пустила.

Пришла ведьма Чувилиха, запела выученным голоском, точь-в-точь родимая матушка. Терешечка обознался, подъехал: она его схватила, да в куль, и помчала. Примчала в избушку на курьих ножках, велела дочери его сжарить; а сама, поднявши лытки[2], пошла опять на раздобытки. Терешечка был мужичок не дурачок, в обиду девке не дался, вместо себя посадил ее жариться в печь, а сам взобрался на высокий дуб.

Прибежала Чувилиха, вскочила в избу, напилась-наелась, вышла на двор, катается-валяется и приговаривает: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешечкиного мяса наевшись!» А он ей с дуба кричит: «Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!» Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на все стороны — нет никого! Опять затянула: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешечкиного мяса наевшись!» А он отвечает: «Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!» Испугалась она, глянула и увидела его на высоком дубу. Вскочила, бросилась к кузнецу: «Кузнец, кузнец! Скуй мне топорок». Сковал кузнец топорок и говорит: «Не руби же ты острием, а руби обухом». Послушалась, стучала-стучала, рубила-рубила, ничего не сделала. Припала к дереву, впилась в него зубами, дерево затрещало.

[1] Мастер, искусник (*Ред.*).

[2] *Лытки* — нижние конечности ног; бежать поднявши лытки — бежать очень быстро (*Ред.*).

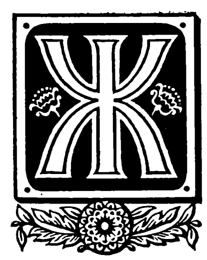
По небу летят гуси-лебеди; Терешечка видит беду, видит гусей-лебедей, взмолился им, стал их упрашивать:

> Гуси-лебеди, возьмите меня,
> Посадите меня на крылышки,
> Донесите меня к отцу, к матери;
> Там вас накормят-напоят.

А гуси-лебеди отвечают: «Ка-га! Вон летит другое стадо, поголоднее нас, оно тебя возьмет, донесет». А ведьма грызет, только щепки летят, а дуб трещит да шатается. Летит другое стадо. Терешечка опять кричит: «Гуси-лебеди! Возьмите меня, посадите меня на крылышки, донесите меня к отцу, к матери; там вас накормят-напоят»,— «Ка-га! — отвечают гуси.— За нами летит защипанный гусенёк, он тебя возьмет, донесет». Гусенёк не летит, а дерево трещит да шатается. Ведьма погрызет-погрызет, взглянет на Терешечку — оближется и опять примется за дело; вот-вот к ней свалится!

По счастью, летит защипанный гусенёк, крылышками махает, а Терешечка-то его просит, ублажает: «Гусь-лебедь ты мой, возьми меня, посади меня на крылышки, донеси меня к отцу, к матери; там тебя накормят-напоят и чистой водицей обмоют». Сжалился защипанный гусенёк, подставил Терешечке крылышки, встрепенулся и полетел вместе с ним. Подлетели к окошечку родимого батюшки, сели на травке. А старушка напекла блинов, созвала гостей, поминает Терешечку и говорит: «Это тебе, гостёк, это тебе, старичок. а это мне блинок!» А Терешечка под окном отзывается: «А мне?» — «Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?» Старик вышел, увидел Терешечку, обхватил его, привел к матери — пошло обниманье! А защипанного гусенька откормили, отпоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди всех летать да Терешечку вспоминать.

113. ГУСИ-ЛЕБЕДИ



или старичок со старушкою; у них была дочка да сынок маленький. «Дочка, дочка! — говорила мать.— Мы пойдем на работу, принесем тебе булочку, сошьем платьице, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора». Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках. Пришла девочка, глядь — братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда — нету. Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, — братец не откликнулся! Выбежала в *64*

чистое поле; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шкодили и маленьких детей крадывали; девочка угадала, что они унесли ее братца, бросилась их догонять. Бежала-бежала, стоит печка. «Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?»— «Съешь моего ржаного пирожка, скажу».— «О, у моего батюшки пшеничные не едятся!» Печь не сказала. Побежала дальше, стоит яблонь. «Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели?» — «Съешь моего лесного яблока, скажу».— «О, у моего батюшки и садовые не едятся!» Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега. «Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?» — «Съешь моего простого киселика с молоком, скажу».— «О, у моего батюшки и сливочки не едятся!»

И долго бы ей бегать по полям да бродить пó лесу, да, к счастью, попался еж; хотела она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает: «Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели?» — «Вон туда-то!» — указал. Побежала — стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается. В избушке сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками. Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею в погоню летят; нагонят злодеи, куда деваться? Бежит молочная речка, кисельные берега. «Речка-матушка, спрячь меня!» — «Съешь моего киселика!» Нечего делать, съела. Речка ее посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: «Спасибо!» и опять бежит с братцем; а гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда! Стоит яблонь. «Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!» — «Съешь мое лесное яблочко!» Поскорей съела. Яблонь ее заслонила веточками, прикрыла листиками; гуси пролетели. Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели — да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди — из рук вырвут! К счастью, на дороге печка. «Сударыня печка, спрячь меня!» — «Съешь моего ржаного пирожка!» Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устьецо. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели. А она прибежала домой, да хорошо еще, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли.

114. КНЯЗЬ ДАНИЛА-ГОВОРИЛА

ила-была старушка-княгиня; у нее росли сын да дочь — 65
такие дородные, такие хорошие. Не по нутру они были злой ведьме: «как бы их извести да до худа довести?» — думала она и придумала; скинулась такой лисой, пришла к их матери и говорит: «Кумушка-голубушка! Вот тебе перстенек, надень его на пальчик твоему сынку, с ним будет он и богат и тороват, только бы не снимал и женился на той девице, которой мое колечко будет по ручке!» Старушка поверила, обрадовалась и, умирая, наказала сыну взять за себя жену, которой перстень годится.

Время идет, а сынок растет. Вырос и стал искать невесту; понравится одна, приглянется другая, а колечко померяют — или мало, или велико; ни той, ни другой не годится. Ездил-ездил и по селам и по городам, всех красных девушек перебрал, а суженой себе не сыскал; приехал домой и задумался. «О чем ты, братец, кручинишься?» — спрашивает его сестра. Открыл он ей свое бездолье, рассказал свое горе. «Что ж это за мудреный перстенек? — говорит сестра.— Дай я померяю». Вздела на пальчик — колечко обвилось, засияло, пришлось по руке, как для ней нарочно вылито. «Ах, сестра, ты моя суженая, ты мне будешь жена!» — «Что ты, брат! Вспомни бога, вспомни грех, женятся ль на сестрах?» Но брат не слушал, плясал от радости и велел сбираться к венцу. Залилась она горькими слезами, вышла из светлицы, села на пороге и рекарекой льется!

Идут мимо старушки прохожие; зазвала их накормить-напоить. Спрашивают они: что ей за печаль, что за горе? Нечего было таить; рассказала им все. «Ну, не плачь же ты, не горюй, а послушайся нас: сделай четыре куколки, рассади по четырем углам; станет брат звать под венец — иди, станет звать в светлицу — не торопись. Надейся на бога, прощай». Старушки ушли. Брат с сестрой обвенчался, пошел в светлицу и говорит: «Сестра Катерина, иди на перины!» Она отвечает: «Сейчас, братец, сережки сниму». А куколки в четырех углах закуковали:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!
Куку, сестру свою,
Куку, за себя берет.
Куку, расступись, земля,
Куку, провались, сестра!

Земля стала расступаться, сестра проваливаться. Брат кричит: «Сестра Катерина, иди на перины!» — «Сейчас, братец, поясок развяжу». Куколки кукуют:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!
Куку, сестру свою,

Куку, за себя берет.
Куку, расступись, земля.
Куку, провались, сестра!

Уже остается одна голова видна. Брат опять зовет: «Сестра Катерина, иди на перины!» — «Сейчас, братец, башмачки сниму». Куколки кукуют, и скрылась она под землей.

Брат зовет еще, зовет громче — нету! Рассердился, прибежал, хлопнул в двери — двери слетели, глянул на все стороны — сестры как не бывало; а в углах сидят одни куклы да знай себе кукуют: «Расступись, земля, провались, сестра!» Схватил он топор, порубил им головы и побросал в печь.

А сестра шла-шла под землею, видит: стоит избушка на курьих ножках, стоит-перевертывается. «Избушка, избушка! Стань ты по-старому, к лесу задом, ко мне передом». Избушка стала, двери отворились. В избушке сидит девица красная, вышивает ширинку серебром и золотом. Встрела гостью ласково, вздохнула и говорит: «Душечка, сеструшечка! Рада я тебе сердечно и привечу тебя и приголублю, пока матери нет; а прилетит, тогда беда и тебе и мне; она у меня ведьма!» Испугалась гостья таких речей, а деваться некуда, села с хозяйкой за ширинку; шьют да разговаривают. Долго ли, коротко ли, хозяйка знала время, знала, когда мать прилетит, обратила гостью в иголочку, заложила в веничек, поставила в уголок. Только она ее прибрала, ведьма шасть в двери: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!» — «Матушка-сударыня! Шли прохожие да зашли водицы напиться».— Что ж ты их не оставила?»— «Стары, родимая, не по твоим зубам».— «Вперед гляди — на двор всех зазывай, со двора никого не пускай; а я, поднявши лытки, пойду опять на раздобытки». Ушла; девушки сели за ширинку, шили, говорили и посмеивались.

Прилетела ведьма; нюх-нюх по избе: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!» — «Вот только заходили старички руки погреть; оставляла, не остались». Ведьма была голодна, пожурила дочь и опять улетела. Гостья отсиделась в веничке. Скорее принялись дошивать ширинку; и шьют, и поспешают, и сговариваются: как бы уйти от беды; убежать от лихой ведьмы? Не успели переглянуться, перешепнуться, а она к ним в двери, легка на помине, запопала врасплох: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!» — «А вот, матушка, красная девица тебя дожидает». Красная девица глянула на старуху и обмерла! Перед ней стояла баба-яга костяная нога, нос в потолок врос. «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Топи печь жарко-жарко!» Наносили дров и дубовых и кленовых, разложили огонь, пламя из печи бьет.

Ведьма взяла лопату широкую, стала гостью потчевать: «Садись-ка, красавица, на лопату». Красавица села. Ведьма двинула ее в устье, а она одну ногу кладет в печь, а другую на печь. «Что ты, девушка, не умеешь сидеть; сядь хорошенько!» Поправилась, села хорошенько; ведьма ее в устье, а она одну ногу в печь, а другую под печь. Озлилась ведьма,

выхватила ее назад. «Шалишь, шалишь, молодушка! Сиди смирно, вот так; гляди на меня!» Шлеп сама на лопату, вытянула ножки; а девицы поскорей ее в печь посадили, заслонками закрыли, колодами завалили, замазали и засмолили, а сами пустились бежать, взяли с собою шитую ширинку, щетку и гребенку.

Бежали-бежали, глядь назад, а злодейка выдралась, увидала их и посвистывает: «Гай, гай, гай, вы там-то!» Что делать? Бросили щетку — вырос тростник густой-густой: уж не проползет. Ведьма распустила когти, прощипала дорожку, нагоняет близко... Куда деваться? Бросили гребенку — выросла дуброва темная-темная: муха не пролетит. Ведьма наострила зубы, стала работать; что ни хватит, то дерево с корнем вон! Пошвыривает на все стороны, расчистила дорожку и нагоняет опять... вот близко! Бежали-бежали, а бежать некуда, выбились из сил! Бросили ширинку златошвейную — разлилось море широкое, глубокое, огненное; поднялась ведьма высоко, хотела перелететь, пала в огонь и сгорела.

Остались две девицы, бесприютные голубицы; надо идти, а куда? — не знают. Сели отдохнуть. Вот подошел к ним человек, спрашивает: кто они? и доложил барину, что в его владеньях сидят не две пташки залетные, а две красавицы намалеванные — одна в одну родством и дородством, бровь в бровь, глаз в глаз; одна из них должна быть ваша сестрица, а которая — угадать нельзя. Пошел барин поглядеть, зазвал их к себе. Видит — сестра его здесь, слуга не соврал, но которая — ему не узнать; она сердита — не скажется; что делать? «А вот что, сударь! Налью я бараний пузырь крови, положите его себе под мышку, разговаривайте с гостьми, а я подойду и хвачу вас ножом в бок; кровь польется, сестра объявится!» — «Хорошо!» Вздумали — сделали: слуга хватил барина в бок, кровь брызнула, брат упал, сестра кинулась обнимать его, и плачет, и причитывает: «Милый мой, ненаглядный мой!» А брат вскочил ни горелый, ни болелый, обнял сестру и отдал ее за хорошего человека, а сам женился на ее подруге, которой и перстенек пришелся по ручке, и зажили все припеваючи.

115—122. ПРАВДА И КРИВДА

115

от, знашь, было какое дело, скажу твоему здоровью. Вот, 66а не во гнев твоей милости, к речи сказать, как мы теперича, с тобой, раскалякались промеж себя двое нашей братьи мужичков, беднеющие-пребеднеющие. Один-от жил кое-как, колотился всеми неправдами, горазд был, знашь, на обманы, и приворнуть его было дело, а другой-от, слышь, шел по правде, кабы трудами век прожить. Вот этим делом-то они и заспорили. Один-от говорит: лучше жить кривдой; а другой-от говорит: кривдой век прожить не сможешь, лучше жить как ни есть, да правдой. Вот спорили они, спорили, никто, знашь, не переспорил.

Вот и пошли они, братец мой, на дорогу. Пошли на дорогу и решили спросить до трех раз, кто им навстречу попадет и что на это скажет. Вот они шли-шли, братец мой, и увидали — барский мужичок пашет. Вот, знашь, и подошли к нему. Подошли и говорят: «Бог на́ помочь тебе, знакомый. Разреши ты наш спор: как лучше жить на белом свете — правдой или кривдой?» — «Нет, слышь, братцы! Правдой век прожить не сможешь, кривдой жить вольготней. Вот и наше дело: бесперечь[1], слышь, у нас господа отнимают дни, рабо́тать на себя некогда; из-за̀ неволи прикинешься, будто что попритчилось — хворь, знашь, нашла; а сам меж этим временем-то в лесишко съездишь по дровицы, не днем, так ночью, коли есть запрет». — «Ну, слышь, моя правда», — говорит криводушный-от правдивому-то.

Вот пошли опять по дороге — что скажет им другой. Шли-шли и видают: едет на паре в повозке с кибиткой купец. Вот подошли они к нему. Подошли и спрашивают: «Остановись-ка, слышь, на часик, не во гнев твоей милости, о чем мы тебя спросим. Реши, слышь, наш спор: как лучше жить на свете — правдой али кривдой?» — «Нет, слышь, ребята! Правдой мудрено жить, лучше кривдой. Нас обманывают, и мы, слышь, обманываем». — «Ну, слышь, моя правда», — говорит опять криводушный-от правдивому-то.

Вот пошли они опять по дороге — что скажет третий. Шли-шли, вот и видят: едет поп навстречу. Вот они подошли к нему. Подошли, знашь, к нему и спрашивают: «Остановись-ка, батька, на часочек, реши ты наш спор: как лучше жить на свете — правдой али кривдой?» — «Вот нашли о чем спрашивать. Знамо дело, что кривдой. Какая нонче правда? За правду, слышь, в Сибирь угодишь, скажут — кляузник. Вот хоть к примеру, говорит, сказать вам не солгать: в приходе-то у меня разе десятая доля на духу-то бывает, а знамо дело, мы всех записываем. Зато и нам повольготнее; ин раз ладно и молебен заместо обедни». — «Ну, слышь, — говорит криводушный-от правдивому-то, — вот все говорят, что

[1] *Бесперечь* — беспрестанно (сноска в рукописи другими чернилами. — *Ред.*).

кривдой лучше жить».— «Нет, слышь! Надо жить по-божью, как бог велит. Что будет, то и будет, а кривдой, слышь, жить не хочу»,— говорит правдивый-от криводушному-то.

Вот пошли опять дорогой вместе. Шли-шли,—криводушный-от всяко сумеет ко всем прилаживаться, везде его кормят, и калачи у него есть, а правдивый-от где водицы изопьет, где поработает, его за это накормят, а тот, знашь, криводушный-от все смеется над ним. Вот раз правдивый-от попросил кусочек хлебца у криводушного-то: «Дай, слышь, мне кусочек хлебца!» — «А что за него мне дашь?» — говорит криводушный. «Если что хошь — возьми, что у меня есть»,— говорит правдивый-от. «Дай глаз я тебе выколю!» — «Ну, выколи»,— он ему говорит. Вот этим делом-то криводушный-от и выколол правдивому-то глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Тот, слышь, стерпел, взял кусочек хлебца, съел, и пошли опять по дороге.

Шли-шли,— опять правдивый-от у криводушного-то стал просить хлебца кусочек. Вот, знашь, тот опять разно стал над ним насмехаться. «Дай, слышь, другой глаз я тебе выколю, ну, дам тогда кусочек».— «Ах, братец, пожалей, я слепой буду»,—правдивый-от упрашивал его. «Нет, слышь, зато ты правдивый, а я живу кривдой»,— криводушный-от ему говорил. Что делать? Ну, так тому делу и быть. «На, выколи и другой, коли греха не боишься», — правдивый-от говорит криводушному-то. Вот, братец мой, выколол ему и другой-от глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Дал хлебца и оставил его, слышь, на дороге: «Вот, стану я тебя водить?» Ну что делать, слепой съел, знашь, кусочек хлебца и пошел потихоньку ощупью с палочкой.

Шел-шел кое-как и сбился, слышь, с дороги и не знает, куды ему идти. Вот и начал он просить бога: «Господи! Не оставь меня, грешного раба твоего!» Молился, слышь, молился, вот и услыхал он голос; кто-то ему говорит: «Иди ты направо. Как пойдешь направо, придешь к лесу; придешь к лесу — найди ты ощупью тропинку. Найдешь, слышь, тропинку, поди ты по той тропинке. Пойдешь по тропинке, придешь на гремячий[2] ключ. Как придешь ты к гремячему ключу, умойся из него водой, испей той воды и намочи ею глаза. Как намочишь глаза, ты, слышь, прозреешь! Как прозреешь. поди ты вверх по ключу тому и увидишь большой дуб. Увидишь дуб, подойди к нему и залезь на него. Как залезешь на него, дождись ночи. Дождешься, слышь, ты ночи, слушай, что будут говорить под этим дубом нечистые духи. Они, слышь, тут слетаются на токовище».

Вот он кое-как добрел до леса. Добрел до леса, полазил-полазил по нем, напал кое-как на тропинку. Пошел по той тропинке, дошел до гремячего ключа. Дошел до ключа, знашь, умылся водою. Умылся водою, испил и примочил глаза. Примочил глаза и вдруг увидел опять свет божий — прозрел. Вот как прозрел — и пошел, слышь, вверх по тому ключу. Шел-шел по нем вот и видит большой дуб. Под ним все утоптано. Вот он влез на тот дуб. Влез и дождался ночи.

[2] *Гремячий* — журчащий.

Вот, слышь, начали под тот дуб слетаться со всех сторон бесы. Слетались, слетались, вот и начали рассказывать, где кто был. Вот один бес и говорит: «Я, слышь, был у такой-то царевны. Вот, десять годов ее мучаю. Всяко меня выгоняют из нее, никто меня не сможет выгнать, а выгонит, слышь, тот, кто вот у такого-то богатого купца достанет образ смоленской божьей матери, что у него на воротах в киоте вделан».

Вот наутро, знашь, как все бесы разлетелись, правдивый-от слез с дуба. Слез с дуба и пошел искать того купца. Искал, искал, кое-как нашел его. Нашел и просится работа́ть на него. «Хоть год, слышь, проработаю, ничего мне не надо, только дай мне образ божьей матери с ворот». Купец, знашь, согласился, принял его к себе в работники. Вот работал он у него что ни есть мочи круглый год. Проработавши год, он и просит тот, знашь, образ. Вот купец, слышь: «Ну, братец, доволен я твоей работой, только жаль мне образа, возьми лучше деньги».— «Нет, слышь, не надо денег, а дай мне его по уговору».— «Нет, слышь, не дам образ. Проработай еще год, ну, так и быть, тогда отдам тебе его». Вот этим делом-то, знашь, правдивый-от мужичок работал еще год. Ни дня, ни ночи не знал, все работал, такой, слышь, старательный был.

Вот проработал год, опять, знашь, стал просить образ божьей матери с ворот. Купцу, слышь, опять жаль и его отпустить и образ-от отдать. «Нет, слышь, лучше я тебя казною награжу, а коли хочешь, то поработай еще год, ну, так отдам тебе образ». Вот так тому делу и быть, опять стал работать год. Работал еще пуще того, знашь, всем на диво, какой был работящий! Вот проработал и третий год. Проработал и опять, знашь, просит образ. Вот купец, делать нечего, снял образ с ворот и отдал ему. «На, возьми образ и ступай с богом». Напоил-накормил его и деньгами, слышь, наградил малую толику.

Вот этим делом-то, знашь, взял он образ смоленской божьей матери. Взял его и повесил на себя. Повесил на себя и пошел, слышь, к тому царю царевну лечить, у которой бес-от мучитель сидит. Шел-шел и пришел к тому царю. Пришел к царю и говорит: «Я-де вашу царевну излечить, слышь, смогу». Вот этим делом-то впустили его в хоромы царские. Впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну, вот он спросил, знашь, воды. Подали воды, вот он перекрестился. Перекрестился и три земных поклона положил — знашь, помолился богу. Помолился, слышь, богу, вот и снял с себя образ божьей матери. Снял его и с молитвою три раза в воду опустил. Опустил, знашь, и надел его на царевну. Надел на царевну и велел ей тою водою умываться. Вот этим делом-то, как она, матушка, надела на себя тот образ и, знашь, умылась тою водою, вдруг из нее недуг-от, вражья-то нечистая сила, клубом вылетел вон. Вылетел вон, и она, слышь, стала здорова по-прежнему.

Вот этим делом-то невесть как все обрадовались. Обрадовались и не знали, чем наградить этого мужичка. И землю, слышь, давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали. «Нет, слышь, ничего не надо!» Вот царевна-то и говорит царю: «Я замуж за него иду». — «Ладно», — царь-от сказал.

Вот этим делом-то, слышь, и повенчались. Повенчались, и стал наш мужичок ходить в одеже царской, жить в царских хоромах, пить-есть всё и на всё заодно с ними. Жил-жил и принаторел[3] к ним. Вот как принаторел он к ним, и говорит: «Пустите меня на родину; у меня, слышь, есть мать, старушка бедная».— «Ладно,— царевна, знашь, жёна-то его, сказала.— Поедем вместе».

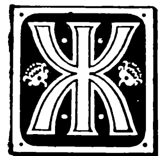
Вот и поехали они вместе, вдвоем с царевной. Лошади-то, одежа, коляска, сбруя — все царское. Ехали, ехали и подъезжают они, слышь, к его родине. Подъезжают к родине, вот и попадается навстречу им тот криводушный, что, знашь, спорил-то с ним, что лучше жить кривдой, чем правдой. Идет, слышь, навстречу; вот правдивый-от царский сын и говорит: «Здравствуй, братец мой»,— называет его, слышь, по имени! Тому, знашь, в диковину, что в коляске такой знатный барин его знает, и не узнал его. «Помнишь, ты спорил со мною, что лучше жить кривдой, чем правдой, и выколол мне глаза? Это я самый!»

Вот, знашь, он оробел и не знал, что делать. «Нет, не бойся, я на тебя, слышь, и не сержусь, а желаю и тебе такого ж счастья. Вот поди ты в такой-то лес,— знашь, научает его, как его бог научил.— В том лесе увидишь ты тропинку. Поди по той тропинке, придешь ты к гремячему ключу. Напейся, слышь, из того ключа воды и умойся. Как умоешься, поди ты вверх по ключу. Увидишь там ты большой дуб, влезь на него и просиди всю ночь на нем. Под ним, слышь, токовище нечистых духов, и ты слушай и услышишь свое счастье».

Вот, знашь, криводушный-от по его слову, как по-писаному, все это сделал. Нашел лес и ту тропинку. Пошел по тропинке и пришел, слышь, к гремячему ключу. Напился, знашь, и умылся. Умылся и пошел вверх по нем. Пошел вверх и увидел большой дуб, под ним все утоптано. Вот он залез на этот дуб. Залез на дуб, знашь, и дождался ночи. Дождался ночи и слышит, как со всех сторон слетались на токовище нечистые духи. Вот как слетелись — и услыхали по духу его на дубу. Услыхали, знашь, по духу и растерзали его на мелкие части.

Так тем, слышь, это дело и покончилось, что правдивый-от стал царским сыном, а криводушного-то загрызли черти.

116



или два купца: один кривдой, другой правдой; так все и 66b
звали их: одного Кривдою, а другого Правдою. «Послушай, Правда! — сказал раз Кривда.— Ведь кривдою жить на свете лучше!..» — «Нет!» — «Давай спорить?» — «Давай».— «Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трех встречах нам скажут, что жить правдою лучше, то все корабли твои, а если кривдою, то мои!» — «Хорошо!..»

Плыли они много ль, мало ль, сколь не далече путь свой продолжали,— встретился им купец. «Послушай, господин купец, чем на свете жить

[3] Т. е. приноровился к их приемам и обычаям (*Ред.*).

лучше: кривдою или правдою?» — «Жил я правдою, да плохо; а теперь живу кривдою, кривда лучше!» Плывут они дальше много ль, мало ль. и встречается им мужичок. «Послушай, добрый человек, чем на свете лучше жить: кривдою или правдою?» — «Известное дело — кривдою; а правдою куска хлеба не наживешь!» На третьей встрече им сказали то же самое.

Отдал Правда три корабля Кривде, вышел на берег и пошел тропинкою в темный лес. Пришел он в избушку и лег под печку спать. Ночью поднялся страшный шум, и вот кто-то говорит: «А ну-тка, похвалитесь: кто из вас нынче гуще кашу заварил?» — «Я поссорил Кривду с Правдою!» — «Я сделал, что двоюродный брат женится на сестре!» — «Я разорил мельницу и до тех пор буду ее разорять, пока не забьют крест-накрест палей[1]».— «Я сомустил[2] человека убить!» — «А я напустил семьдесят чертенят на одну царскую дочь; они сосут ей груди всякую ночь. А вылечит ее тот, кто сорвет жар-цвет!» (Это такой цвет, который когда цветет — море колыхается и ночь бывает яснее дня; черти его боятся!)

Как ушли они, Правда вышел и помешал жениться двоюродному брату на сестре, запрудил мельницу, не дал убить человека, достал жар-цвет и вылечил царевну. Царевна хотела выйти за него замуж, да он не согласился. Подарил ему царь пять кораблей, и поехал он домой. На дороге встретил Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросил у него все, как что было, да и залег ночью под печку в той же избушке... Слетелись духи, да и начали совет держать; как бы узнать того, кто испортил им все дела? Подозревали они самого из них ледащего[3]; как стали его бить да щипать, он бросился под печку, да и вытащил оттуда Кривду. «Я Кривда!» — говорит купец чертям, да все-таки они его не послушали и разорвали на мелкие кусочки.

Так и выходит, что правдою-то жить лучше, чем кривдою.

117

Однажды спорила Кривда с Правдою: чем лучше жить — кривдой али правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили, спорили, никто не переспорит. Говорит Кривда: «Пойдем к писарю, он нас рассудит!» — «Пойдем», — отвечает Правда. 66с

Вот пришли к писарю. «Реши наш спор,— говорит Кривда,— чем лучше жить — кривдою али правдою?» Писарь спросил: «О чем вы бьетесь?» — «О ста рублях».— «Ну ты, Правда, проспорила; в наше время лучше жить кривдою».

Правда вынула из кармана сто рублей и отдала Кривде, а сама все стоит на своем, что лучше жить правдою. «Пойдем к судье, как он решит? — говорит Кривда.— Коли по-твоему — я тебе плачу тысячу рублей, а коли по-моему — ты мне должна оба глаза отдать».— «Хорошо,

[1] *Пали* — сваи.
[2] *Сомустил* — совратил (*Ред.*).
[3] Худого, дурного.

пойдем». Пришли они к судье, стали спрашивать: чем лучше жить? Судья сказал то же самое: «В наше время лучше жить кривдою».— «Подавай-ка свои глаза!» — говорит Кривда Правде; выколола у ней глаза и ушла куда знала.

Осталась Правда безглазая, пала лицом наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла в траве. В самую полночь собралась туда неверная сила. На́большой стал всех спрашивать: кто и что сделал? Кто говорит: я душу загубил; кто говорит: я того-то на грех смустил; а Кривда в свой черед похваляется: «Я у Правды сто рублей выспорила да глаза выколола!» — «Что глаза! — говорит на́большой.— Стоит потереть тутошней травкою — глаза опять будут!» Правда лежит да слушает.

Вдруг крикнули петухи, и неверная сила разом пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потерла один, потерла другой — и стала видеть по-прежнему; захватила с собой этой травки и пошла в путь-дорогу. В это время у одного царя ослепла дочь, и сделал он клич: кто вылечит царевну, за того отдаст ее замуж. Правда приложила ей к очам травку, потерла и вылечила; царь обрадовался, женил Правду на своей дочери и взял к себе в дом...

118

некотором царстве жили два крестьянина: Иван да Наум. Назвались они товарищами и пошли вместе на заработки. Шли-шли, очутились в богатом селе и нанялись у разных хозяев; поработали одну неделю и свиделись в воскресный день. «Ты, брат, сколько заработал?» — спросил Иван. «Мне пять рублев господь дал». — «Господь дал! Много он даст, коли сам не заработаешь? — «Нет, брат, без божией помощи сам ничего не сделаешь, ни гроша не получишь!» Тут они крепко заспорили и положили на том: «Пойдем оба по дороге и спросим у первого встречника: чья правда? Кто проиграет, тот долж́он отдать все свои заработанные деньги». *66д*

Вот и пошли; сделали шагов с двадцать — попадается им навстречу нечистый дух в человеческом образе. Стали его спрашивать, а он в ответ: «Что сам заработаешь, то и ладно! На бога нечего надеяться, он ни копейки не даст!» Отдал Наум все свои деньги Ивану и воротился к хозяину с пустыми руками. Прошла еще неделя; в воскресный день работники опять свиделись и подняли тот же спор. Наум говорит: «Хоть на прошлой неделе ты и за́брал мои деньги, а мне господь еще больше дал!» — «Ну,— отвечает Иван,— если, по-твоему, тебе бог дал, а не сам ты заработал, то давай опять пойдем до первой встречи и спросим: чья правда? Кто виноват останется, у того отобрать все деньги и отрезать правую руку». Наум согласился.

Пошли они по дороге; повстречался им тот же нечистый и отвечал что́ и прежде. Иван обобрал у товарища деньги, отрубил ему правую руку и оставил одного. Долго думал Наум, что теперь ему без руки

делать? Кто кормить-поить станет? Ну да бог милостив! Пошел к реке и лег на берегу под лодку: «Переночую пока здесь, а утром увижу, что делать; утро вечера мудренее».

В самую полночь собралось на эту лодку многое множество нечистых и начали промеж себя разговаривать: кто какие козни устроил. Один говорит: «Я между двух мужиков спор решил в противную сторону, и у правдивого руку отрезали». Другой на то сказал: «Это пустое! Только три раза по росе покататься — рука снова вырастет!» — «А я,— начал хвастаться третий,— у такого-то барина единственную дочь иссушил: чуть жива ходит!» — «Эка! — отвечал четвертый.— Если кто пожалеет барина, то непременно вылечит дочку. Средство простое: взять такой-то травы сварить да в том отваре искупать ее — она и будет здорова!» — «В одном пруду,— стал говорить пятый,— мужик поставил водяную мельницу и уж много лет хлопочет, а все без пользы: только что запрудит плотину, а я прокопаю и выпущу воду».— «Дурак же твой мужик! — сказал шестой черт.— Он бы загатил получше плотину, а когда б стала вода прорываться — бросил бы туда сноп соломы: тут бы ты и погиб!»

Наум все это слышал и на другой день вырастил свою правую руку, потом исправил у мужика плотину и вылечил дочь у барина. Щедро его наградили и мужик и барин, и зажил он припеваючи. Раз повстречал он своего прежнего товарища; тот удивился, зачал расспрашивать: как-де ты разбогател и откуда руку взял? Наум ему все рассказал, ничего не утаил. Иван выслушал и думает: «Постой же, и я так сделаю, еще пуще его разбогатею!» Пошел к реке и лег на берегу под лодку. В полночь собрались нечистые. «А что, братцы,— говорит один из них,— должно быть, кто-нибудь нас подслушивает. Ведь у мужика рука отросла, боярская дочь выздоровела, и плотина в ход пошла!»

Бросились все под лодку смотреть; нашли Ивана и разорвали на мелкие кусочки. Отлились волку коровьи слезы!

119

ыли два брата; один богатый, другой бедный. Богатый сде- 66е
лал пирушку, позвал гостей, позвал и брата. Брат пришел всех наперво[1]; после него начали собираться гости. Когда набралось их много, хозяин начал подвигать своего брата ниже; говорит ему: «Поди-ка ты, брат, пониже!» Брат подвигался, подвигался и додвинулся до самых дверей: больше уж и места нет! А гостей все прибывает... Говорит, наконец, богатый бедному: «Поди-ка ты к черту, дай другим место!»

Бедный брат вышел на улицу и побежал на́ реку. Ходит по берегу мельник; бедный его и спрашивает: «Скажи, где черт живет?» Тот отвечает: «Вон, поди — скочи в бучило[2]». Вот бедный туда скочил и объявился[3] в избе — в той избе никого нет. Он запал[4] тута, чтоб его не

[1] Прежде.
[2] Место внизу мельничных колес.
[3] Очутился.
[4] Спрятался.

видно было, и сидит себе смирно да тихо. Скоро собрались в избу бесенки; собрались и стали промеж себя похваляться. Один, хромой, говорит: «Я мельницу прорыл — ни за́ что ее не укрепить!» А другие ему в ответ: «Как не укрепить? Мельник укрепит!» — «Чем?» — «Он накладет терновнику да шиповнику; тем дело и устроит!» Мужик слушает их речи...

Когда беси убежали из избы, а мужик остался один,— он тотчас выскочил оттуда, вынырнул из-под воды и очутился наверху. Мельник все по берегу ходит, не знает, не ведает, чем укрепить мельницу. Бедный говорит: «Награди меня, я укреплю твою мельницу».— «Возьми что угодно; хоть целый воз денег дам, только укрепи, пожалуйста!» — «Натаскай терновника да шиповника, тем и устроишь!» Мельник тотчас набил сваи, накидал терновнику, набросал шиповнику, сверху землей заровнял — и укрепил мельницу, а мужику целый воз денег насыпал.

Бедный увез деньги домой, надо в кладовую таскать, а не в чем. Вот он посылает своего сына к богатому брату и наказывает попросить у него четуху[5]. Богатый спрашивает: «На что четуху?» — «Деньги из телеги в кладовую носить».— «Какие там деньги? Что вы, смеетесь надо мной, что ли? У вас денег николи не водилось!» — и не́ дал четухи. Мальчик пришел безо всего и говорит отцу: «Дядя не́ дал четухи, сказывает: на что вам!» Отец посылает сына в другой раз: «Поди еще, да хорошенько попроси». Мальчик опять к дяде. «Дай,— говорит,— четуху; надо деньги таскать». Богатый дивится, не верит: «Ступай, я сам принесу!» Приносит к бедному брату четуху, увидал полный воз денег и стал спрашивать: «Скажи, брат, где взял монету! Гляди-ка, у тебя ее целые вороха набросаны!» — «А помнишь, как ты послал меня к черту? Вот я к черту сходил и добро получил».

Богатому забедно[6] стало, пошел искать черта. Прибежал на́ реку, а мельник по берегу ходит да радуется, что укрепил свою мельницу. Спрашивает его богатый: «Где черт живет?» — «Вон, поди в бучило!» Он бросился и объявился в избе. Начали бесенки опять собираться в избу и разговаривают промеж себя: «Вот мельник укрепил-таки мельницу и терновником и шиповником; теперь не разломать!» Хромой бесенок стал говорить: «А что, братцы, не подслушивает ли кто наши речи?» Давай искать везде и нашли богатого брата в углу: «А! Дак это ты переносишь наши речи?» Взяли его задавили и бросили в омут.

120

ыл-жил Макарка — такой счастливый на рыбу, что за ночь 66
по десяти ведер налавливал. Вдруг то сделалось, что совсем перестала рыба попадать. Макарка Счастливый сейчас догадался, пошел на́ реку ночевать и лег под лодку. Пришли три черта и хвастаются; один черт говорит: «Я вот у Макарки Счастливого всю рыбу отнял, не стала к нему в сети попа-

[5] Четверик.
[6] Завидно.

дать». Другой говорит: «Я вот в таком-то царстве всю воду остановил: и люди и звери без воды помирают. А можно сделать, что пойдет вода; надобно цепь сковать да на той цепи в омут опуститься и отомкнуть жилу; только надо скорей вылезать оттудова, а то человек от воды захлебнется!» Третий говорит: «А я вот в некотором царстве мучу царицу, в ночь по три платья раздираю».

Макарка выслушал эти разговоры, и только убрались черти — он вылез из-под лодки и пошел в чужую сторону, где народ без воды помирает; пришел в ту землю и говорит народу: «Хотите, я вам воду пущу?» Весь народ возрадовался, начал просить: «Сделай милость, пусти воду!» Сейчас доложили царю. Макарка Счастливый велел сковать цепь во сто сажо́н. Сковали цепь с крюком и опустили Макарку в омут; он отомкнул жилу — вода ударила, потекла, зашумела... а Макарку Счастливого назад выхватили. И скотина и люди — все бегут к воде! Царь пожаловал Макарку Счастливого, наградил его и деньгами и селами.

После того отправился Макарка в иное государство, где черт у царя жену мучит; пришел прямо во дворец и говорит царю: «Хочешь, я то сделаю, что черт перестанет царицу мучить?» Царь этому возрадовался: «Сделай милость! Что хочешь — тебе заплачу». Макарка Счастливый велел сковать себе долбню в двенадцать пуд да железную шапку, чтоб было что на голову надевать. Настала ночь; надел Макарка железную шапку, взял в руки долбню и сел возле царицыной спальни; а кругом у дворца всё солдаты стоят с ружьями да с пушками, как летит черт к царице — сейчас бьют в него и палят, а убить не могут! Прилетел черт, увидал Макарку и говорит ему: «Здорово, Макарка Счастливый!» — «Здорово, черт!» — «Пусти к царице».— «Нет, не пущу! Давай наперед стукнем один другого по разу».— «Давай!» Вот кинули жребий, кому достанется прежде бить. И досталося прежде бить черту.

Как ударил черт Макарку Счастливого — тот пошатнулся, а Макарка ударил его — черт с ног свалился, еле-еле в себя пришел и полетел назад.

На другую ночь принес черт осьмину орехов и начал Макарку Счастливого орехами занимать, только б к царице пустил.

Вот они щелкали, щелкали орехи, и говорит черт Макарке: «Что ж ты меня не попотчуешь своими орехами?» А у Макарки Счастливого были в кармане чугунные орехи: «Изволь, у меня в кармане есть!» Черт эти орехи во рту валял, валял, не мог ни одного разгрызть; так и бросил и говорит опять: «Пусти к царице!» Макарка не пущает: «Давай,— говорит,— ударимся еще по разу!» — «Давай!» Ударил черт — Макарка наземь упал, а Макарка ударил — убил черта до смерти. Царь пожаловал Макарку Счастливого, отдал за него дочь свою замуж; зажил Макарка с царевою дочкою — просто чудо!

121

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были в одной деревне два соседа — оба портные. Раз согласились они и пошли вместе в иные волости промышлять своим мастерством. Пришли в село, начали баб да мужиков обшивать и заработали по двадцати рублев на брата. Собрались и пошли в другую волость; те-другие разговоры, и заспорили: чем лучше жить, правдою или кривдою? «Дурак ты! — забранился криводушный.— Видишь: баре, купцы да торговые люди умеют кривить, так они зато в сапогах ходят; а у нас на деревне, чай, знаешь старика Абрама: весь век свой прожил правдою, а сапогов да хорошего платья сроду не нашивал!» Правдивый стоит на своем, не соглашается. 66g

Вот и ударились они об заклад, а уговор был такой: дойти до первого села и спросить у людей, чем лучше жить? Коли скажут: правдою, то криводушный отдаст правдивому свои двадцать рублев, а коли скажут: кривдою, то наоборот — пусть правдивый расплачивается. Пришли в село и стали ходить по избам да спрашивать: «Скажите, люди божии, чем лучше жить: правдою или кривдою?» Только кого ни пытают, все в одно слово говорят: «Нашли о чем спрашивать! Кривде везде лучше, кривда в сапогах ходит, а правда в лаптях!» Отдал правдивый криводушному свои деньги, и принялись по-прежнему работать, баб, мужиков обшивать; заработали по тридцать рублев на брата и пошли в третью волость. Дорогою те же разговоры; один говорит: правда лучше; другой говорит: нет, кривда лучше!

Поспорили и ударились об заклад на тридцать рублев. Дошли до села; кого ни спросят — всяк одно твердит: «Где уж нынче правдой жить? Правда-то в лаптях ходит, а кривда в сапогах!» Проспорил правдивый криводушному весь заработок. В третий раз выработали они по пятидесяти рублев на брата и опять заспорили. Заспорили и решили на том: если кто теперь проспорит, у того и деньги взять и глаза ему выкопать. Знамое дело, правдивый проспорил; криводушный взял у него пятьдесят рублев, выкопал ему глаза, оставил одного на дороге, а сам ушел домой. «Видно, и в самом деле нет на свете правды! — сказал слепой.— Кривда меня перемогла; как мне быть невидущему?» Побрел ощупью и попал на тропинку; эта тропинка привела его до станка[1]. Тут нащупал он толстое дерево, влез на самую верхушку и просидел до позднего вечера.

Как стемнело, пришел на то место старец, принес вязанку дров, сбросил с плеч и сказал: «Господи благослови!» Немного погодя пришел другой старец, а там и третий; сбросили с плеч по вязанке дров и также промолвили: «Господи благослови!» Потом развели они огонь, сели возле костра и стали разговаривать. Один говорит: «У нашего царя третий год дочь больна; кто ее вылечит, за того царь отдаст ее замуж». Другой

[1] *Станок* — избушка, выстроенная в лесу, которая служит убежищем для рыболовов, лесничих и охотников (Опыт обл. великорус. словаря).

говорит: «Царевну просто вылечить; она заболела в самый троицын день. Подал ей за обедней поп просвиру, она стала есть и уронила под пол крошку, ту крошку подхватила лягушка и съела; от того вся беда приключилася. Теперь коли в троицын день взять бычью кожу, помазать ее медом да положить под церковный пол, лягушка сейчас всползет на кожу, полижет меду, станет гадовать [2] и выронит просвирную крошку. Тогда только взять эту крошку, обмыть в воде да скормить царевне — царевна и поздоровеет».

На другое утро стали старцы росой умываться и говорят между собой: «Какая сегодня славная роса! Стоит ею раз-другой помочить глаза — так и слепота пропадет!» После того старцы ушли, а слепой швец [3] спустился с дерева, умылся росою — и в ту ж минуту стал видеть лучше прежнего, словно никогда и глаз не терял. Прославил он господа бога и пошел в тот город, где жила больная царевна. На троицын день явился он к царю, потребовал себе бычью кожу да меду, сделал все, как сказывал старец, и вылечил царевну. Царь обрадовался и выдал за него свою дочь.

122

ыли-жили два мужика; у одного было четыре корабля, у другого — три, и поспорили они, чем лучше жить: кривдой али правдой? Правдивый-то и проспорил своему супротивнику все свои три корабля, и попросил он его перевезть себя на корабле на другой берег. Так дело и сделалось. Переехал он на другой берег, и пошел по пробитой тропинке, и пришел к дереву, а под деревом место кругом было утоптано, оттого что сюда собиралась нечистая сила. Влез правдивый на дерево, чтоб отдохнуть немножко, не боясь зверя, а за ним вслед собралась туда всякая нечистая сила и стала похваляться своими делами. *66, прим.*

Вот один черт и рассказывает, как он испортил какую-то царевну: царевна ослепла, оглохла, смутилась разумом, вылечить ее никто не сможет; а вылечить ее можно: надо только взять из такой-то церкви крест да облить его водою и тою водою умывать и поить больную царевну, да еще надо из-под такого-то камня достать лягву [1], вынуть у нее изо рта кусочек просвиры, что она утащила, и дать тот кусочек съесть больной царевне. Правдивый подслушал все это, добыл и крест и кусочек просвирки и вылечил царевну. Царь отдал ему за то полцарства и в жены дочь свою, а как умер царь, правдивый сам сделался царем.

А у криводушного мужика все пошло прахом, богатство все изгибло, и стал он ходить по́ миру и собирать милостыню. Вот раз сделал царь на нищих обед, пришел и криводушный. Царь узнал его, приказал его остановить и позвать к себе и оставил его ночевать во дворце возле себя. Ночью-то мужику захотелось испить, и видит он: стоит в палатах

[2] Блевать (Опыт обл. велик. словаря).
[3] Портной.
[1] Лягушку.

вода, какою царь умывал свои ноги. «Ну,— думает он,— ничего, напьюсь и этой; царские ноги не поганы!» А царь увидел, что он хочет испить, и закричал: «Эй, вестовой, дай человеку напиться!» — и ему тотчас принесли чистой воды. Наутро царь рассказал криводушному все, что с ним сталось, наградил его и отпустил. Мужику захотелось попытать такого ж счастья, и пошел он под то же дерево, где был и правдивый, да нечистая сила почуяла его и разорвала на части.

123—124. КОРОЛЕВИЧ И ЕГО ДЯДЬКА

123

Жил-был король, у него был сын-подросток. Королевич был 67а
всем хорош — и лицом и нравом, да отец-то его не больно: все его корысть мучила, как бы лишний барыш взять да побольше оброку сорвать. Увидел он раз старика с соболями, с куницами, с бобрами, с лисицами. «Стой старик! Откудова ты?» — «Родом из такой-то деревни, батюшка, а ныне служу у мужика-лешего».— «А как вы зверей ловите?» — «Да леший-мужик наставит ле́сы[1], зверь глуп — и попадет».— «Ну, слушай, старик! Я тебя вином напою и денег дам; укажи мне, где ле́сы ставите?» Старик соблазнился и указал. Король тотчас же велел лешего-мужика поймать и в железный столб заковать, а в его заповедных лесах свои ле́сы поделал.

Вот сидит мужик-леший в железном столбе да в окошечко поглядывает, а тот столб в саду стоял. Вышел королевич с бабками, с мамками, с верными служанками погулять по́ саду; идет мимо столба, а мужик леший кричит ему: «Королевское дитя! Выпусти меня; я тебе сам пригожусь».— «Да как же я тебя выпущу?» — «А пойди к своей матери и скажи ей: матушка моя любезная, поищи у меня вшей в головке. Да головку-то положь к ней на колени; она станет у тебя в голове искать, а ты улучи минуту, вытащи ключ у ней из кармана, да меня и выпусти». Королевич так и сделал; вытащил ключ из кармана у матери, прибежал в сад, сделал себе стрелку, положил на тугой лук и пустил ее далеко-далеко, а сам кричит, чтоб мамки и няньки ловили стрелу. Мамки и няньки разбежалися, в это время королевич отпер железный столб и высвободил мужика-лешего.

Пошел мужик-леший рвать королевские ле́сы! Видит король, что звери больше не попадаются, осерчал и напустился на свою жену: зачем ключ давала, мужика-лешего выпускала? И созвал он бояр, генералов и думных людей, как они присудят: голову ли ей на плахе снять, али в

[1] Сети, ловушки.

ссылку сослать? Плохо пришлось королевичу — жаль родную мать, и признался он отцу, что это его вина: вот так-то и так-то все дело было. Взгоревался король, что ему с сыном делать? Казнить нельзя; присудили: отпустить его на все на четыре стороны, на все ветры полуденные, на все вьюги зимние, на все вихри осенние; дали ему котомку и одного дядьку.

Вышел королевич с дядькою в чистое поле. Шли они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и увидели колодезь. Говорит королевич дядьке: «Ступай за водою!» — «Нейду!» — отвечает дядька. Пошли дальше, шли-шли — опять колодезь. «Ступай, принеси воды! Мне пить хочется»,— просит дядьку королевский сын в другой раз. «Нейду!» — говорит дядька. Вот еще шли-шли — попадается третий колодезь, дядька опять нейдет, и пошел за водою сам королевич. Спустился в колодезь, а дядька захлопнул его крышкою и говорит: «Не выпущу! Будь ты слугой, а я — королевичем». Нечего делать, королевич согласился и дал ему в том расписку своей кровью; потом поменялись они платьями и отправились дальше.

Вот пришли они в иное государство; идут к царю во дворец — дядька впереди, а королевич позади. Стал дядька жить у того царя в гостях, и ест и пьет с ним за единым столом. Говорит он ему: «Ваше царское величество! Возьмите моего слугу хоть на кухню». Взяли королевича на кухню, заставляют его дрова носить, кастрюли чистить. Немного прошло времени — выучился королевич готовить кушанье лучше царских поваров. Узнал про то государь, полюбил его и стал дарить золотом. Поварам показалось обидно, и стали они искать случая, как бы извести его.

Вот один раз сделал королевич пирог и поставил в печку, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирог. Сел царь обедать; подают пирог, царь только было за нож взялся, как бежит главный повар: «Ваше величество! Не извольте кушать». И насказал на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалел своей любимой собаки, отрезал кусок пирога и бросил наземь; собака съела да тут же издохла. Призвал государь королевича, закричал на него грозным голосом: «Как ты смел с отравой пирог изготовить, сейчас велю тебя казнить лютою казнию!» — «Знать не знаю, ведать не ведаю, ваше величество! — отвечает королевич.— Видно, поварам в обиду стало, что вы меня жалуете; нарочно меня под ответ подвели». Царь его помиловал, велел конюхом быть.

Повел королевич коней на водопой, а навстречу ему мужик-леший: «Здорово, королевский сын! Пойдем ко мне в гости».— «Боюсь, кони разбегутся».— «Ничего, пойдем!» Изба тут же очутилась. У лешего-мужика три дочери; спрашивает он старшую: «А что ты присудишь королевскому сыну за то, что из железного столба выпустил?» Дочь говорит: «Дам ему скатерть-самобранку». Вышел королевич от лешего-мужика с подарком, смотрит — кони все налицо; развернул скатерть — чего хочешь, того просишь: и питье и еда!

На другой день гонит он царских коней на водопой, а мужик-леший опять навстречу: «Пойдем ко мне в гости!» Привел и спрашивает середнюю дочь: «А ты что королевскому сыну присудишь?» — «Я ему подарю

зеркальце: что захочешь, все в зеркальце увидишь!» На третий день опять попадается королевичу мужик-леший, ведет к себе в гости и спрашивает меньшую дочь: «А ты что королевскому сыну присудишь?» — «Я ему подарю дудочку — только к губам приложи, сейчас явятся и музыканты и песельники». Весело стало жить королевскому сыну: ест-пьет хорошо, все знает, все ведает, музыка целый день гремит. Чего лучше? А кони-то, кони-то! Чудо, да и только: и сыты, и статны, и нá ногу резвы.

Начал царь хвалиться своей любимой дочери, что послал ему господь славного конюха. А прекрасная царевна и сама давным-давно конюха заприметила: да как и не заметить красной дéвице добра мóлодца! Любопытно стало царевне: отчего у нового конюха лошади и резвее и статнее, чем у всех других? «Дай, — думает, — пойду в его горницу, посмотрю: как он, бедняжка, поживает?» А уж известно: чего баба захочет, то и сделает. Улучила время, когда королевич на водопой коней погнал, пришла в его горницу, а как глянула в зеркальце — тотчас все смекнула и унесла с собой и скатерть-самобранку, и зеркальце, и дудочку.

В это время случилась у царя беда: наступил на его царство семиглавый Идолище, просит себе царевну в замужество. «А если не выдадут, так и силой возьму!» — сказал он и расставил свое войско — тьмутьмущую. Плохо пришлось царю: делает он клич по всему своему царству, сзывает князей и богатырей; кто из них победит Идолища семиглавого, тому обещает дать половину царства и вдобавок дочь в замужество. Вот собрались князья и богатыри, поехали сражаться против Идолища, отправился и дядька с царским войском. И наш конюх сел на кобылу сиву и потащился вслед за другими. Едет, а навстречу ему мужик-леший: «Куда ты, королевский сын?» — «Воевать».— «Да на кляче далеко не уедешь! А еще конюх! Пойдем ко мне в гости».

Привел в свою избу, налил ему стакан водки. Королевич выпил. «Много ль в себе силы чувствуешь?» — спрашивает мужик-леший. «Да если б была палица в пятьдесят пудов, я б ее вверх подбросил да свою голову подставил, а удара и не почуял бы!» Дал ему другой стакан выпить: «А теперь много ли силы?» — «Да если б была палица во сто пудов, я б ее выше облаков подбросил». Налил ему третий стакан: «А теперь какова твоя сила?» — «Да если бы утвердить столб от земли до неба, я бы всю вселенную повернул!» Мужик-леший нацедил водки из другого крану и подал королевичу; королевич выпил — и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть.

После вывел его мужик-леший на крыльцо, свистнул молодецким посвистом: отколь ни взялся — вороной конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя, из ушей дым столбом, из-под копыт искры сыплются. Прибежал к крыльцу и пал на коленки. «Вот тебе конь!» Дал ему еще палицу-буявицу [2] да плеть шелковую. Выехал королевич на своем вороном коне супротив рати неприятельской; смотрит, а дядька его на березу взлез, сидит да от страху трясется. Королевич стегнул его плеткою раз-

[2] Боевую палицу (*Ред*).

другой и полетел на вражее воинство; много народу мечом прирубил, еще больше конем притоптал, самому Идолищу семь голов снес. А царевна все это видела; не утерпела, чтоб не посмотреть в зеркальце, кому она достанется. Тотчас выехала навстречу, спрашивает королевича: «Чем себя поблагодарить велишь?» — «Поцелуй меня, красна де́вица!» Царевна не устыдилася, прижала его к ретиву сердцу и громко-громко поцеловала, так что все войско услышало.

Королевич ударил коня — и был таков! Вернулся домой и сидит в своей горенке, словно и на сражении не был; а дядька всем хвастает, всем рассказывает: «Это я был, я Идолище победил!» Царь встретил его с большим почетом, сговорил за него свою дочь и задал великий пир. Только царевна не будь глупа — возьми да и скажись, что у ней головушка болит, ретивое щемит. Как быть, что делать нареченному зятю? «Батюшка,— говорит он царю,— дай мне корабль, я поеду за лекарствами для своей невесты; да прикажи и конюху со мной ехать: я ведь больно к нему привык!» Царь послушался, дал ему корабль и конюха.

Вот они и поехали, близко ли, далеко ли отплыли — дядька приказал сшить куль, посадить в него конюха и пустить в воду. Царевна глянула в зеркальце, видит — беда! Села в коляску и поскорей к морю; а на берегу уж мужик-леший сидит да невод вяжет. «Мужичок! Помоги моему горю; злой дядька королевича утопил».— «Изволь, красна де́вица! Вот и невод готов! Приложи-ка сама к нему белые ручки». Вот царевна запустила невод в глубокое море, вытащила королевича и повезла с собою; а дома все дочиста отцу рассказала.

Сейчас веселым пирком, да и за свадебку; у царя ни мед варить, ни вино курить — всего вдоволь! А дядька накупил разных снадобий и воротился назад: входит во дворец, а тут его и схватили. Взмолился он, да поздно: духом[3] его на воротах расстреляли. Свадьба королевича была веселая; все кабаки и трактиры на целую неделю были открыты для простого народа безденежно. И я там был, мед-вино пил, по усам текло, а в рот не попало.

124

ыл мужик, у него было три сына: два умных, третий дурак. 67b
Вот хорошо, за́чал мужик горох сеять, и повадился к нему на горох незнамо кто. Видит отец, что все побито, повалено, потоптано, и стал говорить своим детям: «Дети мои любезные! Надобно караулить, кто такой горох у нас топчет?» Сейчас большой брат пошел караулить. Приходит полуночное время, ударил его сон — горох потоптан, а он ничего не видал. Опосля досталось караулить середнему брату — и середний ничего не видал. «Сем-ка я пойду,— говорит дурак,— уж я не прогляжу!» — «Хорошо ты поёшь! Каково станется?» — отвечают ему братья.

И таки пошел дурак караулить, взял с собой воз лык да фунт табаку. Как стал его сон ударять, он стал табаку больше нюхать. Приезжает на

[3] Быстро, скоро.

горох Никанор-богатырь, пускает своего коня, а сам лег богатырским сном спать — лег и заснул. Сейчас это дурак взял и зачал его сонного лыками путлять. Упутлял его лыками и пришел к отцу. «Ну,— говорит,— поймал я вора!» Отец приходит, смотрит: «Как же ты, дурак, мог этакую силу повалить?»

Вот донесли царю, что пойман этакий богатырь. Царь сейчас посылает: «Кем он пойман?» Докладáют ему, что пойман таким-то дураком. Тут сейчас царь приказывает: «Приведите мне дурака!» Привели; царь спрашивает: «Как же это, дурак, как бы его сюда перевезть?» Он ему говорит: «А вот как надобно править: надобно двенадцать лошадей, да шестьдесят человек народу, да чугунные дроги — тогда можно положить Никанора-богатыря на дроги и привезть сюда».

Привезли богатыря к царю. «Как же, дурак,— спрашивает царь,— куды же его посадить и чем закрепить, чтоб не ушел?» Дурак говорит: «На двадцать аршин вели земли выкопать, той землей завали чугунные стены да накати накатники: крепко будет!» Завалили чугунные стены, накатили накатники, посадили туда Никанора-богатыря и поставили над ним полк солдат караульных. Дурак зацепил крюком, перервал лыки и развязал богатыря. Царь дурака наградил, домой отпустил.

Раз как-то гуляли царские дети пó саду и пущали золотые стрелы, и попала стрела меньшого брата, Ивана-царевича, в окошечко Никанора-богатыря. «Ах, Никанор-богатырь, отдай мою стрелку».— «Помоги мне,— говорит Никанор-богатырь,— прикажи хоть одну накатинку скатить — так отдам твою стрелку; пожалуй, еще три своих подарю!» Иван-царевич понатужился и сам снял одну накатину; Никанор-богатырь отдал ему золотую стрелку и говорит: «Ну, Иван-царевич, будешь ты лакеем, пастухом и поваром, и опять будешь Иваном-царевичем».

Сейчас разломал Никанор-богатырь свою темницу, вылез оттуда и весь полк побил. Царь пришел, увидал и ужаснулся: «Кем богатырь выпущен?» Тут валялись избитые, израненные: у того солдата рука оторвана, у того нога изломана; говорят они царю: «Так и так, Иван-царевич выпустил». Осердился царь, послал собирать с разных земель королей и принцев. Собрались короли и принцы; угостил их царь и стал с ними думать-гадать. «Что мне,— говорит,— с сыном, Иваном-царевичем, делать? Ведь царских детей ни казнят, ни вешают». Присоветовали ему: дать царевичу одного слугу, и пускай идет, куда сам знает!

Пошел Иван-царевич от своего отца; шел ни много, ни мало, и захотелось ему пить. Приходит к колодезю, глянул — далече вода, не достанешь, напиться нечем. Говорит он слуге своему: «Ах, Ванька, как же быть?» — «Ну, Иван-царевич,— говорит Ванька,— держи меня за ноги, я напьюся, а там и тебя напою; а то не достанешь — далече вода». Сейчас это Ванька начал пить, напился, а там стал царевича держать. Иван-царевич напился: «Ну, Ванька, вытаскивай меня!» Он ему отвечает: «Нет же! Будь ты Ванька, а я буду Иван-царевич».— «Что ты, дурак, пустое болтаешь!» — «Сам болтаешь! Коли не хочешь, утоплю в колодезе!» — «Нет же! Лучше не топи; будь ты Иван-царевич, а я буду Ванька».

На том и поладили; приходят в большой град столичный, прямо в палаты царские; названый царевич идет впереди, кресты кладет не по-писаному, поклоны ведет не по-ученому; а настоящий царевич позади выступает, кресты кладет по-писаному, поклоны ведет по-ученому. Царь принимает их с охотою. «Живите у меня»,— говорит. Сейчас Ванька-названник[1] начал наговаривать: «Ах, какой лакей у меня! Как хорошо скотину стережет! Если лошадей погонит, то у всякой лошади сделаются хвост золотой, грива золотая, по бокам часты звезды; а коров погонит, у всякой коровы сделаются рога золотые, хвост золотой, по бокам часты звезды».

Дал ему царь лошадей стеречь. Погнал Иван-царевич табун в чистое поле; все лошади от него разбежалися. Он сел и заплакал горько: «Эх, Никанор-богатырь, что ты сделал надо мной! Как мне теперь быть?» Откуда не́ взялся — является перед ним Никанор-богатырь. «Что,— говорит,— тебе надобно, Иван-царевич?» Тот рассказал ему про свое горе. «Ничего! Поедем-ка с тобой, соберем всех лошадей да погоним к моей меньшой сестре. Меньшая сестра все поделает, что тебе царь приказал». Пригнали табун к меньшой сестре; она и впрямь все поделала, накормила-напоила гостей и домой проводила. Гонит Иван-царевич лошадей к царскому дворцу: у всякой лошади грива золота́, хвост золотой, по бокам звезды. Названник Ванька под окном сидит: «Ах, каналья, сделал-таки, сделал! Хитёр,— говорит,— мудёр!»

Ну, теперича приказывает ему царь коров гнать: «Чтоб было то же сделано, а если не сделаешь — я тебя на воротах расстреляю!» Иван-царевич горько заплакал и погнал коров; целый день стерег. «Ах, друг Никанор, явись передо мной!» Никанор-богатырь является; погнали к его середней сестре; она всем коровам поделала рожки золотые, хвосты золотые, по бокам — звезды; накормила гостей, напоила и домой проводила. Гонит Иван-царевич коров, а Ванька-названник под окном сидит. «Ах,— говорит,— хотел погубить, да нет: и это сделал!» Царь увидал: «Вот так пастух! Вишь каких лошадей да коров поставил — любо-дорого посмотреть!» Говорит ему Ванька: «Он мне и кушанье хорошо готовит!» Царь сейчас отправил его в поварскую; пошел Иван-царевич к поварам под начало, а сам горько плачет: «Господи! Я ничего не умею; это все на меня напраслину наговаривают».

Вот задумал царь отдать свою дочь за названника; а тут и пишет к нему трехглавый змей: «Если ты не отдашь своей дочери за меня, то я всю твою силу порублю и тебя самого в полон возьму». Говорит царь своему нареченному зятю: «Что же мне делать?» Ванька отвечает: «Батенька, выставим силу; может быть, и наша возьмет!» Выставили силу, стали воевать. А Иван-царевич просится у поваров: «Пустите меня, дяденьки, посмотреть сражение; я сроду не видал». Те говорят: «Ступай, посмотри!» Сейчас приходит он на чистое поле и говорит: «Друг Никанор, явись передо мной». Никанор-богатырь перед ним является: «Что угодно тебе, Иван-царевич, то и буду делать». Он спрашивает: «Как же

[1] Самозванец.

нам разогнать все это сражение, побить неприятелей? Сослужи-ка мне эту службу».— «Это службишка, а не служба!»

Поехал Никанор-богатырь и разогнал силу неприятельскую, всех побил, порубал. «Ну, теперь надо свадьбу играть!» — говорит царь. Вдруг пишет шестиглавый змей: «Если ты не отдашь своей дочери за меня, то всю силу твою порублю и тебя самого в полон возьму!» — «Ах, как же нам быть?» — спрашивает царь. Говорит Ванька: «Нечего делать — надо силу выставлять; может быть, нам бог помогнёт!» Выставили против силы змеиной свою армию. Стал Иван-царевич проситься у поваров: «Дяденьки, отпустите меня посмотреть».— «Ступай, да скорей назад приходи». Он пошел на чистое поле: «Ах, друг Никанор, явись передо мной!» Никанор-богатырь является: «Что тебе угодно, все для тебя буду делать».— «Как бы нам порубить эту силу?» Отвечает Никанор-богатырь: «Поеду и потружусь для тебя!» Пустился на рать-силу змеиную и побил ее всю дочиста. «Ну,— говорит царь,— теперь нам можно и свадьбу играть: никакой помехи не будет!» Взялись за свадьбу, а тут двенадцатиглавый змей пишет: «Если не отдашь за меня своей дочери, то всю твою силу побью, тебя самого в полон возьму, а царство твое головней выжгу!» Надобно опять выставлять армию. «Если станет змей побивать,— думает царь,— в ту ж минуту отдам ему дочь добром, чтоб только царства не тронул». Иван-царевич просится у поваров: «Дяденьки, отпустите меня посмотреть».— «Ступай, да скорей назад приходи!»

Вот приходит он на чистое поле, свистнул-гаркнул своим громким голосом: «Друг Никанор, явись передо мной!» Никанор-богатырь является: «Ну, брат Иван-царевич, вот когда служба-то нам пришла! Садись и ты на коня, и поедем: я впереди — на двенадцатиглавого змея, а ты позади — на всех его богатырей». А у того змея было двенадцать подручных богатырей. Сел Иван-царевич на коня и вслед за Никанором-богатырем поехал на неприятеля; стали биться-рубиться, изводить силу змеиную.

На том бою ранили Ивана-царевича в руку; он повернул коня и прямо наехал на царскую карету. Царевна сняла с себя шаль, разорвала пополам и половинкой завязала ему руку. Иван-царевич опять ударил на змея и побил все его войско; после приехал в свое место, лег спать и заснул крепким богатырским сном. Во дворце свадьба готовится; хватились его повара́. «Куда,— говорят,— делся наш молодой повар?» Побежали искать и нашли сонного; стали будить — никак не разбудят, стали толкать — никак не растолкают. Один повар взял колотушку: «Сейчас пришибу его; пускай пропадает!» Ударил его раз, другой; Иван-царевич проснулся: «Ах, братцы, я проспал!» И просит: «Дяденьки, не сказывайте, что я так долго спал». Те говорят: «Пойдем, дурак, скорее, чтобы нас за тебя не ругали!»

Привели его в поварскую и заставили кастрюли чистить. Иван-царевич засучил рукава и принялся за работу. Увидала царевна у него половину своей шали: «Покажи-ка, Ванька! Где ты этот платок взял?» Тут он и признался. «Не тот,— говорит,— названник — царевич, а я!» — и рассказал ей все, как было. Сейчас взяла царевна его за руку, повела

к отцу: «Вот мой нареченный жених, а не тот лакей!» Царь стал у него, спрашивать: «Как у вас дело было?» — Так и так, говорит. Царь перевенчал свою дочь за Ивана-царевича, а названника расказнил. И я там был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было; подали белужины — остался не ужинавши.

125. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И МАРФА-ЦАРЕВНА

У одного царя много лет содержался мужичок руки железны, 68
голова чугунна, сам медный, хитрец был, важный человек. Сын царю[1] Иван-царевич был маленький, ходил мимо тюрьмы. Этот старик подкликал его к себе и взмолился ему: «Дай, пожалуйста, Иван-царевич, напиться!» Иван-царевич еще ничего не знал — был маленький, почерпнул воды и подал ему: старика с этого в тюрьме не стало, ушел. Дошла эта весть и до царя. Царь приказал Ивана-царевича за это дело выгнать из царства. Царское слово — закон: Ивана-царевича выгнали из царства; пошел он куда глаза глядят.

Шел долго; наконец приходит в друго царство прямо к царю, просится в службу. Царь его принял, приказал сделать конюхом. Он только спит на конюшне, а за конями не ходит; конюшенный староста не однажды бил его. Иван-царевич все терпел. Какой-то царь сватал царевну у этого царя и не высватал; за то объявил войну. Этот царь ушел с войсками, а царством осталась править дочь его Марфа-царевна. Она и прежде замечала Ивана-царевича, что он не простого роду; за то и послала его в какое-то место губернатором.

Иван-царевич уехал, живет там, правит делом. Один раз поехал он на охоту; только выехал за жи́ло[2] — неоткуда взялся мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный: «А, здравствуй, Иван-царевич!» Иван-царевич ему поклонился. Старик зовет его: «Поедем,— говорит,— ко мне в гости». Поехали. Старичок ввел его в богатый дом, крикнул малой дочери: «Эй, давай-ка нам пить и есть, да и полуведерную чашу вина!» Закусили; вдруг дочь приносит полуведерную чашу вина и подносит Ивану-царевичу. Он отказывается, говорит: «Мне не выпить!» Старик велит браться; взял чашу, и откуда у него сила взялася — на один дух так и выпил это вино!

Потом старик созвал его разгуляться; дошли до камня в пятьсот пудов. Старик говорит: «Поднимай этот камень, Иван-царевич!» Он думает себе: «Где мне поднять такой камень! Однако попробую». Взял и

[1] Вместо: царской.
[2] За деревню или город, т. е. в поле.

легко перекинул; сам опять и думает: «Откуда же у меня берется сила? Небось этот старик в вине ее мне подает». Походили сколько времени и пошли в дом. Приходят: старик середней дочери крикнул ведро вина принести. Иван-царевич смело взялся за чашу вина, выпил на один дух. Опять пошли разгуляться, дошли до камня в тысячу пудов. Старик говорит Ивану-царевичу: «Ну-ка, переметни этот камень!» Иван-царевич тотчас схватил камень и бросил, и думает себе: «Эка сила хочет во мне быть!»

Воротились опять в дом, и опять старик крикнул большой дочери принести полтора ведра чару зелена вина. Иван-царевич и это выпил на один дух. Пошли со стариком разгуляться. Иван-царевич легонько метнул камень в полторы тысячи пудов. Тогда старик дал ему скатёртку-самовёртку и говорит: «Ну, Иван-царевич, в тебе теперь много силы: лошади не поднять! Крыльцо дома вели переделать, тебя оно не станет поднимать; стулья надо другие же; под полы можно наставить чаще подстоек[3]. Ступай с богом!» Все люди засмеялись, как увидели, что губернатор с охоты идет пешком, а лошадь ведет в поводу. Он пришел домой; под полы велел наставить стоек, стулья все переделали, стряпок[4], горничных прогнал, один себе живет, как пустынник. И все дивятся, как живет он голодом; никто ему не стряпает! Даром что его питает скатёртка-самовёртка.

В гости ходить ни к кому он не стал, да и как ходить? Ничего его не поднимало в домах.

Царь между тем с походу воротился, узнал, что Иван-царевич живет губернатором, приказал его сменить и сделать опять конюхом. Нечего делать — Иван-царевич стал жить конюхом. Один раз конюшенный староста стал его куда-то наряжать, да и ударил; Иван-царевич не стерпел, как схватил его сам, так голову и отшиб. Дошло дело это до царя; привели Ивана-царевича. «Почто ты ушиб старосту?» — спросил царь. «Он сам наперед ударил меня; я не шибко[5] и отплатил ему, да как-то по голове: голова и отпала». Другие конюхи сказали то же — задел наперед староста, а Иван-царевич ударил его нешибко. Ничего не сделали с Иваном-царевичем, только сменили из конюхов в солдаты; он и тут начал жить.

Не чрез долгое времени приходит к царю мужичок сам с ноготь, борода с локоть, и подает письмо за тремя черными печатями от Водяного царя; тут написано: ежели царь в такой-то день и на такой-то остров не привезет дочь свою Марфу-царевну взамуж[6] за сына Водяного царя, то он людей всех прибьет и все царство огнем сожгет; а за Марфой-царевной будет трехглавый змий. Царь прочитал это письмо, подал от себя другой ответ к Водяному царю, что дочь отдать согласен; проводил старика и созвал сенаторов и думных дьяков думу думать, как отстоять дочь от трехглавого змия? Ежели не послать ее на остров, то всему цар-

[3] Подставок.

[4] *Стряпка* — кухарка, стряпать — готовить кушанье.

[5] *Шибко* — крепко.

[6] Замужество.

ству от Водяного царя будет смерть. Кликнули клич, не выищется ли такой человек, который бы взялся выручать от змия Марфу-царевну? За того ее царь и взамуж отдаст.

Нашелся какой-то поддергайко[7], взял роту солдат, повез Марфу-царевну; привозит на остров, оставил ее в хижине, а сам остался дожидаться змия на улице. Между тем Иван-царевич узнал, что Марфу-царевну увезли к Водяному царю, собрался и поехал на остров; пришел в хижину, Марфа-царевна плачет. «Не плачь, царевна! — сказал он ей.— Бог милостив!» Сам лег на лавку, голову положил на колена Марфе-царевне и уснул. Вдруг змий и начал выходить, воды за ним хлынуло на три аршина. Барин с солдатами стоял тут; как начала вода прибывать, он и скомандовал им: «Марш на лес!» Солдаты все сбились на лес. Змий вышел и идет прямо в хижину. Марфа-царевна увидела, что змий идет за ней, начала Ивана-царевича будить; тот соскочил, на один раз отсек все три головы у змия, а сам ушел. Барин повез Марфу-царевну домой к отцу.

Не чрез много времени старик сам с ноготь, борода с локоть выходит опять из воды и несет от Водяного царя письмо за шести черными печатями, чтобы царь привез дочь на тот же остров шестиглавому змию; а ежели он не отдаст Марфу-царевну, то Водяной царь грозился все царство потопить. Царь отписал опять, что согласен отдать Марфу-царевну. Маленький старичонко ушел. Царь начал кликать клич; послали везде бумаги: не найдется ли такой человек, который бы избавил Марфу-царевну от змия? Тот же барин опять явился, говорит: «Я, ваше царско величество, избавлю; только дайте роту солдат».— «Да больше не надо ли? Теперь змий о шести главах».— «Будет[8]. Мне и этого много».

Собрались все, повезли Марфу-царевну; а Иван-царевич узнал, что Марфа-царевна опять в напасти, за добродетель ее, что его сделала губернатором, пошел туда ли, поехал ли; так же застал Марфу-царевну в хижине, входит к ней. Она уж ждет его; только увидела — обрадовалась. Он лег и уснул. Вдруг шестиглавый змий и начал выходить; воды хлынуло на шесть аршин. Барин с солдатами еще сперва[9] сидел на лесу[10]. Змий вошел в хижину, Марфа-царевна разбудила Ивана-царевича; вот они схватились, бились-бились, Иван-царевич отсек змию голову, другу, третью, и все шесть, и сбросал их в воду, а сам будто ни в чем не бывал — пошел. Барин с солдатами слез с лесу, поехал домой, доносит царю, что бог помог отстоять Марфу-царевну; и ее, видно, настращал чем-то этот барин: она не смела сказать, что не он отстаивал ее. Барин стал приступать, чтобы сделали свадьбу. Марфа-царевна велит подождать. «Дайте,— говорит,— мне поправиться со страху; я и то вон как напугалась!»

Вдруг опять тот же старик сам с ноготь, борода с локоть выходит

[7] Выскочка; *поддерживать* — намекать с укоризною на чей-либо счет, обиняками унижать или осмеивать.

[8] Довольно.

[9] Прежде.

[10] На дереве (*Ред.*).

из воды и несет письмо с девяти черными печатями, чтобы царь немедленно послал Марфу-царевну на такой-то остров и в такой-то день к девятиглавому змию, а ежели не пошлет, то все его царство будет потоплено. Царь опять отписал, что согласен; сам начал искать такого человека, какой бы избавил царевну от девятиглавого змия. Тот же барин опять выискался и поехал с ротой солдат и с Марфой-царевной.

Иван-царевич услыхал это, собрался и отправился туда же, а Марфа-царевна там ждет уж его. Он пришел; она обрадовалась, стала его спрашивать, какого он роду, кто такой, как зовут? Он ничего не сказал, лег и уснул. Вот девятиглавый змий и начал выходить, воды поднял на себе на девять аршин. Барин опять скомандовал солдатам: «Марш на лес!» Залезли. Марфа-царевна будит Ивана-царевича, не может разбудить; змий уж близко у порогу! Она слезно заплакала; Ивана-царевича разбудить все не может. Змий уж подползает, только схватить Ивана-царевича! Он все спит. У Марфы-царевны был ножичек перочинный; она им и резнула по щеке Ивана-царевича. Он проснулся, соскочил, схватился со змием биться-барахтаться. Вот змий начал издолять[11] Ивана-царевича. Неоткуда взялся мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный, схватил змия; отсекли двоймя ему все головы, сбросали в воду и ушли. Барин пуще[12] того обрадовался; соскакали с лесу, отправились в свое царство, и он неотступно стал просить царя сделать свадьбу. Марфа-царевна отказывалась: «Подождите немного да дайте мне оправиться; я и то вон как испугалась!»

Старичок сам с ноготок, борода с локоток опять принес письмо. Водяной царь требует виноватого. Барину и не хотелось было ехать к Водяному царю, да нечего делать — послали. Снарядили корабль и отправились (а Иван-царевич тут на флоте служил, как-то попал тут же на корабль); плывут. Вдруг навстречу им корабль — как птица летит, только и кричат: «Виноватого, виноватого!» — и пробежал мимо. Немного отплыли, другой корабль навстречу, и опять кричат: «Виноватого, виноватого!» Иван-царевич указал на барина; уж они его били-били — до полусмерти! Проехали.

Вот приезжают они к Водяному царю. Водяной царь приказал натопить докрасна чугунну ли, железну ли баню и виноватого посадить туда. Барин перепугался, душа в пятки ушла! Смертонька приходит! А у Ивана-царевича остался с тех кораблей[13] какой-то человек, увидел, что Иван-царевич не простого роду, и стал у него служить. Иван-царевич и послал его: «Ступай, просиди в бане». Тот сейчас сбегал; ему — дьявол то и есть — ничего там не делается, прибежал обратно невредим. Виноватого опять потребовали, теперь уж к самому Водяному царю; барина увели. Уж его ругал-ругал, бил-бил Водяной царь и велел прогнать. Поехали обратно.

Барин дома пуще еще стал гордиться и не отходит от царя, приступает, чтобы сделал свадьбу. Царь просватал; назначили день, когда быть

[11] Одолевать.
[12] *Пуще* — больше, сильней.
[13] Что повстречались — с кораблем Водяного царя.

свадьбе. Барин — где поднялся́! Рукой не достанешь! Никто близко не подходи! А царевна говорит отцу: «Батюшка! Вели собрать всех солдат; я хочу смотреть их». Тотчас солдат собрали. Марфа-царевна и пошла, всех обошла и доходит до Ивана-царевича, взглянула на щеку и видит рубец, как она ножичком его резнула; берет она Ивана-царевича за руку и ведет к отцу: «Вот, батюшка, кто меня избавил от змиев; я не знала — кто он, а теперь узнала по рубцу на щеке. Барин-от сидел с солдатами на лесу!» Тут же солдат тех спросили: сидели ли они на лесу? Они сказали: «Правда, ваше царско величество! Барин был еле жив, не годен!» Того разу его разжаловали и послали в ссылку; а Иван-царевич обвенчался на Марфе-царевне, стал жить да быть и хлеб жевать.

126. МАСЕНЖНЫ ДЗЯДОК [1]

Быў сабе гаспадар і меў трох сыноў: двох разумных, а трэці 69
дурань. Да таго гаспадара упадзілося [2] нешто ў пшаніцу і што дзень — по моргу [3] з'едало. Паслаў той гаспадар на першую ноч старшага сына вартаваць [4]; ён пашоў, сідзеў, сідзеў, а пад самы дзень заснуў і рана, як устаў, то пшаніцу знашоў нецэлую. На другую ноч пашоў серэдні, і ён таксама заснуў пад дзень — і нешто з'ело пшаніцу. На трэцюю ноч пашоў дурань; ён, як толькі прышоў, так з вечара і лёг спаць, а пад дзень устаў і сядзіць — аж прылятае пташка. Ён падкраўся і злавіў тую пташку і ўсадзіў ў мех, і сам лёг спаць.

На другі дзень рано прыходзяць браты старшые глядзець пшаніцы — аж пшаніца цэлая, а дурань спіць. Яны пабудзілі дурня і сталі пытаць: «Чаму сягоння цэлая пшаніца?» Ён расказаў братам усе, як было, і паказаў пташку, каторая сідзела ў меху. Яны адабралі ад дурня тую пташку і паняслі бацьку на паказ. Прышоўшы да бацька, яны сказалі, што дурань спіць і што яны злавілі пташку, каторая сядзела на пшаніцы і ела. Бацька, разглядзеўшы тую пташку, панес её да круля. Круль узяў пташку, заплаціў за яё мужыку і казаў замкнуць да склепу [5], а ключ аддаў жонцы.

Сядзела тая пташка, сядзела ў склепе, аж падбег пад дзвері маленкі кралевіч. Дак тая пташка зачыная прасіць у кралевіча чалавечаскім голасам, каб ён яё выпусціў. «Як же я магу выпусціць, калі ключ ад склепу ў маей маткі на шыі?» — сказаў кралевіч. «Вазьмі падлашчыся [6] да маткі, адкрадзі

[1] *Дзедка* (дзядок) — по белорусским поверьям, есть хранитель кладов и представляется с огненными глазами и огненною бородою. Эпитет: масенжны (польск. mosiężny — желто-медный), вероятно, указывает на хранение этим дзедком медных кладов.

[2] Повадилось.

[3] *Морг* — мера земли, меньше десятины.

[4] Караулить, стеречь.

[5] Погреб, тюрьма.

[6] Подольстись.

ключ і мяне выпусці», — сказала пташка. Той кралевіч так і зрабіў: прышоў да маткі, зачаў песціцца [7], адкраў ключ і выпусціў тую пташку; а тая пташка — то быў масенжны дзядок, і ён, выходзячы з склепу, сказаў кралевічу: «Як чаго табе будзе трэба, то толькі выйдзі на двор і скажы: масенжны дзедку, памажы мне! — то я зáраз прыстаўлюся, і чаго толькі будзе трэба, то ўсё зраблю».

На другі дзень круль паспрашаў гасцей, каб пагля́дзелі такой дзіўнай пташкі. Паз'ежджаліся госці глядзець пташкі і па абедзе пашлі да склепу; прыходзяць туда, адамкнулі склеп; аж пташкі няма! Кароль зáраз да жонкі, бо ў яё былі ключы. Жонка бажылася, прысягалася, што не выпушчала пташкі, але ёй не верылі і прысудзілі яё страціць [8]. Плакала яна, плакала, а после прыпамінае, што коло яё песціўся сын і пэўно [9] ён адкраў ключы; яна гэта сказала мужу і ўсем гасцям. Госці адны казалі, каб сына павесіць, другіе казалі — каб утапіць, а адзін із гасцей кажэ, што пашыць яму свіны кажушок і пусціць ў свет. Усе на гэта згадзіліся [10]. Матка вельмі плакала, а после, бачучы, што плач не паможэ, казала прынясці той свіны кажушок і панашівáла ў яго грошей прынаймней тысяч сто бумажкамі і золотом, і выправадзіла яго.

Ён узяў кіёк [11] дый пашоў. Ідзе ён, плачэ, што яму начаць? Аж прыходзіць яму на мысль масенжны дзядок; ён взашоў на гору і сказаў: «Масенжны дзедку! Памажы мне». Дак зараз той дзядок прышоў да яго і запытаўся: чаго яму трэба? Ён оасказаў ўсе, як было, і прасіў, каб яму памог. Дзядок, падумаўшы, сказаў: «Ідзі ты за моро [12] да караля і прасі яго, каб прыняў цябе за кухціка [13]; як ён цябе прыме, то зараз будзе вайна, і ты папрасіся ў кухара, каб цябе пазволіў пайці [14] паглядзець той вайны, і як ён цябе пазволіць, то выйдзі за варота і пакліч мяне».

Той кралевіч паслухаў дзедка і пашоў; прыходзіць ён за моро — аж стаіць палац [15], і на дваре пахаджая круль. Кралевіч ў свіным кажушку падышоў да караля і стаў прасіцца каб прыняў яго да сябе за кухціка. Кароль згадзіўся і казаў ісці да кухні. Служыў ён у караля год, другі, аж на трэцём гаду зрабілася вайна. Круль пазбіраў войско, сам вабраўся і паехаў на вайну. Кухцік, даведаўшыся, што кароль паехаў, зачаў прасіцца ў кухара, каб яму пазволіў паглядзець вайны; кухар не хацеў пазволіць, але кралевіч даў кухару пяць рублеў, і ён яму пазволіў. Кралевіч вышаў за браму [16] і зачаў клікаць масенжного дзедка.

Дзядок зараз прыставіўся, даў яму каня, вабраў ў ахвіцэрскае адзене, даў меч, даў сярэбранае яблыко і сказаў: «Ты на вайне гэтым мечом паб'еш усё непрыяцельскае войско; круль цябе будзе прасіць да свайго палацу, але ты не йдзі; а гэтое яблыко, як вернешся да палацу, то будзеш качаць, і будзе ў цябе прасіць кралеўна гэтаго яблычка, то ты тагды аддай ёй, калі яна пазволіць пераначаваць цябе ў кралеўны пакоі ў парозе». Крале-

[7] Ласкаться; (pieścić — нежить, баловать, пестовать).
[8] Казнить.
[9] Наверное (*Ред.*).
[10] Согласились.
[11] Палку.
[12] Море.
[13] Поваренка.
[14] Пойти.
[15] Дворец.
[16] Ворота.

віч так і зрабіў: паехаў на вайну, пабіў ўсё войско; кароль прасіў, каб ён заехаў да палацу, але ён не згадзіўся.

После, прыехаўшы дадому, переадзеўся ў свой свіны кажушок, прышоў да кухні; там, памыўшы начынё[17], зачаў качаць срэбнае яблычко — аж уходзіць кралеўна і як убачыла тое яблычко, так і зачала прасіць у яго, каб ён прадаў. «Я нічого болей не хачу, толькі — каб кралеўна пазволіла ў сваём пакоі ў парозе пераначаваць». — «Добра!» — сказала кралеўна і ўзяла яблычко. Як прышла ноч, кралевіч пашоў да кралеўны пакою, пераначаваў ў парозе і вернуўся да кухні.

Церэз гадоў два ізноў зрабілася вайна; кароль таксама пазбіраў войска і паехаў. Кухцік выпрасіўся ў кухара на вайну, взашоў за браму, крыкнуў на дзедка, і ён зараз прыставіўся; даў кралевічу каня, вабраў ў ахвіцэрскае адзене, даў залатое яблыко і казаў аддаць яго кралеўне, тагды, калі яна пазволіць пераначаваць каля́ свайго ложка[18]. Кралевіч таксама пабіў непрыяцельскае войско; круль прасіў яго да палацу, але ён не згадзіўся і вернуўся дадому. Памыўшы начынё, зачаў качаць і забаўляцца с сваім яблыкам — аж ізноў вайшла кралеўна і зачала прасіць, каб ён прадаў яблычко. Ён адказаў, што жаднай[19] платы не хоча, толькі хоча — каб пазволіла яму пераначаваць пры сваём ложку. Кралеўна пазволіла і ўзяла яблычко. Кралевич сабраўся, пашоў ў кралеўны пакой, пераначаваў каля́ кралеўны ложка і назаўтра пашоў да кухні і прыняўся да сваёй работы.

Церэз тры года ізноў зрабілася вайна. Круль пазбіраў сваё войска і сам паехаў на вайну. Кралевіч, выпрасіўшыся ў кухара, пашоў паглядзець нібыто[20] вайны. Вышаўшы за браму, паклікаў масенжного дзедка; ён зараз прыставіўся, даў яму яшчэ лепшаго каня і яблычко такое, як сонцо, і сказаў: «Ты ізноў паб'еш усё непрыяцельскае войско, цябе раняць ў руку, круль будзе прасіць да сабе, але ты не едзь; а гэтое яблыко аддасі кралеў не тагды, калі яна пазволіць пераначаваць цябе на сваём ложку». Кралевіч, сеўшы на каня, паляцеў на вайну; прыляцеўшы туды, зараз зачаў рубаць непрыяцельскае войска, перарубаў ўсех, але адзін шаблею ударыў кралевіча по руцэ і раніў яго. Кароль, убачыўшы, што яго ранілі, падскочыў зараз, зняў с шыі сваю хустку[21], абверцеў рану і, аддаўшы свой пярсцёнак на па́мятку, прасіў, каб ён заехаў да яго палацу адпачыць; але кралевич не захацеў, ўдарыў каня і схаваўся за гору. Круль вельмі быў рад, што тры вайны кончыў шчасліва і забраў многа другіх краёў.

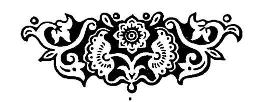
Кралевіч пусціў каня, пераадзеўся ў свой свіны кажушок і прышоў да кухні. Там разпытываліся ў яго, што бачыў? І ён расказаў аб усём, як некі пан пабіў непрыяцельскае войска, як круль аддаў сваю хустку і свой пярсцёнак на па́мятку і як прасіў да сабе, але той пан не захацеў. Памыўшы сваім звычаем начынё і гаршкі, стаў сабе забаўляцца з яблыкам, каторае асвеціло цэлую кухню. Як ён забаўляўся з яблыкам, вайшла кралеўна да кухні і, ўбачыўшы такое яблычко, зачала вельмі прасіць, каб ён яго прадаў, і яна яму дасць толькі грошай, колькі ён хоча. Кралевіч ў свіным кажушку сказаў, што ён грошай не хоча, толькі хоча — каб кралеўна пазво-

[17] Посуду.
[18] Постели, ложа.
[19] Никакой.
[20] Будто бы (*Ред.*).
[21] Платок.

ліла пераначаваць на сваём ложку. Кралеўна згадзілася і казала паслаць кухціку сваю пасцель. Як надышла ноч, кухцік пашоў да кралеўны пакою, разабраўся і лёг на яё пасцелі.

Назаўтра кола гадзіны [22] дванаццатой ў поўдзень прачхнуўся [23], кралевіч и казаў прасіць да сабе круля. Круль, здзіўўшыся, вабраўся ў мундір, сеў ў карэту і прыехаў. Прыехаўшы пад палац, зараз убачыў стражу незнаёмую, але яна яго ўсюды прапускала, і кароль дашоў да кралевіча пакою. Як толькі адамкнуў дзверы, кралевіч падбег спатыкаць [24], прывітаўся с каралем і прасіў сядзець. Кароль зараз пазнаў таго, каторы быў тры разы на вайне і ўсе тры разы пабіў непрыяцельскае войска; также пазнаў на кралевіча руцэ сваю хустку і на пальцы пярсцёнак. Круль зачаў абнімаць кралевіча, што яму памог на вайне, і павёў да сваёй дачкі. А кралеўна даўно яго палюбіла, бо быў вельмі харошы, і зараз з нім заручылася [25]. На заручынах кралевіч расказаў, як яго выгналі з дому, як масенжны дзядок ім апекаваўся [26], як ён прышоў за моро, як даў яму той дзядок яблыка.

Па заручынах у тры нядзелі было вяселле [27] вельмі гучное [28], а па вяселлі паехалі да родзіцаў кралевіча. Бацькі [29] іх не пазналі, бо мелі свайго сына за прапаўшаго: вельмі былі рады, што сын знашоўся, а асабліва маці, каторая зачала разпытывацца: якім способам ён зайшоў так далёко? Кралевіч зараз аб масенжном дзедку, як ён яго завёў аж за моро, як ён служыў за кухціка, як быў на вайне; разказаў аб яблыках, а после — як адкрыўся крулю і як заручыўся і ажаніўся с кралеўнаю. Жылі яны шчасліві доўга; а после бацькі кралеўны і кралевіча паўміралі і пазапісывалі сваі кралеўства ім. А масенжны дзядок быў ў іх аж да смерці і многа ім памагаў ў усём, а асабліва ў вайне. Часто яны рабілі балы, на каторых і я быў, мёд-віно піў; па барадзе цякло, а ў роце не было.



127. КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ И СЛУЖАНКА

Жил купец пребогатый; у него одна дочь была хороша-расхороша! Развозит этот купец товар по разным губерниям, и приехал он в некое царство к царю, привез красный товар и стал ему отдавать. Изымел с ним царь таково слово: «Что,— говорит,— я по себе невесты не найду?» Вот купец и стал говорить этому царю: «У меня есть дочка хороша; так хороша, что́ человек ни вздумает, то она узнает!» То царь часа часовать не стал, написал письмо и скричал своим господам жандармам: «Ступайте *70*

[22] Часа.
[23] Проснулся.
[24] Встречать.
[25] Обручилась.
[26] О нем заботился.
[27] Свадьба.
[28] Пышная.
[29] Родители.

вы к этому купцу и отдайте это письмо купеческой дочери!» — а в письме написано: «Убирайся венчаться».

Взяла купеческая дочь это письмо на руки, залилась слезами и стала убираться, и служанка с нею; и никто эту служанку не разгадает с купеческой дочерью: потому не разгадает, что обе на одно лицо. Вот убрались они в одинакое платье и едут к царю венчаться. Досадно стало этой служанке; сейчас и говорит: «Пойдем, по острову погуляем!» Пошли по острову; усыпила служанка купеческую дочь сонным зельем, вырезала у ней глаза и положила в карманчик. Потом приходит к жандармам и говорит: «Господа жандармы! Уходилась на́ море моя служанка». А они в ответ: «Нам лишь бы ты была жива, а эта крестьянка вовсе не нужна!» Приехали к царю; сейчас стали венчаться и начали жить. Вот царь сам себе думает: «Должно быть, купец меня обманул! Это не купеческая дочь. Отчего она так нехороша умом-разумом? Вовсе ничего не умеет делать!»

Живет он с нею; а эта купеческая дочь опомнилась от болезни, что ей служанка-то причинила: ничего она не видит, а только слышит. И слышит она, что стерегет старичок скотину; стала ему говорить: «Где ты, дедушка, находишься?» — «Я живу в избушке».— «Прими и меня с собою». Старичок принял ее. Она и говорит: «Дедушка, отгони скотину-то!» Он ее послушал — отогнал скотину. И посылает она этого старика в лавку: «Возьми ты бархату и шелку в долг». Старик пошел. Из богатых никто не дал в долг, а дали ему из бедной лавки. Принес он слепенькой бархату и шелку. Она ему говорит: «Дедушка, ложись спать и ухом не веди; а мне что день, что ночь — все равно!» И стала из бархату и шелку царскую корону шить; вышила такую хорошую корону, что глядеть — не наглядишься.

Поутру рано будит слепенькая старика и говорит: «Поди, отнеси к царю; ничего не проси, а проси только глаз; и что над тобой ни будут там делать,— ничего не бойся!» Вот он пришел во дворец, принес корону. Тут все над этой короной сдивовались и стали у него торговать; а старичок стал у них просить глаз. Сейчас донесли царю, что он глаз просит. Царь вышел, обрадовался короне и начал торговать ее, а тот и с него глаз просит. Ну, царь заругался и хотел уж его в острог сажать. Только что́ царь ни говорит, а он свое дело правит. Царь скричал своим жандармам: «Подите, у пленного солдата вырежьте глаз!» А жена его, царица, сейчас выскочила, вынимает глаз и дает его царю. Царь очень обрадовался: «Ах, как ты меня выручила, царевнушка!» — и отдал старику этот глаз.

Старик взял и пошел со дворца; пришел в свою избушку. Слепая спрашивает: «Взял ли ты, дедушка, мой глазок?» Он говорит: «Взял». Вот она приняла у него, вышла на зорю, поплевала на глазок, приставила — и стала видеть.

Посылает она старичка опять в лавки, дала ему денег, велела долг отдать за шелк и за бархат и еще приказала взять бархату и золота. Взял он у бедного купца и принес купеческой дочери и бархату и золота. Вот она села шить другую корону, сшила и посылает старичка к этому

же царю, а сама приказывает: «Ничего не бери, только глаз проси; а станут тебя спрашивать, где ты взял,— скажи: мне бог дал!»

Пришел старик во дворец; там все сдивовались; первая корона была хороша, а эта еще лучше. И говорит царь: «Что ни давать, а купить надо!» — «Дай мне глаз»,— просит старик. Царь сейчас посылает вырезать глаз у пленного, а супруга царева тут же и вынимает другой глазок. Царь очень обрадовался, благодарит ее: «Ах, как ты меня, матушка, выручила этим глазком!» Спрашивает царь старичка: «Где ты, старичок, берешь эти короны?» — «Мне бог дал!» — сказал ему старик и пошел со дворца. Приходит в избушку, отдает глазок слепенькой. Она вышла опять на зорю, поплевала глазок, приставила его — и стала видеть обоими глазами. Ночь спала в избушке, а то вдруг очутилась в стеклянном дому, и завела она гулянья.

Едет царь посмотреть, что такое за диво, кто такой построил эти хоромы? Въехал во двор, и так она ему рада, сейчас его принимает и за столик сажает. Попировал там, уезжает и зовет ее к себе в гости. Вернулся к себе в дом и сказывает своей царице: «Ах, матушка, какой в этом месте дом и какая в нем девица! Кто что ни вздумает, то она узнает!» Царица догадалась и говорит сама себе: «Это, верно, она, которой я глаза вырезала!»

Вот царь опять едет к ней в гости, а царице очень досадно. Приехал царь, попировал и зовет ее в гости. Она стала убираться и говорит старичку: «Прощай! Вот тебе сундук денег: до дна его не добирай — всегда будет полон. Ляжешь ты спать в этом стеклянном дому, а встанешь в избушке своей. Вот я в гости поеду; меня вживе не будет — убьют и в мелкие части изрубят; ты встань поутру, сделай гробок, собери мои кусочки и похорони». Старичок заплакал об ней. Тем же часом жандармы приехали, посадили ее и повезли. Привозят ее в гости, а царица на нее и не смотрит — сейчас застрелила бы ее.

Вот и вышла царица на двор и говорит жандармам: «Как вы эту девку домой повезете, так тут же иссеките ее в мясные части и выньте у ней сердце да привезите ко мне!» Повезли они купеческу дочь домой и разговаривают с ней быстро; а она уж знает, что они хочут делать, и говорит им: «Секите ж меня скорее!» Они иссекли ее, вынули у ней сердце, а самою в назём закопали и приехали во дворец. Царица вышла, взяла сердце, скатала его в яйцо и положила в карман. Старичок спал в стеклянном дому, а встал в избушке и залился слезами. Плакал-плакал, а дело надо исполнить. Сделал гроб и пошел искать ее; нашел в навозе, разрыл, собрал все части, положил их в гроб и похоронил у себя.

А царь не знает никакого дела, едет к купеческой дочери в гости. Приехал на то место — нет ни дома, нет ни девицы, а только где она схоронена, там над ней сад вырос. Вернулся во дворец и стал царице рассказывать: «Ездил-ездил, не нашел ни дома, ни девицы, а только один сад!» Вот царица услыхала об этом; вышла на двор и говорит жандармам: «Ступайте вы, посеките на том месте сад!» Приехали они к саду и стали его сечь, а он весь окаменел.

Сказка о трех царствах. Лубки из собрания Д. Ровинского № 47

Не терпится царю — хочется сад посмотреть; вот и едет глядеть его. Приехал в сад и увидал в нем мальчика — и какой хорошенький мальчик! «Верно,— думает,— господа гуляли да потеряли». Взял его во дворец, привез в свои палаты и говорит царице: «Смотри, матушка, не расквили[1] его». А мальчик на то время так раскричался, что ничем его и не забавят: и так и сяк, а он знай кричит! Царица вынула из карманчика яичко, скатанное из сердца, и дала ему; он и перестал кричать, зачал бегать по комнатам. «Ах, матушка,— говорит царь царице,— как ты его утешила!»

Мальчик побег на двор, а царь за ним; он на улицу — и царь на улицу, он в поля —и царь в поля, он в сад — и царь в сад. Увидал там этот царь девицу и очень обрадовался. Девица и говорит ему: «Я твоя невеста, купеческая дочь, а царица твоя — моя служанка». Вот и приехали они во дворец. Царица упала ей в ноги: «Прости меня!» — «А ты меня не прощала: один раз глаза вырезала, а в другой велела в мелкие части рассечь!» Царь и говорит: «Жандармы! Вырежьте же теперь и царице глаза и пустите ее в поля». Вырезали ей глаза, привязали к коням и пустили в поля. Размыкали ее кони по чистому полю. А царь с младой царицею стали жить да поживать, добра наживать. Царь ею завсегда любовался и в золоте водил.

128—130. ТРИ ЦАРСТВА — МЕДНОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ

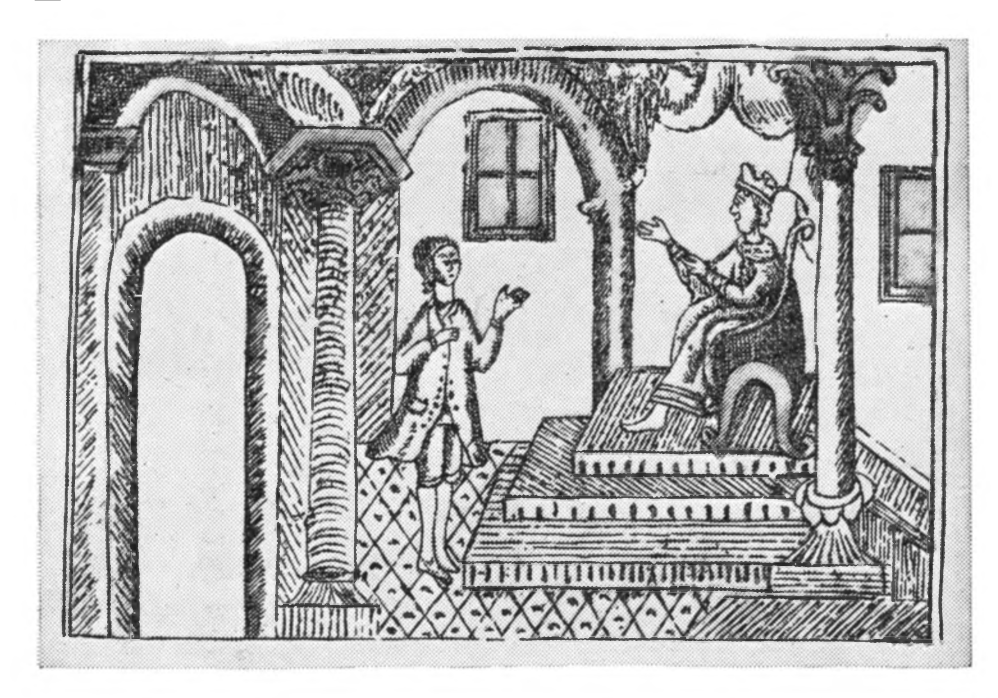
128

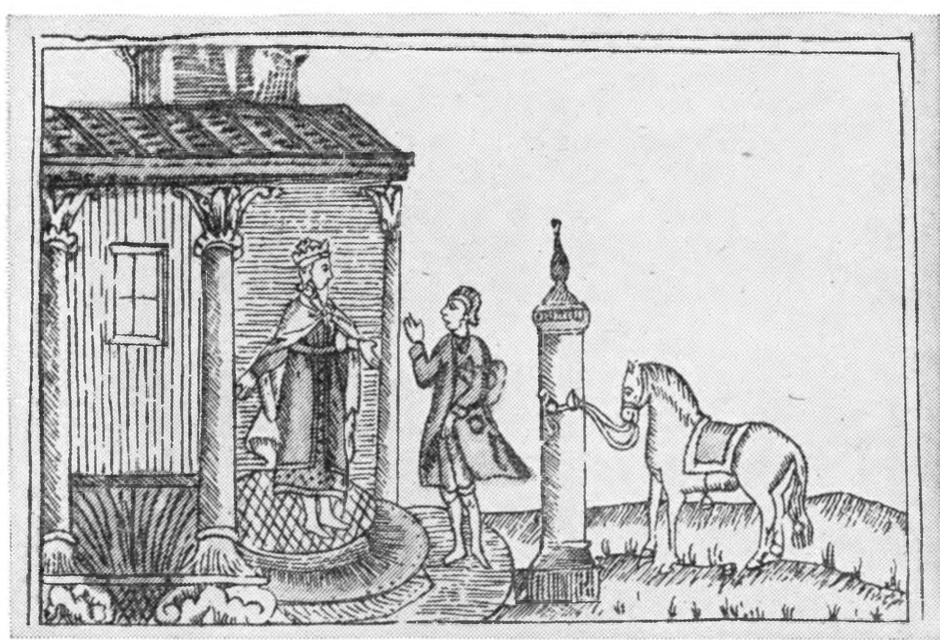
ывало да живало — жили-были старик да старушка; у них было три сына: первый — Егорушко Залёт, второй — Миша Косолапый, третий — Ивашко Запечник. Вот вздумали отец и мать их женить; послали большого сына присматривать невесту, и он шел да шел — много времени; где ни посмотрит на девок, не может прибрать себе невесты, всё не глянутся[1]. Потом встретил на дороге змея о трех головах и испугался, а змей говорит ему: «Куда, добрый человек, направился?» Егорушко говорит: «Пошел свататься, да не могу невесты приискать». Змей говорит: «Пойдем со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невесту?» 71а

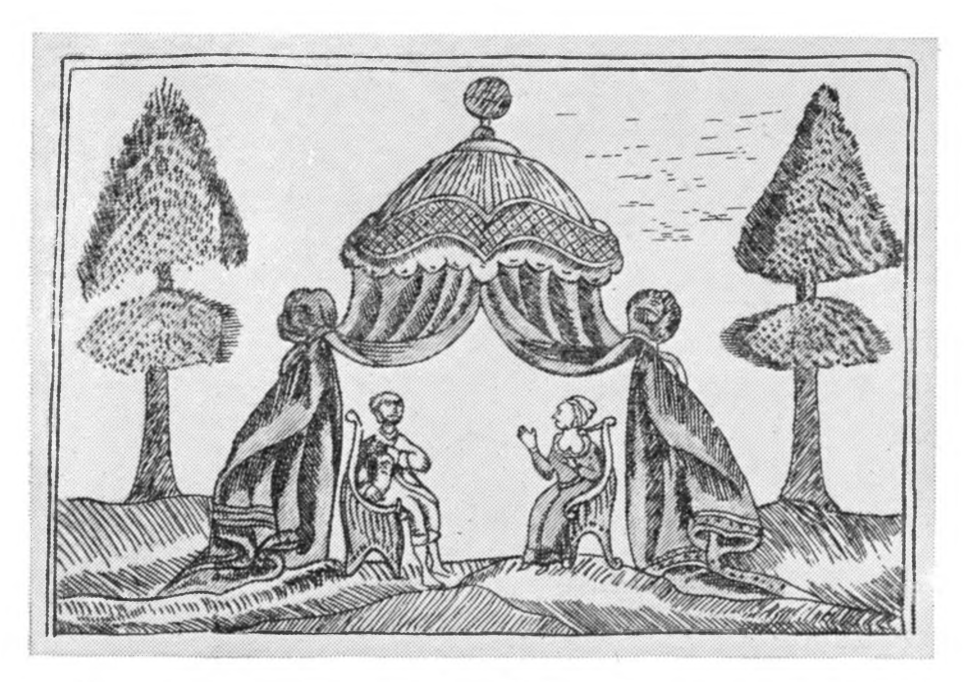
Вот шли да шли, дошли до большого камня. Змей говорит: «Отвороти камень; там чего желаешь, то и получишь». Егорушко старался отворотить, но ничего не мог сделать. Змей сказал ему: «Дак нет же тебе

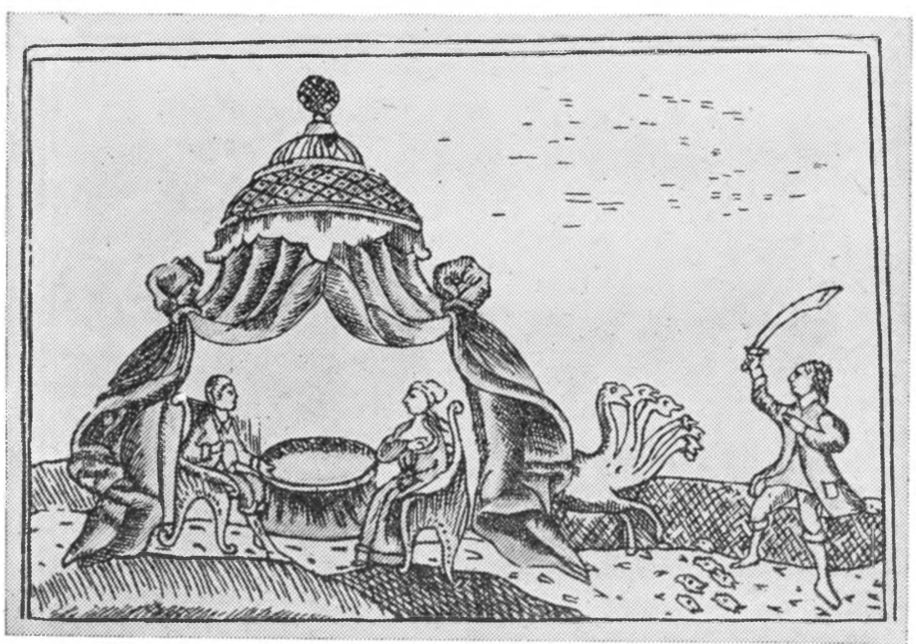
[1] Не раздразни.

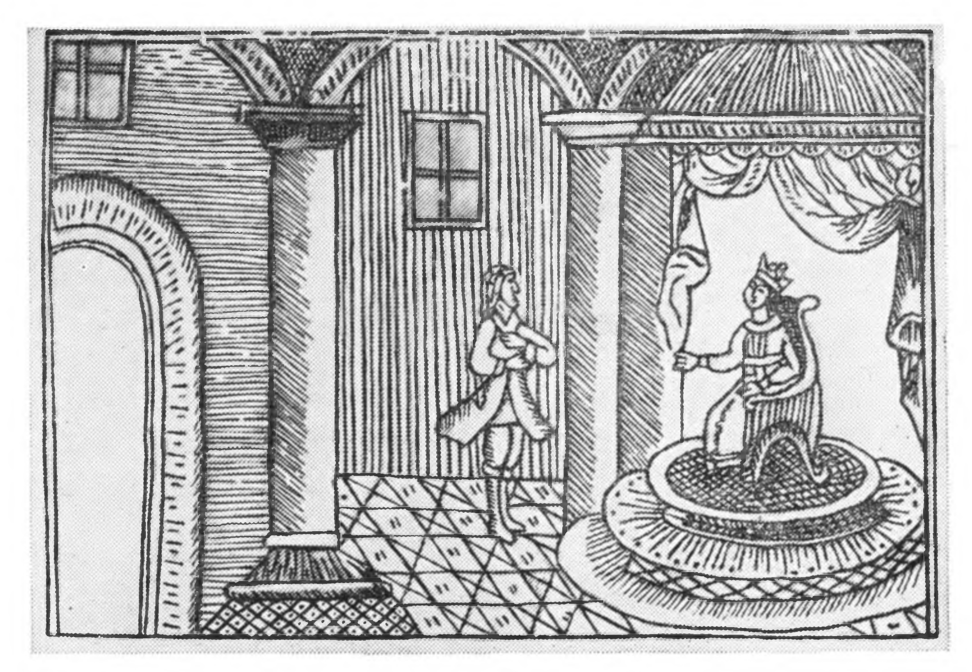
[1] Т. е. не нравятся.

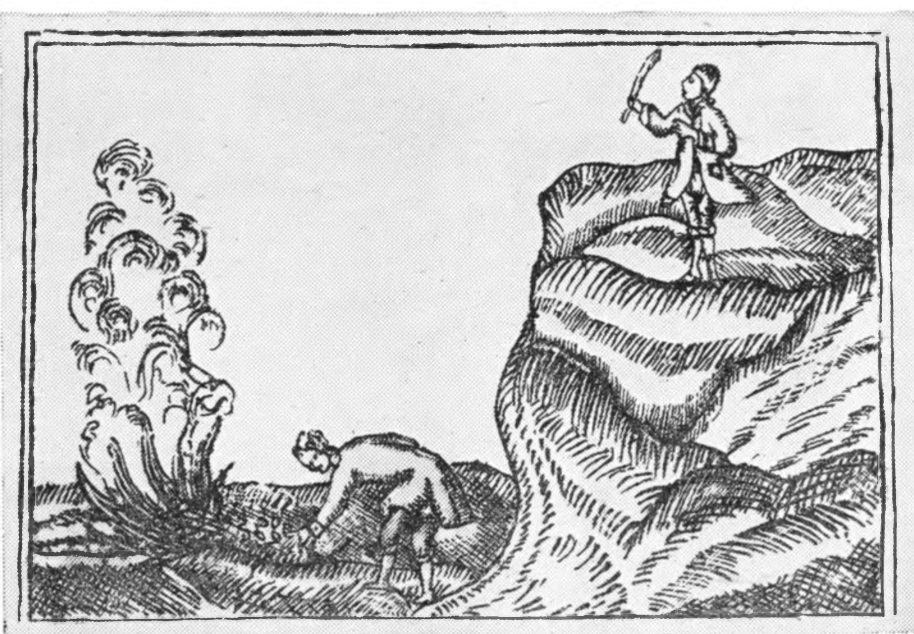


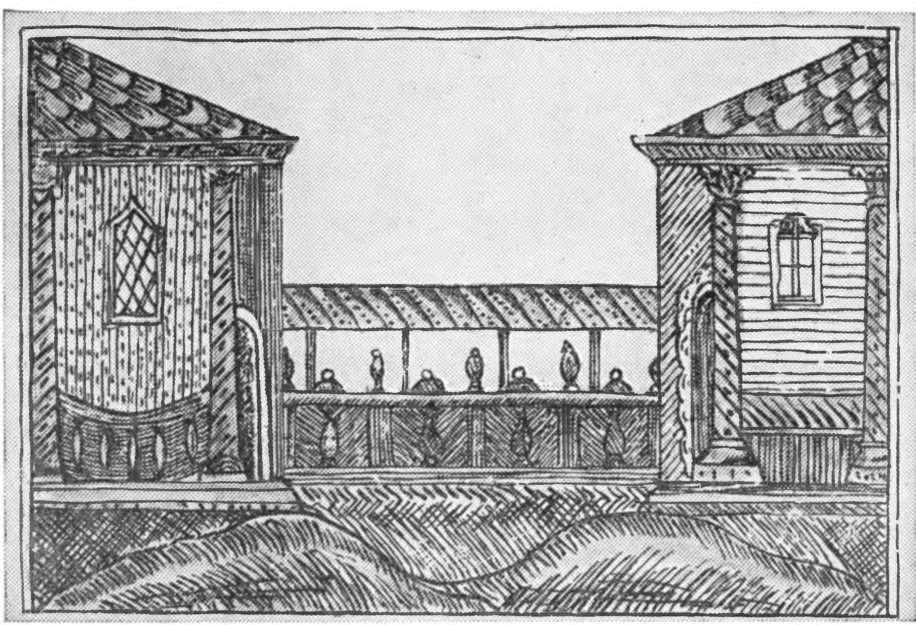












невесты!» И Егорушко воротился домой, сказал отцу и матери обо всем. Отец и мать опять думали-подумали, как жить да быть. послали среднего сына, Мишу Косолапого. С тем то же самое случилось. Вот старик и старушка думали-подумали, не знают, что делать: если послать Ивашка Запечного, тому ничего не сделать!

А Ивашко Запечный стал сам проситься посмотреть змея; отец и мать сперва не пускали его, но после пустили. И Ивашко тоже шел да шел, и встретил змея о трех головах. Спросил его змей: «Куда направился, добрый человек?» Он сказал: «Братья хотели жениться, да не смогли достать невесту; а теперь мне черед выпал».— «Пожалуй, пойдем, я покажу; сможешь ли ты достать невесту?»

Вот пошли змей с Ивашком, дошли до того же камня, и змей приказал камень отворотить с места. Ивашко хватил его, и камень как не бывал — с места слетел; тут оказалась дыра в землю, и близ нее утверждены ремни. Вот змей и говорит: «Ивашко Садись на ремни; я тебя спущу, и ты там пойдешь и дойдешь до трех царств, а в каждом царстве увидишь по девице».

Ивашко спустился и пошел; шел да шел, и дошел до медного царства; тут зашел и увидел девицу, прекрасную из себя. Девица говорит: «Добро пожаловать, небывалый гость! Приходи и садись, где место просто[2] видишь; да скажись, откуда идешь и куда?» — «Ах, девица красная! — сказал Ивашко.— Не накормила, не напоила, да стала вести спрашивать». Вот девица собрала на стол всякого кушанья и напитков; Ивашко выпил и поел и стал рассказывать, что иду-де искать себе невесты: «если милость твоя будет — прошу выйтить за меня».— «Нет, добрый человек,— сказала девица,— ступай ты вперед, дойдешь до серебряного царства: там есть девица еще прекраснее меня!» — и подарила ему серебряный перстень.

Вот добрый молодец поблагодарил девицу за хлеб за соль, распростился и пошел; шел да шел, и дошел до серебряного царства; зашел сюда и увидел: сидит девица прекраснее первой. Помолился он богу и бил челом: «Здорово, красная девица!» Она отвечала: «Добро пожаловать, прохожий молодец! Садись да хвастай: чей, да откуль, и какими делами сюда зашел?» — «Ах, прекрасная девица! — сказал Ивашко.— Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать». Вот собрала девица стол, принесла всякого кушанья и напитков; тогда Ивашко попил, поел, сколько хотел, и начал рассказывать, что он пошел искать невесты, и просил ее замуж за себя. Она сказала ему: «Ступай вперед, там есть еще золотое царство, и в том царстве есть еще прекраснее меня девица»,— и подарила ему золотой перстень.

Ивашко распростился и пошел вперед, шел да шел, и дошел до золотого царства, зашел и увидел девицу прекраснее всех. Вот он богу помолился и, как следует, поздоровался с девицей. Девица стала спрашивать его: откуда и куда идет? «Ах, красная девица! — сказал он.— Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать». Вот она собрала на стол всякого кушанья и напитков, чего лучше требовать нельзя.

[2] Пусто, незанято.

Ивашко Запечник угостился всем хорошо и стал рассказывать: «Иду я, себе невесту ищу; если ты желаешь за меня замуж, то пойдем со мною». Девица согласилась и подарила ему золотой клубок, и пошли они вместе.

Шли да шли, и дошли до серебряного царства — тут взяли с собой девицу; опять шли да шли, и дошли до медного царства — и тут взяли девицу, и все пошли до дыры, из которой надобно вылезать, и ремни тут висят; а старшие братья уже стоят у дыры, хотят лезть туда же искать Ивашку.

Вот Ивашко посадил на ремни девицу из медного царства и затряс за ремень; братья потащили и вытащили девицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадил девицу из серебряного царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потом посадил он девицу из золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и сам Ивашко сел: братья потащили и его, тащили-тащили, да как увидели, что это — Ивашко, подумали: «Пожалуй, вытащим его, дак он не даст ни одной девицы!» — и обрезали ремни; Ивашко упал вниз. Вот, делать нечего, поплакал он, поплакал и пошел вперед; шел да шел, и увидел: сидит на пне старик — сам с четверть, а борода с локоть — и рассказал ему все, как и что с ним случилось. Старик научил его идти дальше: «Дойдешь до избушки, а в избушке лежит длинный мужчина из угла в угол, и ты спроси у него, как выйти на Русь».

Вот Ивашко шел да шел, и дошел до избушки, зашел туда и сказал: «Сильный Идолище! Не погуби меня: скажи, как на Русь попасть?» — «Фу-фу! — проговорил Идолище.— Русскую коску[3] никто не звал, сама пришла. Ну, пойди же ты за тридцать озер; там стоит на куриной ножке избушка, а в избушке живет яга-баба; у ней есть орел-птица, и она тебя вынесет». Вот добрый молодец шел да шел, и дошел до избушки; зашел в избушку, яга-баба закричала: «Фу, фу, фу! Русская коска, зачем сюда пришла?» Тогда Ивашко сказал: «А вот, бабушка, пришел я по приказу сильного Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь».— «Иди же ты,— сказала яга-баба,— в садок; у дверей стоит караул, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; как будешь отпирать последние двери — тогда орел встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми с собою говядины, и когда он станет оглядываться, ты давай ему по куску мяса.

Ивашко сделал все по приказанью ягой-бабки, сел на орла и полетел; летел-летел, орел оглянулся — Ивашко дал ему кусок мяса; летел-летел и часто давал орлу мяса, уж скормил все, а еще лететь не близко. Орел оглянулся, а мяса нет; вот орел выхватил у Ивашка из холки кусок мяса, съел и вытащил его в ту же дыру на Русь. Когда сошел Ивашко с орла, орел выхаркнул кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла. Пришел Ивашко домой, взял у братьев девицу из золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живут. Я там был, пиво пил; пиво-то по усу текло, да в рот не попало.

[3] Костку, кость.

129

В некоторомъ царстве, в некотором государстве был-жил царь Бел Белянин; у него была жена Настасья золотая коса и три сына: Петр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич. Пошла царица с своими мамушками и нянюшками прогуляться по́ саду. Вдруг поднялся сильный вихрь — что и боже мой! схватил царицу и унес неведомо куда. Царь запечалился-закручинился и не ведает, как ему быть. Подросли царевичи он и говорит им: «Дети мои любезные! Кто из вас поедет — мать свою отыщет?» 71б

Собрались два старшие сына и поехали; а за ними и младший стал у отца проситься. «Нет,— говорит царь,— ты, сынок, не езди! Не покидай меня одного, старика».— «Позволь, батюшка! Страх как хочется по белу свету постранствовать да матушку отыскать». Царь отговаривал, отговаривал, не мог отговорить: «Ну, делать нечего, ступай; бог с тобой!»

Иван-царевич оседлал своего доброго коня и пустился в дорогу. Ехал-ехал, долго ли, коротко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; приезжает к лесу. В том лесу богатейший дворец стоит. Иван-царевич въехал на широкий двор, увидал старика и говорит: «Много лет здравствовать, старичок!» — «Милости просим! Кто таков, добрый мо́лодец?» — «Я — Иван-царевич, сын царя Бела Белянина и царицы Настасьи золотой косы».— «Ах, племянник родной! Куда тебя бог несет?» — «Да так и так, — говорит, — еду отыскивать свою матушку. Не можешь ли ты сказать, дядюшка, где найти ее?» — «Нет, племянник, не знаю. Чем могу, тем и послужу тебе; вот тебе шарик, брось его перед собою; он покатится и приведет тебя к крутым, высоким горам. В тех горах есть пещера, войди в нее, возьми железные когти, надень на руки и на ноги и полезай на горы; авось там найдешь свою мать Настасью золотую косу».

Вот хорошо. Иван-царевич попрощался с дядею и пустил перед собою шарик; шарик катится, катится, а он за ним едет. Долго ли, коротко ли — видит: братья его Петр-царевич и Василий-царевич стоят в чистом поле лагерем и множество войска с ними. Братья его встренули: «Ба! Куда ты, Иван-царевич?»— «Да что,— говорит,— соскучился дома и задумал ехать отыскивать матушку. Отпустите войско домой да поедемте вместе». Они так и сделали; отпустили войско и поехали втроем за шариком. Издали еще завидели горы — такие крутые, высокие, что и боже мой! верхушками в небо уперлись. Шарик прямо к пещере прикатился; Иван-царевич слез с коня и говорит братьям: «Вот вам, братцы, мой добрый конь; я пойду на горы матушку отыскивать, а вы здесь оставайтеся; дожидайтесь меня ровно три месяца, а не буду через три месяца — и ждать нечего!» Братья думают: «Как на эти горы влезать, да тут и голову поломать!» «Ну,— говорят,— ступай с богом, а мы здесь подождем».

Иван-царевич подошел к пещере, видит — дверь железная, толкнул со всего размаху — дверь отворилася; вошел туда — железные когти ему на руки и на ноги сами наделися. Начал на горы взбираться, лез, лез, целый месяц трудился, насилу наверх взобрался. «Ну,— говорит,— слава богу!»

Отдохнул немного и пошел по горам; шел-шел, шел-шел, смотрит — медный дворец стоит, у ворот страшные змеи на медных цепях прикованы, так и кишат! А подле колодезь, у колодезя медный корец на медной цепочке висит. Иван-царевич взял почерпнул корцом воды, напоил змей; они присмирели, прилегли, он и прошел во дворец.

Выскакивает к нему медного царства царица: «Кто таков, добрый мо́лодец?» — «Я Иван-царевич».— «Что,— спрашивает,— своей охотой али неволей зашел сюда, Иван-царевич?» — «Своей охотой; ищу мать свою Настасью золотую косу. Какой-то Вихрь ее из саду похитил. Не знаешь ли, где она?» — «Нет, не знаю; а вот недалеко отсюда живет моя середняя сестра, серебряного царства царица; может, она тебе скажет». Дала ему медный шарик и медное колечко. «Шарик,— говорит,— доведет тебя до середней сестры, а в этом колечке все медное царство состоит. Когда победишь Вихря, который и меня здесь держит и летает ко мне чрез каждые три месяца, то не забудь меня бедной — освободи отсюда и возьми с собою на вольный свет».— «Хорошо»,— отвечал Иван-царевич, взял бросил медный шарик — шарик покатился, а царевич за ним пошел.

Приходит в серебряное царство и видит дворец лучше прежнего — весь серебряный; у ворот страшные змеи на серебряных цепях прикованы, а подле колодезь с серебряным корцом. Иван-царевич почерпнул воды, напоил змей — они улеглись и пропустили его во дворец. Выходит царица серебряного царства: «Уж скоро три года,— говорит,— как держит меня здесь могучий Вихрь; я русского духу слыхом не слыхала, видом не видала, а теперь русский дух воочью совершается. Кто таков, добрый мо́лодец?» — «Я Иван-царевич».— «Как же ты сюда попал — своею охотою али неволею?» — «Своею охотою, ищу свою матушку; пошла она в зеленом саду погулять, как поднялся Вихрь и умчал ее неведомо куда. Не знаешь ли, где найти ее?» — «Нет, не знаю; а живет здесь недалечко старшая сестра моя, золотого царства царица, Елена Прекрасная; может, она тебе скажет. Вот тебе серебряный шарик, покати его перед собою и ступай за ним следом; он тебя доведет до золотого царства. Да смотри, как убьешь Вихря — не забудь меня бедной; вызволь отсюда и возьми с собою на вольный свет; держит меня Вихрь в заключении и летает ко мне через каждые два месяца». Тут подала ему серебряное колечко: «В этом колечке все серебряное царство состоит!» Иван-царевич покатил шарик: куда шарик покатился, туда и он направился.

Долго ли, коротко ли, увидал — золотой дворец стоит, как жар горит; у ворот кишат страшные змеи — на золотых цепях прикованы, а возле колодезь, у колодезя золотой корец на золотой цепочке висит. Иван-царевич почерпнул корцом воды и напоил змей; они улеглись, присмирели. Входит царевич во дворец; встречает его Елена Прекрасная: «Кто таков, добрый мо́лодец?» — «Я Иван-царевич».— «Как же ты сюда зашел — своей ли охотою али неволею?» — «Зашел я охотою; ищу свою матушку Настасью золотую косу. Не ведаешь ли, где найти ее?» — «Как не ведать! Она живет недалеко отсюдова, и летает к ней Вихрь раз в неделю, а ко мне раз в месяц. Вот тебе золотой шарик, покати перед собою и ступай за ним следом — он доведет тебя куда надобно; да вот еще возьми золо-

тое колечко — в этом колечке все золотое царство состоит! Смотри же, царевич: как победишь ты Вихря, не забудь меня бедной, возьми с собой на вольный свет».— «Хорошо,— говорит,— возьму!»

Иван-царевич покатил шарик и пошел за ним: шел-шел, и приходит к такому дворцу, что и господи боже мой! — так и горит в бриллиантах и самоцветных каменьях. У ворот шипят шестиглавые змеи; Иван-царевич напоил их, змеи присмирели и пропустили его во дворец. Проходит царевич большими покоями и в самом дальнем находит свою матушку: сидит она на высоком троне, в царские наряды убрана, драгоценной короной увенчана. Глянула на гостя и вскрикнула: «Ах, боже мой! Ты ли, сын мой возлюбленный? Как сюда попал?» — «Так и так,— говорит,— за тобой пришел».— «Ну, сынок, трудно тебе будет! Ведь здесь на горах царствует злой, могучий Вихрь, и все духи ему повинуются; он-то и меня унес. Тебе с ним бороться надо! Пойдем поскорей в погреб».

Вот сошли они в погреб. Там стоят две кади с водою: одна на правой руке, другая на левой. Говорит царица Настасья золотая коса: «Испей-ка водицы, что направо стоит». Иван-царевич испил. «Ну что, сколько в тебе силы?» — «Да так силен, что весь дворец одной рукой поверну».— «А ну, испей еще». Царевич еще испил. «Сколько теперь в тебе силы?» — «Теперь захочу — весь свет поворочу».— «Ох, уж это дюже[1] много! Переставь-ка эти кади с места на место: ту, что стоит направо, отнеси на левую руку, а ту, что налево, отнеси на правую руку». Иван-царевич взял кади и переставил с места на место. «Вот видишь ли, любезный сын: в одной кади — сильная вода, в другой — бессильная; кто первой напьется — будет сильномогучим богатырем, а кто второй изопьет — совсем ослабеет. Вихрь пьет всегда сильную воду и становит ее по правую сторону; так надо его обмануть, а то с ним никак не сладить!»

Воротились во дворец. «Скоро Вихрь прилетит,— говорит царица Ивану-царевичу.— Садись ко мне под порфиру, чтоб он тебя не увидел. А как Вихрь прилетит да кинется меня обнимать-целовать, ты и схвати его за палицу. Он высоко-высоко поднимется, будет носить тебя и над морями и над пропастями, ты смотри не выпущай из рук палицы. Вихрь уморится, захочет испить сильной воды, спустится в погреб и бросится к кади, что на правой руке поставлена; а ты пей из кади на левой руке. Тут он совсем обессилеет, ты выхвати у него меч и одним ударом отруби его голову. Как срубишь ему голову, тотчас сзади тебя кричать будут: «Руби еще, руби еще!» А ты, сынок, не руби, а в ответ скажи: «Богатырская рука два раза не бьет, а все с одного разу!»

Только Иван-царевич успел под порфиру укрыться, как вдруг на дворе потемнело, все кругом затряслось; налетел Вихрь, ударился о землю, сделался добрым молодцем и входит во дворец; в руках у него боевая палица. «Фу-фу-фу! Что у тебя русским духом пахнет? Аль кто в гостях был?» Отвечает царица: «Не знаю, отчего тебе так сдается». Вихрь бросился ее обнимать-целовать, а Иван-царевич тотчас за палицу. «Я тебя съем!» — закричал на него Вихрь. «Ну, бабка надвое сказала: либо съешь, либо

[1] Очень.

нет!» Вихрь рванулся — в окно да в поднебесье; уж он носил, носил Ивана-царевича — и над горами: «Хошь,— говорит,— зашибу?» и над морями: «Хошь,— грозит,— утоплю?» Только нет, царевич не выпускает из рук палицы.

Весь свет Вихрь вылетал, уморился и начал спускаться; спустился прямо-таки в погреб, подбежал к той кади, что на правой руке стояла, и давай пить бессильную воду, а Иван-царевич кинулся налево, напился сильной воды и сделался первым могучим богатырем во всем свете. Видит он, что Вихрь совсем ослабел, выхватил у него острый меч да разом и отсек ему голову. Закричали позади голоса́: «Руби еще, руби еще, а то оживет».— «Нет,— отвечает царевич,— богатырская рука два раза не бьет, а все с одного разу кончает!» Сейчас разложил огонь, сжег и тело и голову и пепел по ветру развеял. Мать Ивана-царевича радая такая! «Ну,— говорит,— сын мой возлюбленный, повеселимся, покушаем, да как бы нам домой поскорей; а то здесь скучно, никого из людей нету».— «Да кто же здесь прислуживает?» — «А вот увидишь». Только задумали они кушать, сейчас стол сам накрывается, разные яства и вина сами на стол являются; царица с царевичем обедают, а невидимая музыка им чудные песни наигрывает. Наелись-напились они, отдохнули; говорит Иван-царевич: «Пойдем, матушка, пора! Ведь нас под горами братья дожидаются. Да дорогою надобно трех цариц избавить, что здесь у Вихря жили».

Забрали все, что нужно, и отправились в путь-дорогу; сначала зашли за царицей золотого царства, потом за царицей серебряного, а там и за царицей медного царства; взяли их с собою, захватили полотна и всякой всячины и в скором времени пришли к тому месту, где надо с гор спускаться. Иван-царевич спустил на полотне сперва мать, потом Елену Прекрасную и двух сестер ее. Братья стоят внизу — дожидаются, а сами думают: «Оставим Ивана-царевича наверху, а мать да цариц повезем к отцу и скажем, что мы их отыскали».— «Елену Прекрасную я за себя возьму,— говорит Петр-царевич — царицу серебряного царства возьмешь ты, Василий-царевич; а царицу медного государства отдадим хоть за генерала».

Вот как надо было Ивану-царевичу с гор спускаться, старшие братья взялись за поло́тна, рванули и совсем оторвали. Иван-царевич на горах остался. Что делать? Заплакал горько и пошел назад; ходил, ходил и по медному царству, и по серебряному, и по золотому — нет ни души. Приходит в бриллиантовое царство — тоже нет никого. Ну, что один? Скука смертная! Глядь — на окне лежит дудочка. Взял ее в руки. «Дай,— говорит,— поиграю от скуки». Только свистнул — выскакивают хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Есть хочу». Тотчас откуда ни возьмись — стол накрыт, на столе и вина и кушанья самые первые. Иван-царевич покушал и думает: «Теперь отдохнуть бы не худо». Свистнул в дудочку, явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Да чтобы постель была готова». Не успел выговорить, а уж постель постлана — что ни есть лучшая.

Вот он лег, выспался славно и опять свистнул в дудочку. «Что угодно?» — спрашивают его хромой да кривой. «Так, стало быть, все мож-

но?» — спрашивает царевич. «Все можно, Иван-царевич! Кто в эту дудочку свистнет, мы для того всё сделаем. Как прежде Вихрю служили, так теперь тебе служить рады; только надобно, чтоб эта дудочка завсегда при тебе была».— «Хорошо же,— говорит Иван-царевич,— чтоб я сейчас стал в моем государстве!» Только сказал, и в ту ж минуту очутился в своем государстве посеред базара. Вот ходит по базару; идет навстречу башмачник — такой весельчак! Царевич спрашивает: «Куда, мужичок, идешь?» — «Да несу черевики[2] продавать; я башмачник».— «Возьми меня к себе в подмастерья».— «Разве ты умеешь черевики шить?» — «Да все, что угодно, умею; не то черевики, и платье сошью».— «Ну, пойдем!»

Пришли они домой; башмачник и говорит: «Ну-ка, смастери! Вот тебе товар самый первый; посмотрю, как ты умеешь». Иван-царевич пошел в свою комнатку, вынул дудочку, свистнул — явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Чтобы к завтрему башмаки были готовы».— «О, это службишка, не служба!» — «Вот и товар!» — «Что это за товар? Дрянь — и только! Надо за окно выкинуть». Назавтра царевич просыпается, на столе башмаки стоят прекрасные, самые первые. Встал и хозяин: «Что, молоде́ц, пошил башмаки?» — «Готовы».— «А ну, покажь!» Взглянул на башмаки и ахнул: «Вот так мастера добыл себе! Не мастер, а чудо!» Взял эти башмаки и понес на базар продавать.

В эту самую пору готовились у царя три свадьбы: Петр-царевич сбирался жениться на Елене Прекрасной, Василий-царевич — на царице серебряного царства, а царицу медного царства отдавали за генерала. Стали закупать к тем свадьбам наряды; для Елены Прекрасной понадобились черевики. У нашего башмачника объявились черевики лучше всех; привели его во дворец. Елена Прекрасная как глянула: «Что это?— говорит.— Только на горах могут такие башмаки делать». Заплатила башмачнику дорого и приказывает: «Сделай мне без мерки другую пару черевик, чтоб были на диво сшиты, драгоценными каменьями убраны, бриллиантами усажены. Да чтоб к завтрему поспели, а не то — на виселицу!»

Взял башмачник деньги и драгоценные каменья; идет домой — такой пасмурный. «Беда! — говорит.— Что теперь делать? Где такие башмаки пошить к завтраму, да еще без мерки? Видно, повесят меня завтра! Дай хоть напоследки погуляю с горя с своими друзьями». Зашел в трактир; дру́гов-то у него много было, вот они и спрашивают: «Что ты, брат, пасмурен?» — «Ах, други любезные, ведь завтра повесят меня!» — «За что так?» Башмачник рассказал свое горе: «Где уж тут о работе думать? Лучше погуляем напоследки». Вот пили-пили, гуляли-гуляли, башмачник уж качается. «Ну,— говорит,— возьму домой бочонок вина да лягу спать. А завтра, как только придут за мной вешать, сейчас полведра выдую; пускай уж без памяти меня вешают». Приходит домой. «Ну, окаянный,— говорит Ивану-царевичу,— вот что твои черевики наделали... так и так... поутру, как придут за мной, сейчас меня разбуди».

Ночью Иван-царевич вынул дудочку, свистнул — явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Чтоб такие-то башмаки были

[2] Башмаки.

8 Заказ № 27

готовы».— «Слушаем!» Иван-царевич лег спать; поутру просыпается — башмаки на столе стоят, как жар горят. Идет он будить хозяина: «Хозяин! Вставать пора».— «Что, али за мной пришли? Давай скорее бочонок с вином, вот кружка — наливай; пусть уж пьяного вешают».— «Да башмаки-то готовы».— «Как готовы? Где они? — Побежал хозяин, глянул: — Ах, когда ж это мы с тобой делали?» — «Да ночью, неужто, хозяин, не помнишь, как мы кроили да шили?» — «Совсем заспал, брат; чуть-чуть помню!»

Взял он башмаки, обернул, бежит во дворец. Елена Прекрасная увидала башмаки и догадалась: «Верно, это Ивану-царевичу ду́хи делают».— «Как это ты сделал?» — спрашивает она у башмачника. «Да я,— говорит,— все умею делать!» — «Коли так, сделай мне платье подвенечное, чтоб было оно золотом вышито, бриллиантами да драгоценными камнями усеяно. Да чтоб заутра было готово, а не то — голову долой!» Идет башмачник опять пасмурный, а други давно его дожидают: «Ну что?» — «Да что,— говорит,— одно окаянство! Вот проявилась переводчица роду христианского, велела к завтрему платье сшить с золотом, с каменьями. А я какой портной! Уж верно завтра с меня голову снимут».— «Э, брат, утро вечера мудренее: пойдем погуляем».

Пошли в трактир, пьют-гуляют. Башмачник опять нализался, притащил домой целый бочонок вина и говорит Ивану-царевичу: «Ну, малый, завтра, как разбудишь, так целое ведро и выдую; пусть пьяному рубят голову! А этакого платья мне и в жизнь не сделать». Хозяин лег спать, захрапел, а Иван-царевич свистнул в дудочку — явились хромой да кривой: «Что угодно, царевич?» — «Да чтоб к завтрему платье было готово — точно такое, как Елена Прекрасная у Вихря носила».— «Слушаем! Будет готово». Чем свет проснулся Иван-царевич, а платье на столе лежит, как жар горит — так всю комнату и осветило. Вот он будит хозяина; тот продрал глаза: «Что, аль за мной пришли — голову рубить? Давай поскорей вино!» — «Да ведь платье готово...» — «Ой ли! Когда ж мы сшить успели?» — «Да ночью, разве не помнишь? Ты сам и кроил».— «Ах, брат, чуть-чуть припоминаю; как во сне вижу». Взял башмачник платье, бежит во дворец.

Вот Елена Прекрасная дала ему много денег и приказывает: «Смотри, чтоб завтра к рассвету на седьмой версте на́ море стояло царство золотое и чтоб оттуда до нашего дворца сделан был мост золотой, тот мост устлан дорогим бархатом, а около перил по обеим сторонам росли бы деревья чудные и певчие б птицы разными голосами воспевали. Не сделаешь к завтраму — велю четверить тебя!» Пошел башмачник от Елены Прекрасной и голову повесил. Встречают его други: «Что, брат?» — «Да что! Пропал я, завтра четверить меня. Такую службу задала, что никакой черт не сделает».— «Э, полно! Утро вечера мудренее; пойдем в трактир».— «И то пойдемте! Напоследях надо хоть повеселиться».

Вот они пили-пили; башмачник до того к вечеру напился, что домой под руки привели. «Прощай, малый!» — говорит он Ивану-царевичу.— Завтра казнят меня».— «Али новая служба задана?» — «Да, вот так и так!» Лег и захрапел; а Иван-царевич тотчас в свою комнату, свистнул

в дудочку — явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» — «Можете ль сослужить мне вот этакую службу...» — «Да, Иван-царевич, это служба! Ну, да делать нечего — к утру все готово будет». Назавтра чуть светать стало, Иван-царевич проснулся, смотрит в окно — батюшки светы! Все как есть сделано: золотой дворец словно жар горит. Будит он хозяина; тот вскочил: «Что? Аль за мной пришли? Давай вина поскорей! Пусть казнят пьяного».— «Да ведь дворец готов».— «Что ты!» Глянул башмачник в окно и ахнул от удивления: «Как это сделалось?» — «Да разве не помнишь, как мы с тобой мастерили?» — «Ах, видно, я заспался; чуть-чуть помню!»

Побежали они в золотой дворец — там богатство невиданное и неслыханное. Говорит Иван-царевич: «Вот тебе, хозяин, крылышко; поди, обметай на мосту перила, а коли придут да спросят: кто такой во дворце живет? — ты ничего не говори, только отдай эту записочку». Вот хорошо, пошел башмачник и стал обметать на мосту перила. Утром проснулась Елена Прекрасная, увидала золотой дворец и сейчас побежала к царю: «Поглядите, ваше величество, что у нас делается; нá море золотой дворец выстроен, от того дворца мост на семь верст тянется, а вокруг моста чудные деревья растут, и певчие птицы разными голосами поют».

Царь сейчас посылает спрашивать: «Что бы это значило? Уж не богатырь ли какой под его государство подступил?» Приходят посланные к башмачнику, стали его расспрашивать; он говорит: «Я не знаю, а есть у меня записка к вашему царю». В этой записке Иван-царевич рассказал отцу все, как было: как он мать освободил, Елену Прекрасную добыл и как его старшие братья обманули. Вместе с запискою посылает Иван-царевич золотые кареты и просит приехать к нему царя с царицею, Елену Прекрасную с ее сестрами; а братья пусть назади в простых дровнях будут привезены.

Все тотчас собрались и поехали; Иван-царевич встретил их с радостью. Царь хотел было старших сынов расказнить за их неправду, да Иван-царевич отца упросил, и вышло им прощение. Тут начался пир горой; Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, за Петра-царевича отдал царицу серебряного государства, за Василья-царевича отдал царицу медного государства, а башмачника в генералы произвел. На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало.

130

то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьей Прекрасною; у них было три сына-царевича. Сотряслась беда немалая — утащил царицу нечистый дух. Говорит царю большой сын: «Батюшка, благослови меня, поеду отыскивать матушку». Поехал и пропал, три года про него ни вести, ни слуху не было. Стал второй сын проситься: «Батюшка, благослови меня в путь-дорогу; авось мне посчаст- 71c

ливится найти и брата и матушку». Царь благословил; он поехал и тоже без вести пропал — словно в воду канул.

Приходит к царю меньшой сын Иван-царевич: «Любезный батюшка, благослови меня в путь-дорогу; авось разыщу и братьев и матушку».— «Поезжай, сынок!» Иван-царевич пустился в чужедальнюю сторону; ехал-ехал и приехал к синю морю, остановился на бережку и думает: «Куда теперь путь держать?» Вдруг прилетели нá море тридцать три колпицы[1], ударились оземь и стали красные девицы — все хороши, а одна лучше всех; разделись и бросились в воду.

Много ли, мало ли они купались — Иван-царевич подкрался, взял у той девицы, что всех краше, кушачок и спрятал за пазуху. Искупались девицы, вышли нá берег, начали одеваться — одного кушачка нет. «Ах, Иван-царевич,— говорит красавица,— отдай мой кушачок».— «Скажи прежде, где моя матушка?» — «Твоя матушка у моего отца живет — у Ворона Вороновича. Ступай вверх пó морю, попадется тебе серебряная птичка золотой хохолок: куда она полетит, туда и ты иди». Иван-царевич отдал ей кушачок и пошел вверх пó морю; тут повстречал своих братьев, поздоровался с ними и взял с собою.

Идут они вместе берегом, увидали серебряную птичку золотой хохолок и побежали за ней следом. Птичка летела, летела и бросилась под плиту железную, в яму подземельную. «Ну, братцы,— говорит Иван-царевич,— благословите меня вместо отца, вместо матери; опущусь я в эту яму и узнаю, какова земля иноверная, не там ли наша матушка». Братья его благословили, он сел на рели[2], полез в ту яму глубокую и спущался ни много, ни мало — ровно три года; спустился и пошел путем-дорогою.

Шел-шел, шел-шел, увидал медное царство; во дворце сидят тридцать три девицы-колпицы, вышивают полотенца хитрыми узорами — городками с пригородками. «Здравствуй, Иван-царевич! — говорит царевна медного царства.— Куда идешь, куда путь держишь?» — «Иду свою матушку искать».— «Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; он хитёр и мудёр, по горам, по долам, по вертепам, по облакам летал! Он тебя, добра мóлодца, убьет! Вот тебе клубочек, ступай к моей середней сестре — что она тебе скажет. А назад пойдешь, меня не забудь». Иван-царевич покатил клубочек и пошел вслед за ним.

Приходит в серебряное царство; там сидят тридцать три девицы-колпицы. Говорит царевна серебряного царства: «Доселева русского духа было видом не видать, слыхом не слыхать, а нонче русский дух воочью проявляется! Что, Иван-царевич, от дела лытаешь али дела пытаешь?» — «Ах, красная девица, иду искать матушку».— «Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; и хитёр он, и мудёр, по горам, по долам летал, по вертепам, по облакам носился! Эх, царевич, ведь он тебя убьет! Вот тебе клубочек, ступай-ка ты к меньшой моей сестре — чтó она тебе скажет: вперед ли идти, назад ли вернуться?»

Приходит Иван-царевич к золотому царству; там сидят тридцать три

[1] Белый аист (*Ред.*).
[2] Столбы с перекладиной, качели, перила (*Ред.*).

девицы-колпицы, полотенца вышивают. Всех выше, всех лучше царевна золотого царства — такая краса, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Говорит она: «Здравствуй, Иван-царевич! Куда идешь, куда путь держишь?» — «Иду матушку искать».— «Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; и хитёр он, и мудёр, по горам, по долам летал, по вертепам, по облакам носился. Эх, царевич, ведь он тебя убьет! Нá тебе клубочек, ступай в жемчужное царство; там твоя мать живет. Увидя тебя, она возрадуется и тотчас прикажет: няньки-мамки, подайте моему сыну зелéна вина. А ты не бери; проси, чтоб дала тебе трехгодовалого вина, что в шкапу стоит, да горелую корку на закусочку. Не забудь еще: у моего батюшки есть на дворе два чана воды — одна вода сильная, а другая малосильная; переставь их с места на место и напейся сильной воды». Долго царевич с царевной разговаривали и так полюбили друг друга, что и расставаться им не хотелося; а делать было нечего — попрощался Иван-царевич и отправился в путь-дорогу.

Шел-шел, приходит к жемчужному царству. Увидала его мать, обрадовалась и крикнула: «Мамки-няньки! Подайте моему сыну зелéна вина».— «Я не пью простого вина, подайте мне трехгодовалого, а на закуску горелую корку». Выпил трехгодовалого вина, закусил горелою коркою, вышел на широкий двор, переставил чаны с места на место и принялся сильную воду пить. Вдруг прилетает Ворон Воронович: был он светел, как ясный день, а увидал Ивана-царевича — и сделался мрачней темной ночи; опустился к чану и стал тянуть бессильную воду. Тем временем Иван-царевич пал к нему на крылья; Ворон Воронович взвился высоко-высоко, носил его и по долам, и по горам, и по вертепам и облакам и начал спрашивать: «Что тебе нужно, Иван-царевич? Хочешь — казной наделю?» — «Ничего мне не надобно, только дай мне посошок-перышко».— «Нет, Иван-царевич! Больно в широки́ сани садишься». И опять понес его Ворон по горам и по долам, по вертепам и облакам. Иван-царевич крепко держится; налег всею своей тяжестью и чуть-чуть не обломил ему крылья. Вскрикнул тогда Ворон Воронович: «Не ломай ты мои крылышки, возьми посошок-перышко!» Отдал царевичу посошок-перышко; сам сделался простым вороно́м и полетел на крутые горы.

А Иван-царевич пришел в жемчужное царство, взял свою матушку и пошел в обратный путь; смотрит — жемчужное царство клубочком свернулося да вслед за ним покатилося. Пришел в золотое царство, потом в серебряное, а потом и в медное, взял повел с собою трех прекрасных царевен, а те царства свернулись клубочками да за ними ж покатилися. Подходит к релям и затрубил в золотую трубу. «Братцы рóдные! Если живы, меня не выдайте». Братья услыхали трубу, ухватились за рели и вытащили на белый свет душу красную девицу, медного царства царевну; увидали ее и начали меж собою ссориться: один другому уступить ее не хочет. «Что вы бьетесь, добрые мóлодцы! Там есть еще лучше меня красная девица». Царевичи опустили рели и вытащили царевну серебряного царства. Опять начали спорить и драться; тот говорит: «Пусть мне достанется!», а другой: «Не хочу! Пусть моя будет!» — «Не ссорьтесь, добрые мóлодцы, там есть краше меня девица».

Царевичи перестали драться, опустили рели и вытащили царевну золотого царства. Опять было принялись ссориться, да царевна-красавица тотчас остановила их: «Там ждет ваша матушка!» Вытащили они свою матушку и опустили рели за Иваном-царевичем; подняли его до половины и обсекли веревки. Иван-царевич полетел в пропасть, крепко ушибся и полгода лежал без памяти: очнувшись, посмотрел кругом, припомнил все, что с ним сталося, вынул из кармана посошок-перышко и ударил им о́ землю. В ту ж минуту явилось двенадцать молодцев: «Что, Иван-царевич, прикажете?» — «Вынесть меня на вольный свет». Молодцы подхватили его под руки и вынесли на вольный свет.

Стал Иван-царевич про своих братьев разведывать и узнал, что они давно поженились: царевна из медного царства вышла замуж за середнего брата, царевна из серебряного царства — за старшего брата, а его нареченная невеста ни за кого не идет. И вздумал на ней сам отец-старик жениться; собрал думу, обвинил свою жену в совете с злыми духами и велел отрубить ей голову; после казни спрашивает он царевну из золотого царства: «Идешь за меня замуж?» — «Тогда пойду за тебя, когда сошьешь мне башмаки без мерки». Царь приказал клич кликать, всех и каждого выспрашивать: не сошьет ли кто царевне башмаков без мерки?

На ту пору приходит Иван-царевич в свое государство, нанимается у одного старичка в работники и посылает его к царю: «Ступай, дедушка, бери на себя это дело. Я тебе башмаки сошью, только ты на меня не сказывай». Старик пошел к царю: «Я-де готов за эту работу взяться». Царь дал ему товару на пару башмаков и спрашивает: «Да потрафишь ли ты, старичок?» — «Не бойся, государь, у меня сын чеботарь[3]». Воротясь домой, отдал старичок товар Ивану-царевичу; тот изрезал товар в куски, выбросил за окно, потом растворил золотое царство и вынул готовые башмаки: «Вот, дедушка, возьми, отнеси к царю». Царь обрадовался, пристает к невесте: «Скоро ли к венцу ехать?» Она отвечает: «Тогда за тебя пойду, когда сошьешь мне платье без мерки».

Царь опять хлопочет, сбирает к себе всех мастеровых, дает им большие деньги, только чтоб платье без мерки сшили. Иван-царевич говорит старику: «Дедушка, иди к царю, возьми материю, я тебе платье сошью, только на меня не сказывай». Старик поплелся во дворец, взял атласов и бархатов, воротился домой и отдал царевичу. Иван-царевич тотчас за ножницы, изрезал на клочки все атласы и бархаты и выкинул за окно; растворил золотое царство, взял оттуда что ни есть лучшее платье и отдал старику: «Неси во дворец!» Царь радехонек: «Что, невеста моя возлюбленная, не пора ли нам к венцу ехать?» Отвечает царевна: «Тогда за тебя пойду замуж, когда возьмешь старикова сына да велишь в молоке сварить». Царь не задумался, отдал приказ — и в тот же день собрали со всякого двора по ведру молока, налили большой чан и вскипятили на сильном огне.

Привели Ивана-царевича; начал он со всеми прощаться, в землю кланяться; бросили его в чан: он раз нырнул, другой нырнул, выскочил

[3] Сапожник.

вон — и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Говорит царевна: «Посмотри-ка, царь! За кого мне замуж идти: за тебя ли, старого, или за него, доброго мо́лодца?» Царь подумал: «Если и я в молоке искупаюся, таким же красавцем сделаюся!» Бросился в чан и сварился в молоке. А Иван-царевич поехал с царевной из золотого царства венчаться; обвенчались и стали жить-поживать, добра наживать.

131. ФРОЛКА-СИДЕНЬ

Жил-был царь, у него было три дочери, да такие красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером написать; любили они по вечерам гулять в своем саде, а сад был большой и славный. Вот змий черноморский и повадился туда летать. Однажды дочери царские припоздали в саду, засмотрелись на цветы; вдруг откуда ни взялся змий черноморский и унес их на своих огненных крыльях. Царь ждать-пождать — нет дочерей! Послал служанок искать их в саду, но все было напрасно; служанки не нашли царевен. Утром царь сделал тревогу, народу собралось множество. Тут царь и говорит: «Кто разыщет моих дочерей, тому сколько угодно дам денег». 72

Вот и избрались трое: солдат-пьяница, Фролка-сидень и Ерема; уговорились с царем и пустились искать царевен. Шли они, шли и пришли в дремучий, густой лес. Только взошли в него, сильный сон стал одолевать их. Фролка-сидень вытащил из кармана табакерку, постукал, открыл ее и пхнул в нос охапку табаку; потом зашумел: «Эй, братцы, не уснем, не воздремлем! Идите дальше».

Вот и пошли; шли-шли и приходят, наконец, к огромному дому, а дом этот был пятиглавого змия. Долго они стучали в ворота и не могли достучаться. Вот Фролка-сидень оттолкнул солдата и Ерему: «Пустите-ка, братцы!» Понюхал табаку и стукнул в двери так сильно, что расшиб их. Тут вошли они на двор, сели в кружок и собираются закусить чем бог послал. А из дома выходит девица, собою такая красавица; вышла и говорит: «Зачем вы, голубчики, сюда зашли? Ведь здесь живет прелихой змий; он вас съест! Счастливы вы, что его теперь дома нет». Фролка отвечает ей: «Мы сами его съедим!» Не успел вымолвить эти слова, вот и летит змий, летит и рычит: «Кто мое царство разорил? Ужель в свете есть мне противники? Есть у меня один противник, да его и костей сюда ворон не занесет!» — «Ворон меня не занесет,— сказал Фролка,— а добрый конь завезет!» Змий, услыхав такие слова, сказал: «Мириться, что ли, али драться?» — «Не мириться я пришел,— говорит Фролка,— а драться!»

Вот разошлись они, соступились, и Фролка с одного маху срубил все пять голов змию, взял и положил их под камень, а туловище зарыл в землю. Тут девица обрадовалась и говорит этим молодцам: «Возьмите меня, голубчики, с собою».— «Да ты чья?» — спросили они. Она говорит, что царская дочь; Фролка также рассказал ей, что было нужно; вот и сошлось у них дело! Царевна позвала их в хоромы, накормила-напоила и просит, чтоб они выручили и других ее сестер. Фролка отвечал: «Да мы за этим и посланы!» Царевна рассказала, где живут ее сестры: «У средней сестры еще страшнее моего: с нею живет змий семиголовый».— «Нужды нет! — сказал Фролка.— Мы и с тем справимся; разве долго покопаюсь я с двенадцатиглавым змием». Распростились и пошли дальше.

Приходят к средней сестре. Палаты, в которых она заключена была, огромные, а вокруг палат ограда высокая, чугунная. Вот подошли они и начали искать ворота; нашли, Фролка что ни есть силы бухнул в ворота, и ворота растворились; вошли они на двор и опять по-прежнему сели позакусить. Вдруг летит семиглавый змий. «Что-то русским духом пахнет! — говорит он.— Ба! Это ты, Фролка, сюда зашел. Зачем?» — «Я знаю, зачем!» — отвечал Фролка, сразился с змием и с одного маху сшиб ему все семь глав, положил их под камень, а туловище зарыл в землю. Потом вошли они в палаты; проходят комнату, другую и третью, в четвертой увидали среднюю царскую дочь — сидит на диване. Как рассказали они ей, каким образом и для чего сюда пришли, она повеселела, начала угощать их и просила выручить от двенадцатиглавого змия ее меньшую сестру. Фролка сказал: «А как же! Мы за этим и посланы. Только что-то робеет сердце; ну, да авось бог! Поднеси-ка нам еще по чарочке».

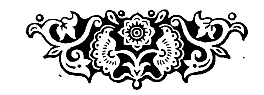
Вот выпили они и пошли; шли-шли и пришли к оврагу крутому-раскрутому. На другой стороне оврага стояли вместо ворот огромные столбы, а к ним прикованы были два страшные льва и рычали так громко, что Фролка только один устоял на ногах, а товарищи его от страха попáдали на землю. Фролка сказал им: «Я не такие страсти видал — и то не робел, пойдемте за мною!» — и пошли дальше.

Вдруг вышел из палат старец — примерно лет семидесяти, увидал их, пошел к ним навстречу и говорит: «Куда вы идете, мои родимые?» — «Да вот в эти палаты»,— отвечал Фролка. «И, мои родимые! Не на добро вы идете; в этих палатах живет двенадцатиглавый змий. Теперь его нет дома, а то бы он вас сейчас поел!» — «Да нам его-то и нужно».— «Когда так,— сказал старик,— ступайте; я проведу вас туда». Старик подошел ко львам и начал их гладить; тут Фролка пробрался с своими товарищами на двор.

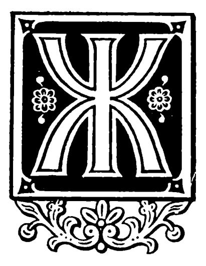
Вот взошли они и в палаты; старик повел их в ту комнату, где жила царевна. Увидала она их, проворно скочила с кровати, подошла и порасспросила: кто они таковые и зачем пришли? Они рассказали ей. Царевна угостила их, а сама уж начала сряжаться[1]. Только стали они выходить

[1] Снаряжаться, приготовляться к отъезду.

из хором — вдруг видят в версте от них летит змий. Тут царская дочь бросилась назад в хоромы, а Фролка с товарищами пошел навстречу и сразился с змием. Змий сначала очень шибко напал на них, но Фролка — парень расторопный! — успел одержать победу, сшиб ему все двенадцать голов и кинул их в овраг. Потом вошли назад в хоромы и начали гулять от радости пуще прежнего; а после отправились в путь и зашли за другими царевнами и все вместе прибыли на родину. Царь очённо обрадовался, растворил им свою царскую казну и сказал: «Ну, верные мои слуги,— берите, сколько угодно, себе денег за работу». Фролка был тороват: принес свою большую шапку треўху; солдат принес свой ранец, а Ерема принес куриное лукошко. Вот Фролка первый стал насыпать, сыпал-сыпал, треуха и прорвалась, и серебро утонуло в грязь. Фролка опять начал сыпать: сыпет, а из треухи валится! «Нечего делать! — сказал Фролка.— Верно, вся царская казна за меня пойдет».— «А нам-то что останется?» — спросили его товарищи. «У царя достанет казны и на вас!» Ерема давай-ка, пока деньги есть, насыпать лукошко, а солдат ранец, насыпал и пошли себе домой. А Фролка с треухою остался подле царской казны и поныне сидит да насыпает. Когда насыпет треуху, тогда дальше скажу; а теперь нет мочи и духу.



132. НОРКА-ЗВЕРЬ

ив сабе царь да царица. У них было три сына: два ра- 73
зумных, а третий дурень. У царя быв зверинец, у котором множества было разных зверей. В етат зверинец унадився вяликий зверь — Норка яго звали — и багата рабив шкоды [1]: каждаю ночь поедав зверей. Царь чаго не рабив — не мог истребить яго; во упосли сзывая сваих сынов да и кажа: «Хто истребить Норку-зверя, дам тому палавину царства». Во старший и памався [2]: як только наступила ночь, ён взяв аружие и пашов; да не пашодши в зверинец, зайшов у трактир и там прагуляв целаю ночь. Схамянувся [3], як рассвяло, да поздно. Стыдно яму было перед аццом, да нечага рабить. На другий день и средний брат зрабив такжа; батько лаяв-лаяв их, да и перестав.

Во на третий день собрався меньший. Смеялись все з яго, бо був дурный, и яны думали, што ён ничего не зробя; а ён, узявши аружия, пашов прямо у зверинец да и сев над дерном, штоб — як только начне-

[1] Убытка, вреда.
[2] Взялся (по-имался).
[3] Очнулся, опомнился.

засыпать — яны его кальнули, ён бы и проснувся. Уже звярнуло с павночи. Во застагнала зямля: то Норка-зверь бяжить и пряма через аграду в зверинец, бо такий быв вяликий. Царевич схамянувся, устав, перекрестився и пашов прямо на зверя; ён назад, царевич за им, а дале ба́ча[4], што не даго́ня пешком, пабег в канюшню, узяв самага лучшага жеребца, да у пагоню: дагнав таго зверя да и давай биццa.

Бились яны, бились. Царевич дав зверю три раны. Во убое[5] выбились из мочи да и лягли аддыхать. Як только царевич заснув, зверь устав да й наутёки[6]. Конь бу́дя царевича; ён схапився[7], да у пагоню; дагнавши, изнова зачали бицца. Царевич и тут зрабив зверю три раны, а дале лягли аддыхать. Зверь утёк; царевич, дагнавши, знова зрабив три раны, а дале, як у четвертый раз став даганять, зверь дабег да великага белага камня, падняв яго и пашов на той свет, сказавши царевичу: «Тогда мяне пабедиш, як сюда придеш».

Царевич паехав и расказав аццу свайму все и прасив яго, штоб ён вялез звить кожаный канат такий довгий, штоб достав да таго свету. Атец вялев. Як зрабили канат, царевич, забравши сваих братов, набравши слуг и всяго, што треба было на целый год, паехав туда, где зверь пашов пад камень. Приехавши, яны пастроили там дварец и стали жить. Пригатовились; меньший брат и кажа старшим: «Ну, братцы, хто падымя сей камень?» Ни адин и з места не двинув, а ён як хватив, дак камень далеко палятев, а був вяликий-вяликий — з гору. Кинувши камень, ён изнова и кажа брата́м: «А хто пайдя на тей свет пабивать Норку-зверя?» Не адин не взявсь; ён, насмеявшись над ими, што яны трусы, гаворя: «Ну, братцы, прощайтя; апускайтя мяне на той свет, а самы не адходтя ад сяго места, и як толька закалышицца канат — тащитя». Браты апустили яго.

Ачнувшись на том свете, пад землею, царевич пашов; ишов да ишов; дивицца[8], аж ходя конь в багатой збруе и кажа яму: «А, здрастуй, Иван-царевич; долга я дожидав табе!» Ён сев на таго коня и паехав; едя да едя, глядить, аж стаить медный дварец. Ён взъехав на двор, привязав каня да и пашов у комнаты. Там нагатована абедать; ён сев, паабедав, да и пашов у спальню; там пастель, и ён лег аддыхать.

Во приходя панночка, да такая красивая, што ни здумать, ни згадать, только в казце[9] сказать, да и кажа: «Хто в моем доме — азавися: кали старый — будеш батюшка, кали средних лет — брат, а кали маладой — муж любезный; а кали женщина да старая — будеш бабушка, средних лет — матушка, а кали маладая — сестра родная». Ён вышов. Яна, як пабачила яго, взрадавалась да и кажа: «Чаго, Иван-царевич (муж мой ты будешь любезный), чаго сюда приехав?» Ён расказав ёй, што и як. Яна и кажа: «Той зверь, што ты хочеш пабедить,— мой брат. Ён тяперь у средняй сястры, што живе недалеко адсюда в серебряном дварце; я яму залячила три раны, што ты зрабив».

[4] Видит.
[5] Оба (*Ред.*).
[6] Да и бежать.
[7] Спохватился.
[8] Смотрит.
[9] Сказке.

Во упосли[10] сяго яны пили, гуляли, добры мысли мали[11]; а дале царевич, папращавшись, паехав да другой сястры, што в серебряном дварце, и в той также пагастив. Яна сказала яму, што брат яё Норка тяперь у меньшай сястры. Ён паехав да меньшай, што жила в залатом дварце. Ета сказала яму, што брат яё тяперь спит на синём море, а дале дала яму напицца сильнай вады, дала меч-кладенец и сказала, штоб ён рубав главу брату адразу. Ён, выслухавши ета, паехав. Приезжая царевич к синяму морю, дивицца — аж спить Норка на камне, пасерядине моря, и як храпе́ — да таго на семь вёрст аж вална бье. Ён перякрястився, пад'ехав к яму, ударив мечем па галаве. Галава адскачила да и кажа: «Ну тяперь жа я прапав!» — а дале и павалився у море.

Убивши зверя, царевич вярнувся, пабрав всех трех сястер с сабою, штоб вывести их на етат свет; бо все яго любили и не хатели з им растацца. Кажная из их из свайго дварца зрабила яичко (бо были валшебницы); яго научили, як из яичка зрабить дварец, и наабарот, аддали яму яички и пашли к таму месту, где трэба было падымацца на сей свет. Як пришли яны к канату, царевич, пасадив девушек, дерганув за канат; ён закалыхався, браты патащили. Як вытащили да пабачили[12] диковинных красавиц, аташли ад их да и кажуть: «Пустим канат, падымем брата, канат перярежим, кехай убьецца, а то ён нам не даст сих красавиц замуж». Во, сгаварившись, пустили канат: брат быв не промах, дагадався, што братья думають, узяв да и палажив камень, дерганув; братья падняли его высо́ко да и перярезали канат. Той камень упав и разбився. Ён заплакав да и пашов

Ишов, ишов царевич. Во як паднялась буря, заблискала маланья́, загремев гром, полився дождь. Ён пришов к деряву, штоб захавацца[13] пад ним; глядить, аж на том деряве маленькие птушки[14] савсем измокли; ён изняв с сабе адёжу да и накрыв их, а сам сев пад деревам. Кали лятить птица, да такая вяликая, што и свет затмився: то было тёмна, а то яще патямнело. То — матка тых птушак, што накрыв царевич.

Прилятевши, тая птица як пабачила, што яё дятёшаты адеты, и кажа: «Хто накутав маих птушак?» — а дале, пабачивши царевича, и кажа: «Ета ты зрабив? Спасиба табе. Чаго хочеш, праси ад мяне за ета; все сделаю для табе!» Ён кажа: «Выняси мяне на тей свет». Яна гаво́ря: «Зраби ж ты вяликий засек[15], налави всякай дичи да накидай туда, а в другую палавину налий вады, штоб было чим мяне кармить». Царевич все зрабив. Тая птица,— взятши етат засек на сабе, а царевич сев у серядине,— палятела.

Лятевши чи багата, чи мала — вынясла яго, папращалась и палятела; а ён пашов да и пристав к аднаму партному у хлопцы: такий он быв абодранный, так перемянився, што и невдамет[16], што царский сын. Ставши у таго хазяина за работника, царевич начав распрашувать, што

[10] После.
[11] Имели, т. е. имали (брали).
[12] Увидели.
[13] Спрятаться.
[14] Пташки.
[15] Сусек, закром для ссыпки зерна (*Ред.*).
[16] Невдомек.

у их царстве и як? Той хазяин и кажа: «Наши два царевича (бо третий прапав) привязли с таго света невест и хочуть жаницца, да тыя невесты упирують[17]: хочуть, штоб им к вянцу нашить всякага платья, такога, як у них было на том свете, и без мерки. Царь звав всих мастяров, да не адин не бярецца». Выслухавши все ета, царевич и кажа: «Иди, хазяин, к царю и скажи, што ты нашиеш все па тваиму ремяслу». Хазяин и кажа: «Чи мяне ж брацца за такоя платья? Я шию на простонародья». Царевич кажа: «Иди, хазяин! Я отвечаю за всё». Той хазяин пашов. Царь быв рад, што нашовся хоть адин мастяр; дав яму денег, сколько ён хатев. Хазяин той, справившись, прихо́дя дамов[18]. Царевич и гаво́ря яму: «Ну, мались богу да лажись спать; завтра все будя гатова». Ён паслухав свайго парабка, лег спать.

Звярнуло с павночи. Царевич встав, пашов за горад — на поле, выняв из кармана тыя яички, што дали яму невесты, и, як научили яго, зделав из их три дварцы; вашов, пабрав у каждом их платья, вышав, звярнув тые дварцы в яички и пашов дамов. Пришовши, развешав платья на стяне да и лег спать. Рано праснувся хазяин, глядь — аж висить такоя платья, што ён и не видав! Все сяе[19] златом, да серебром, да камнями самоцветными. Ён зрадовавсь, взяв панёс тоя платья к царю. Царевны, як убачили, што то платья, што у их на том свете, дагадались, што Иван-царевич на сем свете, переглянулись да и замовкли. Хазяин той, аддавши платья, пашов дамов, да не застав уже свайго дарагога работника. Ён пашов да пристав к башмашнику, да и таго паслав к царю, и той зарабив; только абхадив ён всих мастяров, и усе благадарили яго, што наживались чрез яго у царя.

Як абхадив царевич-работник всих мастяров, царевны палучили сваё желанье; у их всё платья было такоя, як на том свете; толька яны горько плакали, што царевич не прихо́дя, а наравить[20], было нельзя, нада бы́ла вянчацца. Як сабрались к вянцу, меньшая невеста и кажа царю: «Пазвольте мне, батюшка, пайти самой падарить нищих!» Ён пазволив. Яна пашла и начала дарить да приглядацца. Падхо́дя к аднаму; як стала давать яму́ деньги, пабачила кольцо, што дала царевичу на том свете, и кольца сястер сваих (бо то быв ён!),— хватила яго за руку, и привяла яго в комнату, и кажа царю: «Во той, што нас вывяз из таго свету! Братья, кажа, запрятили гаварить нам, што ён жив, и абещали пабить[21] нас, кали мы скажем». Царь на тых сынов рассярдився, наказав их, як сам знав; а после гуляли три свадьбы, и я там быв, мед-вино пив, в роте не было, а только па бараде тякло.

[17] Упираются.
[18] Домой.
[19] Сияет.
[20] *Норовить* (норов) — противиться.
[21] Убить (*Ред.*).

133—134. ПОКАТИГОРОШЕК

133

Був собі чоловік да жінка, а у них було два сина і дочкà. От 74а
батько посилае синів орать[1]; вони кажуть: «А хто нам обідать принесе?» Батько каже: «Дівка». А дівка каже: «Я дороги не знаю». От брати кажуть: «Як зійдеш на гору, так буде три дороги; на которій дорозі стружки будут лежать, то ти по тій і йди». Змій бачить, що два брата їдуть і все по дорозі стружки стружуть; він узяв стружки, позбирав, да кидá по тій дорозі, що до його нори. Мати наварила обідать і дала дочці нести. Вона вийшла на гору і пішла по тій дорозі, по которій стружки лежать; дійшла до нори, а змій узяв її да в нору і кинув.

Брати ждали-ждали обіду да й випрягли воли; воли пустили пасти, а сами пішли додому да й питають матери: «Де ж ваш, мамо, обід?» Мати каже: «Я ж давно вам з дівкою послала». От вони до самого вечора її ждали: уранці встали — її нема! Брати кажуть: «Мабуть її той проклятущий змій узяв!» Вони одяглись[2] да й пішли сестри шукать. Ідуть да ідуть — коли чередник череду[3] пасе. Вони поздоровались; чередник питає: «Куди ви ідете?» Вони кажуть: «До змія — сестри одіймати» — «Як хочете ви однять од змія сестру, то із'їжте у мене самого більшого вола». Вони не захотіли да й пішли. Ідуть да ідуть — коли пастух пасе овечки. Вони із ним поздоровались. Він їх питає: «Куди ві ідете?» — «До змія — сестри одіймать» — «Коли хочете її однять, то із'їжте у мене самого більшого барана». Вони не захотіли да й пішли.

Ідуть да ідуть — коли свинар пасе свині. Вони поздоровались. Він їх питає: «Куди вы ідете?» — «До змія — сестри одіймать». — «Коли хочете її однять, то із'їжте у мене самого більшого кабана». Вони не захотіли да й пішли. Ідуть да ідуть — аж змій стоїть коло свого дому. Змій каже: «Здрастуйте! Чого вас сюди бог заніс?» — «До тебе за сестрою». — «Коли хочете свою сестру узять, так із'їжте дванадцять волів, дванадцять баранів і дванадцять кабанів». Вони по малесенькому кусочку із'їли да й більше не захотіли. Він їх узяв да під камень підвернув.

Мати плакала, що нема ні синів, ні дочки́; узяла відра да й пішла пó воду до колодязя, набрала води да іде — коли горошина котиться по дорозі да й вскóчила у відро, а вона і не бачила. Прийшла дóдому, виливає воду — коли дивиться: горошина у відрі; вона узяла да й із'їла, і од тієї горошини уродився син. Дали йому ім'я Покотигорошко; він росте не по часам, а по минутам. Посідали вечеряти, Покотигорошко питає: «Чи у вас, мамо, були іще діти?» — «Було у мене двоє синів і одна дочкá». — «А де ж вони?» — «Змій украв дочку, так сини пішли її шукать; да нема ні синів, ні дочки».

Він повечеряв, обувся і одівся. «Піду ж і я тепер за ними». Просить коваля: «Ізроби мені велику булаву». Коваль ізробив йому булаву; Поко-

[1] Пахать.
[2] Оделись (*Ред.*).
[3] *Череда* — стадо крупного скота; *чередник* — пастух.

тигорошко узяв булаву, заплатив да й пішов. Іде да іде — коли пасе чередник череду. Він із ним поздоровались; чередник його питає: «Куди ти ідеш?» — «Іду до змія — сестри одіймать». — «Із'їж у мене самого більшого вола, так одіймеш!» Він із'їв, подякував да й пішов. Іде да іде — коли пастух пасе овечки. Покотигорошко із ним поздоровались; пастух його питає: «Куди ти ідеш?» Він каже: «До змія — сестри одіймать». — «Із'їж у мене самого більшого барана, так одіймеш!» Він із'їв, подякував да й пішов. Іде да іде — коли свинар пасе свині. Покотигорошко із ним поздоровались; свинар його питає: «Куди ти ідеш?» — «До змія — сестри одіймать». — «Із'їж у мене самого більшого кабана, так одіймеш!» Він из'їв, подякував да й пішов.

Іде да іде — аж стоїть дом змія, і сестра бере коло колодязя воду: «Здрастуй, сестра!» — каже Покотигорошко. Вона йому: «Який ти мені брат?» Він каже: «Побачиш, який я тобі брат!» От виходить змій: «А, здрастуй!» — каже. «Здрастуй!» Змій його питає: «Чого ты прийшов?» — «За сестрою да за браттями». — «Із'їж дванадцять волів, дванадцять баранів і дванадцять кабанів». Він узяв, всі поїв. Змій каже: «Молодец! Ну, тепер чи будем биться, чи мириться?» — «Будем биться! Я з тобою не хочу мириться». — «Дми [4] ток», — каже змій. «Дми ти, — каже Покотигорошко, — бо ти в своїм добрі хазяїн, а не я». От змій як дунув — ток у його став чавунний; а Покотигорошко як дунув — ток у його став мідний. От Покотигорошко як дав змію булавою, так змій став по коліна в землі; ударив другий раз — і убив змія. Тоді узяв змія, посік-порубав, на попіл перевіяв; братів з-під каменя ізвернув, забрав їх і сестру да й пішов додому. Батько і мати були раді!

134

еўкаторам царстве і неўкаторам гасударстве, на моры-акіяні, 74b
на остраве на Буяні, стаіць дуб зелёны, а пад дубам бык печоны, і ў яго баку нож точоны: сейчас ножык добываецца — ізволь кушаць! І то яшчэ ні казка, толькі прыказка; а хто маю казку будзе слухаць, так таму собаль, і куніца, і прыкрасная дзевіца, сто рублёў на свадзьбу, а пяцьдзесят на прагулянье.

Быў сабе мужык і быў ў яго салам'яны язык ‹?›, і меў ён два сына і адну дочь, хоця яка стану [1] простага, але неопісанной красоты. Айцец і маць былі дастаточны; паработáлі яны свае хлебопашество сваім парадком во времені, і іх айцец гаворыць сынам: «Дзеці! Не нада спадзевацца [2] на гэта, што есць, ні спадзевацца на гэта, што зроблена, а нада шчэ прызапасіцца: пущай будзе!»

Адпраўляюцца яны ў чужое панство на хлебопашество і бяруць хлеба на тры дні. «Кагда вы тот хлеб з'ядзіце, вам сястра прынясець больш». А ім было ідці так, як бы цераз Горадзілоўскі лес. Сястра і гаворыць ім, што я не буду знаць, куда несці вам есці. Старшы брат гаворыць: «Мы будзем для цябе дарогу адзначаць, будзем салому трусіць [3], — па гэтай

[4] Дуй (*Ред.*).
[1] *Стан* — порода, состояние.
[2] Надеяться.
[3] Рассыпать, сорить.

дарозе просто к нам прыдзеш». І яны пашлі і дарогу адзначылі; а ў том лесе быў глаўны змей і тые разгаворы слыхаў и перееслаў дарогу ў свой дварец.

Як вышло тры дні, адпраўляецца яна к ным з абедом; пашла яна і прыходзіць просто ў змеіны дварец, пацерала[4] пуць-дарогу і гаворыць: «Куды я зайшла?» Выходзіць к ёй сямігаловай змей і гаворыць: «Пайдзі, пайдзі сюда, умница! Я цябе даўно дажыдаў, я до цябе даўно дабіраўся; ну як ты харошага айца і мацяры, яны цябе трымалі[5] пад бальшым надзором, і я не мог до цябе дабіцца. Я бы не сматреў, што ты простага роду, я бы табою не брезгаваў, даўно была бы мая... а уж цяпер іменно мая! Забывай айца і мацъ, бо ты уже іх відзець не будзеш; а ў мяне будзеш ты ўсем давольна».

Брацця яё пахали тры дні, і не стало ім піщы; яны бросілі пахаць і прыходзяць дамой і з вяликаю гразою к айцу і мацяры: «Адчаго вы не прыслалі піщы?» Айцец гаворыць, што вам сястра панесла такого-то дні. Яны гаворацъ к айцу: «Кагда ёй ужо няма, то і не будзе!» — «Я пайду, — сказаў адзін, — сваю сястру шукаць[6]; хоць жызнь сваю палажу, а пайду шукаць». Айцец гаворыць: «Не йдзі, сынок, бо сваю жызнь кончыш, а ёй ужо не увідзіш». А ён гаворыць: «Пайду!» І прыходзіць ён к гэтаму самаму змею і відзіць яну на дварэ. Яна яму гаворыць: «Зачім ты сюда прышоў? Ты сваю галаву паложыш. Я цяпер няшчасная, я цяпер не твая сястра, а ты не мой брат! Папалася я ў катаржны рукі». Брат гаворыць: «Пущай же я здзесь пагібну, абы[7] я на цябе насматреўся». Яна яму гаворыць: «Пастой ты здзесь; а я пайду спрашу, што ён скажэ, што ты прышоў ў госці».

Прыходзіць яна к змею ў спальню: «Што бы ты, душенька, дзелаў, каб мой старшы брат ў госці прышоў?» Ён гаворыць: «За госця прыняў бы». Яна вышла і уводзіць яго ў горніцу; он устаёць із койкі сваей і зачаў годоваць[8] яго, як добрый чалавек. «Ступай, жонка, прынясі жалезного бобу і жалезного хлеба... Ну, кушай, швагер!»[9] Узяў яму ўрезаў хлеба; ён узяў хлеба і зёрнушко бобу, падзяржаў і палажыў. Змей гаворыць: «Верно ты, швагер, сыт, бо ты гардзыш[10] маім хлебом і сольюо. Пайдзем же цяпер пасмотрым: ці ты багачэ, ці я?»

І павёў яго па ўсем харомам, і есць у яго ўсякого добра відімо і невідімо! Павёў яго ў конюшню к лошадзям, і стоіць у яго дванаццаць жарабцоў, і ўсякой жарабец на дванаццаць цяпоў прыкован. «Ну что, швагер, ты багачэ ілі я?» Ён яму атвечаець:«У мяне того трэцяй долі няма, што ў швагра». — «Ну, пайдзі же за мною; я цябе пакажу штуку». І прыводзіць яго к калодзі — чатыры сажні талщыны, а дванаццаць дліны. «Ці відзіш ты, швагре, тую калоду?» Ён яму гаворыць: «Віджу». — «Еслі ты яну без тапара парубаеш, а без агню спаліш, так пайдзеш дамой». А ён гаворыць: «Хоць сейчас ты мяне парубі, а я гэтаго не зраблю». — «Кагда ж ты гэтаго не здзелаеш, полно цябе сюда хадзіць дураку-мужыку, салам'яному

[4] Потеряла.
[5] Держали.
[6] Искать.
[7] Только бы.
[8] Кормить, потчевать.
[9] Шурин и зять (нем. Schwager)
[10] Брезгаешь.

языку; а ты за мною пабратаўся! Калі ты мне брат, то і свыня сястра! Ты не толькі за мною рэчі гаворыць, не доўжен на мяне глазом пасматрець; бо ты не достоін сюда хадзіць і мой дом пакасціць!» І ўбіў яго і глазы выняў, ўложыў ў чарапок, а яго ўзяў за воласы і павесіў на бельцы [11].

Цяпер і другой брат тоже пашоў шукаць сваей сястры і нашоў яну на дварэ ў змея. Яна яму гаворыць: «Ах, брат! Уб'ець ён і цябе так, як першаго». — «Пущай уб'ець, абы я з табою відзеўся!» — «Пастой же тут; я пайду запытаюся. што ён скажэ?» І прыходзіць яна к змею ў спальню. Ён устаець із сваей койкі: «Што скажэшь, жонка? Віжу я твой усердный від і пакорнае ліцо». — «Ах, мілый мой муж! Што бы ты рабіў, каб втарой мой брат ў госці прышоў?» — «Што б я рабіў? За госця прыняў бы». Яна гаворыць: «Можэ прынялі б яго так, як першага?» — «Я першаго ўбіў, бо ён за мною грубіў, не ўмеў за мною честно абхадзіцца. Пущай прыходзіць, гэтаго я прыму».

Яна выходзіць на двор і гаворыць брату: «Пакорно абхадзісь!» — «Давай, жонка, — гаворыць змей, — жалезного бобу і жалезного хлеба». Яна прыносіць поўхлеба і чашку бобу. «Бо старшы твой брат недаволен быў, то можэ мало было; возьмі гэта, а прынесі больш». А госць і ў рукі не ўзяў, гаворыць: «Пакорнейше благадару, швагер, бо я есць не хачу». — «Пайдзем же мы, швагре, пасмотрым на маё багацтва: ці ты багачэ, ці я?» І павёў яго по ўсем сваім харомам, і відзіць ён, што змей багат, багат незлічымо! [12]. Прыводзіць яго змей ў сваю багатырскую канюшню: стаіць дванаццаць жаробцоў, і каждая лошадзь на дванаццаць цяпоў прыкована. Ён гаворыць змею, што у мяне трэцяй долі таго няма. «Ну, пайдзі ж, я табе пакажу штуку!» І паказаў яму калоду чатыры сажені талщыны, а дванаццаць дліны, і гаворыць: «Відзішь ты тую калоду? Еслі ты без тапара яну парубаеш, без агня спаліш, то пайдзеш дадому, а не то — будзеш вісець з братом». Швагер яму сказаў: «Хоць сейчас убій, а не зраблю гэтага!» Тада змей яго убіў, вмесця воласы звязаў і цераз бельку перакінуў.

Прыходзіць ён у сваі палаты і відзіць жонку ў бальшой таске і ў жалобе. «Ах, мужу ты мой, мужу, што ты мне зрабіў? Братоў ўбіў; я не маю больше ні роду, ні племені, толькі айца і маць. Предай і мяне злой смерці, пущай не буду жыць!» — «Нет, мілая! Я табе таго не здзелаю; а калі б дастаў айця і маць, то і іх ўбіў бы: то б ты ні об ком не думала і весе́льшая была б! Пущай же яны живуць і клоцця жуюць, а мы хлеб, бо ў іх нет».

Пашла матка по́ ваду; ўзяўшы ве́дра і набраўшы вады, ідзець дадому і вельмі плачэ, і думаець яна сабе усерднымі думкамі: «Ах, боже мой! Чаго я цяпер даждалася на старасці». Ўзяў гасподь яё усердное ўздыханіе, і ўдруг відзіць яна: каціцца гароховае зёрнушко. Яна думаець сабе: «Гэта дар божый!» Узяла яго і з'ела. З гэтаго зёрнушка ўдруг завязаўся ў яё рабёнак, і, вынасіўшы свае время, дажідаець, што доўжен ён нарадзіцца на сей свет. Вот палягли спаць, і ў самое паўночнае время на ўтіхоміры [13] гласіць у яё брюхе чалавечаскім голасам: «Не сподзевайсе [14] мяне, мамань-

[11] На балке.
[12] Несчетно (*Ред.*).
[13] Когда настала совершенная тишина.
[14] Не надейся.

ка, ў скорае время, бо я защытнік буду вам і добрым людзям». Панасіла яго шчэ нескολькі врэмені, і раждаецца ён на сей свет і расцёць не па гадам, а па часам, як пшоннае цесто на дрожджах: і пестуюцца и цэлуюцца з ім, як не нада лучше, і даюць яго ў школу: катορые учылісе гадов по тры-чатыры, а ён узнаў ў адзін год, і не стало яму граматы. Прыходзіць ён з учыліща к айцу і мацярі: «Ну, татанька і маманька, благатворыце маіх учытелей, бо уж мне хадзіць в учыліще поўно. Я, благадара бога, знаю больше іх. І прошу вас з усем усердіем сказаць мне праўду: какой я у вас есць? Чы я раждзён первый, чы паследній?» Яны гаворадь: «Ах, сыну наш мілы, ты ў нас паследній», — і сказали яму па істіннай праўдзе, што ў яго было́ два брата і сястра. «А гдзе ж яны дзеліся? Калі памерлі, то я не супратіўнік богу, а калі што зрабілосе от худых людзей, то я магу ўзыскаць». Яны яму гаворадь: «Ах, сыну наш мілы! Як же ты уйдзеш і нас пры старасці, древніх людзей, бросіш? Хто нас да смерці даховаець?» [15] Ён ім гаворыць: «Чый вы прежде ели хлеб, той вас будзе хараніць! Бо мяне вы не ўдзержыце, мяне людзі даўно ждуць. Ну, маманька і татанька, лажымся спаць: утро мудрэней вечара; дасць бог дзень, дасць бог і пішу».

Поўтру ён устаў, ўмыўся і богу памаліўся і на ўсе чатыры стораны пакланіўся. «Пазвольце, — баіць, — мне перад паходам пагуляць». Ну, пашоў сабе на ўлицу гуляць, і находзіць ён шпільку, і прыносіць к айцу і мацяры. Гаворыць ён айцу: «На́ цябе гэта жалезо, несі до каваля [16] і здзелай мне булаву сяміпудаву». Айцец яму славесно не гаворыць, а толькі ў думке думаець: «Даў мне господь дзеціще не так, як людзям; я ж давеў яго да средственнаго разуму, а ён цяпер із мяне кпіць!» [17] Можэць лі то быці, штобы з шпількі была булава сяміпудава». Айцец, імеўшы бальшую сумму — залатую, сярэбраную и бумажную манету, паехаў ў горад, купіў жалеза сем пудоў и даў кавалю дзелаць булаву. Здзелалі яму булаву сяміпудаву і прывозяць дадому. Пакацігарошак выходзіць з горніцы, бяроць сваю булаву сяміпудаву, і слышыць нябесны штурм [18], і пущаець яну за аблакі. І прыходзіць ён ў сваю горніцу: «Матка, на ў мяне ў галаве паіщы перад паходам, а то мяне бруд [19] заесць, бо я млад юноша...»

Вод, ўстаўшы із маткіных кален, выходзіць ён на двор і відзіць нябесны тучы. Упаў ён да сырой зямлі правым ухам і, ўстаўшы, клічець свайго айца: «Бацька, падзі сюды, сматры, што шуме і гудзе, мая булава да землі ідзе». Паставіў ён калено проціў сваёй булавы; ударыла яго булава па калені і пераламалася папалам. Ён рассердіўся на свайго айца: «Ну, айцец, адчаго ты мне не здзелаў булавы з гэтаго жалеза, што я табе даў; а калі б ты здзелаў, то яна не сламілась бы, толькі сагнулась бы! На ж табе гэта самае жалезо, ступай дзелай; свайго не прыкладай». Кавалі ўкінулі жалезо ў агонь і зачалі малатамі біць і цянуць і здзелалі булаву сяміпудаву; шчэ асталася.

Бяроць Пакацігарошак сваю булаву сяміпудаву і атпраўляецца ў пуць, ў чыстую дарогу, і прыходзіць ён к гэтаму самаму змею сяміглаваму,

[15] *Dochovać* (ховать) — сохранить, соблюсти, сберечь.
[16] Кузнеца.
[17] Шутит, насмехается.
[18] Шум, буря, гроза (Sturm).
[19] Польск. *brud* — нечистота, гадость; здесь — вши.

гдзе находзяцца яго браты і сястра. Выходзіць яна к яму наўстрэчу: ён з ней здароўкаецца і гаворыць: «Здрастуй, мілая і радная сястра!» Яна атвечаець: «Какой ты мне брат!» І ён падаець ей айца і мацяры рукапісаніе, што ён есць радной яё брат. «Пастой же ты, брацiц, здзесь, а я пайду спрашу, што змей на ответ скажэ». Пыходзіць яна ў яго багатырскаю спальню; змей у ёй спрашываець: «Ах, жонка, ты да мяне не з вясёлым відом ідзеш!» — «Я прышла до цябе, мой мужу, што мой самый меньшый брат прышоў ў госці». — «Аж у цябе не было больше братоў, як толькі два». — «Ён раждзён без мяне».

Зараз змей ўстаёць і бяроць валшэбніцкую кнігу, смотрыць і мовіць да жаны: «Ну, жонка, шчэ будзе ў цябе брат!.. Калі ён безвременно ўродзуўсе, я з ім разгаварываць мало буду, ступай, прызаві яго». Пакацігарошак ўходзіць да яго ў комнату: «Здрастуй, швагер!» — «Але ты шчэ млад, бо ў цябе мацярыно малако на губах не засохло! Калі б цябе маць вынасіла (шчэ) дзевяць дзён, дзевяць часоў і дзевяць мінут, то б ты мой супратіўнік быў; але пагасці...» І становіць яму жалезнае крэсла. Як ён на крэсле сеў, крэсла і трэснуло. «А што, швагер, ў лясу жывёш, а ў цябе крэсла худые; ай лі нет ў цябе плотникаў харошых, штоб крэсла здзелалі пакрепчэ?» Змей думаець сабе: «Верно я папаўся ў добрые клещы!.. Ну, давай, жана, нам напітков і наедков».

Прыносіць яна решато жалезного бобу і жалезного хлеба. «Ізволь кушаць, швагер!» — «Благадару, швагер! — гаворыць Пакацігарошак. — Я без ўсякой прозьбы буду кушаць, так як у свайго, бо з паходу я есці хачу». І стаў есць умесці з ім; тот з'есць хлеба кусок, а гэтот з'есць два. «Даволен лі ты, швагер, у мяне?» — «Даволен, не даволен — калі больше няма!» — «Ну, пайдзём, швагер, пасмотрым на мае багацтво: ці ты багачэ, ці я?» І павёў яго по ўсём сваём добре. «Як табе здаецца: у цябе большэ ілі ў мяне?» — «Я не багат, але і ў цябе няма нічаго!» Ён гаворыць: «Ты, швагре, за мною грубыш!.. Ну пайдзі же, я табе пакажу штуку».

І прыводзіць яго к гэтай самай калодзе, куда і братоў прыводзіў, каторая чатыры сажні талщыны, а дванаццать сажон дліны. «Кагда ты яну без тапара парубаеш, а без агню спаліш, так пайдзёш дамой, а не так — будзеш там, гдзе і браты!» — «Не сердзісь, дай мне дзело кончыць!» — сказаў Пакацігарошак і ўзяў мізінным пальцом таркануў [20] сію калоду, так яна ў мелкіе друзгі [21] паляцела, а як дмухнуў [22] — попел стаў, аж не было! «Ну што? Я сваё дзело споўніў!» — «Пайдзём цяпер паборымся: ці ты сільнее, ці я?» Пакацігарошак гаворыць яму: «Дай руку, я падзержу, — папробуемсе так: хто сільнее!» А змей гаворыць: «Гдзе табе, малакасосу, за руку мяне браць!» Ён кажэ: «Усё едінственно нам пабіцца». — «Ну, — гаворыць змей, — на́ табе руку». І схваціліся яны за рукі і як здавілі дружка дружку, Пакацігарошкава рука толькі пасінела, а змеіная рука за всемі пальцамі асталася у Пакацігарошка. «Адначе я тым не даволен», — гаворыць змей, і як дмухнуў — зрабіў медны ток. А Пакацігарошак як дмухнуў — зрабіў сярэбраны ток.

[20] Толкнул, тронул.
[21] Щепки.
[22] Дунул.

І схваціліся яны бароцца. Як дмухнуў змей — ўбіў Пакацігарошка ў сярэбраны ток, а Пакацігарошак як дмухнуў — ўбіў змея ў медны ток адразу па калена. Змей як дмухнуў другой раз — ўбіў Пакацігарошка па калена, а Пакацігарошак як дмухнуў другой раз — так ўбіў змея па пояс. Змей гаворыць: «Пастой, швагер, аддыхнём!» — «Шчэ ні очень патамілісь, — каже Пакацігарошак, — я з паходу, да і то не ўмарыўся». Змей да яго гаворыць: «Відно, швагер, я ў цябе пагіб!» Пакацігарошак кажэ: «Бо я за тым прышоў». — «Астаў мне сколькі-нябуць жызні, — просіць яго змей, — і бярі сабе залатаю, сярэбраную і бамажную маю казна, сколькі ўгодна».— «Я бы аставіў табе жызні на сколькі-нябуць, але ты мяне для первага случаю абезчесціў, назваў малакасосам: то мне очень цяжало знясці. Нет табе пращенія! Больш з табою і гаворыць не хачу». Змей, ўпаўшы ў вяліку злобу, распусціў сваю кроў па ўсем сваім жылам, даў простор сваім рыцівым[23] плячам і ўдаріў Пакацігарошка і ўбіў яго па пояс. «Ну што, нацешыўся, швагер?» — гаворыць Пакацігарошак. — «Да поўно мне з табою шуткі шуціць! Бо я дурак перад табою, доўго балую; даўно бы нада цябе прыбрацъ». Як ударіў яго Пакацігарошак трэцій раз, ўбіў яго па самаю шыю ў медны ток і бяроць ён сваю булаву сяміпудаву і кончыў яму жызнь да, ўзяўшы змея, замазаў яго завсем ў медны ток.

І пашоў Пакацігарошак у багатырскаю канюшню, гдзе стаялі багатырскіе жарабцы; ўзяўшы перваго жарабца за хвост, ён здернуў із яго тулуном[24] шкуру, выпатрашыў яго і сам у гэтае тулобіще ўлез. Прылятая крук[25] з кручанятами і начали есць, ён адно кручаня і злавіў за нáгу, і гэты воран стаў чалавечаскім голасам гаворыць: «Хто ў том тулобіще есць — акажысь!» — «Я, Пакацігарошак». Крук яму гаворыць: «Што ты ад мяне жалаеш?» — «Што я ад цябе жалаю? Прыстаў мне цялющай і жывущай вады, а калі не даставіш, то сколькі вас есць — усе пагібніце».

Тагда крук, узяўшы пузыркі, паляцеў за трыдзевяць зямель у дзесятае царство, іншае гасударство, і дастаў вады з-под вялікай стражы і прыносіць Пакацігарошку. Палучыўшы сію ваду, Пакацігарошак для вернасці ўзяў яго дзіця за обе нагі і разарваў папалам. «Я цяпер уверaю[26], ці верная то вада?» Ён адною вадою памачыў, стало кручаня цело, а другою памачыў, і кручаня аджыло[27]; стаў благадарыць і пусціў яму дзіця. Цяпер ён прыходзіць к сваім братам і ўзяў памачыў іх цялющаю вадою, і сталі яны целы, а другою памачыў — сталі жывы. І прыводзіць ён іх да сястры. «Ну, сястра і браццы, бярыте залатую, сярэбраную і бумажную казну, сколькі вам угодна, і несіце дадому». І пашлі яны ўсе ўчатвяром.

Вод браты, войшоўшы ў лес, і прывязалі Пакацігарошка к дубу. «Брацці, што вы робіце нада мною?» — «Какой ты нам брат? У нас брата не было і не будзе». Ён, адпусціўшы іх ад сабе на небальшое расстаянье і ўзяўшы сабе велікое злобіе, выкруціў дуб з корнем і павалок за імі. Выходзіць ён із лесу і, ўвідзіўшы свой дом, сваe жыцельство, прыходзіць дамой і крыкнуў на айца і маць: «Ізвольце вам дроў!» — «Ідзі, сынок, ў хату».

[23] Ретивым.

[24] *Тулун* — мешок без разреза из содранной с какого-либо животного кожи.

[25] Черный ворон.

[26] Проверю.

[27] Ожило.

Ён гаворыць: «Я баюсь! Калі ў лесе хацелі мяне зпотребіць[28]; то ў хаці тым лучше. Пращайце, айцец і маці, брацци і сястра! Жывіце сабе з богам!»

Пашоў ён назад; шоў-шоў, і пападаецца яму наўстрэчу Вернігара. «Здрастуй, брат Пакацігарошак! Куды ідзеш, куды пуць-дарогу дзержыш?» А Пакацігарошак спрашывая ў яго: «Хто ты есць такой?» Ён яму атвечая: «Я есць сільнамагущы багатыр Вернігара». — «Ці хочэш быці маім таварыщам?» — гаворыць Пакацігарошак. А ён: «Можна, хачу табе служыць». І пашлі яны ўмесці. Шлі-шлі, а пападаецца ім наўстрэчу сільнамагущы багатыр Вернідуб. «Здрастуйце, брацци!» — «Здаров!»[29] — «Какіе вы людзі есць?» — спрашывая Вернідуб. «Пакацігарошак і Вернігара». — «Куды ж вы ідзеце?» — «Мы ідзем у такой-то горад. Змей людзей выедая; то ідзем яго біць». — «Ці нельзя мне к вам у таварыщы прыстаць?» — «Можна!» — гаворыць Пакацігарошак.

І прыходзяць яны ў горад являюцца цару. «Какіе вы людзі есць?» — «Мы сільнамагущы багатыры». — «Ці ня можна вам сей горад защыціць? Унадзіўся[30] змей і губіць многа народу; трэба яго пабедзіць!» — «На што ж мы называемся сільнамагущы багатыры, штоб яго ня пабедзілі?» Прыходзіць самая поўнач, і пашлі яны пад каліновы мост, на огненну рэку. Вод прыходзіць шэстіглавы змей і астанавіўся над мастом, і сейчас конь заржаў, сокаў[31] защабетаў, а хорт[32] заскімліў[33]. Ён коня ў лоб: «Ты, чортаво стерво, не ржы, а ты, сокаў, не щабечы, а ты, хорт, не скімлі! Бо тут есць Пакацігарошак. Ну,— гаворыць,— выхадзі, Пакацігарошак! Лібо будзем біцца, лібо мірыцца». Гаворыць Пакацігарошак: «Ні за тым добры маладзец ходзіць, штоб мірыцца, толькі за тым, штоб біцца». І началі яны стражацсь[34]: Пакацігарошак з таварыщами сваімі збілі утраіх[35] змéю па галаве. Змей, відзеўшы, што, верно, трэба яму пагінуць, гаворыць: «Ну, брацци, толькі Пакацігарошак мне мешаець, я бы з вамі двумя ўправіўсе!» Вод яны шчэ сталі стражацсь і пабедзілі[36] паследніе голавы, каня змеінага ўзялі ў стайню[37], сокалá ў клетку, а хорта ў псарню; а Пакацігарошак узяў, павырезываў языкі за всех шэсці галов і палажыў сабе ў карман, а тулобіще скацілі ў огненную рэку.

Прыходзяць яны к цару, і Пакацігарошак прыносіць яму языкі для імянной праўды. Цар іх благадарыць: «Віджу, што вы есць сільнамагущы багатыры і защытнікі горада і ўсего народа! Што вам угодна піць і есць, бярыця ўсякіе напіткі і наедкі безденежно і безпошлінно». І з радосці ударіў ён *публикацию* па ўсему гораду, штоб былі аткрытые ўсе трахтіры, кабакі і малые карчмы для сільнамагущых багатыроў. Вод яны хадзілі паўсюду, пілі, гулялі, прахлаждаліся і разнымі славамі забаўляліся.

Прыходзіць ноч, і ў самую поўнач ідуць яны пад каліновы мост, на огненную рэку, і ўдруг падходзіць сяміглавы змей. Сейчас конь заржаў, сокаў защабетаў, хорт заскімліў. Змей сейчас каня ў лоб: «Ты, чортаво стерво,

[28] Истребить.
[29] Здорово!
[30] Повадился.
[31] Сокол.
[32] Борзая собака.
[33] Завыл.
[34] Сражаться.
[35] Втроем.
[36] Посбивали.
[37] В конюшню.

не ржы, ты, сокаў, не щабечы, а ты, хорт, не скімлі! Бо тут есць Пакацігарошак. Ну, — гаворыць ён, — вылазь, Пакацігарошак! Лібо будзем біцца, лібо мірицца». — «Ні за тым добры маладзец ходзіць, штобы міріцца, толькі за тым, штобы біцца!» І началі яны стражацсь, збілі багатыры змею шэсць галоў; сядмая зосталася. Змей гаворыць: «Дай-ка аддыхнем!» А Пакацігарошак гаворыць: «Не дажыдай, каб я табе аддыхаць даў!» Сталі яны апяць стражацсь, збіў ен і паследняю галаву, павырезываў языкі і палажыў ў карман, а тулобіще бросіў ў огненную рэку. Прыходзіць к цару і прыносіць языкі для імяннои праўды.

У трэці раз тож паўночно ідуць яны к каліноваму масту і к огненной рэке; ўдруг падходзіць к ім дзевяцігдавы змей. Сейчас конь заржаў, сокаў защабетаў, а хорт заскімліў. Змей каня ў лоб: «Ты, чортаво стерво, не ржы, ты, сокаў, не щабечы, а ты, хорт, не скімлі! Бо тут есць Пакацігарошак. А ну, вылазь. Пакацігарошак! Лібо будзем біцца, лібо міріцца». Пакацігарошак гаворыць: «Ні за тым добры маладзец ходзіць, штобы міріцца, толькі за тым, штобы біцца!» І сталі яны стражацсь, і збілі багатыры восім галоў, дзевятая зосталася.

Пакацігарошак гаворыць: «Дай-ка аддыхнем, нечыстая сіла!» Яна гаворыць: «Аддыхай — не аддыхай, а са мною не свладзееш; ты і братоў маіх пабедзіў абманом, не сілаю». Пакацігарошак ні столькі ваюець, как думаець, як бы змея абмануць; адначэ і здумал, і гаворыць: «Да шчэ вашага брата многа есці іззаді — ўсех прыбяру!» Удруг яна аглянулася, а ён і дзевятаю галаву зняў, павырезываў языкі, палажыў сабе ў карман, а тулобіще ў огненную рэку бросіў. Прыходзяць яны к цару. Цар гаворыць: «Благодару вас, сільнамагущы багатыры! Жывице сабе з богом і з радосцю і смеласцю і бярыця, скольки вам нужна, золота, сярэбра і бумажнай манеты».

После сёго ўсе тры змеіные жаны сашліся ў адно место і ўкладываюць между сабою савет [38]. «Адкудава яны ўзялісь, што нашых мужоў пабілі? Ну, жэнщыны мы не будзем, еслі не звядём іх з свету!» То меньшая гаворыць: «Ну, сястрыцы! Пайдзем мы па бальшой дарозе, куда яны будуць ідці. Я зраблюся прыкраснаю койкаю, і яны, ўтаміўшыся, як сядуць на койке, то ўсем трём будзе смерць!» А другая гаворыць к ёй: «Кады ты ім нічаго не зробіш, то я зраблюся яблынькаю над бальшою дарогаю, і як стануць яны ка мне падходзіць — во́зьме іх прыятны запах, а як папробуюць тых яблак, то ўсем будзе смерць!»

Вот пад'язджаюць багатыры к прыкраснай койке; Пакацігарошак махнуў по ней наўхрест саблею — дак і палілася кроў! Пад'язджаюць яны к яблыньке. «Брат Пакацігарошак, дай-ка з'едім па яблычку»,— гаворацъ багатыры, а ён кажэ: «Кады можна, брацци, так з'едім, а кады неможна, так дальш паедзім». Выймая ён саблю і махнуў яблыньку наўхрест, і палілася ўдруг кроў. Паспешаець за імі трэцяя змея і пусціла сваю пасць ад землі да неба. Відзіць Пакацігарошак, што ім каратко прыходзіцца; как спасцісь? Аглядаецца ён і увидаў, што яна на яго напіраець, і бросіў ёй тры кані ў рот. Паляцела змея да сіня мора ваду піці, а яны ўшлі дальш.

[38] Уговариваются.

Наганяець яна абратно; відзіць ён, што яна блізко, і бросіў ёй ў рот тры сокалы. Апяць змея до сіняго мора паляцела ваду піць, а яны ўшлі дальш. Аглядываецца Пакацігарошак, змея апяць яго наганяець, і відзіць ён сваю неўстойку, ўзяў да бросіў ёй тры хорты ў рот.

Апяць яна да сіняго мора паляцела ваду піць; пакудава напілась, яны шчэ дальше ўшлі. Аглядываецца ён і візіць, што апяць яна даганяець; Пакацігарошак, узяўшы абоіх таварыщей, і ўбросіў ў рот. Змея паляцела да сіняго мора ваду піць, а ён дальш. Даганяець яна апяць; ён аглядывaецца, відзіць, што недалеко, і говорыць: «Госпаді, сахрані мяне і спасі маю душу!» І відзіць ён уперед сабе жалезны завод, і ўпадаець[39] у гэту кузніцу. Кузнецы гаворaць да яго: «Што, чужостранны чалавек, так абрабеў?» — «Пачтеннейшые гаспада! Сахраніце мяне ад нечыстай сілы і спасіце маю душу». Яны, ўзяўше, кузню заперлі наглухо. «Аддайце маё!» — гаворыць змея. Вот кузнецы гаворaць ёй: «Праліжы жалезны дзверы, а мы яго табе на язык паложым».

Яна пралізала дзверы і язык ў средзіну ўсадзіла. Кузнецы ўзялі ўтраіх гарачымі клещамі за язык і гаворaць: «Ступай, чужостранны чалавек! Што хочеш, з нею рабі». Ён выходзіць на двор і давай змею біць, і пабіў на ёй шкуру да касцей, а косці да мазгоў, і ўзяў яну з усем тулобіщом закапаў на сем сажон глубіны. Вод ён і цяпер жывець, да клочче жуёць, а мы хлеб, бо ў яго нет! І я там быў, мед-віно піў; па барадзе цякло, а ў губе ня было.

135. ИВАН ПОПЯЛОВ

Жил сабе дед да баба, и было у них три сынà: два разумных, 75
а третий дурень — по имяни Иван, по прозванию По́пялов. Ён двенадцать лет ляжав у по́пяле[1], вопасля́ таго встав из по́пялу и як стряхнувся, дак из яго злятело шесть пудов по́пялу. В том царстве, где жив Иван, не было дня, а всё ночь; ета зрабив змей. Во Иван и абазва́вся, штоб истра́бить етаго змея, да и ка́жа свайму батьку: «Тату! Зраби мини куцабу́[2] в пять пудов». Узявши тую куцабу́, ён пашо́в на по́ля и кинув яе́ угару́[3] и пашо́в дамо́в. На дру́гий день пришо́в Иван на по́ля, на то́я ме́ста, где падкинув куцабу́, наста́вив лоб — як лятить тая куцаба́, як уда́ря яго в лоб, да и разбилась надво́я.

Иван пришо́в дамов да и ка́жа свайму батьку: «Тату! Зраби мини другую куцабу́ в десять пудов». Узявши тую куцабу́, Иван пашо́в на по́ля да и кинув яе́ угару́: лятела тая куцаба́ три дни и три ночи. На четвертый день

[39] Вбегает, вваливается.
[1] В золе (т. е. на печке).
[2] Дубину.
[3] Вверх.

пашóв Иван на тóя мéста — як лятить тая куцабá; ён настáвив калено, и тая куцабá разбилась на три части. Пóпялов, пришóвши дамóв, загадáв [4] батьку зрабить третью куцабý у пятнадцать пудов. Узяв тую куцабý, пришов на пóля и падкинув яé угарý: лятела тая куцабá шесть дней. На сёмый день Иван пашóв на тóя мéста; лятить тая куцабá, як удáрицца аб лоб Иванав, дак аж лоб падався. Во ён кáжа: «Ета куцабá издержа змея!»

Во, сабравшись, Иван паехав с братáми пабивать таго змея. Едя ён да едя, аж стаить хатка на куриной ножке, а в той хатце живé змей. Яны тáматка [5] астанавились. Иван павесив сваи рукавицы да кáжа братáм: «Як из маих рукавиц патячé кровь, дак прибегáйте ка мне на пóмачь». Сказавши ета, Иван пашóв у хату и сев пад мастóм [6] — аж едя змей на трёх галавáх: конь, спаткнýвся, сабака завыла, сокол затвелéв [7]. Змей гавóря: «Чаго ты, конь, спаткнýвся, сабака завыла, сокол затвелéв?» — «Якжа мини не спатыкацца,— кáжа конь,— кали пад мастóм сядить Иван Пóпялов». Вó змей и кáжа: «Выхади-ка судá, Иванушка! Памеряем с табою силы». Ён выхóдя, и стали яны бицца. Иван пабив таго змея да и сев изнóва пад мост.

Едя другий змей на шести галавах; ён и таго змея пабив — аж éдя третий на двенадцати галавах. Ён и с тым став бицца и збив яму девять галов: не стало у змея силы. Глядять яны — аж лятить вóран и кричить: «Кровь! Кровь!» Змей и кáжа таму вóрану: «Ляти да маей жóнки; яна заесть Ивана Пóпялова». А ён кáжа: «Ляти к маим братáм; як яны приедуть, мы етаго змея убьем и тябе мяса аставим». Вóран паслýхав Ивана, палятев к яго братáм да и став кáркать над их галавами. Браты праснулись и, пачувши вóранав крик, пабегли на пóмачь к брату; убили таго змея, взяли змéеву галавý, и, пришóвши к яго хате, яны разламили галавý — и став белый свет па всяму царству.

Пабивши змея, Иван Пóпялов с братáми паéхав дамóв и забыв взять рукавицы; вялéв братáм падаждать яго, а сам вярнувся за рукавицами. Як падъехав к хáте и хатев взять рукавицы, глядить — аж там змеиха и змеéвы дочки размавлáють [8] прамéж сабою. Ён зрабився катóм да и став курня́вкать [9] пад дверями. Яны пустили яго у хату. Ён, выслухавши всё, што яны гаварили, ухватив рукавицы и пабег. Прибегши к братáм, сев на каня; во яны и паехали. Едуть яны да едуть; во пред ими зелёный луг, а на том лугу падушки шавкóвые. Во братья и кажуть: «Папасём тýточка [10] каней и сами аддышем» [11]. Иван кáжа: «Пастóйтя, братцы!» — да, узявши куцабý, ударив па падушкам; из тых падушак патякла кровь.

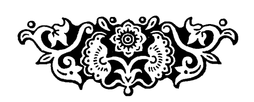
Во яны паехали дальше. Едуть, едуть — аж стаить ябланька, и на той ябланьке залатые и сребряные яблачки. Во братья и кажуть: «Давайтя зъедим па яблачку». Иван гавóря: «Пастойтя, братцы! Я папробую»,— и, узявши куцабý, ударив па той яблане; из яé патякла кровь. Яны и паехали дальше. Едуть яны да едуть, во пред ими крыница [12]. Братья и кажуть: «Напьёмся вады». А Иван Пóпялов и гавóря: «Стойте, братцы!» Узявши

[4] Заставил.
[5] Там.
[6] *Мост* (мостить) — пол.
[7] Захирел (*Ред.*).
[8] Разговаривают.
[9] Мяукать.
[10] Тут
[11] Отдохнем.
[12] Ключ, родник.

куцабу́, ён ударив па крынице, и из той вады зрабилася кровь. Луг, шавко́вые падушки, ябланя и крыница — ета всё были дочкі́ зме́евы.

Пабивши зме́евых до́чак, Иван По́пялов паехав с брата́ми дамо́в — аж лятить за ими змеиха, раззявила рот ад неба да земли и хатела Ивана праглинуть [13], Иван и браты́ яго кинули ей три пуды соли. Яна праглину́ла тую соль, падумавши, што то Иван По́пялов, а дале як рассмакавала [14] тую соль и убачила [15], што ета не Иван, пабегла знова вслед.

Во ён бача, што беда, як припустив каня да и схава́вся [16] у кузню к Кузьме и Де́мьяну за двенадцать дверей. Змеиха прилятела да и ка́жа Кузьме и Демьяну: «Адда́йтя мини Ивана По́пялова!» А яны кажуть: «Прализжи языком двенадцать дверей да и бери!» Змеиха зачала лизать двери; а яны разагрели железные щипцы, и як только яна прасу́нула язык у кузню — яны ухватили яе́ за язык и начали бить малата́ми. Убивши змеиху, спалили и по́пял па ветру рассыпали, а сами паехали дамо́в; стали жить да паживать, гулять да пиравать, мед да вино папивать. И я там быв, вино пив, и в роте не было́, а па бараде только тякло.



136. БУРЯ-БОГАТЫРЬ ИВАН КОРОВИЙ СЫН

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король 76
со своей королевою; не имели они детей, а жили вместе годов до десяти, так что король послал по всем царям, по всем городам, по всем народам — по чернети [1]: кто бы мог полечить, чтоб королева забеременела? Съехались князья и бояры, богатые купцы и крестьяне; король накормил их досыта, напоил всех допьяна и начал выспрашивать. Никто не знает, не ведает, никто не берется сказать, от чего б королева могла плод понести; только взялся крестьянский сын. Король вынимает и дает ему полну́ горсть червонцев и назначает сроку три дня.

Ну, крестьянский сын взяться взялся, а что сказать — того ему и во сне не снилося; вышел он из города и задумался крепко. Попадается ему навстречу старушка: «Скажи мне, крестьянский сын, о чем ты задумался?» Он ей отвечает: «Молчи, старая хрычовка, не досаждай мне!» Вот она вперед забежала и говорит: «Скажи мне думу свою крепкую; я человек старый, все знаю». Он подумал: «За что я ее избранил? Может быть, что и знает.— Вот, бабушка, взялся я королю сказать, от чего бы

[13] Проглотить; *глита́ть* — глотать с жадностью.

[14] Распробовала.

[15] Увидела.

[16] Спрятался.

[1] *Чернеть* — простой народ, чернь.

королева плод понесла; да сам не знаю».— «То-то! А я знаю; поди к королю и скажи, чтоб связали три невода шелковые; которое море под окошком — в нем есть щука златокрылая, против самого дворца завсегда гуляет. Когда поймает ее король да изготовит, а королева покушает, тогда и понесет детище».

Крестьянский сын сам поехал ловить на море; закинул три невода шелковые — щука вскочила и порвала все три невода. В другой раз кинул — тож порвала. Крестьянский сын снял с себя пояс и с шеи шелковый платочек, завязал эти невода, закинул в третий раз — и поймал щуку златокрылую; несказанно обрадовался, взял и понес к королю. Король приказал эту щуку вымыть, вычистить, изжарить и подать королеве. Повара́ щуку чистили да мыли, помои за окошко лили: пришла корова, ополощины [2] выпила. Как скоро повара щуку изжарили, прибежала девка-чернавка, положила ее на блюдо, понесла к королеве, да дорогой оторвала крылышко и попробовала. Все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и королева.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Чрез несколько времени приходит со скотного двора скотница, докладывает королю, что корова родила человека. Король весьма удивился; не успел он принять эти речи, как бегу́т сказать ему, что девка-чернавка родила мальчика точь-в-точь как коровий сын; а вслед за тем приходят докладывать, что и королева родила сына точь-в-точь как коровий — голос в голос и волос в волос. Чудные уродились мальчики! Кто растет по годам, а они растут по часам; кто в год — они в час таковы, кто в три года — они в три часа. Стали они на возрасте, заслышали в себе силу могучую, богатырскую, приходят к отцу-королю и просятся в город погулять, людей посмотреть и себя показать. Он им позволил, наказал гулять тихо и смирно и дал денег столько, сколько взять смогли.

Пошли добрые мо́лодцы: один назывался Иван-царевич, другой Иван девкин сын, третий Буря-богатырь Иван коровий сын; ходили-ходили, ничего не купили. Вот Иван-царевич завидел стеклянные шарики и говорит братьям: «Давайте, братцы, купим по шарику да станем вверх бросать; кто бросит выше, тот у нас будет старший». Братья согласились; кинули жеребий — кому бросать вперед? Вышло Иван-царевичу. Он кинул высоко, а Иван девкин сын еще выше, а Буря-богатырь коровий сын так закинул, что из виду пропал, и говорит: «Ну, теперь я над вами ста́рший!» Иван-царевич рассердился: «Как так! Коровий сын, а хочет быть старшим!» На то Буря-богатырь ему отвечал: «Видно, так богу угодно, чтоб вы меня слушались».

Пошли они путем-дорогою, приходят к Черному морю, в море клохчет гад. Иван-царевич говорит: «Давайте, братцы, кто этот гад уймет, тот из нас будет большой!» Братья согласились. Буря-богатырь говорит: «Унимай ты, Иван-царевич! Уймешь — будешь над нами ста́рший». Он начал кричать, унимать, гад пуще разозлился Потом начал унимать Иван девкин сын — тоже ничего не сделал. А Буря-богатырь закричал

[2] Помои.

да свою тросточку в воду бросил — гаду как не бывало! И опять говорит: «Я над вами старший!» Иван-царевич рассердился: «Не хотим быть меньшими братьями!» — «Ну так оставайтесь сами по себе!» — сказал Буря-богатырь и воротился в свое отечество; а те два брата пошли — куда глаза глядят.

Король узнал, что Буря-богатырь один пришел, и приказал посадить его в крепость; не дают ему ни пить, ни есть трое суток. Богатырь застучал кулаком в каменную стену и закричал богатырским голосом: «Доложите-ка своему королю, а моему названому отцу, за что про что он меня не кормит? Мне ваши стены — не стены, и решетки — не решетки, захочу — все кулаком расшибу!» Тотчас докладывают все это королю; король приходит к нему сам и говорит: «Что ты, Буря-богатырь, похваляешься?» — «Названый мой батюшка! За что про что ты меня не кормишь, трое суток голодною смертью моришь? Я не знаю за собой никакой вины».— «А куда ты девал моих сыновей, а своих братьев?» Буря-богатырь коровий сын рассказал ему, как и что было: «Братья живы-здоровы, ничем невредимы, а пошли — куда глаза глядят». Король спрашивает: «Отчего же ты с ними не пошел?» — «Оттого, что Ивану-царевичу хочется быть старшим, а по жеребью мне достается».— «Ну хорошо! Я пошлю воротить их». Буря-богатырь говорит: «Никто, окромя меня, не догонит их; они пошли в такие места — в змеиные края, где выезжают из Черного моря три змея шести-, девяти- и двенадцатиглавые». Король начал его просить; Буря-богатырь коровий сын собрался во путь во дороженьку, взял палицу боевую и меч-кладенец и пошел.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; шел-шел и догнал братьев близ Черного моря у калинового моста; у того моста столб стоит, на столбе написано, что тут выезжают три змея. «Здравствуйте, братцы» Они ему обрадовались и отвечают: «Здравствуй, Буря-богатырь, наш старший брат!» — «Что, видно, не вкусно вам — что на столбе написано?» Осмотрелся кругом — около моста избушка на курьих ножках, на петуховой головке, к лесу передом, а к ним задом. Буря-богатырь и закричал: «Избушка, избушка! Устойся да улягся к лесу задом, а к нам передом». Избушка перевернулась; взошли в нее, а там стол накрыт, на столе всего много — и кушаньев и напитков разных; в углу стоит кровать тесовая, на ней лежит перина пуховая. Буря-богатырь говорит: «Вот, братцы, если б не я, вам бы ничего этого не было».

Сели, пообедали, потом легли отдохнуть. Вставши, Буря-богатырь сказывает: «Ну, братцы, сегодняшнюю ночь будет выезжать змей шестиглавый; давайте кидать жеребий, кому караулить? Кинули — досталось Ивану девкину сыну; Буря-богатырь ему и говорит: «Смотри же, выскочит из моря кувшинчик и станет перед тобою плясать, ты на него не гляди, а возьми наплюй на него, да и разбей». Девкин сын как пришел, так и уснул. А Буря-богатырь, зная, что его братья — люди ненадежные, сам пошел; ходит пó мосту да тросточкой постукивает. Вдруг выскочил перед ним кувшинчик, так и пляшет; Буря-богатырь наплевал-нахаркал на него и разбил на мелкие части. Тут утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лезет чудо-юда,

мосальская гу́ба: змей шестиглавый; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой».

Конь бежит, только земля дрожит, из-под ног ископыть по сенной копне летит, из ушей и ноздрей дым валит. Чудо-юда сел на него и поехал на калиновый мост; конь под ним спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься: друга слышишь али недруга?» Отвечает добрый конь: «Есть нам недруг — Буря-богатырь коровий сын».— «Врешь, воронье мясо! Его костей сюда ворона в пузыре не занашивала, не только ему самому быть!» — «Ах ты, чудо-юда! — отозвался Буря-богатырь коровий сын,— ворона костей моих не занашивала, я сам здесь погуливаю». Змей его спрашивает: «Зачем ты приехал? Сватать моих сестер али дочерей?» — «Нет, брат, в поле съезжаться — родней не считаться; давай воевать».

Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — три головы ему снес, в другой раз остальные снес. Взял туловище рассек да и в море бросил, го́ловы под калиновый мост спрятал, а коня привязал к ногам девкину сыну, меч-кладенец положил ему в головы; сам пошел в избушку и лег спать, как ни в чем не бывал. Иван девкин сын проснулся, увидел коня и очень обрадовался, сел на него, поехал к избушке и кричит: «Вот Буря-богатырь не велел мне смотреть на кувшинчик, а я посмотрел, так господь и коня мне дал!» Тот отвечает: «Тебе дал, а нам еще посулил!»

На другую ночь доставалось Ивану-царевичу караулить; Буря-богатырь и ему то же сказал об кувшинчике. Царевич стал по мосту похаживать, тросточкой постукивать — выскочил кувшинчик и начал перед ним плясать; он на него засмотрелся и заснул крепким сном. А Буря-богатырь, не надеясь на брата, сам пошел; по́ мосту похаживает, тросточкой постукивает — выскочил кувшинчик, так и пляшет. Буря-богатырь наплевал-нахаркал на него и разбил вдребезги. Вдруг утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лезет чудо-юда, мосальская гу́ба; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой».

Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, изо рта огненное пламя пышет; стал перед ним как вкопанный. Сел на него чудо-юда змей девятиглавый, поехал на калиновый мост; на́ мост въезжает, под ним конь спотыкается. Бьет его чудо-юда по крутым бедрам: «Что, воронье мясо, спотыкаешься — слышишь друга али недруга?» — «Есть нам недруг — Буря-богатырь коровий сын».— «Врешь ты! Его костей ворона в пузыре не занашивала, не только ему самому быть!» — «Ах ты, чудо-юда, мосальская гу́ба! — отозвался Буря-богатырь,— сам я здесь другой год разгуливаю».— «Что же, Буря-богатырь, на сестрах моих али на дочерях сватаешься?» — «В поле съезжаться — родней не считаться; давай воевать!»

Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — три головы, как кочки, снес; в другой размахнулся — еще три головы снес; а в тре-

тий и остальные срубил. Взял туловище, рассек да в Черное море бросил, головы под калиновый мост запрятал, коня привязал к ногам Ивана-царевича, а меч-кладенец положил ему в головы; сам пошел в избушку и лег спать, как ни в чем не бывал. Утром Иван-царевич проснулся, увидел коня еще лучше первого, обрадовался, едет и кричит: «Эй, Буря-богатырь, не велел ты мне смотреть на кувшинчик, а мне бог коня дал лучше первого». Тот отвечает: «Вам бог дал, а мне только посулил!»

Подходит третья ночь, сбирается Буря-богатырь на караул; поставил стол и свечку, воткнул в стену ножик, повесил на него полотенце, дал братьям колоду карт и говорит: «Играйте, ребята, в карты, да меня не забывайте; как станет свеча догорать, а с этого полотенца будет в тарелке кровь прибывать, то бегите скорей нá мост, ко мне на подмогу». Буря-богатырь пó мосту похаживает, тросточкой постукивает — выскочил кувшинчик, так и пляшет; он на него наплевал-нахаркал и разбил на мелкие части. Вдруг утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лезет чудо-юда, мосальская гýба: змей двенадцатиглавый; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой».

Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, изо рта огненное пламя пышет; прибежал и стал перед ним как вкопанный. Чудо-юда сел на него и поехал; въезжает нá мост, конь под ним спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься? Или почуял недруга?» — «Есть нам недруг — Буря-богатырь коровий сын».— «Молчи, его костей сюда ворона в пузыре не занашивала!» — «Врешь ты, чудо-юда, мосальская гýба! Я сам здесь третий год погуливаю».— «Что же, Буря-богатырь, на моих сестрах али дочерях хочешь жениться?» — «В поле съезжаться — родней не считаться; давай воевать».— «А, ты убил моих двух братьев, так думаешь и меня победить!» — «Там что бог даст! Только послушай, чудо-юда, мосальская гýба, ты с конем, а я пешком; уговор лучше всего: лежачего не бить».

Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — и сразу снес три головы; в другой разошелся — змей его сшиб. Богатырь кричит: «Стой, чудо-юда! Уговор был: лежачего не бить». Чудо-юда дал ему справиться; тот встал — и сразу три головы полетели, как кочки. Начали они биться, несколько часов возились, оба из сил выбились; у змея еще три головы пропали, у богатыря палица лопнула. Буря-богатырь коровий сын снял с левой ноги сапог, кинул в избушку — половину ее долой снес, а братья его спят, не слышат; снял с правой ноги сапог, бросил — избушка по бревну раскатилася, а братья всё не просыпаются. Буря-богатырь взял обломок палицы, пустил в конюшню, где два жеребца стояли, и выломил из конюшни дверь; жеребцы прибежали нá мост и вышибли змея из седла вон. Тут богатырь обрадовался, подбежал к нему и отсек ему остальные три головы; змеиное туловище рассек да в Черное море кинул, а гóловы под калиновый мост засунул. После взял трех жеребцов, свел в конюшню, а сам под калиновый мост спрятался, из мосту и кровь не подтер.

Братья поутру проснулись, смотрят — избушка вся рассыпалась, тарелка полна́ крови; вошли в конюшню — там три жеребца; удивляются, куда делся старший брат? Искали его трое суток — не нашли, и говорят промеж себя: «Видно, они убили друг друга, а тела их пропали; поедем теперь домой!» Только что коней оседлали, приготовились было ехать, Буря-богатырь проснулся и выходит из-под моста: «Что же вы, братцы, товарища своего покидаете? Я вас от смерти избавлял, а вы все спали и на по́мочь ко мне не приходили». Тут они пали перед ним на колени: «Виноваты, Буря-богатырь, большой наш брат!» — «Бог вас простит!» Пошептал он над избушкою: «Как прежде была, так и ныне будь!» Избушка явилась по-прежнему — и с кушаньем и с напитками. «Вот, братцы, пообедайте, а то без меня, чай, замерли; а потом и поедем».

Пообедали и поехали в путь в дорожку; отъехавши версты две, говорит Буря-богатырь коровий сын: «Братцы! Я забыл в избушке плеточку; поезжайте шажком, пока я за нею слетаю». Приехал он к избушке, слез с своего коня, пустил его в заповедные луга: «Ступай, добрый конь, пока не спрошу тебя». Сам оборотился мушкой, полетел в избушку и сел на печку.

Немного погодя пришла туда баба-яга и села в передний угол; приходит к ней молодая невестка: «Ах, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын. Да я отсмею ему эту насмешку: забегу вперед и пущу ему день жаркий, а сама сделаюсь зеленым лугом; в этом зеленом лугу оборочусь я колодцем, в этом колодце станет плавать серебряная чарочка; да еще оборочусь я тесовой кроваткою. Захотят братья лошадей покормить, сами отдохнуть и воды попить; тут-то и разорвет их по макову зернышку!» Говорит ей матка: «Так их, злодеев, и надобно!»

Приходит вторая невестка: «Ах, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын. Да я отсмею ему эту насмешку: забегу наперед, оборочусь прекрасным садом, через тын будут висеть плоды разные — сочные, пахучие! Захотят они сорвать, что кому понравится; тут-то их и разорвет по макову зернышку!» Отвечает ей матка: «И ты хорошо вздумала». Приходит третья, меньшая невестка. «Ах, матушка, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын вашего сына, а моего мужа. Да я отсмею ему эту насмешку: оборочусь старой избушкою; захотят они обночевать в ней, только взойдут в избушку — тотчас и разорвет их по макову зернышку!» — «Ну, невестки мои любезные, если вы их не сгубите, то завтрашний день сама забегу наперед, оборочусь свиньею и всех троих проглочу».

Буря-богатырь, сидя на печи, выслушал эти речи, вылетел на улицу, ударился оземь и сделался опять молодцем, свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит. Буря-богатырь сел на него и поехал; навязал на палочку мочалочку, догоняет своих товарищей и говорит им: «Вот, братцы, без какой плеточки я жить не могу!» — «Эх, брат, за какою дрянью ворочался! Съехали бы в город, купили бы новую».

Вот едут они степями, долинами; день такой жаркий, что терпенья нет, жажда измучила! Вот и зеленый луг, на лугу трава муравая, на траве кровать тесовая. «Брат Буря-богатырь, давай лошадей накормим на этой травке и сами отдохнем на тесовой кроватке; тут и колодезь есть — холодной водицы попьем». Буря-богатырь говорит своим братьям: «Колодезь стоит в степях и в далях; никто из него воды не берет, не пьет». Соскочил с своего коня доброго, начал этот колодезь сечь и рубить — только кровь брызжет; вдруг сделался день туманный, жара спала, и пить не хочется. «Вот видите, братцы, какая вода настойчивая, словно кровь». Поехали они дальше.

Долго ли, коротко ли — едут мимо прекрасного сада. Говорит Иван-царевич старшему брату: «Позволь нам сорвать по яблочку».— «Эх, братцы, сад стоит в степях, в далях; может быть, яблоки-то старинные да гнилые; коли съешь — еще хворь нападет. Вот я пойду посмотрю наперед!» Сошел он в сад и начал сечь и рубить, перерубил все деревья до единого. Братья на него рассердились, что по-ихнему не делает.

Едут они путем-дорогою, пристигает их темная ночь; подъезжают к одной хижине. «Брат Буря-богатырь, вишь, дождик заходит, давай обночуем в этой хижинке».— «Эх, братцы, лучше раскинем палатки и в чистом поле обночуем, чем в этой хижине: эта хижина старая, взойдем в нее — она нас задавит; вот я сойду да посмотрю». Сошел он в эту избушку и начал рубить ее — только кровь прыщет! «Сами видите, какая эта избушка — совсем гнилая! Поедемте, лучше вперед». Братья ворчат про себя, а виду не подают, что сердятся. Едут дальше; вдруг дорога расходится надвое. Буря-богатырь говорит: «Братцы, поедемте по левой дороге». Они говорят: «Поезжай куда хочешь, а мы с тобой не поедем». И поехали они вправо, а Буря-богатырь влево.

Приезжает Буря-богатырь Иван коровий сын в деревню; в этой деревне двенадцать кузнецов работают. Вот он крикнул-свистнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Кузнецы, кузнецы! Подите все сюда». Кузнецы услыхали, все двенадцать к нему прибежали: «Что тебе угодно?» — «Обтягивайте кузницу железным листом». Они кузницу духом обтянули. «Куйте, кузнецы, двенадцать прутьев железных да накаливайте клещи докрасна! Прибежит к вам свинья и скажет: кузнецы, кузнецы, подайте мне виноватого; не подадите мне виноватого, я вас всех и с кузницей проглочу! А вы скажите: ах, матушка свинья, возьми от нас этого дурака, он давно надоел нам; только высунь язык в кузницу, так мы его на язык тебе посадим».

Только успел Буря-богатырь им приказ отдать, вдруг является к ним свинья большущая и громко кричит: «Кузнецы, кузнецы! Подайте мне виноватого». Кузнецы все враз отвечали: «Матушка свинья, возьми ты от нас этого дурака, он нам давно надоел; только высунь язык в кузницу, мы тебе на язык его и посадим». Свинья была проста, недогадлива, высунула язык на целую сажень; Буря-богатырь схватил ее за язык горячими клещами и вскричал кузнецам: «Возьмите прутья железные, катайте ее хорошенечко!» До тех пор ее колотили, пока ребра оголились. «А ну,— сказал Буря-богатырь,— возьмите-ка ее подержите: дайте я ее попотчую!»

Схватил он железный прут, как ударит ее — так все ребра пополам.

Взмолилась ему свинья: «Буря-богатырь, пусти мою душеньку на покаяние». Буря-богатырь говорит: «А зачем моих братьев проглотила?» — «Я твоих братьев сейчас отдам». Он схватил ее за́ уши; свинья харкнула — и выскочили оба брата и с лошадьми. Тогда Буря-богатырь приподнял ее и со всего размаху ударил о сырую землю; свинья рассыпалась аредом[3]. Говорит Буря-богатырь своим братьям: «Видите ли, глупцы, где вы были?» Они пали на колени: «Виноваты, Буря-богатырь коровий сын!» — «Ну, теперь поедемте во путь во дороженьку; помехи нам никакой не будет».

Подъезжают они к одному царству — к индейскому королю, и раскинули в его заповедных лугах палатки. Король поутру проснулся, поглядел в подзорную трубу, увидал палатки и призывает к себе первого министра: «Поди, братец, возьми с конюшни лошадь, поезжай в заповедные луга и узнай, что там за невежи приехали, без моего позволения палатки раскинули и огни разложили в моих заповедных лугах?»

Приехал министр и спрашивает: «Что вы за́ люди, цари ли царевичи, или короли-королевичи, или сильномогучие богатыри?» Отвечает Буря-богатырь коровий сын: «Мы сильномогучие богатыри, приехали на королевской дочери свататься; доложи своему королю, чтоб отдавал свою дочь за Ивана-царевича в супружество; а коли не отдаст дочери — чтобы высылал войско». Спрашивает король у своей дочери, пойдет ли она за Ивана-царевича? «Нет, батюшка, я за него идти не хочу; высылайте войско». Сейчас в трубы затрубили, в тимпаны забили, войско скопилось и отправилось в заповедные луга; столько выпало войска, что Иван-царевич и Иван девкин сын испугались.

В то время Буря-богатырь коровий сын варил пустоварку к завтраку и мешал поварешкой эту кашицу; вышел, как махнул поварешкою[4] — так половину войска и положил; вернулся, помешал кашицу, вышел да махнул — и другую половину на месте положил, только оставил одного кривого да другого слепого. «Доложите,— говорит,— королю, чтобы выдавал свою дочь Марью-королевну за Ивана-царевича замуж; а не отдаст, так войско бы высылал, да и сам выезжал». Кривой и слепой приходят к своему королю и говорят: «Государь! Буря-богатырь приказал тебе доложить, чтобы отдавал свою дочь за Ивана-царевича в замужество; а сам-то он больно сердит был, всех нас поварешкою перебил». Приступал король к своей дочери: «Дочь моя любезная! Ступай за Ивана-царевича замуж». Дочь ему отвечает: «Делать нечего, надо будет идти за него. Прикажи, батюшка, за ним карету послать».

Король тотчас карету послал, а сам у ворот стоит-дожидается. Иван-царевич приехал с обоими братьями; король принял их с музыкой, с барабанным боем, учтиво и ласково, посадил за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медвяные. Тут Буря-богатырь шепнул Ивану-царевичу: «Смотри, Иван-царевич, королевна подой-

[3] *Аред* — нечистый дух, колдун.
[4] Уполовник.

дет и спросится у тебя: позволь мне уйти на один часок! — а ты скажи: ступай хоть на два!» Посидевши несколько времени, подходит королевна к Ивану-царевичу и говорит: «Позволь мне, Иван-царевич, выйти в другую горницу — переодеться». Иван-царевич отпустил ее; она вышла из комнат вон, а Буря-богатырь за ней взади тихим шагом идет.

Королевна ударилась о крыльцо, оборотилась голубкою и полетела на́ море; Буря-богатырь ударился оземь, оборотился соколом и полетел за ней следом. Королевна прилетела на́ море, ударилась оземь, оборотилась красной девицей и говорит: «Дедушка, дедушка, золотая головушка, серебряная бородушка! Поговорим-ка с тобою». Дедушка высунулся из синя моря: «Что тебе, внученька, надобно?» — «Сватается за меня Иван-царевич; не хотелось бы мне за него замуж идти, да все наше войско побито. Дай мне, дедушка, с твоей головы три волоска; так я покажу Ивану-царевичу: узнай-де, Иван-царевич, с какого корешка эта травка?» Дедушка дал ей три волоска; она ударилась оземь, оборотилась голубкой и полетела домой; а Буря-богатырь ударился оземь, оборотился такой же девицей и говорит: «Дедушка, дедушка! Выйди еще, поговори со мною,— позабыла тебе словечко сказать». Только дедушка высунул из воды свою голову, Буря-богатырь схватил и сорвал ему голову, ударился оземь, оборотился орлом и прилетел во дворец скорей королевны. Вызывает Ивана-царевича в сени: «На́ тебе, Иван-царевич, эту голову; подойдет к тебе королевна, покажет три волоса: узнай-де, Иван-царевич, с какого корешка эта травка? Ты и покажь ей голову».

Вот подходит королевна, показывает Ивану-царевичу три волоса: «Угадай, царевич, с какого корешка эта травка? Если узнаешь, то пойду за тебя замуж, а не узнаешь — не прогневайся!» А Иван-царевич вынул из-под полы голову, ударил об стол: «Вот тебе и корень!» Королевна сама про себя подумала: «Хороши молодцы!» Просится: «Позволь, Иван-царевич, пойти переодеться в другой горнице». Иван-царевич ее отпустил; она вышла на крыльцо, ударилась оземь, оборотилась голубкою и опять полетела на́ море. Буря-богатырь взял у царевича голову, вышел на двор, ударил эту голову об крыльцо и говорит: «Где прежде была, там и будь!» Голова полетела, прежде королевны на место поспела и срослась с туловищем.

Королевна остановилась у моря, ударилась оземь, оборотилась красной девицей: «Дедушка, дедушка! Выйди, поговори со мною». Тот вылезает: «Что, внученька, тебе надобно?» — «Никак твоя голова там была?» — «Не знаю, внученька! Никак я крепко спал».— «Нет, дедушка, твоя голова была там».— «Знать, как была ты в последний раз да хотела мне словечко молвить, в те́ поры, видно, мне и сорвали голову». Ударилась она оземь, оборотилась голубкою и полетела домой; переоделась в другое платье, пришла и села с Иваном-царевичем рядом. На другой день поехали они к венцу закон принять; как скоро от венца приехали, Буря-богатырь повел Ивана-царевича показывать, где ему спальня приготовлена, подает ему три прута: один железный, другой медный, а третий оловянный, и говорит: «Коли хочешь быть жив, позволь мне лечь с королевною на твое место».

Лубок из собрания Д. Ровинского № 172
«Кот Казанский»

Лубок из собрания Д. Ровинского № 148
«Муж лапти плетет»

Лубок из собрания Д. Ровинского № 149
«А жена прядет»

Лубок из собрания
Д. Ровинского № 261
«Петух»

Лубок из собрания
Д. Ровинского № 262
«Курочка-хохлушка»

Царевич согласился. Повел король молодых в постель укладывать. В то время Буря-богатырь коровий сын сменил царевича и как лег, так и захрапел; наложила королевна на него ногу, наложила и другую, потом взгребла подушку и начала его душить. Буря-богатырь выскочил из-под нее, взял железный прут и начал ее бить; до тех пор бил, пока весь прут изломал; потом принялся за медный, и тот весь изломал; после медного начал бить оловянным. Замолилась королевна, великими клятвами заклялась, что не станет этаких дел делать. Поутру встал Буря-богатырь, пошел к Ивану-царевичу: «Ну, брат, ступай, посмотри, как твоя жена у меня выучена: которые были приготовлены три прута, все об нее изломал. Теперь живите благополучно, любите друг друга и меня не забывайте».

137. ИВАН БЫКОВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь[77] с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ерш плавает; коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златоперого. На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первою ж тонею попался златоперый ерш. Вынули его, принесли во дворец; как увидала царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златоперого с рук на руки: «На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся».

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала. И вот разом забрюхатели: и царица, и ее любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки — Иван кухаркин сын, у коровы Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам, как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три мóлодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто — кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит белье переменить, кухар-

кин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится. По десятому году пришли они к царю и говорят: «Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов». Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами ее повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор. «Ну, братцы,— говорит Иван-царевич,— давайте силу пробовать: кому быть бóльшим братом».— «Ладно,— отвечал Иван Быкович,— бери палку и бей нас по плечам». Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана кухаркина сына да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван кухаркин сын ударил — вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил — вбил обоих братьев по самую шею. «Давайте,— говорит царевич,— еще силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит — тот будет больший брат».— «Ну что ж, бросай ты!» Иван-царевич бросил — палка через четверть часа назад упала, Иван кухаркин сын бросил — палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил — только через час воротилась. «Ну, Иван Быкович! Будь ты большой брат».

После того пошли они гулять пó саду и нашли громадный камень. «Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть?» — сказал Иван-царевич, уперся в него руками, возился-возился — нет, не берет сила; попробовал Иван кухаркин сын — камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович: «Мелко же вы плаваете! Постойте, я попробую». Подошел к камню да как двинет его ногою — камень ажно загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырские, по стенам висит сбруя ратная: есть на чем добрым мóлодцам разгуляться! Тотчас побежали они к царю и стали проситься: «Государь батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать». Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царем простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зеленым лугам, и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо — повертывается. «Избушка, избушка, повернись к нам передóм, к лесу задóм; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести». Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку — на печке лежит баба-яга костяная нога, из угла в угол, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится».—«Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу». Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко: «Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?» — «Едем мы, бабушка, нá реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо

живет». — «Ай да Ванюша! За́ дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покатили».

Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в нее — пустехонька, и вздумали тут остановиться. Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович: «Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить». Кинули жеребий — доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую — Ивану кухаркину сыну, а третью — Ивану Быковичу.

Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за́ полночь — он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост. Вдруг на реке воды взволновалися, на дубах орлы закричали — выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт[1] ощетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, ощетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый мо́лодец, еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился: я его на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокре́нько будет!»

Выскочил Иван Быкович: «Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра мо́лодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится». Вот сошлись они — поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы. «Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху». — «Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем». Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище — рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич. «Ну что, не видал ли чего?» — «Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала».

На другую ночь отправился на дозор Иван кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за́ полночь — он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост. Вдруг на реке воды взволновалися, на дубах орлы раскричалися — выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ощетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, во́рона по перьям, хорта по ушам: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился: я его одним пальцем убью!»

[1] *Хорт* — собака, пес (*Ред.*).

Выскочил Иван Быкович: «Погоди — не хвались, прежде богу помолись, руки умой да за дело примись! Еще неведомо — чья возьмет!» Как махнет богатырь своим острым мечом раз-два, так и снес у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил — по колена его в сыру землю вогнал. Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище — рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил. Наутро приходит Иван кухаркин сын. «Что, брат, не видал ли зá ночь чего?» — «Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!» Иван Быкович повел братьев под калиновый мост, показал им на мертвые головы и стал стыдить: «Эх вы, сони; где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать».

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям: «Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полна миска набежит — все ничего, а если через край польет — тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помочь мне».

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время зá полночь, на реке воды взволновалися, на дубах орлы раскричалися — выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива — золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ощетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, вóрона по перьям, хорта по ушам: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился; я только дуну — его и праху не останется!»

Выскочил Иван Быкович: «Погоди — не хвались, прежде богу помолись!» — «А, ты здесь! Зачем пришел?» — «На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать».— «Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!» Отвечает Иван Быкович: «Я пришел с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать». Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огненным пальцем — и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу; чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю. «Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замиренье делают; а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трех раз».

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильней прежнего и срубил чуду-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем — и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он пó

пояс в сыру землю. Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат. В третий раз размахнулся он еще сильнее и срубил чуду-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем — головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи. Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по бревнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули — кровь из миски через край льется, а богатырский конь громко ржет да с цепей рвется. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помочь спешат. «А! — говорит чудо-юдо,— ты обманом живешь; у тебя помочь есть». Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы, сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал все в реку Смородину. Прибегают братья. «Эй вы, сони! — говорит Иван Быкович.— Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился».

Поутру ранешенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зернышков и стала сказывать: «Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьев моих извел». — «Не горюй, матушка! Мы ему за все отплатим», — говорят чудо-юдовы жены. «Вот я,— говорит меньшая,— напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвет — тот сейчас лопнет».— «А я,— говорит середняя,— напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмется — того я утоплю».— «А я,— говорит старшая,— сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет — тот огнем сгорит».

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой. Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь—стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван кухаркин сын пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперед заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест — только кровь брызжет! То же сделал он и с колодезем и с золотою кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены. Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу: «Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню». Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берется за деньги, а берет его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись — нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу — старому старику: «Нá тебе,— говорит,— нашего погубителя!» Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать: «Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?» Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул: «Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?» — «Твоя воля, что хочешь, то и делай; я на все готов».— «Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу золотые кудри; я хочу на ней жениться».

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, мóлодцу!» А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась. «Вот тебе, Ванюша, дубинка,— говорит старик,— ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: выйди, корабль! выйди, корабль! выйди, корабль! Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую». Иван Быкович пришел к дубу, ударяет в него дубинкою бессчетное число раз и приказывает: «Все, что есть, выходи!» Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул: «Все за мной!» — и поехал в путь-дорогу. Отъехав немного, оглянулся назад — и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят.

Подъезжает к нему старичок в лодке: «Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи».— «А ты что умеешь?» — «Умею, батюшка, хлеб есть». Иван Быкович сказал: «Фу, прóпасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад». Подъезжает в лодке другой старичок: «Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой».— «А ты что умеешь?» — «Умею, батюшка, вино-пиво пить».— «Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль». Подъезжает третий старичок: «Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня». — «Говори: что умеешь?» — «Я, батюшка, умею в бане париться».— «Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!» Взял на корабль и этого; а тут еще лодка подъехала; говорит четвертый старичок: «Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи».— «Да ты кто такой?» — «Я, батюшка, звездочет».— «Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем». Принял четвертого, просится пятый старичок. «Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?» — «Я, батюшка, умею ершом плавать».— «Ну, милости просим!»

Вот поехали они за царицей золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива; удивляется и спрашивает: «Что б это значило?» —

«Это все для тебя наготовлено».— «Фу, про́пасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить». Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать: «Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть разумеет?» Отзываются Объедайло да Опивайло: «Мы, батюшка! Наше дело ребячье».— «А ну, принимайтесь за работу!» Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваями, а целыми возами. Все приел и ну кричать: «Мало хлеба; давайте еще!» Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, всё выпил и бочки проглотил: «Мало!— кричит.— Подавайте еще!» Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина недостало.

А царица золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять верст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидал, что от бани огнем пышет, и говорит: «Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!» Тут ему опять вспомнилось: «Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?» Подбежал старик: «Я, батюшка! Мое дело ребячье». Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул — вся баня остыла, а в углах снег лежит. «Ох, батюшки, замерз, топите еще три года!» — кричит старик что есть мочи. Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замерзла; а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжко — ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на́ небо. «Ну,— говорит Иван Быкович,— совсем пропала!» Потом вспомнил: «Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочет?» — «Я, батюшка! Мое дело ребячье»,— отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездою, полетел на́ небо и стал считать звезды; одну нашел лишнюю и ну толкать ее! Сорвалась звездочка с своего места, быстро покатилась по небу, упала на корабль и обернулась царицею золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» — думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать: «Ты, что ль, горазд ершом плавать?» — «Я, батюшка, мое дело ребячье!» — ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай ее под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею золотые кудри. Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудоюдову отцу.

Приехал к нему с царицею золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы черные. Глянул на царицу и говорит: «Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу».— «Нет, погоди,— отвечает Иван Быкович,— не подумавши сказал!» — «А что?» — «Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жердочка; кто по жердочке

пройдет, тот за себя и царицу возьмет». — «Ладно, Ванюша! Ступай ты наперед». Иван Быкович пошел по жердочке, а царица золотые кудри про себя говорит: «Легче пуху лебединого пройди!» Иван Быкович прошел — и жердочка не погнулась; а старый старик пошел — только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу золотые кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется: «Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!» На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помочá. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

138. ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И МУЖИЧОК САМ С ПЕРСТ, УСЫ НА СЕМЬ ВЕРСТ

некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; 78
у этого царя на дворе был столб, а в этом столбе три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье медное. В одну ночь царю привиделся такой сон: будто у золотого кольца был привязан конь — чтó ни шерстинка, то серебринка, а во лбу светел месяц. Поутру встал он и приказал клич кликать: кто этот сон рассудит и коня того достанет, за того свою дочь отдам и половину царства в придачу. Собралось на царский клич множество князей, бояр и всяких господ; думали-думали — никто не может сна растолковать, никто не берется коня достать.

Наконец доложили царю, что у такого-то нищего старичка есть сын Иван, который может сон растолковать и коня достать. Царь приказал призвать его. Призвали Ивана. Спрашивает его царь: «Рассудишь ли ты мой сон и достанешь ли коня?» Иван отвечает: «Расскажи наперед, что за сон и какой тебе конь надобен?» Царь говорит: «В прошлой ночи привиделось мне, будто у золотого кольца на моем дворе был привязан конь —чтó ни шерстинка, то серебринка, а во лбу светел месяц».— «Это не сон, а быль; потому что в прошлую ночь на этом коне приезжал к тебе двенадцатиглавый змей и хотел царевну украсть».— «А можно ли достать этого коня?» Иван отвечает: «Можно — только тогда, как минет мне пятнадцать лет». В то время было Ивану только двенадцать годочков; царь взял его во дворец, кормил и поил до пятнадцати.

Вот как минуло Ивану пятнадцать лет, сказал он царю: «Давай, государь, мне коня, на котором можно б доехать до того места, где змей находится». Царь повел его в конюшни и показал всех своих лошадей;

только он не мог ни одной выбрать по своей силе и тяжести: как наложит на которую лошадь свою богатырскую руку, та и упадет. И сказал он царю: «Пусти меня в чистое поле поискать себе под силу коня». Царь его отпустил.

Иван крестьянский сын три года искал, нигде не мог сыскать. Идет со слезами обратно к царю. Попадается ему навстречу старичок и спрашивает: «Что ты, парень, плачешь?» Он ему на спрос грубо отвечал, просто-напросто от себя прогнал; старик молвил: «Смотри, малый, не помяни меня». Иван немного отошел от старика, подумал сам с собою: «За что я старика обидел? Стары люди много знают». Воротился, догнал старика, упал ему в ноги и сказал: «Дедушка, прости меня, со кручины тебя обидел. Я плачу вот о чем: три года ходил я по́ полю по разным табунам — нигде не мог сыскать по себе коня». Старик отвечает: «Поди в такое-то село, там у мужичка на конюшне стоит кобыла, а от той кобылы народился паршивый жеребенок; ты возьми его и выкорми: он тебе будет под силу». Иван поклонился старику и пошел в село.

Приходит к мужику прямо в конюшню, увидал кобылу с паршивым жеребенком и наложил на того жеребенка руку. Жеребенок нимало не поробил [1]; он взял его у крестьянина, покормил несколько времени, приехал к царю и рассказал ему, как добыл себе коня. Потом стал сряжаться в гости к змею. Царь спросил: «Сколько тебе, Иван крестьянский сын, надобно силы?» Отвечает Иван: «На что мне твоя сила? Я один могу достать; разве только для посылок дай человек шесть». Дал ему царь шесть человек; вот они собрались и поехали.

Долго ли, коротко ли они ехали — никому не ведомо; ведомо только то, что приехали они к огненной реке, через реку мост лежит, а кругом реки огромный лес. В том лесу раскинули они шатер, достали разных напитков, начали пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын говорит товарищам: «Давайте, ребята, каждую ночь поочередно караулить: не будет ли кто проезжать через эту реку?» И случилось так: кто ни пойдет из его товарищей караул держать, всякий напьется с вечера пьян и ничего не видит.

Наконец пошел караулить Иван крестьянский сын; смотрит: в самую полуночь едет через реку змей о трех головах и подает голос: «Нет мне ни спорщика, ни наговорщика; есть разве один спорщик и наговорщик — Иван крестьянский сын, да и того ворон в пузыре костей не заносил!» Иван крестьянский сын из-под моста выскочил: «Врешь ты! Я здесь».— «А если здесь, то давай поспорим». И выехал змей против Ивана на коне, а Иван выступил пеший, размахнулся своей саблею и срубил змею все три головы, а коня себе взял и привязал у шатра.

На другую ночь Иван крестьянский сын убил шестиглавого змея, на третью ночь девятиглавого и побросал их в огненную реку. А как пошел караулить на четвертую ночь, то приехал к нему двенадцатиглавый змей и стал говорить гневно: «Кто таков Иван крестьянский сын? Сейчас выходи ко мне! Зачем побил моих сыновей?» Иван крестьянский сын

[1] Погнулся, поддался (*Ред.*).

выступил и сказал: «Позволь мне наперед сходить к своему шатру; а после сражаться будем»,— «Хорошо, ступай!» Иван побежал к товарищам: «Ну, ребята, вот вам таз, смотрите в него; когда он полон нальется крови, приезжайте ко мне». Воротился и стал против змея, и когда они разошлись и ударились, то Иван с первого раза срубил у змея четыре головы, а сам по колена в землю ушел; во второй раз разошлись — Иван три головы срубил, а сам по́ пояс в землю ушел; в третий раз разошлись — еще три головы отсек, сам по грудь ушел; наконец одну срубил — по шейку ушел. Тогда только вспомянули про него товарищи, посмотрели в таз и увидели, что кровь через край льется; прибежали и срубили у змея последнюю голову, а Ивана из земли вытащили. Иван крестьянский сын взял змеиного коня и увел к шатру.

Вот прошла ночь, настает утро; начали добрые мо́лодцы пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын встал от веселья и сказал своим товарищам: «Вы, ребята, меня подождите!» — а сам оборотился котом, пошел по мосту через огненную реку, пришел в тот дом, где змеи жили, и стал дружиться с тамошними кошками. А в целом доме осталось в живых только сама змеиха да три ее снохи; сидят они в горнице и говорят между собою: «Как бы нам злодея Ивана крестьянского сына сгубить?» Малая сноха говорит: «Куда б ни поехал Иван крестьянский сын, сделаю на пути голод, а сама оборочусь яблоней; как он съест яблочко, сейчас разорвет его!» Средняя сказала: «А я на пути их сделаю жажду и оборочусь колодцем; пусть попробует выпить!» Старшая сказала: «А я наведу сон, а сама сделаюсь кроватью; если Иван крестьянский сын ляжет, то сейчас помрет!» Наконец сама свекровь сказала: «А я разину пасть свою от земли до неба и всех их пожру!» Иван крестьянский сын выслушал все, что они говорили, вышел из горницы, оборотился человеком и пришел к своим товарищам: «Ну, ребята, сряжайтесь в путь!»

Собрались, поехали в путь, и в первый раз на пути сделался ужасный голод, так что нечего было перекусить; видят они — стоит яблоня; товарищи Ивановы хотели нарвать яблоков, но Иван не велел. «Это,— говорит,— не яблоня!» — и начал ее рубить; из яблони кровь пошла. Во второй раз напала на них жажда; Иван увидал колодец, не велел пить, начал его рубить — из колодца кровь потекла. В третий раз напал на них сон; стоит на дороге кровать, Иван и ее изрубил. Подъезжают они к пасти, разинутой от земли до неба; что делать? Вздумали с разлету через пасть скакать. Никто не мог перескочить; только перескочил один Иван крестьянский сын: вынес его из беды чудесный конь — что́ ни шерстинка, то серебринка, а во лбу светел месяц.

Приехал он к одной реке; у той реки стоит избенка. Тут попадается ему навстречу мужичок сам с пёрст, усы на семь верст и говорит ему: «Отдай мне коня; а коли не отдашь честью, то насилкой возьму!» Отвечает Иван: «Отойди от меня, проклятый гад, покудова тебя конем не раздавил!» Мужичок сам с пёрст, усы на семь верст сшиб его наземь, сел на коня и уехал. Входит Иван в избенку и сильно о коне тужит. В той избенке лежит на печи безногий-безрукий и говорит Ивану: «Послушай, добрый мо́лодец — не знаю, как тебя по имени назвать; зачем ты связы-

вался с ним бороться? Я не этакий был богатырь, как ты; да и то он у меня и руки и ноги отъел!» — «За что?» — «А за то, что я у него на столе хлеб поел!» Иван начал спрашивать, как бы назад коня достать? Говорит ему безногий-безрукий: «Ступай на такую-то реку, сними перевоз, три года перевози, ни с кого денег не бери; разве тогда достанешь!»

Иван крестьянский сын поклонился ему, пошел на́ реку, снял перевоз и целых три года перевозил безденежно. Однажды случилось ему перевозить трех старичков, они дают ему денег, он не берет. «Скажи, добрый мо́лодец, почему ты денег не берешь?» Он отвечает: «По обещанию».— «По какому?» —«У меня ехидный человек коня отбил; так меня добрые люди научили, чтоб я перевоз снял да три года ни с кого денег не брал». Старички сказали: «Пожалуй, Иван крестьянский сын, мы готовы тебе услужить — твоего коня достать».— «Помогите, родимые!» Старички были не простые люди: это был Студенец, Обжора и колдун. Колдун вышел на́ берег, нарисовал на песке лодку и говорит: «Ну, братцы, видите вы эту лодку?» — «Видим!» — «Садитесь в нее». Сели все четверо в эту лодку. Говорит колдун: «Ну, легкая лодочка, сослужи мне службу, как прежде служила».

Вдруг лодка поднялась по воздуху и мигом, словно стрела, из лука пущенная, привезла их к большой каменистой горе. У той горы дом стоит, а в доме живет сам с пёрст, а усы на семь верст. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иван начал коня просить; мужичок сам с пёрст, усы на семь верст сказал ему: «Украдь у царя дочь и привези ко мне, тогда отдам коня». Иван сказал про то своим товарищам, и тотчас они его оставили, а сами к царю отправились. Приезжают; царь узнал, почто они приехали, и приказал слугам баню истопить, докрасна накалить: пусть де задо́хнутся! После попросил гостей в баню: они поблагодарили и пошли. Колдун велел наперед Студенцу идти. Студенец взошел в баню и прохладил; вот они вымылись, выпарились и пришли к царю. Царь приказал большой обед подавать; множество всяких яств на стол было подано. Обжора принялся и всё поел. Ночью собрались гости потихоньку, украли царевну, привезли к мужичку сам с пёрст, усы на семь верст; царевну ему отдавали, а коня выручали.

Иван крестьянский сын поклонился старичкам, сел на коня и поехал к царю. Ехал-ехал, остановился в чистом поле отдохнуть, разбил шатер и лег опочив держать. Проснулся, хвать — подле него царевна лежит. Он обрадовался, начал ее спрашивать: «Как сюда угодила?» Царевна сказала: «Я оборотилась булавкою да в твой воротник воткнулась». В ту ж минуту оборотилась она опять булавкою; Иван крестьянский сын воткнул ее в воротник и поехал дальше. Приезжает к царю; царь увидал чудного коня, принимает доброго мо́лодца с честию и рассказывает, как у него дочь украли. Иван говорит: «Не горюй, государь! Я ее назад привез». Вышел в другую комнату; царевна оборотилась красной де́вицей. Иван взял ее за́ руку и привел к царю. Царь еще больше возрадовался, взял себе коня, а дочь отдал замуж за Ивана крестьянского сына. Иван и поныне живет с молодой женою.

139. ИВАН СУЧЕНКО И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки. 79
На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный, возле него лук толченый; и шли три мóлодца, зашли да позавтракали, а дальше идут — похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская баба теста! Это присказка, сказка будет впереди.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь на гладком месте, словно на скатерти, сроду не имел у себя детей. Пришел до него нищий. Царь его пытает: «Не знаешь ли ты, чтó мне такое сделать, чтоб были у меня дети?» Он ему отвечает: «Собери-ка ты мальчиков да девочек — семилеток, чтоб девочки напряли, а мальчики выплели за одну ночь невод; тем неводом вели изловить в море леща златоперого и дай его царице съесть».

Вот поймали леща златоперого, отдали в кухню изжарить; поварка[1] вычистила, вымыла леща, кишки собаке бросила, помои отдала трем кобылам выпить, сама оглодала косточки, а рыбу царица скушала. Вот разом родили: царица сына, и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь дал им всем имена: Царенко Иван, Поваренко Иван и Сученко Иван.

Растут они, добрые молодцы, не по дням, не по часам, а по минутам, выросли большие, и посылает Иван Сученко Ивана-царевича до царя: «Поди попроси, чтоб позволил нам царь оседлать тех трех коней, что кобыли принесли, да поехать по городу погулять-покататься». Царь позволил; они поседлали коней, выехали за город и начали меж собой говорить: «Чем нам у батюшки у царя жить, лучше в чужие земли поедем!» Вот они взяли купили железа, сделали себе по булаве — каждая булава в девять пудов, и погнали коней.

Немного погодя говорит Иван Сученко: «Как нам, братцы, будет путь держать, когда нет у нас ни старшего, ни младшего? Надо так сделать, чтоб был у нас старший брат». Царенко говорит, что меня отец старшим поставил, а Сученко — свое, что надо силу попробовать — по стрелке бросить. Кидают стрелки один за другим; сначала Царенко Иван, за Царенком Поваренко, за Поваренком Сученко. Едут не далеко, не близко — аж лежит Царенкова стрелка, немного подальше того упала Поваренкова стрелка, а Сученковой нигде не видать! Едут всё вперед да вперед — и заехали за тридевять земель в тридесятое царство, в иншее государство — аж там лежит Сученкова стрелка.

Тут и порешили: Царенко будет меньшой брат, Поваренко — подстарший, а Сученко — самый наистарший, и пустились опять в путь-дорогу. Смотрят — перед ними степь расстилается, на той степи палатка разбита, у палатки конь стоит, ярую пшеницу ест, медовой сытой запивает. Посылает Иван Сученко Ивана-царевича: «Пойди узнай: кто в палатке?» Вот

[1] Стряпуха.

Царенко приходит в палатку, а там на кровати Белый Полянин лежит. И ударил его Белый Полянин мизинцем по́ лбу — Царенко упал; он взял его да под кровать и бросил. Посылает Сученко Ивана Поваренка; Белый Полянин и этого ударил мизинцем по́ лбу и бросил под кровать. Сученко ждал, ждал, не дождался; прибегает туда сам, как ударит Белого Полянина раз — он и глаза под лоб! После вынес его из палатки, свежий ветерок пахнул, Белый Полянин ожил и просит: «Не убивай меня! Прими за самого меньшого брата!» Иван Сученко его помиловал.

Вот все четыре брата поседлали своих коней и поехали пущами да рощами; долго ли, коротко ли ехали — стоит перед ними дом в два этажа под золотой крышею. Зашли в этот дом — везде чисто, везде убрано, напитков, наедков вдоволь запасено, а живых людей нет никого; подумали-подумали и положили пока здесь проживать — дни коротать. Утром три брата на охоту поехали, а Ивана-царевича дома оставили за хозяйством смотреть. Он наварил, нажарил к обеду всякой всячины, сел на лавке да трубку покуривает. Вдруг едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета[2] на семь саженей лита, и просит милостыни. Царенко дает ему целый хлеб; дед не за хлеб, за него берется, крючком да в ступу, толк-толк, снял у него со спины полосу до самых плечей, взял половою[3] натер да по́д пол бросил... Вернулись братья с охоты, спрашивают Царенка: «Никого у тебя не было?» — «Я никого не видал; разве вы кого?» — «Нет, и мы не видали!»

На другой день дома остался Иван Поваренко, а те на охоту поехали. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку — аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь саженей лита, и просит милостыни. Поваренко дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, половою натер да под пол бросил... Вернулись братья с охоты и спрашивают: «Никого у тебя не было?» —«Нет, никого! А вы разве видели?» — «Нет, и мы не видали!»

На третий день дома остался Белый Полянин. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку — аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь саженей лита, и просит милостыни. Белый Полянин дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, половою натер да под пол бросил... Приехали братья с охоты: «Ты никого не видал?» — «Нет, никого; а вы?» — «И мы тож!»

На четвертый день остался дома Иван Сученко. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку — аж опять едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь саженей лита, и просит милостыни. Сученко дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу — ступа и разбилась. Иван Сученко ухватил деда за́ голову, притащил до вербового пня, расколол пень надвое да всадил дедову бороду в расщелину, а сам — в горницу. Вот едут его братья, меж собой разговари-

[2] *Ковета* — помост в избах, заменяющий кровати.

[3] Мякина (*Ред.*).

вают. «Что, братцы, вам ничего не случилось? — спрашивает Царенко.— А у меня так рубаха совсем к телу присохла!» — «Ну, и нам досталось! До спины доторкнуться нельзя. Проклятый дед! Верно, он и Сученку содрал». Приехали домой: «А что, Сученко Иван, никого у тебя не было?» — «Был один нахаба[4], так я ему по-своему задал!» — «Что ж ты ему сделал?» — «Пень расколол да бороду всадил». — «Пойдем посмотрим!» Пришли на деда смотреть, а его и след простыл! Как попал он в тиски, начал биться, рваться и таки выворотил весь пень с корнем и унес с собой на тот свет; а с того света он приходил до своего дома под золотою крышею.

Братья пошли по его следам, шли-шли — стоит гора: в той горе ляда[5]; взяли ее отворили, привязали до каната камень и опустили в нору; как достали камнем дно, вытянули его назад и привязали до каната Ивана Сученка. Говорит Сученко: «Через три дня как встряхну канат — сейчас меня вытягайте!» Вот опустили его на тот свет. Он вспомнил про царевен, что́ покрали на тот свет три змия: «Пойду их шукать!»[6]

Шел-шел — стоит двухэтажный дом; вышла оттуда девка. «Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?» — «А ты что за спрос? Дай-ка мне наперед воды — глаза промыть, накорми меня, напой, да тогда и спрашивай». Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела к царевне. «Здравствуй, прекрасная царевна!» — «Здравствуй, добрый молодец! Чего сюда зашел?» — «За тобою; хочу с твоим мужем воевать».— «Ох, не отымешь ты меня! Мой муж дюже сильный, с шестью головами!» — «Я и с одною, да буду воевать, как мне бог поможет!» Царевна его за двери спрятала — аж летит змий. «Фу, русска кость воня́!» — «Ты, душечка, на Руси летал, русской кости напахал!»[7] — говорит царевна, подает ему ужинать, а сама тяжело вздохнула. «Чего, голубка, так тяжело вздыхаешь?» — «Как мне не вздыхать! Четвертый год за тобою, не видела ни отца, ни матери. Ну что, если бы кто-нибудь из моих родных да сюда пришел, что б ты ему сделал?» — «Что сделал? Пил да гулял бы с ним». На те речи выходит из-за дверей Иван Сученко. «А Сученко! Здравствуй; зачем пришел: биться или мириться?» — «Давай биться! Дми[8] точок!»[9] Змий дунул — у него стал чугунный точок с серебряными пругами, а Сученко дунул — у него серебряный с золотыми пругами. Ударил он змия раз и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил; царевна дала ему кольцо, он взял и пошел дальше.

Шел-шел — опять двухэтажный дом; вышла ему навстречу девка и спрашивает: «Чего ты, русский человек, коло нашего двора ходишь?» — «А ты что за спрос? Дай наперед мне воды — глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!» Вот она принесла ему воды, накормила его, напоила и к царевне проводила. «Чего ты пришел?»— говорит царевна. «За тобою; хочу с твоим мужем воевать».— «Куда тебе воевать с

[4] Наглый, неприятный гость.
[5] Поперечная дверь.
[6] Искать.
[7] Т. е. русского духу набрался; *пахну́ть — веять* и *за́пах* сравни со словами: *дунуть* и *дух*.
[8] *Дми* — дуй, выдувай (*Ред.*).
[9] Ток, видное место.

моим мужем! Мой муж дюже сильный, с девятью головами!» — «Я и с одною, да буду с ним воевать, как мне бог поможет!» Царевна спрятала гостя за двери — аж летит змий. «Фу, как русска кость воня́!» — «Это ты по Руси летал, русской кости напахал!» — говорит царевна, стала подавать ужинать и тяжело вздохнула. «Чего ты, душечка, вздыхаешь?» — «Как мне не вздыхать, когда я ни отца, ни матери не вижу. Что б ты сделал, если бы кто-нибудь из моих родных сюда пришел?» — «Пил да гулял бы с ним». Иван Сученко выходит из-за дверей. «А, Сученко! Здравствуй,— говорит змий.— Чего ты пришел сюда: биться или мириться?» — «Станем биться! Дми точок!» Змий дунул — у него стал чугунный точок с серебряными пругами [10], а Иван Сученко дунул — у него серебряный с золотыми пругами; ударил он змия и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна ему дала кольцо; он взял и пошел дальше.

Шел-шел — опять такой же дом с двумя этажами. Вышла навстречу девка: «Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?» — «Ты прежде воды дай — глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!» Она принесла ему воды, накормила, напоила и к царевне проводила. «Здравствуй, Иван Сученко! Чего ты пришел?» — «За тобою; хочу тебя у змия отнять».— «Куда тебе отнять! Мой муж дюже сильный, с двенадцатью головами!» — «Я и с одною, а его повоюю, коли бог поможет!» Входит в горницу, а там двенадцатиглавый змий дрыхнет [11]: как змий вздохнет, так весь потолок ходоном [12] заходит! А его сорокапудовая булава в кутку [13] стоит. Иван Сученко свою булаву в куток поставил, а змиеву взял; размахнулся, как ударит змия — пошел гул по всему двору! С дому крышу сорвало! Убил Иван Сученко двенадцатиглавого змия, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна дает ему кольцо и говорит: «Будем со мною жить!» А он зовет ее с собою. «Как же я свое богатство брошу?» Взяла все свое богатство, в золотое яйцо своротила и отдала Ивану Сученку; он положил то яйцо в карман и вместе с нею пошел назад до ее сестер. Подстаршая царевна своротила свое богатство в серебряное яйцо, а самая меньшая — в медное, и ему ж отдали.

Приходят они вчетвером до норы; Иван Сученко привязал меньшую царевну и встряхнул канат. «Как тебя,— говорит,— вытянут наверх, то покличь: Царенко! Он отзовется: га! А ты скажи: я твоя!» После привязал другую царевну и опять встряхнул канат, чтоб наверх тянули: «Как тебя вытянут, то покличь: Поваренко! Он отзовется: га! А ты скажи: я твоя!» Стал третью царевну до каната привязывать и говорит ей: «Как тебя вытянут, ты молчи — моя будешь!» Вытянули эту царевну, она молчит; вот Белый Полянин рассердился и, как стали тянуть Ивана Сученко, взял да и перерезал канат.

Сученко упал, приподнялся и пошел до старого деда. Дед его пытает: «Чего ты пришел?» — «Биться!» Начали воевать; бились-бились, устали и бросились до воды. Дед ошибся, дал Сученку сильной воды напиться, а сам простой выпил. Стал Иван Сученко осиливать; дед ему и говорит:

[10] Ободок (*Ред.*).
[11] Спит.
[12] Ходенем.
[13] В углу.

«Не добивай меня! Возьми себе в погребе кремень, кресало да трех сортов шерсть — в беде пригодится». Иван Сученко взял кремень, кресало и трех сортов шерсть; вырубил огонь и припалил серую шерсть — бежит до него серый конь, из-под копыт шматья [14] летят, изо рта пар пышет, из ушей дым столбом. «Много ль нужно времени, пока ты меня на тот свет вынесешь?» — «А столько, сколько нужно людям, чтоб обед наварить!» Сученко припалил вороную шерсть — бежит вороной конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит. «Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?» — «Люди пообедать не успеют!» Припалил рыжую шерсть — бежит рыжий конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит. «Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?» — «Плюнуть не успеешь!» Сел на того коня и очутился на своей земле.

Приходит до золотаря. «Я,— говорит,— буду твоим помощником!» Меньшая царевна приказывает золотарю· «Сделай мне к свадьбе золотой перстень!» Он взялся за ту работу, а Иван Сученко говорит: «Постой, я тебе перстень сделаю, а ты мне мешок орехов дай». Золотарь принес ему мешок орехов; Иван Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино колечко, вычистил и отдал хозяину. Царевна приходит в субботу за кольцом; глянула: «Ах, какое прекрасное колечко! Я такое отдала Ивану Сученку, да его нет на этом свете!» И просит золотаря к себе на свадьбу. На другой день золотарь пошел на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил серую шерсть — бежит до него серый конь. «Чего ты меня требуешь?» — «Надо на весильном [15] доме трубу сорвать!» — «Садись на меня, заглянь в левое ухо, выглянь в правое!» Он заглянул в левое ухо, а в правое выглянул — и стал такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Поскакал и снял трубу с дома; тут все закричали, перепугались, свадьба разъехалась.

Другая царевна принесла золото, просит кольцо сделать. Иван Сученко говорит золотарю: «Дай мне два мешка орехов, я тебе кольцо сделаю».— «Ну что ж? Сделай». Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. Царевна увидала кольцо: «Ах, какое славное! Я точно такое отдала Ивану Сученку, да его теперь нет на этом свете!» Взяла кольцо и зовет золотаря на свадьбу. Тот пошел на свадьбу, а Иван Сученко припалил вороную шерсть — бежит вороной конь. «Чего ты от меня требуешь?» — «Надо сорвать с весильного дома крышу».— «Сядь на меня; в левое ухо заглянь, в правое выглянь!» Он заглянул в левое ухо, выглянул в правое — стал молодец молодцом! Конь понес его так шибко, что сорвал с дома крышу; все закричали, принялись стрелять в коня, только не попали; свадьба опять разъехалась.

Вот и старшая царевна просит, чтобы ей колечко сделали. «Не хотела я,— говорит,— за Белого Полянина замуж идти, да, видно, бог так судил!» Иван Сученко говорит золотарю: «Дай мне три мешка орехов, я тебе кольцо сделаю». Опять орехи поел, золото молотком разбил, вынул

[14] Большие куски грязи, земли.
[15] Свадебном.

царевнино кольцо, вычистил и отдал. В субботу приходит царевна за кольцом, глянула: «Ах, какое славное колечко! Боже мой! Где ты достал этот перстень? Я точно такой отдала тому, кого любила». И просит золотаря: «Приходи завтра на свадьбу ко мне!»

На другой день золотарь пошел на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил рыжую шерстину — бежит рыжий конь. «Чего ты от меня требуешь?» — «Неси меня как хочешь, только бы нам вперед ехать — потолок на весильном доме сорвать, а назад ехать — Белого Полянина за чуб взять!» — «Сядь на меня, в левое ухо заглянь, в правое выглянь!» Понес его рыжий конь шибко-шибко. Туда едучи — Сученко потолок с дома снял, а назад едучи — ухватил Белого Полянина за чуб, поднялся высоко вверх и бросил его наземь: Белый Полянин на кусочки разбился. А Иван Сученко опустился вниз, обнялся, поцеловался с своею невестою; Иван-царевич и Поваренко ему обрадовались; все они обвенчались на прекрасных царевнах и стали жить вместе богато и счастливо.

140. ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА И ПОЛУНОЧКА

В некоем государстве жил-был король; у него было три дочери 80
красоты неописанной. Король берег их пуще глаза своего, устроил подземные палаты и посадил их туда, словно птичек в клетку, чтобы ни буйные ветры на них не повеяли, ни красно солнышко лучом не опалило. Раз как-то вычитали королевны в одной книге, что есть чудный белый свет, и когда пришел король навестить их, они тотчас начали его со слезами упрашивать: «Государь ты наш батюшка! Выпусти нас на белый свет посмотреть, в зеленóм саду погулять». Король принялся было их отговаривать.— куда! — и слышать не хотят; чем больше отказывает, тем они пуще к нему пристают. Нечего делать, согласился король на их неотступную просьбу.

Вот прекрасные королевны вышли в сад погулять, увидали красное солнышко, и деревья, и цветы, и несказанно возрадовались, что им волен белый свет; бегают пó саду — забавляются, всякою травкою любуются, как вдруг подхватило их буйным вихрем и унесло высоко-далеко — неведомо куда. Мамки и няньки всполошилися, побежали к королю докладывать; король тотчас разослал во все стороны своих верных слуг: кто на след нападет, тому посулил большую награду пожаловать. Слуги ездили-ездили, ничего не проведали, с чем поехали — с тем и назад воротились. Король созвал свой большой совет, стал у думных бояр спрашивать, не возьмется ли кто разыскать его дочерей? Кто это дело сделает, за того любую королевну замуж отдаст и богатым приданым на всю жизнь наделит. Раз спросил — бояре молчат, в другой — не отзываются,

в третий — никто ни полслова! Залился король горючими слезами: «Видно, нет у меня ни друзей, ни заступников!» — и велел по всему государству клич кликать: не выищется ли кто на такое дело из простых людей?

А в то самое время жила-была в одной деревне бедная вдова, и было у нее трое сынов — сильномогучих богатырей; все они родились в одну ночь: старший с вечера, средний в полночь, а меньшой на ранней утренней зоре, и назвали их по тому: Вечорка, Полуночка и Зорька. Как дошел до них королевский клич, они тотчас взяли у матери благословение, собрались в путь и поехали в столичный град. Приехали к королю, поклонились ему низко и молвили: «Многолетно здравствуй, государь! Мы пришли к тебе не пир пировать, службу служить; позволь нам поехать, твоих королевен разыскать».— «Исполать вам, добрые мо́лодцы! Как вас по имени зовут?» — «Мы — три брата родные: Зорька, Вечорка и Полуночка».— «Чем же вас на дорогу пожаловать?» — «Нам, государь, ничего не надобно; не оставь только нашей матушки, призри ее в бедности да в старости». Король взял старуху, поместил во дворец и велел кормить ее и поить со своего стола, одевать-обувать из своих кладовых.

Отправились добрые мо́лодцы в путь-дорогу; едут месяц, и другой, и третий, и заехали в широкую пустынную степь. За той степью дремучий лес, а у самого лесу стоит избушка; постучались в окошко — нет отзыва, вошли в двери — а в избушке нет никого. «Ну, братцы, останемся здесь на время, отдохнем с дороги». Разделись, помолились богу и легли спать. Наутро меньшой брат Зорька говорит старшему брату Вечорке: «Мы двое на охоту пойдем, а ты оставайся дома да приготовь нам обедать». Старший брат согласился; возле той избушки был хлевец полон овец; вот он, долго не думая, взял что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил к обеду. Приготовил все как надобно и лег на лавочку отдохнуть.

Вдруг застучало, загремело — отворилась дверь и вошел старичок сам с ноготок, борода с локоток, глянул сердито и закричал на Вечорку: «Как смел в моем доме хозяйничать, как смел моего барана зарезать?» Отвечает Вечорка: «Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать! Вот возьму щей ложку да хлеба крошку — все глаза заплесну!» Старичок с ноготок еще пуще озлобился: «Я мал, да удал!» Схватил горбушку хлеба и давай его в голову бить, до полусмерти прибил, чуть-чуть живого оставил и бросил под лавку; потом съел зажаренного барана и ушел в лес. Вечорка обвязал голову тряпицею, лежит да охает. Воротились братья, спрашивают: «Что с тобой подеялось?» — «Эх. братцы, затопил я печку, да от великого жару разболелась у меня головушка — весь день как шальной провалялся, не мог ни варить, ни жарить!»

На другой день Зорька с Вечоркою на охоту пошли, а Полуночку дома оставили: пусть-де обед приготовит. Полуночка развел огонь, выбрал самого жирного барана, зарезал его, поставил в печь; управился и лег на лавку. Вдруг застучало, загремело — вошел старичок сам с ноготок, борода с локоток и давай его бить-колотить; чуть-чуть совсем не ухлопал! Съел жареного барана и ушел в лес. Полуночка завязал платком голову, лежит под лавкою и охает. Воротились братья: «Что с тобой?» —

спрашивает Зорька. «Угорел, братцы! Всю головушку разломило, и обеда вам не готовил».

На третий день старшие братья на охоту пошли, а Зорька дома остался; выбрал что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил. Управился и лег на лавочку. Вдруг застучало, загремело — идет во двор старичок сам с ноготок, борода с локоток, на голове целый стог сена тащит, а в руках большой чан воды несет; поставил чан с водою, раскидал сено по двору и принялся овец считать. Видит — опять не хватает одного барана, рассердился, побежал в избушку, бросился на Зорьку и крепко ударил его в голову. Зорька вскочил, ухватил старичка за длинную бороду и ну таскать вповолочку во все стороны; таскает да приговаривает: «Не узнав броду, не суйся в воду!»

Взмолился старичок сам с ноготок, борода с локоток: «Смилуйся, сильномогучий богатырь! Не предавай меня смерти, отпусти душу на покаяние». Зорька вытащил его на двор, подвел к дубовому столбу и в тот столб забил ему бороду большим железным клином; после воротился в избу, сидит да братьев дожидается. Пришли братья с охоты и дивуются, что он цел-невредим. Зорька усмехается и говорит: «Пойдемте-ка, братцы, ведь я ваш угар поймал, к столбу привязал». Выходят на двор, смотрят — старичок с ноготок давно убежал, только половина бороды на столбе мотается; а где он бежал, тут кровь лилась.

По тому следу добрались братья до глубокого провала. Зорька пошел в лес, надрал лыков, свил веревку и велел спустить себя под землю. Вечорка и Полуночка спустили его под землю. Очутился он на том свете, отвязался от цепи и пошел куда глаза глядят. Шел-шел — стоит медный дворец; он во дворец, встречает его младшая королевна — краше цвета алого, белей снегу белого, и ласково спрашивает: «Как зашел сюда, добрый мо́лодец, по воле аль по неволе?» — «Твой родитель послал вас, королевен, разыскивать». Она тотчас посадила его за стол, накормила-напоила и дает ему пузырек с сильной водою: «Испей-ка этой водицы, у тебя силы прибавится». Зорька выпил тот пузырек и почуял в себе мощь великую. «Теперь,— думает,— хоть кого осилю!»

Тут поднялся буйный ветер, королевна испугалась: «Сейчас,— говорит,— мой змей прилетит!» — взяла его за руку и схоронила в другой комнате. Прилетел трехглавый змей, ударился о сырую землю, обернулся молодцем и закричал: «А! Русским духом пахнет... кто у тебя в гостях?» — «Кому у меня быть? Ты по Руси летал, там русского духу набрался — оттого и здесь тебе чудится». Змей запросил есть и пить; королевна принесла ему разных кушаньев и напитков, а в те напитки подсыпала сонного зелья. Змей наелся-напился, стало его в сон бросать; он заставил королевну искать у себя в головах, лег к ней на колени и заснул крепким сном. Королевна вызвала Зорьку; тот вышел, размахнул мечом и отрубил змею все три головы; потом разложил костер, сжег змея поганого и пустил пепел по чистому полю.

«Теперь прощай, королевна! Пойду искать твоих сестер, а как найду — за тобой ворочусь»,— сказал Зорька и пошел в дорогу; шел-шел — видит серебряный дворец, в том дворце жила середняя королевна. Зорька убил

тут шестиглавого змея и пошел дальше. Долго ли, коротко ли — добрался он до золотого дворца, в том дворце жила старшая королевна; он убил двенадцатиглавого змея и освободил ее от заключения. Королевна возрадовалась, стала домой собираться, вышла на широкий двор, махнула красным платочком — золотое царство в яичко скаталось; взяла то яичко, положила в карман и пошла с Зорькою-богатырем за своими сестрицами. Те то же самое сделали: скатали свои царства в яички, забрали с собой и отправились к провалу. Вечорка и Полуночка вытащили своего брата и трех королевен на белый свет. Приезжают они все вместе в свое государство; королевны покатили в чистом поле своими яичками — и тотчас явились три царства: медное, серебряное и золотое. Король так обрадовался, что и рассказать нельзя; тотчас же обвенчал Зорьку, Вечорку и Полуночку на своих дочерях, а по смерти сделал Зорьку своим наследником.

141—142. МЕДВЕДКО, УСЫНЯ, ГОРЫНЯ И ДУБЫНЯ-БОГАТЫРИ

141

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухою; детей у них не было. Говорит раз старик: «Старуха, поди купи репку — за обедом съедим». Старуха пошла, купила две репки; одну кое-как изгрызли, а другую в печь положили, чтобы распарилась. Погодя немного слышат — что-то в печи кричит: «Бабушка, откутай; тут жарко!» Старуха открыла заслонку, а в печи лежит живая девочка. «Что там такое?» — спрашивает старик. «Ах, старик! Господь дал нам девочку». И старик и старуха крепко обрадовались и назвали эту девочку Репкою. 81a

Вот Репка росла, росла и выросла большая. В одно время приходят деревенские девки и просят: «Бабушка, отпусти с нами Репку в лес за ягодами».— «Не пущу, к...ны дети! Вы ее в лесу покинете».— «Нет, бабушка, ни за́ что не кинем». Старуха отпустила Репку. Собрались девки, пошли за ягодами и зашли в такой дремучий лес, что зги не видать. Глядь — стоит в лесу избушка, вошли в избушку, а там на столбе медведь сидит. «Здравствуйте, красные девицы! — сказал медведь.— Я вас давно жду». Посадил их за стол, наклал им каши и говорит: «Кушайте, хорошие-пригожие! Которая есть не будет, тоё замуж возьму». Все девки кашу едят, одна Репка не ест. Медведь отпустил девок домой, а Репку у себя оставил; притащил сани, прицепил к потолку, лег в эти сани и заставил себя качать. Репка стала качать, стала приговаривать: «Бай-бай, старый хрен!» — «Не так! — говорит медведь.— Сказывай: бай-бай, милый друг!» Нечего делать, стала качать да приговаривать: «Бай-бай, милый друг!»

Вот так-то прожил медведь с нею близко года; Репка забрюхатела и думает: как бы выискать случай да уйти домой. Раз медведь пошел на добычу, а ее в избушке оставил и заклал дверь дубовыми пнями. Репка давай выдираться, силилась-силилась, кое-как выдралась и убежала домой. Старик со старухой обрадовались, что она нашлась: живут они месяц, другой и третий; а на четвертый Репка родила сына — половина человечья, половина медвежья; окрестили его и дали имя Ивашко-Медведко. Зачал Ивашко расти не по годам, а по часам; что час, то на вершок выше подается, словно кто его в гору[1] тащит. Стукнуло ему пятнадцать лет, стал он ходить с ребятами на игры и шутить шутки нехорошие: кого ухватит за руку — рука прочь, кого за голову — голова прочь.

Пришли мужики жаловаться, говорят старику: «Как хочешь, земляк, а чтобы сына твоего здесь не было! Нам для его удали не погубить своих деток!» Старик запечалился-закручинился. «Что ты, дедушка, так невесел? — спрашивает Ивашко-Медведко.— Али кто тебя обездолил?» Старик трудно вздохнул: «Ах, внучек! Один ты у меня был кормилец, и то велят тебя из села выслать».— «Ну что ж, дедушка! Это еще не беда; а вот беда, что нет у меня обороны. Поди-ка, сделай мне железную дубинку в двадцать пять пуд». Старик пошел и сделал ему двадцатипятипудовую дубинку. Ивашко простился с дедом, с бабою, взял свою дубинку и пошел куда глаза глядят.

Идет путем-дорогою, пришел к реке шириной в три версты; на берегу стоит человек, спер реку ртом, рыбу ловит усо́м, на языке варит да кушает. «Здравствуй, Усыня-богатырь!» — «Здравствуй, Ивашко-Медведко! Куда идешь?» — «Сам не ведаю: иду куда глаза глядят».— «Возьми и меня с собой».— «Пойдем, брат! Я товарищу рад». Пошли двое и увидали богатыря — захватил тот богатырь целую гору, понес в лог и верстает дорогу. Ивашко удивился: «Вот чудо так чудо! Уж больно силен ты, Горынюшка!» — «Ох, братцы, какая во мне сила? Вот есть на белом свете Ивашко-Медведко, так у того и впрямь сила великая!» — «Да ведь это я!» — «Куда ж ты идешь?» — «А куда глаза глядят».— «Возьми и меня с собой».— «Ну, пойдем; я товарищам рад».

Пошли трое и увидели чудо — богатырь дубье верстает: который дуб высок, тот в землю пихает, а который низок, из земли тянет. Удивился Ивашко: «Что за сила, за могута великая!» — «Ох, братцы, какая во мне сила? Вот есть на белом свете Ивашко-Медведко, так тот и впрямь силен!» — «Да ведь это я!» — «Куда же тебя бог несет?» — «Сам не знаю, Дубынюшка! Иду куда глаза глядят».— «Возьми и меня с собой».— «Пойдем; я товарищам рад». Стало их четверо.

Пошли они путем-дорогою, долго ли, коротко ли — зашли в темный, дремучий лес; в том лесу стоит малая избушка на курячьей ножке и все повертывается. Говорит Ивашко: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а к нам передом». Избушка поворотилась к ним передом, двери сами растворилися, окна открылися; богатыри в избушку — нет никого, а на дворе и гусей, и уток, и индеек — всего вдоволь! «Ну, братцы, — говорит

[1] Т. е. вверх.

Ивашко-Медведко— всем нам сидеть дома не годится; давайте кинем жеребей: кому дома оставаться, а кому на охоту идти». Кинули жеребей: пал он на Усыню-богатыря.

Названые братья его на охоту ушли, а он настряпал-наварил, чего только душа захотела, вымыл голову, сел под окошечко и начал гребешком кудри расчесывать. Вдруг закутилося-замутилося, в глаза зелень выступила — становится земля пупом, из-под земли камень выходит, из-под камня баба-яга костяная нога, ж... жиленая, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрехивает. «Тут мне попить-поесть у Усыни-богатыря!» — «Милости прошу, баба-яга костяная нога!» Посадил ее за стол, подал часточку [2], она съела. Подал другую, она собачке отдала: «Так-то ты меня потчуешь!» Схватила толкач, начала бить Усынюшку; била-била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела все дочиста и уехала. Усыня очнулся, повязал голову платочком, сидит да охает. Приходит Ивашко-Медведко с братьями: «Ну-ка, Усынюшка, дай нам пообедать, что ты настряпал».— «Ах, братцы, ничего не варил, не жарил: так угорел, что насилу избу прокурил».

На другой день остался дома Горыня-богатырь; наварил-настряпал вымыл голову, сел под окошечком и начал гребнем кудри расчесывать. Вдруг закутилося-замутилося, в глаза зелень выступила—становится земля пупом, из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрехивает. «Тут мне попить-погулять у Горынюшки!» — «Милости прошу, баба-яга костяная нога!» Она села, Горыня подал ей часточку — баба-яга съела; подал другую — собачке отдала: «Так-то ты меня потчуешь!» Схватила железный толкач, била его, била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела все до последней крошки и уехала. Горыня опомнился, повязал голову и, ходя, охает. Воротился Ивашко-Медведко с братьями: «Ну-ка, Горынюшка, что ты нам на обед сготовил?» — «Ах, братцы, ничего не варил: печь угарная, дрова сырые, насилу прокурил».

На третий день остался дома Дубыня-богатырь; настряпал-наварил, вымыл голову, сел под окошечком и начал кудри расчесывать. Вдруг закутилося-замутилося, в глаза зелень выступила — становится земля пупом, из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрехивает. «Тут мне попить-погулять у Дубынюшки!» — «Милости прошу, баба-яга костяная нога!» Баба-яга села, часточку ей подал — она съела; другую подал — собачке бросила: «Так-то ты меня потчуешь!» Ухватила толкач, била его, била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела все и уехала. Дубыня очнулся, повязал голову и, ходя, охает. Воротился Ивашко: «Ну-ка, Дубынюшка, давай нам обедать».— «Ничего не варил, братцы, так угорел, что насилу избу прокурил».

На четвертый день дошла очередь до Ивашки; остался он дома, наварил-настряпал, вымыл голову, сел под окошечком и начал гребнем кудри расчесывать. Вдруг закутилося-замутилося — становится земля пупом,

[2] Часть, кусок (*Ред.*).

из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет; сзади собачка побрехивает. «Тут мне попить-погулять у Ивашки-Медведка!» — «Милости прошу, баба-яга костяная нога!» Посадил ее, часточку подал — она съела; другую подал — она сучке бросила: «Так-то ты меня потчуешь!» Схватила толкач и стала его осаживать; Ивашко осердился, вырвал у бабы-яги толкач и давай ее бить изо всей мочи, бил-бил, до полусмерти избил, вырезал со спины три ремня, взял засадил в чулан и запер.

Приходят товарищи: «Давай, Ивашко, обедать!» — «Извольте, други, садитесь». Они сели, а Ивашко стал подавать: всего много настряпано. Богатыри едят, дивуются да промеж себя разговаривают: «Знать, у него не была баба-яга!» После обеда Ивашко-Медведко истопил баню, и пошли они париться. Вот Усыня с Дубынею да с Горынею моются и всё норовят стать к Ивашке передом. Говорит им Ивашко: «Что вы, братцы, от меня свои спины прячете?» Нечего делать богатырям, признались, как приходила к ним баба-яга да у всех по ремню вырезала. «Так вот от чего угорели вы!» — сказал Ивашко, сбегал в чулан, отнял у бабы-яги те ремни, приложил к ихним спинам, и тотчас все зажило. После того взял Ивашко-Медведко бабу-ягу, привязал веревкой за ногу и повесил на воротах: «Ну, братцы, заряжайте ружья да давайте в цель стрелять: кто перешибет веревку пулею — молодец будет!» Первый выстрелил Усыня — промахнулся, второй выстрелил Горыня — мимо дал, третий Дубыня — чуть-чуть зацепил, а Ивашко выстрелил — перешиб веревку; баба-яга упала наземь, вскочила и побежала к камню, приподняла камень и ушла под землю.

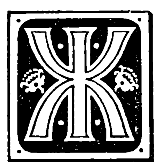
Богатыри бросились вдогонку; тот попробует, другой попробует — не могут поднять камня, а Ивашко подбежал, как ударит ногою — камень отвалился, и открылась норка. «Кто, братцы, туда полезет?» Никто не хочет. «Ну,— говорит Ивашко-Медведко,— видно, мне лезть приходится!» Принес столб, уставил на краю пропасти, на столбе повесил колокол и прицепил к нему один конец веревки, а за другой конец сам взялся. «Теперь опускайте меня, а как ударю в колокол — назад тащите». Богатыри стали спускать его в нору; Ивашко видит, что веревка вся, а до дна еще не хватает; вынул из кармана три больших ремня, что вырезал у бабы-яги, привязал их к веревке и опустился на тот свет.

Увидал дорожку торную и пошел по ней, шел-шел — стоит дворец, во дворце сидят три дéвицы, три красавицы, и говорят ему: «Ах, добрый мóлодец, зачем сюда зашел? Ведь наша мать — баба-яга; она тебя съест!» — «Да где она?» — «Она теперь спит, а в головах у ней меч-кладенец лежит; ты меча не трогай, а коли дотронешься — она в ту ж минуту проснется да на тебя накинется. А вот лучше возьми два золотых яблочка на серебряном блюдечке, разбуди ягу-бабу потихонечку, поднеси ей яблочки и проси отведать ласково; она поднимет свою голову, разинет пасть и как только станет есть яблочко — ты выхвати меч-кладенец и сруби ей голову за один раз, а в другой не руби; если ударишь в другой раз — она тотчас оживет и предаст тебя злой смерти». Ивашко так и сделал, отсек бабе-яге голову, забрал красных дéвиц и повел к норе; привязал

старшую сестру к веревке, ударил в колокол и крикнул: «Вот тебе, Усыня, жена!» Богатыри ее вытащили и опустили веревку на низ; Ивашко привязал другую сестру: «Вот тебе, Горыня, жена!» И ту вытащили. Привязал меньшую сестру и крикнул: «А это моя жена!» Дубыня рассердился, и как скоро потащили Ивашку-Медведка, он взял палицу и разрубил веревку надвое.

Ивашко упал и больно зашибся; очнулся добрый мо́лодец и не знает, как ему быть; день, другой и третий сидит не евши, не пивши, отощал с голоду и думает: «Пойду-ка, поищу в кладовых у бабы-яги, нет ли чего перекусить». Пошел по кладовым, наелся-напился и напал на подземный ход; шел-шел и выбрался на белый свет. Идет чистым полем и видит — красная де́вица скотину пасет; подошел к ней поближе и узнал свою невесту, «Что, умница, делаешь?» — «Скотину пасу; сестры мои за богатырей замуж идут, а я не хочу идти за Дубынюшку, так он и приставил меня за коровами ходить». Вечером красная де́вица погнала стадо домой; а Ивашко-Медведко за нею идет. Пришел в избу; Усыня, Горыня и Дубыня богатыри сидят за столом да гуляют. Говорит им Ивашко: «Добрые люди! Поднесите мне хоть одну рюмочку». Поднесли ему рюмку зелена вина; он выпил и другую запросил; дали ему другую, выпил и запросил третью, а как выпил третью — распалилось в нем богатырское сердце: выхватил он боевую палицу, убил всех трех богатырей и выбросил их тела в чистое поле лютым зверям на съедение. После того взял свою нареченную невесту, воротился к старику и к старухе и сыграл веселую свадьбу; много тут было выпито, много было съедено. И я на свадьбе был, мед-вино пил, по усам текло, во рту сухо было́; дали мне пива корец[3], моей сказке конец.

142



ила-была старуха, детей у нее не было. В одно время пошла 81b
сна щепки собирать и нашла сосновый чурбан; воротилась, затопила избу, а чурбан положила на печку и говорит сама с собою: «Пускай высохнет, на лучину годится!» А изба у старухи была черная; скоро щепки разгорелися, и пошел дым по всей избе. Вдруг старухе послышалось, будто на печи чурбан кричит: «Матушка, дымно! Матушка, дымно!» Она сотворила молитву, подошла к печке и сняла чурбан, смотрит — что за диво? Был чурбан, а стал мальчик. Обрадовалась старуха: «Бог сынка дал»! И начал тот мальчик расти не по годам, а по часам, как тесто на опаре киснет; вырос и стал ходить на дворы боярские и шутить шуточки богатырские: кого схватит за руку — рука прочь, кого за ногу — нога прочь, кого за голову — голова долой! Стали бояре старухе жаловаться; она позвала сынка и говорит ему: «Что ты задумал? Живи, батюшка, потише». А он в ответ: «Если я тебе неугоден, я совсем уйду!»

Вышел из города и пошел дорогою; навстречу ему Дугиня-богатырь — хоть какое дерево, так в дугу согнет! Спрашивает Дугиня: «Куда идешь,

[3] Ковш (*Ред.*).

Сосна-богатырь?» — «Куда глаза глядят!» — «Возьми меня с собой».— «Пойдем». Пошли вдвоем; повстречался им Горыня-богатырь: «Куда идете?»— «А куда глаза глядят!» — «Возьмите и меня с собой».— «Ладно, иди». Прошли еще сколько-то верст; попадается им у большой реки Усыня-богатырь — сидит на берегу, одним усо́м реку запрудил, а по его усу, словно по́ мосту, пешие идут, конные скачут, обозы едут. Спрашивает Усыня: «Куда идешь, Сосна-богатырь?» — «Куда глаза глядят!» — «Возьми и меня с собой».— «Ладно, будь товарищ». Вот идут они четверо, долго ли, коротко ли — подходят к синю морю; хочется им попасть на ту сторону, а как — не знают. Усыня-богатырь раскинул свои усы, и по тем усам перебрались все на другую сторону.

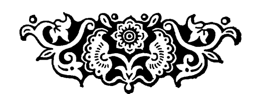
Шли-шли и очутились в дремучем лесу. «Стой, ребята! — говорит Сосна-богатырь.— Что нам по белу свету шататься? Не лучше ли здесь на житье остаться?» Принялись за работу, срубили избу и стали ходить охотиться, а дома оставляют одного по очереди — обед стряпать, за хозяйством смотреть. На первый день была очередь Дугинина, изготовил он попить-поесть и лег на лавку отдохнуть немножко. Стук, стук, приходит баба-яга: «Подавай,— говорит,— обед! Пить-есть хочу!» Дугиня поставил на стол хлеб-соль и жареную утку; она все сожрала, да еще спрашивает. «Больше нет ничего — отвечает Дугиня,— мы сами люди заезжие». Баба-яга ухватила его за волосы, принялась таскать по́ полу, таскала-таскала, еле живого оставила. Воротились с охоты товарищи: «Что лежишь, Дугиня?» — «Угорел, братцы! Изба новая, сырая...» На другой день то же самое случилось с Горынею, а на третий день — с Усынею.

Дошла очередь до Сосны-богатыря; приходит к нему баба-яга, требует: «Подавай пить-есть!» Он поставил на стол хлеб-соль и жареного гуся. Баба-яга съела и еще спрашивает. «Больше нет ничего, мы сами люди заезжие». Она кинулась на богатыря, да Сосна-богатырь сам силен, ухватил ее за седые космы, оттаскал и выкинул из избы еле живую. Баба-яга поползла на карачках и ушла под большой камень. Воротились с охоты товарищи; Сосна-богатырь повел их к этому камню и говорит: «Надобно, ребята, поднять его». Они пробовали-пробовали — никто своротить не может; а Сосна-богатырь кулаком ударил — камень за версту отлетел. Глянули, а на том месте, где камень лежал, пропасть оказалася. «Ну, ребята, надо зверье бить да веревки вить!» Набили зверей, нарезали кож, связали длинный ремень, прицепили к нему сетку и в той сетке спустили Сосну-богатыря в подземельное царство.

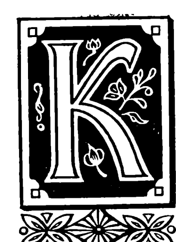
Начал он ходить по подземельному царству, набрел на избушку, взошел туда — в избушке сидит дочь бабы-яги да ковер вышивает. Увидала гостя и вскрикнула: «Ах, Сосна-богатырь! Сейчас моя матушка придет; куда тебя спрятать от нее?» Взяла оборотила его в булавку и воткнула в пяльцы. Приходит баба-яга и спрашивает: «Кто у тебя в избе?» — «Никого, матушка!» — «Что же русским духом пахнет?» Кинулась искать, искала-искала, никого не нашла. Как только баба-яга ушла, красная де́вица бросила булавочку об пол — из булавочки явился Сосна-богатырь; повела его в чулан, в том чулане два кувшина стоят: в синем — сильная вода, в белом — бессильная. «Когда будешь с матушкой драться, выскочи

скорей в двери да в чулан, выпей всю воду из синего кувшина и перелей в него из белого».

Только успела это рассказать, как прибегает баба-яга и хочет в богатыря вцепиться. «Постой, матушка! — говорит ей дочь.— Сделай прежде уговор: если он тебя сшибет, пускай даст тебе дух перевести; а если ты его сшибешь, тогда ему просить отдыху». Сосна-богатырь и баба-яга сделали такой уговор и бросились друг на друга; яга-баба ударила его óб пол. Красная дéвица сейчас закричала: «Матушка! Дай ему отдохнуть». Сосна-богатырь побежал в чулан, выпил из синего кувшина всю воду, перелил в него из белого, воротился в избу, ухватил бабу-ягу и ударил óб пол. «Дай дух перевести!» — закричала старуха, вскочила, побежала в чулан и напилась бессильной воды. Стали они опять драться; Сосна-богатырь ударил ее так сильно, что до смерти убил; положил мертвую на огонь, сжег и развеял пепел по ветру. Потом взял он красную дéвицу, посадил в сетки и затряс ремнем; богатыри Дугиня, Горыня да Усыня тотчас ее вытащили, опустили опять канат, подняли Сосну-богатыря до половины и оборвали ремень. (Сосна-богатырь упал; его выносит на Русь огромная птица, он женится на дочери бабы-яги, а богатыри, его товарищи, с испугу разбегаются в разные чужедальние земли.)



143. НАДЗЕЙ, ПАПОВ УНУК[1]



ак не в каким чарстви, не в каким государстви, как жив[2] поп, 82
поп удов[3], и как была у евтаго папа доц яго радная. Ета, братиц ты, как ён бярёг яе, и как ён ни ездить куды у приход, ён завсягды́ вязець ей гастинцыки: що евта прихожани знаюць, що ёсь у нашаго папа доц и надабиць ей как-нибудь гастинцыка паслаць. И паехав ён у приход — верст за двенадцать дзеревня, ну, ета ён з прицастям паехав, и там ён прицастив цалавека; ну, ладна, и прибярягли[4] яго воцинна[5] харашо. Ну, ён и забыв, щобы гастинца доцки дали, ну, ён и сев з евтим и паехав дамов.

И едзиць ён па дароги, и гарыць цалавеццая галава на дароги, и уся[6] згарела, только попил[7] ядин астае́тцы. Ён было праехав, патом и уздумав: «Ще ж я праехав? Видзь цалвеццая галава гариць, дай я вазьму, у карман евтат папялок улажу́, связу дамов и пагрябу». Ну, узял ён у карман яго и усыпав, сев нá лошадзь апяць и паехав дамов. Ну, прияжджаиць к двару,

[1] Внук.

[2] Окончание *в* вместо *л* произносится грубо, как бы *у*; то же дóлжно заметить и о произношении слова *дамов* — домой.

[3] Вдовый.

[4] Ласково принимали, угощали.

[5] Очень.

[6] Вся.

[7] Пепел.

и сувстрикаиць [8] яго до́цка, з лошадзи знимаиць яго; у яго забалела галава, ви́дна з ветру, и яна спаць яго палажила на пярину. Ну, патом яна уздумала ета: «Ах, бацюшка ж мой нябось гастинца привёз!» Яна и цап [9] у карман; евтат жи папялок абаратився ларцыкам. Ну, ета яна выхвацила етат ларцык и кажиць [10]: «Ну, ларцык! Харашо; а ня знаю, как яго атлажиць» [11]. Ну, вот яна выхвацила и лизнула яго и забяреминила. Хто носиць па нядзелям, а яна па цасам; дайшло да таго уремя [12], що радзиць, и радзи́ла; ну, сийцас патом яго и ахрисцили, нарекли имя Надзей, папов унук.

Патом став росць етат маладзениц [13]; хто расцець па гадам, а ён па цасам; шесць [14] нядзель концылась — на вуличу к рябятам шулугу [15] ганяць пайшов. Вдариць ён па шулуге, шулуга ляциць, тольки звижжить; каму вдариць у нагу — нага проц, каму вдариць у руку — так рука проц, каму у галаву — галава проц. Ета атцы евтих дзяцей и приходзяць к свящельнику етаму, и приходзяць к свящельнику з прозьбай: «Бацюшка! Ни пущайце свайго унука на вуличу гуляць к ребятам, больна [16] много ён шкоды [17] дзелаець». Каторый гаво́риць — майму галаву́ адарвав, другёй гаво́риць — майму руку адарвав; ни пущайце, гаво́рюць, бацюшка, как можна.

Ну харашо, мог ён вуздержаць яго до самаго лета; ён вырас парядашнай, и гаво́риць ён: «Ну, дзедушка любезнай, що ж мы будзим дзелаць-рабатаць?» Дрянно [18] дзед яго узрадовався и гаво́риць: «Доц мая любезная! Слава табе господзи! — гаво́риць. — Дав бог наследницка како́га; бог паслав! И какёй хлапатнэй! [19] Що я буду з ним дзелаць? Ну, станим рабатаць. По́йдзим, — гаво́риць, — унуцык мой, ляда [20] вывалим». — «По́йдзим, дзедушка!»

И зайшли яны у бало́та, и выбрали яны места такоя припадобная [21]. Дзед став нацынаць ель валиць, ён (внук) гаво́риць: «Дзедушка, ты ня поцынай, меня бласлави». — «Ну,— гаво́риць дзедушка,— унуцык, бог цябе блаславиць!» Ён сийцас как на́цав, как по́цав да как став валиць, адна лес трящиць; так сяканёць з яднаго́ бока тапаром, с друго́го дзерива паляцела. Да двенадцатага цасу ён вывалив палтары дясацины ляда. Дзед кажиць: «Ну́жна сечь ме́льця [22] да жечь». А ён гаво́риць: «Дзедушка, мы и так груддё [23] складзём».

У три дня ета ляда паспела сеяць. Узя́ли яны з дзедам и пасеяли, да врадзився ж авёс, так етакай авёс нисказа́нной. Ну, павадзився в евтат авёс мядзведзь. Пасматрев поп, схадимши, ляда — много зъедзина авса. Приходзиць ён дамов, спрашиваиць унук: «Що, дзедушка, ти какаво наша ляда?» — «Дрянно́, унуцык, харашо, тольки ж повадзилась какая-то дзикая лошадзь, дрянно́ ись [24] и многа зъяну здзелала». — «Как так, дзедушка, скольки трудився я, а яна, евтакая шельма, скольки зъяну надзелала!

[8] Встречает.
[9] *Цапнуть* — хватить.
[10] Говорит.
[11] Открыть.
[12] Время.
[13] Стал расти этот младенец.
[14] Шесть.
[15] Небольшой шар, свитый из лык.
[16] Очень.
[17] Убытка, вреда.
[18] Очень, весьма.
[19] Хлопотливый.
[20] Болото или другое место, поросшее кустарником и лесом.
[21] Хорошее.
[22] Мельче.
[23] Кучей.
[24] Ест.

Пайду пакаравулю. Пайщи-тка мне кольки ни на ёсь пяноцки»[25]. Сев ён, звив аброць[26], паабедав, в лес пайшов. Приходзиць ён в ляда, и вдивився ён, удал добрай моладзиц: «Ах, бог мой, кольки шкоды здзелала, цирпець нивазможна!» — и сев ён сиред ляда на пни. Ну, и сидзиць: патом сийцас мядзведзь йдзиць з лесу, и пряма у авёс, и взнявся[27] и паёнс[28] авёс смуниць[29]. Ён, добрай моладзиц, и вдивився: «Що ж евта за дива, я евтаких лашадзей не видывав; що б ета за аказия такая, как яна авёс кастиць»[30].

Ета падходзиць ён — мядзведзь — к няму близка, к самому ка пню. Мядзведзь етага и ни внываиць[31], що цалавек стаиць; ён думаиць, що ета пень стаиць, и падходзиць к няму близка. Ён сийцас са пня, и цап яго за вуши, и схватив; ета схватив и притиснув к зямли яго. Мядзведзь думаиць: що такей, и хацев паправитца; ну вуж позна ён яму и папясца[32] ня дав, узяв яго етай аброттю забратав[33] и дамов повёв. И вёв ён яго дамов, мядзвездь какоя дзерива захвациць — з корним вароциць. Ну, и привёв ён яго дамов, привязав сиред двара к сталбу и приходзиць у вызбу. «Ну ты, госпадзи, — гаворйць,— какая лошадзь, дзедушка, разъелась! Как я умарився, тянумши яе дамов!» Дзед вышав на двор и вжахнувся[34]. «Пасматри-тка, — гаворйць, — доц мая любезная, що твой сынок, а мой унуцык здзелав» — и кольки время дзивавилися яны. Ён ⟨внук⟩ гаворйць: «Ни дзивуйцися, а гаворьти, що мы над етай лошаддю дзелаць будзим, как яна сильна дужа, и що на ёй рабатаць?» — «Вази,— кажиць дзед,— унуцык, дровы».

Взяв ён етага мядзведзя и запрёг яго у цялегу, и панёс ён вазиць дровы на мядзведзю, и у три дня усе цыста[35] загрузив, абклав кругом усё сяление. Етим прицетникам ни выйци, ни выхаць; усё загрузив цыста! И приходзяць ети прицетники к етаму священьнику и гаворюць: «Дзе хоцьте дзеньте яго, щоб ён ня быв; що ж ета за аказия, що у три дни усё сяло загрузив, ни выйци, ни выхаць никак нивазможна». — «Ах, доц мая, — гаворйць дзед,— що мы будзим дзелаць! Жалка табе сына, а мне унука; ну ж пошлим яго, куды хош ён — туды и ступай!» Ну, призываиць ён к сабе унука и гаворйць: «Ну, унук мой любезнай, приходзяць прицетники з прозьбай; жалка мне цибе а ступай ты, унуцык, куда ты уздумав, на все цатыри стораны». — «Эх, дзедушка мой любезнай! Вы б давно и сказали мне евта, я и пашов бы, никольки ня медлимши. Матушка мая любезная! Спяки мне каравашицку»[36]. Маць яго спякла яму каравашицку, улажила у хатомацку[37].

Вставав ён ранёшинька, вмывався бялёшинька. Узяв ён евту хатомацку, надзев яе на плецы, блаславився: «Матушка мая любезная и дзедушка мой радзимай, блаславице на пуць, на дарогу». Памалився ён богу и пашов, и вышав ён у цыста поля, и наставив[38] ён ни пуцём, ни дарогай, и наставив ён лясам дрямуцым, грязям тапуцым, и ишов ён семь дён без полдён, рот на апашку и язык наатмашку; вышав ён у тридзевятую землю, у тридзеся-

[25] Пеньки.
[26] Пеньковая узда (оброть).
[27] Взялся, принялся, начал.
[28] Начал.
[29] Мять.
[30] Сделать порчу, повредить.
[31] Не унывает.
[32] Поправиться.
[33] *Надел оброть* — зануздал.
[34] Ужаснулся.
[35] Чисто.
[36] Коврига хлеба.
[37] Котомку.
[38] Направился.

тая чарства, и выходзиць ён у цыстая поля, у крутые горы,— и гуляиць Гарыня-багатырь и горы капком [39] капаиць. Приходзиць Надзей, папов унук, к няму и гаворицъ: «Бог помаць, Гарыня-багатырь! Куды какая в цибе сила нязметная. Как ты, — гаворицъ, — гарам капаишь, как шулугу?» А ён гаворицъ яму: «Эх,— гаворицъ,— удал моладзиц! Ни вдивляйся ты маей сили. В тридзевятай земли, у тридзесятам чарстви,— гаворицъ,— как ёсь Надзей, папов унук, так у таго ня евтакая сила! Как привёв ён мядзведзя з лесу, да на мядзведзи усё цысто сяло загрузив. Яго, — гаворицъ, — воран кастёв ни заносиць, добрай маладой конь ни завозиць!» А ён гаворицъ: «Ах, брат Гарыня-багатырь! Ни воран кости заносиць, а сам добрай моладзиц заходзиць». А ён гаворицъ: «Ах, брат, тык евта ты Надзей, папов унук! Вазьми, брат, мяне у мяньшие братья». Ён яго и узяв, и яны многа хадзили, и многа багатырёв пабядзили, и многа гарадов захвацили; патом яны пажанились и багата жили.

144. ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, 83
а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо — в черной сорочке ходил. Послышали они, что пришла от царя бумага: «кто сострои такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых паляниц [1], разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу черных паляниц и фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шел-шел и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня: «Куда идешь?» — «Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль».— «Разве ты можешь сделать такой корабль?» — «Нет, не сумею!» — «Так зачем же ты идешь?» — «А бог его знает!» — «Ну, если так,— сказал старик,— то садись здесь; отдохнем вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе».— «Да тут такое, что и показать стыдно людям!» —«Ничего, вынимай; что бог дал — то и поснедаем!» Дурень развязал торбу — и глазам своим не верит: вместо черных паляниц лежат белые булки и разные приправы; подал старику. «Видишь,— сказал ему старик,— как бог дурней

[39] Ногою.

[1] Лепешки (*Ред.*).

жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделен... Давай же выпьем наперед горелки». Во фляжке наместо воды очутилась горелка; выпили, перекусили, и говорит старик дурню: «Слушай же — ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного».

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошел к лесу. Подошел к первому дереву, сделал все так, как ему велено: три раза перекрестился, тюкнул по дереву секирою [2], упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него — и корабль полетел по воздуху.

Летел-летел, глядь — лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал. «Здоров, дядьку!» — «Здоров, небоже».— «Что ты делаешь?» — «Слушаю, что на том свете делается».— «Садись со мною на корабль». Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь — идет человек на одной ноге, а другая до уха привязана. «Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?» — «Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!» — «Садись с нами!» Тот сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь — стоит человек с ружьем, прицеливается, а во что — неведомо. «Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно».— «Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу верст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!» — «Садись же с нами!» Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели-летели, глядь — несет человек за спиною полон мех хлеба. «Здоров, дядьку! Куда идешь?» — «Иду,— говорит,— добывать хлеба на обед».— «Да у тебя и так полон мешок за спиною».— «Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего».— «Садись-ка с нами!» Объедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь — ходит человек вокруг озера. «Здоров, дядьку!» Чего ищешь?» — «Пить хочется, да воды не найду».— «Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьешь?» — «Эка! Этой воды на один глоток мне не станет».— «Так садись с нами!» Он сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь — идет человек в лес, а за плечами вязанка дров. «Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несешь?» — «Да это не простые дрова».— «А какие же?» — «Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится».— «Садись с нами!» Сел он к ним, и полетели дальше. Летели-летели, глядь — человек несет куль соломы. «Здоров, дядьку! Куда несешь солому?» — «В село».— «Разве в селе-то мало соломы?» — «Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь ее — так зараз холодно сделается: снег да мороз!» — «Садись и ты с нами!» — «Пожалуй!» Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

[2] Топором.

Царь на ту пору за обедом сидел: увидал летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошел к кораблю, видит, что на нем всё мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донес царю, что на корабле нет ни одного пана, а всё черные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед покончится, целющей и живущей воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что́ на том свете делается) услыхал царские речи и рассказал дурню. «Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!» — «Не бойся,— сказал ему скороход,— я за тебя справлюсь». Пришел слуга и объявил царский приказ. «Скажи: принесу!» — отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целющей и живущей воды: «Успею,— думает,— воротиться!» — присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал: «Экий! Спит себе под мельницей». Стрелок схватил свое ружье, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принес воду; царь еще из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи свое удальство: съешь со́ своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печеного хлеба». Первый товарищ услыхал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» — «Не бойся,— отвечает Объедало,— мне еще мало будет!» Пришел слуга, явил царский указ. «Хорошо,— сказал дурень,— давайте, будем есть». Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печеного; Объедало один всё поел. «Эх,— говорит,— мало! Еще б хоть немножко дали...» Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок ведер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить».— «Не бойся,— говорит Опивало,— я один за всех выпью; еще мало будет!» Налили вином сорок бочек; Опивало пришел и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит: «Эх, маловато! Еще б выпить».

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошел дурень мыться, а за ним следом идет мужик с соломою: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому — и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мерзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поет. Доложили

царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит: «Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь».— «Эх ты! — отозвался мужик с вязанкою дров.— А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!» Пришел слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтрему целый полк войска».— «Добре, зроблю! Только если царь и после того станет отговариваться, то повоюю все его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны — тотчас явилось несметное войско; и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал царь и в свой черед испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нем души не чаяла.

145—147. СЕМЬ СЕМИОНОВ

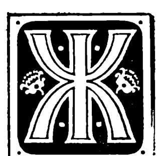
145

В одном месте у мужика было семь сынов, семь Семенов — все 84а
молодец молодца лучше, а такие лентяи, неработицы — во всем свете поискать! Ничего не делали. Отец мучился-мучился с ними и повез к царю; привозит туда, сдает всех в царскую службу. Царь поблагодарил его за таких молодцов и спросил, что они умеют делать. «У самих спросите, ваше царско величество!» Царь наперво со́звал большого Семена, спросил: «Чего ты умеешь делать?» — «Воровать, ваше царско величество».— «Ладно; мне такой человек на время надобен». Со́звал второго: «А ты чего?» — «Я умею ковать всяки дороги́ вещи».— «Мне и такой человек надобен». Со́звал третьего Семена, спрашиват: «А ты чего умеешь делать?» — «Я умею стрелять на лету птицу, ваше царско величество».— «Ладно!» Спрашиват четвертого: «А ты чего?» — «Если стрелец подстрелит птицу, я вместо собаки сплаваю за ней и притащу».— «Ладно! — говорит царь.— А ты чему мастер?» — спросил пятого. «Я буду смотреть с высокого места во все царства и стану сказывать, где чего делатся».— «Хорошо, хорошо!» Спросил шестого. «Я знаю делать корабли; только тяп-ляп, у меня и будет корабь».— «Хорошо, а ты чего знашь?» — спросил седьмого. «Я умею лечить людей».— «Ладно!»

Царь отпустил их. Живут долго уж; царь и вздумал попытать одного Семена: «Ну-ка, Семен, узнай, где чего делатся?» Семен забился куда-то наверх, посмотрел по сторонам и рассказал: «Тут вот то-то делатся, там то-то». После сличили с газетами — точно так! Прошло опять много время; царь вздумал жениться на одной царевне: как ее достать? Не знат, некого послать! И вспомнил семь Семенов, со́звал их, дал службу: достать эту царевну; дал им сколько-то солдатства. Семены скоро собрались, все мастера — тяп да ляп, и сделали корабь, сели и поплыли. Подплывают под то царство, где была невеста-царевна; один посмотрел с высокого шеста, сказал, что царевна теперь одна — украсть можно; другой сковал какие-то самые дорогие вещи, и пошли с вором продавать: только дошли, вор тотчас и украл царевну. Отсекли якоря, поплыли. Царевна видит, что ее везут, обернулась белой лебедью и полетела с корабля. Стрелец не оробел, схватил ружье, стрелил и попал ей в левое крыло; вместо собаки кинулся другой Семен, схватил лебедь на́ море и принес на корабь. Лебедь обернулась опять царевной, только лева рука у нее была подстрелена. Лекарь у них свой, тотчас руку у царевны вылечил.

Приехали к своему царству здоровы, благополучны, выстрелили из пушки. Царь услышал, и забыл уж про Семенов — думат: что за корабь пришел там? «Поди-ка,— говорит,— сбегайте, узнайте там». Кто-то сбегал ли, съездил ли; сколь скоро доложили царю о семи Семенах вместе с царской невестой,— он обрадовался Семеновым трудам, приказал встретить их с честью, с пушечной пальбой, с барабанным боем. Только царевна не пошла за царя взамуж: он был уж стар. Он ее и спросил, за кого она хочет выйти? Царевна говорит: «За того, кто меня воровал!» — а вор Сенька был бравый детина, царевне поглянулся [1]. Царь, не говоря больше ни слова, приказал их обвенчать; потом сам захотел на спокой, Семена поставил на свое место, а братовей его сделал всех большими боярами.

146



Жил-был старик со старухой среди поля. Пришел час: мужик 84b
богу душу отдал; а старуха погодя немного места родила семь близнецов-однобрюшников, что по прозванию семь Симеонов. Вот они растут да растут, все один в одного и лицом и статьями, и каждое утро выходят пахать землю все семеро. Случилось так, что тою стороной ехал царь: видит с дороги, что далеко в поле пашут землю никак барщиной — так много народу! — а ему ведомо, что в той стороне не причитается барской земли. Вот посылает царь своего конюшего узнать, что за люди такие пашут, какого роду и звания, барские или царские, дворовые ли какие или наемные? Приходит к ним конюший, спрашивает: «Что вы за люди такие есть, какого роду и звания?» Отвечают ему: «А мы такие люди, мать родила нас семь Симеонов-однобрюшников, а пашем мы землю отцову и дедину».

[1] Понравился.

10 Заказ № 27

И рассказывает, воротясь, конюший царю все, как слышал. Удивляется царь. «Такого чуда не слыхивал я!» — говорит он и тут же посылает сказать семи Симеонам-однобрюшникам, что он ждет их к себе в терем на услуги и посылки.

Собрались все семеро и приходят в царские палаты, становятся в ряд. «Ну,— говорит царь,— отвечайте: к какому мастерству кто способен, какого ремесла кто придерживается?» Выходит старший. «Я,— говорит,— могу сковать железный столб сажо́н в двадцать вышиною».— «А я,— говорит второй,— могу уставить его в землю».— «А я,— говорит третий,— могу взлезть на него и осмотреть кругом далеко-далеко все, что по белому свету творится».— «А я,— говорит четвертый,— могу срубить корабль, что ходит по́ морю, как по́ суху».— «А я,— говорит пятый,— могу торговать разными товарами по чужим землям».— «А я,— говорит шестой,— могу с кораблем, людьми и товарами нырнуть в море, плавать под водою и дале вынырнуть опять, где надо».— «А я — вор,— говорит седьмой,— могу украсть, что приглядится иль полюбится».— «Такого ремесла я не терплю в своем царстве-государстве,— отвечал сердито царь последнему, седьмому Симеону,— и даю тебе три дни сроку выбираться из моей земли куда тебе любо, а всем другим шестерым Симеонам приказываю остаться здесь». Пригорюнился седьмой Симеон, заслышав речи царские; не знает, как ему быть и что делать. В то время царю была по́ сердцу красавица царевна, что живет за горами, за морями, и никак не мог он достать ее, чтоб ожениться. Вот бояре, воеводы царские и вспомнили, что вор, мол, пригодится и, может быть, сумеет похитить чудную царевну, и стали они просить царя оставить вора Симеона до поры до времени. Подумал царь и приказал его оставить.

Вот на другой день царь собрал бояр своих и воевод и весь народ, приказывает семи Симеонам показать свои ремесла. Старший Симеон, не долго мешкая, сковал железный столб в двадцать сажо́н вышиною. Царь приказывает своим людям уставить железный столб в землю; но как ни бился народ, не мог его уставить. Тогда приказал царь второму Симеону уставить железный столб в землю. Симеон второй, не долго думая, поднял и упер столб в землю. Затем Симеон третий взлез на этот столб, сел на маковку и стал глядеть кругом далече, как и что творится по белу свету: и видит синие моря, на них как пятна мреют корабли, видит села, города, народа тьму; но не примечает той чудной царевны, что полюбилась царю. И стал пуще глядеть во все виды и вдруг заприметил: у окна в далеком тереме сидит красавица царевна, румяна, белолица и тонкокожа, аж видно, как мозги переливаются по косточкам. «Видишь?» — кричит ему царь. «Вижу».— «Слезай же поскорее вниз и доставай царевну, как там знаешь, чтоб была мне во что бы ни стало!»

Собрались все семеро Симеонов, срубили корабль, нагрузили его всяким товаром и гостьми, и все вместе поплыли морем доставать царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями. Едут, едут между небом и землей, пристают к неведомому острову у пристани. А Симеон меньшой взял с собою в путь сибирского кота ученого, что может по цепи ходить, вещи подавать, разны немецки штуки выкидать. И вышел вор Симеон с

своим котом с сибирским, идет по острову, а товарищей-ребят просит не выходить на землю, пока он сам не придет назад. Идет по острову, приходит в город и на площади пред царевниным теремом забавляется с котом ученым с сибирским: приказывает ему вещи подавать, через плетку скакать, немецкие штуки выкидать.

На ту пору царевна сидела у окна и завидела неведомого зверя, какого у них нет и не водилось отродясь. Тотчас же посылает прислужницу свою узнать, что за зверь такой, и продажный али нет? Слушает вор Симеон красную молодку, царевнину прислужницу, и говорит: «Зверь мой — кот сибирский; а продавать — не продаю ни за какие деньги, а коли крепко кому он полюбится, тому подарить — подарю». Так и рассказала прислужница своей царевне, а царевна снова подсылает свою молодку к Симеону вору: «Крепко, мол, зверь твой полюбился!»

Пошел Симеон во терем царевнин и принес ей в дар кота своего сибирского; просит только за это пожить в ее тереме три дни и покушать царского хлеба-соли, да еще прибавляет: «Научить тебя, прекрасная царевна, как играться и забавляться с неведомым зверем, с сибирским котом?» Царевна позволила, и вор Симеон остался ночевать в царском тереме.

Пошла весть по палатам, что у царевны завелся дивный неведомый зверь; собрались все, и царь, и царица, и царевичи, и царевны, и бояре, и воеводы, все глядят, любуются — не налюбуются на веселого зверя, ученого кота. Все желают достать и себе такого и просят царевну; но царевна не слушает никого, не дарит никому своего сибирского кота, гладит его по шерсти шелковой, забавляется с ним день и ночь, а Симеона приказывает поить и угощать вволю, чтоб ему было хорошо. Благодарит Симеон за хлеб-соль, за угощенье и за ласки, и на третий день просит царевну пожаловать к нему на корабль, поглядеть на устройство его и на разных зверей виданных и невиданных, ведомых и неведомых, что привез он с собою.

Царевна успросилась у батюшки-царя и вечерком с прислужницами и няньками пошла смотреть корабль Симеона и зверей его виданных и невиданных, ведомых и неведомых. Приходит; у берега поджидает ее Симеон меньшой и просит царевну не прогневаться и оставить на земле нянек и прислужниц, а самоё пожаловать на корабль: «Там-де много зверей разных и красивых; какой тебе полюбится, тот и твой! А всех одарить, кому что полюбится,— и нянек, и прислужниц — не могим». Царевна согласна и приказывает нянькам да прислужницам подождать ее на берегу, а сама идет за Симеоном на корабль глядеть дива дивные, зверей чудных. Как взошла — корабль и отплыл, и пошел гулять по синему морю. Царь ждет не дождется царевны. Приходят няньки и прислужницы, плачутся, рассказывая свое горе. И распалился гневом царь, приказывает сейчас же устроить погоню. Снарядили корабль, натеснили народу, и погнался царский корабль за царевной. Чуть мреет далече — плывет корабль Симеонов и не ведает, что за ним царская погоня летит — не плывет! Вот уж близко! Как увидали семь Симеонов, что погоня уж близко, вот-вот догонит! — нырнули и с царевной и с кораблем. Долго плыли под

водою и поднялись наверх тогда, как близко стало до родной земли. А царская погоня плавала три дня, три ночи, ничего не нашла; с тем и возвратилась.

Приезжают семь Симеонов с прекрасной царевной домой, глядь — на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество! Сам царь поджидает у пристани и встречает гостей заморских, семерых Симеонов с прекрасной царевной, с радостью великою. Как сошли они на́ берег, народ стал кричать и шуметь; а царь поцеловал царевну во уста сахарные, повел во палаты белокаменные, посадил за столы дубовые, скатерти браные, угостил всякими напитками медовыми и наедками сахарными и вскорости отпраздновал свадьбу с душою-царевной — и было веселье и большой пир, что на весь крещеный мир! А семи Симеонам дал волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать беспошлинно, владеть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкал и домой отпустил с казной на разживу.

Была и у меня клячонка восковые плечонки, плеточка гороховая. Вижу: горит у мужика овин; клячонку я поставил, пошел овин заливать. Покуда овин заливал, клячонка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговал кирпичом, остался ни при чем; был у меня шлык, под воротню шмыг, да колешко[1] сшиб, и теперя больно. Тем и сказке конец!

147

одного старичка, у богатого мужичка, не было ни сына, ни до- 84с
чери; стал он бога молить, чтобы послал ему хоть единое детище при жизни на потеху, а по смерти на замену. Вот родилось у него в один день семь сынов, и всех их назвали Симеонами. Не привел им бог взрасти под надзором отца-матери; остались Симеоны сиротками. Известно, каково житье сиротское: хоть мал, неразумен, а во всякий след пойди, за всякое дело берись; так-то и Симеоны. Пришла пора рабочая, народ засуетился — и жнут, и косят, и на гумно возят, а тут надо еще землю поднимать, под зиму надо хлеб засевать; Симеоны подумали-подумали, и хоть силы нет, а туда же за людьми поехали, копаются, как червяки, на широком поле.

Едет мимо царь; удивился, что малые дети не по силе работают. Подозвал их к себе, стал расспрашивать; дознался, что у них нет ни отца, ни матери. «Я,— говорит,— хочу быть вашим отцом; скажите мне: каким ремеслом желаете вы заняться?» Старший отвечал: «Я, государь, буду кузнец и воздвигну столб такой, что ни в ска́зке сказать, ни пером написать — почти до небес».— «А я,— отвечал второй,— взойду на этот столб, стану глядеть на все стороны и тебе рассказывать, что делается в чужих царствах-государствах». Государь похвалил. Третий отвечал: «Я буду плотник и сделаю корабль» — «Дело!» Четвертый: «А я стану кораблем управлять и буду кормчий».— «Хорошо!» Пятый: «А я, когда понадобится, возьму корабль за нос и спрячу его на дно моря». Шестой: «А я,

[1] Колено (*Ред.*).

когда понадобится, со дна моря его опять выхвачу».— «Все вы хотите быть дельными людьми! А ты,— сказал царь меньшому,— чему хочешь учиться?» — «Я, государь, буду вор!» — «О, худо же ты затеял! Вора мне не надо, вора я велю казнить». Государь простился с детьми и уехал. Симеонов отдали в науку. Через долгое время они выросли, выучились чему хотели; государь их потребовал налицо — испробовать их мастерство, поглядеть их искусство, испытать их знание.

Кузнец сковал столб такой, что голову закинешь — шее станет больно, чуть не до небес. Царь похвалил. Другой брат, как белка, вскочил на верхушку столба, глянул на все стороны; раскрылись пред ним все царства-государства, и он стал рассказывать, в котором из них что делается. «А в таком-то царстве, в таком-то государстве,— говорил он,— живет Елена-царевна Прекрасная — невиданной красоты; алый цвет у ней по лицу рассыпается, белый пух по груди расстилается, и видно, как мозжечок из косточки в косточку переливается». Это царю всего больше понравилось. Третий брат тяп да ляп — выстроил корабль, как дом хороший. Царь обрадовался. Четвертый стал управлять кораблем; корабль побежал по́ морю, как рыбка живая. Государь был очень доволен. Пятый на всем лету схватил корабль, дернул его за нос — корабль потонул на дно моря. Шестой в одну минуту выхватил его из моря, как легкую лодочку, и корабль стал — как ни в чем не бывал. Государю и эта штука понравилась.

А для меньшого брата — вора — поставили виселицу, протянули петлю. Царь его спросил: «И ты в своем мастерстве так же искусен, как твои братья?» — «Я еще искуснее их!» Тут же хотели его вздернуть на виселицу; но он закричал: «Погоди, государь, может и я пригожусь. Повели, я украду для тебя Елену Прекрасную; только отпусти со мной моих братьев. Я поплыву с ними в корабле новосделанном, и Елена-царевна будет твоя». А у царя из головы не шла Елена Прекрасная, много он об ней слышал хорошего, сердце к ней просилося, да жила она от него за тридевять земель, в тридесятом царстве. «Вор затеял хорошо; положиться на его удальство хоть нельзя, а попытаться можно»,— подумал государь. Отпустил вора с братьями, а корабль новосделанный нагрузил всякими богатствами.

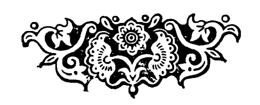
Долго ли плавали, нет ли, наконец остановились в том государстве, где жила Елена Прекрасная. Вора не учить, что́ надо говорить, как за дело браться. Он все вызнал, выведал; услышал, что в этой земле нет кошек, нарядился купцом, взял кошечку; оглаживая, охорашивая, повел ее на золотом шнурке мимо окна Елены-царевны. Царевна увидела, понравился ей хорошенький зверек, приказала она его купить. Вор отвечал, что он богатый купец, приехал из богатейшего государства, привез всякие редкости, драгоценности, желает явить прекрасной Елене свое усердие и просит ее принять от него кошечку в подарок. Вора позвали во дворец; кошка делала разные штуки, царевна любовалась.

Вор наговорил столько о своих невиданных редкостях, принес и раскинул пред нею такие чудные ткани, такие дивные уборы — глаз бы не отвел! «Да то ли еще у меня есть! — говорил он вдобавок.— Эти вещи я могу всем показать, кто хочет — может купить их; а тебе, царевна,

не угодно ли взглянуть на сокровище бесценное, никем не виданное? Оно у меня на корабле под великой охраной; только одной тебе и покажу его. Оно заменяет ночью огонь, днем — солнце и освещает всякий мрак чудным светом: это камень необычайной красоты; а вынуть его невозможно, объявить об нем — значит погубить себя, всякий захочет обладать им. Дорого стоило мне, чтоб достать его; но еще дороже для меня честь от царя моего, которому я везу это диво в подарок». Царевна дала слово быть на корабле и взглянуть на сокровище.

На другой день с нянюшками, мамушками, с красными девушками она отправилась из дворца на корабль. Вся свита осталась на берегу; только Елена могла видеть чудный свет бесподобного камня. Все было изготовлено для ее встречи; семь Симеонов явились прислуживать, и только она вступила на корабль — пятый брат схватил корабль за нос, и корабль пал на дно моря; вода плесканулась, закружилась, потом волны опять загуляли по-старому, как ничего не бывало; только на берегу кричали, плакали нянюшки, мамушки, только царь-отец рассылал погоню во все концы... Но посланцы возвращались без царевны! Елена Прекрасная плыла далеко по синему океану; шестой брат вывел корабль со дна моря, корабль шел как гусь-лебедь, покачиваясь, и скоро пристал к родимому берегу. Царь обрадовался; он и во сне не видал, чтоб принимать у себя Елену Прекрасную. Щедро наградил он Симеонов, не велел с них оброку, подушного брать; а сам женился на Елене Прекрасной и задал пир на весь мир.

Я нарочно за тысячу верст туда пришла, пиво-мед пила, по усам текло, а в рот не попало! Там дали мне ледяную лошадку, репеное седельце, гороховую уздечку, на плечики — синь кафтан, на голову — шит колпак. Поехала я оттуда во всем наряде, остановилась отдохнуть; седельце, уздечку поснимала, лошадку к деревцу привязала, сама легла на травке. Откуда ни возьмись — набежали свиньи, съели репеное седельце; налетели куры, склевали гороховую уздечку; взошло солнышко, растопило ледяную лошадку. Пошла я с горем пешечком; иду — по дорожке прыгает сорока и кричит: «Синь кафтан! Синь кафтан!», а мне послышалось: «Скинь кафтан!» Я скинула да бросила. К чему же, подумала я, остался на мне шит колпак? Схватила его да оземь и, как видите теперь, осталась ни с чем.



148. НИКИТА КОЖЕМЯКА

коло Киева проявился змей, брал он с народа поборы нема- 85
лые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее. Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу, а есть ее не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит бревнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею и́з дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ еще принесет. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живет в городе Киеве Кожемяка — тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошел просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришел сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись — и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошел супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку: авось на их слезы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шел он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слезы глядя. Взял триста пуд пеньки, насмолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошел на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему. «Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу!» — сказал Кожемяка и стал уже двери ломать. Змей, видя беду неминучую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой». — «Хорошо, — сказал Кожемяка, — надо межу проложить». Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея, да и стал от Киева межу пропахивать; Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, — говорит змей, — теперь мы всю землю разделили!» — «Землю разделили, — проговорил Никита, — давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Взъехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен. Кругом ее пашут, а борозды не трогают, а кто не знает, от чего эта борозда, — называет ее валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не́ взял за работу ничего, пошел опять кожи мять.

149. ЗМЕЙ И ЦЫГАН

В старые годы стояла одна деревушка, повадился в ту деревушку змей летать, людей пожирать. Всех поел; остался всего-навсего один мужик. В те́ поры приходит туда цыган; дело было поздним вечером. Куда ни заглянет — везде пусто! Зашел, наконец, в последнюю избушку; там сидит да плачется остальной мужик. «Здравствуй, добрый человек!» — «Ты зачем, цыган? Верно, жизнь тебе надоела?» — «А что?» — «Да ведь сюда повадился змей летать, людей пожирать; всех поел, меня одного до утра оставил, а завтра прилетит — и меня сожрет, да и тебе несдобровать. Разом двух съест!» — «А может, подавится! Дай-ка я с тобой переночую да посмотрю завтра: какой-такой змей к вам летает?» Переночевали. 86

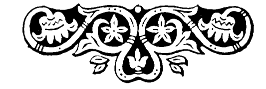
Утром поднялась вдруг сильная буря, затряслась изба — прилетает змей: «Ага! — говорит.— Прибыль есть! Оставил одного мужика, а нашел двух. Будет чем позавтракать!» — «Будто и вправду съешь?» — спрашивает цыган. «Да таки съем!» — «Брешешь, чертова образина! Подавишься!» — «Что ж, ты разве сильнее меня?» — «Еще бы! Чай, сам знаешь, что у меня сила больше твоей». — «А ну, давай попробуем: кто кого сильнее?» — «Давай!» Змей достал из жерновов камень: «Смотри, цыган! Я этот камень одной рукой раздавлю». — «Ладно, посмотрю!» Змей взял камень в горсть и стиснул так крепко, что он в мелкий песок обратился: искры так и посыпались! «Экое диво! — говорит цыган.— А ты так сожми камень, чтоб из него вода потекла. Гляди, как я сожму!» А на столе лежал узелок творогу; цыган схватил его и ну давить — сыворотка и потекла наземь. «Что, видел? У кого силы больше?» — «Правда, рука у тебя сильнее моей; а вот попробуем: кто из нас крепче свистнет?» — «Ну, свистни!» Змей как свистнул — со всех деревьев лист осыпался. «Хорошо, брат, свистишь, а все не лучше моего,— сказал цыган.— Завяжи-ка наперед свои бельмы, а то как я свистну — они у тебя изо лба повыскочат!» Змей поверил и завязал платком свои глаза: «А ну, свисти!» Цыган взял дубину да как свистнет змея по башке — тот во все горло закричал: «Полно, полно, цыган! Не свисти больше, и с одного разу немного глаза не вылезли». — «Как знаешь, а я, пожалуй, готов и еще разок-другой свистнуть». — «Нет, не надо, не хочу больше спорить. Давай лучше с тобой побратаемся: ты будь старший брат, а я меньшой». — «Пожалуй!»

«Ну, брат,— говорит змей,— ступай — там на степи пасется стадо волов; выбери самого жирного, возьми за хвост и тащи на обед». Нечего делать — пошел цыган в степь; видит — пасется большой гурт волов, давай их ловить да друг к дружке за хвосты связывать. Змей ждал-ждал, не выдержал и побежал сам: «Что так долго?» — «А вот постой: навяжу штук пятьдесят, да за один раз и поволоку всех домой, чтоб на целый месяц хватило!» — «Экой ты! Нешто нам здесь век вековать? Будет и одного». Тут змей ухватил самого жирного вола за хвост, сдернул с него шкуру, мясо взвалил на плечи и потащил

домой. «Как же, брат, я столько штук навязал — неужли ж так бросить?» — «Ну, брось».

Пришли в избу, наклали два котла говядины, а воды нету. «Нá тебе воловью шкуру,— говорит цыгану змей,— ступай, набери полную воды и неси сюда; станем обед варить». Цыган взял шкуру, потащил к колодезю — еле-еле порожнюю тащит, не то что с водою. Пришел и давай окапывать кругом колодезь. Змей опять ждал-ждал, не выдержал и побежал сам: «Что ты, брат, делаешь?»—«Хочу колодезь кругом окопать да весь в избу притащить, чтоб не нужно было ходить пó воду». — «Экой ты! Много затеваешь! Чтоб окопать, надо много времени». Опустил змей в колодезь шкуру, набрал полную воды, вытащил и понес домой. «А ты, брат,— говорит цыгану,— ступай пока в лес, выбери сухой дуб и волоки в избу; пора огонь разводить!» Цыган пошел в лес, начал лыки драть да веревки вить; свил длинную-длинную веревку и принялся дубы опутывать. Змей ждал-ждал, не выдержал, побежал сам: «Что так мешкаешь?»—«Да вот хочу зараз дубов двадцать зацепить веревкою, да и тащить все с кореньями, чтобы нáдолго дров хватило!» — «Экой ты! Все по-своему делаешь», — сказал змей, вырвал с корнем самый толстый дуб и поволок в избу.

Цыган притворился, что крепко сердит, надул губы и сидит молча. Змей наварил говядины, зовет его обедать, а он с сердцем отвечает: «Не хочу!» Вот змей сожрал целого вола, выпил воловью шкуру воды и стал цыгана допрашивать: «Скажи, брат, за что сердишься?»—«А за то: чтó я ни сделаю — все не так, все не по-твоему!»— «Ну, не сердись, помиримся!»—«Коли хочешь со мной помириться, поедем ко мне в гости».— «Изволь; готов, брат!» Тотчас достал змей повозку, запряг тройку что ни есть лучших коней, и поехали вдвоем в цыганский табор. Стали подъезжать; увидали цыганята своего батька, бегут к нему навстречу голые да во все горло кричат: «Батько приехал; змея привез!» Змей испугался, спрашивает цыгана: «Кто это?»—«А тó мои дети! Чай, голодны теперь; смотри, как за тебя примутся!» Змей из повозки, да бежать; а цыган продал тройку лошадей вместе с повозкой и зажил себе припеваючи.



150. БАТРАК

Жил-был мужик; у него было три сына. Пошел старший сын 87
в батраки наниматься; пришел в город и нанялся к купцу, а тот купец куда был скуп и суров! Только одну речь и держал: как запоет петух, так и вставай батрак, да принимайся за работу. Трудно, тяжело показалось парню; прожил он с неделю и воротился домой. Пошел средний сын, прожил у купца с неделю, не выдержал и взял расчет. «Батюшка,— говорит меньшой сын,— позволь, я пойду в батраки к купцу».— «Куда тебе,

дураку! Знал бы сидел на печи! Получше тебя ходили, да ни с чем ворочались».— «Ну как хочешь, а я пойду!» Сказал и пошел к купцу: «Здравствуй, купец!» — «Здравствуй, молодец! Что хорошего скажешь?» — «Найми меня в батраки».— «Изволь; только у меня, брат, как петух запоет — так и ступай на работу на весь день».— «Знамое дело: нанялся, что продался!» — «А что возьмешь?» — «Да что с тебя взять? Год проживу — тебе щелчок да купчихе щипок; больше ничего не надо».— «Ладно, молодец!— отвечает хозяин, а сам думает:— Экая благодать! Вот когда дешево нанял, так дешево!»

Ввечеру батрак изловчился, поймал петуха, завернул ему голову под крыло и завалился спать. Уж полночь давно прошла, дело к утру идет — пора бы батрака будить, да петух не поет! Поднялось солнышко на небо — батрак и сам проснулся. «Ну, хозяин, давай завтракать, время работать идти». Позавтракал и проработал день до вечера; в сумерки опять изловил петуха, завернул ему голову за крыло и завалился спать до утра. На третью ночь опять то же. Дался диву купец, что за притча такая с петухом: совсем перестал горло драть! «Пойду-ка я,— думает,— на деревню, поищу иного петуха». Пошел купец петуха искать и батрака с собою взял.

Вот идут они дорогою, а навстречу им четверо мужиков быка ведут, да и бык же — большой да злющий! Еле-еле на веревках удержат! «Куда, братцы?» — спрашивает батрак. «Да быка на бойню ведем».— «Эх, вы! Четверо быка ведете, а тут и одному делать нечего!» Подошел к быку, дал ему в лоб щелчок и убил до смерти; опосля ухватил щипком за шкуру — вся шкура долой! Купец как увидел, каковы у батрака щелчки да щипки, больно пригорюнился; совсем забыл о петухе, вернулся домой и стал с купчихой совет держать, как им беду-горе отбывать? «А вот что,— говорит купчиха,— пошлем-ка мы батрака поздно вечером в лес, скажем, что корова со стада не пришла; пускай его лютые звери съедят!» — «Ладно!» Дождались вечера, поужинали; вышла купчиха на двор, постояла у крылечка, входит в избу и говорит батраку: «Что ж ты коров в сарай не загнал? Ведь одной-то, комолой, нету!» — «Да, кажись, они все были...» — «То-то все! Ступай скорей в лес да поищи хорошенько».

Батрак оделся, взял дубинку и побрел в дремучий лес; сколько ни ходил по лесу — не видать ни одной коровы; стал присматриваться да приглядываться — лежит медведь в берлоге, а батрак думает — то корова. «Эхма, куда затесалась, проклятая! А я тебя всю ночь ищу». И давай осаживать медведя дубинкою; зверь бросился наутек, а батрак ухватил его за шею, приволок домой и кричит: «Отворяй ворота́, принимай живота!» Пустил медведя в сарай и запер вместе с коровами. Медведь сейчас принялся коров душить да ломать; за ночь всех до одной так и порешил. Наутро говорит батрак купцу с купчихою: «Ведь корову-то я нашел».— «Пойдем, жена, посмотрим, какую корову нашел он в лесу?» Пошли в сарай, отворили двери, глядь — коровы задушены, а в углу медведь сидит. «Что ты, дурак, наделал? Зачем медведя в сарай притащил? Он всех коров у нас порешил!» — «Постой же,— гово-

рит батрак,— не миновать ему за то смерти!» Кинулся в сарай, дал медведю щелчок — из него и дух вон! «Плохо дело,— думает купец,— лютые звери ему нипочем. Разве один черт с ним сладит! Поезжай,— говорит батраку,— на чертову мельницу да сослужи мне службу великую: собери с нечистых деньги; в долг у меня забрали, а отдавать не отдают!» — «Изволь,— отвечает батрак,— для чего не сослужить такой безделицы?»

Запряг лошадь в телегу и поехал на чертову мельницу; приехал, сел на плотине и стал веревку вить. Вдруг выпрыгнул из воды бес: «Батрак! Что ты делаешь?» — «Чай, сам видишь: веревку вью».— «На что тебе веревка?» — «Хочу вас, чертей, таскать да на солнышке сушить; а то вы, окаянные, совсем перемокли!» — «Что ты, что ты, батрак! Мы тебе ничего худого не сделали».— «А зачем моему хозяину долгов не платите? Занимать небось умели!» — «Постой немножко, я пойду спрошу старшо́го»,— сказал черт и нырнул в воду. Батрак сейчас за лопату, вырыл глубокую яму, прикрыл ее сверху хворостом, посередке свой шлык уставил, а в шлыке-то загодя дыру прорезал.

Черт выскочил и говорит батраку: «Старшо́й спрашивает как же будешь ты чертей таскать? Ведь наши омуты бездонные».— «Великая важность! У меня на то есть веревка такая: сколько хочешь меряй, все конца не доберешься».— «Ну-ка покажи!» Батрак связал оба конца своей веревки и подал черту; уж тот мерил-мерил, мерил-мерил, все конца нету. «А много ль долгов платить?» — «Да вот насыпь этот шлык серебром, как раз будет». Черт нырнул в воду, рассказал про все старшо́му; жаль стало старому с деньгами расставаться, а делать нечего, пришло раскошеливаться. Насыпал батрак полон воз серебра и привез к купцу. «Вот она беда-то! И черт его не берет!»

Стал купец с купчихой уговариваться бежать из дому; купчиха напекла пирогов да хлебов, наклала два мешка и легла отдохнуть, чтоб к ночи с силами собраться да от батрака уйти. А батрак вывалил из мешка пироги и хлебы да заместо того в один положил жернова, а в другой сам залез; сидит — не ворохнется, и дух притаил! Ночью разбудил купец купчиху, взвалили себе по мешку на плеча и побежали со двора. А батрак из мешка подает голос: «Эй, хозяин с хозяйкой! Погодите, меня с собой возьмите».— «Узнал, проклятый! Гонит за нами!» — говорят купец с купчихою и побежали еще шибче; во как уморились! Увидал купец озеро, остановился, сбросил мешок с плеч: «Отдохнем, — говорит, — хоть немножко!» А батрак отзывается: «Тише бросай, хозяин! Все бока переломаешь».— «Ах, батрак, да ты здесь!» — «Здесь!»

Ну, хорошо; решились заночевать на берегу и легли все рядышком. «Смотри, жена,— говорит купец,— как только заснет батрак, мы его бросим в воду». Батрак не спит, ворочается, с боку на бок переваливается. Купец да купчиха ждали-ждали и уснули; батрак тотчас снял с себя тулуп да шапку, надел на купчиху, а сам нарядился в ее шубейку и будит хозяина: «Вставай, бросим батрака в озеро!» Купец встал; подхватили они вдвоем сонную купчиху и кинули в воду. «Что ты, хозяин, сделал? — закричал батрак.— За что утопил купчиху?» Делать

нечего купцу, воротился домой с батраком, а батрак прослужил у него целый год да дал ему щелчок в лоб — только и жил купец! Батрак взял себе его имение и стал жить-поживать, добра припасать, лиха избывать.

151. ШАБАРША

Ай потешить вас сказочкой? А сказочка чудесная: есть в ней 88
дива дивные, чуда чудные, а батрак Шабарша из плутов плут: уж как взялся за гуж, так не́ча сказать — на все дюж! Пошел Шабарша по батракам жить[1] да година настала лихая: ни хлеба никакого, ни овощей не родилось. Вот и думает думу хозяин, думу глубокую: как разогнать злую кручину, чем жить-поживать, откуда деньги брать? «Эх, не тужи, хозяин! — говорит ему Шабарша. — Был бы день — хлеб да деньги будут!» И пошел Шабарша на мельничну плотину. «Авось, — думает, — рыбки поймаю; продам — ан вот и деньги! Эге, да веревочки-то нет на удочку... Постой, сейчас совью». Выпросил у мельника горсть пеньки, сел на бережку и ну вить уду.

Вил-вил, а из воды прыг на берег мальчик в черной курточке да в красной шапочке. «Дядюшка! Что ты здесь поделываешь?» — спросил он. «А вот веревку вью». — «Зачем?» — «Да хочу пруд вычищать да вас, чертей, из воды таскать». — «Э, нет! Погоди маленько; я пойду скажу дедушке». Чертенок нырнул вглубь, а Шабарша принялся снова за работу. «Погоди, — думает, — сыграю я с вами, окаянными, штуку, принесете вы мне и злата и се́ребра». И начал Шабарша копать яму, выкопал и наставил на нее свою шапку с вырезанной верхушкою. «Шабарша, а Шабарша! Дедушка говорит, чтобы я с тобой сторговался. Что возьмешь, чтобы нас из воды не таскать?» — «Да вот эту шапочку насыпьте полну злата и се́ребра».

Нырнул чертенок в воду; воротился назад: «Дедушка говорит, чтобы я с тобой сперва поборолся». — «О, да где ж тебе, молокососу, со мною бороться! Да ты не сладишь с моим средним братом Мишкою». — «А где твой Мишка?» — «А вон, смотри, отдыхает в яру под кустиком». — «Как же мне его вызвать?» — «А ты подойди да ударь его по́боку; так он и сам встанет». Пошел чертенок в яр, нашел медведя и хватил его дубинкой по́ боку. Поднялся Мишка на дыбки, скрутил чертенка так, что у него все кости затрещали. Насилу вырвался из медвежьих лап, прибежал к водяному старику. «Ну, дедушка, — сказывает он в испуге, — у Шабарши есть средний брат Мишка, схватился было со мною бороться — ажно косточки у меня затрещали! Что ж было бы,

[1] Т. е. в батраках.

если б сам-то Шабарша стал бороться!»— «Гм! Ступай, попробуй побегать с Шабаршой взапуски; кто кого обгонит?»

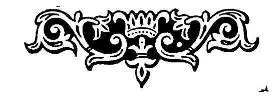
И вот мальчик в красной шапочке опять подле Шабарши; передал ему дедушкины речи, а тот ему в ответ: «Да куда тебе со мной взапуски бегать! Мой маленький брат Заинька — и тот тебя далеко за собой оставит!» — «А где твой брат Заинька?» — «Да вон — в травке лег, отдохнуть захотел. Подойди к нему поближе да тронь за ушко — вот он и побежит с тобою!» Побежал чертенок к Заиньке, тронул его за ушко; заяц так и прыснул, чертенок было вслед за ним! «Постой, постой, Заинька, дай с тобой поравняться... Эх, ушел!»—«Ну, дедушка,— говорит водяному,— я было бросился резво бежать. Куды! И поравняться не́ дал, а то еще не сам Шабарша, а меньшой его брат бегал!» — «Гм! — проворчал старик, нахмурив брови.— Ступай к Шабарше и попробуйте: кто сильнее свистнет?»

«Шабарша, а Шабарша! Дедушка велел попробовать: кто из нас крепче свистнет?» — «Ну, свисти ты прежде». Свистнул чертенок, да так громко, что Шабарша насилу на ногах устоял, а с дерев так листья и посыпались. «Хорошо свистишь,— говорит Шабарша,— а все не по-моему! Как я свистну — тебе на ногах не устоять, и уши твои не вынесут... Ложись ничком наземь да затыкай уши пальцами». Лег чертенок ничком на землю и заткнул уши пальцами; Шабарша взял дубину да со всего размаху как хватит его по шее, а сам фю-фю-фю!.. посвистывает. «Ох, дедушка, дедушка! Да как же здорово свистнул Шабарша — ажно у меня искры из глаз посыпались; еле-еле с земли поднялся, а на шее да на пояснице, кажись, все косточки поломались!»—«Ого! Не силен, знать, ты, бесенок! Пойди-тка, возьми там, в тростнике, мою железную дубинку, да попробуйте: кто из вас выше вскинет ее на воздух?»

Взял чертенок дубинку, взвалил ее на плечо и пошел к Шабарше. «Ну, Шабарша, дедушка велел в последний раз попробовать: кто из нас выше вскинет на воздух эту дубинку?» — «Ну, кидай ты прежде, а я посмотрю». Вскинул чертенок дубинку — высоко-высоко полетела она, словно точка в вышине чернеет! Насилу дождались, пока на землю упала... Взял Шабарша дубинку — тяжела! Поставил ее на конец ноги, оперся ладонью и начал пристально глядеть на небо. «Что же ты не бросаешь? Чего ждешь?»— спрашивает чертенок. «Жду, когда вон энта тучка подойдет — я на нее дубинку вскину; там сидит мой брат кузнец, ему железо на дело пригодится».—«Э, нет, Шабарша! Не бросай дубинку на тучку, а то дедушка рассердится!» Выхватил бесенок дубинку и нырнул к дедушке.

Дедушка как услышал от внучка, что Шабарша чуть-чуть не закинул его дубинки, испугался не на шутку и велел таскать из омута деньги да откупаться. Чертенок таскал-таскал деньги, много уж перетаскал — а шапка все не полна! «Ну, дедушка, на диво у Шабарши шапочка! Все деньги в нее перетаскал, а она все еще пуста. Теперь остался твой последний сундучок».—«Неси и его скорее! Веревку-то он вьет?»— «Вьет, дедушка!»—«То-то!» Нечего делать, почал чертенок заветный дедушкин сундучок, стал насыпать Шабаршову шапочку, сыпал-сыпал...

насилу дополнил! С той поры, с того времени зажил батрак на славу; звали меня к нему мед-пиво пить, да я не пошел: мед, говорят, был горек, а пиво мутно. Отчего бы такая притча?



152. ИВАНКО МЕДВЕДКО

В некотором селе жил-был богатый мужик с женою. Вот раз 89
пошла она в лес за груздями, заплуталась и забрела в медвежью берлогу. Медведь взял ее к себе, и долго ли, коротко ли — прижил с нею сына: дó пояс человек, а от пояса медведь; мать назвала того сына Иванко Медведко. Годы шли да шли. Иванко Медведко вырос, и захотелось ему с матерью уйти на село к людям; выждали они, когда медведь пошел на пчельник, собрались и убежали. Бежали, бежали и добрались-таки до места. Увидал мужик жену, обрадовался — уж он не чаял, чтоб она когда-нибудь домой воротилась; а после глянул на ее сына и спрашивает: «А это что за чудище?» Жена рассказала ему все, что и как было, как она жила в берлоге с медведем и как прижила с ним сына: дó пояс человек, а от пояса медведь.

«Ну, Иванко Медведко,— говорит мужик,— поди на задний двор да заколи овцу; надо про вас обед сготовить».— «А котору заколоть?» — «Ну хоть ту, что на тебя глядеть станет». Иванко Медведко взял нож, отправился на задний двор и только скричал овцам — как все овцы на него и уставились. Медведко тотчас всех переколол, поснимал с них шкурки и пошел спросить: куда прибрать мясо и шкуры? «Как? — заревел на него мужик.— Я тебе велел заколоть одну овцу, а ты всех перерезал!» — «Нет, батька! Ты велел мне ту заколоть, которая на меня взглянет; я на задний двор — они все до единой так на меня и уставились; вольно ж им было на меня глазеть!» — «Экой разумник! Ступай же, снеси все мясо и шкуры в амбар, а ночью покарауль дверь у амбара-то, как бы воры не украли да собаки не съели!» — «Хорошо, покараулю».

Как нарочно, в ту самую ночь собралась гроза, и полил сильный дождь. Иванко Медведко выломил у амбара дверь, унес ее в баню и остался там ночевать. Время было темное, ворам сподручное; амбар открыт, караула нет — бери, что хочешь! Поутру проснулся мужик, пошел посмотреть: все ли цело? Как есть ничего не осталось: что собаки съели, а что воры покрали. Стал он искать сторожа, нашел его в бане и принялся ругать пуще прежнего. «Ах, батька! Чем же я виноват? — сказал Иванко Медведко.— Сам ты велел дверь караулить — я дверь и караулил: вот она! Ни воры не украли, ни собаки не

съели!» — «Что с дураком делать? — думает мужик. — Этак месяц-другой поживет, совсем разорит! Как бы его с рук сбыть?» Вот и надумался: на другой же день послал Иванка Медведка на озеро из песку веревки вить; а в том озере много нечистых водилось: пусть-де его затащат черти в омут!

Иванко Медведко отправился на озеро, сел на берегу и начал из песку веревки вить. Вдруг выскочил из воды чертенок: «Что ты делаешь, Медведко?»—«Что? Веревки вью; хочу озеро морщить да вас, чертей, корчить — затем, что в наших омутах живете, а руги[1] не платите».— «Погоди, Медведко! Я побегу скажу дедушке»,— и с этим словом бултых в воду. Минут через пять снова выскочил: «Дедушка сказал: коли ты меня перегонишь, так заплатит ругу, а коли не перегонишь — велел тащить тебя самого в омут».—«Вишь прыткий! Ну, где тебе перегнать меня? — говорит Иванко Медведко.— У меня есть внучек, только вчера народился,— и тот тебя перегонит! Не хочешь ли с ним потягаться?» — «Какой-такой внучек?» — «Вон под колодой лежит,— отвечает Медведко да как вскрикнет на зайца: — Ай, Заюшко, не подгадь!» Заяц бросился без памяти в чистое поле и вмиг скрылся из виду; чертенок было за ним, да куда? — на полверсту отстал. «Теперь, коли хочешь,— говорит ему Медведко,— побежим со мною; только, брат, с уговором: если отстанешь — я тебя до смерти убью!» — «Что ты!»— сказал чертенок — и бултых в омут.

Немного погодя выскочил опять из воды и вынес дедушкин чугунный костыль: «Дедушка сказал: коли вскинешь ты вот этот костыль выше, чем я вскину, так заплатит ругу».— «Ну, кидай ты наперво!» Чертенок вскинул костыль так высоко, что чуть видно стало: с страшным гулом полетел костыль назад и ушел в землю наполовину. «Кидай теперь ты!» Медведко наложил на костыль руку, и пошевелить не смог. «Погоди,— говорит,— вот скоро подойдет облачко, так на него закину!»—«Э, нет! Как же дедушке без костыля-то быть?» — сказал бесенок, схватил чертову дубинку и бросился поскорей в воду.

Погодя немножко опять выскочил: «Дедушка сказал: коли сможешь ты обнести эту лошадь кругом озера хоть один раз лишний супротив меня, так заплатит ругу; а не то ступай сам в омут».— «Эко диво! Начинай». Чертенок взвалил на спину лошадь и потащил кругом озера; разов десять обнес и устал окаянный — пот так и льет с рыла! «Ну, теперь мой черед!» — сказал Иванко Медведко, сел на лошадь верхом и ну ездить кругом озера: до тех пор ездил, пока лошадь пала! «Что, брат! Каково?» — спрашивает чертенка. «Ну,— говорит нечистый,—ты больше моего носил, да еще как! — промеж ног; этак мне и разу не обнести! Сколько ж руги платить?»—«А вот сколько: насыпь мою шляпу золотом да прослужи у меня год в работниках—с меня и довольно!»

Побежал чертенок за золотом, а Иванко Медведко вырезал в шляпе дно и поставил ее над глубокой ямою; чертенок носил, носил зо-

[1] Налог, побор (обычно для попа.— *Ред.*).

лото, сыпал-сыпал в шляпу, целый день работал, а только к вечеру сполна насыпал. Иванко Медведко добыл телегу, наклал ее червонцами и свез на чертенке домой: «Разживайся, батька! Вот тебе батрак, а вот и золото»

153. СОЛДАТ ИЗБАВЛЯЕТ ЦАРЕВНУ

Загнали солдата на дальние границы; прослужил он положен- 90
ный срок, получил чистую отставку и пошел на родину. Шел он чрез многие земли, чрез разные государства; приходит в одну столицу и останавливается на квартире у бедной старушки. Начал ее расспрашивать: «Как у вас, баушка, в государстве — все ли здорово?» — «И-и, служивый! У нашего царя есть дочь-красавица Марфа-царевна; сватался за нее чужестранный принц; царевна не захотела за него идти, а он напустил на нее нечистую силу. Вот уж третий год неможет! Не дает ей нечистая сила по ночам спокою; бьется сердечная и кричит без памяти... Уж чего царь ни делает: и колдунов и знахарей приводил — никто не избавил!»

Выслушал это солдат и думает сам с собой: «Дай пойду, счастья попытаю; может, и избавлю царевну! Царь хоть что-нибудь на дорогу пожалует». Взял шинель, вычистил пуговицы мелом, надел и марш во дворец. Увидала его придворная прислуга, узнала, зачем идет, подхватила под руки и привела к самому царю. «Здравствуй, служба! Что хорошего скажешь?» — говорит царь. «Здравия желаю, ваше царское величество! Слышал я, что у вас Марфа-царевна хворает; я могу ее вылечить».— «Хорошо, братец! Коли вылечишь, я тебя с ног до головы золотом осыплю».— «Только прикажите, ваше величество, выдавать мне все, что требовать стану».— «Говори, что тебе надобно?» — «Да вот дайте мне меру чугунных пуль, меру грецких орехов, фунт свечей и две колоды карт да изладьте мне чугунный прут, чугунную царапку о пяти зубьях да чугунное подобие человека с пружинами».— «Ну, хорошо; к завтрему все будет готово».

Вот изготовили, что надо; солдат запер во дворце все окна и двери накрепко и закрестил их православным крестом, только одну дверь оставил незапертой и стал возле нее на часах; комнату осветил свечами, на стол положил карты, а в карманы насыпал чугунных пуль да грецких орехов. Управился и ждет. Вдруг в самую полночь прилетел нечистый дух: куда ни сунется — не может войти! Летал-летал кругом дворца и увидал, наконец, отворёну дверь; скинулся человеком и хочет войти. «Кто идет?» — окликнул солдат. «Пусти, служивый! Я придворный лакей».— «Где же ты, халдейская харя, до сих пор таскался?» — «А где был, там теперь нету! Дай-ка мне орешков погрызть!» — «Много вас тут, халдеев!

Всех по ореху оделить, самому ничего не останется».— «Дай, пожалуйста!» — «Ну, возьми!» — и дает ему пулю.

Черт взял в рот пулю, давил-давил зубами, в лепешку ее смял, а разгрызть — не разгрыз. Пока он с чугунною пулей возился, солдат орехов с двадцать разгрыз да съел. «Эх, служивый,— говорит черт,— крепки у тебя зубы!» — «Плох ты, я вижу! — отвечал солдат. — Ведь я двадцать пять лет царю прослужил, над сухарями зубы притупил, а ты б посмотрел, каков с молодых годов я был!» — «Давай, служивый, в карты играть».— «А на что играть-то станем?» — «Известно — на деньги».— «Ах ты, халдейская харя! Ну, какие у солдата деньги? Он всего жалованья — три денежки в сутки получает, а надо ему и мыла, и ваксы, и мелу, и клею купить и в баню сходить. Хочешь — на щелчки играть?» — «Пожалуй!» Начали на щелчки играть. Черт наиграл на солдата три щелчка. «Давай,— говорит,— бить стану!» — «Догоняй до десятку, тогда и бей; из трех щелчков нечего рук марать!» — «Ладно!» Стали опять играть; пришел солдату крестовый хлюст [1], и нагнал он на нечистого десять щелчков. «Ну-ка,— говорит черту,— подставляй свой лоб; я покажу тебе, каково с нашим братом на щелчки играть! По-солдатски урежу! И другу и недругу закажешь!...»

Черт взмолился, просит, чтоб солдат полегче его бил. «То-то! С вами, халдеями, только свяжись, сам не рад будешь; как дело к расчету — так сейчас и отлынивать! А мне никоим способом нельзя тебя пощадить; я — солдат и давал присягу завсегда поступать верою-правдою».— «Возьми, служивый, деньгами!» — «А на что мне твои деньги? Я играл на щелчки — щелчками и плати. Разве вот что: есть у меня меньшой брат, пойдем-ка к нему — он пробьет тебе щелчки потише моего; а если не хочешь, давай я сам стану бить!» — «Нет, служивый, веди лучше к меньшому брату».

Солдат привел нечистого к чугунному человеку, тронул за пружину да как щелкнет черта по лбу — тот ажно в другую стену отлетел; а солдат ухватил его за руку: «Стой! Еще девять щелчков за тобою». Тронул в другой раз пружину да так урезал, что черт кубарем покатился да чуть-чуть стены не пробил! А в третий раз отбросило нечистого прямо в окно; вышиб он раму, выскочил вон и навострил лыжи. «Помни, проклятый,— кричит солдат,— за тобой еще семь щелчков осталось!» А черт-то улепетывает, аж пятками в зад достает. Наутро спрашивает царь Марфу-царевну: «Ну что — каково ночь проводила?» — «Спокойно, государь-батюшка!»

На другую ночь отрядил сатана во дворец иного черта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по очереди. Досталось и этому на орехи! В тринадцать ночей перебывало у солдата тринадцать нечистых в переделке, и всем равно туго пришлось! Ни один в другой раз идти не хочет. «Ну, внучки́,— говорит им дедушка-сатана,— я сам теперь пойду́». Пришел сатана во дворец и ну с солдатом разговаривать; то-другое, пятое-десятое, стали в карты играть; солдат обыграл его и повел к мень-

[1] Три карты одной масти (*Ред.*).

шому брату щелчками угощать. Привел, подавил пружины, меньшой брат обхватил сатану чугунными руками да так-таки плотно, что ему ни взад, ни вперед нельзя пошевелиться. Солдат схватил чугунный прут и давай хлестать; бьет сатану да приговаривает: «Вот тебе в карты играть! Вот тебе Марфу-царевну мучить!» Исхлестал чугунный прут и взялся царапкой строгать: сатана благим матом ревет, а солдат знай себе дерет, и так его донял, что тот как вырвался — без оглядки убежал! Вернулся в свое болото, охает: «Ах, внучки, чуть было солдат до смерти не убил!» — «То-то, дедушка! Вишь он какой мудреный! Вот уж две недели, как я во дворце был, а все голова трещит! Да еще спасибо, что не сам бил, а меньшого брата заставлял!»

Вот стали черти придумывать, как бы выжить им из дворца этого солдата. Думали-думали и решились золотом откупиться. Прибежали к солдату разом все; тот увидал, испугался и закричал громким голосом: «Эй, брат, ступай сюда скорее, должники пришли, надо щелчки давать».— «Полно, полно, служивый! Мы пришли к тебе о деле потолковать; сколько хочешь возьми с нас золота — только выйди из дворца!» — «Нет! Что мне золото! Уж коли хотите услужить мне, так полезайте все в ранец; я слыхал, что нечистая сила больно хитра — хоть в щель, и то влезет! Вот коли это сделаете,— право слово, уйду из дворца!» Черти обрадовались: «Ну, служивый, открывай свой ранец». Солдат открыл; они и полезли туда все до единого, сатана сверху лег. «Укладывайтесь плотнее,— говорит солдат,— чтоб можно было на все пряжки застегнуть».— «Застегивай, не твоя печаль!» — «Счастье вам, коли застегну! А не то не прогневайтесь, ни за что из дворца не выйду!»

Вот солдат взял застегнул ранец на все пряжки, перекрестил его, надел на себя и пошел к царю: «Ваше царское величество! Прикажите изготовить тридцать железных молотов, каждый молот в три пуда». Царь отдал приказ; сейчас изготовили тридцать молотов. Солдат принес ранец в кузницу, положил на наковальню и велел бить как можно сильнее. Плохо пришлось чертям, а вылезть никак нельзя! Угостил их солдат на славу! «Теперь довольно!» Вскинул ранец на плечи и явился к царю с докладом: «Служба-де моя кончена; больше нечистая сила не станет царевны тревожить».

Царь поблагодарил его: «Молодец, служивый! Ступай гуляй по всем кабакам и трактирам, требуй, что только душе угодно; ни в чем тебе нет запрету!» И приставил к нему царь двух писарей, чтобы всюду за ним ходили да записывали на казенный счет, где сколько солдат нагуляет. Вот он гулял-гулял, целый месяц прогулял и пошел к царю. «Что, служба, нагулялся?» — «Нагулялся, ваше величество! Хочу домой идти».— «Что ты! Оставайся-ка у нас; я тебя первым человеком сделаю».— «Нет, государь, хочется повидать своих сродников».— «Ну, ступай с богом!» — сказал царь, дал ему повозку, лошадей и денег столько, что в целый век не прожить.

Поехал солдат на родину; пристал дорогою в какой-то деревне и увидал знакомого солдата — в одном полку служили. «Здравствуй, брат!» — «Здравствуй!» — «Как поживаешь?» — «Все по-старому!» — «А мне гос-

подь счастье дал: вдруг разбогател! На радостях надо бы выпить: сбегай-ка, брат, купи ведерку вина».— «Рад бы сбегать, да, вишь, у меня скотинка еще не убрана; потрудись, сходи сам — кабак вот, недалече!» — «Ладно; а ты возьми мой ранец, положи в избе да накажи бабам, чтоб не трогали!» Отправился наш солдат за вином, а земляк его принес ранец в избу и говорит бабам: «Не трожьте!» Пока убирал он скотину, бабам не терпится: «Дай посмотрим, что такое в ранце накладено?» Принялись расстегивать — как выскочат оттуда черти с шумом да с треском; двери с крючьев посбивали и ну бежать! А навстречу им солдат с ведеркою: «Ах, проклятые! Кто вас выпустил?» Черти испугались и бросились в буковище[2] под мельницу, да там навсегда и остались. Солдат пришел в избу, разбранил баб и давай гулять со старым товарищем; а после приехал на родину и зажил богато и счастливо.

154. БЕГЛЫЙ СОЛДАТ И ЧЕРТ

Отпросился солдат в отпуск, собрался и пошел в поход. Шел- 91
шел, не видать нигде воды, чем бы ему сухарики помочить да на пути на дороге закусить, а в брюхе давно пусто. Нечего делать — потащился дальше; глядь — бежит ручеек, подошел к этому ручейку, достал из ранца три сухаря и положил в воду. Да была еще у солдата скрипка; в досужее время он на ней разные песни играл, скуку разгонял. Вот сел солдат у ручья, взял скрипку и давай наигрывать. Вдруг откуда ни возьмись — приходит к нему нечистый в виде старца, с книгою в руках. «Здравствуй, господин служба!» — «Здорово, добрый человек!» Черт аж поморщился, как солдат обозвал его добрым человеком. «Послушай, дружище, поменяемся: я отдам тебе свою книгу, а ты мне скрипку».— «Эх, старый, на что мне твоя книжка? Я хоть десять лет прослужил государю, а грамотным никогда не бывал; прежде не знал, а теперь и учиться поздно!» — «Ничего, служивый! У меня такая книга — кто ни посмотрит, всякий прочитать сумеет!» — «А ну дай — попробую!»

Развернул солдат книжку и начал читать, словно с малых лет навык грамоте, обрадовался и тотчас же променял свою скрипку. Нечистый взял скрипку, начал смычком водить, а дело не клеится — нет в его игре никакого ладу. «Слушай, брат,— говорит он солдату,— оставайся-ка у меня в гостях дня на три да поучи на скрипке играть; спасибо тебе скажу!» — «Нет, старик,— отвечает солдат,— мне надо на родину, а за три дня я далеко уйду».— «Пожалуйста, служивый, коли останешься да научишь на скрипке играть, я тебя в один день домой доставлю — на почтовой трой-

[2] Место под колесом мельницы.

ке довезу». Солдат сидит в раздумье: оставаться или нет? И вынимает он сухари из ручья — хочет закусывать. «Эх, брат служивый,— говорит нечистый,— плохая твоя еда; покушай-ка моей!» Развязал мешок и достал белого хлеба, жареной говядины, водки и всяких заедков: ешь — не хочу!

Солдат наелся-напился и согласился остаться у того незнакомого старика и поучить его на скрипке играть. Прогостил у него три дня и просится домой; черт выводит его из своих хором — перед крыльцом стоит тройка добрых коней. «Садись, служивый! Мигом довезу». Солдат сел с чертом в повозку; как подхватили их лошади, как понесли — только версты в глазах мелькают! Духом довезли. «А что, узнаешь эту деревню?» — спрашивает нечистый. «Как же не узнать! — отвечает солдат.— Ведь в этой деревне я родился и вырос».— «Ну, прощай!» Солдат слез с повозки, пришел к сродственникам, стал с ними здороваться да про себя рассказывать, когда его и на сколько из полку отпустили. Показалось ему, что пробыл он у нечистого в гостях всего-навсего три дня, а на самом деле пробыл у него три года; срок отпуску давным-давно кончился, а в полку, чай, в бегах его считают.

Оробел солдат, не знает, что и делать ему! И гульба на ум нейдет! Вышел за околицу и думает: «Куда теперь деваться? Коли в полк идти — так там сквозь строй загоняют. Эх, нечистый, славно ты подшутил надо мною». Только вымолвил это слово, а нечистый тут как тут. «Не кручинься, служивый! Оставайся со мной — ведь у вас в полку житье незавидное, сухарями кормят да палками бьют, а я тебя счастливым сделаю... Хочешь, купцом сделаю?» — «Вот это ладно; купцы хорошо живут, дай и я попробую счастья!» Нечистый сделал его купцом, дал ему в столичном городе большую лавку с разными дорогими товарами и говорит: «Теперь, брат, прощай! Я уйду от тебя за тридевять земель, в тридесятое государство; у тамошнего короля есть прекрасная дочь Марья-королевна; стану ее всячески мучить!»

Живет наш купец, ни о чем не тужит; счастье само так и валит на двор; в торговле такая ему задача, что лучше требовать нельзя! Стали ему другие купцы завидовать. «Давайте-ка,— говорят,— его спросим: что он за человек, и откуда приехал, и может ли торг вести? Ведь он у нас всю торговлю отбил — чтоб ему пусто было!» Пришли к нему, стали допрашивать, а он отвечает им: «Братцы вы мои! Теперь у меня дел подошло много, некогда с вами потолковать; приходите завтра — всё узнаете». Купцы разошлись по домам; а солдат думает, что ему делать? Как ответ давать? Думал-думал и решился бросить свою лавку и уйти ночью из города. Вот забрал он все деньги, какие налицо были, и пошел в тридесятое государство.

Шел-шел и приходит на заставу. «Что за человек?» — спрашивает его часовой. Он отвечает: «Я — лекарь; иду в ваше царство, потому что у вашего короля дочь больна; хочу ее вылечить». Часовой доложил про то придворным, придворные довели до самого короля. Король призвал солдата: «Коли ты вылечишь мою дочь, отдам ее за тебя замуж».— «Ваше величество, прикажите мне дать три колоды карт, три бутылки вина сладкого да три бутылки спирту горячего, три фунта орехов, три фунта

свинцовых пуль да три пучка свеч воску ярого».— «Хорошо, все будет готово!» Солдат дождался вечера, купил себе скрипку и пошел к королевне; зажег в ее горницах свечи, начал пить-гулять, на скрипочке играть.

В полночь приходит нечистый, услыхал музыку и бросился к солдату: «Здравствуй, брат!» — «Здорово!» — «Что ты пьешь?» — «Квасок потягиваю».— «Дай-ка мне!» — «Изволь!» — и поднес ему полный стакан горячего спирту; черт выпил — и глаза под лоб закатил: «Эх, крепко забирает! Дай-ка закусить чем-нибудь».— «Вот орехи, бери да закусывай!» — говорит солдат, а сам свинцовые пули подсовывает. Черт грыз-грыз, только зубы поломал. Стали они в карты играть; пока то да се — время ушло, петухи закричали, и нечистый пропал. Спрашивает король королевну: «Каково ночь спала?» — «Слава богу спокойно!» И другая ночь так же прошла; а к третьей ночи просит солдат короля: «Ваше величество! Прикажите в пятьдесят пуд клещи сковать да сделать три прута медных, три прута железных и три оловянных».— «Хорошо, все будет сделано!»

В глухую полночь является нечистый. «Здравствуй, служивый! Я опять к тебе погулять пришел».— «Здравствуй! Кто не рад веселому товарищу!» Начали пить-гулять. Нечистый увидал клещи и спрашивает: «А это что такое?» — «Да, вишь, король взял меня в свою службу да заставил музыкантов на скрипке учить; а у них у всех пальцы-то кривые — не лучше твоих, надо в клещах выправлять».— «Ах, братец,— стал просить нечистый,— нельзя ли и мне выправить пальцы? А то до сей поры не умею на скрипке играть».— «Отчего нельзя? Клади сюда пальцы». Черт вложил обе руки в клещи; солдат прижал их, стиснул, потом схватил прутья и давай его потчевать; бьет да приговаривает: «Вот тебе купечество!» Черт молит, черт просит: «Отпусти, пожалуй! За тридцать верст не подойду к дворцу!» А он знай бичует. Прыгал-прыгал черт, вертелся-вертелся, насилу вырвался и говорит солдату: «Хоть ты и женишься на королевне, а из моих рук не уйдешь! Только отъедешь за тридцать верст от города — сейчас захвачу тебя!» Сказал и исчез.

Вот женился солдат на королевне и жил с нею в любви и согласии, а спустя несколько лет помер король, и он стал управлять всем царством. В одно время вышел новый король с своею женою в сад погулять. «Ах, какой славный сад!» — говорит он. «Это что за сад! — отвечает королева.— Есть у нас за городом другой сад, верст тридцать отсюда, вот там есть на что полюбоваться!» Король собрался и поехал туда с королевою; только вылез он из коляски, а нечистый навстречу: «Ты зачем? Разве забыл, что тебе сказано! Ну, брат, сам виноват; теперь из моих лап не вырвешься».— «Что делать! Видно, такова судьба моя! Позволь хоть с молодой женой проститься».— «Прощайся, да поскорей!..»

155. ДВА ИВАНА СОЛДАТСКИХ СЫНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. 92
Пришло время — записали его в солдаты; оставляет он жену беременную, стал с нею прощаться и говорит: «Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смеши, домишка не разори, хозяйничай да меня жди; авось бог даст — выйду в отставку, назад приду. Вот тебе пятьдесят рублев; дочку ли, сына ли родишь — все равно сбереги деньги до возрасту: станешь дочь выдавать замуж — будет у ней приданое; а коли бог сына даст да войдет он в большие года — будет и ему в тех деньгах подспорье немалое». Попрощался с женою и пошел в поход, куда было велено. Месяца три погодя родила баба двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами солдатскими сыновьями.

Пошли мальчики в рост; как пшеничное тесто на опаре, так кверху и тянутся. Стукнуло ребяткам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте, и боярских и купеческих детей за пояс заткнули — никто лучше их не сумеет ни прочитать, ни написать, ни ответу дать. Боярские и купеческие дети позавидовали и давай тех близнецов каждый день поколачивать да пощипывать. Говорит один брат другому: «Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас платьица не нашьется, шапочек не накупится; что ни наденем, всё товарищи в клочки изорвут! Давай-ка расправляться с ними по-своему». И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они — полно терпеть! — как пошли сдачу давать: тому глаз долой, тому руку вон, тому голову на́ сторону! Всех до единого перебили. Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцев, и посадили в острог. Дошло то дело до самого царя; он призвал тех мальчиков к себе, расспросил про все и велел их выпустить. «Они,— говорит, — не виноваты: на зачинщиков бог!»

Выросли два Ивана солдатские дети и просят у матери: «Матушка, не осталось ли от нашего родителя каких денег? Коли остались, дай нам; мы пойдем в город на ярма́рку, купим себе по доброму коню». Мать дала им пятьдесят рублев — по двадцати пяти на брата, и приказывает: «Слушайте, детушки! Как пойдете в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному».— «Хорошо, родимая!» Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят — лошадей много, а выбрать не из чего; все не под стать им, добрым мо́лодцам! Говорит один брат другому: «Пойдем на другой конец площади; глядь-ка, что́ народу там толпится — видимо-невидимо!» Пришли туда, протолпилися — у дубовых столбов стоят два жеребца, на железных цепях прикованы: один на шести, другой на двенадцати; рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не сможет.

«Что твоим жеребцам цена будет?» — спрашивает Иван солдатский сын у хозяина. «Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе; нечего и спрашивать».— «Почем знать, чего не ведаешь; может, и купим; надо только в зубы посмотреть». Хозяин усмехнулся:

«Смотри, коли головы не жаль!» Тотчас один брат подошел к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат — к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть — куда! Жеребцы поднялись на дыбы, так и храпят... Братья ударили их коленками в грудь — цепи разлетелись, жеребцы на пять сажен отскочили, вверх ногами попадали. «Вона чем хвастался! Да мы этаких клячей и даром не возьмем». Народ ахает, дивуется: что за сильные богатыри проявилися! Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать — никто не придумает. Сжалились над хозяином Иваны солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом — жеребцы прибежали и стали на месте словно вкопанные; тут надели на них добрые мо́лодцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко. Справили это дело и пошли домой.

Идут путем-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо не здороваясь, да уж после один спохватился: «Ах, братец, что ж это мы наделали? Старичку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся». Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят: «Прости нас, дедушка, что прошли не здороваясь. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать».— «Спасибо, добрые мо́лодцы! Куда вас бог носил?» — «В город на ярмарку ходили; хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились».— «Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?» — «Ах, дедушка, если подаришь, станем за тебя вечно бога молить».— «Ну пойдемте!» Привел их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней: «Вот вам и кони, добрые мо́лодцы! Ступайте с богом, владейте на здоровье!» Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой; приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать спрашивать: «Что, детушки, купили себе по лошадке?» — «Купить не купили, даром получили».— «Куда ж вы их дели?» — «Возле избы поставили».— «Ах, детушки, смотрите — не увел бы кто!» — «Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести, и подойти к ним нельзя!» Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и залилась слезами: «Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне».

На другой день просятся сыновья у матери: «Отпусти нас в город, купим себе по сабельке». — «Ступайте, родимые!» Они собрались, пошли на кузницу; приходят к мастеру. «Сделай,— говорят,— нам по сабельке».— «Зачем делать! Есть готовые; сколько угодно — берите!» — «Нет, брат, нам такие сабли надобны, чтоб по триста пудов весили». — «Эх, что выдумали! Да кто ж этакую махину ворочать будет? Да и горна такого во всем свете не найдешь!» Нечего делать — пошли добрые мо́лодцы домой и головы повесили; идут путем-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок попадается. «Здравствуйте, младые юноши!» — «Здравствуй, дедушка!» — «Куда ходили?» — «В город, на кузницу; хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтоб нам по руке пришлись».— «Плохо дело! Нешто подарить вам по сабельке?» — «Ах, дедушка, коли подаришь,

станем за тебя вечно бога молить». Старичок привел их к большой горе, отворил чугунную дверь и вынес две богатырские сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало! Приходят домой, мать спрашивает: «Что, детушки, купили себе по сабельке?» — «Купить не купили, даром получили».— «Куда ж вы их дели?»— «Возле избы поставили».— «Смотрите, как бы кто не унес!» — «Нет, матушка, не то что унесть, даже увезти нельзя». Мать вышла на двор, глянула — две сабли тяжелые, богатырские к стене приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говорит: «Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне».

Наутро Иваны солдатские дети оседлали своих добрых коней, взяли свои сабли богатырские, приходят в избу, богу молятся, с родной матерью прощаются: «Благослови нас, матушка, в путь-дорогу дальнюю».— «Будь над вами, детушки, мое нерушимое родительское благословение! Поезжайте с богом, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злым ворогам не уступайте».— «Не бойся, матушка! У нас такова поговорка есть: еду — не свищу, а наеду — не спущу!» Сели добрые мóлодцы на коней и поехали.

Близко ли, далекó, долго ли, коротко́, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, приезжают они на распутье, и стоят там два столба. На одном столбу написано: «Кто вправо поедет, тот царем будет»; на другом столбу написано: «Кто влево поедет, тот убит будет». Остановились братья, прочитали надписи и призадумались; куда кому ехать? Коли обоим по правой дороге пуститься — не честь, не хвала богатырской их силе, молодецкой удали; ехать одному влево — никому помереть не хочется! Да делать-то нечего — говорит один из братьев другому: «Ну, братец, я посильнее тебя; давай я поеду влево да посмотрю, от чего может мне смерть приключиться? А ты поезжай направо: авось бог даст — царем сделаешься!» Стали они прощаться, дали друг дружке по платочку и положили такой завет: ехать каждому своею дорогою, по дороге столбы ставить, на тех столбах про себя писать для знатья, для ведома; всякое утро утирать лицо братниным платком: если на платке кровь окажется — значит, брату смерть приключилася; при такой беде ехать мертвого разыскивать.

Разъехались добрые мóлодцы в разные стороны. Что вправо коня пустил, тот добрался до славного царства. В этом царстве жил царь с царицею, у них была дочь царевна Настасья Прекрасная. Увидал царь Ивана солдатского сына, полюбил его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдал за него свою дочь в супружество, назвал его Иваном-царевичем и велел ему управлять всем царством. Живет Иван-царевич в радости, своей женою любуется, царству порядок дает да звериной охотой тешится.

В некое время стал он на охоту сбираться, на коня сбрую накладывать и нашел в седле — два пузырька с целющей и живущей водою зашито; посмотрел на те пузырьки и положил опять в седло. «Надо, — думает,— поберечь до поры до времени; не ровен час — понадобятся».

А брат его Иван солдатский сын, что левой дорогой поехал, день и ночь скакал без устали; прошел месяц, и другой, и третий, и прибыл он

в незнакомое государство — прямо в столичный город. В том государстве печаль великая; дома́ черным сукном покрыты, люди словно сонные шатаются. Нанял себе самую худую квартиру у бедной старушки и начал ее выспрашивать: «Расскажи, бабушка, отчего так в вашем государстве весь народ припечалился и все дома́ черным сукном завешены?» — «Ах, добрый мо́лодец! Великое горе нас обуяло; каждый день выходит из синего моря, из-за серого камня, двенадцатиглавый змей и поедает по человеку за единый раз, теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасные царевны; вот только сейчас повезли старшую на взморье — зме́ю на съедение».

Иван солдатский сын сел на коня и поскакал к синему морю, к серому камню; на берегу стоит прекрасная царевна — на железной цепи прикована. Увидала витязя и говорит ему: «Уходи отсюда, добрый мо́лодец! Скоро придет сюда двенадцатиглавый змей; я пропаду, да и тебе не миновать смерти: съест тебя лютый змей!» — «Не бойся, красная де́вица, авось подавится». Подошел к ней Иван солдатский сын, ухватил цепь богатырской рукою и разорвал на мелкие части, словно гнилую бечевку; после прилег красной де́вице на колени: «Ну-ка поищи у меня в голове! Не столько в голове ищи, сколько на́ море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается — тотчас разбуди меня, мо́лодца». Красная де́вица послушалась, не столько в голове ему ищет, сколько на́ море смотрит.

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалося — из синя моря змей выходит, в гору вверх подымается. Царевна разбудила Ивана солдатского сына; он встал, только на коня вскочил, а уж змей летит: «Ты, Иванушка, зачем пожаловал? Ведь здесь мое место! Прощайся теперь с белым светом да полезай поскорее сам в мою глотку — тебе ж легче будет!» — «Врешь, проклятый змей! Не проглотишь — подавишься!» — отвечал богатырь, обнажил свою острую саблю, размахнулся, ударил и срубил у змея все двенадцать голов; поднял серый камень, головы положил под камень, туловище в море бросил, а сам воротился домой к старухе, наелся-напился, лег спать и проспал трое суток.

В то время призвал царь водовоза. «Ступай,— говорит,— на взморье, собери хоть царевнины косточки». Водовоз приехал к синему морю, видит — царевна жива, ни в чем невредима, посадил ее на телегу и завез в густой, дремучий лес; завез в лес и давай нож точить. «Что ты делать собираешься?» — спрашивает царевна. «Я нож точу, тебя резать хочу!» Царевна заплакала: «Не режь меня; я тебе никакого худа не сделала».— «Скажи отцу, что я тебя от змея избавил, так помилую!» Нечего делать, согласилась. Приехала во дворец; царь обрадовался и пожаловал того водовоза полковником.

Вот как проснулся Иван солдатский сын, позвал старуху, дает ей денег и просит: «Поди-ка, бабушка, на рынок, закупи, что надобно, да послушай, что промеж людьми говорится: нет ли чего нового?» Старуха сбегала на рынок, закупила разных припасов, послушала людских вестей, воротилась назад и сказывает: «Идет в народе такая молва: был-де у нашего царя большой обед, сидели за столом королевичи и посланники, боя-

ре и люди именитые; в те́ поры прилетела в окно калена́я стрела и упала посеред зала, к той стреле было письмо привязано от другого змея двенадцатиглавого. Пишет змей: коли не вышлешь ко мне середнюю царевну, я твое царство огнем сожгу, пеплом развею. Нынче же повезут ее, бедную, к синему морю, к серому камню».

Иван солдатский сын сейчас оседлал своего доброго коня, сел и поскакал на взморье. Говорит ему царевна: «Ты зачем, добрый мо́лодец? Пущай моя очередь смерть принимать, горячую кровь проливать; а тебе за что пропадать?» — «Не бойся, красная де́вица! Авось бог спасет». Только успел сказать, летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит. Богатырь ударил его острой саблею и отсек все двенадцать голов; головы положил под камень, туловище в море кинул, а сам домой вернулся, наелся-напился и опять залег спать на три дня, на три ночи.

Приехал опять водовоз, увидал, что царевна жива, посадил ее на телегу, повез в дремучий лес и принялся нож точить. Спрашивает царевна: «Зачем ты нож точишь?» — «А я нож точу, тебя резать хочу. Присягни на том, что скажешь отцу, как мне надобно, так я тебя помилую». Царевна дала ему клятву; он привез ее во дворец; царь возрадовался и пожаловал водовоза генеральским чином.

Иван солдатский сын пробудился от сна на четвертые сутки и велел старухе на рынок пойти да вестей послушать. Старуха сбегала на рынок, воротилась назад и сказывает: «Третий змей проявился, прислал к царю письмо, а в письме требует: вывози-де меньшую царевну на съедение». Иван солдатский сын оседлал своего доброго коня, сел и поскакал к синю морю. На берегу стоит прекрасная царевна, на железной цепи к камню прикована. Богатырь ухватил цепь, тряхнул и разорвал, словно гнилую бечевку; после прилег красной де́вице на колени: «Поищи у меня в голове! Не столько в голове ищи, сколько на́ море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается — тотчас разбуди меня, мо́лодца». Царевна начала ему в голове искать...

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалося — из синя моря змей выходит, в гору подымается. Стала царевна будить Ивана солдатского сына, толкала-толкала, нет — не просыпается; заплакала она слезно, и канула горячая слеза ему на́ щеку; от того богатырь проснулся, подбежал к своему коню, а добрый конь уж на пол-аршина под собой земли выбил копытами. Летит двенадцатиглавый змей, огнем так и пышет; взглянул на богатыря и воскрикнул: «Хорош ты, пригож ты, добрый мо́лодец, да не быть тебе живому; съем тебя и с косточками!» — «Врешь, проклятый змей, подавишься». Начали они биться смертным боем; Иван солдатский сын так быстро и сильно махал своей саблею, что она докрасна раскалилась, нельзя в руках держать! Возмолился он царевне: «Спасай меня, красная де́вица! Сними с себя дорогой платочек, намочи в синем море и дай обернуть саблю». Царевна тотчас намочила свой платочек и подала доброму мо́лодцу. Он обернул саблю и давай рубить змея; срубил ему все двенадцать голов, головы те под камень положил, туловище в море бросил, а сам домой поскакал, наелся-напился и залег спать на трои сутки.

Царь посылает опять водовоза на взморье; приехал водовоз, взял царевну и повез в дремучий лес; вынул нож и стал точить. «Что ты делаешь?» — спрашивает царевна. «Нож точу, тебя резать хочу! Скажи отцу, что я змея победил, так помилую». Устрашил красную де́вицу, поклялась говорить по его словам. А меньшая дочь была у царя любимая; как увидел ее живою, ни в чем невредимою, он пуще прежнего возрадовался и захотел водовоза жаловать — выдать за него замуж меньшую царевну.

Пошел про то слух по всему государству. Узнал Иван солдатский сын, что у царя свадьба затевается, и пошел прямо во дворец, а там пир идет, гости пьют и едят, всякими играми забавляются. Меньшая царевна глянула на Ивана солдатского сына, увидала на его сабле свой дорогой платочек, выскочила из-за стола, взяла его за руку и стала отцу доказывать: «Государь-батюшка! Вот кто избавил нас от змея лютого, от смерти напрасныя; а водовоз только знал нож точить да приговаривать: я-де нож точу, тебя резать хочу!» Царь разгневался, тут же приказал водовоза повесить, а царевну выдал замуж за Ивана солдатского сына, и было у них веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Пока все это деялось, с братом Ивана солдатского сына — с Иваном-царевичем вот что случилось. Поехал он раз на охоту и попался ему олень быстроногий. Иван-царевич ударил по лошади и пустился за ним в погоню; мчался-мчался и выехал на широкий луг. Тут олень с глаз пропал. Смотрит царевич и думает, куда теперь путь направить? Глядь — на том лугу ручеек протекает, на воде две серые утки плавают. Прицелился он из ружья выстрелил и убил пару уток; вытащил их из воды, положил в сумку и поехал дальше. Ехал-ехал, увидал белокаменные палаты, слез с лошади, привязал ее к столбу и пошел в комнаты. Везде пусто — нет ни единого человека, только в одной комнате печь топится, на шестке стоит сковородка, на столе прибор готов: тарелка, и вилка, и нож. Иван-царевич вынул из сумки уток, ощипал, вычистил, положил на сковородку и сунул в печку; зажарил, поставил на стол, режет да кушает.

Вдруг откуда ни возьмись — является к нему красная де́вица — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, и говорит ему: «Хлеб-соль, Иван-царевич!» — «Милости просим, красная де́вица! Садись со мной кушать».— «Я бы села с тобой, да боюсь: у тебя конь волшебный».— «Нет, красная де́вица, не узнала! Мой волшебный конь дома остался, я на простом приехал». Как услыхала это красная де́вица, тотчас начала дуться, надулась и сделалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича целиком. Была то не простая де́вица, была то родная сестра трех змеев, что побиты Иваном солдатским сыном.

Вздумал Иван солдатский сын про своего брата, вынул платок из кармана, утерся, смотрит — весь платок в крови. Сильно он запечалился: «Что за притча! Поехал мой брат в хорошую сторону, где бы ему царем быть, а он смерть получил!» Отпросился у жены и тестя и поехал на своем богатырском коне разыскивать брата, Ивана-царевича. Близко ли, далекó, скоро ли, коротко́, приезжает в то самое государство, где его

брат проживал; расспросил про все и узнал, что поехал-де царевич на охоту, да так и сгинул — назад не бывал. Иван солдатский сын той же самой дорогою поехал охотиться; попадается и ему олень быстроногий. Пустился богатырь за ним в погоню; выехал на широкий луг — олень с глаз пропал; смотрит — на лугу ручеек протекает, на воде две утки плавают. Иван солдатский сын застрелил уток, приехал в белокаменные палаты и вошел в комнаты. Везде пусто, только в одной комнате печь топится, на шестке сковородка стоит. Он зажарил уток, вынес на двор, сел на крылечке, режет да кушает.

Вдруг является к нему красная де́вица: «Хлеб-соль, добрый мо́лодец! Зачем на дворе кушаешь?» Отвечает Иван солдатский сын: «Да в горнице неохотно; на дворе веселей будет! Садись со мной, красная де́вица!» — «Я бы с радостью села, да боюсь твоего коня волшебного».— «Полно, красавица! Я на простой лошаденке приехал». Она сдуру и поверила и начала дуться, надулась страшною львицею и только хотела проглотить доброго мо́лодца, как прибежал его волшебный конь и облапил ее богатырскими ногами. Иван солдатский сын обнажил свою саблю острую и крикнул зычным голосом: «Стой, проклятая! Ты проглотила моего брата Ивана-царевича? Выкинь его назад, не то изрублю тебя на мелкие части». Львица рыгнула и выкинула Ивана-царевича; сам-то он мертвый, в гниль пошел, голова облезла.

Тут Иван солдатский сын вынул из седла два пузырька с водою целющею и живущею; взбрызнул брата целющей водою — плоть-мясо срастается; взбрызнул живущей водою — царевич встал и говорит: «Ах, как же я долго спал!» Отвечает Иван солдатский сын: «Век бы тебе спать, если б не я!» Потом берет свою саблю и хочет рубить львице голову; она обернулась душой-де́вицей, такою красавицей, что и рассказать нельзя, начала слезно плакать и просить прощения. Глядя на ее красу неописанную, смиловался Иван солдатский сын и пустил ее на волю вольную.

Приехали братья во дворец, сотворили трехдневный пир; после попрощались; Иван-царевич остался в своем государстве, а Иван солдатский сын поехал к своей супруге и стал с нею поживать в любви и согласии.

В некое время вышел Иван солдатский сын в чистое поле прогуляться; попадается ему навстречу малый ребенок и просит милостыньку. Жалко стало доброму мо́лодцу, вынул из кармана золотой и дает мальчику; мальчик принимает милостыню, а сам дуется — оборотился львом и разорвал богатыря на мелкие части. Через несколько дней то же самое приключилось и с Иваном-царевичем: вышел он в сад прогуляться, а навстречу ему старичок, низко кланяется и просит милостыньку; царевич подает ему золотой. Старик принимает милостыньку, а сам дуется — обернулся львом, схватил Ивана-царевича и разорвал на кусочки. Так и сгинули сильномогучие богатыри, извела их сестра змеиная.

156—158. КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

156

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; 93а
у этого царя было три сына, все они были на возрасте. Только мать их вдруг унес Кош Бессмертный. Старший сын и просит у отца благословенье искать мать. Отец благословил; он уехал и без вести пропал. Середний сын пождал-пождал, тоже выпросился у отца, уехал,— и тот без вести пропал. Малый сын, Иван-царевич, говорит отцу: «Батюшка! Благословляй меня искать матушку». Отец не отпускает, говорит: «Тех нет братовей, да и ты уедешь: я с кручины умру!» — «Нет, батюшка, благословишь — поеду, и не благословишь — поеду». Отец благословил.

Иван-царевич пошел выбирать себе коня: на которого руку положит, тот и падет; не мог выбрать себе коня, идет доро́гой по городу, повесил голову. Неоткуда взялась старуха, спрашивает: «Что, Иван-царевич, повесил голову?» — «Уйди, старуха! На руку положу, другой пришлепну — мокренько будет». Старуха обежала другим переулком, идет опять навстречу, говорит: «Здравствуй, Иван-царевич! Что повесил голову?» Он и думает: «Что же старуха меня спрашивает? Не поможет ли мне она?» И говорит ей: «Вот, баушка, не могу найти себе доброго коня».— «Дурашка, мучишься, а старухе не кучишься![1] — отвечает старуха.— Пойдем со мной». Привела его к горе, указала место: «Скапывай эту землю». Иван-царевич скопал, видит чугунную доску на двенадцати замках; замки он тотчас же сорвал и двери отворил, вошел под землю: тут прикован на двенадцати цепях богатырский конь; он, видно, услышал ездока по себе, заржал, забился, все двенадцать цепей порвал. Иван-царевич надел на себя богатырские доспехи, надел на коня узду, черкасское седло, дал старухе денег и сказал: «Благословляй и прощай, баушка!» Сам сел и поехал.

Долго ездил, наконец доехал до горы; пребольшущая гора, крутая, взъехать на нее никак нельзя. Тут и братья его ездят возле горы; поздоровались, поехали вместе; доезжают до чугунного камня пудов в полтораста, на камне надпись: кто этот камень бросит на́ гору, тому и ход будет. Старшие братовья не могли поднять камень, а Иван-царевич с одного маху забросил на́ гору — и тотчас в горе показалась лестница. Он оставил коня, наточил из мизинца в стакан крови, подает братьям и говорит: «Ежели в стакане кровь почернеет, не ждите меня: значит — я умру!» Простился и пошел. Зашел на́ гору; чего он не насмотрелся! Всяки тут леса, всяки ягоды, всяки птицы!

Долго шел Иван-царевич, дошел до дому: огромный дом! В нем жила царска дочь, утащена Кошом Бессмертным. Иван-царевич кругом ограды ходит, а дверей не видит. Царская дочь увидела человека, вышла на бал-

[1] До-кучать; на-с-кучать.

кон, кричит ему: «Тут, смотри, у ограды есть щель, потронь ее мизинцем, и будут двери». Так и сделалось. Иван-царевич вошел в дом. Девица его приняла, напоила-накормила и расспросила. Он ей рассказал, что пошел доставать мать от Коша Бессмертного. Девица говорит ему на это: «Трудно доступать мать, Иван-царевич! Он ведь бессмертный — убьет тебя. Ко мне он часто ездит... вон у него меч в пятьсот пудов, поднимешь ли его? Тогда ступай!» Иван-царевич не только поднял меч, еще бросил кверху; сам пошел дальше.

Приходит к другому дому; двери знает как искать; вошел в дом, а тут его мать, обнялись, поплакали. Он и здесь испытал свои силы, бросил какой-то шарик в полторы тысячи пудов. Время приходит быть Кошу Бессмертному; мать спрятала его. Вдруг Кош Бессмертный входит в дом и говорит: «Фу-фу! Русской коски слыхом не слыхать, видом не видать, а русская коска сама на двор пришла! Кто у тебя был? Не сын ли?» — «Что ты, бог с тобой! Сам летал по Руси, нахватался русского духу, тебе и мерещится»,— ответила мать Ивана-царевича, а сама поближе с ласковыми словами к Кошу Бессмертному, выспрашивает то-другое и говорит: «Где же у тебя смерть, Кош Бессмертный?» — «У меня смерть,— говорит он,— в таком-то месте: там стоит дуб, под дубом ящик, в ящике заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть». Сказал это Кош Бессмертный, побыл немного и улетел.

Пришло время — Иван-царевич благословился у матери, отправился по смерть Коша Бессмертного. Идет доро́гой мно́го время, не пивал, не̇ едал, хочет есть до смерти и думает: кто бы на это время попался! Вдруг — волчонок; он хочет его убить. Выскакивает из норы волчиха и говорит: «Не тронь моего детища; я тебе пригожусь».— «Быть так!» Иван-царевич отпустил волка; идет дальше, видит ворону[2]. «Постой,— думает,— здесь я закушу»! Зарядил ружье, хочет стрелять; ворона и говорит: «Не тронь меня; я тебе пригожусь». Иван-царевич подумал и отпустил ворону; идет дальше, доходит до моря, остановился на берегу. В это время вдруг взметался щучонок и выпал на берег; он его схватил, есть хочет смертно — думает: «Вот теперь поем!» Неоткуда взялась щука, говорит: «Не тронь, Иван-царевич, моего детища; я тебе пригожусь». Он и щучонка отпустил.

Как пройти море? Сидит на берегу да думает; щука ровно знала его думу, легла поперек моря. Иван-царевич прошел по ней как по́ мосту; доходит до дуба, где была смерть Коша Бессмертного, достал ящик, отворил — заяц выскочил и побежал. Где тут удержать зайца! Испугался Иван-царевич, что отпустил зайца, призадумался, а волк, которого не убил он, кинулся за зайцем, поймал и несет к Ивану-царевичу. Он обрадовался, схватил зайца, распорол его и как-то оробел: утка спорхнула и полетела. Он пострелял, пострелял — мимо! Задумался опять. Неоткуда взялась ворона с воронятами и ступай за уткой, поймала утку, принесла Ивану-царевичу. Царевич обрадел[3], достал яйцо; пошел, доходит до моря, стал мыть яичко, да и ронил в воду. Как достать из моря?

[2] Ворониху.

[3] *Радеть* — радоваться чему-либо.

Безмерна глубь! Закручинился опять царевич. Вдруг море встрепенулось — и щука принесла ему яйцо; потом легла поперек моря. Иван-царевич прошел по ней и отправился к матери; приходит, поздоровались, и она его опять спрятала. В то время прилетел Кош Бессмертный и говорит: «Фу-фу! Русской коски слыхом не слыхать, видом не видать, а здесь Русью несет!» — «Что ты, Кош? У меня никого нет»,— отвечала мать Ивана-царевича. Кош опять и говорит: «Я что-то немогу!»[4], а Иван-царевич пожимал яичко; Коша Бессмертного от того коробило. Наконец Иван-царевич вышел, кажет яйцо и говорит: «Вот, Кош Бессмертный, твоя смерть!» Тот на коленки против него и говорит: «Не бей меня, Иван-царевич, станем жить дружно; нам весь мир будет покорен». Иван-царевич не обольстился его словами, раздавил яичко — и Кош Бессмертный умер.

Взяли они, Иван-царевич с матерью, что было нужно, пошли на родиму сторону: по пути зашли за царской дочерью, к которой Иван-царевич заходил вперед, взяли и ее с собой; пошли дальше, доходят до горы, где братья Ивана-царевича все ждут. Девица говорит: «Иван-царевич! Воротись ко мне в дом; я забыла подвенечно платье, брильянтовый перстень и нешитые башмаки». Между тем он спустил мать и царску дочь, с коей они условились дома обвенчаться; братья приняли их, да взяли спуск и перерезали, чтобы Ивану-царевичу нельзя было спуститься, мать и девицу как-то угрозами уговорили, чтобы дома про Ивана-царевича не сказывали. Прибыли в свое царство; отец обрадовался детям и жене, только печалился об одном Иване-царевиче.

А Иван-царевич воротился в дом своей невесты, взял обручальный перстень, подвенечное платье и нешитые башмаки; приходит на́ гору, метнул с руки на́ руку перстень. Явилось двенадцать молодцов, спрашивают: «Что прикажете?»— «Перенесите меня вот с этой горы». Молодцы тотчас его спустили. Иван-царевич надел перстень — их не стало; пошел в свое царство, приходит в тот город, где жил его отец и братья, остановился у одной старушки и спрашивает: «Что, баушка, нового в вашем царстве?»— «Да чего, дитятко! Вот наша царица была в плену у Коша Бессмертного; ее искали три сына, двое нашли и воротились, а третьего, Ивана-царевича, нет, и не знат, где. Царь кручинится об нем. А эти царевичи с матерью привезли какую-то царску дочь, большак жениться на ней хочет, да она посылает наперед куда-то за обручальным перстнем или велит сделать такое же кольцо, какое ей надо; колдася[5] уж кличут клич, да никто не выискивается».— «Ступай, баушка, скажи царю, что ты сделаешь; а я пособлю»,— говорит Иван-царевич.

Старуха в кою пору скрутилась[6], побежала к царю и говорит: «Ваше царско величество! Обручальный перстень я сделаю».— «Сделай, сделай, баушка! Мы таким людям рады,— говорит царь,— а если не сделаешь, то голову на плаху». Старуха перепугалась, пришла домой, заставляет Ивана-царевича делать перстень, а Иван-царевич спит, мало думает;

[4] Я что-то нездоров; *немога* — болезнь; *немощный* — больной.

[5] Когда.

[6] *Крутиться* — одеваться, сбираться.

перстень готов. Он шутит над старухой, а старуха трясется вся, плачет, ругат его: «Вот ты,— говорит,— сам-от в стороне, а меня, дуру, подвел под смерть». Плакала-плакала старуха и уснула. Иван-царевич встал поутру рано, будит старуху: «Вставай, баушка, да ступай понеси перстень, да смотри: больше одного червонца за него не бери. Если спросят, кто сделал перстень, скажи: сама; на меня не сказывай!» Старуха обрадовалась, снесла перстень; невесте понравился: «Такой,— говорит,— и надо!» Вынесла ей полно блюдо золота; она взяла один только червонец. Царь говорит: «Что, баушка, мало берешь?» — «На что мне много-то, ваше царско величество! После понадобятся — ты же мне дашь». Пробаяла это старуха и ушла.

Прошло там сколько время — вести носятся, что невеста посылает жениха за подвенечным платьем или велит сшить такое же, како ей надо. Старуха и тут успела (Иван-царевич помог), снесла подвенечное платье. После снесла нешитые башмаки, а червонцев брала по одному и сказывала: эти вещи сама делает. Слышат люди, что у царя в такой-то день свадьба; дождались и того дня. А Иван-царевич старухе заказал: «Смотри, баушка, как невесту привезут под венец, ты скажи мне». Старуха время не пропустила. Иван-царевич тотчас оделся в царское платье, выходит: «Вот, баушка, я какой!» Старуха в ноги ему. «Батюшка, прости, я тебя ругала!» — «Бог простит». Приходит в церковь. Брата его еще не было. Он стал в ряд с невестой; их обвенчали и повели во дворец. На дороге попадается навстречу жених, большой брат, увидал, что невесту ведут с Иваном-царевичем, ступай-ка со стыдом обратно. Отец обрадовался Ивану-царевичу, узнал о лукавстве братьев и, как отпировали свадьбу, больших сыновей разослал в ссылку, а Ивана-царевича сделал наследником.

157

Бывало-живало — в некотором государстве был-жил царь и царица; у них родился сын, Иван-царевич. Няньки его качают, никак укачать не могут; зовут отца: «Царь, великий государь! Поди, сам качай своего сына». Царь начал качать: «Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и проспал трое суток; пробудился — пуще прежнего расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут; зовут отца: «Царь, великий государь! Поди, качай своего сына». Царь качает, сам приговаривает: «Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и опять проспал трое суток; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут: «Поди, великий государь, качай своего сына». Царь качает, сам приговаривает: «Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Вырастешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и опять 93b

проспал трое суток. Пробудился и говорит: «Давай, батюшка, свое благословение; я поеду жениться».— «Что ты, дитятко! Куда поедешь? Ты всего девятисуточный!» — «Дашь благословение — поеду, и не дашь — поеду!» — «Ну, поезжай! Господь с тобой!»

Иван-царевич срядился и пошел коня доставать; отошел немало от дому и встретил старого человека: «Куда, мо́лодец, пошел? Волей аль неволей?» — «Я с тобой и говорить не хочу!» — отвечал царевич, отошел немного и одумался: «Что же я старику ничего не сказал? Стары люди на ум наводят». Тотчас настиг старика: «Постой, дедушка! Про что ты меня спрашивал?» — «Спрашивал: куда идешь, мо́лодец, волей али неволей?» — «Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня высватать Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру».— «Хорош мо́лодец, учливо говоришь! Только пешему тебе не дойти — Ненаглядная Красота далеко живет».— «Сколь далеко?» — «В золотом царстве, по конец свету белого, где солнышко восходит».— «Как же быть-то мне? Нет мне, мо́лодцу, по плечу коня неезжалого, ни плеточки шелково́й недержалой».— «Как нет? У твоего батюшки есть тридцать лошадей — все как одна; поди домой, прикажи конюхам напоить их у синя моря: которая лошадь наперед выдвинется, забредет в воду по самую шею и как станет пить — на синем море начнут волны подыматься, из берега в берег колыхаться, ту и бери!» — «Спасибо на добром слове, дедушка!»

Как старик научил, так царевич и сделал; выбрал себе богатырского коня, ночь переночевал, поутру рано встал, растворил ворота и собирается ехать. Проговорил ему конь человеческим языком: «Иван-царевич! Припади к земле; я тя трижды пихну». Раз пихнул и другой пихнул, а в третий не стал: «Ежели в третий пихнуть, нас с тобой земля не снесет!» Иван-царевич выхватил коня с цепей, оседлал, сел верхом — только и видел царь своего сына!

Едет далеким-далеко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал на двор — прямо ко крыльцу, привязал коня к медному кольцу, в сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился. «Ночуй, добрый мо́лодец! — говорит ему старуха.— Куды тя господь понес?» — «Ах ты, старая сука! Неучливо спрашиваешь. Прежде напой-накорми, на постелю повали, в те́ поры и вестей спрашивай». Она его накормила-напоила, на постелю повалила и стала вестей выспрашивать. «Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру».— «Хорош мо́лодец! Учливо говоришь. Я седьмой десяток доживаю, а про эту красоту слыхом не слыхала. Впереди по дороге живет моя бо́льшая сестра, может, она знает; поезжай-ка завтра к ней, а теперь усни: утро вечера мудренее». Иван-царевич ночь переночевал, поутру встал ране́нько, умылся беле́нько, вывел коня, оседлал, в стремено ногу клал — только его и видела бабушка!

Едет он далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи по-

11 Заказ № 27

двигается: стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал ко крыльцу, привязал коня к серебряному кольцу, в сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился. Говорит старуха: «Фу-фу! Доселева было русской коски видом не видать, слыхом не слыхать, а ноне русская коска сама на двор приехала. Откуль, Иван-царевич, взялся?» — «Что ты, старая сука, расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, тожно бы вестей спрашивала». Она его за стол посадила, накормила-напоила, на постелю повалила, села в головы и спрашивает: «Куды тя бог понес?» — «Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру».— «Хорош мо́лодец! Учливо говоришь. Я восьмой десяток доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Впереди по дороге живет моя бо́льшая сестра, может, она знает; есть у ней на то ответчики: первые ответчики — зверь лесной, другие ответчики — птица воздушная, третьи ответчики — рыба и гад водяной; что ни есть на белом свете — все ей покоряется. Поезжай-ка завтра к ней; а теперь усни; утро вечера мудренее!» Иван-царевич ночь переночевал, встал ране́нько, умылся беле́нько, сел на коня — и был таков!

Едет далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал ко крыльцу, прицепил к золотому кольцу, в сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: «Ах ты, такой-сякой! Железного кольца недостоин, а к золотому коня привязал».— «Хорошо, бабушка, не бранись; коня можно отвязать, за иное кольцо привязать».— «Что, добрый мо́лодец, задала тебе страху! А ты не страшись да на лавочку садись, а я стану спрашивать: из каких ты родов, из каких городов?» — «Эх, бабушка! Ты бы прежде накормила-напоила, в те́ поры вестей поспрошала; видишь — человек с дороги, весь день не ел!» В тот час старуха стол поставила, принесла хлеба-соли, налила водки стакан и принялась угощать Ивана-царевича. Он наелся-напился, на постелю повалился; старуха не спрашивает, он сам ей рассказывает: «Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру. Сделай милость, бабушка, скажи: где живет Ненаглядная Красота и как до нее дойти?» — «Я и сама, царевич, не ведаю: вот уж девятый десяток доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Ну да усни с богом; заутро соберу моих ответчиков — может, из них кто знает».

На другой день встала старуха ране́нько, умылась беле́нько, вышла с Иваном-царевичем на крылечко и скричала богатырским голосом, сосвистала молодецким посвистом. Крикнула по морю: «Рыбы и гад водяной! Идите сюда». Тотчас сине море всколыхалося, собирается рыба и большая и малая, собирается всякий гад, к берегу идет — воду укрывает. Спрашивает старуха: «Где живет Ненаглядная Красота, трех мамок дочка, трех бабок внучка, девяти братьев сестра?» Отвечают все рыбы и гады в один голос: «Видом не видали, слыхом не слыхали!» Крикнула старуха по земле: «Собирайся, зверь лесной!» Зверь бежит, землю укры-

вает, в один голос отвечает: «Видом не видали, слыхом не слыхали!» Крикнула старуха по поднебесью: «Собирайся, птица воздушная!» Птица летит, денной свет укрывает, в один голос отвечает: «Видом не видали, слыхом не слыхали!» — «Больше некого спрашивать!» — говорит старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела в избу; только вошли туда, налетела Моголь-птица, пала на землю — в окнах свету не стало. «Ах ты, птица Моголь! Где была, где летала, отчего запоздала?» — «Ненаглядную Красоту к обедне сряжала».— «Того мне и надоть! Сослужи мне службу верою-правдою: снеси туда Ивана-царевича».— «Рада бы сослужила, много пропитанья надоть!» — «Сколь много?» — «Три сороковки говядины да чан воды».

Иван-царевич налил чан воды, накупил быков, набил и наклал три сороковки говядины, уставил те бочки на птицу, побежал в кузницу и сковал себе копье длинное железное. Воротился и стал со старухой прощаться. «Прощай,— говорит,— бабушка! Корми моего доброго коня сыто — я тебе за все заплачу». Сел на Моголь-птицу — в ту ж минуту она поднялась и полетела. Летит, а сама бесперечь оглядывается: как оглянется, Иван-царевич тотчас подает ей на копье кус говядины. Вот летела-летела немало времени, царевич две бочки скормил, за третью принялся и говорит: «Эй, птица Моголь! Пади на сыру землю, мало пропитанья стало».— «Что ты, Иван-царевич! Здесь леса дремучие, грязи вязучие — нам с тобой по конец века не выбраться». Иван-царевич всю говядину скормил и бочки спихал, а Моголь-птица летит — оборачивается. «Что делать?» — думает царевич, вырезал из своих ног икры и дал птице; она проглотила, вылетела на луга зеленые, травы шелковые, цветы лазоревые и пала наземь. Иван-царевич встал, идет пó лугу — разминается, на обе ноги прихрамывает. «Что ты, царевич, али хромаешь?» — «Хромаю, Моголь-птица! Давеча из ног своих икры вырезал да тебе скормил». Моголь-птица выхаркнула икры, приложила к ногам Ивана-царевича, дунула-плюнула, икры приросли — и пошел царевич и крепко и бодро.

Пришел в большой город и пристал отдохнуть к бабушке-задворенке. Говорит ему бабушка-задворенка: «Спи, Иван-царевич! Заутро, как ударят в колокол, я тебя разбужу». Лег царевич и тотчас уснул; день спит, ночь спит... Зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадет в руки — тем и бьет; нет, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили к обедне, Ненаглядная Красота в церковь поехала; прибежала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьет его чем ни попадя, насил-насилу разбудила. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и пошел к обедне. Пришел в церковь, образам помолился, на все стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; стоят они рядом да богу молятся. На отходе обедни она первая под крест, он второй за ней.

Вышел на рундук[1], глянул на сине море — идут корабли; наехало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну на-

[1] Ларь; здесь как будто бы в значении *крыльцо* (*Ред.*).

смехаться: «Ах ты, деревенская зобенка![2] По тебе ль такая красавица? Не сто́ишь ты ее мизинного пальчика!» Раз говорят и в другой говорят, а в третий сказали — ему обидно стало: рукой махнул — улица, другой махнул — чисто, гладко кругом! Сам ушел к бабушке-задворенке. «Что, Иван-царевич, видел Ненаглядную Красоту?» — «Видел, по век не забуду».— «Ну ложись спать; завтра она опять к обедне пойдет; как ударит колокол, я тебя разбужу». Лег царевич; день спит, ночь спит... зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала будить царевича, что ни попадет под руки — тем и бьет его; нет не могла разбудить. Зазвонили к обедне, она опять его бьет и будит. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она на него глянула — покраснела. Стоят они рядышком да богу молятся; на исходе обедни она первая под крест, он второй за ней.

Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двенадцать богатырей; стали те богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смех подымать: «Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Не сто́ишь ты ее мизинного пальчика!» От тех речей ему обидно показалося; махнул рукой — стала улица, махнул другой — чисто и гладко кругом! Сам к бабушке-задворенке ушел. «Видел ли Ненаглядную Красоту?» — спрашивает бабушка-задворенка. «Видел, по век не забуду».— «Ну, спи; заутро я тебя опять ра́збужу». Иван-царевич день спит и ночь спит; ударили в колокол к заутрене, прибежала бабушка-задворенка будить его; чем ни попадя бьет его, не жалеючи, а разбудить никак не может. Ударили в колокол к обедне, она все с царевичем возится. Насилу добудилась его! Иван-царевич вскочил скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она с ним поздоровалась, поставила его по правую руку; а сама стала по левую. Стоят они да богу молятся; на исходе обедни он первый под крест, она вторая за ним.

Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну над ним насмехаться: «Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Ты не сто́ишь ее мизинного пальчика!» Стали к нему со всех сторон подступать да невесту отбивать; Иван-царевич не стерпел: махнул рукой — улица, махнул другой — гладко и чисто кругом, всех до единого перебил. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела в свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти браные, угощала его, потчевала, своим женихом называла.

Вскоре потом собрались они в путь-дорогу и поехали в государство Ивана-царевича. Ехали, ехали и остановились в чистом поле отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иван-царевич ее сон сторожит. Вот она выспалась, пробудилась; говорит ей царевич: «Ненаглядная Красота! Похрани моего тела белого, я спать лягу».— «А долго ль спать

[2] Корзина; переносно: жадный человек (*Ред.*).

будешь?» — «Девятеро суток, с боку на бок не поворочусь; станешь будить меня — не разбудишь, а время придет — сам проснусь».— «Долго, Иван-царевич! Мне скучно будет».— «Скучно не скучно, а делать нечего!» Лег спать и проспал как раз девять суток. В это время приехал Кощей Бессмертный и увез Ненаглядную Красоту в свое государство.

Пробудился от сна Иван-царевич, смотрит — нету Ненаглядной Красоты; заплакал и пошел ни путем, ни дорогою. Долго ли, коротко ли — приходит в государство Кощея Бессмертного и просится на постой к одной старухе. «Что, Иван-царевич, печален ходишь?» — «Так и так, бабушка! Был со всем, стал ни с чем».— «Худо твое дело, Иван-царевич! Тебе Кощея не потребить».— «Я хоть посмотрю на мою невесту!» — «Ну ложись — спи до утра; завтра Кощей на войну уедет». Лег Иван-царевич, а сон и на ум нейдет; поутру Кощей со двора, а царевич во двор — стал у ворот и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они в горницу, сели за стол и начали разговаривать. Научает ее Иван-царевич: «Спроси у Кощея Бессмертного, где его смерть».— «Хорошо, спрошу». Только успел он со двора уйти, а Кощей во двор: «А! — говорит.— Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был».— «Что ты, Кощей Бессмертный! Где мне Ивана-царевича видать? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели!» Стали они ужинать; за ужином Ненаглядная Красота спрашивает: «Скажи мне, Кощей Бессмертный: где твоя смерть?» — «На что тебе, глупая баба? Моя смерть в венике завязана».

Рано утром уезжает Кощей на войну. Иван-царевич пришел к Ненаглядной Красоте, взял тот веник и чистым золотом ярко вызолотил. Только успел царевич уйти, а Кощей во двор: «А! — говорит.— Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был».— «Что ты, Кощей Бессмертный! Сам по Руси летал, русского духу нахватался — от тебя русским духом и пахнет. А мне где видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели!» Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на стул, а его посадила на лавку; он взглянул под порог — лежит веник позолоченный. «Это что?» — «Ах, Кощей Бессмертный! Сам видишь, как я тебя почитаю; коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорогá».— «Глупая баба! То я пошутил, моя смерть вон в дубовом тыну заделана».

На другой день Кощей уехал, а Иван-царевич пришел, весь тын вызолотил. К вечеру ворочается домой Кощей Бессмертный. «А! — говорит.— Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был».— «Что ты, Кощей Бессмертный! Кажется, я тебе не раз говаривала: где мне видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери растерзали». Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на лавку, а его на стул посадила. Кощей взглянул в окно — стоит тын позолоченный, словно жар горит! «Это что?» — «Сам видишь, Кощей Бессмертный, как я тебя почитаю; коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорогá». Полюбилась эта речь Кощею Бессмертному, говорит он Ненаглядной Красоте: «Ах ты, глупая баба! То я

пошутил; моя смерть в яйце, то яйцо в утке, та утка в кокоре[3], та кокора в море плавает». Как только уехал Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожков и рассказала, где искать смерть Кощееву.

Иван-царевич пошел ни путем, ни дорогою, пришел к океан-морю широкому и не знает, куда дальше идти, а пирожки давно вышли — есть нечего. Вдруг летит ястреб; Иван-царевич прицелился: «Ну, ястреб! Я тебя застрелю да сырком съем».— «Не ешь меня, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь». Бежит медведь: «Ах, Мишка косолапый! Я тебя убью да сырком съем».— «Не ешь, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь». Глядь — на берегу щука трепещется: «А, щука зубастая, попалася! Я тебя сырком[4] съем».— «Не ешь, Иван-царевич! Лучше в море брось: в нужное время я тебе пригожусь». Стоит царевич и думает: когда-то наступит нужное время, а теперь голодать пришлось!

Вдруг сине море всколыхалося, взволновалося, стало берег заливать; Иван-царевич бросился в гору. Что есть сил бежит, а вода за ним по пятам гонит; взбежал на самое высокое место и влез на дерево. Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокора. Прибежал медведь, поднял кокору да как хватит оземь — кокора развалилася, вылетела оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдруг откуда ни взялся — летит ястреб, поймал утку и вмиг разорвал ее пополам. Выпало из утки яйцо да прямо в море; тут подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Ивану-царевичу.

Царевич положил яйцо за пазуху и пошел к Кощею Бессмертному. Приходит к нему во двор, и встречает его Ненаглядная Красота, в уста целует, к плечу припадает. Кощей Бессмертный сидит у окна да ругается: «А, Иван-царевич! Хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, так тебе живому не быть».— «Ты сам у меня ее отнял! — отвечал Иван-царевич, вынул из-за пазухи яйцо и кажет Кощею: — А это что?» У Кощея свет в глазах помутился, тотчас он присмирел-покорился. Иван-царевич переложил яйцо с руки на руку — Кощея Бессмертного из угла в угол бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще с руки на́ руку перекладывать; перекладывал, перекладывал и смял совсем — тут Кощей свалился и помер. Иван-царевич запряг лошадей в золотую карету, забрал целые мешки серебра и золота и поехал вместе с своею невестою к родному батюшке.

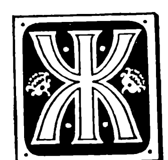
Долго ли, коротко ли — приезжает он к той самой старухе, что всякую тварь: рыбу, птицу и зверя допрашивала, увидал своего коня. «Слава богу,— говорит,— Воронко жив!» — и щедро отсыпал старухе золота за его прокорм — хоть еще девяносто лет живи, и то не прожить! Тотчас снарядил царевич легкого гонца и послал к царю с письмом, а в письме пишет: «Батюшка! Встречай сына; еду с невестою Ненаглядной Красотою». Отец получил письмо, прочитал и веры неймет: «Как тому быть!

[3] *Кокóра* — пень, лежащий на дне реки; выдолбленная колода.

[4] Сырьем.

Ведь Иван-царевич уехал отсель девятисуточный». Вслед за гонцом и сам царевич приехал; царь увидал, что сын истинную правду писал, выбежал на крыльцо встречать и приказал в барабаны бить, музыке играть. «Батюшка! Благослови жениться». У царей ни пиво варить, ни вино курить — всего много; в тот же день веселым пирком да за свадебку. Обвенчали Ивана-царевича с Ненаглядной Красотою и выставили по всем улицам большие чаны с разными напитками; всякий приходи и пей, сколько душа запросит! И я тут был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

158



Жил-был царь, у него был один сын. Когда царевич был мал, 93c
то мамки и няньки его прибаюкивали: «Баю-баю, Иван-царевич! Вырастешь большой, найдешь себе невесту: за тридевять земель, в тридесятом государстве сидит в башне Василиса Кирбитьевна — из косточки в косточку мозжечок переливается». Минуло царевичу пятнадцать лет, стал у отца проситься поехать поискать свою невесту. «Куда ты поедешь? Ты еще слишком мал!» — «Нет, батюшка! Когда я мал был, мамки и няньки меня прибаюкивали и сказывали, где живет моя невеста; а теперь я поеду ее разыскивать». Отец благословил его и дал знать по всем государствам, что сын его Иван-царевич поехал за невестою.

Вот приезжает царевич в один город, отдал убрать свою лошадь, а сам пошел по улицам погулять. Идет и видит — на площади человека кнутом наказывают. «За что,— спрашивает,— вы его кнутом бьете?» — «А за то,— говорят,— что задолжал он одному именитому купцу десять тысяч да в срок не выплатил; а кто его выкупит, у того Кощей Бессмертный жену унесет». Вот царевич подумал-подумал и прочь пошел. Погулял по городу, выходит опять на площадь, а того человека всё бьют; жалко стало Ивану-царевичу, и решился он его выкупить. «У меня,— думает,— жены нету; отнять у меня некого». Заплатил десять тысяч и пошел домой; вдруг бежит за ним тот самый человек, которого он выкупил, и кричит ему: «Спасибо, Иван-царевич! Если б ты меня не выкупил, ввек бы не достал своей невесты. А теперь я помогу; купи мне скорее лошадь и седло». Царевич купил ему и лошадь и седло и спрашивает: «А как твое имя?» — «Меня зовут Булат-молодец».

Сели они на коней и поехали в путь-дорогу; как только приехали в тридесятое государство, говорит Булат-молодец: «Ну, Иван-царевич, прикажи купить да нажарить кур, уток, гусей — чтоб всего было довольно! А я пойду твою невесту доставать. Да смотри: всякий раз, как я забегу к тебе, ты режь у любой птицы правое крылышко и подавай на тарелочке». Пошел Булат-молодец прямо к высокой башне, где сидела Василиса Кирбитьевна; бросил полегоньку камушком и сломил у башни золоченый верх. Прибегает к Ивану-царевичу, говорит ему: «Что ты спишь! Подавай курицу». Тот отрезал правое крылышко и подал на тарелочке. Булат-молодец взял тарелочку, побежал к башне и закричал: «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланять-

ся и просил меня отдать вам эту курочку». Она испугалась, сидит — ничего не говорит; а он сам за нее отвечает: «Здравствуй, Булат-молодец! Здоров ли Иван-царевич? — Слава богу, здоров! — А что же ты, Булат-молодец, стоишь? Возьми ключик, отопри шкапчик, выпей рюмку водочки и ступай с богом».

Прибегает Булат-молодец к Ивану-царевичу: «Что сидишь? — говорит.— Подавай утку». Тот отрезал правое крылышко, подал на тарелочке. Булат взял тарелочку и понес к башне: «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланяться и прислал вам эту уточку». Она сидит — ничего не говорит; а он сам за нее отвечает: «Здравствуй, Булат-молодец! Здоров ли царевич? — Слава богу, здоров! — А что же ты, Булат-молодец, стоишь? Возьми ключик, отопри шкапчик, выпей рюмочку и ступай с богом». Прибегает Булат-молодец домой и опять говорит Иван-царевичу: «Что сидишь? Подавай гуся». Тот отрезал правое крылышко, положил на тарелочку и подал ему. Булат-молодец взял и понес к башне: «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иван-царевич приказал кланяться и прислал вам гуся». Василиса Кирбитьевна тотчас берет ключ, отпирает шкап и подает ему рюмку водочки. Булат-молодец не берется за рюмку, а хватает де́вицу за правую руку; вытащил ее из башни, посадил к Иван-царевичу на лошадь, и поскакали они, добрые мо́лодцы, с душой красной де́вицей во всю конскую прыть.

Поутру встает-просыпается царь Кирбит, видит, что у башни верх сломан, а дочь его похищена, сильно разгневался и приказал послать погоню по всем путям и дорогам. Много ли, мало ли ехали наши витязи — Булат-молодец снял с своей руки перстень, спрятал его и говорит: «Поезжай, Иван-царевич, а я назад ворочусь, поищу перстень». Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать: «Не оставляй нас, Булат-молодец! Хочешь, я тебе свой перстень подарю?» Он отвечает: «Никак нельзя, Василиса Кирбитьевна! Моему перстню цены нет — мне дала его родная матушка; как давала — приговаривала: носи — не теряй, мать не забывай!» Поскакал Булат-молодец назад и повстречал на дороге погоню; он тотчас всех перебил, оставил только единого человека, чтоб было кому царя повестить, а сам поспешил нагнать Ивана-царевича. Много ли, мало ли они ехали — Булат-молодец запрятал свой платок и говорит: «Ах, Иван-царевич, я платок потерял; поезжайте вы путем-дорогою, я вас скоро опять нагоню». Повернул назад, отъехал несколько верст и повстречал погоню вдвое больше, перебил всех и вернулся к Ивану-царевичу. Тот спрашивает: «Нашел ли платок?» — «Нашел».

Настигла их темная ночь; раскинули они шатер, Булат-молодец лег спать, а Ивана-царевича на караул поставил и говорит ему: «Каков случай — разбуди меня!» Тот стоял-стоял, утомился, начал клонить его сон, он присел у шатра и заснул. Откуда ни взялся Кощей Бессмертный — унес Василису Кирбитьевну. На заре очнулся Иван-царевич; видит, что нет его невесты, и горько заплакал. Просыпается и Булат-молодец, спрашивает его: «О чем плачешь?» — «Как мне не плакать? Кто-то унес Василису Кирбитьевну».— «Я же тебе говорил: стой на карауле! Это дело Кощея Бессмертного; поедем искать».

Долго-долго они ехали, смотрят — два пастуха стадо пасут. «Чье это стадо?» Пастухи отвечают: «Кощея Бессмертного». Булат-молодец и Иван-царевич выспросили пастухов: далеко ль Кощей живет, как туда проехать, когда они со стадом домой ворочаются и куда его запирают? Потом слезли с лошадей, свернули пастухам головы, нарядились в их платье и погнали стадо домой; пригнали и ста́ли у ворот.

У Ивана-царевича был на руке золотой перстень — Василиса Кирбитьевна ему подарила; а у Василисы Кирбитьевны была коза — от той козы молоком она и утром и вечером умывалась. Прибежала девушка с чашкою, подоила козу и несет молоко; а Булат-молодец взял у царевича перстень и бросил в чашку. «Э, голубчики,— говорит девушка,— вы озорничать стали!» Приходит к Василисе Кирбитьевне и жалуется: «Нониче пастухи над нами насмехаются, бросили в молоко перстень!» Та отвечает: «Оставь молоко, я сама процежу». Стала цедить, увидала свой перстень и велела послать к себе пастухов. Пастухи пришли. «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна!» — говорит Булат-молодец. «Здравствуй, Булат-молодец! Здравствуй царевич! Как вас бог сюда занес?» — За вами, Василиса Кирбитьевна, приехали; вы от нас нигде не скроетесь: хоть на дне моря, и то отыщем!» Она их за стол усадила, всякими яствами накормила и винами напоила. Говорит ей Булат-молодец: «Как приедет Кощей с охоты, расспросите его, Василиса Кирбитьевна, где его смерть? А теперь нехудо нам спрятаться».

Только что гости успели спрятаться, прилетает с охоты Кощей Бессмертный. «Фу-фу! — говорит.— Прежде русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а нониче русский дух воочью является, в уста бросается». Отвечает ему Василиса Кирбитьевна: «Сам ты по Руси налетался, русского духу нахватался, так он тебе и здесь чудится!» Кощей пообедал и лег отдыхать; пришла к нему Василиса Кирбитьевна, кинулась на шею, миловала-целовала, сама приговаривала: «Друг ты мой милый! Насилу дождалась тебя; уж не чаяла в живых увидать — думала, что тебя лютые звери съели!» Кащей засмеялся: «Дура баба! Волос долог, да ум короток; разве могут меня лютые звери съесть?» — «Да где ж твоя смерть?» — «Смерть моя в голике, под порогом валяется».

Как скоро Кощей улетел, Василиса Кирбитьевна побежала к Ивану-царевичу. Спрашивает ее Булат-молодец: «Ну, где смерть Кощеева?» — «В голике под порогом валяется».— «Нет, это он нарочно врет! Надо расспросить его похитрее». Василиса Кирбитьевна тотчас придумала: взяла голик вызолотила, разными лентами украсила и положила на стол. Вот прилетел Кощей Бессмертный, увидал на столе вызолоченный голик и спрашивает, зачем это сделано. «Как же можно, — отвечала Василиса Кирбитьевна,— чтоб твоя смерть под порогом валялась; пусть лучше на столе лежит!» — «Ха-ха-ха, баба-дура! Волос длинен, да ум короток; разве здесь моя смерть?» — «А где же?» — «Моя смерть в козле запрятана». Василиса Кирбитьевна, как только Кощей на охоту уехал, взяла убрала козла лентами да бубенчиками, а рога ему вызолотила. Кощей увидал, опять рассмеялся: «Эх, баба-дура! Волос длинен, да ум короток; моя смерть далече: на море на океане есть остров, на том острове дуб

стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, а в яйце — моя смерть!» Сказал и улетел. Василиса Кирбитьевна пересказала все это Булату-молодцу да Ивану-царевичу; они взяли с собой запасу и пошли отыскивать Кощееву смерть.

Долго ли, коротко ли шли, запас весь приели и начали голодать. Попадается им собака со щенятами. «Я ее убью,— говорит Булат-молодец,— нам есть больше нечего».— «Не бей меня,— просит собака,— не делай моих деток сиротами; я тебе сама пригожусь!» — «Ну, бог с тобой!» Идут дальше — сидит на дубу орел с орлятами. Говорит Булат-молодец: «Я убью орла». Отвечает орел: «Не бей меня, не делай моих деток сиротами; я тебе сам пригожусь!» — «Так и быть, живи на здоровье!» Подходят к океан-морю широкому; на берегу рак ползет. Говорит Булат-молодец: «Я его пришибу!» Отвечает рак: «Не бей меня, добрый мо́лодец! Во мне корысти не много, хоть съешь — сыт не будешь. Придет время — я сам тебе пригожусь!» — «Ну, ползи с богом» — сказал Булат-молодец, посмотрел на́ море, увидал рыбака в лодке и крикнул: «Причаливай к берегу!» Рыбак подал лодку; Иван-царевич да Булат-молодец сели и поехали к острову; добрались до острова и пошли к дубу.

Булат-молодец ухватил дуб могучими руками и с корнем вырвал; достал из-под дуба сундук, открыл его — из сундука заяц выскочил и побежал что есть духу. «Ах,— вымолвил Иван-царевич,— если б на эту пору да собака была, она б зайца поймала!» Глядь — а собака уж тащит зайца. Булат-молодец взял его разорвал — из зайца вылетела утка и высоко поднялась в поднебесье. «Ах,— вымолвил Иван-царевич,— если б на эту пору да орел был, он бы утку поймал!» А орел уже несет утку. Булат-молодец разорвал утку — из утки выкатилось яйцо и упало в море. «Ах,— сказал царевич,— если б рак его вытащил!» А рак уж ползет, яйцо тащит. Взяли они яйцо, приехали к Кощею Бессмертному, ударили его тем яйцом в лоб — он тотчас растянулся и умер. Брал Иван-царевич Василису Кирбитьевну, и поехали в дорогу.

Ехали-ехали, настигла их темная ночь; раскинули шатер, Василиса Кирбитьевна спать легла. Говорит Булат-молодец: «Ложись и ты, царевич; а я буду на часах стоять». В глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло и сделались двенадцать девиц: «Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кощея Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбитьевну; не будет и вам добра: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести свою собачку любимую; она вырвется у псаря и разорвет царевича на мелкие части; а кто это слышит да ему скажет, тот по колена будет каменный!» Поутру Булат-молодец разбудил царевича и Василису Кирбитьевну, собрались и поехали в путь-дорогу.

Настигала их вторая ночь: раскинули шатер в чистом поле. Опять говорит Булат-молодец: «Ложись спать, Иван-царевич, а я буду караулить». В глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло и стали двенадцать девиц: «Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кощея Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбитьевну; не будет и вам добра: как приедет Иван-царевич

домой: велит вывести своего любимого коня, на котором сызмала привык кататься; конь вырвется у конюха и убьет царевича до смерти. А кто это слышит да ему скажет, тот будет по пояс каменный!» Настало утро, опять поехали.

Настигала их третья ночь; разбили шатер и остановились ночевать в чистом поле. Говорит Булат-молодец: «Ложись спать, Иван-царевич, а я караулить буду». Опять в глухую полночь прилетели двенадцать голубиц, ударились крыло в крыло и стали двенадцать девиц: «Ну, Булат-молодец да Иван-царевич, убили вы нашего брата Кощея Бессмертного, увезли нашу невестушку Василису Кирбитьевну, да и вам добра не нажить: как приедет Иван-царевич домой, велит вывести свою любимую корову, от которой сызмала молочком питался, она вырвется у скотника и поднимет царевича на рога. А кто нас видит и слышит да ему скажет, тот весь будет каменный». Сказали, обернулись голубицами и улетели.

Поутру проснулся Иван-царевич с Василисой Кирбитьевной и отправились в дорогу. Приехал царевич домой, женился на Василисе Кирбитьевне и спустя день или два говорит ей: «Хочешь, я покажу тебе мою любимую собачку? Когда я был маленький — все с ней забавлялся». Булат-молодец взял свою саблю, наточил остро-остро и стал у крыльца. Вот ведут собачку; она вырвалась у псаря, прямо на крыльцо бежит, а Булат-молодец махнул саблею и разрубил ее пополам. Иван-царевич на него разгневался, да за старую службу промолчал — ничего не сказал. На другой день приказал он вывесть своего любимого коня; конь перервал аркан, вырвался у конюха и скачет прямо на царевича. Булат-молодец отрубил коню голову. Иван-царевич еще пуще разгневался, приказал было схватить его и повесить, да Василиса Кирбитьевна упросила: «Если б не он,— говорит,— ты бы меня никогда не достал!» На третий день велел Иван-царевич вывесть свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бежит прямо на царевича. Булат-молодец отрубил и ей голову.

Тут Иван-царевич так озлобился, что никого и слушать не стал; приказал позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца.

«Ах, Иван-царевич! Коли ты хочешь меня палачом казнить, так лучше я сам помру. Позволь только три речи сказать...» Рассказал Булат-молодец про первую ночь, как в чистом поле прилетали двенадцать голубиц и что ему говорили — и тотчас окаменел по колена; рассказал про другую ночь — и окаменел по пояс. Тут Иван-царевич начал его упрашивать, чтоб до конца не договаривал. Отвечает Булат-молодец: «Теперь все равно — наполовину окаменел, так не стоит жить!» Рассказал про третью ночь и оборотился весь в камень. Иван-царевич поставил его в особой палате и каждый день стал ходить туда с Василисой Кирбитьевной да горько плакаться.

Много прошло годов; раз как-то плачется Иван-царевич над каменным Булатом-молодцом и слышит — из камня голос раздается: «Что ты плачешь? Мне и так тяжело!» — «Как мне не плакать? Ведь я тебя загубил».— «Если хочешь, можешь меня спасти; у тебя есть двое детей — сын да дочь, возьми их зарежь, нацеди крови и той кровью помажь камень». Иван-царевич рассказал про то Василисе Кирбитьевне; потужи-

ли они, погоревали и решились зарезать своих детей. Взяли их зарезали, нацедили крови и только помазали камень, как Булат-молодец ожил. Спрашивает он у царевича и его жены: «Что, вам жалко своих деток?» — «Жалко, Булат-молодец!» — «Ну, пойдемте, в их комнатку». Пришли, смотрят,— а дети живы! Отец с матерью обрадовались и на радостях задали пир на весь мир. На том пиру и я был, мед и вино пил, по усам текло, в рот не попало, на душе пьяно и сытно стало.

159. МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был 94
Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали: «Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!» Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять. Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная. «Пойдемте, сестрицы, домой!» — говорит Иван-царевич. Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол óб пол, сделался добрым молодцем и говорит: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать».— «Коли люб ты сестрице, я ее не унимаю — пусть с богом идет!» Марья-царевна согласилась; сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией. «Пойдемте, сестрицы, домой!» — говорит царевич. Только пришли во дворец — как ударил гром, распалася крыша, раздвоился потолок, и влетел орел; ударился óб пол и сделался добрым молодцем: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом». И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич: «Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю». Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице: «Пойдем, во зеленом саду погуляем!» Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией. «Вернемся, сестрица, домой!» Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок и влетел ворон; ударился ворон óб пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот еще лучше. «Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом; отдай за меня Анну-царевну». — «Я с

сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя». Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно. «Пойду,— говорит,— искать сестриц». Собрался в дорогу, шел-шел и видит — лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич: «Коли есть тут жив человек — отзовися! Кто побил это войско великое?» Отозвался ему жив человек: «Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна». Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна: «Здравствуй, царевич, куда тебя бог несет — по воле аль по неволе?» Отвечал ей Иван-царевич: «Добрые мо́лодцы по неволе не ездят!» — «Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах». Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает: «Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать!» Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича: «Сжалься надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло!» Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил: «Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!» Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал. «Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный.— Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих!» — и страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил ее и унес к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!»

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Ах, шурин мой любезный! Как тебя господь милует?» Выбежала Марья-царевна, встрела Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит: «Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну».— «Трудно тебе сыскать ее,— отвечает сокол.— Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать». Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет». Ольга-царевна тотчас

прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит: «Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвечает орел: «Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать». Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет». Выбежала Анна-царевна, встрела его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит: «Прощайте! Пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвечает ворон: «Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать». Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила: «Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?» — «Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!» Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» Отвечает конь: «Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез».— «А можно ли их догнать?» — «Можно пшеницы насеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!» Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича: «Ну,— говорит,— первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю!» Отнял у него Марью Моревну и увез; а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощея Бессмертного дома не случилося. «Поедем, Марья Моревна!» — «Ах, Иван-царевич! Он нас догонит».— «Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе». Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» — «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял».— «А можно ли догнать их?» — «Можно ячменю насеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!» Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича: «Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!» Отнял ее и увез к себе.

Оставался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощея дома не случилося. «Поедем,

Марья Моревна!» — «Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит».— «Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу». Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» — «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял». Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклал в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Иван-царевича серебро почернело. «Ах,— говорят они,— видно, беда приключилася!» Орел бросился на сине море, схватил и вытащил бочку нá берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали как надобно. Ворон брызнул мертвой водою — тело срослось, съединилося; сокол брызнул живой водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит: «Ах, как я долго спал!» — «Еще бы дольше проспал, если б не мы! — отвечали зятья.— Пойдем теперь к нам в гости».— «Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну».

Приходит к ней и просит: «Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня». Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказал: «За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка».— «Как же ты через огненную реку переправился?» — «А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!» Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит: «Съем-ка я одного цыпленочка».— «Не ешь, Иван-царевич!— просит заморская птица.— В некоторое время я пригожусь тебе». Пошел он дальше; видит в лесу улей пчел. «Возьму-ка я,— говорит,— сколько-нибудь медку». Пчелиная матка отзывается: «Не тронь моего меду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь». Он не тронул и пошел дальше; попадает ему навстречу львица со львенком. «Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, ажно тошно стало!» — «Не тронь. Иван-царевич,— просит львица.— В некоторое время я тебе пригожусь».— «Хорошо, пусть будет по-твоему!»

Побрел голодный, шел-шел — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечьей голове, только один незанятый. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?» — «Пришел заслужить у тебя богатырского коня».— «Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского

коня, а если нет, то не гневайся — торчать твоей голове на последнем шесте». Иван-царевич согласился; баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его: «Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома». Царевич встал, воротился домой; а баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем вы домой воротились?» — «Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаз не выклевали».— «Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпьтесь по дремучим лесам».

Переспал ночь Иван-царевич; наутро баба-яга ему говорит: «Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!» Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал, плакал, да и уснул. Солнышко село за лес; прибежала львица: «Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны». Иван-царевич встал и пошел домой; баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем домой воротились?» — «Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали».— «Ну, вы завтра забегите в сине море».

Опять переспал ночь Иван-царевич; наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти: «Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте». Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит: «Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротишься домой, бабе-яге на глаза не показывайся, пойди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется, ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому».

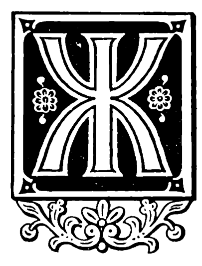
Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем воротились?» — «Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!»

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал пó мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след заметает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!» Поехала пó мосту, только добралась до средины — мост обломился и баба-яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею: «Как тебя бог воскресил?» — «Так и так,— говорит.— Поедем со мной».— «Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену».— «Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит». Сели они на коня и поехали. Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» — «Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез».— «А можно ли их догнать?» — «Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня».— «Нет, не утерплю,— говорит Кощей Бессмертный,— поеду в погоню». Долго ли, коротко ли — нагнал он Иван-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблею; в те́ поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклал царевич груду дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью: «Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти!» Погостили они, попировали и поехали в свое царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

160. ФЕДОР ТУГАРИН И АНАСТАСИЯ ПРЕКРАСНАЯ



ив сабе царь да царица, и быв у их адин сын па имени 95
Федар, па празванию Тугарин, и три дачки́. Ти[1] мала, ти богата яны жили, во и умирають, да и приказують сыну свайму, штоб ён пааддавав сястёр сваих замуж за первых жанихов. Прашов год, як царь да царица памерли. Во в адин день схватилась буря, завеяв Ветяр — так што боже сохрани! Як толька Ветяр далятев да крыльца, и затихло все. Во Ветяр и кажа Федару Тугарину: «Аддай за мене старшаю сваю сястру, а як не аддаш, я тваю хату перевярну и тябе убью!» Ён вывев сястру на крыльцо: як ухватило яё, як заревло да загуло — не знать, куда яна и делась! На третий год Федар аддав такжа средняю сваю сястру в замужство Граду, а на четвертый и меньшую — Грому.

Пааддававши замуж сястёр, Федар Тугарин пашов странствавать. Ишов, ишов аж глядить: ляжить рать-сила пабитая. Ён и спрашивая:

[1] Вместо: *чи*.

«А хто тутачка есть живый, скажи, хто пабив сюю рать?» Во абазвався адин голас и кажа: «Падай вады напиться». Ён падав; той раненый и гаво́ря: «Иди, папитай[2] у другой рати». Ён пашов и убачив другую рать-силу пабитую, спрасив у той, хто яё пабив. Тут голас сказав, штоб ён ишов дальше и спрасив у третьей. Як дайшов ён да етай рати и спрасив, тут голас сказав яму, што усе три рати пабедила Анастасия Прекрасная, а сама яна тяперь в шатре аддыхая. Федар паехав. Приехавши да шатра, привязав каня и, вашедши в палату, лёг сбоку. Анастасия Прекрасная праснулась и, разбудивши Тугарина, кажа: «А што, ти будим биться, ти мириться?» Ён кажа: «Кали наши кони станунь биться, тагда и мы будим». Во яны спустили сваих каней. Кони панюхались и стали лизать адин другого, а воупасли[3] начали пастись. Дак[4] Анастасия Прекрасная и кажа Федару Тугарину: «Будь ты мне муж, а я тябе жана». И, паседавши на каней, поехали дамов. Живуть сабе да паживають Федар и Анастасия, як галубки́.

Во раз Анастасии захателась паехать на ахоту; сабравшись, яна кажа мужу свайму: «Усюды[5] хади па майму дому, толька не иди туда, где дверь лычком завязана и глинаю залеплена!» Там висев Змей, який хатев силаю взять за сабе замуж Анастасию; яна яго пабедила и павесила за рябро. Як паехала Анастасия на ахоту, Федар усюды хадив, усё разглядав, а дале не втерпев и пашов, куда яму не вялела жана яго. Глядить, аж там висить Змей на 'дном[6] рябре. Убачивши Федара, ён кажа: «А, здрастуй, храбрый Федар Тугарин! Пасаби мини трошки»[7]. Ён пасабив. «Ящё!» Ён и ящё. «Ящё!» Ён и ящё. Во Змей знявся с крюка, палятев да й кажа: «Спасиба ж тябе, я тябе в великой пригоде знадоблюсь». Пустивши Змея на волю, Федар адумавсь да и кажа: «Рассердится на мене тяперь жана!» Падумавши так, ён узяв да и пашов из жаниного дому.

Ишов Федар да ишов, глядить — аж стаить дом. Ён, падашовши к таму дому, приходя к дверям да кажа: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, памилуй нас грешных!» Женский голас из светлицы яму атвечая: «Кали добрый — явися, а кали ледачий — прахом возьмися!» Федар вхо́дя в светлицу, глядь, аж там яго сястра. Убачивши брата, яна яму кажа: «Чаго ты, братику, пришов? Мой муж — Ветяр; будя беда!» А дале взяла яго да и схавала[8]. Во лятить Ветяр; улятевши в хату, кажа: «Фу, Русь-кость пахня!» Жонка яму гаво́ря: «Вы лятали па Руси и набрались русского духу!» А дале: «Што,— кажа,— якбы мой брат приехав?» — «А што ж,— кажа Ветяр,— мы б пили, ели да гуляли!» Яна кажа: «Я вам яго преставлю»,— пашла и вывела брата. Ветяр, пабачивши Тугарина, став рад; стали пить, да гулять, да добры мысли мать; гуляли усю неделю. А дале Федар, папращавшись, пашов да другой сястры, што була замужем за Градом. Федар рассказував зятям

[2] Спроси.
[3] После.
[4] Итак.
[5] Всюду.
[6] На одном.
[7] Немножко.
[8] Спрятала.

сваим и сястрам, як ён нажив сабе жану да безумием патеряв. Ён знав, што Змей, як ён адпустив яго, схватил изненацку[9] Анастасию и унёс у сваю берлогу.

Пабывши у двух сястёр, Тугарин ишов да третьей. На дароге яго застигла ночь, а йон ящё не вышав из дремучаго лесу, па якому яму треба было идти. Ён падумав-падумав, да и аставсь начевать в лесу подле крыницы[10]. На другий день ён толька што праснувся, аж иде Анастасия Прекрасная па ваду́ в крыницу. Як пабачили яны адин другога — возрадувались. Яна рассказала яму, што Змей ухватив яё на ахоте и принёс яё в етат лес и што тут яны живуть. Пагаваривши, яны сели на каней да и давай утякать[11]. Як ета все тварилась, Змей, муж Анастасии, быв на ахоте; конь пад ним спаткнувся. Ён спрашивая яго: «Чаго ты спаткнувся, коню мой милый?» — «Як же мини не спатыкаться,— кажа конь,— Анастасия утякла с Федаром Тугарином».— «Што ж, ти можем мы их дагнать?» — гаво́ря Змей. Конь кажа: «Можем пшаницы нажать, намалатить, паесть и дагнать». Ета все сделавши, паехали яны даганять Федара и Анастасию. Як толька Змей пабачив их, став кричать, штоб стали; а яны всё сабе едуть. Змей рассердився да як припудя[12] каня, и дагнав бегляцов, да и кажа Федару: «Я табе кричав, штоб ты астанавився; я б табе прастив. Ты мене не паслухав, так о́т табе!» Взяв да и убив Тугарина и, взявши Анастасию, паехав дамов.

Зятья Федаравы, узнавши, што Змей яго убив, палятели, дастали цялющей и живущей вады и, прилятевши, исцялили и аживили Тугарина. Аживши, Федар кажа зятям сваим: «Фу, как я заснув!» Яны кажуть яму: «Заснув бы навеки кали б не мы!» Ён их паблагадарив да и пашов изнов да крыницы, где бачив Анастасию. Глядить, аж яна иде па ваду́: як убачила Федара, возрадувалась. Во ён и став прасить яё, штоб яна выпытала у Змея: где можно дастать такога каня, штоб яд яго утекти, и где яго смерть? Анастасия абещала яму ета и, набравши вады, пашла дадому; а Змей быв на ахоте. Анастасия пашла дамов, пагаваривши с Федарам; а ён астався у крыницы дажидаться, што яму скажа яго любезная.

Во еде Змей з ахоты. Анастасия вышла яму навстречу, взяла каня за узду и увела в канюшню и, пришедши в хату, стала целавать и милавать Змея, а дале и кажа: «Який у вас коня скорый! Ти можна где-нибудь дастать такога другога каня, штоб ад вашего утёк?» Змей разнежився ад ла́сак Анастасии, бо яна яго никали не ласкала, савсем забывся да и признався на сваю беду. «Есть,— гаво́ря,— адна баба, у каторай двенадцать кабылиц, и як дастать ад тых кабылиц каня, то той майго перегоня; толька трудна дастать у той бабы, бо яна таго, хто сяго хоча, нанимая на три дни стярегти кабылиц, а як толька стораж засне (бо баба дае всякаму соннае зелье) — кабылицы утякуть. Во баба сама их найдя, а сторажу здяре з спины паласу́ да и прагоня». Анастасия, приласкавшись, гаво́ря Змею: «А где твая смерть? Ён кажа: «Есть на остраве камень,

[9] Невзначай.
[10] Колодца (*Ред.*).
[11] Убегать.
[12] Погнал.

а в том камне заяц, а в том зайце вутка, а в той вутке яйцо, в том яйце жавток, а в том жавтке каменёк: то мая смерть!» Выпытавши всё ета, Анастасия пересказала Федару. Ён рассказав зятям; во яны палятели шукать[13] таго камня, а сам Тугарин пашов да бабы даставать каня.

Иде да иде Федар, аж вавки́[14] бьються за кости. Ён им падялив; яны яму паблагадарили и сказали, што будуть яму в великой пригоде. Иде Федар да иде, аж пчолы бьються за мед. Ён им падялив; яны яго паблагадарили и абещали то ж. Дале ён убачив, што раки бьются за икру. Ён им падялив; яны яму абещали то ж, што вавки́ и пчолы. Ишовши ти мала, ти багата, Федар прихо́дя к хате, а в той хате жила баба, у якой были двенадцать кабылиц. Вашо́вши у хату и паздаровавшись з бабою, Тугарин став яё прасить, штоб яна приняла яго стяречь кабылиц. Баба и кажа яму: «Што ж ты вазьмешь з мене?» Ён кажа: «Аднаго жеребчика». Баба кажа: «Кали устярежешь три дни, то до́бре!» Ён согласився.

На другий день Федар устав, умывся, богу памалився да и пагнав кабылиц на луг. Баба дала яму на снеданье пиражок, а в том пиражку соннае зельё. Тугарин, пригнавши кабылиц на луг, разпустив их пастись, а сам став ести пиражок, што дала яму баба. Як паеда́в ён таго пиражка, и заснув, и спав два дни, а кабылицы далеко парасходились. На третий день Федара штось[15] начало кусать; ён праснувся, глядить, аж то тые раки, што ён им икру падялив. Во яны и кажуть яму: «Вставай да шукай кабылиц, а то приде баба, буде тябе беда!» Ён стрепянувся да и хатев шукать кабылиц; глядить, аж тые вавки́, што ён им падялив кости, и тыя пчолы, што ён падялив им мед, жануть[16] кабылиц. Тугарин, пабачивши их, возрадувався, паблагадарив раков, пчол и вавко́в да и пагнав кабылиц дадому. Баба, убачивши, што Федар жане кабылиц, вышла яму навстречу да и кажа: «Счастлив жа ты, што устярег, а то была бы тябе беда!» А дале привяла яго у хату, дала яму есть, а сама пашла у канюшню да кабылиц. Федар ти ев, ти не ев, встав да и пашов и, пришовши да канюшни, так што баба яго не бачила, став падслуха́ть, што баба будя рабить. Яна взяла жалезный прут, стала бить кабылиц, приказывать, штоб усе яны дазавтра[17] привяли па жеребёнку, а самая лучшая штоб привяла каростливага, штоб Тугарин не узнав, где лучший. Ён, выслушавши все ета, пашов у хату и лёг спать.

Уставши назавтра рана, Федар став требовать у бабы платы; яна павяла яго в канюшню и паказывая жеребят, што ночью привяли кабылицы, да и кажа: «Выбирай любога!» Федар, узнавши таго канька, павёв[18]; во ён и кажа Тугарину чалавечаским голасам: «Дай мини три зари папастись на расе, тагда павядеш!» Федар сагласився. Як папасся той канёк день, став насить вполдерева, на другий день паверх дерева,

[13] Искать.
[14] Волки.
[15] Что-то.
[16] Гонят.
[17] До завтрева.
[18] Повел.

на третий па паднебесью, да такий став красивый, што и узнать нельзя. Севши на таго каня, Федар паехав да зятьёв. Яны яму дали каменёк, што дастали на остраве.

Взявши яго, ён паехав в той лес, где жила Анастасия. Приехавши в лес, ён паехав и став дажидацца яё у крыницы. Ти мала, ти багата ждавши, глядить, аж Анастасия бяжить па ваду. Ён яё узяв, пасадив на каня и як ударить яго па крутым бедрам, конь панёс паверх дерева. Змей, бывши на ахоте, убачив, што Анастасия утякая, ударив и свайго каня и палятев даганять; яго конь лятить паверх дерева да и кажа: «Дагнать мы дагоним, бо у Тугарина мой меньший брат, да Анастасии не атымеш!» Як толька Змей став даганять Тугарина, ён кинув каменёк и папав яму в лоб. Змей упав и прапав; а Федар Тугарин и Анастасия Прекрасная даехали благапалучна да свайго двара, стали жить да паживать да добры мысли мать, да и тяперь сабе живуть. Я у гостях у их быв, мед-вино пив; у роти не было, а толька па бараде тякло.

161. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; 95
у этого царя было три дочери и один сын, Иван-царевич. Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич. Как узнали про то соседние короли, сейчас собрали несчетные войска и пошли на него войною. Иван-царевич не знает, как ему быть; приходит к своим сестрам и спрашивает: «Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Все короли поднялись на меня войною».— «Ах ты, храбрый воин! Чего убоялся? Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает? А ты, ничего не видя, испугался!» Иван-царевич тотчас оседлал своего доброго коня, надел на себя сбрую ратную, взял меч-кладенец, копье долгомерное и плетку шелковую, помолился богу и выехал против неприятеля; не столько мечом бьет, сколько конем топчет; перебил все воинство вражее, воротился в город, лег спать и спал трое суток беспробудным сном. На четвертые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле — короли больше того войск собрали и опять под самые стены подступили.

Запечалился царевич, идет к своим сестрам: «Ах, сестрицы! Что мне делать? Одну силу истребил, другая под городом стоит, пуще прежнего грозит».— «Какой же ты воин! Сутки воевал, да трое суток без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?» Иван-царевич побежал в белокаменные конюшни, оседлал доброго коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец в одну руку взял копье долгомерное,

в другую плетку шелковую, помолился богу и выехал против неприятеля. Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьет, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном шесть суток. На седьмые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле — короли больше того войск собрали и опять весь город обступили.

Идет Иван-царевич к сестрам: «Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Две силы истребил, третья под стенами стоит, еще пуще грозит».— «Ах ты, храбрый воин! Одни сутки воевал, да шестеро без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?» Горько показалось то царевичу; побежал он в белокаменные конюшни, оседлал своего доброго коня богатырского, надел на себя сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую плетку шелковую, помолился богу и выехал против неприятеля. Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьет, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном девять суток. На десятые сутки проснулся, призвал всех министров и сенаторов: «Господа мои министры и сенаторы! Вздумал я в чужие страны ехать, на Бела Полянина посмотреть; прошу вас судить и рядить, все дела разбирать в правду». Затем попрощался с сестрами, сел на коня и поехал в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — заехал он в темный лес; видит — избушка стоит, в той избушке стар человек живет. Иван-царевич зашел к нему: «Здравствуй, дедушка!» — «Здравствуй, русский царевич! Куда бог несет?» — «Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он?» — «Сам я не ведаю, а вот подожди, соберу своих верных слуг и спрошу у них». Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу — и вдруг начали к нему со всех сторон птицы слетаться. Налетело их видимо-невидимо, черной тучею все небо покрыли. Крикнул стар человек громким голосом, свистнул молодецким посвистом: «Слуги мои верные, птицы перелетные! Не видали ль, не слыхали ль чего про Белого Полянина?» — «Нет, видом не видали, слыхом не слыхали!» — «Ну, Иван-царевич,— говорит стар человек,— ступай теперь к моему старшему брату; может, он тебе скажет. На, возьми клубочек, пусти перед собою; куда клубочек покатится, туда и коня управляй». Иван-царевич сел на своего доброго коня, покатил клубочек и поехал вслед за ним; а лес все темней да темней.

Приезжает царевич к избушке, входит в двери; в избушке старик сидит — седой как лунь. «Здравствуй, дедушка!» — «Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?» — «Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он?» — «А вот погоди, соберу своих верных слуг и спрошу у них». Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу — и вдруг собрались к нему со всех сторон разные звери. Крикнул им громким голосом, свистнул молодецким посвистом: «Слуги мои верные, звери прыскучие! Не видали ль, не слыхали ль чего про Белого Полянина?» — «Нет,— отвечают звери,— видом не видали, слыхом не слыхали».— «А ну,

рассчитайтесь промеж себя; может не все пришли». Звери рассчитались промеж себя — нет кривой волчицы. Старик послал искать ее; тотчас побежали гонцы и привели ее. «Сказывай, кривая волчица, не знаешь ли ты Белого Полянина?» — «Как мне его не знать, коли я при нем завсегда живу; он войска побивает, а я мертвым трупом питаюсь».— «Где же он теперь?» — «В чистом поле, на большом кургане, в шатре спит. Воевал он с бабой-ягою золотой ногою, а после бою залег на двенадцать суток спать».— «Проводи туда Ивана-царевича». Волчица побежала, а вслед за нею поскакал царевич.

Приезжает он к большому кургану, входит в шатер — Белый Полянин крепким сном почивает. «Вот сестры мои говорили, что Белый Полянин без роздыху воюет, а он на двенадцать суток спать залег! Не заснуть ли и мне пока?» Подумал-подумал Иван-царевич и лег с ним рядом. Тут прилетела в шатер малая птичка, вьется у самого изголовья и говорит таковые слова: «Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанет — сам тебя убьет!» Иван-царевич вскочил, поймал птичку, оторвал ей правую ногу, выбросил за шатер и опять лег возле Белого Полянина. Не успел заснуть, как прилетает другая птичка, вьется у изголовья и говорит: «Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанет — сам тебя убьет!» Иван-царевич вскочил, поймал птичку, оторвал ей правое крыло, выбросил ее из шатра и опять лег на то же место. Вслед за тем прилетает третья птичка, вьется у изголовья и говорит: «Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти брата моего Ивана-царевича; не то он встанет да тебя убьет!» Иван-царевич вскочил, изловил ту птичку и оторвал ей клюв; птичку выбросил вон, а сам лег и крепко заснул.

Пришла пора — пробудился Белый Полянин, смотрит — рядом с ним незнамо какой богатырь лежит; схватился за острый меч и хотел было предать его злой смерти, да удержался вовремя. «Нет,— думает,— он наехал на меня на сонного, а меча не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне, доброму мо́лодцу, загубить его! Сонный что мертвый! Лучше разбужу его». Разбудил Ивана-царевича и спрашивает: «Добрый ли, худой ли человек? Говори: как тебя по имени зовут и зачем сюда заехал?» — «Зовут меня Иваном-царевичем, а приехал на тебя посмотреть, твоей силы попытать».—«Больно смел ты, царевич! Без спросу в шатер вошел, без докладу выспался, можно тебя за то смерти предать!» — «Эх, Белый Полянин! Не перескочил через ров, да хвастаешь; подожди — может, споткнешься! У тебя две руки, да и меня мать не с одной родила».

Сели они на своих богатырских коней, съехались и ударились, да так сильно, что их копья вдребезги разлетелись, а добрые кони на колени попадали. Иван-царевич вышиб из седла Белого Полянина и занес над ним острый меч. Взмолился ему Белый Полянин: «Не дай мне смерти, дай мне живот! Назовусь твоим меньшим братом, вместо отца почитать буду». Иван-царевич взял его за руку, поднял с земли, поцеловал в уста и назвал своим меньшим братом: «Слышал я, брат, что ты тридцать лет с бабой-ягою золотой ногою воюешь, за что у вас война?» — «Есть у нее дочь-

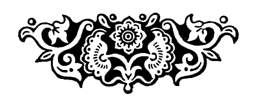
красавица, хочу добыть да жениться».— «Ну,— сказал царевич,— коли дружбу водить, так в беде помогать! Поедем воевать вместе».

Сели на коней, выехали в чистое поле; баба-яга золотая нога выставила рать-силу несметную. То не ясные соколы налетают на стадо голубиное, напускаются сильномогучие богатыри на войско вражее! Не столько мечами рубят, сколько конями топчут; прирубили, притоптали целые тысячи. Баба-яга наутек бросилась, а Иван-царевич за ней вдогонку. Совсем было нагонять стал — как вдруг прибежала она к глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скрылась под землею. Иван-царевич и Белый Полянин накупили быков многое множество, начали их бить, кожи сымать да ремни резать; из тех ремней канат свили — да такой длинный, что один конец здесь, а другой на тот свет достанет. Говорит царевич Белому Полянину: «Опускай меня скорей в пропасть, да назад каната не вытаскивай, а жди: как я за канат дерну, тогда и тащи!» Белый Полянин опустил его в пропасть на самое дно. Иван-царевич осмотрелся кругом и пошел искать бабу-ягу.

Шел-шел, смотрит — за решеткой портные сидят. «Что вы делаете?» — «А вот что, Иван-царевич: сидим да войско шьем для бабы-яги золотой ноги».— «Как же вы шьете?» — «Известно как: что кольнешь иглою, то и казак с пикою, на лошадь садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина».— «Эх, братцы! Скоро вы делаете, да не крепко; становитесь-ка в ряд, я вас научу, как крепче шить». Они тотчас выстроились в один ряд; а Иван-царевич как махнет мечом, так и полетели головы. Побил портных и пошел дальше. Шел-шел, смотрит — за решеткою сапожники сидят. «Что вы тут делаете?» — «Сидим да войско готовим для бабы-яги золотой ноги».— «Как же вы, братцы, войско готовите?»— «А вот как: что шилом кольнем, то и солдат с ружьем, на коня садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина».—«Эх, ребята! Скоро вы делаете, да не споро. Становитесь-ка в ряд, я вас получше научу». Вот они стали в ряд; Иван-царевич махнул мечом, и полетели головы. Побил сапожников, и опять в дорогу.

Долго ли, коротко ли — добрался он до большого прекрасного города; в том городе царские терема выстроены, в тех теремах сидит де́вица красоты неописанной. Увидала она в окно добра мо́лодца; полюбились ей кудри черные, очи соколиные, брови соболиные, ухватки богатырские; зазвала к себе царевича, расспросила, куда и зачем идет. Он ей сказал, что ищет бабу-ягу золотую ногу́. «Ах, Иван-царевич, ведь я ее дочь; она теперь спит непробудным сном, залегла отдыхать на двенадцать суток». Вывела его из города и показала дорогу. Иван-царевич пошел к бабе-яге золотой ноге, застал ее сонную, ударил мечом и отрубил ей голову. Голова покатилась и промолвила: «Бей еще, Иван-царевич!» — «Богатырский удар и один хорош!» — отвечал царевич, воротился в терема к красной де́вице, сел с нею за столы дубовые, за скатерти браные. Наелся-напился и стал ее спрашивать: «Есть ли в свете сильнее меня и краше тебя?» — «Ах, Иван-царевич! Что я за красавица! Вот как за тридевять земель, в тридесятом царстве живет у царя-змея королевна, так та подлинно красо́та несказанная: она только ноги помыла, а я тою водою умылась!»

Иван-царевич взял красную де́вицу за белую руку, привел к тому месту, где канат висел, и подал знак Белому Полянину. Тот ухватился за канат и давай тянуть; тянул-тянул и вытащил царевича с красной де́вицей. «Здравствуй, Белый Полянин,— сказал Иван-царевич,— вот тебе невеста; живи, веселись, ни о чем не крушись! А я в змеиное царство поеду». Сел на своего богатырского коня, попрощался с Белым Полянином и его невестою и поскакал за тридевять земель. Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — приехал он в царство змеиное, убил царя-змея, освободил из неволи прекрасную королевну и женился на ней; после того воротился домой и стал с молодой женою жить-поживать да добра наживать.



162. ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; 97
у царя было три сына. Вот дети и говорят ему: «Милостивый государь батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем». Отец благословил, и они поехали в разные стороны. Малый сын ездил-ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая[1] лошадь; около этой падали собралось много всякого зверя, птицы и гаду. Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит: «Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить — не придумаем». Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям — кости, птицам — мясо, кожа — гадам, а голова — муравьям. «Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол.— За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь».

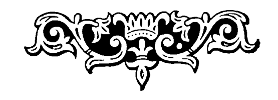
Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридесятое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору. Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу: «Не возьмет ли ваш государь меня на службу к себе?» — «Отчего не взять такого мо́лодца?» Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью. Стала просить царевна: «Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять». Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали. Подъезжают к хрустальной горе, вдруг откуда ни возьмись — выскочила золотая коза. Царевич погнал за ней, скакал-скакал, козы не добыл, а воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

[1] Издохшая.

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю: «Ваше величество! Найми меня стадо пасти».— «Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитывай двенадцать коров». Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах: «Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сражаться доброму мо́лодцу, а он стадо пасет! Ну-ка,— говорит,— отгони мне трех коров» — «Не жирно ли будет? — отвечает царевич.— Я сам в суточки ем по одной уточке; а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!» Змей осерчал и вместо трех захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой. «Что, дедушка? — спрашивает царь.— Прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?» — «Нет, ваше величество, ни одной не́ дал!»

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров. «Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!» Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов. Пригнал домой стадо; царь и спрашивает: «Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?» — «Прилетать-то прилетал, да ничего не́ взял!» Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит — в хрустальной горе сидит царевна. «Здравствуй,— говорит Иван-царевич,— как ты сюда попала?» — «Меня унес змей о двенадцати головах; живет он на батюшкином озере; в том змее сундук таится, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко; коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в те́ поры можно хрустальную гору извести и меня избавить».

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо. Вдруг прилетает змей о двенадцати головах: «Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму мо́лодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!» — «Жирно будет! Я сам в суточки ем по одной уточке; а ты чего захотел!» Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко. Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе — гора скоро растаяла. Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу: «Будь ты моим зятем!» Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.



163. БУХТАН БУХТАНОВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве живал-бывал 98
некто Бухтан Бухтанович; у Бухтана Бухтановича была выстроена среди поля печь на столбах. Он лежит на печи по полулокоть в тараканьем молоке. Приходила к нему лисица и говорила: «Бухтан Бухтанович, хошь ли, я тебя женю у царя на дочери?» — «Что ты, лиска!» — «Есть ли у тебя сколько-нибудь денег?» — «Да есть: всего один пятак».— «Подай и тот сюда!» Лисица пошла, разменяла пятак на мелкие деньги — на копейки, денежки и полушки; пошла к царю и говорит: «Царь, вольный человек! Дай четверика, у Бухтана Бухтановича деньги смерить». Он говорит: «Возьми». Она принесла домой; деньгу, копейку запихала за обруч и отнесла к царю и говорит: «Царь, вольный человек! Четверика мало; дай полмеры, деньги у Бухтана Бухтановича смерить».— «Возьми».

Она взяла, принесла домой; деньгу, копейку запихала за обруч и отнесла к царю: «Царь, вольный человек! Полмеры мало, дай меру».— «Возьми меру». Она взяла, принесла домой и остальное от пятака запихала за обру́чье и отнесла к царю. Царь говорит: «Смерила ли, лиска?» Лиска сказала: «Всё вцеле[1]. Ну, царь, вольный человек! Я пришла к тебе за добрым делом: отдай дочь свою за Бухтана Бухтановича».— «Ну, ладно, покажи же ты мне жениха». Она побегла домой. «Бухтан Бухтанович! Есть ли у тебя какое-нибудь платье? Надевай». Бухтан Бухтанович оболокся[2] и пошел с лисою к царю. Идут по ряду, и привелось им идти по мостику — грязный такой! Лиска пихнула его, и Бухтан Бухтанович ввалился в грязь. Она прибегла к нему: «Что ты, что ты, Бухтан Бухтанович?» А сама грязью-то всего его замарала. «Постой же, Бухтан Бухтанович! Я к царю сбегаю».

Лиска прибегла к царю и говорит: «Царь, вольный человек! Мы шли с Бухтаном Бухтановичем по мостику — мостик скверный такой! — мы как-то не постереглись, ввалились; Бухтан Бухтанович весь замарался; идти-то нехорошо в город; нет ли у тебя платья ежеденного?» — «На, возьми». Лиска побегла. Прибегла. «Бухтан Бухтанович! На, переоболокись[3] да пойдем». Пришли к царю. У царя было уже налажено[4] на стол. Бухтан Бухтанович никуда не глядит, как на себя,— отроду не видал он такого платья! Царь и моргнул лиске: «Лиска, что это Бухтан Бухтанович-то никуда не глядит, как на себя?» — «Царь, вольный человек! Ему стыдно кажется, что на нем эко платье; Бухтан Бухтанович экого платья-то отроду не нашивал дрянного. Царь, вольный человек! Дай ему платье то, которое носишь ты в пасху». А сама и шепнула Бухтану Бухтановичу: «Не гляди на себя!» Бухтан Бухтанович опять глядит никуды, что на стул: стул был вызолоченный. Царь шепнул лиске: «Лиска, что это Бухтан Бухтанович никуды не глядит, что на стул?» — «Царь, воль-

[1] Цело.
[2] Оделся.
[3] Переоденься.
[4] Приготовлено.

ный человек! У их экого стулья́-то по баням много». Царь хлоп стул за дверь. Лиска шепнула Бухтану Бухтановичу: «Не гляди в одно место; гляди туды да и́нуды[5]». Ну, тут стали толковать о добром деле, о сватанье.

Ну, свадьбу сыграли; долго ли у царя? Ни пива варить, ни вина курить, все готово. Бухтану Бухтановичу три корабля нагрузили, и поехали домой на кораблях. Едут домой: Бухтан Бухтанович едет на кораблях с женкою, а лиска по́ берегу бежит. Бухтан Бухтанович увидел свою печь и скричал: «Лиска, лиска! Эводе моя-то печь!» — «Молчи, Бухтан Бухтанович; стыдно!» Бухтан Бухтанович едет, а лиска наперед бежит по берегу; прибегла наперед, вызнялась на уго́р[6], стоит на угоре дом каменный пребольшущий, и царство явилось преогромное. Она в избу — нету никого в избе, забегла в палату — в большом углу лежит-протянулся Змей Змеевич, сидит на печном столбе Ворон Воронович, сидит на престоле Кокот Кокотович[7]. Лиска говорит: «Что вы тут сидите! Царь идет с огнем, царица с маланьёй[8], сожгут и спалят вас».— «Лиска, куда мы?» — «Кокот Кокотович, поди ты в бочку!» Лиска заперла в бочку Кокота Кокотовича. «Ворон Воронович, поди ты в ступу, давай!»[9] Ворона Вороновича в ступу заперла; Змея Змеевича в солому завертела и вынесла на у́лку. Корабли пришли. Лиска приказала в воду свезти всех их; казаки[10] сейчас свезли в воду.

Бухтан Бухтанович в тот дом все житейское свое перевез, там жил-поживал, добра наживал, царил-властвовал, да там и живот скончал.

164. КОЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ

Жил-проживал Кузенька один-одинешенек в темном лесу; 99
у него был худой домишко, да один петушок, да пять курочек. К этому Кузеньке повадилась ходить лисичка; пошел он раз на охоту, и только из дому, а лисичка как тут; прибежала, заколола одну курочку, изжарила и скушала. Воротился Кузенька, хвать — нет курочки! и думает: верно, коршун утащил. На другой день пошел опять на охоту. Попадается ему навстречу лисичка и спрашивает: «Куда, Кузенька, идешь?» — «На охоту, лисичка!» — «Ну, прощай!» — и тотчас же побежала к нему в избу, заколола курочку, изжарила и скушала. Пришел домой Кузенька, хватился курочки — нету! Пало ему в догадку: «Уж не лисичка ли кушает моих курочек?»

[5] И туда, и сюда.
[6] Поднялись на гору.
[7] Кочет Кочетович.
[8] Молнией.
[9] «Давай» употребляется в Шенкурском уезде почти в каждой речи: *давай-иди туда-то, давай-сделай то-то; давай-возьми у ево.*
[10] Работники, слуги.

Вот на третий день он крепко-накрепко заколотил у себя в избе окна и двери, а сам пустился на промысел. Неоткуль взялась лисичка и спрашивает: «Куда идешь, Кузенька?» — «На охоту, лисичка!» Лисичка тут же и побежала к дому Кузеньки, а он поворотил да вслед за нею. Прибежала лисичка, обошла кругом избу, видит: окна и двери заколочены крепко-накрепко, как попасть в избу? Взяла да и спустилась в трубу. Тут Кузенька и поймал лисичку. «Ба,— говорит,— вот какой вор ко мне жалует. Постойка-ка, сударушка, я тебя теперь жи́ву из рук не выпущу!» Лисичка стала просить Кузеньку: «Не убивай меня! Я тебя сделаю Козьмою Скоробогатым, только изжарь для меня одну курочку с маслечком пожирнее». Кузенька согласился, а лисонька, накушавшись такого жирного обеда, побежала на царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься.

Бежит волк и говорит: «Эх ты, проклятая лиса! Где так жирно обтрескалась?» — «Ах, любезный волченёк-куманек! Ведь я была у царя на пиру. Неужели тебя, куманек не звали? А нас там было всяких разных зверей, куниц, соболей, видимо-невидимо!» Волк и просит: «Лисонька, не сведешь ли и меня к царю на обед?» Лисичка обещалась и велела собрать сорок сороков серых волков и привести с собою. Волк согнал сорок сороков серых волков. Лиса повела их к царю; как привела, сейчас же вошла в белокаменные палаты и поклонилась царю со́роком сороков серых волков от Козьмы Скоробогатого. Царь весьма тому обрадовался, приказал всех волков загнать в ограду и запереть накрепко. А лисичка бросилась к Кузеньке: прибежала, велела зажарить еще одну курочку; пообедала сытно и пустилась на заповедные луга и стала кататься по траве.

Бежит медведь мимо, увидел лисоньку и говорит: «Эк ведь ты, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!» Она отвечает: «Я была у царя в гостях; нас там было всяких разных зверей, куниц, соболей, видимо-невидимо! Да и теперь еще остались — пируют волки. Ты знаешь, любезный куманек, какие они объедалы! По сию пору всё обедают». Мишка и просит: «Лисонька, не сведешь ли и меня на царский обед?» Лисичка согласилась и велела ему собрать сорок сороков черных медведей: «Для одного тебя царь-де и беспокоиться не захочет». Мишка собрал сорок сороков черных медведей. Лиса повела их к царю; привела и поклонилась ему со́роком сороков черных медведей от Козьмы Скоробогатого. Царь тому и рад, приказал загнать их и запереть накрепко. А лисичка отправилась к Кузеньке; прибежала и велела зажарить последнюю курочку с петушком. Кузенька не пожалел, зажарил ей последнюю курочку с петушком; лисичка скушала на здоровье и пустилась на заповедные луга и стала валяться по зеленой траве.

Бежит мимо соболь с куницею и спрашивает: «Эк ты, лукавая лиса, где так жирно накушалась?» — «Ах вы, соболь и куница! Я у царя в превеликом почете. У него нынче пир и обед на всяких зверей; я что-то порадела, таки много жирного поела; а что зверей на обеде-то было, видимо-невидимо! Только вас там и недоставало. Вы сами знаете волков, как они завистливы, будто сроду жирного не едали, о сю пору трескают у

царя! А про косолапого Мишку и говорить нечего: он потуль ест, что чуть дышит!» Соболь и куница стали лису упрашивать: «Кумушка, своди ты нас к царю; мы хоть посмотрим». Лиса согласилась и велела им согнать к себе сорок сороков соболей и куниц. Согнали; лиса привела их во дворец и поклонилась царю сбороком сороков соболей и куниц от Козьмы Скоробогатого. Царь не может надивиться богатству Козьмы Скоробогатого, с радостью принял дар и приказал всех зверей перебить и поснимать с них шкуры.

На другой день лисичка опять прибежала к царю и говорит: «Ваше царское величество! Козьма Скоробогатый приказал тебе низко кланяться и попросить пудовки[1]; нужно размеривать серебряны деньги. Свои-то пудовки все запростаны[2] у него золотом». Царь без отказу дал лисе пудовку. Она прибежала к Кузеньке и велела мерить пудовкою песок, чтобы высветлить у ней бочок! Как высветлило, она заткнула в зауторы[3] сколько-то мелких денег и понесла назад к царю. Пришла и стала сватать у него прекрасную царевну за Козьму Скоробогатого. Царь не отказывает, велит Козьме совсем изготовиться и приезжать. Поехал Кузенька к царю, а лисичка забежала вперед и подрядила работников подпилить мостик. Кузенька только что въехал на мостик — мостик вместе с ним и рушился в воду. Лисичка стала кричать: «Ахти! Пропал Козьма Скоробогатый!» Царь услышал и тотчас же послал людей перехватить Козьму. Вот они перехватили его, переодели в нарядное платье и привели к царю.

Обвенчался он на царевне и живет у царя неделю и две. «Ну,— говорит царь,— пойдем теперь, любезный зять, к тебе в гости». Козьме делать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали. А лисичка отправилась вперед. Бежала-бежала, глядит: пастухи пасут стадо овец; она спрашивает их: «Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?» Пастухи отвечают: «Стадо царя Змиулана». Лисичка начала их учить: «Сказывайте всем, что это стадо Козьмы Скоробогатого, а не Змиулана-царя; а то едут царь Огонь да царица Маланьйца, коли не скажете им, что это стадо Козьмы Скоробогатого,— они всех вас и с овцами-то сожгут и спалят». Пастухи видят, что дело неминучее, надо слушаться, и обещаются всякому сказывать про Козьму Скоробогатого, как лиса учила.

А лисичка пустилась вперед; видит — пастухи стерегут свиней, и спрашивает: «Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?» — «Царя Змиулана».— «Сказывайте, что стадо это Козьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Маланьйца; они всех вас сожгут и спалят, коли станете поминать царя Змиулана». Пастухи согласились. Лиса опять побежала вперед; добегает до коровьего стада царя Змиулана, потом до конского стада и велит пастухам сказывать, что эти стада Козьмы Скоробогатого, о царе же Змиулане ничего не говорить. Добегает лиса и до стада верблюжьего. «Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?» — «Царя Змиулана». Лиса строго запретила им сказывать о царе Змиулане, а велела говорить, что это стадо

[1] Четверика.

[2] Заняты, наполнены.

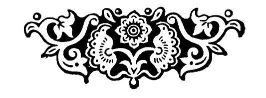
[3] *Утор* — вырезка по внутренней поверхности четверика, около края, в которую вставляется ребро дна.

Козьмы Скоробогатого; а то царь Огонь и царица Маланьица сожгут и спалят все стадо!

Лисонька опять побежала вперед, прибегает в царство царя Змиулана и прямо в белокаменные палаты. «Что скажешь, лисонька?» — «Ну, царь Змиулан, теперь-то надо скоро-наскоро спрятаться. Едет грозный царь Огонь и царица Маланьица, всё жгут и палят. Стада твои и с пастухами прижгли; сначала овечье, потом свиное, а тут коровье и конское. Я не стала мешкать, пустилась к тебе сказать и чуть от дыма не задохлась!» Царь Змиулан закручинился-запечалился: «Ах, лисонька, куда же я подеваюсь?» — «Есть в твоем саду старый заповедный дуб, средина вся повыгнила; беги и схоронись в дупло, пока они мимо не проедут». Царь Змиулан вмиг собрался и по сказанному, как по писаному, сделал так, как лиса научила.

А Козьма Скоробогатый едет себе да едет с женою и тестем. Доезжают они до стада овечьего. Молодая княгиня и спрашивает: «Пастушки́, пастушки́, чье стадо пасете?» — «Козьмы Скоробогатого»,— отвечают пастухи. Царь тому и рад: «Ну, любезный зять, много же у тебя овец». Едут они дальше, доезжают до стада свиного. «Пастушки́, пастушки́,— спрашивает молодая княгиня,— чье стадо пасете?» — «Козьмы Скоробогатого».— «Ну, любезный зять, много же у тебя свиней». Едут они всё дальше и дальше; тут пасется стадо коровье, там конское, а там и верблюжье. Спросят у пастухов: «Чье стадо пасете?» — они знай себе отвечают одно: «Козьмы Скоробогатого».

Вот приехали к царскому дворцу; лисонька встречает и вводит их в палаты белокаменные. Царь вошел и задивился: столь хорошо было убрано! Давай пировать. пить-есть и веселиться! Живут они день, живут и неделю. «Ну, Кузенька,— говорит лисонька,— перестань гулять, надо дело исправлять. Ступай с тестем в зеленый сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит царь Змиулан — от вас спрятался. Расстреляйте дерево на мелкие части!» Тогда Кузенька по сказанному, как по писаному, пошел вместе с тестем в зеленый сад, и стали они в тот дуб стрелять и убили царя Змиулана до смерти. Козьма Скоробогатый воцарился в том государстве, и стал он с царевною жить да поживать, и теперь живут — хлеб жуют. Лисоньку всякий день угощали они курочками, и она до тех пор у них гостила, докуда всех кур не испакости́ла [4].



[4] Извела (переела).

165—166. ЕМЕЛЯ-ДУРАК

165

В некоторой было деревне: жил мужик, и у него было три 100а
сына, два было умных, а третий дурак, которого звали Емельяном. И как жил их отец долгое время, то и пришел в глубокую старость, призвал к себе сыновьев и говорил им: «Любезные дети! Я чувствую, что вам со мною недолго жить; оставляю вам дом и скотину, которые вы разделите на части ровно; также оставляю вам денег на каждого по сту рублев». После того вскоре отец их умер, и дети, похороня его честно, жили благополучно. Потом вздумали Емельяновы братья ехать в город торговать на те триста рублев, которые им отказаны были их отцом, и говорили они дураку Емельяну: «Послушай, дурак, мы поедем в город, возьмем с собой и твои сто рублев, а когда выторгуем, то барыш пополам, и купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги. А ты останься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены, а твои невестки (ибо они были женаты), то ты сделай». Дурак, желая получить обещанные красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, отвечал братьям, что он будет делать все, что́ его заставят. После того братья его поехали в город, а дурак остался дома и жил с своими невестками.

Потом спустя несколько времени в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водою. Но дурак, лежа на печи, сказал: «Да, а вы-то что?» Невестки закричали на него: «Как, дурак, мы-то что? Ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти!» Но он говорил: «Я ленюсь!» Невестки опять на него закричали: «Как, ты ленишься? Ведь ты захочешь же есть, а когда не будет воды, то сварить ничего нельзя». Притом сказали: «Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя и купят они красный кафтан и все, но чтоб тебе ничего не давали»,— что слыша дурак и желая получить красный кафтан и шапку принужден был идтить, слез с печи и начал обуваться и одеваться. И как совсем оделся, взял с собою ведра и топор, пошел на́ реку, ибо их деревня была подле самой реки, и как пришел на реку, то и начал прорубать прорубь, и прорубил чрезвычайно большую. Потом почерпнул в ведра воды и поставил их на льду, а сам стоял подле проруби и смотрел в воду.

В то самое время увидел дурак, что плавала в той проруби пребольшая щука; а Емеля, сколько ни был глуп, однако ж пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку подходить; подошел к ней близко, ухватил вдруг ее рукою, вытащил из воды и, положив за пазуху, хотел идти домой. Но щука говорила ему: «Что ты, дурак! На что ты меня поймал?» — «Как на что? — говорил он.— Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить».— «Нет, дурак, не носи ты меня домой; отпусти ты меня опять в воду; я тебя за то сделаю человеком богатым». Но дурак ей не верил и хотел идти домой. Щука, видя, что дурак ее не отпу-

скает, говорила: «Слушай, дурак, пусти ж ты меня в воду; я тебе сделаю то: чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанию исполнится». Дурак, слыша сие, весьма обрадовался, ибо он был чрезвычайно ленив, и думал сам себе: «Когда щука сделает так, что чего я ни пожелаю — все будет готово, то я уже работать ничего не буду!» Говорил он щуке: «Я тебя отпущу, только ты сделай то, что обещаешь!» — на что отвечала щука: «Ты прежде пусти меня в воду, а я обещание свое исполню». Но дурак говорил ей, чтоб она прежде свое обещание исполнила, а потом он ее отпустит. Щука, видя, что он не хочет ее пускать в воду, говорила: «Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как сделать, чего ни пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь же сказал, чего хочешь». Дурак говорил ей: «Я хочу, чтоб мои ведра с водою сами пошли на́ гору (ибо деревня та была на горе) и чтоб вода не расплескалась». Щука тотчас ему говорила: «Ничего, не расплещется! Только помни слова, которые я стану сказывать; вот в чем те слова состоят: по щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на́ гору!» Дурак после ее говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на́ гору!» — и тотчас ведра и с коромыслом пошли сами на́ гору. Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорил щуке: «Все ли так будет?» На что щука отвечала, что «все то будет, чего только пожелаешь; не забудь только те слова, которые я тебе сказывала». После того пустил он щуку в воду, а сам пошел за ведрами. Соседи его, видя то, удивлялись и говорили меж собою: «Что это дурак делает? Ведра с водою идут сами, а он идет за ними». Но Емеля, не говоря ничего с ними, пришел домой; ведра взошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь.

Потом спустя несколько времени говорили ему опять невестки: «Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошел дров нарубил». Но дурак говорил: «Да, а вы-то что?» — «Как мы что? — вскричали на него невестки.— Ведь теперь зима, и ежели ты не пойдешь рубить дров, так тебе ж будет холодно».— «Я ленюсь!» — говорил дурак. «Как ленишься? — говорили ему невестки.— Ведь ты же озябнешь». Притом они говорили: «Ежели ты не пойдешь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки, ни красных сапогов». Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был нарубить дров; но как он был чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезть с печи, то говорил потихоньку, на печи лежа, сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, топор, поди наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь». Топор откуда ни взялся — выскочил на двор и начал рубить; а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивились Емельяновой хитрости. И так каждый день, когда только дураку велят нарубить дров, то топор и нарубит.

И жил он с невестками несколько времени, потом невестки говорили ему: «Емеля, таперича нету дров у нас; съезди в лес и наруби». Дурак им говорил: «Да, а вы-то что?» — «Как мы что? — отвечали невестки.— Ведь лес далече, и теперь зима, так холодно ехать нам в лес за дровами». Но дурак им говорил: «Я ленюсь!» — «Как, ленишься?— говорили

ему невестки.— Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не пойдешь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим им ничего тебе давать: ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных». Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, принужден был ехать в лес за дровами и, встав, слез с печи и начал скорее обуваться и одеваться.

И как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под навесу сани, взял с собою веревку и топор, сел в сани и говорил своим невесткам отворить ворота. Невестки, видя, что он едет в санях, да без лошади, ибо дурак лошади не запрягал, говорили ему: «Что ты, Емеля, сел в сани, а лошадь не запряг?» Но он говорил, что лошади ему не надо, а только чтоб отворили ему ворота. Невестки отворили ворота, а дурак, сидя в санях, говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, сани, ступайте в лес!» После сих слов сани тотчас поехали со двора, что́ видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко: хотя бы пара лошадей была запряжена, то нельзя бы шибче ехать! И как надобно было дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как не знал, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то он ехал и не кричал, чтоб посторонились, и передавил множество народу, и хотя за ним гнались, однако догнать его не могли.

Емеля уехал из города, а приехав к лесу, остановился и вылез из своих саней и говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, топор, руби-ка дрова, а вы, поленья, сами кладитесь в сани и вяжитесь!» Лишь только сказал дурак сии слова, топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и веревкой вязались. После того как нарубил он дров, велел еще топору вырубить одну дубинку. Как топор вырубил, то он сел на воз и говорил: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжайте, сани, домой сами». Тотчас и поехали они весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передавил много народу, там уже дожидались его, чтоб поймать; и как въехал в город, то его поймали и стали тащить с возу долой; притом начали его бить. Дурак, видя, что его тащат и бьют, потихоньку сказал сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!» В тот час выскочила дубинка и начала всех бить. И как народ бросился бежать, дурак поехал из городу домой, а дубинка когда всех перебила, то покатилась вслед за ним же. И как приехал Емеля домой, то и влез на печь.

После того, как он уехал из города, стали поговаривать об нем везде — не столько о том, что он передавил множество народу, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях без лошади. Мало-помалу речи сии дошли до самого короля. Как король услышал, то чрезвычайно захотел его видеть и для того послал одного офицера и дал ему несколько солдат, чтоб его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и напал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему: «Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и

привезти к королю». Староста тотчас показал тот двор, где жил Емеля, и офицер взошел в избу и спрашивал: «Где дурак?», а он, лежа на печи, отвечал: «На что тебе?» — «Как на что? Одевайся скорей; я повезу тебя к королю». Но Емеля говорил: «А что мне там делать?» Офицер на него рассердился за неучтивые слова и ударил его по щеке. Дурак, видя, что его бьют, сказал потихоньку: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!» Дубинка тотчас выскочила и начала их бить и перебила всех — как офицера, так и солдат. Офицер принужден был ехать назад; и как приехал в город, то и доложили королю, что дурак всех перебил. Король весьма удивился и не верил тому, чтобы мог он всех перебить; однако выбрал король умного человека, которого послал с тем, чтобы, как только возможно, привез дурака — хоть обманом.

Посланный от короля поехал и как приехал в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и говорил ему: «Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб его привезть; а ты призови мне тех, с кем он живет». Староста тотчас побежал и привел его невесток. Посланный от короля спрашивал их: «Что дурак любит?» Невестки ему отвечали: «Милостивый государь наш, дурак любит — ежели станешь просить неотступно о чем, он откажет раз и другой, а в третий уже не откажет и сделает; не любит он того, кто с ним грубо поступает». Посланный от короля отпустил их и не велел сказывать Емеле, что он призывал их к себе. После того накупил изюму, черносливу и винных ягод, пошел к дураку и как пришел в избу, то, подойдя к печи, говорил: «Что ты, Емеля, лежишь на печи?» — и дает ему изюму, черносливу и винных ягод и просит: «Поедем, Емеля, к королю со мною, я тебя отвезу». Но дурак говорил: «Мне и тут тепло!» — ибо он ничего, кроме тепла, не любил. А посланный начал его просить: «Пожалуйста, Емеля, поедем; там тебе будет хорошо!» Дурак говорил: «Я ленюсь!» Посланный стал просить его: «Пожалуйста, поедем; там тебе король велит сшить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги».

Дурак, услыша, что красный кафтан велят ему сшить, ежели поедет, говорил: «Поезжай же ты вперед, а я за тобой буду». Посланный не стал ему более докучать, отошел от него и спрашивал тихонько у его невесток: «Не обманывает ли меня дурак?» Но они уверяли, что он не обманет. Посланный поехал назад, а дурак после его полежал еще на печи и говорил: «Ох, как мне не хочется к королю ехать; но так уж и быть!» Потом говорил: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжай-ка, печь, прямо в город!» Тотчас изба затрещала, и печь вон пошла из избы и как сошла со двора, то и поехала печь столь шибко, что и догнать нельзя; и он догнал еще на дороге того посланного, который за ним ездил, а во дворец с ним приехал.

Как король увидел, что приехал дурак, то и вышел[1] со всеми своими министрами его смотреть и, видя, что Емеля приехал на печи, ничего не говорил; потом спрашивал его король: «Для чего ты столько передавил

[1] У Афанасьева *вошел* (*Ред.*).

народу, как ездил за дровами в лес?» Но Емеля говорил: «Я чем виноват! Для чего они не посторонились?» И в то время подошла к окошку королевская дочь и смотрела на дурака, а Емеля нечаянно взглянул на то окошко, в которое она смотрела, и видя дурак ее весьма прекрасною — говорил тихонько: «Кабы по щучьему веленью, а по моему прошенью влюбилась этакая красавица в меня!» Лишь только сии слова выговорил, королевская дочь посмотрела на него и влюбилась. А дурак после того сказал: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью ступай-ка, печь, домой!» Тотчас поехала печь домой, а приехавши — опять стала на прежнем месте.

Емеля жил после того несколько времени благополучно; но в городе у короля происходило другое, ибо по дураковым словам королевская дочь влюбилась и стала просить отца своего, чтоб выдал ее за дурака замуж. Король за то весьма рассердился на дурака и не знал, как его взять. В то время доложили королю министры, чтоб послать того офицера, который прежде ездил за Емелей и не умел его взять; за вину его король, по их совету, приказал представить того офицера. Как офицер перед ним предстал, тогда король говорил ему: «Слушай, друг мой, я тебя прежде посылал за дураком, но ты его не привез; за вину твою посылаю тебя в другой раз, чтобы ты привез непременно его; ежели привезешь, то будешь награжден, а ежели не привезешь, то будешь наказан». Офицер выслушал короля и поехал немедленно за дураком, а как приехал в ту деревню, то призвал опять старосту и говорил ему: «Вот тебе деньги: купи все, что надобно, завтра к обеду и позови Емелю, и как будет он к тебе обедать, то пой его до́пьяна, пока спать ляжет».

Староста знал, что он приехал от короля, принужден был его послушаться и скупил все то и позвал дурака. Как Емеля сказал, что будет, то офицер его дожидался с великою радостию. На другой день пришел дурак; староста начал его поить и напоил его допьяна, так что Емеля лег спать. Офицер, видя, что он спит, тотчас связал его и приказал подать кибитку, и как подали, то и положили дурака; потом сел и офицер в кибитку и повез его в город. И как подъехал он к городу, то и повез его прямо во дворец. Министры доложили королю о приезде того офицера. И как скоро король услышал, то немедленно приказал принести большую бочку и чтоб набиты были на ней железные обручи. Тотчас была сделана и принесена оная бочка к королю. Король, видя, что все готово, приказал посадить в ту бочку свою дочь и дурака и велел их засмолить; а как их посадили в бочку и засмолили, то король при себе ж велел пустить ту бочку в море. И по его приказанию немедленно ее пустили, и король возвратился в свой город.

А бочка, пущенная по́ морю, плыла несколько часов; дурак все то время спал, а как проснулся и видя, что темно, спрашивал сам у себя: «Где я?» — ибо думал, что он один. Принцесса ему говорила: «Ты, Емеля, в бочке, да и я с тобою посажена».— «А ты кто?» — спросил дурак. «Я — королевская дочь»,— отвечала она и рассказала ему, за что она посажена с ним вместе в бочку; потом просила его, чтоб он освободил себя и ее из бочки. Но он говорил: «Мне и тут тепло!» — «Сделай милость,—

говорила принцесса,— сжалься на мои слезы; избавь меня и себя из этой бочки».— «Как же не так,— говорил Емеля,— я ленюсь!» Принцесса опять начала его просить: «Сделай милость, Емеля, избавь меня из этой бочки и не дай мне умереть». Дурак, будучи тронут ее просьбою и слезами, сказал ей: «Хорошо, я для тебя это сделаю». После того говорил потихоньку: «По щучьему веленью, а по моему прошенью выкинь-ка ты, море, эту бочку, в которой мы сидим, на берег — на сухое место, только чтоб поближе к нашему государству; а ты, бочка, как на сухом месте будешь, то сама расшибися!»

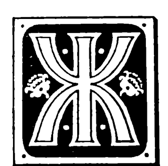
Только успел дурак выговорить эти слова, как море начало волноваться и в тот час выкинуло бочку на берег — на сухое место, а бочка сама рассыпалась. Емеля встал и пошел с принцессою по тому месту, куда их выкинуло, и увидел дурак, что они были на весьма прекрасном острове, на котором было премножество разных деревьев со всякими плодами. Принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на таком прекрасном острове; а после того говорила: «Что ж, Емеля, где мы будем жить? Ибо нет здесь и шалаша». Но дурак говорил: «Вот ты уж многого требуешь!» — «Сделай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домик,— говорила принцесса,— чтобы можно было нам где во время дождя укрыться»; ибо принцесса знала, что он все может сделать, ежели захочет. Но дурак сказал: «Я ленюсь!» Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронут ее просьбой, принужден был для нее то сделать; он отошел от нее и говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью будь среди этого острова дворец лучше королевского и чтоб от моего дворца и до королевского был хрустальный мост, а во дворце чтобы были разного звания люди». И лишь успел выговорить сии слова, то в ту ж минуту и появился преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошел с принцессою во дворец и увидел, что в покоях весьма богатое было убранство и множество людей, как лакеев, так и всяких разносчиков, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться получше и для того говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!» И лишь успел выговорить, то в ту ж минуту сделался так прекрасен, а притом и умен, что все удивлялись.

После того послал Емеля из своих слуг к королю, чтоб звать его к себе и со всеми министрами. Посланный от Емели поехал к королю по тому хрустальному мосту, который сделал дурак; и как приехал во дворец, то министры представили его пред короля, и посланный от Емели говорил: «Милостивый государь! Я прислан от моего господина с покорностию просить вас к нему кушать». Король спрашивал: «Кто таков твой господин?» Но посланный ему отвечал: «Я не могу вам сказать про него (ибо дурак ему сказывать не велел про себя, кто он таков); о моем господине ничего не известно; а когда вы будете кушать у него, в то время и скажет о себе». Любопытствуя знать, кто прислал звать его, король сказал посланному, что он непременно будет. Когда посланный ушел, король тотчас поехал вслед за ним со всеми министрами. Посланный, возвратясь назад,

сказал, что король непременно будет, и только сказал — а король и едет к дураку по тому мосту хрустальному, и с принцами.

И как приехал король во дворец, то Емеля вышел навстречу, принимал его за белые руки, целовал во уста сахарные, ласково вводил его в свой белокаменный дворец, сажал его за столы дубовые, за скатерти браные, за кушанья сахарные, за питья медовые. За столом король и министры пили, ели и веселились; а как встали из-за стола и сели по местам, то дурак говорил королю: «Милостивый государь, узнаете ли вы меня, кто я таков?» И как Емеля был в то время в пребогатом платье, а притом лицом был весьма прекрасен, то и нельзя было узнать его, почему король и говорил, что он не знает. Но дурак говорил: «Помните ли, милостивый государь, как дурак к вам приезжал на печи во дворец и вы его и с дочерью, засмоля в бочку, пустили в море? Итак, узнайте теперь меня, что я — тот самый Емеля!» Король, видя его пред собою, весьма испугался и не знал, что делать; а дурак в то время пошел за его дочерью и привел ее пред короля. Король, увидя дочь свою, весьма обрадовался и говорил дураку: «Я перед тобой весьма виноват и за то отдаю за тебя в замужество дочь мою». Дурак, слыша сие, с покорностью благодарил короля, и как у Емели все было готово к свадьбе, то в тот же день праздновали ее с великолепием. А на другой день дурак сделал великолепный пир для всех министров, а для простого народу выставлены были чаны с разными напитками. И как веселье отошло, то король отдавал ему свое королевство; но он не захотел. После того король поехал в свое королевство, а дурак остался в своем дворце и жил благополучно.

166



Жили три брата, два-то умных, а третий дурак; умные братья 100b
поехали в нижние города товаров закупать и говорят дураку: «Ну смотри, дурак, слушай наших жен и почитай так, как родных матерей; мы тебе купим сапоги красные, и кафтан красный, и рубашку красную». Дурак сказал им: «Ладно, буду почитать». Они отдали дураку приказание, а сами поехали в нижние города; а дурак лег на печь и лежит. Невестки говорят ему: «Что же ты, дурак! Братья велели тебе нас почитать и за это хотели тебе по подарку привезть, а ты на печи лежишь, ничего не работаешь; сходи хоть за водой». Дурак взял ведра и пошел за водой; зачерпнул воды, и попала ему щука в ведро. Дурак и говорит: «Слава богу! Теперь я наварю хоть этой щуки, сам наемся, а невесткам не дам; я на них сердит!» Говорит ему щука человеческим голосом: «Не ешь, дурак, меня; пусти опять в воду, счастлив будешь!» Дурак спрашивает: «Какое ж от тебя счастье?» — «А вот какое счастье: что скажешь, то и будет! Вот скажи: по щучьему веленью, по моему прошенью ступайте, ведра, сами домой и поставьтесь на место». Как только дурак сказал это, ведра тотчас пошли сами домой и поставились на место. Невестки глядят и дивуются. «Что он за дурак! — говорят.— Вишь какой хитрый, что у него ведра сами домой пришли и поставились на свое место».

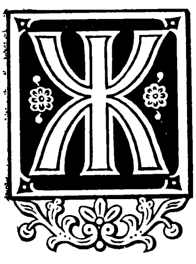
Дурак пришел и лег на печку; невестки стали опять говорить ему: «Что ж ты, дурак, улегся на печку! Дров нет, ступай за дровами». Дурак взял два топора, сел в сани, лошади не запряг. «По щучьему,— говорит,— веленью, по моему прошенью катитесь, сани, в лес!» Сани покатились скоро да шибко, словно кто погоняет их. Надо было дураку ехать мимо города, и он без лошади столько придавил народу, что ужас! Тут все закричали: «Держи его! Лови его!» — однако не поймали. Дурак въехал в лес, вышел из саней, сел на колодину и сказал: «Один топор руби с корня, другой — дрова коли!» Вот дрова нарубились и наклались в сани. Дурак говорит: «Ну, один топор, теперь поди и сруби мне кукову[1], чтоб было чем носило поднять». Топор пошел и срубил ему кукову; кукова пришла, на воз легла. Дурак сел и поехал; едет мимо города, а в городе народ собрался, давно его караулит. Тут дурака поймали, начали одерживать да пощипывать; дурак и говорит: «По щучьему веленью, по моему прошенью ступай, кукова, похлопочи-ка!» Вскочила кукова и пошла ломать, колотить и прибила народу многое множество; люди, словно снопы, так наземь и сыплются! Отделался от них дурак и приехал домой, дрова сложил, а сам на́ печь сел.

Вот горожане стали бить на него челом и донесли королю: «Так-де его не взять, надобно обманом залучить, а всего лучше обещать ему красную рубаху, красный кафтан и красные сапоги». Пришли за дураком королевские гонцы. «Ступай,— говорят,— к королю; он тебе даст красные сапоги, красный кафтан и красную рубаху». Вот дурак и сказал: «По щучьему веленью, по моему прошенью, печка, ступай к королю!» Сам сел на́ печь, печка и пошла. Приехал дурак к королю. Король уж хотел казнить его, да у того короля была дочь, и больно понравился ей дурак; стала она отца просить, чтобы отдал ее за дурака замуж. Отец рассердился, обвенчал их и велел посадить обоих в бочку, бочку засмолить и пустить на́ воду. Так и сделано.

Долгое время плыла бочка по́ морю; стала жена дурака просить: «Сделай так, чтобы нас на́ берег выкинуло». Дурак сказал: «По щучьему веленью, по моему прошенью — выкинь эту бочку на́ берег и разорви ее!» Вышли они из бочки; жена опять стала дурака просить, чтобы он построил какую-нибудь избушку. Дурак сказал: «По щучьему веленью, по моему прошенью — постройся мраморный дворец, и чтобы этот дворец был как раз против королевского дворца!» Сейчас все исполнилось; король увидал поутру новый дворец и послал узнать, кто такой живет в нем? Как только узнал, что там живет его дочь, в ту ж минуту потребовал ее с мужем к себе. Они приехали; король их простил, и стали вместе жить-поживать да добра наживать.

[1] Палка или дубинка, у которой один конец загнут и закруглен наподобие шара.

167. ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ



ил-был бедный мужичок; сколько он ни трудился, сколь- 101
ко ни работал — все нет ничего! «Эх,— думает сам с собой,— доля моя горькая! Все дни за хозяйством убиваюсь, а того и смотри — придется с голоду помирать; а вот сосед мой всю свою жизнь на боку лежит, и что же? — хозяйство большое, барыши сами в карман плывут. Видно, я богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться, авось господь и смилуется». Начал он богу молиться; по целым дням голодает, а все молится. Наступил светлый праздник, ударили к заутрене. Бедный думает: «Все люди станут разгавливаться, а у меня ни куска нету! Пойду хоть воды принесу — ужо вместо щей похлебаю». Взял ведерко, пошел к колодцу и только закинул в воду — вдруг попалась ему в ведерко большущая щука. Обрадовался мужик: «Вот и я с праздником! Наварю ухи и всласть пообедаю». Говорит ему щука человечьим голосом: «Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю: чего душа твоя пожелает, все у тебя будет! Только скажи: по щучьему веленью, по божьему благословенью явись то-то и то-то — сейчас явится!» Убогий бросил щуку в колодец, пришел в избу, сел за стол и говорит: «По щучьему веленью, по божьему благословенью будь стол накрыт и обед готов!» Вдруг откуда что взялось — появились на столе всякие кушанья и напитки; хоть царя угощай, так не стыдно будет! Убогий перекрестился: «Слава тебе господи! Есть чем разговеться». Пошел в церковь, отстоял заутреню и обедню, воротился и стал разгавливаться; закусил-выпил, вышел за ворота и сел на лавочку.

На ту пору вздумала царевна по улицам прогуляться, идет с своими няньками и мамками и ради праздничка Христова раздает бедным милостыню; всем подала, а про этого мужичка и позабыла. Вот он и говорит про себя: «По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть царевна плод понесет и родит себе сына!» По тому слову царевна в ту ж минуту забрюхатела и через девять месяцев родила сына. Начал ее царь допрашивать. «Признавайся,— говорит,— с кем согрешила?» А царевна плачет и всячески клянется, что ни с кем не грешила: «И сама не ведаю, за что меня господь покарал!» Сколько царь ни допытывался, ничего не узнал.

Меж тем мальчик не по дням, а по часам растет; через неделю уж говорить стал. Царь созвал со всего царства бояр и думных людей, показывает их мальчику: не признает ли он кого за отца? Нет, мальчик молчит, никого отцом не обзывает. Приказал царь нянькам и мамкам нести его по всем дворам, по всем улицам и казать всякого чина людям и женатым и холостым. Няньки и мамки понесли ребенка по всем дворам, по всем улицам; ходили-ходили, он все молчит. Подошли, наконец, к избушке бедного мужика; как только увидал мальчик того мужика, сейчас потянулся к нему ручонками и закричал: «Тятя, тятя!» Доложили про то государю, привели во дворец убогого; царь стал его допрашивать: «Признавайся по чистой по совести — твой это ребенок?» — «Нет, божий!»

Царь разгневался, обвенчал убогого на царевне, а после венца приказал посадить их вместе с ребенком в большую бочку, засмолить смолою и пустить в открытое море.

Вот поплыла бочка пó морю, понесли ее буйные ветры и прибили к далекому берегу. Слышит убогий, что вода под ними не колышется, и говорит таково слово: «По щучьему веленью, по божьему благословенью распадись, бочка, на сухом месте!» Бочка развалилася; вылезли они на сухое место и пошли куда глаза глядят. Шли-шли, шли-шли, есть-пить нечего, царевна совсем отощала, едва ноги переставляет. «Что,— спрашивает убогий,— знаешь теперь, какова жажда и голод?» — «Знаю!» — отвечает царевна. «Вот так-то и бедные мучатся; а ты не хотела мне на Христов день и милостынки подать!» Потом говорит убогий: «По щучьему веленью, по божьему благословенью стань здесь богатый дворец — чтоб лучше во всем свете не было, и с садами, и с прудами, и со всякими пристройками!»

Только вымолвил — явился богатый дворец; выбегают из дворца слуги верные, берут их под руки, ведут в палаты белокаменные и сажают за столы дубовые, за скатерти браные. Чудно в палатах убрано, изукрашено; на столах всего наготовлено: и вйна, и сласти, и кушанья. Убогий и царевна напились, наелись, отдохнули и пошли в сад гулять. «Всем бы здесь хорошо,— говорит царевна,— только жаль, что нет никакой птицы на наших прудах».— «Подожди, будет и птица!» — отвечал убогий и тотчас вымолвил: «По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть плавают на этом пруде двенадцать уток, тринадцатый селезень — у всех бы у них одно перо было золотое, другое серебряное; да был бы у селезня чуб на головке бриллиантовый!» Глядь — плывут по воде двенадцать уток и селезень — одно перо золотое, другое серебряное; на головке у селезня чуб бриллиантовый.

Вот так-то живет царевна с своим мужем без горя, без печали, а сын ее растет да растет; вырос большой, почуял в себе силу великую и стал у отца, у матери проситься поехать по белу свету да поискать себе невесты. Они его отпустили: «Ступай, сынок, с богом!» Он оседлал богатырского коня, сел и поехал в путь-дорогу. Попадается ему навстречу старая старуха: «Здравствуй, русский царевич! Куда ехать изволишь?» — «Еду, бабушка, невесты искать, а где искать — и сам не ведаю».— «Постой, я тебе скажу, дитятко! Поезжай ты за море в тридесятое королевство; там есть королевна — такая красавица, что весь свет изъездишь, а лучше ее нигде не сыщешь!» Добрый мóлодец поблагодарил старуху, приехал к пристани, нанял корабль и поплыл в тридесятое королевство.

Долго ли, коротко ли плыл он пó морю, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — приезжает в то королевство, явился к тамошнему королю и стал за его дочь свататься. Говорит ему король: «Не ты один за мою дочь сватаешься; есть у нас еще жених — сильномогучий богатырь; коли ему отказать, он все мое государство разорит».— «А мне откажешь — я разорю!» — «Что ты! Лучше померяйся с ним силою: кто из вас победит, за того и дочь отдам».— «Ладно! Созывай всех царей и царевичей, королей и королевичей на честнóй бой поглядеть, на свадьбе по-

гулять». Тотчас посланы были гонцы в разные стороны, и года не прошло, как собрались со всех окрестных земель цари и царевичи, короли и королевичи; приехал и тот царь, что свою родную дочь в бочку засмолил да в море пустил. В назначенный день вышли богатыри на смертный бой; бились-бились, от их ударов земля стонала, леса приклонялись, реки волновались; сын царевны осилил своего супротивника — снес с него буйную голову.

Подбежали тут королевские бояре, взяли доброго мо́лодца под руки и повели во дворец; на другой день обвенчался он с королевною, а как отпировали свадьбу, стал звать всех царей и царевичей, королей и королевичей в гости к своему отцу, к матери. Поднялись все разом, снарядили корабли и поплыли по́ морю. Царевна со своим мужем встретили гостей с честию, и начались опять пиры да веселье. Цари и царевичи, короли и королевичи смотрят на дворец, на сады и дивуются: такого богатства нигде не видано, а больше всего показались им утки и селезень — за одну утку можно полцарства дать! Отпировали гости и вздумали домой ехать; не успели они до пристани добраться, как бегут за ними скорые гонцы: «Наш-де хозяин просит вас назад воротиться, хочет с вами тайный совет держать».

Цари и царевичи, короли и королевичи воротились назад; выступил к ним хозяин и стал говорить: «Разве этак добрые люди делают? Ведь у меня утка пропала! Окромя вас некому взять!» — «Что ты взводишь напраслину? — отвечают ему цари и царевичи, короли и королевичи.— Это дело непригожее! Сейчас обыщи всех! Если найдешь у кого утку, делай с ним, что сам знаешь; а если не сыщешь, твоя голова долой!» — «Хорошо, я согласен!» — сказал хозяин, пошел по ряду и стал их обыскивать; как скоро дошла очередь до царевнина отца, он потихоньку и вымолвил: «По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть у этого царя под полой кафтана будет утка привязана!» Взял, приподнял ему кафтан, а под полой как есть привязана утка — одно перо золотое, другое серебряное. Тут все прочие цари и царевичи, короли и королевичи громко засмеялись: «Ха-ха-ха! Вот каково! Уж цари воровать начали!» Царевнин отец всеми святыми клянется, что воровать — у него и на мыслях не было; а как к нему утка попала — того и сам не ведает. «Рассказывай! У тебя нашли, стало быть, ты один и виноват». Тут вышла царевна, бросилась к отцу и призналась, что она та самая его дочь, которую выдал он за убогого замуж и посадил в смоляную бочку: «Батюшка! Ты не верил тогда моим словам, а вот теперь на себе спознал, что можно быть без вины виноватым». Рассказала ему, как и что было, и после того стали они все вместе жить-поживать, добра наживать, а лиха избывать.

168. СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ, ЖАР-ПТИЦЕ И О СЕРОМ ВОЛКЕ

некотором было царстве, в некотором государстве был-жил 102
царь, по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый — Димитрий-царевич, другой — Василий-царевич, а третий — Иван-царевич. У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; в том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые. Повадилась к царю Выславу в сад летать жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталю подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с нее золотые яблочки и опять улетала. Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что жар-птица много яблок с нее сорвала; почему призвал к себе трех своих сыновей и сказал им: «Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моем саду жар-птицу? Кто изловит ее живую, тому еще при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и все». Тогда дети его царевичи возопили единогласно: «Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великою радостью будем стараться поймать жар-птицу живую».

На первую ночь пошел караулить в сад Димитрий-царевич и, усевшись под ту яблонь, с которой жар-птица яблочки срывала, заснул и не слыхал, как та жар-птица прилетала и яблок весьма много ощипала. Поутру царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Димитрия-царевича и спросил: «Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?» Он родителю своему отвечал: «Нет, милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала». На другую ночь пошел в сад караулить жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблонь и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слыхал, как жар-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выслав призвал его к себе и спрашивал: «Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?» — «Милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала».

На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий — вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещен был: прилетела жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки. Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил ее за хвост; однако не мог ее удержать: жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался. Поутру лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошел к нему и отдал ему перышко жар-птицы. Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать от жар-птицы. Это перо было так чудно и светло, что ежели принесть его в темную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество

свеч. Царь Выслав положил то перышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор жар-птица не летала в сад.

Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им: «Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам свое благословение, отыщите жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто жар-птицу ко мне привезет». Димитрий и Василий царевичи начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу. А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословения. Царь Выслав сказал ему: «Сын мой любезный, чадо мое милое! Ты еще молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу под богом; ежели во время отлучки вашей господь бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому». Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куды едет.

Едучи путем-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зеленые луга. А в чистом поле стоит столб, а на столбу написаны эти слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здрав и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здрав останется». Иван-царевич прочел эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня. Он ехал день, другой и третий — вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал: «Ох ты гой еси, младой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мертв; так зачем сюда едешь?» Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошел прочь в сторону.

Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошел пеший. Он шел целый день и устал несказанно и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его серый волк и сказал ему: «Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?» Иван-царевич сказал серому волку, куды ему ехать надобно; и серый волк помчался с ним пуще коня и чрез некоторое время как раз ночью привез Ивана-царевича к каменной стене не гораздо высокой, остановился и сказал: «Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, и полезай через эту каменную стену; тут за стеною сад, а в том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми,

а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!» Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел жар-птицу в золотой клетке и очень на нее прельстился. Вынул птицу из клетки и пошел назад, да потом одумался и сказал сам себе: «Что я взял жар-птицу без клетки, куда я ее посажу?» Воротился и лишь только снял золотую клетку — то вдруг пошел стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Ивана-царевича с жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом. Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом: «Как не стыдно тебе, младой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которыя земли, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?» Иван-царевич ему молвил: «Я есмь из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя жар-птица повадилась к нам летать в сад по всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти все дерево испортила; для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать жар-птицу и к нему привезть».— «Ох ты, младой юноша, Иван-царевич,— молвил царь Долмат,— пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе жар-птицу честию отдал; а теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моем государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу — съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор». Иван-царевич пошел от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

Пришел он к серому волку и рассказал ему обо всем, что ему царь Долмат говорил. «Ох ты гой еси, младой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк.— Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?» —«Виноват я перед тобою»,— сказал волку Иван-царевич. «Добро, быть так!— молвил серый волк.— Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно». Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, аки стрела, и бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью. И, пришедши к белокаменным царским конюшням, серый волк Ивану-царевичу сказал: «Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят!) и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет». Иван-царевич, вступя в белокаменные конюшни, взял коня и пошел было назад; но увидел на стене золотую узду и так на нее прельстился, что снял ее с гвоздя, и только что снял — как вдруг пошел гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде были струны приведены. Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону. Царь Афрон начал его спрашивать: «Ох ты гой еси, младой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын,

и как тебя по имени зовут?» На то отвечал ему Иван-царевич: «Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем».— «Ох ты, младой юноша, Иван-царевич!— сказал ему царь Афрон.— Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе коня златогривого с честию отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моем государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне королевну Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я тебе эту вину прощу и коня златогривого с золотою уздою честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный вор, и пропишу все, как ты в моем государстве дурно сделал». Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать, а сам пошел из палат его и горько заплакал.

Пришел к серому волку и рассказал все, что с ним случилося. «Ох ты гой еси, младой юноша, Иван-царевич!— молвил ему серый волк.— Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?» — «Виноват я пред тобою»,— сказал волку Иван-царевич. «Добро, быть так! — продолжал серый волк.— Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно». Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, как стрела, и бежал он, как бы в сказке сказать, недолгое время и, наконец, прибежал в государство королевны Елены Прекрасной. И, пришедши к золотой решетке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу: «Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с серого волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зеленым дубом». Иван-царевич пошел, куда ему велено. Серый же волк сел близ той золотой решетки и дожидался, покуда пойдет прогуляться в сад королевна Елена Прекрасная. К вечеру, когда солнышко стало гораздо опущаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко, королевна Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями. Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решеткою,— вдруг серый волк перескочил через решетку в сад и ухватил королевну Елену Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи. Прибежал в чистое поле под зеленый дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему: «Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка!» Иван-царевич сел на него, а серый волк помчал их обоих к государству царя Афрона. Няньки и мамки и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевною Еленою, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать серого волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на сером волке вместе с прекрасною королевною Еленою, возлюбил ее сердцем, а она Ивана-царевича; и когда серый волк прибежал в государство царя Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королевну Елену во дворец и отдать царю, тогда ца-

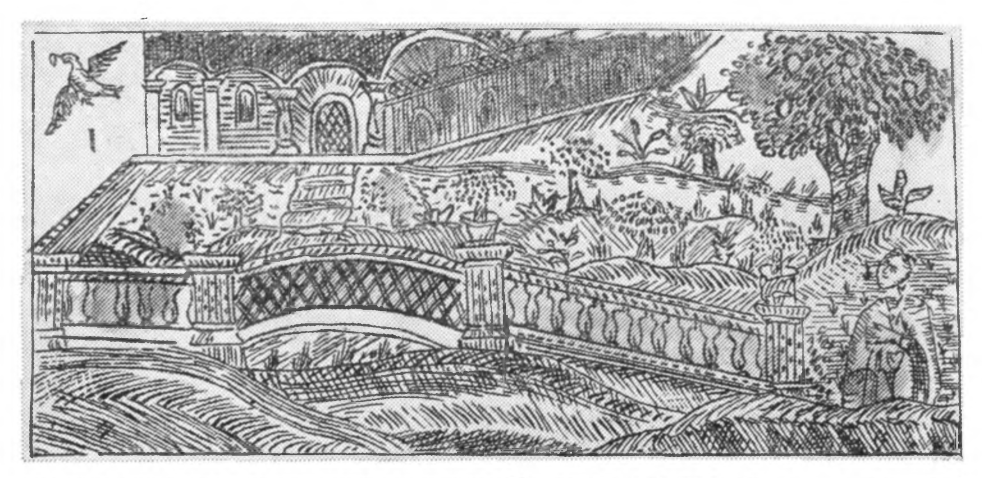
ревич весьма запечалился и начал слезно плакать. Серый волк спросил его: «О чем ты плачешь, Иван-царевич?» На то ему Иван-царевич отвечал: «Друг мой, серый волк! Как мне, доброму мо́лодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королевну Елену, а теперь должен отдать ее царю Афрону за коня златогривого, а ежели ее не отдам, то царь Афрон обесчестит меня во всех государствах».— «Служил я тебе много, Иван-царевич,— сказал серый волк,— сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич: я сделаюсь прекрасной королевной Еленой, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого; он меня почтет за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять; и как он меня отпустит с нянюшками и с мамушками и со всеми придворными боярынями и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомяни — и я опять у тебя буду». Серый волк вымолвил эти речи, ударился о сыру землю — и стал прекрасною королевною Еленою, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была. Иван-царевич взял серого волка, пошел во дворец к царю Афрону, а прекрасной королевне Елене ве́лел дожидаться за городом. Когда Иван-царевич пришел к царю Афрону с мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми возрадовался в сердце своем, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королевну, а коня златогривого вручил Иван-царевичу. Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собою Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата. Серый же волк живет у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришел к царю Афрону проситься в чистом поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Как возговорил ему царь Афрон: «Ах, прекрасная моя королевна Елена! Я для тебя все сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять». И тотчас приказал нянюшкам и мамушкам и всем придворным боярыням с прекрасною королевною идти в чистое поле гулять.

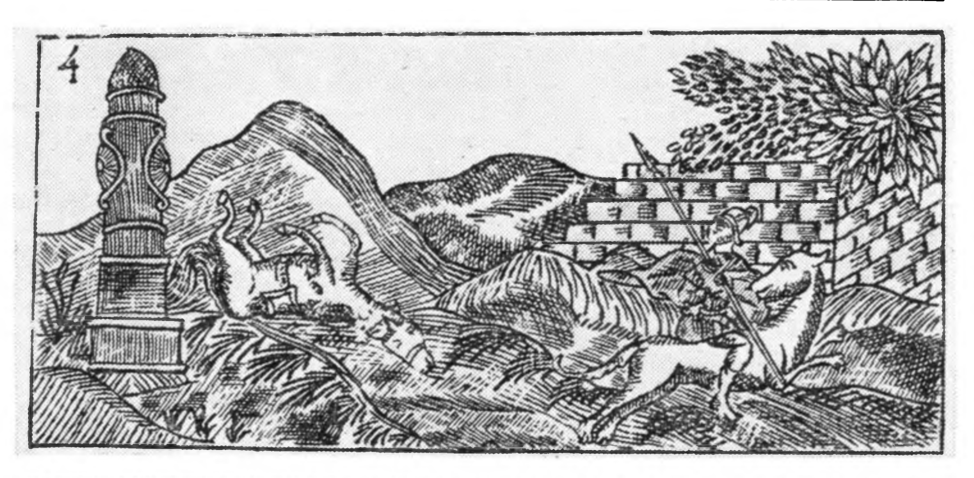
Иван же царевич ехал путем-дорогою с Еленою Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про серого волка; да потом вспомнил: «Ах, где-то мой серый волк?» Вдруг откуда ни взялся — стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему: «Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королевна пусть едет на коне златогривом». Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить серого волка: «Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот какая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конем мне расстаться не хочется». Вдруг серый волк ударился о сырую землю — и стал конем златогривым. Иван-царевич, оставя прекрасную королевну Елену в зеленом лугу, сел на серого волка и поехал во дворец к царю Долмату. И как скоро туда приехал, царь Долмат увидел Ивана-царевича, что едет он на коне златогривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком

Сказка об Иване царевиче и сером волке.
Лубки из собрания Д. Ровинского № 40

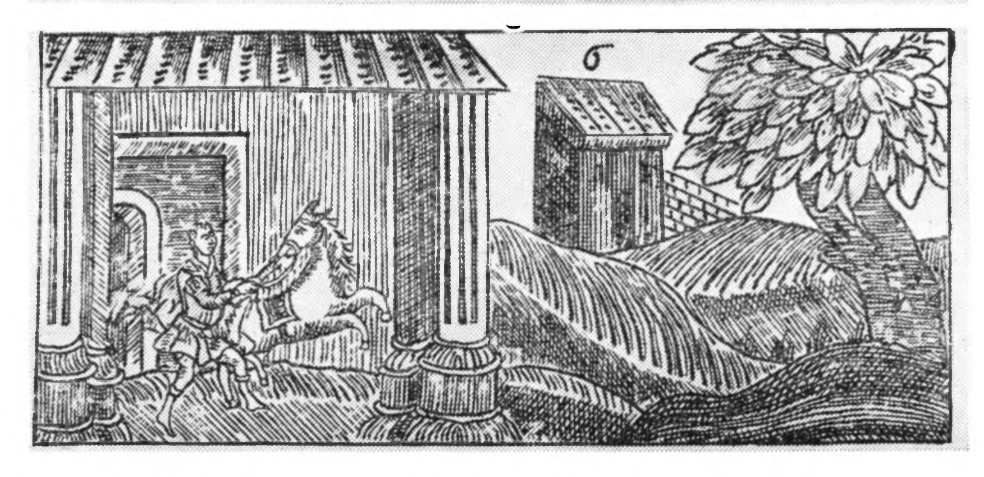
дворе, поцеловал его во уста сахарные, взял его за правую руку и повел в палаты белокаменные. Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялися и веселилися ровно два дни, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу жар-птицу с золотою клеткою. Царевич взял жар-птицу, пошел за город, сел на коня златогривого вместе с прекрасной королевной Еленою и поехал в свое отечество, в государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле; велел его оседлать, потом сел на него и поехал в чистое поле; и лишь только разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в серого волка, побежал и нагнал Ивана-царевича. «Иван-царевич! — сказал он.— Садись на меня, на серого волка, а королевна Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом». Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в путь. Как скоро довез серый волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал: «Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Вот на сем месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довез тебя. Слезай с меня, с серого волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга». Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по сером волке и поехал в путь свой с прекрасною королевною.

Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевною Еленою на коне златогривом и, не доехав до своего государства за двадцать верст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевною лег отдохнуть от солнечного зною под деревом; коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с жар-птицею поставил подле себя. Лежа на мягкой траве и ведя разговоры полюбовные, они крепко уснули. В то самое время братья Ивана-царевича, Димитрий и Василий царевичи, ездя по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в свое отечество с порожними руками; нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою. Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстилися и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Димитрий-царевич вынул из ножон меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части; потом разбудил прекрасную королевну Елену и начал ее спрашивать: «Прекрасная девица! Которого ты государства, и какого отца дочь и как тебя по имени зовут?» Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мертвого, крепко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила: «Я королевна Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили, а то убили сонного и тем какую себе похвалу получите? Сонный чело-

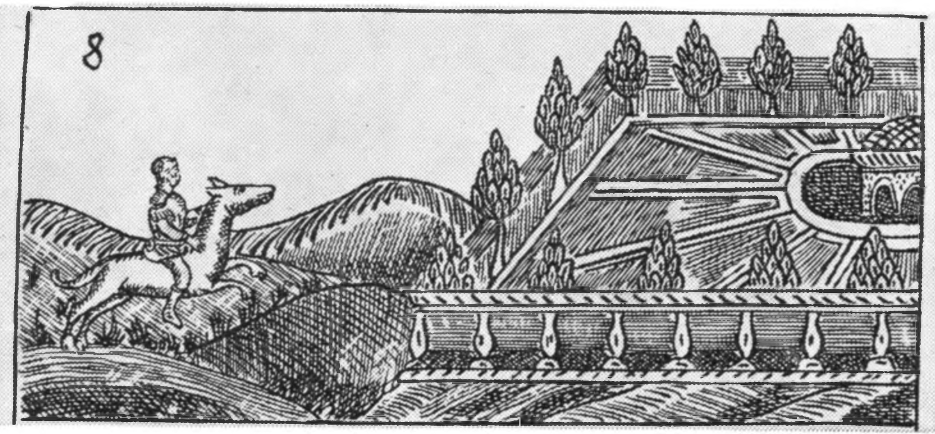



4

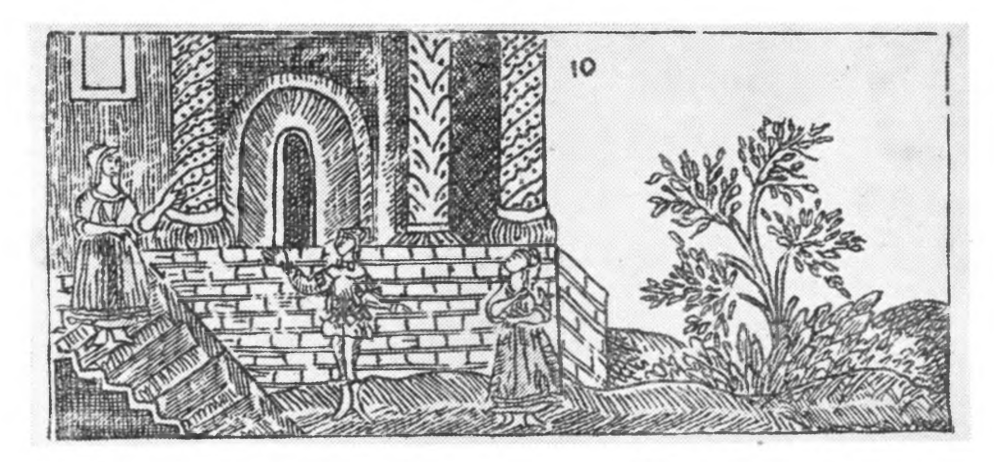
5

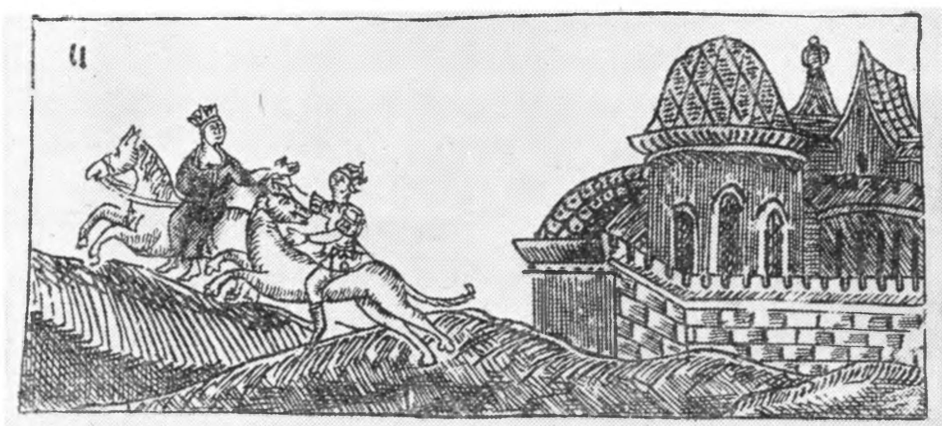

6

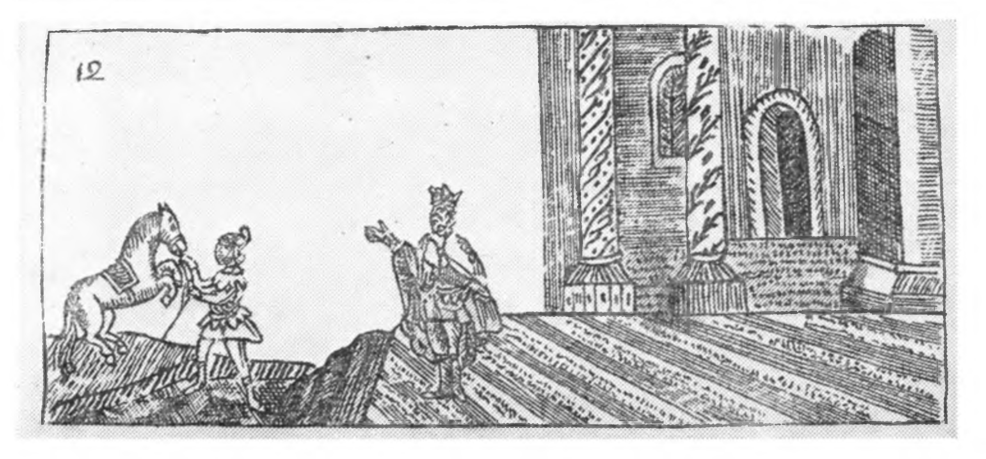
7

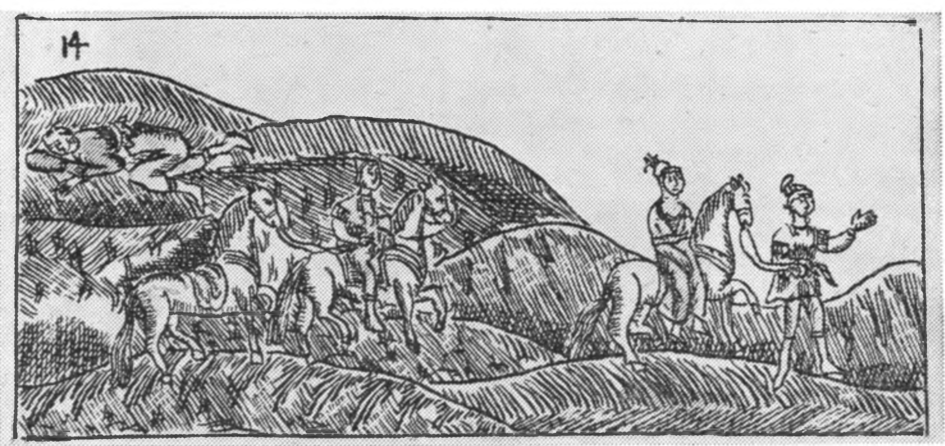

8

9

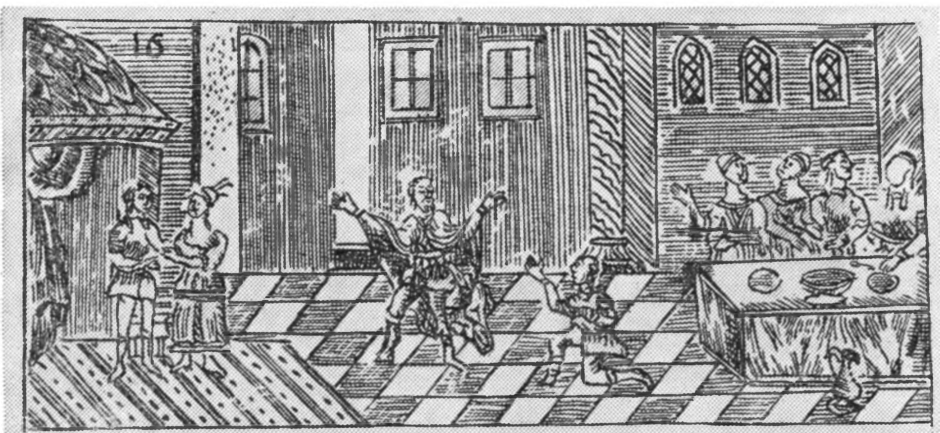

10


11


12

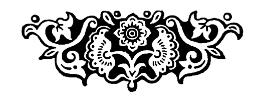


век — что мертвый!» Тогда Димитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевны Елены и сказал ей: «Слушай, Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках; мы повезем тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!» Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обещалась им и клялась всею святынею, что будет говорить так, как ей велено. Тогда Димитрий-царевич с Васильем-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королевна Елена и кому конь златогривый? И жребий пал, что прекрасная королевна должна достаться Василью-царевичу, а конь златогривый Димитрию-царевичу. Тогда Василий-царевич взял прекрасную королевну Елену, посадил на своего доброго коня, а Димитрий-царевич сел на коня златогривого и взял жар-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поехали в путь.



Иван-царевич лежал мертв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему — оживить, да не знал, как это сделать. В то самое время увидел серый волк одного ворона и двух воронят, которые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наесться мяса Ивана-царевича. Серый волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного вороненка и хотел было разорвать его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от серого волка и сказал ему: «Ох ты гой еси, серый волк! Не трогай моего младого детища; ведь он тебе ничего не сделал».— «Слушай, ворон воронович! — молвил серый волк.— Я твоего детища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мне сослужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство, и принесешь мне мертвой и живой воды». На то ворон воронович

сказал серому волку: «Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына». Выговоря эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду. На третий день ворон прилетел и принес с собой два пузырька: в одном — живая вода, в другом — мертвая, и отдал те пузырьки серому волку. Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, спрыснул его мертвою водою — и тот вороненок сросся, спрыснул живою водою — вороненок встрепенулся и полетел. Потом серый волк спрыснул Иван-царевича мертвою водою — его тело срословся, спрыснул живою водою — Иван-царевич встал и промолвил: «Ах, куды как я долго спал!» На то сказал ему серый волк: «Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королевну Елену, и коня златогривого, и жар-птицу увезли с собою. Теперь поспешай как можно скорее в свое отечество; брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте — на прекрасной королевне Елене. А чтоб тебе поскорее туда поспеть, садись лучше на меня, на серого волка; я тебя на себе донесу». Иван-царевич сел на серого волка; волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли,— прибежал к городу. Иван-царевич слез с серого волка, пошел в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королевне Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом. Иван-царевич вошел в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала: «Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!» Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королевну Елену спрашивать, что бы такое то значило, о чем она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл ее, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти и как стращали ее, чтоб говорила, будто все это они достали. Царь Выслав весьма осердился на Димитрия и Василья царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королевне Елене и начал с нею жить дружно, полюбовно, так что один без другого ниже́ единой минуты пробыть не могли.



169—170. ЖАР-ПТИЦА И ВАСИЛИСА-ЦАРЕВНА

169

В некотором царстве, за тридевять земель — в тридесятом государстве жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский. Раз поехал стрелец на своем богатырском коне в лес поохотиться; едет он дорогою, едет широкою — и наехал на золотое перо жар-птицы: как огонь перо светится! Говорит ему богатырский конь: «Не бери золотого пера; возьмешь — горе узнаешь!» И раздумался добрый молодец — поднять перо али нет? Коли поднять да царю поднести, ведь он щедро наградит; а царская милость кому не дорога? 103а

Не послушался стрелец своего коня, поднял перо жар-птицы, привез и подносит царю в дар. «Спасибо! — говорит царь.— Да уж коли ты достал перо жар-птицы, то достань мне и самую птицу; а не достанешь — мой меч, твоя голова с плеч!» Стрелец залился горькими слезами и пошел к своему богатырскому коню. «О чем плачешь, хозяин?» — «Царь приказал жар-птицу добыть».— «Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь! Ну да не бойся, не печалься; это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, проси, чтоб к завтрему сто кулей белоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано». Царь приказал разбросать по чистому полю сто кулей белоярой пшеницы.

На другой день на заре поехал стрелец-молодец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался. Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море — летит жар-птица; прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Богатырский конь подошел к жар-птице, наступил на ее крыло копытом и крепко к земле прижал; стрелец-молодец выскочил из-за дерева, прибежал, связал жар-птицу веревками, сел на лошадь и поскакал во дворец. Приносит царю жар-птицу; царь увидал, возрадовался, благодарил стрельца за службу, жаловал его чином и тут же задал ему другую задачу: «Коли ты сумел достать жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридевять земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Василиса-царевна — ее-то мне и надобно. Достанешь — златом-сéребром награжу, а не достанешь — то мой меч, твоя голова с плеч!»

Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню. «О чем плачешь, хозяин?» — спрашивает конь. «Царь приказал добыть ему Василису-царевну».— «Не плачь, не тужи; это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, попроси палатку с золотою маковкой да разных припасов и напитков на дорогу». Царь дал ему и припасов, и напитков, и палатку с золотою маковкой. Стрелец-молодец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель; долго ли, коротко ли — приезжает он на край света, где красное солнышко из синя моря восходит. Смотрит, а по синю морю плывет Василиса-царевна в серебряной лодочке,

золотым веслом попихается[1]. Стрелец-молодец пустил своего коня в зеленых лугах гулять, свежую травку щипать; а сам разбил палатку с золотой маковкою, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке — угощается, Василисы-царевны дожидается.

А Василиса-царевна усмотрела золотую маковку, приплыла к берегу, выступила из лодочки и любуется на палатку. «Здравствуй, Василиса-царевна! — говорит стрелец.— Милости просим хлеба-соли откушать, заморских вин испробовать». Василиса-царевна вошла в палатку; начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна стакан заморского вина, опьянела и крепким сном заснула. Стрелец-молодец крикнул своему богатырскому коню, конь прибежал; тотчас снимает стрелец палатку с золотой маковкою, садится на богатырского коня, берет с собою сонную Василису-царевну и пускается в путь-дорогу, словно стрела из лука.

Приехал к царю; тот увидал Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином. Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем из лица переменилась; сколько царь ни уговаривал — все понапрасну. Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит: «Пусть тот, кто меня сюда привез, поедет к синему морю, посреди того моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано мое подвенечное платье — без того платья замуж не пойду!» Царь тотчас за стрельцом-молодцом: «Поезжай скорей на край света, где красное солнышко восходит; там на синем море лежит большой камень, а под камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье и привези сюда; пришла пора свадьбу играть! Достанешь — больше прежнего награжу, а не достанешь — то мой меч, твоя голова с плеч!» Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню. «Вот когда,— думает,— не миновать смерти!» — «О чем плачешь, хозяин?» — спрашивает конь. «Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Василисы-царевны».— «А что, говорил я тебе: не бери золотого пера, горе наживешь! Ну да не бойся: это еще не беда, беда впереди! Садись на меня да поедем к синю морю».

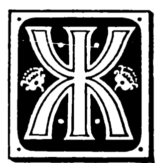
Долго ли, коротко ли — приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря; богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползет, и наступил ему на шейку своим тяжелым копытом. Возговорил морской рак: «Не дай мне смерти, а дай живота! Что тебе нужно, все сделаю». Отвечал ему конь: «Посреди синя моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!» Рак крикнул громким голосом на все сине море; тотчас море всколыхалося: сползлись со всех сторон нá берег раки большие и малые — тьма-тьмущая! Старшóй рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря, из-под великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

Приезжает стрелец-молодец к царю, привозит царевнино платье; а Василиса-царевна опять заупрямилась. «Не пойду,— говорит царю,—

[1] Гребет.

за тебя замуж, пока не велишь ты стрельцу-молодцу в горячей воде искупаться». Царь приказал налить чугунный котел воды, вскипятить как можно горячей да в тот кипяток стрельца бросить. Вот все готово, вода кипит, брызги так и летят; привели бедного стрельца. «Вот беда, так беда!— думает он.— Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы? Зачем коня не послушался?» Вспомнил про своего богатырского коня и говорит царю: «Царь-государь! Позволь перед смертию пойти с конем попрощаться».— «Хорошо, ступай попрощайся!» Пришел стрелец к своему богатырскому коню и слезно плачет. «О чем плачешь, хозяин?» — «Царь велел в кипятке искупаться».— «Не бойся, не плачь, жив будешь!» — сказал ему конь и наскоро заговорил стрельца, чтобы кипяток не повредил его белому телу. Вернулся стрелец из конюшни; тотчас подхватили его рабочие люди и прямо в котел; он раз-другой окунулся, выскочил из котла — и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Царь увидал, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться; полез сдуру в воду и в ту ж минуту обварился. Царя схоронили, а на его место выбрали стрельца-молодца; он женился на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии.

170



Жил-был старик со старухою; у них не было детей, а взяли к 103b
себе приемыша. Когда приемыш вырос, то люди сбили его отойти от них. Идет он ни путем, ни дорогой, попадается ему старик и спрашивает: «Куда идешь, добрый мóлодец?» — «Иду куда глаза глядят, сам не знаючи; жил я у добрых старичков в детях, да меня люди сбили, заставили их покинуть». — «Жаль мне тебя! Вот возьми, добрый мóлодец, уздечку и ступай к такому-то озеру; там увидишь дерево, взлезь на него и спрячься. Прибегут семьдесят семь кобылиц, напьются, наедятся, наваляются и опять уйдут; прибежит жеребеночек — обойди вокруг его, надень уздечку и поезжай куда угодно».

Приемыш взял уздечку и, как сказано, обошел вокруг жеребенка, сел на него и поехал. Ехал он много ли, мало ли, далеко ли, коротко ли, и видит — на высокой горе что-то светлеется, словно жар горит; подъехал туда и усмотрел чудное перо. Слез с жеребенка, хочет перо поднять; говорит ему жеребенок: «Не бери этого пера, добрый мóлодец, от него беда тебе будет!» Добрый мóлодец не послушался, взял перо и поехал в другое царство; приехал и нанялся у одного министра в услужение. Царь увидал приемыша, стал хвалить его ловкость и проворство: где нужно было десятерым, а он один все делает! Министр и сказывает: «А знаете ли, ваше царское величество, какое у него есть перо дивное?» Царь приказал принесть перо — себе показать; полюбовался пером, и пришелся ему по душе приемыш — взял его к себе и сделал министром; а жеребенка на царскую конюшню поставили.

Вот прочим вельможам-то не показалося, за что-де царь его жалует? То холопом служил, а то в министры угодил. Идет мимо их ярыга и спра-

шивает: «О чем, братцы, задумались? Хотите, я вас научу: станьте-ка все вместе да носы повесьте; царь мимо вас пройдет и спросит: «О чем думаете? Аль невзгоду услыхали?» А вы отвечайте: «Нет, ваше величество! Дурного мы ничего не слыхали, а только слышали, что ваш молодой министр похваляется достать этого дивного пера птицу». Они так и сделали. Царь призывает своего молодого министра, сказывает, что про него слышал, и велит достать самую птицу. Добрый мóлодец пришел к жеребенку, пал ему в ноги и говорит: «Обещал царю этого пера птицу достать».— «Вот я тебе сказывал: не бери пера — будет беда! Ну да это еще не беда, а победка[1]. Поди, скажи царю, чтоб сделали тебе клетку — одни двери отворялись, а другие затворялись, и чтоб в этой клетке было два ящика — крупным и мелким жемчугом насыпаны». Добрый мóлодец доложил царю, и тотчас все было исполнено. «Ну,— говорит жеребенок,— теперь поедем к такому-то дереву».

Приемыш приехал на сказанное место, клетку поставил на дерево, а сам в траву спрятался. Прилетела птица, увидала жемчуг и впорхнула в клетку — дверцы захлопнулись. Приемыш взял клетку, привез и отдает царю: «Вот, ваше величество, этого пера птица!» Царь еще больше его возлюбил, а вельможи пуще прежнего возненавидели, собрались и начали думу думать, как бы его извести? Идет ярыга и говорит тем вельможам: «Хотите, я вас научу? Сейчас мимо вас пройдет царь и спросит: «Какую думу думаете? Али что дурного слышали?» А вы скажи́те: «Слышали мы, что ваш молодой министр похваляется высватать в три месяца ту прекрасную невесту, что ваше величество тридцать три года сватали, да не высватали».

Царь, слыша такие речи, крепко возрадовался, тотчас послал за своим молодым министром и приказал ему, чтобы непременно высватал ему ту прекрасную невесту. Тот обещался; пришел к жеребенку, пал ему в ноги и стал просить помощи. Отвечает жеребенок: «Говорил тебе: не бери пера — будет беда! Ну да это еще не беда, а победка. Поди, скажи царю, чтоб он велел сделать корабль, обить его красным бархатом и нагрузить златом-сéребром и разными драгоценными вещами и чтоб этот корабль и по воде плавал и по суше ходил». Приемыш доложил царю, и в короткое время все было исполнено. Сел он на корабль и жеребенка с собою взял. Побежал корабль пó суху, поплыл пó морю и, наконец, пристал в государство Царь-девицы.

На ту пору Царь-девица собиралась замуж выходить за какого-то короля; посылает она нянюшек и мамушек закупать, что ей к свадьбе надо; нянюшки да мамушки увидали корабль, прибежали к Царь-девице и повестили, что из дальних стран товары привезены. Царь-девица поехала на корабль, загляделась на разные заморские редкости, а того и не замечает, что корабль давным-давно назад пошел. Опомнилась, да уж поздно. «До сих пор,— промолвила,— ни один человек обмануть меня не мог, не знала я никого мудрее себя; а вот же выискался такой хитрец, что и меня провел!» Привезли ее к царю; тот ее за себя прочит, а она гово-

[1] Малая беда.

рит: «Достань сундук с моими уборами, так пойду за тебя». Царь отдал приказ своему молодому министру; молодой министр выслушал, пошел к жеребенку и рассказал ему. Жеребенок говорит: «Поди теперь один по такой-то дороге; будешь ты сильно голодать, а что попадется навстречу — не моги того есть». Вот идет приемыш дорогою, попадается ему рак. Разобрал доброго мо́лодца сильный голод: «Эх, съесть бы мне этого рака!» Отвечает рак: «Не ешь меня, добрый мо́лодец! В некоторое время я тебе пригожусь». Идет дальше, попадается ему щука — на песке валяется. «Разве щуку съесть?» — «Не ешь меня, добрый мо́лодец! — отвечает щука.— В некоторое время я тебе сама пригожусь». Подходит к реке, глядь — рак ключи несет, щука сундук тащит. Взял он ключи и сундук и отнес к царю.

Говорит тогда Царь-девица: «Сумели достать мое приданое, сумейте пригнать сюда семьдесят семь кобылиц моих, что в зеленых лугах промеж хрустальных гор пасутся». Царь приказал это дело своему молодому министру, а тот упал в ноги жеребенку и стал его просить. «Говорил я тебе: не бери пера— будет беда! — сказал жеребенок.— Ну да это еще не беда, а победка. Поди, скажи царю, чтобы велел конюшню построить — одни двери б отворялись, а другие затворялись». Как сказано, так вскоре и сделано. Сел верхом добрый мо́лодец, поехал к тому же дереву, где прежде жеребенка добыл, и спрятался в траву. Прибежали кобылицы, напились-наелись и наваляллись. «Ну,— говорит жеребенок,— садись скорей на меня да погоняй больше, чтобы я что есть силы скакал; не то кобылицы съедят нас!» Выскочил жеребенок с добрым молодцем и поскакал во весь дух; долго ли, коротко ли скакал и прямо в конюшню влетел, а кобылицы за ним. Только что успел жеребенок в другие двери выскочить — они и захлопнулись; кобылицы в конюшне остались.

Доложили царю, он пошел сказать Царь-девице, а та отвечала: «Тогда за тебя пойду, когда все семьдесят семь кобылиц будут выдоены». Царь приказывает своему министру, а он опять идет к жеребенку и слезно молит о помощи. «Поди, скажи царю, чтоб велел котел сделать, в который бы ровно семьдесят семь ведер входило». Сделали котел; жеребенок говорит своему хозяину: «Сними с меня уздечку, обойди кругом конюшни, потом смело садись под каждую кобылицу, дой по ведру и выливай в котел». Добрый мо́лодец так и сделал. Доложили царю, что кобылье молоко надоено; он к Царь-девице, а та отвечает: «Вели это молоко вскипятить, да в нем и выкупайся».

Царь позвал своего молодого министра и приказал ему то купанье наперед испробовать. Залился добрый мо́лодец горькими слезами, пришел к жеребенку, пал ему в ноги. «Теперь,— говорит,— мой конец настал!» А жеребенок в ответ: «Говорил я тебе: не тронь пера — будет беда! Вот она и пришла! Ну да делать нечего, надо тебя выручать; садись на меня, поезжай к озеру, нарви той самой травы, которую кобылицы едят, натопи ее да тем отваром с головы до ног и облейся». Добрый мо́лодец сделал все, что ему жеребенок наказал, приехал, бросился в кипучее молоко, плавает в котле, купается — ничего ему не делается. Царь видит, что министр его совсем здоров, расхрабрился и сам туда ж бросился, да в ту ж ми-

нуту и сварился. Царь-девица выступила из терема, взяла доброго мо́лодца за руку и сказала: «Ведаю я все: не царь, а ты мои слова исполнял; я за тебя замуж иду!» И на другой же день сыграли они знатную свадьбу.

171—178. СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ, МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

171

Один царь очень устарел и глазами обнищал [1], а слыхал он, что за девять девятин, в десятом царстве, есть сад с молодильными яблоками, а в нем колодец с живою водою: если съесть старику это яблоко, то он помолодеет, а водой этой помазать глаза слепцу — он будет видеть. У царя этого было три сына. Вот он посылает старшего на коне верхом в этот сад за яблоком и водой: царю хочется и молодым быть и видеть. Сын сел на коня и отправился в далеко царство; ехал-ехал, приехал к одному столбу; на этом столбе написано три дороги: первая для коня сытна, а самому голодна, вторая — не быть самому живому, а третья коню голодна, самому сытна. *104а*

Вот он подумал-подумал и поехал по сытной для себя дороге; ехал-ехал, увидал в поле хороший-расхороший дом. Он подъехал к нему, поглядел-поглядел, растворил ворота, шапки не ломал, головы не склонял, на двор вскакал. Хозяйка этого двора, баба-вдова не больно стара, молодца к себе звала: «Добро пожалуй, гость дорогой!» В избу его ввела, за стол посадила, всякого яства накрошила и питья медового перевдоволь натащила. Вот молодец нагулялся и свалился спать на лавке. Хозяйка ему говорит: «Не честь молодцу, не хвала удальцу ложиться одному! Ляжь с моею дочкою, прекрасною Дунею». Он тому и рад. Дуня говорит ему: «Ляжь ко мне плотней, будет нам теплей!» Он двинулся к ней и провалился сквозь кровать: там его заставили молоть сырой ржи, а вылезть оттуда не моги! Отец старшего сына ждал-ждал, и ожиданье потерял.

Царь второго сына отправил, чтоб яблоко и воды ему доставил. Он держал тот же путь и напал на ту же участь, как и старший его брат. От долгого жданья сыновьёв царь больно-больно загоревался.

Младший сын начал просить у отца позволенья ехать в тот сад; а отец ни за что не хочет его отпустить и говорит ему: «Горе тебе, сынок! Когда старшие братья пропали, а ты молод, как вьюноша [2], ты скорее их пропадешь». Но он умоляет, отцу обещает, что он постарается для отца

[1] Стал плохо видеть, ослеп.
[2] Юноша.

лучше всякого молодца. Отец думал-думал и благословил его на ту же дорогу. На пути до вдовина дома с ним случилось все то же, что и с старшими братьями. Подъехал он ко двору вдовину, слез с коня, постучал у ворот и спросился ночевать. Хозяйка обрадовалась ему, как и этим, просит его: «Добро пожалуй, гость наш нежданный!» Посадила его за стол, наставила всякого яства и питья, хоть завались! Вот он понаелся, хотел ложиться на лавке. Хозяйка и говорит: «Не честь молодцу, не хвала удальцу ложиться одному! Ляжь с моей прекрасною Дунею». А он говорит: «Нет, тетушка! Проезжему человеку не годится так, а надо в гóловы кулак, а пóд бок так. Если б ты, тетушка, баньку мне истопила и с твоей дочерью в нее пустила».

Вот вдова баню жарко-разжарко натопила и его с прекрасною Дунею туда проводила. Дуня такая же, как мать, злоехидна была, ввела его вперед и дверь в бане заперла, а сама в сенях покуда стала. Но молодец-удалец оттолкнул дверь и Дуню туда впер[3]. У него было три прута: один железный, другой свинцовый, а третий чугунный, и начал этими прутьями Дуню хвостать[4]. Она кричит, умоляет его; а он говорит: «Скажи, злая Дунька, куда девала моих братьев?» Она сказала, что у них в подполье мелют сырую рожь. Он пустил ее. Пришли в избу, навязали лестницу на лестницу и братьев оттуда вывели. Он их пустил домой; но им стыдно к отцу появиться — оттого, что с Дуней ложились и к черту не годились, и пошли они бродяжничать по полям и по лесам.

А молодец поехал дальше, ехал-ехал, подъехал к одному двору, вошел в избу: там сидит красна девица, ткет утирки[5]. Он сказал: «Бог помочь тебе, красная девица!» А она ему: «Спасибо! Что, добрый молодец, от дела лытаешь или дело пытаешь?» — «Дело пытаю, красна девица! — сказал молодец.— Я еду за девять девятин, в десятое царство, в сад — за молодильными яблоками и за живой водой для своего старого и слепого батюшки». Она ему сказала: «Ну, мудро[6] тебе, мудро-мудро добраться до этого сада; однако поезжай, на дороге живет другая моя сестра, заезжай к ней: она лучше меня знает и тебя научит, что делать». Вот он ехал-ехал до другой сестры, доехал; так же, как и с первой, поздоровался, рассказал ей об себе и куда едет. Она велела ему оставить своего коня у ней, а на ее двукрылом коне ехать к ее старшей сестре, которая научит, что делать: как побывать в саду и достать яблоко и воды. Вот он ехал-ехал, приехал к третьей сестре. Эта дала ему своего коня об четырех крыльях и приказала: «Смотри, в этом саду живет наша тетка, страшная ведьма; коли подъедешь к саду, не жалей моего коня, погоняй хорошенько, чтоб он сразу перелетел через стену; а если он зацепит за стену — на стене наведены струны с колокольчиками, струны заструнят, колокольчики зазвенят, она проснется, и ты от нее тогда не уедешь! У ней есть конь о шести крыльях; ты тому коню у крыльев подрежь жилки, чтоб она на нем тебя не догнала».

[3] Силой втащил.
[4] Парить, хлыстать (Опыт обл. великорусск. словаря: *хвостеть*).
[5] *Утирка* — полотенце.
[6] Хитро, трудно.

Он все так и сделал. Полетел через стену на своем коне, и конь хвостом зацепил не дюже[7] за струну; струны заструнели, колокольчики зазвенели, но тихо: ведьма проснулась, да не разобрала хорошо голоса струн и колокольчиков, опять зевнула и уснула. А молодец-удалец с молодильным яблоком и живой водою ускакал; заезжая к сестрам, коней у них переменял и на своем опять помчался в свою землю. Поутру рано страшная ведьма заметила, что в саду у ней украдено яблоко и вода; она тут же села на своего шестикрылого коня, доскакала до первой племянницы, спрашивает ее: «Не проезжал ли тут кто?» Племянница сказала: «Проехал молодец-удалец, да уж давно!» Она поскакала дальше, спрашивает у другой и у третьей; те то же ей сказали. Она еще поскакала и чуть-чуть не догнала, но уж молодец-удалец на свою землю пробрался и ее не опасался: сюда она скакать не смела, только на него посмотрела, от злости захрипела и так ему запела: «Ну, хорош ты, вор-воришка! Хороша твоя успешка! От меня успел ты ускакать, зато от братьев тебе непременно пропасть!» Так ему наворожила и домой поворотила.

Удалец наш приезжает в свою землю, видит — братья его, бродяги, в поле спят. Он пустил своего коня, не стал их будить, сам лег около и уснул. Братья проснулись, увидали, что брат их воротился в свою землю, легонько вынули у него сонного из пазухи молодильное яблоко, а его взяли да и бросили в пропасть. Он летел туда три дня, упал в подземельное темное царство, где люди всё делают с огнем. Вот он куда ни пойдет — все люди такие кручинные[8] и плачут. Он спрашивает об их кручине. Ему сказали, что у царя их одна и есть дочь — прекрасная царевна Полюша, и ее-то поведут завтра к змею на съедение; в этом царстве каждый месяц дают семиглавому змею по девице, так уж и ведется очередь девицам — уж такой у них закон! Ныне наступила очередь до царской дочери. Вот наш молодец узнал хорошенько об этом и пошел прямо к царю, говорит ему: «Я спасу, царь, твою дочь от змея, только ты сам сделай мне то, о чем буду тебя после просить». Царь обрадовался, обещал все для него сделать и выдать за него замуж свою дочь.

Вот пришел тот день: повели прекрасную царевну Полюшу к морю, в трехстенную крепость, а с нею пошел удалец. Он взял с собою железную палку в пять пудов. Остались там двое с царевной ждать змея; ждали-ждали, кой о чем покуда погутарили. Он ей рассказал о своем похождении и что у него есть живая вода. Вот молодец сказал прекрасной царевне Полюше: «Поищи покуда у меня в голове вши, а коли я усну и прилетит змей, то буди меня моей палкою, а так меня не добудишься!» — и лег к ней на колени. Она стала искать у него в голове; он уснул. Прилетел змей, начал виться над царевною. Она стала будить молодца, толкать его руками, а палкой ударить (как он велел) ей жалко; не добудилась и заплакала; слеза ее канула ему на лицо — он проснулся и вскрикнул: «О, как ты меня чем-то гойно[9] обожгла!» А змей стал уж спускаться на них. Молодец взял свою пятипудовую палку, махнул ею —

[7] Не сильно.
[8] Печальные.
[9] Приятно.

и вдруг отшиб змею пять голов, в другой махнул наотмашь[10] — и отшиб две последние; собрал все эти головы, положил их под стену, а туловище бросил в море.

Но какой-то баловня-детина видел все это и легонечко из-за стены подкрался, отсек молодцу голову и бросил его в море, а прекрасной царевне Полюше велел сказать отцу ее, царю, что он ее устерег[11], а если она так не скажет, то он ее задушит. Делать нечего, Полюша поплакала-поплакала, и пошли они к отцу, царю. Царь их встрел[12]. Она ему сказала, что этот детина ее уберег. Царь невесть как рад, тут же начал сбирать свадьбу. Гости наехались из иных земель: цари, короли да принцы, все пьют, гуляют и веселятся; одна царевна кручинна, зайдет где под сараем в уголок и заливается там горючими слезами о своем молодце-удальце.

Вот и вздумала она попросить своего батюшку, чтоб он послал ловить в море рыбу, и сама она пошла с рыболовами к морю; затянули невод, вытащили рыбы и бознать[13] сколько! Она поглядела и сказала: «Нет, это не моя рыба!» Затянули в другой, вытащили голову и туловище молодца-удальца. Полюша скорей подбежала к нему, нашла у него в пазухе пузырек с живой водой, приставила к туловищу голову, примочила водой из пузырька — он и оживел. Она ему рассказала, как ее хочет взять постылый для нее детина. Удалец утешил ее и велел идти домой, а он сам придет и знает что делать.

Вот пришел удалец в царску палату, там все гости пьяные — играют да пляшут. Он сказался, что умеет играть[14] песни на разные голоса. Ему все рады, заставили играть. Он заиграл им прежде веселую какую-то, прибасную[15] — гости так и растаяли, что больно гойно играет, дружка дружке расхвалили его; а там он заиграл кручинную такую, что все гости заплакали. Вот удалец спросил царя, кто уберег его дочь? Царь сказал, что этот детина. «Ну-ка, царь, пойдем к той крепости и со всеми гостями твоими; коли он достанет там змеиные головы, так я поверю, что он спас царевну Полюшу». Пришли все к крепости. Детина тянул-тянул и ни одной головы не вытянул, больно ему не под мочь[16]. А молодец лишь взялся — и вытянул. Тут и царевна рассказала всю правду, кто ее устерег. Все признали, что удалец устерег цареву дочь; а детину привязали коню за хвост и размыкали по́ полю.

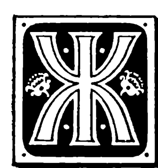
Царю хочется, чтоб молодец-удалец женился на его дочери; но удалец говорит: «Нет, царь, мне ничего не надо, а только вынеси меня на наш белый свет: я еще не докончил свой ответ батюшке, он меня теперь с живою водой ждет — ведь он слепым живет». Царь не может пригадать, как его на белый свет поднять; а дочь не хочет расстаться — захотела с ним подняться, говорит своему отцу, что у них есть птица-колпалйца[17]: она может их туда несть, только б было что ей в дороге есть.

[10] Назад, в другую сторону.
[11] Спас.
[12] Встретил.
[13] Бог знает.
[14] Петь.
[15] Т. е. с приговорками, с прибаутками.
[16] Не под силу.
[17] Колпица.

Вот Полюша велела для птицы-колпали́цы целого быка убить и с собой его запасить[18]. Потом простились с подземельным царем, сели птице на хребет и понеслись на божий белый свет. Где больше птицу кормят, там она резче[19] в вершки[20] с ними поднималась; вот всего быка птице и стравили[21]. Делать нечего, боятся, чтоб она не опустила их опять вниз. Полюша взяла отрезала у себя кусок ляхи[22] и птице отдала; а та их как раз на этот свет подняла и сказала: «Ну, всю дорогу вы меня хорошо кормили, но слаще последнего кусочка я отродясь не едала!» Полюша ей свою ляху развернула, птица ахнула и рыгнула: кусок еще цел. Молодец опять приставил его к ляхе, живой водицей примочил — и царевне ляху исцелил.

Тут пошли они домой. Отец, нашенский[23] царь, их встрел, обрадовался невесть как! Удалец видит, что отец его от того яблока помолодел, но все еще слеп. Он тотчас помазал ему глаза живой водой. Царь стал видеть; тут он расцеловал своего сына-удальца и его невесту из темного царства. Удалец рассказал, как братья унесли у него яблоко и бросили его в подземелье. Братья так испугались — ино[24] в реку покидались! А удалец на той царевне Полюше женился и раздиковинную пирушку сделал; я там обедал, мед пил, а уж какая у них капуста — ино теперь в роте[25] пусто!

172



ил-был царь с царицею, у него было три сына. Посылает он 104b
своих сыновей разыскать его молодость. Вот отправились царевичи в путь-дорогу, приезжают к столбу, от которого идут три дороги, и на том столбе написано: вправо идти — молодец будет сыт, а конь голоден; налево идти — молодец будет голоден, а конь сыт; прямо идти — живому не быть. Старший царевич поехал направо, средний — налево, а младший — прямой дорогой. Много ли, мало ли ехал меньшой брат — попадается ему канава глубокая. Не стал долго думать, как через нее переехать; благословился, нахлыстал коня, перескочил на другую сторону и видит избушку возле дремучего леса — на курьих ножках стоит. «Избушка, избушка! Оборотись к лесу задом, ко мне передом». Избушка оборотилась. Входит в нее царевич; там сидит баба-яга. «Фу-фу! — говорит.— Доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а нониче русский дух в виду является, в уста мечется! Что, добрый мо́лодец, от дела лытаешь али дела пытаешь?» — «Ах ты, старая хрычовка! Не ты бы говорила, не я бы слушал. Ты прежде меня напой-накорми, да тогда и спрашивай». Она

[18] Взять в запас.
[19] Быстрее.
[20] Вверх.
[21] На корм истратили.
[22] Ляжка.
[23] Слово это (т. е. нашенский) употреблено для обозначения царя сего, надземного света, в противоположность царю подземных стран, о котором только что упоминала сказка.
[24] *Ино* — что даже.
[25] Во рту.

его напоила-накормила, вести выспросила и дала ему своего крылатого коня: «Поезжай, мой батюшка, к моей середней сестре».

Ехал он долго ли, коротко ли — видит избушку, входит — там баба-яга сидит: «Фу-фу! — говорит.— Доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а нониче русский дух в виду является, в уста мечется! Что, добрый мо́лодец, дела пытаешь иль от дела лытаешь?» — «Эх, тетка! Напой-накорми, тогда и спрашивай». Она напоила-накормила и стала расспрашивать: «Какими судьбами занесло тебя в эти страны далекие?» — «Отец послал искать свою молодость».— «Ну, возьми на смену моего лучшего коня и поезжай к моей старшей сестре».

Царевич немедля пускался в дорогу; долго ли, мало ли ехал — опять видит избушку на курьих ножках. «Избушка, избушка! Стань ко мне передом, а к лесу задом». Избушка повернулась; вошел — там сидит баба-яга: «Фу-фу! Доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а нониче русский дух в виду является, в уста мечется! Что, добрый мо́лодец, дела пытаешь иль от дела лытаешь?» — «Эх, старая хрычовка! Не накормила, не напоила, да вестей спрашиваешь». Баба-яга накормила его, напоила, вестей повыспросила и дала ему коня лучше прежних двух: «Поезжай с богом! Недалеко есть царство — ты в ворота не езди, у ворот львы стерегут, а нахлыщи коня хорошенько да прямо через тын перемахни, да смотри за струны не зацепи, не то все царство взволнуется: тогда тебе живому не быть! А как перемахнешь через тын, тотчас ступай во дворец — в заднюю комнату, отвори потихоньку дверь и увидишь, как спит царь-девица; у нее под подушкой пузырек с живой водой спрятан. Ты возьми пузырек и назад спеши, на ее красоту не заглядывайся».

Царевич сделал все, как учила его баба-яга; только одного не выдержал — на девичью красоту позарился... Стал на коня садиться — у коня ноги подгибаются, стал через тын перескакивать — и задел струну. Вмиг все царство пробудилося, встала и царь-девица и велела коня оседлать; а баба-яга уж узнала, что с добрым мо́лодцем приключилося, и приготовилась к ответу; только успела она отпустить царевича, как прилетает царь-девица и застает бабу-ягу всю растрепанную. Говорит ей царь-девица: «Как смела ты допустить такого негодяя до моего царства? Он у меня был, квас пил, да не покрыл».— «Матушка, царь-девица! Чай, сама видишь, как мои волосы растрепаны; я с ним долго дралась, да сладить не могла». Две другие бабы-яги то же сказали. Царь-девица бросилась за царевичем в погоню и только что хотела схватить его, как он через канаву перепрыгнул. Говорит ему вслед царь-девица: «Жди меня через три года; на корабле приеду».

Царевич от радости не видал, как к столбу подъехал и как повернул от него в левую сторону; приезжает он на серебряную гору — на горе шатер раскинут, около шатра конь стоит, ест белоярую пшеницу да пьет медовую сытицу, а в шатре лежит добрый мо́лодец — его родной братец. Говорит ему меньшой царевич: «Поедем-ка старшего брата отыскивать». Оседлали лошадей и поехали в правую сторону; подъезжают к золотой горе — на горе раскинут шатер, около него конь ест белоярую пшеницу, пьет медовую сытицу, а в шатре лежит добрый мо́лодец — их старший

брат. Они его разбудили и поехали все вместе к тому столбу, где три дороги сходятся; сели тут отдохнуть. Два старшие брата стали меньшого расспрашивать: «Нашел ты батюшкину молодость?» — «Нашел».— «Как и где?» Он рассказал им все, как было, прилег на траву и заснул. Братья изрубили его на мелкие куски и разбросали по чистому полю; взяли с собой пузырек с живой водою и отправились к отцу.

Вдруг прилетает жар-птица, собрала все разбросанные куски, склала их, как следует быть человеку; потом принесла во рту мертвой воды, вспрыснула — все куски срослися; принесла живой воды, вспрыснула — царевич ожил, встал и говорит: «Как я долго спал!» Отвечает жар-птица: «Век бы тебе спать непробудным сном, если б не я!» Царевич поблагодарил ее и пошел домой; отец его невзлюбил и сослал с глаз долой; так он целые три года и шатался по разным углам.

А как прошло три года, приплывает на корабле царь-девица и посылает к царю письмо, чтобы выслал к ней виновника; а коли воспротивится — она выжжет и вырубит все царство дотла. Царь высылает к ней старшего сына; тот пошел к кораблю. Увидали его двое мальчиков, двое сыновей царь-девицы, и стали спрашивать у своей матушки: «Не этот ли наш батюшка?» — «Нет, это ваш дядюшка».— «Как же нам его встретить?» — «Возьмите по плетке да проводите назад». Воротился старший царевич домой, будто несолоно хлебал! А царь-девица с теми же угрозами требует выдачи виноватого; высылает царь другого сына — и с ним то же случилось, что и с первым.

Тут приказал царь отыскивать меньшого царевича, и как скоро его нашли, отец стал посылать на корабль к царь-девице. А он говорит: «Тогда пойду, когда до самого корабля будет выстроен хрустальный мост, а на мосту будет много разных яств и вин наставлено». Нечего делать, построили мост, наготовили яств, припасли вин и медов. Царевич собрал своих товарищей и говорит: «Идите со мной в провожатых, ешьте и пейте, ничего не жалейте!» Вот идет он по́ мосту, а мальчики кричат: «Матушка! Кто это?» — «Это ваш батюшка». — «Как же нам его встретить?» — «Возьмите под ручки и ведите ко мне». Тут они целовались, обнимались, миловались; а после поехали к царю и поведали ему все, как было. Царь старших сыновей со двора согнал, а с меньшим начал вместе жить-поживать, добра наживать.

173

некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; 104c
у царя было три сына: два — умные, третий — дурак. Как-то приснился царю сон, будто за тридевять земель, в тридесятом государстве, есть красная де́вица, у которой с рук и ног вода течет: кто этой воды изопьет, тот на тридцать лет моложе станет. А царь был очень стар; призвал он своих детей и думных людей и говорил им: «Не сумеет ли кто мой сон разгадать?» Отвечали царю думные люди: «Ваше величество! Мы видом не видали, а слыхом слыхали про такую красную де́вицу! А как до нее дойти, того нам неве-

домо». Возговорил тут большой сын, Дмитрий-царевич: «Батюшка! Благослови меня на все на четыре стороны ехать, людей посмотреть, себя показать, про красную де́вицу разыскать». Отец дал ему свое родительское благословение. «Бери,— говорит,— казны сколько хочется и всякого войска сколько надобно».

Дмитрий-царевич взял сто тысяч войска и отправился в путь-дорогу; едет день, едет неделю, едет месяц, и два, и три, у кого ни спросит — никто не знает про красную де́вицу, и заехал в такие места пустынные, что только небо да земля. Погнал коня дальше — и вот перед ним гора высокая-высокая! Глазами не вскинешь! Кое-как взлез на эту гору и нашел там древнего, седого старика. «Здравствуй, дедушка!» — «Здравствуй, добрый мо́лодец! Что, от дела лытаешь али дела пытаешь?» — «Дела пытаю».— «Что ж тебе надо?» — «Да слышал я, что за тридевять земель, в тридесятом государстве, есть красная де́вица — с рук и с ног вода целющая точится: кто этой воды достанет да изопьет, тот тридцатью годами моложе будет».— «Ну, брат, тебе туда не доехать!» — «Отчего так?» — «Оттого, что есть на пути три реки широкие, на тех реках три перевоза: на первом перевозе отсекут тебе правую руку, на втором — левую ногу, а на третьем голову снимут». Дмитрий-царевич прикручинился, повесил буйную голову ниже могучих плеч и думает: «Не то отцову голову, не то свою жалеть! Ворочусь-ка я назад». Спустился с горы, воротился к отцу и говорит: «Нет, батюшка, не мог разыскать; про ту де́вицу нигде слыхом не слыхать!»

Стал проситься середний сын, Василий-царевич: «Батюшка! Благослови меня, может я разыщу». — «Ступай, сынок!» Василий-царевич взял с собой войска сто тысяч и отправился в путь-дорогу; едет день, едет неделю, едет месяц, и два, и три, и заехал в такие места пустынные, что только леса да болота. Нашел тут бабу-ягу костяную ногу́, ж... жилиную. «Здравствуй, баба-яга костяная нога!» — «Здравствуй, добрый мо́лодец! Что, от дела лытаешь али дела пытаешь?» — «Дела пытаю! Слышал я, что за тридевять земель, в тридесятом государстве, есть красная де́вица — с рук и с ног целющая вода льется». — «Есть, батюшка, есть! Только тебе туда не доехать». — «Отчего так?» — «Оттого, что есть на пути три перевоза: на первом перевозе отсекут тебе правую руку, на втором — левую ногу, а на третьем — голова долой». Василий-царевич призадумался: «Не то отцову голову жалеть, не то свою беречь! Ворочусь-ка я назад подобру-поздорову». Воротился и сказал отцу: «Нет, батюшка, не мог разыскать; про ту де́вицу нигде слыхом не слыхать!»

Стал проситься меньшой сын, Иван-царевич: «Батюшка! Благослови, не найду ли я». Отец благословил: «Ступай, любезный сын! Бери себе войска и казны сколько надобно».— «Мне ничего не надо, только дай доброго коня да меч-кладенец». Сел Иван-царевич на коня, взял меч-кладенец и отправился в путь-дорогу; едет день, едет неделю, едет месяц, и два, и три, и заехал в такие места, что конь его по колена в воде, по грудь в траве идет, а ему, доброму мо́лодцу, есть нечего. Увидал избушку на курьих ножках, вошел туда, а в избушке сидит баба-яга костяная нога. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иван-царевич! Что, от дела лы-

таешь али дела пытаешь?» — «Какое дело! Еду в тридесятое государство: там, говорят, есть красная де́вица — с рук и с ног вода целющая точится».— «Есть, батюшка! Хоть видом не видала, а слыхом слыхала; только тебе до ней не добраться».— «Отчего так?» — «Оттого, что есть на пути три перевоза: на первом перевозе отсекут тебе правую руку, на другом — левую ногу, а на третьем — голову».— «Ну, бабушка, одна голова не бедна! Поеду — что бог даст».— «Эх, Иван-царевич! Лучше назад воротись, ты еще млад юноша — нигде в опасных местах не бывал, больших страхов не видал».— «Нет, коли взялся за гуж — не говори, что не дюж!»

Попрощался с бабой-ягою и поехал дальше: едет день, другой и третий и подъезжает к первому перевозу. Перевозчики на другой стороне спят. «Что делать? — думает Иван-царевич.— Если крикну — навек оглушу, если свистну — перевоз потоплю». Свистнул он вполсвиста; перевозчики тотчас вскочили и переправили его через реку. «Что вам за работу, братцы?» — «Подавай правую руку».— «Ну, рука мне самому надобна!» Махнул царевич мечом направо-налево, перебил всех перевозчиков, сел на коня и поскакал. На двух других перевозах точно так же отделался. Подъезжает к тридесятому государству, на рубеже дикий человек стоит — ростом с лесом ровен, толщиной словно копна большая, в руках держит коренастый дуб. Говорит великан Ивану-царевичу: «Куда, червяк, едешь?» — «Еду я в тридесятое царство, хочу повидать красную де́вицу, у которой с рук и с ног целющая вода льется».— «Куда тебе, коротышке! Я сто лет стерегу ее царство; не тебе чета — приезжали сюда сильномогучие богатыри, да и те пали от моей крепкой руки; а ты что? Как есть червяк!»

Видит царевич, что не сладить ему с великаном, и повернул в сторону; шел-шел и очутился в дремучем лесу. В лесу стоит избушка, а в избушке стародревняя старуха сидит; увидала доброго мо́лодца и говорит: «Здравствуй, Иван-царевич! Зачем тебя бог занес?» Он рассказал ей все без утайки; старуха дала ему зелье волшебное да клубочек. «Ступай,— говорит,— в чистое поле, разведи костер и брось в огонь это зелье; да смотри, сам за ветром стань. От этого зелья волшебного уснет великан крепким сном; ты сруби ему голову, покати клубочек и поезжай за ним следом. Клубочек доведет тебя до тех самых мест, где царствует красная де́вица; живет она в большом золотом дворце и часто выезжает с своим войском в зеленые луга тешиться: девять дней гуляет, да потом девять дней богатырским сном спит». Иван-царевич поблагодарил старуху и поехал в чистое поле; в чистом поле развел костер и бросил в огонь волшебное зелье. Буйным ветром потянуло дым в ту сторону, где стоял настороже дикий человек; замутилось у него в очах, лег он на сырую землю и крепко-крепко заснул. Иван-царевич отрубил ему голову, покатил клубочек и пустился дальше.

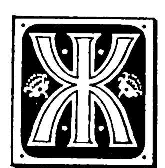
Ехал-ехал — вон уж золотой дворец виднеется; свернул с дороги, коня на траву пустил, а сам в кусты залез. Только успел спрятаться, от золотого дворца пыль столбом подымается: выезжает красная де́вица с своим войском в зеленые луга тешиться. Смотрит царевич — все войско из одних девиц набрано: та хороша, а та еще лучше! А всех краше, ненагляд-

нее сама царица. Девять дней она в зеленых лугах гуляла, а царевич глаз с нее не сводил и все не мог насмотреться. На десятый день идет он в золотой дворец: на пуховой на постели лежит красная де́вица, богатырским сном почивает — с рук и с ног целющая вода точится; вместе с нею спит и ее войско верное. Иван-царевич набрал два пузырька целющей воды; молодецкое сердце не выдержало — смял он де́вичью красу, вышел из дворца, сел на своего доброго коня и поскакал домой.

Девять суток спала красная де́вица, а как пробудилась — страшно разгневалась, ногами затопала и зычным голосом крикнула: «Какой негодяй здесь был? Мой квас пил, ничем не покрыл». Вскочила на свою быстролетную кобылицу и ударилась в погоню за Иваном-царевичем: кобылица бежит, земля дрожит! Догнала доброго мо́лодца, ударила мечом и прямо в грудь угодила. Упал царевич на сырую землю; ясные очи закрываются, алая кровь запекается. Глянула на него красная де́вица, и взяла ее жалость великая: другого такого красавца во всем свете поискать! Приложила к его ране свою руку белую, омочила целющей водой — и вдруг рана заживилася, и встал Иван-царевич здрав-невредим. «Возьмешь меня замуж за себя?» — «Возьму, красная де́вица!» — «Ну, поезжай домой да жди меня через три года».

Иван-царевич простился со своей нареченной невестою и стал путь продолжать. Подъезжает к своему царству, а старшие братья везде караулы поставили, чтоб его до отца не допустить. Караулы тотчас дали знать, что Иван-царевич едет; старшие братья встретили его на дороге, напоили допьяна, отняли пузырьки с целющей водою, а его самого в пропасть бросили. Очутился Иван-царевич на том свете...

174



ил да был царь; у царя было три сына: Федор, Егор да Иван; Иван был не совсем умен. Посылает царь старшего сына по живую воду, по сладкие моложавые яблоки; он поехал и доезжает до росстанья[1]. Тут столб стоит, на столбе роспись: вправо идти — попить да поесть, влево идти — головушку погубить; он поехал вправо и приезжает к дому; заходит в избу, а тут де́вица говорит ему: «Федор-царевич! Ложись со мной спать». Он лег; она взяла да и спихнула его неведомо куда. Царь, не дождавшись его долго, другого сына посылает. Этот поехал и до того же места приезжает; входит в избу. Де́вица и этого так же уходила. Царь посылает третьего сына: «Поезжай ты!» *104f*

Младший сын поехал, доезжает до того же росстанья и говорит: «Для отца поеду голову губить!» — и поехал влево; доезжает до избушки, входит туда, а в избушке ягишна — сидит за пряслицей, прядет шелкову кудельку на золотое веретенце и говорит: «Куда, русска коска Иван-ца-

[1] Место, где дорога разделяется и идет в разные стороны.

ревич, поехал?» Он отвечает: «Напой-накорми, тожно все расспроси». Она напоила-накормила и спрашивает; он говорит: «Я поехал по живую воду, по сладкие моложавые яблоки — туда, где живет Белая Лебедь Захáрьевна». Ягишна говорит: «Едва ли достанешь! Разве я помогу»,— и дает ему своего коня. Он сел и поехал; доезжает до другой сестры ягишны. Взошел в избу, она ему говорит: «Фу-фу, русской коски слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сама на двор пришла; куда, Иван-царевич, поехал?» Он отвечает: «Прежде напой-накорми, тожно расспроси». Она напоила-накормила его; он и говорит: «Я поехал добывать живую воду, сладкие моложавые яблоки — туда, где живет Белая Лебедь Захарьевна». — «Едва ли достанешь!» — сказала баба и дала ему своего коня.

Царевич поехал до третьей ягишны; входит в избу, та говорит: «Фу-фу, русской коски слыхом было не слыхать, видом не видать, ныне русская коска сама на двор пришла; куда, Иван-царевич, поехал?» — «Прежде напой-накорми, тожно расспроси». Она напоила-накормила его; он и говорит: «Я поехал по живую воду, по сладкие моложавые яблоки».— «Трудно, царевич! Едва ли достанешь». Потом дает ему своего коня, семисотную палицу и наказывает: «Когда станешь подъезжать к городу, то ударь коня палицей, чтобы он перескочил за симý[2]». Так он и сделал: перескочил за симý, поставил своего коня к столбу и идет в палаты Белой Лебеди Захарьевны. Слуги его не пускают; а он сквозь пробивается: «Я,— говорит,— Белой Лебеди записку несу». Добился до покоев Белой Лебеди Захарьевны; в то время она крепко спала, на пуховой на постели разметалася, а живая вода стояла у ней под зголовьем. Он взял воды, поцеловал девицу и пошутил с ней негораздо; потом, набравши моложавых яблоков, поехал назад. Конь его скочил чрез симý и задел за край. Вдруг зазвенели все колокольчики, все прозвончики, весь город пробудился. Белая Лебедь Захарьевна забегалась — ту няньку бьет, другую колотит, кричит: «Вставайте! Кто-то в доме был, воды испил, колодезь не закрыл».

Между тем царевич пригнал к первой ягишне, переменил лошадь; а Лебедь Захарьевна за ним гонится, приехала к той ягишне, у которой царевич только что коня сменил, и спрашивает: «Куда ты ездила? У тебя лошадь потна». Та отвечает: «Ездила в поле скота выгонять». Иван-царевич переменил у второй ягишны коня; а Лебедь Захарьевна вслед за ним приезжает и говорит: «Куда, ягишна, ездила? У тебя лошадь потна».— «Я ездила в поле скота выгонять, оттого у меня лошадь спотела». Иван-царевич доехал до последней ягишны, переменил лошадь; а Лебедь Захарьевна все гонится, приезжает после него, спрашивает ягишну: «Что у тебя лошадь потна?» Та отвечает: «В поле ездила скота выгонять».

Отселе она домой воротилась; а Иван-царевич поехал к братьям. Приходит к дому, где они были; дéвица выскочила на крыльцо, говорит:

[2] Крепостная стена.

«Добро пожаловать!» Потом зовет его спать с собою. Царевич говорит: «Напой-накорми, тожно спать клади». Она напоила-накормила и опять говорит: «Ложись со мной!» Отвечает царевич: «Наперед ты ложись!» Она легла наперед, он ее и спихнул; де́вица полетела неведомо куда. Иван-царевич думает: «Ну-ка вскрою эту западню; не там ли мои братья?» Вскрыл — они тут и сидят; говорит им: «Выходите, братья! Что вы тут делаете? Не стыдно ли вам?» Собрались и поехали все вместе домой к отцу. Вот дорогою старшие братья вздумали убить младшего; Иван-царевич узнал их думу и говорит: «Не бейте меня; я вам все отдам!» Они на то не согласилися, убили его и косточки разбросали по чистому полю. Конь Ивана-царевича собрал его косточки в одно место, вспрыснул живою водой; у него коска с коской, суставчик с суставчиком сраслися; царевич ожил и говорит: «Долго я спал, да скоро встал!» Приходит к своему отцу в чежелке́[3]; отец, увидавши, говорит ему: «Ты куда ходил? Поди нужные места очищать».

Между тем выезжает Белая Лебедь Захарьевна на заповедные луга царские и посылает к царю письмо, чтобы он выдал ей виноватого. Царь посылает старшего сына. Детки Белой Лебеди, завидя его, кричат: «Вон наш батюшка идет! Чем мы будем его потчевать?» А мать говорит: «Нет, это не отец, а дядюшка ваш; потчуйте его тем, что у вас в руках». А у них было по дубинке; они так ему бока навохрили (наколотили), что едва дошел до дому. Потом царь посылает второго сына; этот идет, детки обрадовались и кричат: «Вон наш батюшка идет!» А мать говорит: «Нет, это ваш дядюшка».— «Чем же мы его будем потчевать?» — «А что у вас в руках, тем и потчуйте!» Они так же ему бока навохрили, как и старшему брату. Тожно посылает Белая Лебедь Захарьевна к царю сказать, чтобы выслал виноватого. Царь, наконец, посылает младшего сына; он бредет — на нем лаптишки худые, чежелко́ худое. Дети кричат: «Вон нищий какой-то идет!» А мать говорит: «Нет, это ваш батюшка».— «Чем мы будем его потчевать?» — «А чем бог послал!» Когда Иван-царевич пришел, она надела на него хорошую лопоть (одежду), и поехали они к царю. По приезде Иван-царевич рассказал отцу свое похождение: как он из ловушки братьев добыл и как они убили его. Отец рассердился, взял их разжаловал и приставил к низким должностям, а младшего сына взял к себе в наследники.

175

ывало-живало — в некотором царстве, в некотором государстве, у царя Ефимьяна было три сына: первый сын — Павел, второй сын — Федор и третий сын — Иван Запечный. Царь Ефимьян стал стариться и, собрав свою силу, спросил: «Кто бы съездил за молодою и живою водою? Я бы тому добро сделал». И удумали ба́ра: «Опрично твоего сына, Павла-царе- *104е*

[3] *Чежелко́* — кафтан или полушубок, обшитый снаружи холстом.

вича, некому ехать». Царь дает ему тысячу рублей и своего доброго коня. Павел-царевич садится на того доброго коня и стежит [1]; немало времени ехал, попал на росстань — на росстани стоит дуб, на дубу подписано: вправо ехать — мертвому быть, а влево ехать — к Ирине мягкой перине попадешь, спать мягко и хлебать кисель! Ирина мягкая перина встречает Павла-царевича: «Поди-тко ты, Павел-царевич, разболокайся и разувайся, клади свое цветное платье — хоть тысяча рублей или две будь, ничто твое не утеряется!» Напоила-накормила, на пуховик спать повалила: «Ложись к стенке, а я лягу на крайчик!» Она его под середку подхватила, прошибла им пол, и улетел он в погреб, а погреб тридцать сажо́н глубины; бросила к нему кудельки: «Когда научишься прясть, в ту пору дам тебе есть!»

Царь Ефимьян не мог своего сына дождаться и стал собирать опять свою силу; спрашивает: «Кто бы съездил по живую и молодую воду? Я бы тому добро сделал». Думали-подумали ба́ра и возговорили: «Опрично твоего сына, Федора-царевича, некому ехать». Царь Ефимьян дает ему две тысячи рублей и своего доброго коня; Федор-царевич садился на того коня, немало времени ехал; когда попал на ту же росстань — на росстани стоит дуб, на дубу подписано: вправо ехать — дак мертву быть, а влево ехать — дак попасть к Ирине мягкой перине, спать мягко и хлебать кисель. Ирина мягкая перина, встречая, мурлычет: «Поди-тко ты, Федор-царевич, и куды ты, родимый, поехал? Куды тя бог понес?» Накормила-напоила, на пуховик спать повалила: «Ложися к стенке, а я лягу на край!» Подхватила его под середку и прошибла сквозь пол; он свалился в тот же демонский погреб.

Царь Ефимьян не мог дождаться своего сын Федора, стал собирать свою силу: «Кто бы съездил по живую, по молодую воду? Я бы тому сделал добро». И собран был большой совет, на котором тоже положили, что опрично твоего сына Ивана-царевича некому ехать. Иван-царевич затужился и запечалился, приходит по вечеру к бабушке-задворенке. Бабушка-задворенка говорит: «Что, Иван-царевич, затужился и запечалился?» — «Как мне не тужить и не печалиться? Бачка посылает по живую, по молодую воду, за тридевять земель, в тридесятую землю, за белое море — в дивье царство, а нет у моего батюшки доброго коня».— «Как нет у твоего батюшки доброго коня? Есть добрый конь, заперт за тремя дверьми, третьи двери уже копытом пробивает! Этот конь будет тебе служить верою и правдою. А караулит коня плехатый [2] старик; приди, старика по плеши больно хлопни — отдаст тебе доброго коня». По сказанному, как по писаному, схватил Иван-царевич коня под повод и троижды около себя обернул; конь взмолился человечьим гласом Ивану-царевичу, что я буду тебе служить верою и правдою. У коня этого из ушей дым валит, из ноздрей искры сыплются, из рота пламя пышет. Иван-царевич садится на добра коня, стежит его по толстым ребрам, и скачет конь выше лесу

[1] Стегает (*Ред.*).
[2] Плешивый.

стоячего, ниже облака ходячего, горы, реки и озера меж ног пропускает, поля-луга хвостом устилает.

Немало времени ехал царевич и доехал до того ж дубу — стоит дуб на росстани, и подписано на дубу: вправо ехать — мертву быть, а влево ехать — к Ирине мягкой перине попасть, спать мягко и хлебать кисель. Он и говорит: «Видно, мои братья уехали киселя хлебать!» Сам поезжает вправо по живую и по молодую воду; ехал немало времени, доехал до бабушки-задворенки. Бабушка-задворенка встречает Ивана-царевича: «Куды ты, бажоный[3], поехал?» — «Бабушка-задворенка! Напой-накорми, на пуховик спать повали, в головушки сядешь и спрашивать станешь». Она его накормила-напоила, спать положила. «Я,— говорит царевич,— поехал по живую и по молодую воду за тридевять земель, в тридесятую землю — в дивье царство».— «Иван-царевич! Не быть тебе живому».— «Авось бог и пособит!»

Иван-царевич поутру встает ранехонько, умывается белехонько; бабушка-задворенка накормила его завтраком и дает ему коня еще лучше того и говорит: «Полтора часа только караулы спят в дивьем царстве; не зевай!» Приехал он в то царство; конь разбежался и перескочил чрез каменную стену; царевич поставил коня к столбу — к золочену кольцу, и набрал воды живыя и молодыя, и подумал умом: «Времени еще четверть часа нет, схожу-ка я к девице — посмотреть». И видит: спят двенадцать девиц, все как одна; царь-девицу по тому мог узнать — спит, пышет, будто с дубу лист бруснет[4]. И удумал сменяться с нею именными перстенями: ее перстень к себе взял, а свой перстень ей отдал, и приходит к коню. Конь говорит человечьим языком: «Ой, Иван-царевич! Мне тебя не увезти; поди на росе выкатайся, самоцветное платье выхлопай[5]». Сделал то Иван-царевич и садился на своего доброго коня; конь разбежался, перескочил чрез городскую стену, да задней ногой за струну задел; струны запели, колокола загудели, караулы сбунтовались[6], что за муха в городу была?

По времени царь-девица пробуждается и своих караулов посылает: «Подите состижите!»[7], а он впромеж приезжает к бабушке-задворенке. «Что, Иван-царевич, долго призамешкался?» Дает ему щетку, кремешок, площадку[8]: «Станут тебя состигать, ты брось щетку и проговори троижды: стань, чаща, от земли до неба, чтобы конному проезда, пешему прохода и птице пролета не было!» Караулы, наехав на чащу, взад воротилися к кузнецу, топоров наковали, прискакали и хотели было эту чащу рассекать, смотрят — нет ничего. «Морочит, видно!» — и всё тут покинули. Стали опять состигать; царевич кинул кремешок и проговорил троижды: «Стань, гора кременная, от земли до неба, от востоку до западу!» Караулы, наехав на гору́, взад воротились к кузнецу, молотов наковали, прискакали — нет ничего: «Морочит окаянный!» Тут и молоты пометали. В третий раз, когда стали состигать, бросил он площадку и проговорил

[3] Милый.
[4] Падает, осыпается.
[5] Выбей.
[6] Засуетились, взволновались.
[7] Настигнете.
[8] Огниво.

троижды: «Расплывись, река огненная!» — и сделалась река, за кою караулы мост смостили.

В ту пору царевич далеко уехал. Не догнав за тою промешкою, караулы воротились назад; а Иван-царевич приехал к дубу на росстани: «Съездить мне-ка к братьям, живы они или нет?» Приезжает к Ирине мягкой перине, и встречает Ирина мягкая перина Ивана-царевича. «Куды,— говорит,— поехал? Куды тебя бог понес? Раздевайся, разболокайся, свое цветное платье на стол клади — хоть тысяча, хоть две будь, ничто твое не утеряется!» Напоила-накормила, на пуховик спать повалила. «Ложись к стенке!» Он говорит: «Я не сплю у стенки, а сплю на крайчику». Нужно было ей самой у стенки лечь; царевич ее подхватил под середку и прошиб сквозь пол, и улетела Ирина мягкая перина в погреб, а он опустил конец веревки, вытащил своего брата и сказал: «Волочите друг по дружке всех и отправляйтесь по домам!»

Сам садится на своего доброго коня; доехав до старого дубу, спускает коня в чистое поле кормиться и ложится спать. Приходит к нему старичок и говорит: «Ой, Иван-царевич, тебя убьют!» — «Врешь, старый; сгинь с глаз!» Старшие братья, идучи домой, согласились между собою и убили Ивана-царевича, живую и молодую воду отобрали; приходят к своему отцу и дали ему той воды живыя и молодыя. Он испил и стал лучше старины [9]. Вот приходит старичок к Ивану-царевичу — только оставалась одна хребетная кость; садится он под хребетную кость, прилетел ворон клевать, он ворона захватил за́ ногу и сказал: «Черное вороньё! К этой туше соберите косьё; буде не соберете, то весь род ваш выведу». Черное вороньё заревело, стали со всех сторон косьё снашивать; старичок стал складывать косточку к косточке, косьё склал, дунул — стало тело, другожды дунул — зашевелился, троижды дунул — вскочил добрый мо́лодец: «Ну, старичок! Как я призаспался».— «Кабы да не я, ты бы все еще спал!» Очнулся царевич — что нагой, и говорит старичку: «Одень меня!» Старичок дунул — он и оделся. Приходит Иван-царевич в Ефимьянское царство, нанялся в цареве кружале [10] сороковки [11] катать; рядил за работу себе два ведра в сутки вина зеленого, и живет так больно весело немало времени.

Царь-девица приходит под Ефимьянское царство на корабле, состроила мосты калиновые — на три грани испротесанные, по три гвоздя заколоченные; на концах были гульбища, по гульбищам были пташицы, пеливыпевали всякими словесами, разными голосами; поверх моста красным сукном устлано. И пишет она царю Ефимьяну: «Подай виноватого человека!» Царь посылает своего сына Павла: «Поди с ответом». Он разулся и пошел босиком — надо сукна не замарать; идет по́д гору. У царь-девицы было два сына — от Ивана-царевича народилися; говорят они: «Вот тот царевич идет, что живую воду взял!» — «Нет, не тот! Накормите его морскою кашею: не виноват — дак не ходи!» Взяли его о корабль хло-

[9] Т. е. стал лучше, чем был в прежнее время — в молодости.

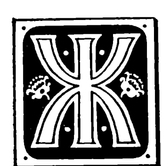
[10] *Кружало* — питейный дом, кабак (*Ред.*).

[11] Сороковые бочки.

понули; Павел-царевич едва с корабля ушел. Вторично пишет к царю Ефимьяну: «Подай виноватого человека!» Царь Ефимьян посылает другого сына, Федора; этот, пойдя, черевички с ног снял. «Надоть,— говорит,— красного сукна не замарать!» Завидя его, царь-девица тот же приказ отдала: накормить морскою кашею. «Не виноват — дак не ходи!» Едва с корабля живой ушел.

И грозно в-третьяжды пишет царю Ефимьяну: «Царь Ефимьян! Подай виноватого человека». Он не знает, кого послать, затужился и велел ярыжкам искать везде виноватого; а Иван-царевич, гуляя на кружале, говорит: «Видно, моя вина, нужна и моя голова! Пойдемте со мною, все пропоицы! Еще вас угощу и потешу. Во имя мое сукна рвите, пташиц берите и мосты ломите!» От того под горою гам сделался; у царь-девицы дети устрашилися и сказали ей, что неприятель подступает. А она в ответ: «Какой неприятель! То идет ваш тятька, у него тáкая ухватка!» Иван-царевич пришел на корабль, с царь-девицею обнялся, в уста поцеловался; она корабль от берегу отвалила и пошла в дивье царство, вышла за него там замуж, и стали они жить да быть, и теперь живут, хлеб жуют.

176



ил царь, у этого царя было три сына; говорит царь детям 104f
своим: «Привиделось мне во сне, что в некотором царстве, за триста земель, в трехсотенном государстве, есть Елена Прекрасная, и есть у ней живая и мертвая вода и моложавые яблоки; не можете ли вы, детки, достать?» Старшие два сына и говорят: «Благослови нас, батюшка! Мы пойдем доставать». Он их и благословил, и пошли они; а третий сын, восьмилетний, остался дома. Через два года стал и последний сын проситься, что «и я поеду за своими братьями; что-нибудь и я им помогу». И говорит отец: «Где же тебе с молодых лет идти на чужую сторону?» Потом подумал царь и отпустил его, и стал ему сын говорить: «Батюшка! Пожалуйте мне лошадку». Царь говорит: «Ну, поди — выбирай: у меня в конюшне пятьсот лошадей». Он пошел; которую лошадь ударит по крестцу, так и с ног долой упадет; из пятисот лошадей не выбрал ни одной по себе лошади и сказывает своему отцу, что «я, батюшка, у тебя не выбрал ни одной лошади; теперь пойду в чистое поле, в зеленые луга — не выберу ль по себе лошади в табунах?»

Пошел в чистое поле; долго-долго шел, на пустом месте стоит изобка[1], а в изобке сидит старая старуха. Спрашивает ее Иван-царевич: «Что, бабушка, не знаешь ли ты где табунов и нет ли в табунах хороших лошадей?» Ответ держит старуха: «На что же лучше — у твоего батюшки пятьсот лошадей!» Говорит Иван-царевич, что «у моего отца нету по мне ни одной лошади».— «Коли так, поди же ты, Иван-царевич, вот

[1] Изба.

здесь есть село, около села есть гора, на этой горе валяется богатырь заместо собаки; возьми ты спросись у попов: можно ли похоронить этого богатыря? Есть у богатыря конь за двенадцатью дверьми железными, за двенадцатью замками медными, на двенадцати цепях; один меч у него четыре человека на носилках носят». Попы взялись и похоронили этого богатыря; а Иван-царевич собрал поминальный стол и накупил всякого припасу из харчевого, вин, водок, столов и стульев, ножей и ложек. И отобедал народ православный; говорит Иван-царевич: «Бери, народ православный, что кому надобно!»

Тотчас зачали тащить, что кому надобно, и разнесли по домам; остался один Иван-царевич на горé, и гласит ему мертвый богатырь: «Благодарю тебя, млад Иван-царевич, что похоронил меня в честности, и дарю тебе своего коня: стоит он в казенном погребе за двенадцатью дверьми железными, за двенадцатью замками медными, на двенадцати цепях; дарю тебе и меч и латы мои. Если сможешь, владей на здоровье!» Иван-царевич пошел в казенный погреб и начал двери ломать; он кулаком дверь проломит, а лошадь цепь перервет. Так Иван-царевич все двери переломал, а лошадь все цепи перервала. И хотела эта лошадь на волю уйтить; но Иван-царевич ухватил ее за гриву и говорит: «Стой, конь, волчье мясо, сорокаалтынная кляча! Кому же на вас и ездить, как не нам, добрым мóлодцам?» Надел на коня узду, оседлал его; на себя наложил латы богатырские, в правую руку меч взял и начал мечом помахивать, ровно как гусиным пером.

Отправляется он в путь-дорогу; ехал много ли, мало ли время, все земли проехал и попал в трехсотенное государство, где только лес да вода. В лесу тропинка есть — только пешему пройти да верхом проехать; Иван-царевич пустился по той тропинке и приехал к избушке. Вошел в эту избушку; там живет красная девушка. Говорит ему девушка: «Куда тебя бог несет?» Отвечает Иван-царевич: «К твоей сестре, Елене Прекрасной,— достать живой и мертвой воды и моложавых яблоков да ее портрет».— «Садись же ты, добрый мóлодец, на моего летучего сокола; а своего коня у меня оставь». Сел он на сокола и полетел. Летел-летел, стоит еще избушка; вошел — в избушке сидит красная девушка. Спрашивает Иван-царевич: «Как бы мне проехать к твоей сестре, Елене Прекрасной?» Говорит девушка: «Садись на моего сокола, а своего у меня оставь, и прилетишь ты к ее дому; там стоят двенадцать церквей, и от всякой церкви всё шнуры натянуты. Постарайся ты, как можно, чтобы живо перелететь, за шнуры не зацепить».

Иван-царевич прилетел к дому Елены Прекрасной; вошел в одну горницу, потом в другую: в обеих девушки почивают — одна другой краше! Ступил в третью горницу, а там почивает сама Елена Прекрасная, и стоит у ней на столе живая и мертвая вода, и портрет ее тут же; а из этой горницы ход в сад, где моложавые яблоки. Иван-царевич взял живую и мертвую воду и портрет Елены Прекрасной, самоё ее облюбил; потом вскочил в сад, сорвал пять яблоков, завязал в платок и вышел из дому; сел на сокола и полетел, да как стал перелетать через шнуры, и говорит сам себе: «Что я за воин храбрый! Дай зацеплю за шнуры». Зацепил

за шнуры, и во всех церквах колокола зазвонили, и проснулась Елена Прекрасная и говорит: «Что такой за невежа был, квашню раскрыл и две полушки на смех положил!» Сейчас крикнула: «Подавайте моего доброго коня, я его на дороге догоню».

А Иван-царевич прилетел в избушку к Елениной сестре, переменил одного сокола на другого и опять вперед полетел. Вслед за ним и Елена Прекрасная к своей сестре приехала и говорит ей: «Для чего вы приставлены? Ничего не видите! Какой-то невежа был, мою квашню раскрыл, на покрышке две полушки положил». Отвечает сестра: «Я сама в дороге была, своего сокола запарила и здесь никого не видала». Елена Прекрасная опять поехала догонять Ивана-царевича; а Иван-царевич приехал в другую изобку и переменил сокола на богатырского коня. Приезжает Елена Прекрасная к другой сестре и говорит: «Что вы смотрите! Для чего вы здесь приставлены? У меня какой-то невежа был, квашню раскрыл — не покрыл, на смех две полушки положил». Отвечает сестра: «Изволь посмотреть моего сокола, весь в поту! Я сама из дороги сейчас приехала».

Иван-царевич приехал в третью изобку, и дала ему старуха платочек: «Если за тобой будут гнаться, то брось этот платочек». Приезжает к старухе Елена Прекрасная и говорит: «Что вы смотрите, для чего вы приставлены? У меня какой-то невежа был, квашню раскрыл — не покрыл, на смех две полушки положил». Отвечает старуха: «Я сама сейчас из дороги приехала».

Елена Прекрасная опять погналась в погоню за Иваном-царевичем и как стала догонять его, Иван-царевич бросил платочек — и сделалось ужасное море, что нельзя ни пройтить, ни проехать. Подъехала Елена Прекрасная к берегу и закричала через море: «Кто такой в моем царстве был, царь-царевич или король-королевич?» Отвечает Иван-царевич: «Я ни царь, ни король, а малолетний царский сын».— «Дожидайся ж меня! — сказала Елена Прекрасная.— Через двенадцать лет я к тебе буду на двенадцати кораблях».

Иван-царевич повернул прочь от моря и попал другою дорогою — не там, где прежде ехал, и прискакал к большому дому; въехал на двор, на дворе стоит столб точеный, у столба прибито кольцо золоченое; привязал своего коня к золоченому кольцу, дал ему белоярой пшеницы и пошел в горницу. Сидит в горнице красная де́вица и говорит ему: «Неладно, православный, ты сюда попал! Здесь живет ведьма, летает она по дорогам на соколе и ловит крещеный народ к себе на мытарства. Я сама заполонена здесь двенадцатый год; если ты возьмешь меня с собою, то я тебя добру научу: как прилетит ведьма да станет класть тебя на кровать, то смотри к стенке не ложись!» Вот прилетела ведьма и стала его к стенке класть; а он к стенке не ложится. «Мне,— говорит,— надо выходить к лошади». Ведьма сама легла к стенке, а Иван-царевич с краю, да тотчас отвинтил все три винта — ведьма и попала в погреб.

Взял он с собой красну де́вицу и поехал; много ли, мало ли места отъехал, видит — на дороге яма, и лежат около этой ямы два человека. Спрашивает Иван-царевич: «Что вы за люди и чего дожидаетесь?» —

«Ах, Иван-царевич! Ведь мы твои братья».— «Что ж вы, братцы, высматривали?»— «Да вот здесь прекрасная девушка посажена». Сказал им Иван-царевич: «Возьмите-ка, братцы, у меня да подержите живую и мертвую воду и моложавые яблоки, а меня опустите в эту яму; я вам достану оттудова прекрасную девушку. Как скоро вы девушку вытащите, опущайте за мной веревку». Тотчас опустился Иван-царевич в яму, добыл там прекрасную девушку и привязал ее за веревку. Большие братья-царевичи начали тащить, вытащили девушку и говорят: «Не станем к нему опущать веревку; теперь у нас все есть: живая и мертвая вода, моложавые яблоки, и портрет Елены Прекрасной, и по невесте на каждого». Задумали они взять и коня Ивана-царевича; стали его ловить, а конь им не дается; так и не поймали!

Вот старшие братья пошли к своему отцу домой; а Иван-царевич в той яме так слезьми и обливается. Ходил он там много ли, мало ли время и пришел на нижний свет. Усмотрел избушку, в той избушке сидит старая старуха, и говорит Иван-царевич: «Нельзя ли как-нибудь, бабушка, доставить меня на верхний свет?» Отвечает ему старуха: «Нет, батюшка Иван-царевич, нельзя никак! Разве вот как: у нашего царя есть три дочери, и берут его дочерей змеям на съедение; коли ты царю поможешь, он тебя тож не оставит. Поезжай с богом; я тебе дам свою лошадь, и латы, и меч».

Иван-царевич оседлал быстрого коня, надел на себя чугунные латы, взял в руки меч и поехал к тому месту, куда змей прилетает. Приехал, а там уж давно сидит царевна на камушке и лютого змея дожидается. Спрашивает ее Иван-царевич: «Что ты, царевна, здесь дожидаешься?» Говорит она печально: «Уйди, добрый мо́лодец! Привезли меня сюда змею на съедение».— «А ну, поищи у меня в голове; а как только в море волны заколыхаются, сейчас меня разбуди». Лег к ней на колени и заснул. Волны в море заколыхалися, красная де́вица начала будить Ивана-царевича и никак не может его разбудить. С великого горя капнула у ней слеза из глаз и попала царевичу на щеку; он проснулся и говорит: «Ах, как ты меня своей слезой обожгла!»

Прилетел змей осьмиглавый поедать царскую дочь и говорит Ивану-царевичу: «Ты зачем здесь, блоха рубашная?» А Иван-царевич говорит змею: «А ты зачем, гнида головная? Крещеный народ поедаешь, а сыт не бываешь!» — «Я и тебя съем!» — «Нет, попробуй прежде с сильными, могучими плечьми побарахтаться». Говорит змей: «Делай мост по́ морю, и пойдем с тобой воевать».— «Экий! Ведь я крещеный человек, а ты некрещеный; делай ты мост». Змей только дунул, и сделался по́ морю ледяной мост. Поехали они воевать. Змей разъехался и ударил Ивана-царевича — только шапку ему с головы свалил; а Иван-царевич разъехался на своем богатырском коне и ударил змея — сразу его убил. Сейчас соскочил с своего коня и положил этого змея под камень; подъехал к красной де́вице прощаться, и дала ему царская дочь на память свое кольцо золотое. В то самое время был от царя послан Макарка плешивый, косорукий — убрать дочерние косточки, когда змей улетит. Макарка видел, как Иван-царевич змея убил; прибежал к царевне и говорит: «Скажи сво-

ему отцу, что я тебя от смерти спас; а не то — сейчас тебя убью!» Она испугалась и сказала: «Хорошо, будь по-твоему!» Приехали во дворец, говорит царю Макарка: «Я твою дочь спас, змея убил и под камень положил».

Спустя несколько времени присылает другой змей к царю приказ, чтобы привозил свою дочь к нему на съедение. Макарка говорит царю: «Дай мне саблю хорошую, я опять змея убью!» И повез он другую царскую дочь змею на съедение; привез и посадил ее на камень, а сам взлез на самую высокую сосну. Сидит она на камне да слезьми обливается; приезжает Иван-царевич, слез с коня, сел около девушки и говорит: «Поищи у меня в голове, а как только в море волны заколыхаются, сейчас меня разбуди!» Вот заколыхались в море волны, стала она будить его и не могла добудиться, покуда не капнула ему на щеку горячая слеза. Он проснулся и говорит: «Как ты меня долго не будила!» Прилетел змей десятиглавый и говорит Ивану-царевичу: «Что ты, блоха рубашная, поворачиваешься»? А Иван-царевич говорит змею: «А ты что, гнида головная, сюда приезжаешь да народ крещеный поедаешь?» — «Я и тебя съем!» — «Нет, попробуй сперва повоевать со мной!» — «Ну, делай мост по́ морю».— «Я человек крещеный, а ты некрещеный; делай ты!»

Змей только дунул, и сделался ледяной мост. Вот они поехали воевать. Змей разъехался и ударил Ивана-царевича — он только пошатнулся, сидя на лошади; а Иван-царевич как ударил змея своим мечом, так и снес ему пять голов долой; потом еще ударил — и убил змея до смерти. Дала ему царевна золотое кольцо; он взял и уехал домой к старушке. Тут Макарка плешивый, косорукий слез с сосны, взял свою саблю, об камень бил-бил, бил-бил, до самой ручки изломал; пришел к царевне и говорит: «Смотри ты, скажи своему отцу, что я тебя от смерти спас, а не то убью тебя!» Приехали они во дворец, и говорит Макарка царю: «Я твою дочку от смерти спас; вот как я постарался, всю саблю изломал!» Царь обещался отдать за него свою младшую дочь замуж.

Потом пишет двенадцатиглавый змей, требует царскую дочь на съедение. Макарка повез третью царевну змею на съедение, посадил ее на камень, а сам со страстей взлез выше прежнего на дерево. Царевна сидит да горько плачет; приезжает к ней Иван-царевич и говорит: «Поищи у меня в голове, а как в море волны заколыхаются, сейчас меня разбуди!» Вот волны заколыхалися, стала она будить его; он вскочил и сел на своего доброго коня. Прилетел змей о двенадцати голов и говорит: «Ты что здесь, блоха рубашная, толкаешься?» — «А ты что, гнида головная, сюда прилетаешь, только народ поедаешь?» — «Я и тебя съем!» — «Нет, давай-ка могучими богатырскими плечьми побарахтаемся». Говорит змей: «Ты думаешь: моих братьев убил, так и меня убьешь? Нет, брат, не таковский я!»

Вышли они на́ поле и зачали воевать. Иван-царевич как разъехался на своем коне, так змею и снес шесть голов; змей и просит: «Дай мне отдохнуть!» А лошадь Ивана-царевича говорит: «Не давай ни одной минуты отдыхать!» Он еще мечом ударил и убил змея до смерти. Царевна подарила ему свое золотое кольцо; Иван-царевич взял змея, положил под

камень, а сам к старухе поехал. Макарка мигом слез с дерева, взял царевну и повел к царю. Царь так возрадовался, что и сказать нельзя; благодарит Макарку, созывает к себе весь народ православный и с музыкою и говорит: «Кто будет играть, тому на радостях много пожалую».

Собрался весь народ и все музыканты; а Иван-царевич купил себе трехалтынную балалайку, пришел к царю в дом и так заиграл, что весь мир-народ удивился; его балалайка бренчит-выговаривает: «Девушка, девушка! Не забудь же меня на чужой стороне». Стали ему царские дочери водку подносить; он выпил у одной царевны и бросил в стакан золотое кольцо — то самое, что она подарила; выпил у другой — то же сделал; выпил у третьей, стал кольцо вынимать... Тут царевны его признали, в один голос закричали: «Вот кто нас избавил, а не Макарка плешивый!» Макарка заспорил, говорит, что «это я всех змеев убил; пойдемте, я вам покажу, куда змеиные тела поклал». Пошли смотреть. Макарка хотел камень поднять, силился-силился и не мог поднять. «Ах,— говорит,— как камень-то сел!» А Иван-царевич подошел, сейчас камень поднял и тела и головы змеиные показал. Царь приказал Макарку из пушек расстрелять.

Тогда Иван-царевич стал царя просить, чтобы доставил его на верхний свет; царь приказал позвать птицу-сокола и велел соколу Ивана-царевича на тот свет доставить. Сокол говорит царю: «Давай мне четыре дощана говядины, чтобы во всяком дощане было сто пудов». Царь заготовил говядины; сокол привязал к себе четыре дощана говядины, посадил на себя Ивана-царевича и полетел; летел-летел и зачал просить есть. Иван-царевич и начал ему кидать, всю говядину раскидал, а он опять просит; царевич зачал ему кидать пустые дощаны, покидал и те — он все просит; начал кидать свое платье, и то раскидал, нечего стало бросать больше, а сокол все-таки просит. «Не то,— говорит,— на низ опущусь!» Иван-царевич оторвал свои икры и бросил ему, сокол съел и вылетел с царевичем на верхний свет; тут сокол кашлянул и выкинул его икры и платье.

Вот Иван-царевич пришел к своему отцу, поздоровался; отец и говорит: «Что, сынок, я тебе говорил: не ходи! А вот старшие твои братья принесли мне всего: и живой воды, и мертвой, и моложавых яблоков, и портрет Елены Прекрасной». Иван-царевич отвечал своему отцу: «Что же делать? Их счастье!»

Прошло двенадцать лет, приезжает Елена Прекрасная по́ морю на двенадцати кораблях и два сына с собой привезла. Как только приплыла она, зачала в пушки палить и говорит: «Подайте мне виноватого!» Дунула Елена Прекрасная, и сделался от ее кораблей и до царского дворца хрустальный мост. Говорит царь своим большим сыновьям: «Ступайте, дети! Должно быть, вы виноваты». Вот они и пошли по хрустальному мосту; посмотрела Елена Прекрасная в подзорную трубку и говорит своим детям: «Подите, детушки, проводите вы своих дядюшек в два прутика железные». Они пошли, как зачали их прутьями пороть, только дай бог ноги унести! Насилу царевичи до своего дворца дошли.

Елена Прекрасная опять зачала из пушек бить. «Подавайте,— говорит,— виноватого!» Вот царь стал посылать меньшего сына: «Должно быть, это ты, Иван-царевич, начудил!» Иван-царевич пошел по хрустальному мосту; смотрит Елена Прекрасная в подзорную трубку и говорит: «Подите, детушки, возьмите своего батюшку под ручки и ведите сюда с честью». После того вышла Елена Прекрасная за Ивана-царевича замуж, и рассказал Иван-царевич своему отцу, как братья опустили его в яму и как взяли у него живую и мертвую воду, моложавые яблоки и портрет Елены Прекрасной. Царь приказал их сейчас из пушек убить; вывели их, рабов божиих, в чистое поле и казнили. А Иван-царевич стал жить с Еленой Прекрасною.

177

некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; 104g
у него было три сына: Дмитрий, Иван и Василий царевичи. Отец у них ослеп и говорил своим сыновьям: «Дети мои возлюбленные! Сходите к Соньке-богатырке[1] за живой водой и мертвою — мне глаза лечить». Старший и середний сыновья пошли доставать живой и мертвой воды, а младший сын дома остался. Отец долго ждал своих старших сыновей, но никак не мог дождаться и стал говорить младшему: «Сын мой любезный! Я теперь стал стар и слеп, а твоих братьев никак не могу дождаться». То младший сын Василий-царевич стал говорить отцу: «Батюшка! Благослови меня, я пойду братьев искать». Отвечал на то царь: «Нет, друг мой, ты еще молод; да притом же с кем я останусь? Всех я распустил, только ты один у меня остался».— «Ну, батюшка, хоть благословишь, хоть нет, а я всячески пойду». Отец благословил его, и он отправился во путь-дороженьку отыскивать своих братьев.

Долго ли, коротко ли — приходит Василий-царевич к кузнице; в той кузнице восемь мастеров работают — молодец к молодцу! Василий-царевич говорит им: «Бог помочь, добрые ребята!» — «Добро жаловать, Василий-царевич!» — «Скуйте-ка мне, добрые мóлодцы, палицу в двадцать пудов». Мóлодцы стали дуть, ковать, с лопаты на лопату переваливать и сковали палицу в четыре часа. Василий-царевич взял палицу, вышел за кузницу, бросил вверх и подставил мизинец — палица пополам сломилася; пришел в кузницу и говорит: «Нет, братцы, эта палица мне не по руке! Скуйте мне палицу в сорок пудов». Мóлодцы стали дуть, ковать, с лопаты на лопату переваливать и сковали палицу в шесть часов. Василий-царевич вышел за кузницу, бросил палицу вверх и подставил колено — палица пополам переломилася. Он приходит в кузницу и опять говорит: «Эта палица, братцы, мне не по руке! Скуйте мне палицу в шестьдесят пудов».

[1] Игра слов: имя *Сонька*, уменьшительное от *Софья*, дано в сказке красной девице с умыслом, потому что она проспала и живую воду и свою девичью честь.

Мо́лодцы стали дуть, ковать с лопаты на лопату переваливать и сковали палицу в восемь часов. Василий-царевич вышел за кузницу, бросил палицу вверх и подставил голову — палица только погнулась; пришел в кузницу и говорит: «Ну, братцы, палица эта мне по руке!»

Выбросил деньги за палицу и пошел во путь-дороженьку; шел-шел, низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли, приходит к мостику. Ходит тут по́ лугу конь; взял Василий-царевич рассолил воду в реке, стал конь пить и до половины не выпил. «Нет,— говорит царевич,— этот конь не по мне!» Пошел Василий-царевич близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, приходит опять к мостику. Ходит по́ лугу другой конь; Василий-царевич рассолил в реке воду, конь стал пить и выпил до половины. «Нет,— говорит,— и этот конь мне не по плечу!» Пошел Василий-царевич в путь-дорожку, шел низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли, и опять приходит к мостику. Ходит по́ лугу конь необыкновенной красоты, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Василий-царевич взял рассолил воду в реке, и конь выпил всю досуха. Ну, этот конь ему очень понравился; подбежал Василий-царевич и вскочил на него верхом. Конь начал возить его по мхам, по болотам, хочет совсем свалить; а Василий-царевич знай бьет его своей палицей. Вот конь усмирился и вымолвил: «За что, добрый мо́лодец, бьешь меня? Чего тебе от меня хочется?» — «Сослужи мне службу, свези меня к Соньке-богатырке — достать живой и мертвой воды». Стал говорить добрый конь: «Гой еси, Василий-царевич! Дай мне погулять трое суток да три зари вечерних, три зари утренних покататься по свежей траве». Василий-царевич отпустил коня, а сам спать лег и проспал три зари утренних да три зари вечерних. Прибежал конь, стал будить его: «Что ты так долго спишь, Василий-царевич? Пора в дорогу ехать».

Он встал, сел на коня и поехал; приезжает к Соньке-богатырке — надо подняться на сто сажен вверх. «Смотри, любезный конь, не зацепи копытом ни за одну струну!» Конь поднялся, перескочил через стены, ни одной струны не задел. Василий-царевич слез с коня и пошел в дом; входит в спальную, Сонька-богатырка спит крепким сном. Он взял вынул из-под подушки ключи, достал воды и живой и мертвой: два пузырька мертвой воды положил в карман, а два пузырька живой воды подвязал себе под мышки. Вышел на двор, сел на коня и сказал: «Любезный конь! Поднимись выше, ни за одну струну не зацепи, только зацепи за последнюю». Конь зацепил за последнюю струну — тотчас струна забренчала, и колокола зазвенели. Сонька-богатырка проснулась и говорит: «Какой это невежа у меня был?»

Василий-царевич приехал к морю; видит, что его братья корабли строят, и спрашивает: «Что вы, братцы, здесь делаете?» — «Строим корабли, чтобы ехать за живой водой и мертвою».— «Воротитесь лучше домой! Я везу отцу и живой воды и мертвой». Сказал это Василий-царевич, лег отдохнуть, да и заснул; братья взяли у него из кармана два пузырька, а его спихнули в помойную яму. Прошло два-три часа, Василий-царевич проснулся и думает: «Господи! Где я нахожусь?» Увидел при себе свою палицу и сказал: «Ну, слава богу, еще не совсем пропал!» Взял поставил

палицу, уперся на нее и выскочил вон из ямы. Пошел добрый мо́лодец путем-дорогою к своему царству; между тем его братья домой приехали и принялись отца мертвой водою вспрыскивать; сколько ни прыскали — нет толку и на копейку! Старшие царевичи не знали, что и делать. После того пришел меньшой царевич, вспрыснул отца живой водой — и он стал видеть лучше прежнего, начал благодарить Василья-царевича и отказал ему все свое царство.

178

а водах, на землях, на русских городах был царь; у него было 104h
три сына, последний сын Иван-царевич. При том царстве была гора, на которую никто не мог ни сходить, ни съездить. Слышит царь: на горе стук стучит и гром гремит, а отчего — неизвестно, и посылает своего первого сына узнать, отчего на горе стук стучит и гром гремит. Взъехал первый сын только до треть горы и воротился назад; приехал к отцу и говорит: «Государь мой батюшка! Ездил я по твоему наказу, насилу мог подняться до треть горы». Спустя несколько времени отправлял царь среднего сына, который доехал до половины горы, а более не смог и воротился назад. Потом посылает царь меньшего сына, Ивана-царевича.

Иван-царевич выбрал себе на царских конюшнях доброго коня, простился с отцом и в минуту из глаз скрылся; взъехал на́ гору, словно сокол взлетел, и увидел там — двор стоит. Слезает Иван-царевич с своего доброго коня и входит в избу; сидит в избе на стуле старая баба-яга и прядет тонкий шелк. «Здравствуй, старая баба-яга!» — говорит Иван-царевич. «Здравствуй, добрый мо́лодец! Доселева русской коски видом не видано, слыхом не слыхано, а теперича сама на двор пришла». И стала его спрашивать: «Каких ты родов, каких городов и какого отца сын?» Отвечает ей Иван-царевич: «Я русского царя сын, Иван-царевич; еду на ваши горы узнать, что за стук стучит и гром гремит?» Сказала ему баба-яга: «То у нас на горах стук стучит и гром гремит, что красная краса, черная коса царь-девица катается».— «Далеко ли до той царь-девицы?» — спросил Иван-царевич. «Еще два столька, сколько ты проехал!» — сказала баба-яга, напоила его, накормила и спать повалила; а поутру Иван-царевич вставал ранехонько, простился с старой ягой-бабой и поехал вперед.

Ехал он ровно четыре месяца, видит — двор стоит; сошел с своего коня, вошел в избу, а в избе сидит старая баба-яга. «Здравствуй, баба-яга!» — сказал Иван-царевич. «Здорово, дитятко! Далеко ли твой путь? Как тебя бог занес?» Он ей все рассказал; баба-яга его напоила-накормила и спать повалила, а поутру Иван-царевич встает ранехонько, простился с бабой-ягой и поехал вперед. Опять ехал ровно четыре месяца и видит — стоит двор; слезает с своего доброго коня, входит в избу, а в избе сидит баба-яга. «Здравствуй, старая баба-яга!» — сказал Иван-царевич. «Здравствуй, Иван-царевич! Куда тебя бог понес?» Он ей все рас-

сказал, куда и зачем едет. «Были к нашей царь-девице многие цари и царевичи,— сказала баба-яга,— а назад в живых не выезжали! У нее круг града стены высокие, а на стенах натянуты струны, и ежели ты заденешь хоть за одну струну, то вдруг струны запоют, барабаны забьют, возмутятся все богатыри и караульные и тебя убьют».

Выждавши темной ночи, садился Иван-царевич на своего коня, и скакал его добрый конь за стены высокие, не задевал ни за одну струну. Сошел Иван-царевич с коня,— а богатыри и караульные в то время все спали,— и пошел прямо в палаты царские — в спальню царь-девицы; царь-девица тож спала. Засмотрелся добрый мо́лодец на ее красоту неописанную и, забывая, что смерть за плечами, сладко поцеловал ее. Вышел из спальни вон, сел на своего доброго коня и поехал из града вон; конь поднялся и задел за натянутые струны. Тотчас струны загудели, барабаны загремели, богатыри, караульные и вся армия возмутилися, а красная краса, черная коса царь-девица пробудилась и узнала, что кто-то у ней в спальне был и что от того она сделалась беременною. Приказывает она заложить карету, берет провианта на целый год и поехала вслед за Иваном-царевичем. Доехала до старой яги-бабы и весьма сердито ей говорила: «Зачем ты этакого человека не хватала? Заехал он в мое царство, осмелился ко мне в спальню зайти да меня целовать». Отвечает ей баба-яга: «Я этого человека сдержать не могла, да и тебе едва ль его схватать!» Царь-девица поехала дальше достигать и доехала до средней яги-бабы: «Для чего ты этакого человека не держала?» Отвечала ей старая баба-яга: «Где мне, старой бабе, доброго мо́лодца удержать? Да и ты едва ли можешь его догнать!»

Опять пустилась в дорогу царь-девица; не доехала немного до старшей бабы-яги и родила сына. Рос ее сын не по годам, а по часам: у кого трех месяцев, у нее такой трех часов; у кого трех годов, у нее такой трех месяцев. Приехала до последней яги-бабы и спрашивала: «Почто ты доброго мо́лодца не хватала?» — «Где мне, старой бабе, доброго мо́лодца схватать?» Не маня[1] нисколько, бросилась царь-девица вперед, доехала до горы и увидела, что Иван-царевич спускается в половине горы, и сама опустилась за ним по́д гору. Подъезжает под его царство — расставляла шатры белые, устилала всю дорогу к городу сукнами красными и посылала к царю посланника с просьбою: «Кто бы ни был из его царства, кто в ночное время зашел к ней в палаты, чтобы такового царь ей выдал. Ежели не выдашь, то все твое царство попленю, огнем сожгу, головней покачу».

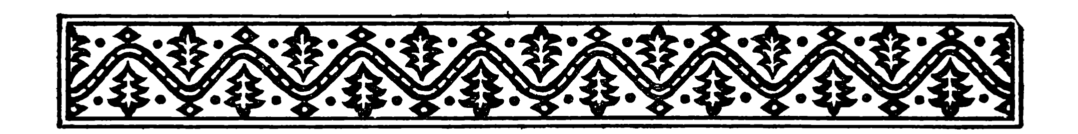
Призывает царь своего старшего сына, посылает его на ответ к царь-девице. Пошел царевич и доходит до тех мест, где постланы были сукна красные, вымывает ноги белехонько и идет босиком. Увидал его сын царь-девицы и говорит своей матери: «Вон идет мой батюшка!» — «Нет, любезный сын! То идет твой дядюшка». Как скоро старший царевич пришел к царь-девице, она дала ему одну стежь[2] и вышибла из спины два су-

[1] Не медля.
[2] Удар прутом или плетью.

става: зачем-де идет невинно отвечать? На другой день опять потребовала от царя виноватого; царь посылает среднего своего сына. Царевич доходит до сукон красных, скидает с ног сапоги и идет босиком. Царь-девица дала ему стежь и вышибла из спины два сустава.

На третий день посылает царь меньшего своего сына, Ивана-царевича. Иван-царевич садится на своего доброго коня, доезжает до тех сукон красных и все сукна в грязь вбивает. Увидал его сын царь-девицы и говорит своей матери: «Что за дурак едет!» — «Любезный сын! Едет то твой батюшка»,— отвечала царь-девица; выходила сама навстречу, брала его за руки белые, целовала его в уста сахарные и вела его в шатры белые, садила за столы дубовые, кормила и поила досыта. Потом поехали они к царю и приняли законный брак и, побыв недолгое время в этом царстве, отправились на кораблях во владенье царь-девицы; там они царствовали долго и благополучно.

ПРИЛОЖЕНИЯ



Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков

А. Н. АФАНАСЬЕВ И ЕГО СОБРАНИЕ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Имя Александра Николаевича Афанасьева стоит в одном ряду с именами выдающихся русских ученых XIX в. Его плодотворная деятельность отличалась замечательной многосторонностью. Он проявил себя как вдумчивый историк культуры и исследователь русской литературы, правовед, этнограф, фольклорист и журналист. Особая заслуга принадлежит Афанасьеву — составителю сборника народных русских сказок. Афанасьевский сборник (8 выпусков, 1855—1863) — выдающееся издание не только отечественной, но и мировой фольклористики. Явившись первым и пока единственным сводом русских сказок, в котором они представлены наряду с украинскими и белорусскими, сборник положил начало научному собиранию и изучению восточнославянской сказки и стал поистине народной книгой, сыгравшей исключительную роль в воспитании не одного поколения читателей.

* * *

А. Н. Афанасьев родился 11 июля 1826 г. в уездном городке Богучары Воронежской губернии в семье мелкого судейского чиновника [1]. Года через три после его рождения отец получил назначение на новое место службы — в город Бобров той же Воронежской губернии, куда переехала и вся семья. Здесь прошли детские годы Афанасьева, здесь он научился грамоте, приобщился к книге, отсюда в 1837 г. уехал в Воронеж, чтобы продолжить образование в тамошней гимназии. Жизнь до гимназии Афанасьев впоследствии живо изобразил в своих воспоминаниях, напечатанных в «Русском архиве» (1872, № 3—4, стб. 809—852) [2].

Из этих воспоминаний видно, что несомненным и заслуженным авторитетом в семье Афанасьева пользовался отец (мать скончалась вскоре

[1] Библиография работ, посвященных жизни и деятельности А. Н. Афанасьева, см. в конце статьи, с. 427—428.

[2] Перепечатано в качестве предисловия к сб.: *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды под ред. И. П. Кочергина. Казань, 1914, с. VII—XLI; в дальнейшем цитируется по этому источнику: *Афанасьев.* Воспоминания; по тому же источнику и в том же сокращении цитируются и воспоминания Афанасьева о студенческой жизни, переп. Кочергиным (с. XLII—LXXX) из «Русской старины» (1886, № 8, с. 357—394).

после рождения маленького Саши). Воспитанный «на медные деньги», он «уважал образование в других», любил читать, постоянно интересовался журналами того времени («Библиотекой для чтения», «Отечественными записками», «Москвитянином» и др.) и некоторые из них выписывал. По словам Александра Николаевича, его отец «справедливо почитался за самого умного человека в уезде, и к нему многие обращались в важных юридических случаях за советами» [3].

После того, как Саша научился дома читать и писать, он вместе со старшим братом и другими детьми уездных чиновников продолжил учение поочередно у двух попов, и того и другого звали Иваном. «И первый, и второй отцы Иваны,— вспоминает Александр Николаевич,— были люди вовсе не злые; но, воспитанные в семинарии, они были знакомы только с суровым духом воспитания и вполне поясняли нам, что корень учения горек» [4].

С детства он любил слушать сказки и читать книги. «Чтение это,— вспоминал Александр Николаевич,— сменило для меня сказки, которые бывало, с таким же наслаждением и трепетом слушал я прежде по вечерам, в углу темной комнаты, от какой-нибудь дворовой женщины» [5]. Страсть к чтению, однако, не изгладила ярчайшего впечатления от народных устных сказок, и любовь к ним Афанасьев сохранил до конца своей жизни.

В 1837 г. Афанасьев поступает в воронежскую гимназию и проходит полный семилетний курс обучения. О пребывании в гимназии он вспоминает дважды — в цитированных автобиографических записках и в статье «Кольцов и воронежские педагоги», напечатанной за подписью «И. М-к» [6].

Воронежская гимназия конца 30-х — начала 40-х годов XIX в. мало чем отличалась от других подобных учебных заведений России того времени. Казенщина и схоластика сковывали ум и творческую инициативу учащихся. «Розги и своеручная расправа, не щадившая ни ушей, ни волос виновного,— пишет Афанасьев,— почитались необходимыми атрибутами учения: корень его действительно был горек и старинное правило Домостроя: «учащай раны и сокрушай ребра» представлялись единственною мерою изгнать дух непокорства и лености» [7]. И нет ничего удивительного в том, что для инспектора редкий день проходил без того, чтобы он не водил человек по 15 гимназистов в канцелярию «кормить березовой кашей» [8].

Страстное стремление к знаниям побуждало юношу к усиленным самостоятельным занятиям, особенно по русской словесности, преподавание которой в гимназии никак не могло удовлетворить развитого и любознательного ученика. Как и в ранние детские годы, чтение оставалось

[3] *Афанасьев*. Воспоминания, с. X—XI.
[4] Там же, с. VII.
[5] Там же, с. XII—XIII.
[6] Русская речь, 14 декабря, 1861 г.
[7] Там же.
[8] Там же.

любимейшим его делом. Однако и выбор книг, и сама направленность чтения теперь существенно изменились. Легкое чтение отошло на задний план, а на первый выдвинулась серьезная художественная литература.

Приезжая во время школьных каникул в город Бобров, он погружался в мир книг. Библиотека деда, периодические издания: «Библиотека для чтения», постоянно выписываемая отцом, «Отечественные записки», «Москвитянин», «Пантеон», «Репертуар русской сцены», которые доставал у знакомых,— все это было «обильным источником для утоления его страсти к чтению, которому он посвящал все свое время, уделяя для отдыха лишь непродолжительные вечерние часы на какой-нибудь час после обеда. Чтением занимался он, очевидно, не ради простого только развлечения или приятного препровождения времени, потому что всегда имел при себе бумагу и карандаш и аккуратно записывал свои заметки и все такие записи тщательно оберегал» [9].

В 1844 г. Афанасьев одним из первых оканчивает гимназию и в том же году, сдав, по его выражению, «с грехом пополам» вступительные экзамены, поступает в Московский университет на юридический факультет [10]. Выбор факультета, по всей видимости, произошел не без влияния отца, авторитет которого в глазах А. Н. был всегда высок и неколебим. В начале пребывания в Москве Афанасьев глубоко переживает чувство одиночества юноши, впервые очутившегося в большом городе без родных и знакомых. «Но скоро,— признается он,— я свыкся с Москвою и с юношеским жаром привязался к университету. Для меня в эту эпоху все было погружено в жизни университетской, ею одною была полна и моя собственная жизнь» [11].

Четыре года пребывания в Московском университете (1844—1848) прошли для Афанасьева в неустанном повседневном труде. Жажда знаний, любовь к науке помогли ему самоотверженно переносить многочисленные трудности и невзгоды напряженной студенческой жизни. Особенно одолевали его материальные лишения. И хотя отец из своего скромного заработка стряпчего и выделял сыну немного денег, их едва-едва хватало на пропитание. Несмотря на это, молодой человек, экономя во всем, еще умудрялся часть денег тратить на книги, закладывая тем самым в студенчестве основу своей будущей уникальной библиотеки, и даже покупает билеты в театр.

Московский университет той поры представлял собой один из центров духовной жизни не только Москвы, но и всей России. В нем сохранялись традиции герценовского и других политических кружков 20—30-х годов, шла острая идейная борьба между славянофилами и представителями официальной народности, с одной стороны, и западниками — с другой.

[9] Из письма брата Афанасьева Н. Н. Афанасьева к А. Е. Грузинскому.— *Грузинский А. Е.* А. Н. Афанасьев (биографический очерк).— В кн.: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1897, т. I. В дальнейшем ссылки на это издание даются в сокращении.— *Грузинский.* Афанасьев.

[10] *Афанасьев.* Воспоминания, с. XLII.

[11] Там же.

О том, что Афанасьев в студенческие годы не стоял в стороне от передового общественного движения свидетельствует «Дневник», который он начал тогда вести. Соглашаясь с Белинским, осуждавшим Гоголя,— автора «Выборных мест из переписки с друзьями»,— Афанасьев 26 октября 1848 г. отметил в «Дневнике»: «Рассказывают о нем, что наконец-то образумился и сам недоволен своей «Перепискою». Дай-то бог, а плохо верится» [12]. Летом 1848 г. Афанасьев в «Дневнике» выразил возмущение тем, что русская пресса не почтила память «неистового Виссариона» некрологом, и сочувственно отозвался о нелегально распространявшемся «Письме к Гоголю»: «Белинский умер, и никто не посмел написать в память ему критического некролога. По смерти друзья его пустили в ход его письмо к Гоголю, по поводу «Переписки», и письмо это в рукописях проникло в разные слои и в самые отдаленные края» [13].

Университетские преподаватели Афанасьева подробно и красочно охарактеризованы в его «Воспоминаниях». Ближе всего он сошелся с молодым адъюнктом К. Д. Кавелиным, впервые приступившим к чтению лекций на юридическом факультете в 1844 г. Афанасьев был в числе его первых слушателей. «Кавелин излагал живо и просто,— вспоминает Афанасьев,— лекции его, хотя далеко не представляли подробного собрания фактов, нравились нам потому, что были исполнены мысли» [14]. Привлекали Афанасьева в Кавелине и человеческие качества — ум, живой характер, умение сблизиться с людьми, благородство, доброта, увлеченность...

За год до окончания университета Афанасьев впервые выступил в печати с большой статьей «Государственное хозяйство при Петре Великом» («Современник», 1847, № 6—7), а в самый канун выпуска — в сентябре 1848 г.— по поручению кафедры истории русского законодательства в числе лучших студентов прочитал лекцию «О влиянии государственного (самодержавного) начала на развитие уголовного права в XVI и XVII столетиях на Руси» [15]. Лекция была прочитана в присутствии министра народного просвещения графа Уварова, ревизовавшего Московский университет с главной целью — предупредить просачивание в его стены «крамольных» идей французской революции 1848 г. и направить учебный процесс исключительно в рамки официальной идеологии.

Вряд ли прав А. Е. Грузинский, утверждая, что «не имеется положительных оснований приписывать Афанасьеву в это время виды на кафедру профессора: во всяком случае, ему прежде всего нужно было материальное обеспечение». Такое противопоставление не может быть принято всерьез: научно-педагогическая деятельность явилась бы для Афанасьева, пожалуй, самым верным и надежным выходом из материальных затруднений. Мы не исключаем также желания самой кафедры истории русского

[12] *Лазутин С. Г.* Дневник А. Н. Афанасьева.— Подъем, 1973, № 4, с. 157.
[13] Там же.
[14] *Афанасьев.* Воспоминания, с. LI.
[15] В отзыве М. П. Погодина («Москвитянин», 1848, ч. V, № 9, с. 7) лекция эта получила другое название: «Краткий очерк общественной жизни русских в три последние столетия допетровского периода».

законодательства видеть в своем составе способного кандидата. Дело было не только в том, что Афанасьев «не догадался сейчас же согласиться» с несколькими замечаниями графа Уварова по прочитанной лекции. Но и в явно неприязненном отношении к нему реакционной профессуры в лице Погодина и Шевырева. В упоминавшемся отзыве на лекцию Афанасьева Погодин писал: «Афанасьев явился полным представителем новых, как говорят, воззрений на русскую историю. «Москвитянин» имеет мнение о ней почти противоположное, известное читателям, а потому удерживается говорить о чтении, как судья, может быть, пристрастный» [16]. Несмотря на кажущуюся объективность, этот отзыв не мог не насторожить того же Уварова, склонного усматривать за всем «новым» нечто такое, что идет вразрез с официальной политикой, и не сделать соответствующих выводов.

По поводу лекции Афанасьев записал в «Дневнике»: «Шевырев и с собратией нашли в ней [лекции] то, чего в ней не было и быть не могло. Весьма благодарен, что печатно отозвался он о моей лекции с равнодушным хладнокровием [17], а в непечатных отзывах, по слухам, куда [как] не доставало этого хладнокровия».

Утратив надежду стать преподавателем университета, Афанасьев пытается, но неудачно, занять место учителя законоведения в Московской практической академии коммерческих наук, а затем поступает в частный пансион Эннеса, где преподает русскую историю и русскую словесность. Близкое участие в судьбе Афанасьева принимал К. Д. Кавелин. И когда его хлопоты об устройстве Афанасьева в Лазаревский институт восточных языков не увенчиваются успехом, он обращается к нему с письмом, в котором советует заняться историей допетровской Руси и дает ряд практических советов [18].

Грузинский, почти полностью воспроизводя письмо Кавелина [19], заключает: «Но Афанасьев не вышел на эту дорогу, на которую звал его Кавелин: «склонность стать археологом [археографом], которую замечал в нем последний и которую считал противоречащей натуре Афанасьева, стала в это время брать верх, и Афанасьев делается если не археологом быта, то археологом народного творчества и верований» [20].

В 1849 г. ему удается при содействии Кавелина поступить на службу в Московский Главный архив министерства иностранных дел и уже в 1855 г. занять должность правителя дел Комиссии печатания государственных грамот и договоров, в каковой он и пробыл до 1862 г. Тринадцатилетний период службы Афанасьева в Архиве был для него самым счастливым и плодотворным. Служба обеспечивала его и его семью ма-

[16] Там же, с. 8.
[17] Афанасьев ошибочно приписывает статью в «Москвитянине» Шевыреву, автор ее М. П. Погодин (см. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1886, кн. X, с. 137—145, 148).
[18] Письмо К. Д. Кавелин отправил из Петербурга, куда он на время переехал в 1848 г.
[19] *Грузинский.* Афанасьев, с. XVI—XVIII.
[20] Там же, с. XVIII.

териально и оставляла достаточно свободного времени для научных занятий и активного общения с московскими деятелями науки и культуры. В московских, петербургских и некоторых других «толстых» журналах («Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Библиотека для чтения», «Книжный вестник», «Филологические записки», «Русская речь», «Библиографические записки»), альманахах («Комета», «Атеней»), специальных научных изданиях («Временник общества истории и древностей российских», «Архив историко-юридических сведений о России, изд. Калачева», «Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности», «Чтения в обществе истории и древностей российских», «Древности археологического общества»), столичных газетах («С.-Петербургские ведомости», «Московские ведомости»), одна за другой появляются его многочисленные статьи, рецензии, критические и полемические заметки на исторические, историко-литературные и фольклорно-этнографические темы, а также указатели статей к отдельным периодическим изданиям («Северный архив», «Отечественные записки» Свиньина).

Содержание большинства этих работ составляет экскурсы в далекое и близкое прошлое России. Заслуживают особого внимания его статьи о сатирической журналистике XVIII в.[21], о литературной и издательской деятельности Н. И. Новикова, о сатирах Кантемира, о Фонвизине, Батюшкове, Пушкине, Лермонтове, Полежаеве, Кольцове, Лажечникове (об исторической верности в романах Лажечникова), о государственном хозяйстве при Петре I, нравах XVIII столетия, «Записках» М. С. Щепкина. Из периодических изданий наибольшее количество статей — подписанных и анонимных — Афанасьев опубликовал в «Современнике» (около 50) и «Отечественных записках» (свыше 30). Почти все они имеют критико-библиографический характер. И в «Современнике», и в «Отечественных записках» Афанасьев рецензировал по преимуществу исторические и историко-юридические труды. Его обращения к такого рода литературе диктовалось как собственным глубоким интересом к ней, так и прямой заинтересованностью в этом самих редакторов-издателей, видевших в Афанасьеве добросовестного и знающего дело исполнителя. Весьма примечательно, например, что Н. А. Некрасов, который находил, «что работы по русской истории — есть самое лучшее, самое главное и самое характерное в нашей литературе последних двух или трех лет»[22], добивался, чтобы систематический критический обзор их в журнале вел Афанасьев[23].

Историческими исследованиями Афанасьев занимался до конца своих дней. В 60-е годы он увлеченно работал над эпистолярным наследием

[21] Одновременно с этими статьями Афанасьев готовил к изданию свою монографию «Русские сатирические журналы 1769—1774 годов», она вышла в свет в 1859 г.; переиздана в 1921 г., составив I том «Собрания сочинений А. Н. Афанасьева». Казань: Молодые силы (другие тома не печатались).

[22] Из письма Некрасова к Афанасьеву от 5—6 декабря 1849 г.— Полн. собр. соч. и писем. В 12-ти т. М.: ГИХЛ, 1952, т. 10, с. 137.

[23] См. письма Некрасова к Афанасьеву от [ноября] 1849 г.; 5—6 декабря 1849 г.; 5 октября 1853 г.— Там же, с. 135, 136, 197.

Петра I, изучал по архивным документам дипломатическую деятельность Антиоха Кантемира. Однако, судя по перечню трудов Афанасьева, составленному им самим[24], нельзя не заметить, как с начала 50-х годов его внимание все больше и больше сосредоточивается на вопросах славянской мифологии, изучению которой он и посвящает ряд своих статей[25]. На 50-е годы падает и самая интенсивная деятельность Афанасьева по собиранию и публикации русского фольклора. В 1855—1863 гг. выходит его знаменитый сборник «Народные русские сказки» (1—8 выпуски), а в 1859 г.— «Народные русские легенды». Наряду со сказками Афанасьев собирал произведения и других жанров фольклора, в том числе песни, пословицы и притчи. Песни, преимущественно записанные им самим в Московской и Воронежской губерниях, он передал П. В. Шейну, и они были напечатаны в сборнике последнего[26], пословицы и притчи общим числом около 500 номеров в сопровождении небольшой заметки опубликованы в одной из книг «Архива Н. Калачева»[27].

Все труды Афанасьева — и его научные статьи и фольклорные сборники подвергались жесточайшей цензуре. Это получило подробное освещение в трех специальных работах советских исследователей — В. В. Данилова («Сказка перед судом цензуры 70-х годов (По неопубликованным материалам)»[28], В. И. Чернышева «Цензурные изъятия из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева»[29] и А. О. Шлюбского «К истории русской этнографии. Цензурные мытарства А. Н. Афанасьева»[30].

Публикуя народные сказки, он принимал во внимание положительный опыт и просчеты составителей многих сборников сказок — восточнославянских и других европейских народов — немцев (В. и Я. Гримм), сербов (В. Караджича), чехов (Б. Немцовой), словаков (П. Добшинского), датчан (Ю. М. Тиле), норвежцев (П. К. Асбьернсона и Й. И. Му), французов (П. Себийо), румын (А. Шотта) и др. Ссылки на сюжетные

[24] Русский архив за 1871 г. стб. 1948—1955; переп.: *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды под ред И. П. Кочергина. Казань, 1914, с. XCV—CI.

[25] Дедушка домовой (Архив историко-юридических сведений, относящихся до России/Изд. Н. Калачевым, 1850, кн. 1, отд. 6; Ведун и ведьма (альм. «Комета», 1851); Колдовство на Руси в старину (Современник, 1851, № 4); Религиозно-языческое значение избы славянина (Отечественные записки, 1851, № 6); Зооморфные божества у славян (Отечественные записки, 1852, № 1, 2 и 3); Несколько слов о соотношении языка с народными поверьями (Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности, 1853, т II; О значении рода и рожениц (Архив историко-юридических сведений о России/Изд. Н. Калачевым, 1855, кн. 2, половина 1.; Мифические связи понятий света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи (Архив историко-юридических сведений.../Изд. Н. Калачевым, 1855, кн. 2, половина 2; Заметки о загробной жизни по славянским преданиям (Архив историко-юридических сведений.../Изд. Н. Калачевым, 1861, кн. 3. Язычecкo-религиозные предания об острове Буяне (Временник общества истории и древностей российских, 1851, № 9).

[26] Русские народные песни, собранные П. В. Шейном, М., 1870—1877, ч. I—II, (12 №№).

[27] Дополнения и прибавления к «Собранию русских народных пословиц и притчей», изданному И. Снегиревым.— Архив историко-юридических сведений.../Изд. Н. Калачевым, СПб., 1876, кн. 1, отд. IV, прилож II, с. 54—76.

[28] Родной язык в школе. Научный педагогический сборник. М., 1924, кн. 6, с. 56—60.

[29] Советский фольклор, 1936, № 2—3, с. 307—315.

[30] Советская этнография. Сб. статей. М., Л., 1940, IV, с. 128—141.

параллели из разных сборников имеются в примечаниях к «Народным русским сказкам» и «Народным русским легендам». Взыскательное отношение к текстологической работе, связанной с изданием народных сказок, проявил Афанасьев в своих замечаниях на 1-й выпуск сборника И. А. Худякова «Великорусские сказки» (М., 1860): «Здесь недавно явился сборник народных сказок Худякова (студента); к сожалению, текст многих запутан и записаны они весьма слабо: язык книжный, не весьма правильный» [31]. Высоко оценил Афанасьев научное и воспитательное (педагогическое) значение сборника «Детские и семейные сказки» («Kinder-und Hausmärchen») братьев Гримм, называя его «превосходным собранием», выдержавшим в Германии несколько изданий, которому и в будущем «суждено долгое и прочное существование». По его словам, книга эта «сделалась и любимым чтением народа, и необходимым спутником детского образования». Как одно из достоинств выдающихся немецких собирателей он отмечал их художественный такт, позволивший из многочисленных вариантов выбрать для сборника записи «наиболее совершенные и замечательные как поэтическими образами, так и чистотою нравственных мотивов».

Эти слова, характеризующие отношение Афанасьева к братьям Гримм и их книге сказок, взяты нами из его рецензии, написанной по поводу перевода «Kinder-und Hausmärchen» на русский язык [32]. Отмечая в рецензии, что перевод сборника братьев Гримм «заслуживает полной симпатии и признательности», автор в то же время обращает внимание на качество перевода. Перевод сказочного эпоса, предупреждает рецензент, «работа вовсе не легкая, требующая добросовестного изучения и особенного таланта; здесь важен каждый эпитет, каждое слово» [33]. Для придания должной выразительности стиля сказкам, переводимым с немецкого языка на русский, Афанасьев, как видно, вменял в «прямую обязанность» переводчику учитывать древние связи сказок германских и славянских народов и использовать меткие обороты и «картинные выражения русского сказочного языка», конечно, «умеючи и там, где требует подлинник» [34].

Глубокий интерес Афанасьева к народной поэзии не отделим от чуткого восприятия ее художественности, от понимания ее значения для воспитания эстетических чувств и обогащения содержания, формы художественной литературы. «Истинная поэзия не умирает,— пишет он в статье «Кольцов и воронежские педагоги»,— что может быть более младенчески-незрелого, чем народная песнь и сказка? а между тем у самых об-

[31] Письма А. Н. Афанасьева к П. П. Пекарскому/Публ. З. И. Власовой.— В кн.: Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 1978, с. 73. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: Письма Афанасьева к Пекарскому.

[32] *И. М*-к. О переводе сказок Гриммов. Народные сказки, собранные братьями Гриммами/Перевод с нем. СПб., 1863—1864.— Книжный вестник, 1864, № 19, с. 379—382. Статья эта была издана в 1864 г. также отдельной брошюрой.

[33] Там же, с. 380.

[34] Там же.

разованных народов и та и другая чтится не только как предание старины, но и как произведения, от которых веет искренней, неподдельной поэзией»[35].

Первостепенной задачей своих занятий народной поэзией он считал отыскание ее мифологических корней. Это определилось научными позициями так называемой мифологической школы сравнительной фольклористики, впервые теоретически обстоятельно обоснованными в трудах братьев В. и Я. Гримм. Разделяя и развивая, наряду с такими русскими учеными его времени, как Ф. И. Буслаев и О. Ф. Миллер, данные позиции, Афанасьев усматривал в мифах истоки стихийного древнего миросозерцания, поэтического познания — мышленья, образности народного языка и возводил к мифотворчеству жанры сказки героического эпоса, легенды обрядового фольклора. Увлечение его славянской мифологией было связано с живым интересом к древнему язычеству, противоположному христианской религии, и не имело ничего общего с консервативной славянофильской приверженностью к патриархальной старине. В трудах братьев Гримм, Ф. И. Буслаева и других крупных представителей мифологической школы его особенно привлекал широкий охват сравнительного фольклорно-этнографического материала, пределы которого Афанасьев в своих славистических исследованиях сумел весьма значительно раздвинуть.

Научная самостоятельность Афанасьева проявлялась в его настойчивом стремлении выяснить происхождение и характер развития мифов, проследить постепенное их раздробление и низведение на землю, прикрепление к известной местности и памятным событиям, установить закономерности слияния и расхождения в народном создании мифологических представлений с историческими на разных этапах жизни народа. В древних мифологических сказаниях он обращал внимание не только на их коренную основу, но и на отпечаток («клеймо») исторического времени. Вместе с тем гипотетически проницательно освещались им связи процессов мифологического мышления и изменений в языке народа, а также жанровые отношения сказок и былин, имеющих, по убеждению Афанасьева, общую мифологическую основу, но различные судьбы в условиях, когда средоточием духовной жизни становятся государственные центры и новые идеи, историческое движение жизни овладевают старым мифическим материалом. Немало интересных, метких суждений было высказано при этом исследователем, например, относительно происхождения образных выражений народного языка, метафоричность которых со временем утратила свой поэтический смысл, свою «живописующую силу» вследствие забвения древних корней слов. Впервые пытался он проследить возникновение некоторых народных примет, верований из древних славянских и древнерусских метафор.

В работах Афанасьева отразились разные современные ему теории, возникшие в русле мифологической научной школы, и обнаружились их слабости, особенно в толковании сюжетов и образов сказок как прямолинейного отражения мифических представлений о громе, молнии, тучах,

[35] Русская речь, 14 декабря 1861.

14 Заказ № 27

солнце и о борьбе стихийных сил природы (согласно «метеорологической» теории А. Куна, М. Мюллера и В. Шварца) или отражения культа демонических существ (согласно «демонологической» теории В. Маннгардта). Однако, придерживаясь этих теорий в крайних их проявлениях, Афанасьев в то же время пытался учитывать исконный социальный характер народного творчества, его мировоззренческую направленность. В известной мере это ему удавалось.

Анализируя древнейшие истоки народной поэзии, Афанасьев считал ее не только одним из важных источников познания прошлой жизни народа. Фольклор для Афанасьева важен в равной степени для познания и прошлого и настоящего народа. Так, например, во вступлении к публикуемым пословицам и притчам он подчеркивал, что они — богатый источник для определения «логических приемов и моральных убеждений русского человека» и «уяснения различных сторон его жизни *современной* (курс. наш.— *Л. Б.* и *Н. Н.*) и прошедшей» [36]. В том же вступлении автор обращается с призывом к современным писателям учиться языку у народа. Собиратель и исследователь народных сказок и легенд, он прекрасно сознавал их идейную роль в современности — прежде всего во взаимоотношениях мужика и барина, мужика и попа. Уже то, что он видел непримиримые антагонистические противоречия между мужиком и барином, мужиком и попом (церковью) и стремился к изданию сборника — «Русские заветные сказки» — сборника сатирического, с явно антипомещичьей и антицерковной направленностью — говорит о многом. Оно убедительно свидетельствует об активном восприятии Афанасьевым общественной жизни и о его сочувствии угнетенному русскому крестьянству.

Социальную направленность фольклорных произведений Афанасьев связывал с эстетической силой их воздействия, поучительной для литераторов, и утверждал: «Самый слог писателей нигде не может воспринять столь крепкую силу и научиться столь метким оборотам, как при изучении языка народного и устной народной литературы в сказках, песнях, пословицах, поговорках, загадках, присловьях, присказках и прозвищах. Этим приобретается та сжатость и вместе та пластичность выражения, о которых много говорено, но для чего мало сделано, хотя, впрочем. даже и тем, что сделано, еще не воспользовались» [37]. Такие высказывания Афанасьева предвосхищали известные советы М. Горького писателям учиться на образцах народного творчества.

Особенное пристрастие питал Афанасьев к устным, рукописным и печатным материалам антикрепостнического и антицерковного содержания. Такого рода материалы он не только старательно разыскивал, но при возможности публиковал и определенным образом истолковывал. Детальному разбору подвергает он так называемую «Адскую газету» — рукописный сатирический памятник, известный по спискам первой половины

[36] *Афанасьев А. Н.* Дополнения и прибавления к «Собранию русских народных пословиц и притчей», изданному И. Снегиревым.— В кн.: Архив историко-юридических сведений.../Изд. Калачевым, 1976, кн. 1, отд. IV, прилож. II, с. 54—76.

[37] Там же, с. 59—60.

XIX в. Однако, сравнивая «Адскую газету» с аналогичными народными рассказами, Афанасьев отдает предпочтение последним: «Вообще в сатире этой довольно грубых выражений, но мало соли; она чужда той меткой наблюдательности, которая умеет охватывать типические стороны людских отношений и которую не раз мы замечали в чисто народных сатирических рассказах» [38].

Не только в исторических и фольклорно-этнографических, но и в литературоведческих работах Афанасьева проявлялась его демократическая позиция ученого-просветителя, живо интересовавшегося духовной жизнью народа и проблемами народной жизни. Решительно выступил он на стороне Белинского в защиту А. В. Кольцова, когда воронежский краевед М. Ф. Де-Пуле опубликовал свою статью, где неодобрительно отзывался о поэте [39]. На заявление автора статьи, что он имел целью «поставить Кольцова на историческую почву», Афанасьев отвечает: «Мысль прекрасная, но чтобы достойно и правдиво выполнить ее, необходимо ближе ознакомиться со всеми подробностями жизни поэта, необходимо основательно собрать как можно более новых материалов и с должною осторожностью проверить их критически» [40].

В биографическом очерке об А. Н. Афанасьеве А. Е. Грузинский, подробно перечислив использованные им разнообразные источники, предупреждал, что «предлагаемый труд отнюдь не исчерпывает всего, что можно сказать об А. Н. Афанасьеве на основании вышеуказанного материала. Здесь читатель найдет лишь небольшой биографический очерк. Цели издания и *ряд внешних условий* (курс. наш.— *Л. Б.* и *Н. Н.*) помешали нам представить личность и деятельность А. Н. Афанасьева здесь и теперь же в возможно полном виде» [41]. Не оставляет сомнения, что под «внешними условиями» Грузинский имел в виду царскую цензуру, не позволившую ему сколько-нибудь подробно коснуться общественных позиций Афанасьева. Впрочем, в самой общей форме он все же мог сказать об Афанасьеве как о человеке «совершенно определенного образа мыслей и полной самостоятельности в суждениях», в котором «общественный интерес проявлялся ярко в течение всей жизни» и который «горячо откликался на всякий важный вопрос текущей действительности» [42]. О том, что Афанасьев принимал «к сердцу живые вопросы общественной жизни», несколькими годами ранее Грузинского говорил и А. Н. Пыпин [43].

Однако признание живой связи Афанасьева с действительностью — ценное само по себе — еще не решение вопроса содержания этой связи, ее идейной и социальной направленности и активности. Грузинский утверждал, что Афанасьев «стоял значительно в стороне от главного пото-

[38] Библиографические записки, 1858, № 2, стб. 53.
[39] *Де-Пуле М.* Алексей Васильевич Кольцов.— Воронежская беседа на 1861 год. СПб., 1861, с. 401—432.
[40] Русская речь, 14 декабря 1861.
[41] *Грузинский.* Афанасьев, с. V.
[42] Там же, с. XXXII.
[43] *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891, т. II, с. 114.

ка, идейного и общественного» и, будучи солидарен с «западниками» по всем крупным тогдашним вопросам, «не принимал деятельного участия в выработке и проведении в литературе и жизни основ миросозерцания, к которому примыкал; в нем не было задатков борца и проповедника» [44]. И Пыпин, и Грузинский усматривали в Афанасьеве общественного деятеля либерального толка, труды которого по археологии «не сделали его ни консерватором, ни национальным мистиком» [45].

Кабинетный ученый либерального толка, замкнутый в узком кругу научных интересов, человек, далеко стоящий от политики, от злобы текущей жизни,— этот довольно устойчивый взгляд на Афанасьева дожил до наших дней среди некоторой части фольклористов и этнографов [46]. Сторонники этого взгляда главным своим аргументом выставляли научные интересы Афанасьева, будто бы лежащие исключительно в далеком прошлом, в разработке древнейшей славянской мифологии. При этом не учитывались другие стороны его деятельности.

В советское время первую попытку определить общественные воззрения Афанасьева предпринял Ю. М. Соколов во вступительной статье к первому тому пятого издания «Народных русских сказок» Афанасьева. Он намечает два этапа в духовном формировании личности Афанасьева: первый (конец 40-х годов, студенчество) — «умеренное западничество и сдержанный либерализм», второй (50-е — 60-е годы) — «умеренный либерализм». Общей же чертой для первого и второго этапов, по его мнению, является демократизм, усиливающийся в 60-е годы [47]. Полная зависимость Соколова от фактического материала, содержавшегося в биографическом очерке Грузинского, отказ от дополнительного привлечения печатных и рукописных источников, в том числе «Дневника» собирателя, известного еще Грузинскому, но не использованного им, безусловно помешал исследователю по-иному взглянуть на Афанасьева. Ознакомившись со статьей Соколова до того, как она была напечатана, М. К. Азадовский упрекал его в том, что он не обратился к новым материалам об Афанасьеве, а ограничился традиционными сведениями [48].

Первую попытку отказаться от термина «либерал» применительно к Афанасьеву сделал В. А. Тонков в статье «Александр Николаевич Афанасьев (К 120-летию со дня рождения)» [49]. «Разночинец..., с детства усвоивший неприязнь к барам-крепостникам и служителям культа, Афанасьев тянулся к наиболее передовым по своим взглядам профессорам и демократически настроенной части студенческой молодежи»,— таков по

[44] *Грузинский*. Афанасьев, с. XII.
[45] *Пыпин А. Н.* История русской этнографии, СПб., 1891, т. II, с. 114.
[46] См., например, *Токарев С. А.* История русской этнографии (М., 1966), где Афанасьев фигурирует как «ученый либерального лагеря», «чуждый революционным идеям Белинского и Герцена» (с. 235, 242).
[47] *Соколов Ю. М.* Жизнь и научная деятельность Афанасьева.— В кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах. М.: Academia, 1936, т. I, с. XXVII, LII. В дальнейшем ссылки на это издание: *Соколов*. Жизнь и деятельность Афанасьева.
[48] См.: Из истории русской фольклористики. Л., 1978, с. 241—242.
[49] Литературный Воронеж, № 1 (16), 1947, с. 337—360.

определению автора статьи был общественный облик молодого Афанасьева [50]. Что касается 60-х годов, то, приветствуя освобождение крестьян, он в то же время «не был всецело захвачен реформистскими иллюзиями», хотя до конца не понял «революционной возможности изменения существующего строя» [51].

Нельзя представить целостный мировоззренческий облик Афанасьева — разностороннего научного и общественного деятеля — во всей значительности, не обратившись к рассмотрению его роли в журналистике, его дружеских связей, его высказываний по злободневным политическим вопросам в «Дневнике» и письмах.

Склонный к библиографическим разысканиям, Афанасьев, обладая большой эрудицией, острым чувством критицизма и публицистическим темпераментом, относился резко отрицательно к кабинетным библиографам, далеким от общественных проблем. В одном из писем он сетовал: «... увы, с нашими библиографами, каковы Соболевский, Ундольский и прочие таковые, далеко не уедешь. У меня давным-давно свербят руки взяться за перо и составить едкого свойства заметку о бесполезности библиографов, не видящих ничего далее формата книги и места их печатания...» [52]

В 1858 г. Афанасьев с Н. Щепкиным, сыном знаменитого артиста М. С. Щепкина, приступил к изданию собственного журнала «Библиографические записки». Журнал выходил в 1858 (вышло 24 номера), 1859 и 1861 гг. (по 20 номеров в год) — незначительным тиражом: в 1859 г. имел всего 250 подписчиков [53]. Официально редактором-издателем сначала числился Н. М. Щепкин (до 1860 г.), а фактическим был Афанасьев (в 1861 г. он передал редактирование В. И. Касаткину): служба в министерском Архиве считалась несовместимой с самостоятельной издательской деятельностью. Афанасьев участвовал в нем как автор. Статьи и заметки свои он редко подписывал полной фамилией; они шли или без подписи или под псевдонимом «И. М-к» [54]. В журнале принимали участие многие видные литературоведы, историки и библиографы.

За пять лет до начала издания «Библиографических записок» в Лондоне была открыта Вольная русская типография, и Герцен обратился «Ко всем свободомыслящим русским» с призывом доставлять ему для напечатания «все писанное в духе свободы», в том числе «Ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Поле-

[50] Там же.
[51] Там же, с. 355.
[52] Письма Афанасьева к Пекарскому, с. 77—78. С. А. Соблевский (1803—1876) и В. М. Ундольский (1815—1864), упоминаемые в письме,— библиографы, собиратели редких книг и рукописей.
[53] Об этом Афанасьев сообщил 29 июня 1859 г. в письме В. И. Межову и предупредил, что «не может вознаграждать за статьи своих сотрудников. Дай бог, чтобы издание-то окупилось. В прошлом году редакция своих приплатила 200 рублей» (*ОР ИРЛИ*, ф. 357, оп. 2, ед. хр. 14).
[54] К этому псевдониму он чаще всего прибегал и в других изданиях (например, в «Книжном вестнике»).

жаева, Печерина и др.»[55] «Быть вашим органом, вашей свободной, бесцензурной речью,— писал Герцен,— вся моя цель. Не столько нового, своего хочу я вам рассказывать, сколько воспользоваться моим положением для того, чтобы вашим невысказанным мыслям, вашим затаенным стремлениям дать гласность, передать их братьям и друзьям, потерянным в немой дали русского царства»[56]. В объявлении о предполагаемом выходе первого тома «Полярной звезды», которая должна была стать «убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею», призыв Герцена был повторен[57]. Он нашел горячий отклик в среде передовой интеллигенции России.

В исследованиях Н. Я. Эйдельмана «Тайные корреспонденты «Полярной звезды» (М., 1966) и «Герцен против самодержавия» (М., 1973) на основе архивных данных установлено, что А. Н. Афанасьев и его наиболее деятельные сотрудники по изданию «Библиографических записок» — В. И. Касаткин, Н. М. Щепкин, Е. И. Якушкин, П. А. Ефремов, М. И. Семевский, Н. В. Гербель и П. П. Пекарский являлись тайными корреспондентами Герцена, главными «поставщиками» для герценовских и огаревских изданий конца 50-х — начала 60-х годов — «Полярной звезды», «Исторического сборника», «Русской потаенной литературы XIX столетия», «Свободных русских песен», материалов по истории русского освободительного движения и запрещенных цензурой литературных произведений.

В «Библиографических записках» и в бесцензурных лондонских сборниках публиковались сходные материалы,— например, относящиеся к жизни и творчеству Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, Пушкина, декабристов; причем напечатанное в журнале Афанасьева в изувеченном цензурой виде появлялось иногда затем в «Полярной звезде» без сокращений. «Но цензура, цензура! — восклицает Афанасьев в письме к Де-Пуле от 12 ноября 1858 г.— не знаю, как улажу с нею...»[58] В другом письме — к Г. Н. Геннади — Афанасьев жалуется, что «Библиографические записки» с трудом проходят «в узкие райские врата православной цензуры»[59]. Рукописные потаенные тексты переправлялись деятелями круга «Библиографических записок» Герцену довольно регулярно.

Не только корреспондентом, но и непосредственным помощником Герцена в организации Вольных типографий, нередко выполнявшим роль связного между ним и редакцией «Библиографических записок», был друг Афанасьева В. И. Касаткин. В 1858—1859 гг. он жил за границей и

[55] Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси.— Цит. по кн.: «Десятилетие вольной русской типографии в Лондоне. Сборник ее первых листов, составленный и изданный Л. Чернецким. Лондон, 1863, с. 5—6.

[56] Там же, с. 7.

[57] Там же, с. 121.

[58] Из писем А. Н. Афанасьева к М Ф. Де-Пуле/Публ. М. Д. Эльзона.— В кн.: Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 1978, с. 87. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно.— Из писем Афанасьева к Де-Пуле.

[59] *Порудоминский В. И.* «Я полюбил Пушкина еще больше...» — Прометей, М., 1974, т. 10, с. 207—208.

несколько раз приезжал в Россию, вел по поручению Герцена переговоры со своими друзьями относительно его издательских планов, доставлял ему оттуда рукописи. Об этом свидетельствуют письма Касаткина, хотя о самом существенном в них сообщалось намеками. Только что прибыв от Герцена в Москву, Касаткин пишет П. А. Ефремову 5 января 1858 г. в Петербург, что «возвратив товар, едва успел воротиться», просит, «не имея возможности известить теперь, что сделано для изучения Гейне... не бросать поисков ни коим образом», рассчитывать на «издание, затеянное Михайловым». Под «товаром» подразумеваются рукописи, доставленные Герцену; под «изданием Гейне» — предполагаемое издание нелегальных политических стихотворений Пушкина; Михайловым именуется Герцен [60].

В 1859 г. несколькими месяцами раньше, чем в Москве, был издан в Лондоне сборник «Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. Издание полное» [61]. Вероятнее всего рукопись, по которой печаталась эта книга в Вольной типографии, была доставлена Герцену Касаткиным. Судя по тому, что все страницы «Народных русских легенд», изданных в Москве, текстуально совпадают с соответствующими страницами бесцензурного издания, набор в московской типографии производился по печатному тексту данного издания, а не по рукописи. Выход в свет афанасьевского сборника легенд с разрешения цензуры вызвал негодование и протесты высшего духовенства. В донесении, направленном московским митрополитом Филаретом в Святейший синод и его оберпрокурору графу А. П. Толстому, этот сборник назван «полным кощунства и безнравственности», а в отзыве петербургского митрополита Григория, напечатанном в журнале «Духовная беседа», утверждалось, что «книга собрана человеком, забывшим действие совести, а издана раскольником, не ведающим бога» [62]. По настоянию церковников шеф жандармов В. А. Долгоруков уже в апреле 1860 г. отдал приказ о запрещении книги, которая, однако, была к тому времени распродана. Цензор Д. И. Наумов, разрешивший ее печатать, был уволен. Цензурные гонения усилились и вынудили тогда Афанасьева и Н. М. Щепкина временно прекратить издание «Библиографических записок». С чувством горечи Афанасьев сообщал 21 мая 1860 г. в письме к М. Ф. Де-Пуле, одному из своих воронежских сотрудников: «Легенды мои запрещены III Отделени-

[60] *ОР ИРЛИ*, ф. 104, оп. 2, ед. хр. 34, № 2440 (11 писем В. И. Касаткина П. А. Ефремову. 1859—1962 гг.) Письмо 1-е. Истолкование эзоповского смысла этого письма принадлежит Н. Я. Эйдельману в кн.: «Тайные корреспонденты «Полярной звезды».

[61] На обложке сборника, изданного в Москве, напечатано: «Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Москва, 1860», но на титульном листе издание датировано 1859 г. Тираж (1200), изданный в конце февраля 1860 г. разошелся весьма быстро — в течение месяца. В «Сводном каталоге русской нелегальной и запрещенной печати» С. Ю. Титкова, В. Г. Вихрова и В. В. Федотова (М., 1971, с. 33) имеются сведения о срочно предпринятом в апреле 1860 г., но не осуществленном во втором московском издании «Народных русских легенд»: напечатанные тогда листы были конфискованы и уничтожены

[62] *Грузинский*. Афанасьев, с. XXII. Под «раскольником, забывшим бога» митрополит имел в виду издателя К. Солдатенкова, который был старообрядцем.

ем, во власти которого очутилась наша цензура, сделавшаяся в последнее время (особенно в Москве) крайне стеснительною. Порядочных цензоров здесь разогнали, а на место их набрали идиотов и скотов в образе Прибыля и Росковшенко. Первый из них объявил крестовый поход против слова: *разумный* (подчеркнуто Афанасьевым.— *Л. Б.* и *Н. Н.*); эта черта лучше всего обрисовывает его личность. «Православному Обозрению» также запретили печатать апокрифы; «Московские Ведомости» стали украшаться в большом количестве точками, целые страницы останавливаются цензором. При таких условиях я не мог бы издавать «Библ. записок» и рад, что обстоятельства заставили приостановить их. С одной стороны, я имел в виду поездку за границу, с другой, надо покончить издание сказок, а после того можно будет подумать и о возобновлении «Библ. записок». Авось к тому времени прекратятся и цензурные гонения» [63].

Запрет, наложенный на народные легенды, не был для Афанасьева непредвиденным: направляя ранее рукопись сборника легенд для издания в Лондон, он не надеялся на публикацию с разрешения цензуры, о которой писал в письме к П. П. Пекарскому от 23 сентября 1858 г. как о главном препятствии на пути публикации сборника [64]. Когда же книга легенд вышла в свет из Вольной герценовской типографии, Афанасьев приложил все усилия, чтобы тексты ее пропустить через цензуру, полагая, что медлить с изданием их в России никак нельзя, особенно в неожиданно сложившихся благоприятных условиях. «В настоящее время я сижу за легендами,— сообщал он в конце 1859 г. Е. И. Якушкину,— половина уже в ценсуре (у Наумова) и пропущена весьма хорошо; на днях отдам и остальную, а там и за печать. Должно пользоваться обстоятельствами и ковать железо, пока горячо, а то с Николою, Ильей Пророком и другими святыми чего доброго и застрянешь где-нибудь» [65]. Опасения, что можно и «застрянуть», подтвердились, когда, воспользовавшись обстоятельствами, Афанасьев успел выпустить сборник.

Запоздавший цензурный запрет имел все же для составителя немалые неприятные последствия, давшие о себе знать не только в гонениях на его журнал, но и в гораздо более строгом отношении цензуры к двум последним выпускам «Народных русских сказок», чем к изданным до 1860 г. четырем: «Пятый и шестой выпуски должны были появиться вместе на божий свет, но... цензура задержала одну книжку,— жаловался он в октябре 1861 г. Пекарскому,— только на днях получил половину рукописи, израненную и обагренную кровавыми чернилами. Все, что искалечено, я вынужден был выбросить вовсе и затем приступил к печатанью уцелевшего...» [66].

[63] Неизданные письма А. Н. Афанасьева к М. Ф. Де-Пуле/Сообщены и комментированы А. Г. Фоминым.— В кн.: Воронежская литературная беседа, Воронеж, 1925, сб. 1, с. 66—67.

[64] Письма Афанасьева к Пекарскому, с. 69—70.

[65] *Иванков В. М.* Изучение Афанасьевым фольклора как средства выражения народного мировоззрения.— В кн.: Вопросы филологии и методики исследования. Воронеж, 1975, с. 40.

[66] Письма Афанасьева к Пекарскому, с. 75.

Лето 1860 г. ознаменовалось для Афанасьева радостным и долгожданным событием: наконец-то исполнилась его заветная мечта о поездке за границу. Вместе со своим родственником, художником-пейзажистом В. Ф. Аммоном он три с небольшим месяца пробыл в Германии, Швейцарии, Италии и Англии, посетил Штеттин, Неаполь, Флоренцию, Пизу, Лондон. Свои впечатления о поездке Афанасьев изложил в письмах к родным, отрывки из которых приводит А. Е. Грузинский в биографическом очерке о собирателе.

«Несмотря на туристский характер поездки и неизбежную беглость впечатлений,— замечает он,— письма эти читаются с интересом: в них сказалась недюжинная личность Афанасьева с его сильным здравым смыслом, живой наблюдательностью и метким остроумием. Здесь просто, но свежо переданы искренние впечатления швейцарской и итальянской природы, а также памятников искусства, которым Афанасьев умел наслаждаться во всех его формах; верно и метко подмечены черты нравов и быта» [67]. Из самых волнующих событий для Афанасьева во время заграничной поездки были торжества по случаю победы национальной революции в Италии и встречи ликующим народом в Неаполе ее вождя Гарибальди, когда там находился Афанасьев, и особенно его личная встреча с Герценом, к которому он тайком пробрался в Лондон в сентябре [68].

Новейшие исследования показали, что встреча Афанасьева с Герценом состоялась не случайно. К ней редактор «Библиографических записок» готовился в Москве при участии своих сотрудников: «Поездка А. Н. Афанасьева в Лондон в 1860 г.— пишет Н. Я. Эйдельман,— сопровождалась появлением в «Полярной звезде», «Историческом сборнике» и других герценовских изданиях многих материалов, собранных редакцией и сотрудниками «Библиографических записок». Вероятно, Афанасьев доставил Герцену также документ под названием «О праве государственном. Рассуждение о непременных государственных законах» [69]. К составлению этого документа был причастен Д. И. Фонвизин, и рукописная копия его нелегально распространялась среди декабристов племянником писателя — М. А. Фонвизиным.

Возвратился Афанасьев осенью 1860 г. на родину, «отдохнувший, бодрый и веселый, набравшись сильных и освежительных впечатлений» [70], приступил к обычным своим служебным и научным занятиям, готовил к печати последние выпуски сказок и теперь, когда цензурные

[67] *Грузинский.* Афанасьев, с. XXV.

[68] Данный факт, впервые установленный А. Е. Грузинским и сообщенный в письме к А. Н. Пыпину (*ОР ГПБ* им. Салтыкова-Щедрина, ф. 621, ед. хр. 250), в его очерке биографии Афанасьева не упоминается.

[69] *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. М.: Мысль, 1973, с. 159. Влияние «Рассуждения» сказалось в проекте конституции, составленном членом Северного тайного общества декабристов Н. М. Муравьевым. См.: «Библиотека декабристов». М., 1907, вып. 4, с. 124—163.

[70] *Грузинский.* Афанасьев, с. XXVIII.

репрессии усилились, стал теснее сотрудничать с лондонским изгнанником. В 1861 г. в герценовском «Историческом сборнике» и других изданиях Вольной типографии появился ряд документов из Архива Комиссии печатания государственных грамот и договоров, которым ведал Афанасьев [71]. Как уже отмечалось, эти документы, обличающие самодержавие, могли быть пересланы в Лондон с Касаткиным, ездившим туда вскоре после Афанасьева.

С 1861 г. было возобновлено издание «Библиографических записок». Все редакционные дела Афанасьев передал Касаткину, который был тогда одним из организаторов революционных кружков «Земли и воли» в Москве, налаживал связь Герцена и Огарева как с ними, так и с сотрудниками журнала. Известно, что Герцен и Огарев принимали участие в разработке плана подпольной организации «Земля и воля». В письме к Пекарскому от 9 ноября 1860 г. Афанасьев характеризует нового редактора «Библиографических записок» как «прекрасного и весьма умного господина» и просит по-прежнему присылать в журнал статьи [72]. В тот же день Афанасьев пишет в письме А. Ф. Бычкову: «Позвольте рекомендовать Вам хорошего моего знакомого В. И. Касаткина — пламенного любителя библиографии. Он прекрасно образован, знает много языков и много путешествовал по Европе и теперь намерен возобновить «Библиографические записки», оставленные мною для других работ. Я, разумеется, с радостью передал это издание в его руки. К Вам же обращаюсь с покорнейшей просьбой помочь этому предприятию» [73]. Рекомендует Афанасьев Касаткина в качестве «новейшего редактора „Библиографических записок" также в письме к В. И. Ламанскому от 12 февраля 1861 г., обращаясь с просьбой «замолвить доброе словечко за это, конечно, полезное издание» [74]. Эти письма свидетельствуют о стремлении Афанасьева сыскать «Библиографическим запискам» поддержку академических кругов.

Весной 1862 г. «Библиографические записки», как сообщил об этом Афанасьев в одном из писем, «опять приостанавливаются — до более удобного времени» [75]. Уехавший тогда за границу Касаткин больше не вернулся, хотя не имел намеренья эмигрировать: привлеченный заочно по процессу 32-х», он был приговерен к лишению всех прав и изгнанию из России навсегда. Привлеченный по этому же делу Афанасьев за недостаточностью улик в отношении с революционными эмигрантскими кругами был оправдан. Касаткин поселился в Швейцарии. Он занимался делами, связанными с объединением Лондонской и Бернской Вольных русских типографий и другой издательской деятельностью совместно с Огаревым, который переехал из Лондона в Швейцарию. Последняя кни-

[71] *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Мысль, 1966, с. 164—165. В дальнейшем ссылки на эти издания даются сокращенно — *Эйдельман.* Тайные корреспонденты.
[72] Письма Афанасьева к Пекарскому, с. 72.
[73] Архив АН СССР (Ленингр. отд.), ф. 764, оп. 2, ед. хр. 36, л. 5.
[74] Архив АН СССР (Ленингр. отд.), ф. 35, оп. 1, ед. хр. 60, л. 1.
[75] Письма Афанасьева к Пекарскому, с. 77.

га «Полярной звезды» (8-я на 1869 г.) вышла в Женеве. Огарев стал сближаться с местной молодой революционной эмиграцией, чему способствовал игравший в ее среде значительную роль Касаткин [76].

Есть основания предполагать, что Касаткин доставил в 1862 г. за границу рукопись Афанасьева, послужившую источником для книги «Русские заветные сказки», и был причастен к ее анонимному изданию в Швейцарии, хотя по определению библиографических справочников оно было осуществлено в 1872 г., пять лет спустя после смерти Касаткина. О том, что Касаткин имел самое непосредственное отношение к изданию «Русских заветных сказок», свидетельствует в своих неизданных воспоминаниях Ф. И. Буслаев. Этот сборник он называет изданием Касаткина: «...Надобно упомянуть его издание непристойных сказок, доставленных ему Афанасьевым, получившим их вместе с множеством других разнообразных материалов по русской народности из Русского Географического общества. Вот загадочный лист касаткинского издания: «Русские заветные сказки. Валаам, типографским художеством монашествующей братии. Год мракобесия» [77].

Рукопись же этого сборника была завершена Афанасьевым в год отъезда Касаткина в эмиграцию — об этом говорит заглавие в ее экземпляре, писанном собственноручно Афанасьевым и хранящемся ныне в *ОР ИРЛИ* (Пушкинского дома) АН СССР: «Народные русские сказки не для печати. Из собрания А. Н. Афанасьева. 1857—1862. Собраны, приведены в порядок и сличены по литературным спискам А. Н. Афанасьевым» [78]. В конце 60-х годов Касаткин был одним из влиятельных издательских деятелей швейцарской русской эмиграции и вряд ли мог стоять в стороне от издания книги своего друга. Замечательное предисловие к «Русским заветным сказкам» подписано: «Филобибл» [79]. Кто скрывался под этим псевдонимом, не установлено. Судя по проявленной автором эрудиции, им мог быть сам Афанасьев, но, возможно, предисловие написал Касаткин. Оно отличается также публицистическим пафосом, свойственным агитационным предисловиям в ряде книг Вольной русской печати, напоминает воззвания Герцена и Огарева против царской цензуры. Сличение полиграфического оформления «Русских заветных сказок» и других бесцензурных изданий русских заграничных типографий начала 70-х годов говорит, что книга, вероятно, издана в цюрихской типографии Большого общества пропаганды революционной группы чайковцев, имевших контакт с Огаревым. Эта типография действовала в 1871—1874 гг.

Нити, шедшие к Герцену и Огареву от редакционного кружка «Библиографических записок» в конце 50-х — начале 60-х годов, переплетались со связями, которые имел с ними так называемый «Московский кружок».

[76] См.: *Козьмин Б.* Герцен, Огарев и молодая эмиграция.— Литературное наследство. М., 1941, т. 41—42. А. И. Герцен, с. 1—48.

[77] См.: *Померанцева Э. В.* Новые страницы воспоминаний Ф. И. Буслаева.— Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1965, вып. III, с. 159.

[78] В *ИРЛИ* рукопись (ф. Р1, оп. 1, № 112) поступила в 1939 г.

[79] См. III т. наст. изд.

К нему до своего отъезда из России в январе 1847 г. принадлежал сам Герцен. В этот тесный дружеский кружок были приняты Афанасьев и деятельный сотрудник его журнала сын ссыльного декабриста И. Д. Якушкина, Евгений Иванович Якушкин, с которым особенно дружил Афанасьев. Вероятно, короткое знакомство их произошло еще на университетской скамье в конце 40-х годов. Они были ровесниками и учились на одном факультете, но Е. И. Якушкин поступил в университет на год раньше Афанасьева и окончил его в 1847 г. Не исключено, что именно Е. И. Якушкину Афанасьев обязан знакомством в 1847 г. с М. С. Щепкиным, а через него — с остальными участниками так называемого «Московского кружка» — Е. Ф. Коршем, Н. Х. Кетчером, Т. Н. Грановским. Е. И. Якушкин и Афанасьев составили младшее поколение участников этого кружка.

Из его членов наиболее яркий след в биографии Афанасьева оставил М. С. Щепкин. Спектакли с участием Щепкина он начал посещать еще в студенческие годы. В течение многих лет наблюдая великого актера в различных ролях на подмостках Малого театра и на домашней сцене, Афанасьев не переставал восхищаться его талантливой игрой [80]. Восторженные отзывы о Щепкине-актере встречаются и в «Дневнике» Афанасьева [81]. В гостеприимном доме Щепкина, двери которого были широко распахнуты для друзей и знакомых, Афанасьев был своим человеком, он постоянно и охотно посещал его, принимал участие в многочисленных дружеских встречах и даже в домашних спектаклях [82]. Здесь он встречался со многими видными современниками — деятелями литературы и искусства, в том числе с Н. В. Гоголем, Т. Г. Шевченко, С. Т. Аксаковым [83].

Щепкин пленял Афанасьева «своим умом, добротой и прямодушием»; он видел в нем «человека без претензий, милого рассказчика, талантливого художника, гостеприимного хозяина», «остроумного и находчивого» в спорах оппонента [84]. Афанасьев записал от него целый ряд коротких рассказов-воспоминаний, представляющих значительный историко-литературный и общественный интерес [85]. Эти устные рассказы соответствовали

[80] См. письма Афанасьева к отцу и сестре от 1846—1849 гг.— В кн.: *Гриц Т. С.* М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966, с. 362, 426.

[81] См. там же, с. 430, 467, 573, 589—590.

[82] Так, В. И. Касаткин в письме к Е. И. Якушкину от 11 января 1862 г. сообщал о разыгрывании на празднике у Щепкиных пьесы «Женитьба» Гоголя, где Касаткин исполнял роль Подколесина, а Афанасьев — Степана. Письмо заканчивалось словами: «Видите, как отличаемся. Затем, все пока обстоит благополучно». (Литературное наследство., т. А. И. Герцен, с. 50).

[83] С двумя последними Афанасьев познакомился 12 марта 1858 г. на встрече, специально устроенной М. С. Щепкиным в честь Т. Г. Шевченко, незадолго до этого освобожденного из-под надзора полиции и следующего из Нижнего Новгорода проездом через Москву в Петербург.

[84] *Афанасьев А. Н.* М. С. Щепкин и его записки.—Библиотека для чтения, 1864, № 2, отд. XI, с. 2—3.

[85] Там же, с. 1—16. Кроме Афанасьева, рассказы М. С. Щепкина также записывали младший его сын Александр Михайлович и брат Абрам Семенович Щепкины, кн. Д. А. Оболенский, Н. И. Костомаров. См.: Сб. М. С. Щепкин, СПб., 1914, с. 335;

той общей атмосфере, которая царила при дружеских встречах в доме Щепкина.

На первый план выступал крестьянский вопрос, господствовали антикрепостнические настроения, не умолкали сочувственные разговоры и воспоминания о декабристах, Герцене, Белинском; критиковали царскую цензуру, горячо обсуждали вопросы текущей театральной и литературной жизни, высмеивали мракобесие деятелей русской церкви. Как отметил Герцен, в щепкинских рассказах «пробивается какая-то sui generis струя демократии и иронии» [86]. Так, в «Дневнике» с пометкой 1862 г., август, Афанасьев поместил рассказ Щепкина, как он исповедовался, с таким заключением рассказчика «... и всем тем, что я сделался лучше, нравственнее, признаюсь — я обязан не церкви, а театру» [87].

М. С. Щепкин и его сын Николай Михайлович, ездивший в 1857 г. к Герцену, и некоторые из их близких знакомых находились под наблюдением полиции. Об этом свидетельствует документ, доставленный неизвестным осведомителем в 1858 г. московскому губернатору графу Закревскому [88].

Преклоняясь перед Щепкиным как артистом и демократом, противником крепостного права, Афанасьев не был равнодушен к его политическим колебаниям и заблуждениям, проявлявшимся в 1862—1863 гг. во взглядах на такие события, как польское восстание, пожары и аресты, «студенческие беспорядки». В связи с этим мы находим запись в «Дневнике» Афанасьева: «Пошли писать против Герцена и Катков и Павлов; а увлеченный этим М. С. Щепкин изъявил желание напечатать свое письмо, которое писал к Герцену, кажется, в 49 году, с наставлениями, как ему вести себя. Странный человек. Артист, и талантливый, сердце у него доброе, но ведь образования, а особенно политического у него никогда не бывало. К чему же соваться туда, где едва ли что понимаешь?» [89]. Кроме дома Щепкиных, члены «Московского кружка» время от времени встречались у Кетчеров, а по субботам регулярно у общего знакомого известного московского доктора П. Л. Пикулина, завзятого театрала и драматурга. Афанасьев в своем «Дневнике» от 12 марта 1859 г. записал: «Пекулин человек добрый, благородных убеждений и в настоящее время один, около которого собирается кружок порядочных людей. Не будь его суббот, пожалуй бы, с иными и в полгода не увиделся бы ни разу» [90]. Несколько раз Пикулин ездил к Герцену. В связи с возвращением Пикулина в начале 1856 г. из Лондона Афанасьев писал тогда Е. И. Якушкину в Иркутск: «Пекулин воротился из-за границы и привез много

Михаил Семенович Щепкин. Записки. Письма. Современники о М. С. Щепкине. М., 1952, с. 359; *Гриц Т. С.* М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966.

86 *Герцен А. И.* Соч. В 9-ти т. М.: ГИХЛ, 1958. т. IX, с. 159.

87 *Ельницкая Т.* Из дневника Афанасьева.— Вопросы театра. М., 1965, с. 292.

88 Опубликован под заглавием «Любопытные показания о некоторых представителях Московского образованного общества в начале прошлого царствования» — Русский архив, 1885, № 7, с. 447—452.

89 *Эйдельман.* Тайные корреспонденты, с. 192—193.

90 Там же, с. 29—30, фамилию Пикулин Афанасьев пишет через е — Пекулин.

рассказов о нашем приятеле, у которого прогостил две недели»[91]. Под «приятелем» подразумевался не кто иной, как Герцен.

Как и все члены «Московского кружка», Афанасьев преклонялся перед революционным героизмом декабристов. В августе 1857 г. он писал в «Дневнике» по поводу смерти отца Евгения Ивановича — декабриста И. Д. Якушкина: «Жаль его; в этом старике так много было юношески-честного, благородного и прекрасного... Еще теперь помню, с каким живым одушевлением предлагал он тост за свою красавицу, то есть за русскую свободу, и с какою верою повторял стихи Пушкина: «Товарищ, верь, взойдет она, заря пленительного счастья»[92]. В Дневнике проявились также симпатии Афанасьева к петрашевцам[93].

Особенно большой интерес представляют имеющиеся в «Дневнике» Афанасьева суждения о реформе 1861 г. и связанных с нею крестьянских восстаниях. В условиях революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов, когда произошло резкое размежевание между либералами и революционными демократами по крестьянскому вопросу, он отрицательно отнесся к либеральным реформаторам типа Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева, И. К. Бабста и М. И. Дмитриева, о которых насмешливо отозвался в письме к Пекарскому от 31 октября 1861 г.[94] В «Дневнике» он язвительно замечает и об умеренном проекте К. Д. Кавелина: «Кавелин слишком уж заботится о помещичьем освобождении»[95]. Иронизируя по поводу того, что в мировые посредники назначают не таких, каких следовало бы, Афанасьев пишет Е. И. Якушкину: «Вообрази, что в число их попал Павел Кавелин — крепостник и закостенелый фанатический поклонник всего отсталого. Хорошо станет он действовать»[96]. Разделяя позиции радикального крыла русского общества, Афанасьев полагал, что крепостные должны получить свободу вместе «с землею и с усадьбами»[97].

Явно сочувствуя взбунтовавшимся крестьянам, подробно, с мрачной иронией описывает Афанасьев в «Дневнике» жуткую картину расправы в 1861 г. карательных войск над жителями деревни Масловка Воронежской губернии: «Одиннадцать человек остались убитыми, человек 60 насчитывается раненых, лица и головы их безобразно исковерканы. Во время этой свалки бабы пришли с ухватами, рогачами и проч. на пикет, поставленный у расправы, сняли его. Одному солдату прокололи брюхо. Других ранили. После того начался военный суд и наказание сквозь

[91] Там же, с. 30.
[92] Там же, с. 52.
[93] *Иванков В. М.* А. Н. Афанасьев и революционная ситуация в России конца 50-х — начала 60-х годов XIX века. В кн.: Вопросы истории и филологии. Известия Ростовского ун-та, Ростов, 1974, с. 167.
[94] Письма Афанасьева к Пекарскому, с. 75—76.
[95] *Эйдельман.* Тайные корреспонденты, с. 151 (более подробно: ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 448, л. 135 об.).
[96] *Иванков.* Афанасьев и революционная ситуация.., с. 172. Павел Кавелин — брат либерального профессора К. Д. Кавелина.
[97] *Лазутин С. Г.* Дневник А. Н. Афанасьева.— Подъем, 1973, № 4, с. 155.

строй ... Губернатор получил за эти успешные меры высочайшее благоволение» [98]. Весьма сходные с имеющимися в афанасьевском дневнике сведениями корреспонденции о происходивших в России крестьянских волнениях и студенческих «беспорядках» печатались тогда в герценовском «Колоколе». Вместе с тем в «Колоколе» и в пятой книге «Полярной звезды» печатались революционные листовки и воззвания «К молодому поколению», отрывки из которых приводит Афанасьев в «Дневнике», так же как революционные песни Рылеева и Н. Бестужева («Ах, тошно мне», «Царь наш немец русский», «Уж как шел кузнец») и другие нелегальные стихотворения [99].

Все это наводит на предположение, что Афанасьев был причастен к доставке Герцену не только исторических, литературно-художественных материалов, но и сведений о современных революционных событиях. В. И. Порудоминский обратил внимание, что как раз «вскоре после возвращения Афанасьева из путешествия» в изданиях лондонской Вольной типографии появились материалы, которые прежде хранились в тетрадях и дневниках Афанасьева [100].

Придерживаясь твердых демократических воззрений, убежденный противник крепостников и «крикунов-либералов», ставших «более чем умеренными» [101], Афанасьев тяготел к Герцену, но настороженно и весьма предвзято относился к Чернышевскому. В «Дневнике», выражая свои впечатления от поездки в Петербург весной 1862 г. он отрицательно отозвался о влиянии Чернышевского на молодежь [102].

Летом 1862 г. Чернышевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, а вскоре затем было возбуждено судебное преследование подозреваемых в личных связях с Герценом, и разразилась беда над Афанасьевым. Хотя учиненный на квартире Афанасьева обыск ничего предосудительного с точки зрения властей не обнаружил и они вынуждены были не привлекать его к суду по делу 32-х, обвиненных в сношениях с революционной эмиграцией,— последовали представление председателя следственной комиссии по данному делу А. Ф. Голицына на имя царя и высочайшее указание, касавшееся лично А. Н. Афанасьева. Сообщая царскую резолюцию министру иностранных дел, Голицын отметил: «... чиновник этот, т. е. Афанасьев, по месту своего служения может содействовать неблагонамеренным людям к приобретению из архива таких документов, которые без разрешения правительства открыты быть не могут. Я предоставлял это обстоятельство на высочайшее государя императора благоусмотрение и полагал обратить на оное внимание

[98] Там же.
[99] Там же, с. 155—159.
[100] *Порудоминский В. И.* «А не рассказать ли тебе сказку?» М.: Детская литература, с. 133.
[101] Так именует подвергшихся, как он выражается, «овидевым превращениям» либералов эпохи Николая I в письме от 31 октября 1861 г. См.: Письма Афанасьева к Пекарскому, с. 75.
[102] *Эйдельман.* Тайные корреспонденты, с. 190—191. Афанасьев намекает здесь на «Полемические заметки» Чернышевского (начало 1862 г.).

непосредственно начальства над Архивом. Его Величеству на всеподданнейшем докладе благоугодно было написать «необходимо» [103].

Согласно этой царской резолюции, Афанасьев был уволен с государственной службы, что по-разному толковалось в научной литературе. Одни утверждали причастность его к какому-то политическому делу, не раскрывая при этом, о каком деле шла речь [104], другие склонялись к тому, что Афанасьев пострадал случайно [105] и, по-видимому, по чужой вине [106], третьи объясняли его увольнение причинами, «от него независящими» [107]. П. А. Ефремов это увольнение связывал исключительно с «назойливостью» нелегально прибывшего в Россию от Герцена Кельсиева, который «нежданно-негаданно на несколько минут» появился у Афанасьева [108].

Первые 3—4 года Афанасьев не находил какой-либо постоянной работы. Он перебивался случайными заработками, которых не хватало для самого необходимого. Чтобы выйти из бедственного положения и как-то добиться для себя и семьи сносного существования, ученый решает расстаться со своим любимым детищем — обширной библиотекой, собранной в течение многих лет огромными жертвами и лишениями и теперь сложенной из-за тесноты квартиры в сарае. Вначале, как видно, он предложил продать ее целиком создаваемой в 1863 г. Де-Пуле Воронежской Публичной библиотеке, но, как пишет Де-Пуле, «предложение это не могло быть принято, по специальности библиотеки» [109]. В конце концов Афанасьев вынужден был продать ее за бесценок по частям, случайным людям.

О том, в каких невероятно стесненных домашних условиях приходилось жить и трудиться Афанасьеву, поведал его хороший знакомый, известный книгопродавец и издатель Д. Е. Кожанчиков одному из авторов «Русской старины»: «Теснясь в холодной квартире, не зная, чем прикрыть пол, из-под которого страшно дуло, Афанасьев употребил вместо ковра все экземпляры недвижимой своей собственности — «Библиографические записки», для чего растрепал их по листам и ими толстым слоем покрыл пол; когда же листы через некоторое время истерлись, то были выметены как сор» [110].

103 См.: *Желвакова И. А.* Из записок прошлого столетия.— Прометей, М., 1972, т. 9, с. 206.
104 Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, СПб., т. 4, с. 499.
105 Энциклопедический словарь Граната, изд. 7-е, т. 4, с. 370; ЖМНП, 1871, № 10, с. 321.
106 Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, СПб; т. 2 А, 1891, с. 488; *Кирпичников А.* А. Н. Афанасьев.— Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889, т. I, с. 866.
107 *Де-Пуле.* Памяти А. Н. Афанасьева.— С.-Петербургские ведомости, 29 октября 1871.
108 *Ефремов П. А.* А. Н. Афанасьев.— Русская старина, 1872, № 5, с. 789; *Т-к В.* «Библиограф» и его предшественники, 1825—1888.— Русская старина, 1889, № 2, с. 404. (В. И. Кельсиев — «совершенно непрошенный гость» Афанасьева).
109 *Де-Пуле.* Памяти А. Н. Афанасьева.
110 *Т-к В.* «Библиограф» и его предшественники, 1825—1888, с. 404.

В конце концов Афанасьеву удалось все же поступить на службу — сначала секретарем в городскую думу, потом перейти в мировой съезд и за год до смерти — в коммерческий банк. Стоически преодолевая жизненные невзгоды и материальные лишения, Афанасьев и после 1862 г. не прекращает напряженной и целеустремленной творческой деятельности. Правда, участие его в периодических изданиях намного сокращается, сужается и тематический диапазон его статей и заметок. Работы же по мифологии и народному творчеству выдвигаются на первый план и становятся особенно интенсивными и доминирующими.

После того, как в 1863 г. выходом в свет 8-го выпуска было закончено издание «Народных русских сказок», Афанасьев занимался составлением сборника «Русские детские сказки» (1-е издание — М., 1870), нелегко прошедшего цензуру, и подготовкой второго, заново систематизированного, дополненного, значительно улучшенного, издания своего основного сказочного сборника. Он вышел в 1873 г., после смерти составителя — почти одновременно с «Русскими заветными сказками». В течение 1864—1865 гг. Афанасьев публикует четыре статьи на мифологические темы [111].

В 1865 г. выходит первый, а в 1869 — третий том его фундаментального труда по мифологии «Поэтические воззрения славян на природу», до сих пор поражающего исследователей богатством фактов, огромной эрудицией автора. Впервые в истории фольклористики Афанасьев исследовал прозаическое и песенное мифотворчество всех восточных, западных и южных славянских народов на основе общих для них устно-поэтических традиций, учитывая изменения в процессе исторического развития. Он при этом привлек весьма широкие параллели из мирового фольклора. Есть сведения, что Афанасьев полагал свой многолетний концептуальный труд, подготовленный предшествующими его статьями, а также комментариями к сказкам и легендам, недовершенным: за изложением «поэтических воззрений» должно было следовать изложение «древностей бытовых» [112].

Предвосхищая работы, посвященные славянской мифологии исследователями нашего времени, Афанасьев усмотрел в русских духовных стихах и заговорах своеобразное переплетение древних славянских языческих представлений с христианскими, поставил их в определенную связь с еще более древними поверьями индоевропейской древности и, в частности, гимнами индийских «Вед» [113]. Вместе с тем в «Поэтических воззрениях

[111] Поэтические предания о светилах небесных (Библиотека для чтений, 1864, № 8); Сказка и миф (Филологические записки, 1864, вып. I—II; Народные поэтические представления радуги (Филологические записки, 1865, вып. I); Для археологии русского быта. Пример влияния языка на образование народных верований и обрядов (о наузах) (Древности Московского археологического общества, 1865, т. I).

[112] См.: *Пыпин.* История русской этнографии, II, с. 113. Монография Афанасьева в полном виде не переиздавалась. Сокращенное ее издание вышло в 1982 г. под названием «Древо жизни. Избранные статьи»/Подг. текста и комм. Ю. М. Медведова, вступ. ст. Б. П. Кирдана. М.: Современник.

[113] См. *Иванов В. В.* О научном ясновидении Афанасьева — сказочника и фольклориста.— Литературная учеба, 1982, № 1, с. 159—160.

славян на природу» он предпринял значительную и во многом оправданную попытку реконструировать утраченные древнейшие поверья и обычаи славян [114].

В рецензии на этот трехтомный труд Афанасьева английского этнографа-слависта, исследователя и переводчика русского фольклориста, литератора В. Р. Ролстона, напечатанной в 1871 г. в № 315 журнала «The Academy», отмечалось: «Это богатый рудник для всех, кто желает изучить настоящий предмет, узнать множество легенд, рассказываемых в разных славянских землях о небе и земле, солнце и луне, о горах и реках, громе и ветре, кто желает составить некоторые понятия о той точке зрения, с которой древние славяне глядели на жизнь и смерть, кто хочет ознакомиться с понятиями славянских крестьян нашего времени об окружающей их физической природе и о том духовном мире, какой они себе представляют» [115].

Уже с конца 50-х годов прошлого столетия трудами Афанасьева по мифологии пользовались не только исследователи, но и писатели — Ф. М. Достоевский [116], П. И. Мельников-Печерский [117], А. Н. Островский [118], поэты — А. Блок [119], В. Хлебников [120], С. Есенин [121], Б. Пастернак [122] и другие художники слова. Придавая большое значение литературной учебе на материале фольклора, Максим Горький в некоторых письмах начинающим писателям советовал читать Афанасьева,— его сборники сказок, легенд и трехтомную монографию, чтобы глубоко

[114] Там же.

[115] Перепечатано в переводе на русский язык в журнале «Русская старина» (1872, № 5, с. 787). О В. Р. Ролстоне и других английских, а также американских фольклористах-этнографах конца XIX в., которые, трактуя сказку как осколок древнего мифа, пользовались материалами Афанасьева и своеобразно интерпретировали его теоретическую концепцию (Р. Н. Бейне, Дж. Д. Картине). См.: *Налепин А. Л.* Русский фольклор в английской и американской науке. Историко-этнографические концепции XIX—XX вв. Автореф. кандид. дисс. на соискание уч. степени кандидата ист. наук. М., 1983, с. 7—9, 13—15.

[116] См.: *Иванов.* О научном ясновидении Афанасьева, с. 158. См. также: *Борисова В. В.* Фольклорно-мифологическая основа категории земли у Ф. М. Достоевского.— Фольклор народов РСФСР, Уфа, 1979, с. 35—43 (о фольклоризме «Братьев Карамазовых»); *Ветловская В. Е.* Ф. М. Достоевский.— В кн.: Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. Л., 1982, с. 12—75 (указания на творческое использование в повести «Двойник» древних славянских поверий, известных по материалам Афанасьева, и сказочных мотивов, известных по сборнику его сказок, а также на созвучный «Поэтическим воззрениям славян на природу» мифологический мотив Матери Сырой земли в поздних романах Достоевского).

[117] *Виноградов Г.* Опыт выяснения фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах».— Советский фольклор, 1935, № 2—3, с. 341—368.

[118] *Батюшков Ф. Д.* Генезис «Снегурочки» Островского.— ЖМНП, 1917, № 5, с. 47—66.

[119] *Померанцева Э. В.* Александр Блок и фольклор.— Русский фольклор, 1958, III, с. 203—224.

[120] *Гарбуз А. В.* В. Хлебников и А. Н. Афанасьев.— Фольклор народов РСФСР, 1984, с. 126—134.

[121] *Нейман Б. В.* Источники эйдологии Есенина.— Художественный фольклор, 1929, вып. IV—V, с. 204—217; *Базанов В. Г.* Судьба одного мифа.— Вопросы литературы, 1978, № 2, с. 217—239.

[122] *Иванов.* О научном ясновидении Афанасьева, с. 158.

вникнуть в народную поэзию, прочувствовать прелесть народной речи. «Если попадется Вам в руки книга Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» — хватайте и читайте внимательно»,— писал он в 1911 г. П. Х. Максимову [123]. А в письме к Л. А. Никифоровской, написанном годом ранее, он особенно подчеркнул значение для демократических литераторов этой монографии: «Так как наш герой — народ, что бы там ни кричали модники, то для знакомства с его духом, с его творчеством хорошо знать книгу Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» — старая, но добрая книга и сделана с любовью» [124].

Особенно значительно и своеобразно творчески использован материал «Поэтических воззрений славян на природу» в романе-эпопее П. И. Мельникова (А. Печерского) «В лесах» и в поэзии Велимира Хлебникова и Сергея Есенина.

С концепцией Афанасьева в романе Печерского «В лесах» мифологические сюжеты, например, о солнечном боге Яриле, возлюбившем Мать Сырую землю и с нею породившем земнородных, которая имеет своим источником главы «Небо и земля» и «Ярило» третьего тома «Поэтических воззрений славян на природу», нераздельно связаны изображения народных празднеств, магических обрядов, бытования поверий, песен и раскрытие чувств, морального облика и житейских представлений персонажей. Страницы монографии Афанасьева получили в романе Мельникова развернутое яркое художественное воплощение. Одним из источников фольклоризма романа Мельникова наряду с монографией Афанасьева служил и его сборник «Народные русские сказки». Так, например, оригинально развиваемый в романе мотив сказки о чудесных детях восходит, как установлено Г. Виноградовым в названной выше его работе, к курскому варианту сборника Афанасьева (текст № 283).

В. В. Хлебников на протяжении всей своей литературной деятельности использовал материал «Поэтических воззрений славян на природу» для словотворческих экспериментов, преображал его в новую мифологическую символику, выражавшую субъективную философию жизни, ощущение связи древней и грядущей эпох. Некоторые кажущиеся заумными строки его стихов проясняются в свете славянских мифологических представлений, исследованных Афанасьевым. Талантливым поэтическим развитием этих древних представлений (о древе жизни, борьбе молниеносного света и грозовых туч, о сродстве душ людей и демонических существ и т. п.) являются фантастические мотивы и образы таких произведений Хлебникова, как «Скуфья скифа», «Сестры-молнии», «Перун», «Вила и леший», «Лесная тоска». Вдохновляясь мечтой об единой культуре Запада и Востока, поэт сплавлял иногда славянские мифы с мифами других народов,— например, в поэме «Дети выдры».

Увлечение С. А. Есенина славянской мифологией, знакомой ему по монографии Афанасьева, проявилось в статье «Ключи Марии» и отразилось в варьируемых им поэтических образах небесной вербы, облачного

[123] *Горький М.* Собр. соч. В 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1955, т. 29, с. 175.
[124] Там же, с. 113.

дерева, радуги-лука, тучи-корабля, колеса-солнца и т. п. Материал «Поэтических воззрений славян на природу» получил переосмысление в есенинской метафорике «Кобыльих кораблей» («грабли зари по пущам веслами отрубленных рук выгребетесь в страну грядущего»), «Песни о хлебе» («режет серп тяжелые колосья, как под горло режут лебедей ... Перевязана в снопы солома, каждый сноп лежит, как желтый труп...») и других поэм, стихотворений.

Как отметил в биографическом очерке Грузинский, положение Афанасьева в 60-е годы «в ученом кругу и уважение к его заслугам в это время достигает своего апогея» [125]. Труды ученого четырежды отмечаются высокими наградами Русского географического общества и Академии наук [126]. С открытием в 1864 г. Московского археологического общества он принимает в его работе деятельное участие в качестве избранного члена редакционной комиссии, а в 1866—1869 гг.— товарища секретаря [127]. Вообще в Москве Афанасьев пользовался «высокой ученой и личной репутацией, которая давно за ним установилась; он был в приязненных или дружеских отношениях со всеми лучшими представителями образованного общества и университета, особенно по предметам его занятий» [128]. Афанасьев был знаком также со многими учеными Петербурга и других городов России. С ним встречались и о нем сохранили «прекрасную память» Л. Н. Майков, А. Н. Пыпин; дружеские связи он поддерживал с П. П. Пекарским [129] и П. А. Ефремовым.

Научные заслуги Афанасьева снискали глубокое уважение и признание не только видных представителей отечественной, но и зарубежной науки [130]. О заочном знакомстве его с Я. Гриммом свидетельствует П. В. Шейн. Во время поездки за границу (конец 50-х годов) в Берлине Шейн встречался с Я. Гриммом. Об этой встрече он рассказал А. Е. Грузинскому. Я. Гримм говорил с собирателем о народной поэзии, радовался появлению сказок Афанасьева и удивлялся тому, что Шейн живет в Москве и не знаком с Афанасьевым: «Непременно познакомьтесь с ним,— сказал Гримм.— Вы передайте от меня приветствие и благодарность за его сказки» [131].

Афанасьев поддерживал связи с известными фольклористами и этнографами Ю. Фейфаликом, В. Маннгардтом, А. Патером, В. Р. Ролстоном

[125] *Грузинский*. Афанасьев, с. XXIX.

[126] «Народные русские легенды» — золотая медаль Русского географического общества (1860), «Народные русские сказки» — Демидовская премия (1865. Отзыв О. Миллера), «Поэтические воззрения славян на природу», за I и за II—III тт.— Уваровские премии Академии наук (1867 и 1870. Отзывы А. Котляревского).

[127] Кроме упомянутого Общества, Афанасьев состоял также с 1852 г. членом Русского географического общества.

[128] *Грузинский*. Афанасьев, с. XXIX.

[129] См.: Письма Афанасьева к Пекарскому, с. 64—83.

[130] Приводимые нами сведения о научных связях Афанасьева с западноевропейскими учеными, к сожалению, носят отрывочный и ограниченный характер. Для восстановления более или менее полной картины этих связей необходимы дополнительные разыскания, прежде всего в архивах и печатных источниках некоторых зарубежных стран.

[131] *Грузинский А. Е.* П. В. Шейн.— ЖМНП, 1900, № 12, с. 61—71.

и др. О характере этих связей можно судить по нескольким сохранившимся письмам, опубликованным А. Е. Грузинским [132]. Ученые чрезвычайно высоко отзываются в них о трудах Афанасьева, с глубоким уважением говорят о нем как об авторитетном знатоке русской народной жизни и обращаются к нему за советами и помощью в разыскании данных о русском фольклоре и литературе, необходимых для их исследовательских занятий. При обмене научной литературой Фейфалик получает от Афанасьева 3 и 4 выпуски первого издания «Народных русских сказок» — «интересных сказок» (письмо от 17 ноября 1860 г.), а Маннгардт «Поэтические воззрения славян на природу» — «хороший и ценный подарок», «превосходную книгу» (письмо от 15 сентября 1866 г.). Присылка 3-го и 4-го выпусков сказок Фейфалику последовала за его письмом от 14 сентября 1858 г.

«Раз уж я заговорил о Ваших прекрасных народных русских сказках,— говорится в письме,— которые я знаю два выпуска, я не могу высказать Вам своей искренней радости по поводу этой в высшей степени интересной книги. Я позволил себе говорить о ней в одном немецком периодическом издании и воздал ей должную честь. Некоторые же из сказок я поместил в переводе в журналах, разумеется, с обозначением моего источника. Было бы очень желательно, чтобы Вы позволили перевести всю книгу на немецкий язык, и я попросил бы Вас на этот случай указать Ваши условия» [133].

В 1867 г. во время славянского съезда в Москве Афанасьев познакомился, а затем обменивался дружескими письмами с А. Патером. В. Р. Ролстон лично посетил Афанасьева в 1870 г. на его московской квартире. Об этой встрече он рассказал так: «Я провел с ним очень короткое время в его совершенно русском доме, стоявшем посреди такого обширного двора (даже можно сказать пустыря), что легко можно было подумать, будто находишься в деревне, а не в столичном городе. Комната его со всей ее обстановкой была именно в таком роде, в каком можно было надеяться встретить в доме такого истинного ученого — повсюду книги и везде следы и указания на литературный труд. Да и самою личностью своей он выражал идею высокого труженика, труженика не из материальных выгод, но из сердечной любви к своему предмету и из благородного желания извлечь из тьмы и вывести на свет литературные сокровища, так долго скрывавшиеся в малочитаемых хрониках и других неизвестных памятниках, или же кроющиеся в памяти народа, к которой ученые обращаются еще менее. В то время, как я его видел, он казался исполненным жизни и сил; в его наружности не было никаких признаков слабости или недуга, которые бы грозили ему смертью» [134].

[132] Два письма к Афанасьеву Ю. Фейфалика от 14 сентября 1858 г. и 17 ноября 1860 г.— оба из Вены и В. Маннгардта от 15 сентября 1866 г. и 2 июня 1867 г.— из Данцига.— *Грузинский А.* К истории этнографических изучений. Письма Ю. Фейфалика и В. Маннгардта к А. Н. Афанасьеву.— Этнографическое обозрение, 1897, № 2, с. 139—151.

[133] Там же, с. 143, Издание книги не состоялось.

[134] *Ефремов П. А.* А. Н. Афанасьев.— Русская старина, 1872, № 5, с. 789.

Осенью в год посещения его Ролстоном Афанасьев заболевает чахоткой. Летом следующего года он предпринимает лечебную поездку на кумыс под Самару, а через два месяца по возвращении в Москву, 23 сентября 1871 г. умирает. Похоронен А. Н. Афанасьев в Москве на Пятницком кладбище рядом с могилами Т. Н. Грановского, М. С. Щепкина, Станкевича, Кетчера, Коршей. В 1874 г. на его могиле на собранные по подписке деньги воздвигнут памятник работы скульптора В. С. Бровского [135].

Современники Афанасьева, все, кто коротко был знаком с ним, высоко отзывались о его личных качествах как человека и ученого. Подчеркивалось его огромное трудолюбие и исключительная работоспособность, неподкупная честность, преданность науке, принципиальность и твердость убеждений, независимость суждений. Высокий ум сочетался в нем, как свидетельствует автор одного из некрологов (П. Бартенев?), с редкими душевными качествами — прямодушием, остроумием и веселостью, что позволяло ему быть «душою общества». При этом,— дополняет автор,— Афанасьев, был «не всегда, может быть, осторожный, иногда чересчур горячий и невоздержанный на язык» [136]. Известие о кончине А. Н. Афанасьева было помещено, еще до появления некрологов в русской печати, в английском журнале. Автором его был Ролстон. Он писал: «Несколько недель тому назад русская литература лишилась одного из наиболее достойных своих деятелей. Преждевременная смерть Афанасьева оставила в рядах славянских ученых пробел, не легко пополняемый ... В специальной области его деятельности его никто не превосходил. Как собиратель и комментатор русских народных сказок он не имел соперников, и никто не сделал для общей пользы так много, как он» [137].

И. С. Тургенев в письме к А. А. Фету от 8 января 1872 г. горестно размышлял: «Недавно А. Н. Афанасьев умер буквально от голода, а его литературные заслуги будут помниться, когда наши с Вами, любезный друг, давно уже покроются мраком забвения» [138].

* * *

Любовь к народным сказкам побудила Афанасьева к их собиранию и изданию. Мысль взяться за это кропотливое, трудоемкое и еще мало кем изведанное дело окончательно созрела у него в самом начале 50-х годов в связи с его разработкой и последующей публикацией статей по славянской мифологии, в значительной степени основанных на привлечении фольклорно-этнографических материалов, в том числе сказок. Именно тогда он мог на собственном опыте убедиться в крайней скудости и малой пригодности такого рода печатных материалов [139] и необходимости

[135] Голос, 26 сентября, 1874.

[136] Русский архив. 1872, № 3—4, стб. 808.

[137] «Ralen», № 35 за 1871 г. (октябрь), с. 491. Этот некролог цитируется П. А. Ефремовым в «Русской старине» (1872, № 5, с. 787—789).

[138] *Фет А. А.* Мои воспоминания. М., 1890, ч. 2. с. 246.

[139] Печатный «фонд» русских сказок к началу 50-х годов буквально исчерпывался лубком и так называемыми «серыми изданиями», небольшими сборничками от 3 до 7 ли-

Могила А. Н. Афанасьева на Пятницком кладбище в Москве. Современное фото

их собирания и издания с научными целями. Собственно в этом направлении работала мысль не только одного Афанасьева. В эти же годы предпринимались и практические шаги по записи народных русских сказок, прежде всего В. И. Далем, П. В. Киреевским, П. И. Якушкиным, а также менее известными и вовсе неизвестными лицами, работавшими преимущественно по программе (инструкции) Русского географического общества, разработанной Н. И. Надеждиным [140]. Известно также, что еще П. В. Киреевский, по свидетельству Якушкина, хотел, чтобы кто-нибудь взялся за издание сказок, «и потому-то он не отказывал собранных им сказок всякому, кто только собирался их печатать». Киреевский предлагал осуществить такое издание Якушкину и советовал ему обратиться к Далю с просьбою, чтобы тот уступил свое собрание сказок. Но «Даль по неизвестным мотивам в просьбе отказал и задуманное издание не осуществилось» [141].

Начало своему сказочному собранию Афанасьев положил немногочисленными собственными записями, которые он сделал у себя на родине в Бобровском уезде Воронежской губернии во время кратковременных наездов туда в дни каникул и отпусков. Возможно, что эти первые записи и натолкнули Афанасьева на мысль обратиться к А. А. Краевскому с предложением начать публикацию народных сказок в редактируемых им «Отечественных записках». В письме к нему от 14 августа 1851 г. Афанасьев писал: «Издание будет ученое, по образцу издания бр. Гриммов. Текст сказки будет сопровождаться филологическими и мифологическими примечаниями, что еще больше даст цены этому материалу; кроме того тождественные сказки будут сличены с немецкими сказками по изданию Гриммов, и аналогичные места разных сказок указаны. Войдет сюда также сличение сказок с народными песнями. Изданию я предписал бы небольшое предисловие о значении сказок и методе их ученого издания. Одна сказка через три или через два номера — смотря по возможности — не займет в журнале много места» [142].

тературно-стилистически обработанных сказок Богдана Бронницына «Русские народные сказки» (1838), Е. А. Авдеевой «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевою» (1844), М. А. Максимовича «Три сказки и одна побасенка, пересказанная Михайлом Максимовичем» (1845), Ивана Ваненко «Народные русские сказки и побасенки для детей младшего возраста» (1847—1849), сборником И. П. Сахарова «Русские народные сказки» (1841), в числе которых были явно фальсифицированные тексты и, наконец, некоторыми периодическими изданиями, в которых спорадически появлялись сказки. См.: Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века)/Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. В. Новикова. Л., 1971; Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века/Сост. Н. В. Новиков. М.; Л., 1961.

[140] Программа опубликована в «Своде инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Русским географическим обществом», СПб., 1852. См.: *Рабинович М. Г.* Ответы на программу Русского географического общества как источник для изучения этнографии города.— Очерки истории Русской этнографии, фольклора и антропологии. М., 1971, вып. V, стр. 37—41.

[141] *Якушкин П. И.* Кое-что об изданиях Бессоновым народных песен.— Сочинения. СПб., 1884, с. 465.

[142] *Грузинский.* Афанасьев, с. XXXIV.

К предложению Афанасьева Краевский отнесся положительно. Однако вскоре сам собиратель от него отказался, посчитав, очевидно, что такой способ печатания сказок усложнит и чрезмерно растянет сроки их издания. Изыскивая приемлемые пути издания сказок, Афанасьев одновременно предпринимает практические шаги к их накоплению. Так, с просьбой о высылке необходимых материалов он дважды обращается в Русское географическое общество, в архив которого начали поступать записи народных сказок от местных собирателей, начиная с 1847 г. Нам неизвестно, как реагировало Общество на первое его обращение, но что такое обращение было — видно из второго дошедшего до нас письма Афанасьева [143].

Судя по приписке секретаря канцелярии РГО на письме Афанасьева, сказки для него были отобраны и высланы. 223 текста, взятых им из архивного фонда РГО, составили впоследствии более трети сборника Афанасьева «Народные русские сказки». Он предпринимает также энергичное разыскание сказок в печатных изданиях и налаживает связи с любителями-собирателями на местах. Все это дает возможность приступить в середине 50-х годов к изданию сказок выпусками, комплектуемыми в прямой зависимости от поступлений материалов. Принятый порядок печатания, с одной стороны, имел преимущество в том, что не давал залеживаться сказочным материалам в рукописи, с другой же — вынуждал Афанасьева отказаться от какой-либо определенной системы их группировки внутри каждого выпуска. С 1855 г. по 1863 г. вышло восемь выпусков сборника (1, 2, 3 и 4-й выпуски, соответственно, выходили в 1855, 1856, 1857 и 1858 гг., 5 и 6-ой в 1861, 7 и 8-ой в 1863 г.), включающих свыше 550 текстов, из них сказочных — не менее 450, остальные — анекдоты, присловья, докучные сказки и пр. Меньше всего сказок содержалось в 1-м выпуске (32 номера), больше всего в 4, 5, 6 и 7-м выпусках (от 62 до 99 номеров). Примечания к сказкам располагались в конце каждого выпуска и были выполнены по той же программе, какая намечалась в цитированном нами письме Афанасьева к Краевскому. Сюда же включались и дополнительные тексты (варианты), поступившие к собирателю или после издания очередного выпуска или по завершении печатания основного корпуса выпуска (дополнения к 1 и 2-му выпускам даны во 2-м выпуске, дополнения к 3—8-му выпускам — в 8-м выпуске). Выпуски 1, 2 и 4-й Афанасьев снабдил небольшими предисловиями.

Для судеб сборника в целом исключительное значение имел первый его выпуск. Важно было не только то, как отнесется к нему печать, но, пожалуй, еще важнее, встретит ли он прямую заинтересованность и поддержку в его продолжении Афанасьевым со стороны собирателей и любителей фольклора. На них Афанасьев возлагал большие надежды и, кажется, в этом не ошибся. Несомненно, многие пошли навстречу Афанасьеву в доставлении материалов, следуя его личным и печатным призывам [144] и — главное — видя, что дело с изданием сказок наконец-то

[143] *Баландин А. И.* П. И. Якушкин. Из истории русской фольклористики. М., 1969, с. 163.
[144] См. т. III наст. изд.

Первая страница письма А. Н. Афанасьева к П. П. Пекарскому от 8 октября 1863 г.

Вторая страница письма А. Н. Афанасьева к П. П. Пекарскому от 8 октября 1863 г.

сдвинулось с места и находится в надежных и авторитетных руках. По мере выхода выпусков сборника в свет, расширялась и корреспондентская сеть Афанасьева. Самым значительным вкладчиком в собрание был В. И. Даль. Когда появился 1-й выпуск «Народных русских сказок», Даль жил в Нижнем Новгороде и находился на пороге издания «Толкового словаря русского языка». Получив от Афанасьева письмо с предложением передать в его распоряжение записанные им сказки, он без промедления ответил полным согласием. «У меня собрано сказок несколько стоп; конечно, тут много мусора, много и повторений. Издать я не собираюсь их, потому что у меня слишком много другой работы (словарь). Как успею разобрать их, так и доставлю...» [145].

Из сказок, безвозмездно переданных Далем (более 1000 текстов), Афанасьев отобрал для печати около 200, составивших в значительной мере содержание 4-го и последующих (особенно 5, 6 и 7-го) выпусков сборника.

Еще в 1848—1849 гг., проезжая через Воронеж в Бобруйск на побывку к брату Ивану, Афанасьев через посредство М. Ф. Де-Пуле знакомится с местным литературно-краеведческим кружком, возглавлявшимся советником губернского правления Н. И. Второвым и товарищем председателя гражданской палаты К. О. Александровым-Дольником. Кружок, вошедший в литературу под названием «Второвский кружок», объединял выпускников Московского, Петербургского, Харьковского и Казанского университетов и ставил перед собой задачу изучения Воронежской губернии во всевозможных отношениях — историческом, этнографическом, научном.

По свидетельству М. Де-Пуле [146], Афанасьев был в восторге от деятельности воронежского кружка и, раз установив знакомство с ним, долгое время находился в близких отношениях с некоторыми его членами. Такое общение приносило обоюдную пользу: через Афанасьева прямо или через его брата [147] члены кружка постоянно находились в курсе дел Московского университета и всех событий в литературе и науке; Афанасьев же получил действенную помощь с их стороны в доставке некоторых фольклорных материалов, в дополнение к тем, что удалось записать ему самому в пределах Воронежской губернии. В сборник «Народные русские сказки» вошло всего 24 текста сказок Воронежской губернии. 10 из них записаны самим Афанасьевым, а остальные Второвым (его сказки появляются начиная с третьего выпуска) и Александровым-Дольником [148].

Всего в сборнике Афанасьева представлены русские сказки более чем

[145] Письмо В. И. Даля к А. Н. Афанасьеву от 24 октября 1856 г. Из переписки А. Н. Афанасьева. Сообщил Е. И. Якушкин.— В кн.: Помощь голодающим. Научно-литературный сборник. М., 1892, с. 530—531.

[146] *Де-Пуле.* Памяти А. Н. Афанасьева.

[147] Брат Афанасьева Николай Николаевич, агроном по специальности, также входил в кружок и принимал участие в его краеведческой работе (См. *Воскресенский Н. В.* Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета. Воронеж, 1892, с. 8. 12).

[148] См.: *Павлова В. А.* А. Н. Афанасьев — собиратель воронежского фольклора.— Вопросы истории и филологии. Воронеж, 1972, с. 45—56.

из тридцати губерний, украинские — из трех (Полтавская, Харьковская, Черниговская), белорусские — из одной (Гродненская губерния).

Как в 40-х, так и в 50-х и 60-х годах вопросы о том, от кого записывать устные произведения и какие из них считать подлинно народными, не сходили со страниц печати. Демократическая фольклористика в лице Белинского и Добролюбова придерживалась того мнения, что подлинно народными могут считаться лишь те произведения, которые непосредственно и по возможности точно записаны в народной среде, прежде всего со слов крестьян. Этому же принципу следовал и Афанасьев. В рецензии на сборник Е. А. Чудинского (1864) он отмечал как существенный недостаток то, что под рубрикой «народные русские сказки» издатель поместил некоторые явно заимствованные или переделанные литературные произведения; текст же сказок изложил «без удержания народного склада и оборотов», языком «челяди, цивилизующейся около бар или самих издателей». Пора бы собирателям поэтических созданий народа,— писал Афанасьев,— обращаться не к дворовой челяди, а к настоящим, истым поселянам, которые, не мудрствуя, лукаво, сберегли предание в несравненно большей свежести [149].

Афанасьев не ограничивался только собиранием и публикацией сказок, но и ставил перед собой задачу их изучения. При подготовке второго издания комментирование и систематизация сказок осуществлялась им на основе мифологической теории, которой он с увлечением следовал. Начиная с 1-го выпуска (1855) и кончая последним — 8-м (1863), сборник сказок Афанасьева довольно оживленно обсуждался в печати [150]. Мнения о нем на всем протяжении издания были разноречивы. И это естественно, поскольку наука о фольклоре, принципах его научного собирания и издания в то время находилась в начальной стадии. Как и от кого записывать сказки, каким образом их издавать — эти вопросы по-настоящему встали перед русской научной общественностью только с появлением 1-го выпуска сказок Афанасьева. Некоторые отзывы на сборник, особенно на первые его выпуски, свидетельствовали об очень наивных, путаных и ошибочных представлениях самих рецензентов на сказку вообще

[149] *И. М*-к. Отзыв на сб. Е. Чудинского.— Книжный вестник, 1865, № 1, с. 9.

[150] Список рецензий на сборник Афанасьева впервые дан в книге С. В. Савченко «Русская народная сказка» (Киев, 1914, с. 141), приводим его в уточненном и несколько дополненном виде: Современник, 1855. № 12, с. 33—37 (отд. Новые книги); 1856, № 12 (Отд. Новые книги), с. 29—38, 1858, 9, с. 70—77 (отд. Новые книги, статья Н. А. Добролюбова); Отечественные записки, 1855, № 12, отд. 4, с. 48—52 (статья А. Н. Пыпина); 1856, 4, отд. 2, с. 41—68 и № 2, отд. 2, с. 1—26 (статья А. Н. Пыпина), № 11, отд. 3, с. 41—45; Известия Академии наук, т. IV, в. 7, 1855, стб. 355—356 (отд.; Библиогр. записи); т. V, в. 6, 1856, стб. 315 (отд. Библиогр. записи, статьи И. И. Срезневского); С.-Петербургские ведомости, 1855, № 250; 1856, № 266; 1861 № 126· 1864, №№ 94, 100, 108 (статья А. А. Котляревского); Северная пчела, 15 декабря 1855, (статья К. П.); Сын Отечества, 1856, № 34, с. 162; Русский вестник, 1856, № 2, с. 85—94 (статья Ф. И. Буслаева); Библиотека для чтения, 1859, № 1, отд. Литературная летопись, с. 8—20; ЖМНП, 1861, № 7, отд. III, с. 1—44 (статья А. Филонова); Век, 1861, № 32 и 35 (статья Ф. Устрялова); Время, 1861, № 4; Светоч, 1862, № 4, с. 41—48; 34-е присуждение Демидовских наград. СПб., 1866, с. 72—106 (статья О. Ф. Миллера).

и труд Афанасьева, и в то же время содержали требования к собирателю, которые он при всем желании не мог выполнить из-за неразработанности вопроса. Такова, например, рецензия в «Северной пчеле», подписанная «К. П.» [151].

Ознакомившись с книгой Афанасьева, автор рецензии пишет, что еще раз теряет «надежду исполнения давнего желания грамотных людей». По его словам, составитель «не дает себе отчета в том, чего желает и добивается русская публика, понимающая может быть также неясно, однако же верно, с свойственным ей чутьем (чтоб не сказать: тактом, инстинктом), чего можно и должно требовать от сборника русских сказок». Очевидно, от имени этой «русской публики» и выступает рецензент. Отрицая за русской сказкой богатство творческой фантазии, он считает неправомерным заниматься поисками, как это делает Афанасьев, ее сходства с арабскими, итальянскими и немецкими сказками: «Сближать русские побасенки о лисе с эпическими созданиями других народов об этом предмете, все равно, что сравнивать щепку с мачтовым деревом». Рецензент решительно подвергает сомнению самый способ избрания сказок Афанасьевым. Почему он безусловно «доверяет невеждам, со слов которых записывались сказки? Разве какая-нибудь нянька больше проникнута русским чувством, нежели грамотей, составлявший списки для лубочных изданий?» И заключает: «Деревенские мужики и бабы не в состоянии рассказывать ничего, и напрасно было бы надеяться на них».

Впрочем, не такого рода отзывы определяли атмосферу вокруг сборника Афанасьева. И здесь главная заслуга прежде всего принадлежит таким видным ученым и общественным деятелям, как Ф. И. Буслаев, А. Н. Пыпин, А. Н. Добролюбов, И. И. Срезневский, Ф. Г. Устрялов, А. А. Котляревский, О. Ф. Миллер. Их положительная оценка сборника на разных этапах его издания сыграла важную роль в успешном завершении его полного издания. Она, несомненно, окрыляла и воодушевляла Афанасьева на продолжение и завершение начатого большого и сложного дела.

Особенности сборника сказок Афанасьева, отмеченные в рецензиях на выпуски первого издания, обычно учитывались в последующих работах фольклористов (Пыпин, Савченко, Ю. Соколов, Азадовский и др.). Критическая мысль рецензентов касалась главным образом приемов работы Афанасьева над текстами, принципа их отбора и способа группировки в сборнике, содержания научного аппарата. Текстологическая работа Афанасьева и связанный с ней отбор сказок для печати затрагивался почти в каждой рецензии. В какой степени и нужно ли вообще вмешиваться в фольклорный текст редактору-издателю? Что и как отбирать из записей сказок для печати? — Вот вопросы, в решении которых даже у ведущих ученых того времени не было единства взглядов.

Ф. И. Буслаев в отзыве на 1-й выпуск предлагал некоторые сказки, «подновленные грамотниками, и довольно неудачно, кажется, лучше бы не печатать до времени, пока не случится услышать их в настоящем народ-

[151] Северная пчела, 15 декабря, 1855.

но-русском рассказе. Тогда не нужно будет издателю брать на себя тяжелой ответственности в тех исправлениях, которые он решился делать в слоге некоторых сказок. Песни и сказки и без того пострадали, переходя от поколения к поколению. Зачем же еще налагать руку на вековую работу целого народа?» [152]

Если Буслаев отстаивал неприкосновенность сказочного текста, не допуская даже каких-либо исправлений в слоге, то А. Н. Пыпин, напротив, задачу редактора видел не только в исправлении стиля сказки с целью устранения всего, «в чем выражается произвольная манера одного человека», но и в составлении сводных текстов. «Собиратель,— писал он,— имеет целью достигнуть до нормального вида произведений и поэтому не должен дорожить тем, что прибавлено только одним лицом. Его не должна останавливать и разрозненность предания; если критический такт удовлетворяет его, что в двух отдельных рассказах или песнях он слышит отрывки одного целого, он имеет возможность соединить их: это не будет личным произволом, и новые поиски, конечно, подтвердят его догадку» [153]. Внутренне полемизируя с Пыпиным, О. Миллер отводил упреки в адрес Афанасьева в том, что тот, отбирая для печати тексты, не проявлял подчас разборчивости, и подчеркивал необходимость сохранения в целостности вариантов для такого издания, где на первом плане стоят интересы науки [154].

Мысли о значении вариантов, которые отстаивал О. Миллер, в современной фольклористике давно стали общепринятыми. Можно утверждать, что и Афанасьев в основном придерживался их при работе над сборником сказок. Однако, как показали исследователи, делал он это не без некоторых отступлений и колебаний. Возможно, что появись статья О. Миллера не в 1866 г., по завершении первого издания «Народных русских сказок», а на 10 лет ранее, в 1856 г., т. е. вместе со статьей Пыпина, колебания и отступления Афанасьева, вероятно, не были бы значительными.

Архив Афанасьева до нас не дошел. Однако сохранившаяся небольшая часть рукописей сказок в архиве ВГО позволила путем сличения их с печатными материалами выяснить, хотя далеко не полностью, характер текстологической работы Афанасьева. Большинство его поправок относится к языку и стилю сказок, причем степень их внесения в отдельные тексты весьма неравномерна [155].

Прибегал ли Афанасьев к составлению сводных текстов, следуя настойчивым советам Пыпина,— на этот вопрос сохранившийся материал точного ответа не дает. Печатание текстов, полученных от Даля в 1860 г., Афанасьев начал с 4-го выпуска, и именно с этого выпуска стали появ-

[152] Русский вестник, 1856, № 2, с. 94.
[153] Отечественные записки, 1856, № 4, с. 57. См.: *Новиков Н. В.* К проблеме сказочного сборника.— В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966, с. 72—76; *Чистов К. В.* Реконструкция текста и проблемы текстологии преданий.— В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 150—152.
[154] 34-е присуждение Демидовских наград, с. 84—86.
[155] Об этом см. во вступительной части примечаний к настоящему тому, с. 434.

ляться обширные и обстоятельные по изложению сказки без обозначения места записи, что и дало основание Е. А. Грузинскому, а вслед за ним С. В. Савченко, Ю. М. Соколову и другим исследователям право предположить, что Афанасьев, возможно, составлял сводные тексты. И все же мы не можем со всей точностью указать все тексты, которые подвергались существенной редакторской обработке.

Уже с появлением 1-го выпуска сборника составителю ставилось в упрек, что в расположении материала он не придерживался какой-либо системы. Одним из первых этот упрек совершенно обоснованно отверг Ф. И. Буслаев, отметивший, что время для какой бы то ни было классификации сказок еще не пришло, поскольку сначала их надо выявить и издать. То же самое в свое оправдание должен был высказать и Афанасьев, в предисловии ко 2-му выпуску первого издания [156].

К классификационной схеме, которая легла в основу второго издания «Народных русских сказок», он пришел по окончании печатания заключительного 8-го выпуска первого издания и отзыва о нем О. Ф. Миллера.

Разделяя предположение С. В. Савченко, Ю. М. Соколова и других исследователей о влиянии схемы мифолога Ореста Миллера, обнародованной в этом отзыве, на группировку сказок во втором издании, мы все же не исключаем того, что Афанасьев в какой-то мере мог опираться и на более ранние опыты в этой области — И. И. Срезневского (30-е годы), И. М. Снегирева и П. А. Бессонова (60-е годы). Во всяком случае, схема Миллера использовалась им осторожно и не механически. Афанасьев, например, отказался от твердого обозначения отделов, ввиду невозможности подвести большое количество сказок под определенные жанровые рубрики.

Классификационная схема Афанасьева (сказки о животных, волшебные, новеллистические, сатирические, бытовые анекдоты) с незначительными дополнениями и уточнениями и поныне практически используется советскими фольклористами.

Критическая оценка сборника Афанасьева касалась также его научного аппарата. Как общий недостаток первого издания отмечалось отсутствие предметного и других указателей, что безусловно затрудняло пользование его обширными материалами [157]. Не совсем удобно располагались комментарии (в конце каждого выпуска). Следуя рекомендациям Котляревского, Афанасьев во втором издании отнес их в отдельную четвертую книгу.

Подчеркивая насыщенность комментариев фактическим сравнительным материалом, критики вместе с тем отмечали неправомерность рассмотрения образного содержания сказок под углом зрения мифологической теории. О крайностях применения Афанасьевым мифологического метода писали даже такие видные ученые мифологической школы, как О. Ф. Миллер и А. А. Котляревский. Так, Миллер объяснял увлеченностью собирателя

[156] См. т. III наст. изд.

[157] К сожалению, и во втором издании сборника Афанасьев не смог исполнить пожелания рецензентов.

А. Н. АФАНАСЬЕВ

Фото 50-х годов XIX в.

А. И. ГЕРЦЕН

Офорт работы В. Панова. 60-е годы XIX в.

Е. И. ЯКУШКИН

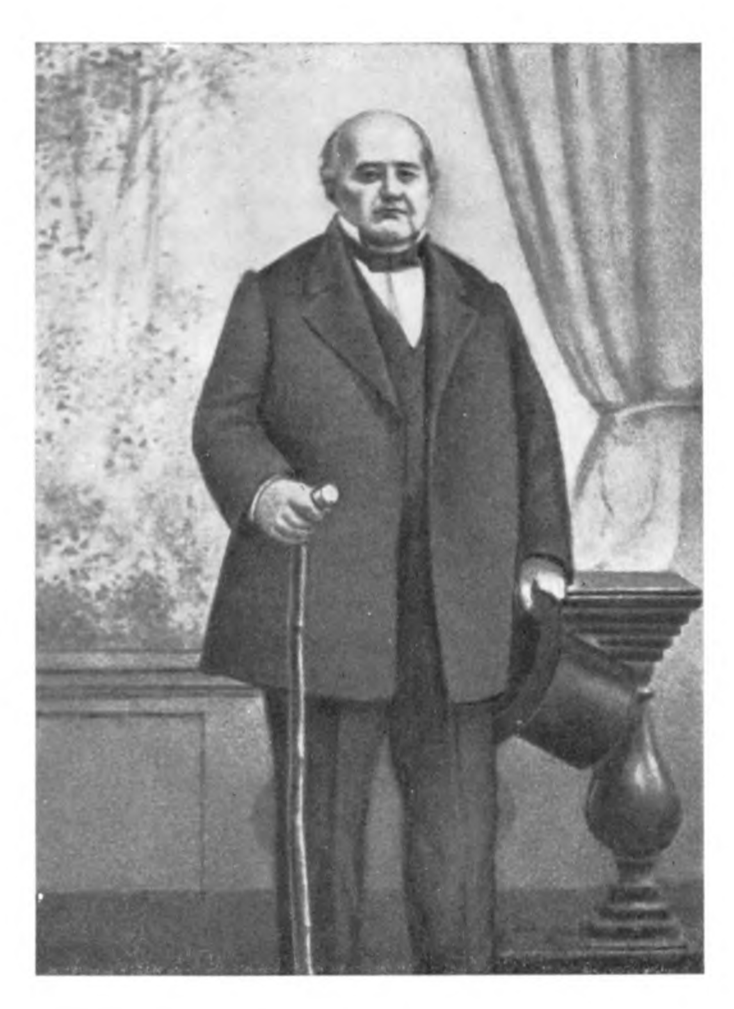
Фото 50-х годов XIX в.

П. Л. ПИКУЛИН

Фото 50-х годов XIX в.

П. А. ЕФРЕМОВ

Фото 60-х годов XIX в.



М. С. ЩЕПКИН
Фото 60-х годов XIX в.

его стремление «видеть миф там, где его едва ли можно искать *при теперешнем* виде сказки»[158]. Он же наставлял Афанасьева, кроме мифологических, давать и другие объяснения,— историко-этнографические («в сказках есть и свои бытовые черты»)[159].

Именно неудовлетворенность научным аппаратом прозвучала в статье, появившейся без подписи на страницах «Современника». Автором ее был Н. Добролюбов. «Сборник г. Афанасьева,— говорилось в ней,— превосходит другие по своей полноте и по точности, с какою он старался придерживаться народной речи, даже самого выговора, но и сборник г. Афанасьева не восполняет того недостатка, который как-то неприятно поражает во всех наших сборниках. Недостаток этот — *совершенное отсутствие жизненного начала*»[160]. Жизненность, утверждал Добролюбов, «заключается в самом факте, поставленном в связь с окружающей его действительностью». В сборнике же Афанасьева факт, по его мнению, рассматривается изолированно от действительности и потому в нем видны лишь «некоторые черты действительно народной жизни», разобрать которые «чрезвычайно трудно под новым написанием досужего книжника... Нам никто из собирателей и описывателей народного быта не объяснил, в каком отношении находится народ к рассказываемым им сказкам и преданиям... Поэтому нам кажется, что всякий из людей, записывающих и собирающих произведения народной поэзии, сделал бы вещь очень полезную, если бы не стал ограничиваться простым записыванием текста сказки или песни, а передал бы всю обстановку как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось ему услышать эту песню или сказку»[161].

Принципиальные требования, выдвинутые Добролюбовым с революционно-демократических позиций, выходили далеко за пределы критики «Народных русских сказок» и носили программный характер. Афанасьев не мог их выполнить не только в силу своей приверженности к мифологической теории, но и потому, что в отличие, например, от своего современника И. А. Худякова, представлял особый тип собирателя, почти целиком и полностью находящегося в зависимости от своих корреспондентов.

В широком плане начало выполнению этих требований комплексного социально-психологического и фольклорно-этнографического исследования было положено только советскими фольклористами.

Сам Афанасьев относился к рецензиям на «Народные русские сказки» весьма взыскательно и в письме к Де-Пуле от 12 ноября 1859 г. выразил неудовлетворенность суждениями большинства рецензентов: «По поводу издания моего «Сказок» я уже довольно начитался разных статей, основанных на совершенном незнакомстве с этими вопросами и с трудами немецких ученых. Можно и должно исключить только статьи Пыпина, действительно прекрасные и дельные. При такой обстановке работать не

[158] 34-е присуждение Демидовских наград, с. 89.
[159] Там же, с. 90.
[160] *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. В 3-х т. М.: ГИХЛ, 1950, т. 1, с. 589.
[161] Там же, с. 590—591.

15 Заказ № 27

слишком приятно, и, чтобы нравственно отдохнуть, надо было взяться, хотя на время, за что-то другое, и я взялся за историю литературы»[162]. Афанасьев в данном письме имел в виду свою работу над монографией «Русские сатирические журналы 1769—1774 годов», которую завершил и издал в 1859 г.

За четыре года до этого, когда вышел только первый выпуск сказок Афанасьева, академик И. И. Срезневский писал ему: «Нельзя ли вместе с этим изданием для ученых печатать сказки и для детей — голый текст, литературным правописанием, с переводом слов не общепринятых (под строкою) и с выпуском тех сказок, которые детям читать некстати?»[163]. Три года спустя Срезневский напомнил об этом Афанасьеву в другом письме: «Заслуга ваша, повторяю старую песню мою, была бы еще более, если бы вы не забыли и деток наших»[164]. На то, что изданные Афанасьевым сказки имеют воспитательное значение, «а дети слушают их охотнее всех нравственных рассказов и повестей», обращал внимание собирателя в 1856—1858 гг. Н. А. Елагин (брат П. В. Киреевского)[165].

Афанасьев не остался к этому равнодушным, но мечту о создании детского сборника смог осуществить лишь после издания всех восьми выпусков «Народных русских сказок» — во второй половине 60-х годов. В сборник «Русские детские сказки» он включил 29 сказок о животных, 16 волшебных и 16 бытовых сказок из своего основного собрания. Всего 61 текст. На пути издания этого сборника возникли серьезные препятствия со стороны цензуры. Об этом Афанасьев сообщал в письме к М. И. Семевскому: «В последнее время вздумал я издать несколько избранных сказок из моего сборника с картинками для детей, но встречаю такие ничем необъяснимые затруднения со стороны цензуры, что хоть бросай дело»[166].

Когда сборник сказок для детей уже вышел в свет, в 1870 г., член совета министерства внутренних дел П. А. Вакар, возглавлявший цензурный комитет, сделал представление в ведомство печати и указал, что 24 сказки этого сборника, т. е. почти половина его, вредны по содержанию: «Чего только не изображается в них, не говоря уже о главной основной идее почти всех этих сказок, т. е. торжества хитрости, направленной к достижению какой-либо своекорыстной цели, в некоторых проводятся олицетворенные возмутительные идеи, как, например, в сказке «Правда и кривда», в которой доказывается, что «правдою на свете мудренно жить, какая нынче правда! За правду в Сибирь угодишь...»[167]. Вакар нашел книгу вредной «по тому влиянию, которое она может иметь на восприимчивый ум детей, и в особенности между простолюдинами» и предложил

[162] Из писем Афанасьева к Де-Пуле, с. 87.
[163] *Грузинский*. Афанасьев, с. XL.
[164] Там же.
[165] Там же, с. XXXIX.
[166] *Иванков В. М.* Изучение А. Н. Афанасьевым фольклора как средства выражения народного мировоззрения. В кн.: Вопросы филологии и методики исследования. Воронеж, 1975, с. 47.
[167] *Данилов*. Сказка перед судом цензуры, с. 57.

сообщить ведомствам, в которых имеются учебные заведения, заключение цензурного комитета о вредности ее [168].

С данным заключением цензурного комитета связано то обстоятельство, что второе издание «Русских детских сказок» увидело свет лишь в 1886 году, через 16 лет после первого издания. Всего же этот сборник Афанасьева выдержал более двадцати пяти изданий. Иллюстрации к его сказкам относятся к лучшим произведениям многих талантливых художников — И. Билибина, Э. Лисснера, Р. Нарбута, Н. Каразина, Е. Рачева, Е. Поленовой, К. Кузнецова, Ю. Васнецова, Т. Маврина, А. Куркина и др. Вместе с тем это самый показательный материал для истории многообразных живописных стилей русской книжной иллюстрации на темы народного сказочного творчества за столетний период.

При подготовке и печатании «Народных русских сказок» — сначала первого издания, затем второго,— длившегося на протяжении двадцати лет, в руки Афанасьева попадали и материалы, незначительная часть которых, если и проходила рогатки цензуры и включалась в сборник, то в существенно препарированном виде, с пропусками. Что именно изымалось из них цензурою, достаточно четко прослежено в статье В. И. Чернышева «Цензурные изъятия из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева» [169]. Обнародованию другой части либо препятствовала та же цензура, либо от этого воздерживался сам собиратель по этико-эстетическим соображениям. В октябре 1856 г. Афанасьев писал П. П. Пекарскому: «В моем собрании много таких [сказок], которых печатать нельзя; а жаль,— они очень забавны» [170].

Как бы то ни было, но сказки второй группы составили специфическое и единственное в своем роде собрание, дошедшее до нас в наиболее полном виде в рукописи архивного фонда ИРЛИ. Можно утверждать, что существенную часть его составляют сказки, полученные от Даля. Вот что по этому поводу говорит сам Афанасьев: «В заключение прибавим, что некоторые очень любопытные сказки из собрания В. И. Даля, к сожалению. не могут быть допущены к печати, ради нескромности своего содержания: героем подобных рассказов чаще всего бывает *попов батрак*. Здесь много юмору, и фантазии дан полный простор» [171].

Сборник «Русские заветные сказки», изданный в Швейцарии (1-е издание 1872 г., 2-е стереотипное 1878 г.) содержит 77 основных сказочных текстов и, кроме того, около 20-ти полных или неполных их вариантов, приводимых в подстрочных примечаниях. Все они находят соответствие в текстах рукописи Афанасьева «Народные русские сказки не для печати. 1857—1862». В рукописи 164 текста «заветных сказок», преимущественно бытовых, но есть и волшебные, легендарные сказки, сказки о животных, а также «заветные» пословицы, заговоры, «байки». Оставшиеся неопуб-

[168] Там же, с. 58.
[169] Советский фольклор, 1936, № 2—3, с. 307—315.
[170] Из переписки А. Н. Афанасьева. Письма В. И. Даля и два письма П. П. Пекарскому. Сообщение Е. И. Якушкина.— В кн.: Помощь голодающим, с. 531.
[171] Из предисловия к 4-му выпуску первого издания. См. т. III наст. изд.

НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ СКАЗКИ.

А. Н. АѲАНАСЬЕВА.

Книга I.

(Съ портретомъ А. Н. Аѳанасьева, † 23 Сент. 1871).

Изданіе второе, вновь пересмотрѣнное, К. Солдатенкова.

Цѣна за 4 книги 6 р.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К., у Пречистенск. вор., д. Шиловой.

1873.

Титульный лист второго издания «Народных русских сказок». Москва. 1873 г.

ликованными сказочные тексты должны были послужить материалом для второй книги «Русских заветных сказок», издание которой не состоялось, но намечалось, о чем было объявлено в конце предисловия к женевскому сборнику: «...Мы намерены также издать *русские заветные* пословицы и продолжение *русских заветных сказок*. Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок».

Как и основной изданный сборник Афанасьева, его «Народные русские сказки не для печати» имеют в своем составе не только русские, но и украинские, белорусские фольклорные тексты. В примечаниях к некоторым текстам рукописного и опубликованного женевского сборников «заветных» сказок указаны те же места записи (уезды), что и в примечаниях к основному сборнику. И так же как в основном сборнике, даны Афанасьевым ссылки на варианты в примечаниях. Являясь ответвлением основного собрания Афанасьева, его «Народные русские сказки не для печати» в значительной своей части относятся к тем же сюжетным типам, что и изданные «Народные русские сказки», но среди них немало связанных с фольклорными, литературными памятниками народов зарубежного Востока и Запада. По тому поводу в предисловии к женевскому сборнику справедливо отмечено, что «наши заветные сказки ... дают обширное поле для сравнения содержания некоторых из них с рассказами почти такого же содержания иностранных писателей, с произведениями других народов» и расширяют научные представления о национальном сюжетном репертуаре.

На женевское издание в литературе высказывались две крайне противоположные точки зрения. Одна из них выражена Ю. М. Соколовым [172] (ее в принципе придерживаются фольклористы), другая А. И. Гуковским [173].

Соколов справедливо отмечал: «Резкая социальная сатира, с одной стороны, а с другой — крестьянская прямота и откровенность, не стеснявшаяся самых натуралистических картин и грубых выражений, делали невозможным появление книги в русской печати» [174].

Совсем по-иному подошел к оценке сборника «Заветные сказки» А. И. Гуковский [175]. Он начисто отрицал за ним какое-либо общественно-научное и литературное значение, утверждая, что народный характер этого сборника «по меньшей мере сомнителен», а включенные в него сказки, «во всяком случае, немалая их часть родилась в лакейской, а не в крестьянской избе».

Убедительным возражением этому является предисловие к женевскому сборнику, имеющее своим эпиграфом афоризм, приписываемый английско-

[172] *Соколов.* Жизнь и деятельность Афанасьева. с. LIV.

[173] *Гуковский А. И.* Не о всяких сказках вести сказ.— Вопросы истории, 1967, № 1, с. 184—186.

[174] *Соколов.* Жизнь и деятельность Афанасьева, с. LIV.

[175] Непосредственно поводом для полемики А. И. Гуковского явилась статья И. А. Былыгина и Л. Н. Пушкарева «Источниковедение» в «Советской исторической энциклопедии» (т. 6. М., 1965, стб. 596), в которой положительно оценивались издания «Русских заветных сказок».

РУССКІЯ

ЗАВѢТНЫЯ

СКАЗКИ

„Молимъ со умиленіемъ, аще кая неблагоискусна словеса и неблагостройна или поползновенна нѣкая погрѣшенія въ книзѣ сей обрящутся, не посуждати, ни поносити, любо-трудившимся.....“

Апеологіонъ — 1643.

ВАЛААМЪ

Тупарскимъ художествомъ монашествующей братіи.

Годъ мракобѣсія.

Титульный лист «Русских заветных сказок»

му королю Эдуарду III и ставший девизом основанного им ордена рыцарей Подвязки — «Honny soit qui mal y pense» (Пусть будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает): «Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, указывает просто на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгула юмору, сатире, иронии... Отдел сказок о так называемой народом «жеребячьей породе», из которых мы приводим только небольшую часть, ярко освещает и отношение нашего мужичка к своим духовным пастырям и верное понимание их» [176].

Острые антипоповские и антицерковные «заветные» сказки Афанасьева, являясь весьма характерными для русского народного репертуара, имеют немало общего со сказками оставшегося неопубликованным сборника,— «Поп и монах как прямые враги народа», который в целях пропаганды [177] составил И. Г. Прыжов, активный участник революционного движения 60-х годов, и тоже имели злободневное значение.

Пометка Афанасьева на рукописном сборнике «не для печати» означала, что он не может быть издан таким образом, как «Народные русские сказки» с ориентацией на широкого читателя. При этом собиратель исходил не только из цензурных условий, но и из собственных соображений и общепринятых этических норм. Эти три фактора в своей совокупности и преградили доступ сборника в его целостном виде в печать, что, однако, не исключало, что многие сказки из него свободно могли быть введены в широкий читательский оборот, если бы не цензурное вето.

Утверждения А. И. Гуковского о том, что цензура была «не слишком строга, когда в литературе появлялись насмешки над сельским попом», не выдерживают критики, поскольку идут явно вразрез с историческими фактами [178].

Нам представляется, что на создание сборника «Заветные сказки» большое влияние оказало известное письмо Белинского к Гоголю, охарактеризованное В. И. Лениным как «одно из лучших произведений бесцензурной демократической печати» [179]. В рукописи письмо ходило по рукам, и можно не сомневаться, что оно было известно Афанасьеву, страстному библиофилу, тесно связанному с передовыми кругами московского общества.

Отмечая, что «гнусное русское духовенство... находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа», Белинский продолжал: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет:

[176] См. т. III наст. изд.
[177] См.: *Трофимов И.* Неизвестные рукописи ученого-революционера.— Русская литература, 1966, № 3, с. 159—161.
[178] Известно, например, что при издании сочинений Пушкина Жуковский вынужден был попа в сказке о Балде заменить купцом. Аналогичную замену (попа на приказчика и попа на хозяина) по требованию цензуры пришлось произвести также Афанасьеву в сказке «Правда и Кривда» (№ 115), Худякову в сказке «Работник» (Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.; Л., 1964, № 93).
[179] Из прошлого рабочей печати в России. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

дурья порода, холуханы, жеребцы? — Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонства, бесстыдства?» [180].

Впечатление о жизни и быте представителей духовенства и неприязненно-враждебном отношении к нему народа Афанасьев вынес с раннего детства, когда проходил «школу» двух попов Иванов и являлся невольным свидетелем сцен их пьянства, повседневных семейных ссор и побоев, «поповской жадности, обращенной на прихожан (пригородных мужиков)». Неприязненное и, более того, враждебное отношение Афанасьева к барам-крепостникам, церкви и духовенству, с достаточной четкостью и определенностью выраженное во многих его статьях, письмах и «Дневнике», закономерно привело его к созданию сборника «Русские заветные сказки».

Иного рода ответвление основного собрания Афанасьева, чем этот сборник, представляют «Народные русские легенды». Некоторые сюжетные типы сказок-легенд имеются и в данном сборнике, и в сборнике «Народные русские сказки». Легенды, вошедшие в специальный сборник Афанасьева, были записаны в тех же русских, украинских и белорусских губерниях и в ряде случаев теми же собирателями (самим Афанасьевым, Далем, Якушкиным, Киреевским, М. Дмитриевым и др.), что и тексты главного сказочного сборника. Некоторые легенды были взяты Афанасьевым из старинных рукописных памятников.

В легендах о святых Афанасьева особенно привлекало причудливое смешение христианских представлений с языческими и яркое отражение сквозь их призму социальных воззрений и чаяний крестьянских масс. Целый ряд опубликованных им легенд отличался острой социальной направленностью и был проникнут антицерковным духом. В предисловии к сборнику и в примечаниях Афанасьев подчеркивал значение легенд не только как источника познания духовной жизни народа, но и как художественных произведений. Он отметил, например, что в некоторых легендах выступает в ярких чертах народный юмор, и обратил внимание на особенности трактовки русскими народными рассказчиками отдельных образов: «...в большей части русских сказок, в которых выведен на сцену нечистый дух, преобладает шутливый сатирический тон. Черт здесь не столько страшный губитель христианских душ, сколько жертва обманов, плутовства сказочных героев» [181].

После смерти Афанасьева вышло пять полных изданий «Народных русских сказок» (1873, 1897, 1913, 1936—1940, 1957) и многократно печатались книги избранных его сказок [182]. Перевод 41 сказки на анг-

[180] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., В 13-ти тт. М.: Изд-во АН СССР, 1956, т. X, с. 215.

[181] Народные русские легенды, собранные Афанасьевым. Издание полное. Лондон, 1859, с. 168 (примечание к тексту № 16).

[182] Из сборников «избранных сказок», изданных в советское время, назовем такие: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Избранные тексты/Под ред. М. Азадовского. Л., 1940; Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева/Сост. и вступ. статья В. П. Аникина. М., 1978.

лийский язык был издан в Лондоне в 1873 г. (*Ralston W. R. S.* Russian Folk-Tales). С тех пор вышло много научных изданий афанасьевских сказок на иностранных языках[183]. Самыми полными и распространенными из них являются нью-йоркское издание на английском языке 1945 г. в переводе Н. Гутермана, с послесловием и комментариями Р. Якобсона (Russian fairy tales, 186 текстов), туринское на итальянском языке 1955, 1973 и 1975 гг. в переводе Г. Вентури (Antiche fiabe ruse. Raccolte de A. N. Afanasjev, 246 текстов), венское двухтомное на немецком языке 1906 и 1910 гг. в переводе Анны Майер (66 текстов из сборника Афанасьева), штутгартское 1960 г. в переводе Ингрид Тинцман и Христины Коллер, с примечаниями Ф. Фишера и послесловием Д. Чижевского («Der Feuervogel. Märchen aus dem alten Russland» — сказки сборника Афанасьева преимущественно и из других сборников). Из имеющих научное значение французских сборников русских сказок наибольшее количество текстов основного собрания Афанасьева (22) содержит парижский Э. Хинса 1883 г.

Французский перевод «Русских заветных сказок» составил первый том многотомного издания Kryptadia. Recueil de documents pour servierà l'étude de traditions populaires, изданный в Париже в 1883 г. тиражом всего лишь 175 именных пронумерованных экземпляров[184]. Вторично «Русские заветные сказки» были изданы в Париже на французском языке в 1912 г. в серии «Bibliothéqu de curiex» с предисловием и примечаниями Б. де-Вилленёва — «Cont secrets russes». В 1976 г. в Париже вышла на русском языке книга «Русские заветные сказки», представляющая фототипическое воспроизведение женевского издания 1878 года. Некоторые тексты из рукописного и изданного в Швейцарии сборника «заветных» сказок были напечатаны в приложении к третьему тому 5-го издания «Народных русских сказок» (1940) и в сборниках избранных русских народных сказок, изданных в 1930-е годы и после Великой Отечественной войны.

Сборник Афанасьева «Народные русские легенды», запрещенный в 1860 г., не переиздавался в течение 54-х лет. В 1914 и 1916 гг. эти легенды снова были напечатаны в Москве — с предисловием и под редакцией С. К. Шамбинаго. Почти одновременно с московским вышло в 1914 г. казанское их издание под редакцией И. П. Кочергина. Тексты в обеих книгах были перепечатаны с московского сборника 1860 г. В сокращенном виде «Народные русские легенды» были изданы в 1916 г. для детей (под редакцией А. Печковского. М., изд-во «Проталинка»). Все 30 основных текстов легенд сборника Афанасьева — без вариантов — вошли в двухтомник: Афанасьев А. Н. Народные сказки и легенды, т. 1—2. Предисловие и примечания А. Ф. Левис оф Менара. Изд-во И. П. Ладыжникова, Берлин, 1922.

[183] *Harkort F., Pollok K. H.* Übersetzungen russischer volksmärchen aus der Sammlungen von A. N. Afanasev.— Slawistische zum VI Internationalen Slavistenkongress in Prag. 1968. München, S. 591—630.

[184] Один из этих экземпляров имеется в фонде редких книг ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (Отд. Полиграфия, 14.LXIV. 7. 56).

Сказки Афанасьева печатались в популярных сборниках не только на русском, но и на других языках нередко в обработанном виде. Значительную роль в ознакомлении зарубежных читателей с многими адаптированными текстами «Народных русских сказок» в переводе сыграли, например, сборники Р. Н. Бэйна на английском языке[185], Ф. Вымазала и Б. Голецковой-Сейдловой на чешском языке[186], Л. Флашена на польском языке[187], М. Селакович-Ткач на сербском языке[188].

Отразились афанасьевские сказки в позднем русском лубке, в устных вариантах сказок народных рассказчиков, во всех видах изобразительного народного и профессионального искусства. Разнообразное синтетическое воплощение получили они также на сценах драматических и музыкальных детских театров и в кинофильмах. В советское время многие из сказок Афанасьева, благодаря массовым их изданиям для детей, получили небывало широкое распространение.

Научная деятельность А. Н. Афанасьева отличалась исключительной многогранностью и вместе с тем целостностью. В его лице сочетались фольклорист, этнограф, историк, литературовед, педагог, правовед, библиограф и журналист. Главным же среди трудов Афанасьева является фундаментальный сборник «Народные русские сказки». Это фольклорный и литературный памятник не только национального, но и мирового значения, сыгравший выдающуюся роль в развитии русской культуры и не утративший своей художественной и научной ценности в наше время.

[185] *Bain Lisbet.* Russian Fairy Tales from the Skazki of Polevoi. London, 1893; Cossack Fairy Tales and Folk-Tales. London, 1894.

[186] Ruske narodni póhadky ze sbirku A. N. Afanasjeva/Vybral a přel. Fr. Vymazal. Brno: Matice moravska, 1883; Ruske narodné póhadky z Afanasjevova zborniku/Vybrala a přel. Bozena Holeckova-Seidlova. Praha, 1927.

[187] Bajki rossyjskie/Tlum. L. Flaszen. Kraków: Wyd-wo literackie, 1962.

[188] Руське народне припозетке/Прев. Мариа Селаковић-Ткач. Београд: Дечіја књига, 1952.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кирпичников А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889, т. 1, с. 860—870.
Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891, т. II, с 110—132.
Грузинский А. Е. А. Н. Афанасьев (биографический очерк).— В кн.: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1897, т. I, с. V—XL.
Савченко С. В. Русская народная сказка (История собирания и изучения).— Киев, 1914, с. 140—145 и 325—332.
Соколов Ю. М. Жизнь и научная деятельность А. Н. Афанасьева.— В кн.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3-х томах. М.: 1936, т. I, с. IX—LVII.

В последнее время (особенно в 60—70-е годы) в ряде исследований советских ученых биография Афанасьева была дополнена новыми важными сведениями и пересмотрена трактовка общественных позиций и идейно-политических взглядов собирателя. Этому во многом способствовали эпистолярное наследство Афанасьева и его «Дневник. Отрывки из моей памяти и переписка», сохранившийся в рукописном фонде декабриста И. Д. Якушкина (ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 1060). К таким работам относятся:

Тонков В. А. Александр Николаевич Афанасьев (К 120-летию со дня рождения).— Литературный Воронеж, 1947, № 1 (16), с. 337—360;
Азадовский М. К. История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1963, т. 2, с. 73—84.
Пропп В. Я. Предисловие.— В кн.: Народные русские сказки Афанасьева: В 3-х томах. М.: Художественная литература, 1957. Т. 1, с. III—XVI.
Pomeranzewa E. A. N. Afanas'ev und die Brüder Grimm.— In: Deutsches Jahrbuch für Volkskunde. Brl., 1963, Bd. 9, Teil 1, S. 94—103.
Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965, с. 77—105;
Ельницкая Т. Из дневника А. Н. Афанасьева.— Вопросы театра, М., 1965, с. 289—293.
Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Мысль, 1966.
Порудоминский В. И. «А не рассказать ли тебе сказку?» Повесть о жизни и трудах сказочника А. Н. Афанасьева. М.: Детская литература, 1970
Равич Л. М. Афанасьев и журнал «Библиографические записки» (К 100-летию со дня смерти А. Н. Афанасьева).— Советская библиография, 1971, № 6, с. 45—60.
Желвакова И. А. Из записок прошлого столетия — Прометей. М., 1972, т. 9, с. 200—209.
Павлова В. А. А. Н. Афанасьев — собиратель воронежского фольклора. Сл.: Вопросы истории и филологии. Воронежский Гос. ун-т, 1972, с. 45—56.
Лазутин С. Г. Дневник А. Н. Афанасьева.— Подъем, 1973, № 4, с. 153—160.
Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. М.: Мысль, 1973.
Иванков В. М. А. Н. Афанасьев и революционная ситуация в России конца 50-х — начала 60-х годов XIX века (К вопросу об общественном лице ученого).— В кн.: Вопросы истории и филологии. Известия Ростовского ун-та, Ростов, 1974, с. 164—177.
Порудоминский В. И. «Я полюбил Пушкина еще больше...» (Пушкин в «Библиографических записках». Из писем Афанасьева к Геннади).— Прометей, М., 1974, т. 10, с. 206—217.
Иванков В. М. Изучение А. Н. Афанасьевым фольклора как средства выражения народного мировоззрения.— В кн.: Вопросы филологии и методики исследования. Воронеж, 1975, с. 29—48.
Баландин А. И. Мифологическая школа.— В кн.: Академические школы в русском литературоведении. М.: Наука, 1975, с. 61—77.
Лазутин С. Г. Ученый-демократ (К 150-летию со дня рождения А. Н. Афанасьева).— Подъем, 1976, № 6, с. 150—155.

Порудоминский В. И. Не уклоняясь от добра и правды. К 150-летию со дня рождения А. Н. Афанасьева.— Новый мир, 1976, № 7, с. 236—246.

Круглов Ю. Г. Сказки заветные.— Семья и школа, 1976, № 7, с. 55—56.

Жигулев А. Исследователи и собиратели русского народного творчества. К 150-летию со дня рождения А. Н. Афанасьева и 175-летию со дня рождения В. И. Даля.— Дошкольное воспитание, 1976, № 7, с. 77—83.

Иванков В. М. А. Н. Афанасьев — фольклорист и историк литературы (Социально-экономические взгляды ученого). Автореферат диссерт. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1977.

Levin J. Afanas'ev Aleksandr Nikolaevič.— Enzyklopedie des Märchens. Berlin; New York (1977). Bd. I. Lieferung 1, S. 127—137.

Аникин В. П. Александр Николаевич Афанасьев и его фольклорные сборники.— В кн.: Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева. М.: Художественная литература, 1978, с. 5—19.

Письма А. Н. Афанасьева к П. П. Пекарскому. Публикация З. И. Власовой.— В кн.: Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 1978, с. 64—83.

Из писем А. Н. Афанасьева к М. Ф. Де-Пуле/Публ. М. Д. Эльзона.— В кн.: Из истории русской фольклористики. Л.: Наука, 1978, с. 64—83.

Левинтон Г. А. От публикатора (комментарии к главе монографии А. Н. Афанасьева «Илья Громовник и Огненная Мария»).— Литературная учеба, 1982, № 1, с. 154—157.

Иванов В. В. О научном ясновидении Афанасьева, сказочника и фольклориста.— Там же, с. 157—161.

Кирдан Б. П. А. Н. Афанасьев — фольклорист, гражданин, демократ.— В кн.: А. Н. Афанасьев. Древо жизни. Избранные статьи. М.: Современник, 1982, с. 5—20.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
Абхаз. ск.— Абхазские народные сказки/Сост. К. С. Шакрыл. М.: Наука, 1975.
Адрианова-Перетц. Очерки — *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
Адрианова-Перетц. Сатира XVII в.— Русская демократическая сатира XVII века/Подг. текстов, статья и комм. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, дополн. М.: Наука, 1977.
Аникин — *Аникин В. П.* Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1978.
Арайс-Медне — Arājs K., Medne A. Latviešu Pasaku tipu Rādītājs.
Афанасьев. Поэт. воззрения — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865—1869, т. I—III.
Ахмар. ск.— Ахмарские народные сказки/Пер., пред. и прим. Э. Б. Ганкина. М.: Наука, 1979.
Бабрий — см. *Федр. Бабрий.*
Башк. творч.— Башкирское народное творчество. Сказки. Уфа. 1976—1983, кн. I—V (Тексты на башкирском, комментарии на русском языках).
Бессонов. Башк. ск.— Башкирские народные сказки/Запись и пер. А. Г. Бессонова, под ред. Н. К. Дмитриева. Уфа, 1941.
Бобров. РФС — Бобров В. Русские народные сказки о животных.— Русский филологический вестник, 1906, № 3—4; 1907, № 1, 2, 3; 1908, № 1, 2, 3.
Бурят. ск.— Бурятские народные сказки. Волшебно-фантастические и о животных/Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ, 1976.
ВГО — Всесоюзное географическое общество (см. *РГО*).
Волков Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина. Баллады и сказки. Черновицы. 1960, с. 136—154.
Груз. ск.— Грузинские народные сказки (Сто сказок)/Сост. и пер. Н. И. Долидзе. Тбилиси, 1971.
Добровольский — Смоленский этнографический сборник/Сост. В. Н. Добровольский. СПб., 1891, ч. I (Записки РГО, т. XX).
Етногр. зб.— Етнографічний збірник / Видає етнографічна комісія Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові.
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.
Зеленин. Вят. ск.— Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина (Записки РГО, 1915, т. XLII).
Зеленин. Перм. ск.— Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина (Записки РГО, 1914, т. XLI).
Казах. ск.— Казахские народные сказки в трех томах. Алма-Ата, 1971, т. I—III.
Колмачевский — Колмачевский З. И. Животный эпос на Западе и у славян. Казань, 1882.
Коргуев — Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск, 1939, кн. I—II.
Ларец — Бирюзовый ларец/Собрали и записали М. Афзалов, Х. Расулев, З. Хусаинова. Сост. М. Шевердин. Ташкент, 1967.
Лекарство...— Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки. СПб., печ. у Вильковского и Галченкова, 1786 (переиздания: 1793, 1815, 1819, 1830).
Матвеева — Русские народные сказки Сибири о богатырях/Сост., вступ. статья и комм. Р. П. Матвеевой. Новосибирск: Наука, 1979.
Мелетинский — *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.

Новиков — *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974.
Орбели — *Орбели И.* Басни средневековой Армении. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
Осет. ск.— Осетинские народные сказки/Собр. Г. А. Дзагуров. М.: Наука, 1973.
Перм. сб.— Пермский сборник, 1859, кн. I, отд. 2; 1860, кн. II, отд 2.
Повествователь...— Повествователь русских сказок. М., 1787.
Погудка...— Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Издана для любителей оных иждивением московского купца Ивана Иванова. М., тип. А. Решетникова, 1795, ч. I—III.
Прогулки...— Дедушкины прогулки, содержащие в себе 10 русских сказок. СПб., 1819. Первое изд.— СПб., 1786.
Пропп. Ист. ск.— *Пропп. В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
Пропп. Кум.— *Пропп В. Я.* Кумулятивная сказка.— В кн.: Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976.
Пушкин. Прил. I — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6-ти т. М.: Л.: 1936, т. II. прил. I. Записи сказок, с. 483—489.
РГО — Русское географическое общество (см. *ВГО*).
Романов — *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1887, вып. III; 1891, вып. IV; Могилев, 1901, вып. VI.
Рудченко — Народные южнорусские сказки / Изд. И. Рудченко. Киев, 1869—1870, вып. I—II.
Ск. Дагестана — Сказки народов Дагестана/Пер., сост. и прим. X. Халиева. М., 1965.
Смирнов — Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества/ Изд. А. М. Смирнов. Вып. I—II. Записки *РГО*, 1917, т. XLIV.
Страпарола. Приятные ночи — Джованфранческо Страпарола Да Караваджо. Приятные ночи/Изд. подготовили: А. С. Бобович, А. А. Касаткин, Н. Я. Рыкова. М.: Наука 1978.
СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Бараг Л. Г. Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Л.: Наука, 1979.
Тат. творч.— Татарское народное творчество. Казань, 1977—1981, т. I—III (на татар ском языке).
Тимофеев — Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок/Собр. и изд Петром Тимофеевым. М., тип. Пономарева, 1787.
Узбек. ск.— Узбекские народные сказки в двух томах/Сост. М. И. Афзалов, X. Расулев, З. Хусаинова. Ташкент, 1960—1961, т. I—III.
Федр, Бабрий — Федр и Бабрий. Басни/Пер. М. Гаспарова. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова/Изд. подг. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1964.
Четкарев — Марийские народные сказки/Записи, пер. и комм. К. А. Четкарева. Йошкар-Ола, 1956.
Шейн. Вел.— Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п./Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898, т. I, вып. 1.
Эзоп — Басни Эзопа/Пер., статья и комм. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1968.
Эрзан. ск.— Устно-поэтическое творчество мордовского народа/Сост. и прим. А. И. Маскаева. В 8-ми т. Саранск, 1967, т. 3. ч. 2.
Этногр. обозр.— Этнографическое обозрение. Издание Этнографического Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

AT — The types of the folktale. A classification and bibliography/Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by Stith Thompson. 2-revesion. Helsinki, 1964.
Benfey — *Benfey Th.* Pantschatantra. Leipzig. 1859. Bd. I.
Chauvin — *Chauvin V.* Bibliographie des ouvrages arabes, ou relatifs aux arabes, pupliés de 1810 à 1885. Liege, 1892—1922, t. I—XII.
Dähnhardt — *Dähnhardt O.* Natursagen. Leipzig; Berlin. 1907—1912. Bd. I—IV.
FFC — F. F. Communications. Edited for the Folklore Fellows.
Federowski — *Federowski M.* Lud bialoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897—1903, t. I—III.

Gerber — *Gerber A.* Great Russian Animal Tales. Baltimor, 1891.
Graf — *Graf A.* Die Grundlagen des Reineke Fuchs (FFC, N 38). Helsinki, 1920.
Haavio — *Haavio M.* Kettenmarchen (FFC, N 88). Helsinki, 1929.

Krohn. Bär — *Krohn Kaarle.* Bär (Wolf) und Fuchs, eine nordische Tiermärchenkette. Helsingfors, 1889.
Krohn. Mann — *Krohn Kaarle.* Mann und Fuchs, drei vergleichende Märchenstudien. Helsing fors, 1891.
Krzyżanowski — *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wyd. 2. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1962—1963, t. I—II.
Krzyżanowski. Sz. — *Krzyżanowski J.* Szkice folklorystyczne. Kraków, [1980], t. I—III.

Liungman — *Liungman W.* Die schwedischen Volksmarchen. Berlin, 1961.
Novelline — Novelline populari sammarinesi/Anderson W. Tartu, 1927—1929, 1933, t. I—III.

Ranke — *Ranke K.* Die zwei Bruder, eine Studie zur vergleichenden Märchenforschung (FFC, N 114). Helsinki, 1934.

Schott — *Schott Arthur* und *Albert.* Walachische Volksmärchen. Stuttgardt; Tübingen, 1845.
Sudre — *Sudre L.* Les sources du Roman de Renard. Paris, 1892.

Wesselski — *Wesselski A.* Märchen des Mittelalters. Berlin, 1925.

Wesselski. Vers. — *Wesselski A.* Versuch: einer Theorie des Märchens. Reichenberg, 1931.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказки А. Н. Афанасьева выдержали множество разных русских изданий и немало изданий на других языках в нашей стране и за рубежом. Однако полное издание этих сказок является лишь седьмым.

Первое издание вышло в 1855—1863 гг., в восьми выпусках, из них первые три трижды печатались при жизни Афанасьева, а четвертый два раза [1]. В 1873 г. появилось второе (посмертное) издание сказок в четырех книгах, подготовленное им самим. Четвертую книгу составили примечания [2]. Сказочный материал здесь дополнен немногими текстами и впервые размещен по определенной классификационной системе (сказки о животных, волшебные, новеллистические, бытовые сатирические сказки и анекдоты), сохраняемой во всех последующих полных изданиях. В третьем издании, вышедшем в 1897 г. в двух томах, подготовленных А. Е. Грузинским, тексты сказок воспроизведены по 2-му изданию под теми же заглавиями и номерами, снабжены предметным и именным указателями; I тому предпослан обширный очерк жизни и научной деятельности А. Н. Афанасьева, дополненный в издании 1913 г. новыми сведениями по неизданным материалам [3]. Фундаментальностью отличается и двухтомное берлинское издание «Народных русских сказок и легенд» 1922 г. с предисловием и научными примечаниями А. Ф. Лёвиса оф Менара, хотя оно неполное: варианты сказок сюда не вошли, но наряду со сказками напечатаны 33 текста легенд из сборника Афанасьева «Народные русские легенды» (по московскому изданию 1914 г.) [4]. В предисловии сказки Афанасьева охарактеризованы как драгоценный материал для изучения народного творчества и народной психологии, отмечены в них отголоски глубокой старины и особенности стиля русских сказочников; в примечаниях к текстам Афанасьева здесь впервые даны ссылки на сравнительный восточнославянский и международный сюжетный материал по указателям А. М. Смирнова, А. Аарне, а также И. Больте и Ю. Поливки.

Пятое (первое советское) полное издание сказок Афанасьева, подготовленное М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым и Ю. М. Соколовым, вышло в 1936—1940 гг.

[1] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М.: Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1855, вып. 1; 1856, вып. 2; 1857, вып. 3; 1858, вып. 1—4; 1860, вып. 1—4; 1861, вып. 5—6; 1863, вып. 7—8.

[2] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки (с портр. А. Н. Афанасьева). Изд. 2-е, вновь пересмотренное. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1873, кн. I—IV.

[3] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Изд. 3-е доп. биогр. очерком и указателями под ред. А. Е. Грузинского, с илл., портр. т. I—II. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1897; Русские народные сказки А. Н. Афанасьева/Под ред. и с биогр. очерком А. Е. Грузинского, с картинками А. Комарова, М. Щеглова. Изд. 4-е, в 5-ти томах. Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913—1914, т. I—V.

[4] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки и легенды. С предисл. и примеч. А. Ф. Лёвиса оф Менара. Т. 1—2. Берлин: Изд. И. П. Ладыжникова, 1922.

в трех томах [5]. Ряд текстов сказок, рукописные источники которых сохранились в ленинградском архиве Всесоюзного географического общества, были сличены составителями-редакторами с первоисточниками. Рукописные материалы использованы в комментариях, освещены особенности отдельных сюжетов и их вариантов. Последовательная нумерация текстов, введенная в пятом издании, принята и в шестом, а также в настоящем седьмом изданиях. Частично в пятом издании были впервые восстановлены по сохранившимся корректурным листам строки и отдельные слова, не пропущенные в печать царской цензурой. Внесены некоторые орфографические изменения в сказочные тексты соответственно современным правилам правописания. В приложениях к отдельным томам напечатаны лубочные сказки из примечаний Афанасьева, а в приложении к III тому также 33 текста из «Русских заветных сказок» по поступившей во время подготовки пятого издания в научный архив Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР рукописи Афанасьева 1857—1862 гг.; некоторые из них публиковались впервые. Научный справочный аппарат и объем «Дополнений» по сравнению с предыдущим изданием расширен.

Шестое, тоже трехтомное, издание, 1957 г. подготовлено проф. В. Я. Проппом [6]. Тексты Афанасьева переведены им на современную орфографию. «Заветные сказки» в это издание не вошли. В примечаниях В. Я. Проппа, заключающих каждый том, воспроизведены ссылки на варианты отдельных мотивов и пояснения в примечаниях и сносках самого Афанасьева. В шестом издании нет подробных комментариев, но в приложении к последнему тому дан указатель сюжетов афанасьевского сборника со ссылками на параллели в главнейших сборниках русских народных сказок, учтенных в указателе Н. П. Андреева по международной системе Аарне и вышедших после этого указателя.

В настоящем седьмом полном издании сказок Афанасьева в основном сохраняются текстологические принципы издания 1957 г. Произведя сверку сказочных текстов по изданию 1873 г., составители сделали некоторые уточнения по сравнению с изданием В. Я. Проппа. В «Дополнениях» к III тому печатаются предисловия Афанасьева к 1-му, 2-му и 4-му выпускам первого издания. К основному корпусу сказок этого же тома присоединены также тексты лубочных сказок из примечаний Афанасьева в IV книге издания 1873 г., а в «Дополнениях» к нему печатаются «Заметка о сказке «Еруслан Лазаревич»», сказки, изъятые цензурой, сказки из сборника «Русские заветные сказки» и из рукописи «Народные русские сказки не для печати» с предисловием к женевскому изданию «Русских заветных сказок».

Подстрочные пояснения Афанасьева к отдельным словам и выражениям в настоящем издании воспроизведены полностью; если необходимо, даются и дополнительные пояснения, обозначенные в скобках (Ред.). В примечаниях, данных в «Приложениях» к каждому тому, в тех случаях, когда сюжетный тип сказки не полностью соответствует номеру международного указателя АТ, номер отмечается «отчасти». Уточнены по сохранившимся рукописям ВГО некоторые паспортные сведения о записях сказок, имевшиеся в прежних изданиях сборника Афанасьева Их неполнота в ряде

[5] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказкн/Под ред М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. /Л./: Academia, 1936, т. I; Гослитиздат, 1938—1940, т. II, III.

[6] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах/Подготовка текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. М.: Гослитиздат, 1957 (т. 1, 2, 3).

случаев обусловлена недостаточностью указаний в рукописном или печатном источнике. Указывается и время поступления записи сказки в архив ВГО.

В «Примечаниях» приводятся варианты сказок, цитируемые Афанасьевым в примечаниях и сносках, и все ссылки Афанасьева на восточнославянские варианты сказок. Ссылки на фольклорные сборники и научную литературу в примечаниях располагаются в хронологическом порядке.

В целях равномерного распределения текстов по томам и придания отдельным томам большей тематической целостности, ряд сказок, напечатанных в пятом и шестом изданиях в начале II и III томов, перенесены в I и II томы при сохранении сквозной нумерации: т. I, №№ 1—178; т. II, №№ 179—318; т. III, №№ 319—593. Сказки раздела «Дополнения» (25 текстов лубочных сказок: №№ 554—579: сказки, изъятые цензурой: №№ 580—582; из «Русских заветных сказок»: №№ 1—45). Исправлены отдельные неточности в нумерации «Заветных сказок» женевского сборника, вкравшиеся в комментарии к пятому изданию. Уточнены шифры и паспортные данные, относящиеся к текстам архива ВГО, приведенные как в комментариях к пятому, так и в примечаниях к шестому изданиям.

Кроме рукописных источников сказок сборника Афанасьева, сохранившихся в архиве *ВГО* и учтенных в комментариях к пятому и в примечаниях к шестому изданиям в примечаниях к изданию учтены еще 17 текстов сказок и 12 анекдотов этого архива, послуживших источниками афанасьевского сборника. Печатные материалы сверены с рукописными. Ввиду значительной стилистической правки Афанасьевым отдельных текстов из архива *ВГО*, проверенных составителями, рукописный оригинал в одних случаях воспроизводится в примечаниях полностью, в других — в разночтениях, но не буквально, а в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации.

Использованы вместе с тем наблюдения над особенностями редакторской работы Афанасьева, которые учтены в комментариях к изданию 1936—1940 гг. Однако сверка печатных текстов с рукописными не дала оснований принять предположение об ослаблении Афанасьевым социальных мотивов в процессе правки отдельных записей сказок (например, текстов № 28, 107, 274 и др.). Рукописи собирателей он подвергал редакционной правке, когда находил в них отступления от традиционного устного народного стиля. Исключения представляют тексты, в которые Афанасьеву пришлось внести изменения по цензурным соображениям (например, текст № 115, восстановленный по корректурному экземпляру, не пропущенному в полном виде цензурой).

В своей работе над записями сказок А. Н. Афанасьев пользовался многими источниками, но к некоторым обращался особенно часто и давал на них ссылки в подстрочных примечаниях. Так как мы в нашем издании приводим эти подстрочные примечания самого Афанасьева в том виде, как он их давал, то здесь помещаем полное библиографическое описание этих основных трудов, на которые есть ссылки у Афанасьева во всех 3-х томах:

Путевые записки Вадима [Пассека]. М.: в типографии Семена Селивановского, 1834.

Müller S. Słownik polsko-rossyyski. Wilno, 1841, t. 1—3;

Опыт областного великорусского словаря/Изданный Вторым отделением Академии наук [под ред. А. Х. Востокова]. СПб., 1852.

Словарь малорусского наречия/Сост. А. Афанасьевым-Чужбинским. СПб.: Второе отделение Академии наук, 1855, тетр. 1.

Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб.: Второе отделение Академии наук, 1858.

Примечания рассчитаны на читателей, интересующихся вопросами сравнительного изучения сказочного фольклора, его связями с художественной литературой. В них имеются следующие сведения:

1. Порядковый номер данного и 6-го, 5-го изданий и в скобках номер по 2-му, 3-му и 4-му изданиям;
2. Где и кем записана сказка, и о ее рукописном источнике, если он сохранился;
3. Варианты из примечаний Афанасьева; пояснения историко-этнографического характера;
4. Анализ сюжетного состава сказки по международному указателю Аарне—Томпсона (*АТ*). В тех случаях, когда сюжет, не отмеченный в АТ, учтен в восточнославянском сравнительном указателе (*СУС*), дается ссылка на особый его номер;
5. Является ли сюжетная контаминация традиционной для восточнославянского или русского фольклора;
6. Географическое международное распространение сюжетов;
7. Численности русских, украинских и белорусских опубликованных вариантов сюжетных типов по СУС, где есть соответствующие библиографические указания;
8. Сведения о литературной истории сюжетов, о первых русских публикациях, лубочных изданиях;
9. Ссылки на основные научные исследования;
10. Особенности данного сказочного текста.

1—7. ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК
(с. 11—20)

1(1а) Записано в Бобровском уезде Воронежской губ. А. Н. Афанасьевым в 1848 г.
АТ 1 (Лиса крадет рыбу с воза)+ *2* (Волк у проруби)+ *3* (Лиса замазывает голову тестом)+ *4* («Битый небитого везет»)+ *43* (Лубяная и ледяная хатка)+ *30* (Волк, благодаря лисе, попадает в яму)+ *170* («За скалочку гусочку»)+ *61 А* (Лиса-исповедница).

Контаминация сюжетных типов 1, 2, 3, 4 нередко встречается в восточнославянских сказках, но восьми-семисложные сцепления сюжетов, встречающиеся в русских сказках о животных, не отмечены в украинских и белорусских. Типы *1* и *2* слиты воедино в сказках очень многих народов мира. Тип. *1*: русских вариантов — 31, украинских — 17, белорусских — 7. Тип *2*: русских — 28, украинских — 13, белорусских — 10. Тип *3*: русских — 13, украинских — 7, белорусских — 5. Тип *4*: русских — 14, украинских — 11. Тип *43*: русских — 21, украинских — 2, белорусских — 3. Тип *30*: русских — 2, украинских — 2. Тип *170*: русских — 19, украинских — 7. Тип *61 А*: русских — 14, украинских — 8. В этом тексте отсутствует характерный для типа *43* эпизод захвата волком лисьей хатки (ср. тексты № 10—14) и характерный для типа *30* эпизод состязания в беге. Сюжет типа *61 А* здесь не развернут (ср. тексты № 15—17). Сказки типа *1*, *2* связаны с басней Федра «Лисица и волк» (I в. н. э.), которая в IV в. была переложена латинской прозой (*Эзоп*, № 49, с. 222—223) и в XI—XII вв. переведена на английский и французский яз.; такие сказки получили отражение в «Древнееврейских баснях» Берахия (XIII в.), во французском «Roman de Renart» (XIII в.) и в других средневековых западноевропейских поэмах о хитром лисе. Из русских писателей сказки о лисе и волке обрабатывали В. И. Даль, Г. П. Данилевский, А. Н. Толстой и др. Сюжетному типу *30* соответствует басня Эзопа «Лисица и козел» (*Эзоп*, № 9, с. 66), «Рассказ о лисице и волке» в «Тысяче и одной ночи» (ночь 149) и эпизод в средневековых поэмах о лисе и волке в самой ранней из них латинской «Isengrimus» (XII в.). Сюжет типа *43* учтен в восточнославянских, балтских, а также словинских и индийских сказках; типа *170* — только в русских, украинских, турецких и сказках балтских народов, а также в одной вест-индской негритянской сказке. Сюжет типа *61 А* известен по русским, украинским, польским, греческим фольклорным сборникам, а также по древнерусской «Повести о куре и лисе», прозаические и стихотворные варианты которой дошли до нашего времени в рукописных списках XVIII—XIX вв. (см.: *Адрианова-Перетц. Сатира XVII в.*, с. 58—84, 159—161) и по лубочным сказкам. Исследования: *Колмачевский*, с. 89 (*АТ 1, 2*); *Krohn. Bär*, S. 26—27 (*АТ 4*); *Dähnhardt*, I, S. 267; IV, S. 219, 225, 250, 304 (*АТ 1, 2*), S. 243, 244 (*АТ 3, 4*); *Бобров. РФВ*, 1907, № 3, с. 163—168; *Graf*, S. 44—45; *Адрианова-Перетц В. П.* Казкі про лисицю-сповідницю.— Етнографічний вісник, кн. 10, Киïв, 1932, с. 27—45; *Адрианова-Перетц. Очерки*, с. 163—224 (*АТ 61 А*); *Аникин*, с. 57, 60, 70—72 (*АТ 1, 2, 3*), 69, 82 (*АТ 43*), 77—78 (*АТ 170*), 62—63 (*АТ 61 А*); *Пропп. Кум. ск.*, с. 245, 252 (*АТ 170*).

2(1а, вар. 1) Записано в Переславль-Залесском уезде Московской губ. Н. Бодровым. *АТ (1) + + 2 + 3 + 4*.

К словам «— А вот кувшин, надень...» (с. 13). Афанасьев в сноске указал вариант: «— А вот кошелка, прицепи...» (ср. текст № 7 — по совету лисы волк привязывает к хвосту ведро).

3(1а, вар. 2) Записано во Владимире.
АТ (1) + 2. Опущен эпизод сюжета о краже лисой рыбы. Приговоры лисы («Ясни, ясни на небе! Мерзни, мерзни, волчий хвост!») и волка («Ловися, рыбка, и мала и велика!») — традиционные стилистические формулы восточнославянских сказок.

В сноске под вар. 2 Афанасьев привел другой вариант окончания сказки о лисе и волке, записанной в Тамбовской губернии и относящейся к типу *АТ 4*: «встречает-

ся избитый волк с лисой: «Бирюшка, бирюшка (бирюк — волк), а где же ты хвост-то потерял?» спрашивает лиса. «Да вот я от твоей науки принял такой муки, что и хвост-то потерял!» — «Цц, бирюшка, с кем беда не живет; посмотри-ка мне и головушку-то всю испробили». Волк сажает лису на себя и везет, она припевает: «Битый небитого везет». Волк услышал припев лисы, увидел, что она смеется над ним и растерзал ее».

В рукописи (архив ВГО, р. XL, оп. 1, № 6, лл. 12—12 об.; 1848) окончание сказки выглядит так: «Лисица, притворившись, что она больна, спрашивает бирюка: «Бирюшка, бирюшка, а где же ты хвост-то потерял?» Он ей в ответ: «То-то кумушка, ты научила меня, как рыбкой лакомиться, да вот» и пр.— до слов: «всю испробили», после чего волк продолжает: «Ну верно мы с тобой, кума, поравнялись напастьми; садись же на меня, я довезу тебя до твоей лачужки». Лисица села на бирюка и вздумавши еще посмеяться над ним стала приговаривать: «Битый небитого везет».— «Что ты, лисушка?» — спрашивает ее бирюк. «Я так, куманек,— я говорю битый битого везет. Потом лисица другой раз тоже проговорила. Бирюк все еще не расслыхал хорошо. Но в третий раз, расслышав слова лисицы, и видя, что она над ним смеется, тотчас растерзал лисицу».

4(1b) Записано в Харьковском уезде писателем Г. Ф. Квиткой-Основьяненко (1778—1843). В его переводе, с украинского языка на русский, отчасти сохранены особенности украинской речи персонажей.

АТ 15 (Лиса-повитуха) + *1* + *2* + *3* + *158* (Звери в санях у лисы) + *4*. В данном не развернутом варианте типа *15* отсутствуют такие традиционные эпизоды: лиса трижды притворяется, будто ее зовут в повитухи; украдкой съедает хранившийся про запас мед (ср. тексты № 9—13). Сюжет бытует преимущественно в Восточной Европе, но встречается и в сказках, записанных в западной части европейского континента, а также в некоторых странах других частей света. Русских вариантов — 22, украинских — 6, белорусских — 2. В подобных сказках некоторых народов выступают другие персонажи: кот и мышка во французских, немецких, иногда в латышских; кот и простодушная крестьянка в исландских сказках. Близко соответствуют русским и, вероятно, восходят к русскому фольклору татарские, башкирские, осетинские, дагестанские (например, лакская сказка) и другие сказки восточных народов СССР. Ареал распространения сюжета «В санях лисы» в основном ограничен Восточной Европой. Русских вариантов — 27, украинских — 18, белорусских — 11. Обычно сюжет развивается несколько иначе: лиса везет на санях несколько зверей; пока она ищет в лесу оглоблю взамен сломанной, звери съедают лошадь (бычка) и оставляют вместо нее чучело (ср. тексты № 6, 7, 8). Контаминация сюжетных типов *158* и *1*, *2*, *3*, *4* является традиционной для восточнославянского фольклора. Вступительная часть имеет многочисленные параллели в украинских сказках, относящихся к этим типам (ср. текст № 6). Исследования о сюжете типа *15*: *Krohn. Bär*, S. 74—76 (высказывается спорное предположение о северноевропейском происхождении сюжета); *Бобров. РФВ*, 1907, № 2, с. 338—344; *Dähnhardt*, IV, S. 241. О сюжете типа *158*: *Аникин*, с. 78.

5(1c) Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем Новогрудского училища М. А. Дмитриевым. Записи этой и еще девяти сказок, произведенные Дмитриевым на белорусском языке в середине 60-х годов XIX в. в Новогрудском уезде, он передал Афанасьеву, и они были опубликованы в составе «Народных русских сказок» (см. тексты №№ 26, 126, 134, 181, 210, 281, 287, 344, 346). Записанные им сказки, кроме текстов № 126 и 210, Дмитриев снова напечатал в «Гродненских губернских ведомостях» (1864 г.), а затем в двух своих сборниках — «Опыт собирания песен и сказок крестьян Северо-западного края» (Гродно, 1868) и «Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-западного края» (Вильно, 1869 — это фактически второе издание «Опыта собирания...», дополненное материалами обрядового фольклора).

АТ 1 + *2* + *3* + *21* (Пожирание собственных внутренностей). Тип *21* не получает в сказках отдельной разработки. В данном тексте представлена та его разновидность, которая нередко встречается в белорусских, литовских и латышских сказках — «Лиса ест мозги», но не характерна для русских сказок, в которых обычно лиса делает вид, что ест свои кишки и уговаривает других зверей распороть себе брюхо (ср. тексты № 7, 29, 30). Мотив пожирания собственных кишок или мозгов отмечен в сказках

некоторых славянских, балканских, балтских народов и других народов СССР и в редких вариантах, записанных в Индии и Африке. Русских вариантов — 19, украинских — 6, белорусских — 5. Исследования·*Krohn. Bär*, S. 65.

6(1d) Сведений о месте записи этой украинской сказки нет. *АТ 158 + 1 + 2*. Традиционная для восточнославянского фольклора контаминация сюжетов. В данном тексте она отличается цельностью, сюжет о санях лисы разработан детально и имеет характерное для украинских сказок вступление о похищении лисой пирожка, как и в тексте № 4.

7(1e) Записано в Тверской губ. *АТ 158 + 2 + 21*. Сюжетная контаминация не является органичной. Эпизод пожирания собственных внутренностей не развернут.

8. ЗА ЛАПОТОК — КУРОЧКУ, ЗА КУРОЧКУ — ГУСОЧКУ
(с. 20)

8(1f) Сведений о месте записи нет. *АТ 170 + 158*. Такая контаминация сюжетов характерна для русских и украинских сказок, встречается и в тех сказках неславянских народов СССР, например, башкирских, татарских, которые восходят к восточнославянской традиции. В данном варианте сюжета «В санях лисы» есть своеобразные детали (кража саней, насмешки лисы, уход ее от зверей).

После слов «отдали ей бычка» (с. 20) в сноске Афанасьевым указан вариант: «Вздумала лисичка разбогатеть, подняла на дороге лычко и приходит в одну избу, где толкут, мелют и зыбки качают: так много народу! — и просится ночевать. На другой день лычко припрятала и получила за него ремешок... и т. д. Наконец, дают ей тройку лошадей, на которых она пускается в путь...»

9—13. ЛИСА-ПОВИТУХА
(с. 21—26)

9(2a) Записано в Переславль-Залесском уезде Н. Бодровым. *АТ 15*. См. прим. к тексту № 4. «Початочек», «Середышек», «Поскребышек» — традиционные для русских сказок имена вымышленных лисой ее крестников.

10(2b) Записано в Чердынском уезде Пермской губ. Н. Бодровым. *АТ 43 + 15 + 1 + 2*. См. прим. к текстам № 1 и 4.

В сноске Афанасьев указал: «В этом варианте и следующем за ним соединены вместе два рассказа о лисе, но при этом не сохранена должная последовательность: действие начинается летом, а продолжается зимой».

11(2c) Записано в Архангельской губ. *АТ 43 + 15 + 1 + 2*. Диалогическая речь в этом варианте очень выразительна.

12(2d) Записано в Никольском уезде Вологодской губ. *АТ 43 + 15*. В варианте первого сюжета есть необычные подробности (волк и лисица вместе строят избушку, угощают друг друга) так же, как и в варианте второго сюжета (волк и лиса вместе охотятся; волк прячет кринку с маслом, идет в лес за дровами, его преследуют собаки и т. д.).

13(2e) Записано в Саратовской губ. К. А. Гуськовым. *АТ 43 + 15*. Сюжет «Лиса-повитуха» здесь необычно осложнен введением в него третьего персонажа — подруги лисы.

14. ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ
(с. 26—27)

14(3) Записано в Переславль-Залесском уезде Н. Бодровым. *АТ 43*. См. прим. к тексту № 1. В сноске Афанасьев отметил: «В Архангельской губернии есть побасенка:

Идет петух на пятах,
Несет саблю на плечах,—
Хочет лису посечи
По самые плечи.
«Вон, лиса! вон, кума!» —
«Вот я тебя, петушища,
По коленам-то поленом!»

Это наиболее подробно и ярко разработанный вариант сюжета «Лубяная и ледяная хатка» из имеющихся в собрании Афанасьева.

15—17. ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА
(с. 27—31)

15(4a) Сведений о месте записи нет. *AT 61 A* (Лиса-исповедница). См. прим. к тексту № 1. В прим. к текстам №№ 4 *a*, *b*, с Афанасьев (кн. IV, 1873, с. 12) дал пояснение: «Коротенькая басня о лисе, исповедующей петуха, послужила темой того сатирического стихотворного разговора между лисицею и куром, который был напечатан в «Старичке-весельчаке, рассказывающем давние московские были» и даже попал в лубочное издание (См.: Русские народные сказки, изд. Сахаровым, предисловие, с. XXXII «О куре и льстивой лисице»). Разговор этот под заглавием «Слог виршевой о куре с лисицею» встречается в одном рукописном сборнике конца XVII или начала XVIII столетия, с некоторыми дополнениями против напечатанного в «Старичке-весельчаке». В первом издании сказок Афанасьева (вып. 4, № 2) были опущены и заменены многоточием, вероятно, по требованию цензуры следующие слова из последнего абзаца сказки: «Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтобы тебя сделали просвирнею, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и...»

16(4b) Перепечатано Афанасьевым из *Перм.* сб., I, с. 127—128. Записано в Перми Л. Питерским в 1846 г. от девяностолетнего старика из мастеровых Мотовилихинского завода П. С. Казакова.

Подробный вариант сюжетного типа *61 A*, стиль близкий к книжному. См. прим. к № 1 (1 а). Цензор П. А. Вакар, отзываясь на изданный в 1870 г. сборник «Детские сказки, собранные А. Н. Афанасьевым», усмотрел в сказке «насмешку над церковнослужителями» и отнес ее к числу вредных (см.: *Данилов В. В.* Сказка перед судом 70-х годов (По неопубликованным материалам).— Родной язык в школе. Научно-методический сборник. М., 1924, кн. 6, с. 57). Пародийно звучащие слова петуха «Не осуждайте друг друга и сами не осуждены будете» имеют своим источником Евангелие от Матфея (7, 2. Нагорная проповедь), где сказано: «Не судите да не судимы будете». Названная лисой притча о спасшемся мытаре, сборщике податей, и погибшем за свою гордость приверженце секты фарисеев,— богачей, лицемерно выполнявших все внешние правила благочестия, известна по Евангелию от Луки (18, 9—14): фарисей в храме благодарил бога за то, что он не таков, как все прочие люди, и ставил себе в заслугу, что постится два раза в неделю, дает на храм десятую часть от всего приобретаемого; мытарь же, стоя там вдали, ударял себя в грудь, молил бога быть милостивым к нему, грешному; мытарь был оправдан более нежели фарисей, ибо «всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится». Сюжет притчи разрабатывался в иконописи. Фреска середины XVII в. на данный сюжет сохранилась в московской церкви Троицы в Никитниках (Грузинской богоматери). Трунченский митрополит, к которому звали петуха в дьяки,— вероятно, шутовской (от слова *трунить*).

17(4c) Записано в Лихвинском уезде Тульской губ. писателем и фольклористом-этнографом П. И. Якушкиным (1822—1872).

AT 106 * (Волк и свинья) + *61 A*. Первый сюжетный тип учтен в *AT* только в русских, но имеется и в сборниках сказок других народов СССР, см., например, «Осетинские народные сказки»/Сост. С. Бритаев и Г. Калоев (М., 1959, с 17—18). Русских вариантов — 6 (из них 3 в сб. Афанасьева), белорусских — 3 Всем им свойственна ритмичная форма. Ср. украинскую сказку о волке, захотевшем стать апостолом (*Етногр. зб.*, т. 12, 1902, № 150). Исследования: *Аникин*, с. 66. О сюжетном типе *61 A* см. в прим. к тексту № 1. Последние девять строк стихотворного текста соответствуют в основном поминанию трех Матрен и Луки с Петром в послании А. С. Пушкина и П. А. Вяземского к В. А. Жуковскому (1833) и пушкинскому стихотворению 1833 г. «Сват Иван, как пить мы станем...», а также в поэме «Кому на Руси жить хорошо» («Пир на весь мир», ч. 2, песня «Солдатская») Н. А. Некрасова

18. ЛИСА-ЛЕКАРКА
(с. 31—32)

18(5) Записано в Шенкурском уезде Архангельской губ.

AT 1889 K (*804 A*. Человек влезает на небо и спускается оттуда. Ср. тексты № 21, 418, 420—423, 427) + отчасти *218 B* * (Небесная избушка. Ср. тексты № 20 21, 188, 420) + *37* (Лиса-лекарка или нянька, плачея. Ср. тексты № 21, 22). Традиционная для русских и украинских сказок контаминация Первый сюжет устно распространен в восточной части Европы и имеет историю, связанную со сборником немецких анекдотов «Путеводитель для веселых людей» (1781) и с «Повествованием барона Мюнхгаузена о его чудесных путешествиях и походах в Россию» Р. Распе (1785), «Удивительными приключениями барона Мюнхгаузена» Г. Бюргера (1786). Вариантов типа *1889 K*: русских — 49, украинских — 11, белорусских — 10. В своем большинстве они представляют ту разновидность сюжета, которая известна по приключениям Мюнхгаузена: взобравшись на небо по дереву (бобовому стеблю), человек спускается на веревке, свитой из мякины, и падает. Данный и текст № 21 относятся к другой разновидности, которая характерна только для русских и украинских контаминаций сюжетных типов *1889 K* и *37*: старик, взбираясь на небо, роняет мешок; старуха, находившаяся в мешке, разбивается. В более развернутых, получивших отдельную разработку вариантах, сюжет типа *218 B** встречается только в восточнославянском материале (например, текст № 20). Русских вариантов — 12, украинских — 3, белорусских — 1. Сюжет типа *37* учтен в *AT* в сказках ряда скандинавских, балтских народов и в русском, польском, индийском, индонезийском, китайском, африканском сказочном материале. Русских вариантов — 20, украинских — 3. От них существенно отличаются некоторые не учтенные в указателе *AT* национальные варианты, например, латышские (*Арайс — Медне*, с. 12), башкирский (*Башк. творч.*, I, с. 6), татарский (*Тат. творч.*, I, № 36), казахский (*Казах. ск.*, III, с. 249—250), осетинский (*Осет. ск.*, № 20). Исследования: *Колмачевский*, с. 169; *Krohn. Bär*, S. 93—97; *Gerber A*. Great Russian Animal Tales. Baltimore, 1891, p. 54; *Бобров. РФВ*, 1907, № 2, с. 344—347; *Dähnhardt*, IV, S. 247; *Аникин*, с. 83.

К словам «Полез по корешку» (с. 31) Афанасьевым указан вариант: «Старик взял купил кирпичу, навозил и выклал лестницу до самого неба и полез»; к слову «Недалече!» (с. 31) вариант: «Последние ступеньки!»; к словам «старуха на землю свалилась и вся расшиблась» (с. 31) вариант: «Покатилась старуха по лестнице, только костье трещить». К словам «вниз по кочетку» (с. 31) вариант: «по лестнице».

19. СТАРИК ЛЕЗЕТ НА НЕБО
(с. 32)

19(5, вар. 1) Записано в Вологодской губ.

AT 1960 G (Горох до неба). Ср. текст № 409. Сюжет бытует преимущественно у славянских, балтских, скандинавских народов, немцев и на Балканах, встречается в итальянском, испанском, фламандском фольклорном материале. Русских вариантов — 27, украинских — 8, белорусских — 14. В большинстве восточнославянских вариантов стебель, достигший неба, вырастает из горошины, которую нашла бабка и посадил дед. Старейший литературный текст небылицы сходного типа *AT 1960 A* относится к VI в. (латинское стихотворение С. Галена).

20. СТАРИК НА НЕБЕ
(с. 32—33)

20(5, вар. 2) Сведений о месте записи нет. *AT 218 B* *. См. прим. к тексту № 18. Образ хатки, построенной из блинов, сыра и масла, в которой живут козы, встречается также в белорусских сказках о небесной хатке.

21—22. ЛИСА-ПЛАЧЕЯ
(с. 33—34)

21(6а) Сведений о месте записи нет.

Отчасти тип *АТ 218 В ** (см. прим. к тексту № 18) + *1889 К* + *37* + *154* (Мужик, медведь и лиса). В развернутых вариантах сюжетного типа 154 лиса хитрыми советами помогает мужику избавиться от медведя (ср. тексты № 23—26); далее как в данной сказке. Сюжет известен во всех частях света. Устно всего более распространен в Европе. Русских вариантов — 26, украинских — 18, белорусских — 11. Близкие восточнославянским варианты встречаются в сборниках сказок на языках народов Советского Востока (*Башк. творч.*, I, № 15; *Тат. творч.*, I, № 25) и в их переводе на русский язык (*Ск. Дагестана*, № 33). История сюжета прослеживается от басни Эзопа «Лисица и дровосек» (*Эзоп*, № 22, с. 70), связана с латинским сборником XII в. «Disciplina clericales» Петруса Альфонси (№ 23) и средневековыми поэмами о лисе («Roman de Renart») и др. Исследования: *Krohn. Mann*, S. 11.

22(6b) Записано в Кольском уезде Олонецкой губ. И. Спарихиным. *АТ 37*. См. прим. к тексту № 18. Причитания лисы имеют параллели в других записанных на русском Севере вариантах, например, в вариантах, из которого Афанасьев привел в сноске такие слова лисы-плачеи: «Ах, какая была умная-разумная, беломоюшка, тонкопряльюшка!»

23—26. МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА
(с. 34—38)

23(7а) Отсутствует в первом издании. Записано в Тульской губ. членом-сотрудником *РГО* Мясоедовым. *АТ 1030* (Дележ урожая) + *154*. Традиционная для восточнославянских сказок сюжетная контаминация. Та же контаминация встречается в некоторых сходных с русскими сказками неславянских народов СССР (например, *Тат. творч.*, I, № 25). Русских вариантов — 12, украинских — 15, белорусских — 6. Старейшая зафиксированная версия сюжета — испанская, относится к первой трети XIV в. сб. «El conde Lucanor» Жуана Мануэля (см.: *Wesselski*, № 69). В западноевропейском материале имеются отсутствующие в восточнославянском апокрифические сказки о дележе урожая между богом и чертом. В сербохорватских сказках, учтенных в *АТ* под номером *9 В*, крестьянин и медведь делят урожай пшеницы, и крестьянину достается зерно, а медведю — мякина. В эфиопской сказке урожай гороха делят мышь и пеликан: мыши достаются горошины, а пеликану стручки и стебли (*Ахмар. ск.*, № 13). Исследования: *Krohn. Bär*, S. 104—111; *Бобров. РФВ*, 1907, № 3, с. 168—174; *Dähnhardt*, IV, S. 249; *Wesselski*, S. 254; *Аникин*, с. 68. О типе *154* см. в прим. к тексту № 21. Этот и следующий варианты отличаются полнотой. Необычен эпизод натравливания мужиком собак на лису: обычно мужик дарит лисе мешок, в котором вместо обещанных ей кур, находятся собаки, или мешок, в котором сверху лежат куры, а под ними собаки (собака).

24(7b) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 21—22 об.; 1848). *АТ 1030* + *154*. В комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. (с. 524—525) отмечены стилистические изменения, внесенные Афанасьевым в текст — сокращение, перестановка, вставка, замена некоторых слов. Так, например, имеющиеся в рукописи фразы «Вот Миша видит, что ошибся, взял вершок, а не корешок. И говорит мужику: «Нет, брат, ты меня надул» напечатаны в таком исправленном виде: «Видит Миша, что ошибся и говорит мужику: «Ты, брат, меня надул!» Наиболее значительной правке подверглась последняя часть рукописного текста, которую мы воспроизводим полностью:

«Я тебе,— сказал мужик,— дам двух кур белых, а ты неси их, да не гляди». Она взяла у мужика и пошла, не посмотрев оных. Несла, несла их и говорит: «Дай погляжу».— Глянула, а там две белые собаки. Собаки как вдруг выскочут из мешка-то, да за ней. Она от них.— Бегла, бегла, да под пенек в нору и ушла. Вот там и начала говорить к своим членам: «Что вы, мои ушки, делали?» — «Мы все слышали»;— «А вы, ножки, что делали?» — «Мы бегли».— «А ты, хвост, что делал?» — «Я все мешал тебе».— «А! ты все мешал. Постой же, я тебе дам». Высунула его собакам. Они ухватились за него и ее-то самую вытащили, вытащили, да разорвали».

25(7c) Записано в Архангельской губ. священником Михаилом Фиалкиным. *АТ 1030* + + *154*. В варианте сказки опущен традиционный эпизод привязывания медведя к телеге.

26(7d) Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым.

*СУС — 122 Р*** (Крестьянин убеждает зверя, который хочет его съесть, позволить допахать) + *АТ 154* + *68 В* (Лиса топит кувшин). Первый сюжет-мотив учтен только в двух белорусских и в двух украинских вариантах. Сюжет типа *68 В* учтен в *АТ* только в русских, литовских и греческих сборниках, но встречается и в фольклоре латышей (*Арайс — Медне*, с. 16), узбеков (*Ларец*, с. 164—166), таджиков (Таджикские народные сказки/Сост. Р. Амонов и К. Улуг-Заде. Душанбе, 1957, с. 61—62). Русских вариантов — 5, украинских — 12, белорусских — 3. Афанасьев в Примечаниях отметил: «В белорусском варианте этой сказки подробности о том, как хитрила лиса, чтобы избавить мужика от волка, переданы с наибольшей полнотой. Но более всего в белорусском варианте обращает внимание конец — хитрая лиса сама попадается впросак и делается жертвой своей недогадливости» (кн. IV, 1873, с. 7—8).

27. СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ
(с. 39—40)

27(8) Записано в Черноярском уезде Астраханской губ. писарем О. Л. Волконидиным. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. II, оп. 1, № 93, лл. 3—5; 1857).

Первая часть рукописи (лл. 3—3 об.), относящаяся к сюжету «Овца, лиса и волк», опубликована Афанасьевым под таким заглавием в виде отдельной сказки (см. текст № 28), а данный текст следует в рукописи непосредственно за заключительными словами повествования об овце, лисе и волке: «Лиса с овцой тотчас убежали от него подобру-поздорову». В комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. приведены многочисленные изменения, которые внес Афанасьев в текст. Отметим лишь некоторые характерные примеры стилистической правки. В рукописи: «Бирюк принужден с капканом убираться куда-либо в глухую сторону»; в печатном тексте: «Попался было бирюк в капкан, да кое-как вырвался и стал пробираться в глухую сторону». В рукописи: «Тут лиса с удивлением стала противоречить»; в печатном тексте: «Лиса стала спорить». В рукописи: «Мужик ей с большим умиленьем повторяет свой вопрос»; в печатном тексте: «Мужик повторил ей свой вопрос». Слова волка в рукописи: «...дабы я мог избавиться от преследователей-охотников» заменены в печатном тексте другими: «за мной охотники гонятся». Таким образом, устраняя книжные выражения, Афанасьев стремился как бы вернуть сказке живость слога народного рассказчика, отчасти утраченную в неточной записи сельского писаря.

АТ 155 (Старая хлеб-соль забывается). Сюжет имеет всемирную известность и встречается во многих сборниках сказок народов СССР, например, в сб.: *Тат. творч.*, I, № 27; *Казах. ск.*, II, с. 159—160; *Узбек. ск.*, I, с. 33—39; *Ск. Дагестана*, № 26; *Осет. ск.*, № 18, 26. Разновидности сюжетного типа сводятся в основном к трем группам: 1) сказки о замерзшей змее, отогретой человеком; 2) сказки об оживленном человеком льве (тигре) и хитром шакале (лисе); 3) сказки о волке (медведе, змее), избавленном человеком от смертельной опасности, и хитрой лисе. Третью разновидность, распространенную в ряде стран Восточной Европы и Азии, представляют все опубликованные восточнославянские сказки этого типа. Русских вариантов — 12, украинских — 24, белорусских — 4. От них отличаются относящиеся к той же разновидности типа *155* сказки народов Востока, например, указанная выше татарская сказка о спасении человеком змеи из огня. К первой древнейшей группе вариантов, получивших весьма значительное распространение литературным путем, относятся басня Эзопа «Путник и гадюка» (*Эзоп*, № 176, с. 115) и ее переложения у Федра (I в. н. э.), Бабрия (конец I — начало II в.), Ромула (конец IV — начало V в.), Мари де Франс (XII в.), Петруса Альфонси (XII в.), Штейнговеля (XV в.) и в сборнике «Gesta Romanorum» (конец XIII — начало XIV в.), в голландской поэме о лисе (Reynke de Vos, конец XV в.). К этой же разновидности сюжета принадлежит басня Лафонтена «Поселянин и змея». Начиная с III—IV вв. прослеживается распространение литературным путем сказок второй группы — о неблагодарном льве: старейший вариант в индийском сборнике «Панчатантра». Старейший зафиксированный вариант третьей груп-

пы — персидская сказка о неблагодарном волке — датируется XV в. («Anvar-i suhaili» Ed. Eastwich. Hertford, 1854, S. 264). В фольклорных африканских и азиатских вариантах вместо волка нередко действует тигр или леопард (см., например, *Амхар. ск.*, № 27). Эта разновидность сюжета также обрабатывалась некоторыми европейскими писателями, например, польским писателем А. Дыгасиньским — о справедливом зайце (*Dygasiński A.* Zając. Powieść. Warszawa, 1900, s. 253—261). Исследования: *Benfey*, S. 113—120, 311, 533; *Krohn. Mann*, S. 38; *Бобров. РФВ*, 1907, № 3, с. 174, 178—180; *Wesselski*, S. 204; *Liungman*, S. 23—25; *Krzyżanowski*. Sz., II, S. 221—222; *Chauvin*, II, № 109, p. 120—121.

28. ОВЦА, ЛИСА И ВОЛК
(с. 40)

28(9) Записано в Черноярском уезде Астраханской губ. писарем О. Л. Волконидиным. О рукописи см. в прим. к предыдущему тексту. Записи сказок «Старая хлеб-соль забывается» и «Овца, лиса и волк», составившие рукопись Волконидина, подверглись со стороны Афанасьева стилистической правке одинакового характера (см. комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 527—530).

*АТ 44** (=*АА* 122 I*). Сюжет представлен в русском опубликованном материале лишь данным вариантом (он послужил основой для одноименной сказки А. Н. Толстого), а в украинском — 5-ю вариантами, в белорусском — одним. Подобные сказки устно бытуют также у латышей (см. *Арайс — Медне*, с. 13). Этот сюжет отразился в латинской поэме «Isengrimus» (ст. 295—550) и в других, более поздних средневековых поэмах о лисе и волке. Отчасти к такому сюжетному типу относятся некоторые сказки народов Востока, например, монгольская об овце, зайце и волке: заяц спасает заблудившуюся овцу, с которой волк намеревался содрать шкуру, напугав волка ложной вестью о том, что хан приказал сшить огромную шубу из волчьих шкур (Сказки народов Востока, Хабаровск, 1957, с. 350—351). Исследования: *Бобров. РФВ*, 1907, № 2, с. 347—348. Как отметил В. Бобров, сюжет о спасении овцы лисой является в восточнославянском сказочном эпосе единственным, в котором лиса играет благородную роль.

29—30. ЗВЕРИ В ЯМЕ
(с. 41—43)

29 Сведений о месте записи нет.
(10a) *АТ 20 А* (Звери в яме) + *21* (Пожирание собственных внутренностей). Традиционная для восточнославянских сказок контаминация сюжетов. Первый из них учтен в *АТ* в финском, эстонском, латышском, литовском, венгерском, словинском, русском, греческом, индийском, индонезийском, африканском материале, но встречается и в сборниках сказок других народов, см., например, *Казах. ск.*, I, с. 143—144: *Башк. творч.*, I, № 9. Русских вариантов — 23, украинских — 6, белорусских — 5. Начало, отчасти напоминающее сюжет о паломничестве животных (*АТ 20 Д**), встречается в ряде восточнославянских сказок о зверях, попавших в яму (ср., например, *Зеленин, Вят. ск.*, 111; *Романов*, III, 16, с. 23—24). Исследования: *Колмачевский*, с. 164—165; *Krohn. Bär*, S. 81—89; *Бобров. РФВ*, 1907, № 2, с. 348—349, 1908, № 1 и 2, с. 245—246. О сюжетном типе *21* см. в прим. к тексту № 5 Этот и следующий варианты сюжета о пожирании собственных внутренностей отличаются большей полнотой.

30 Записано в Воронежском уезде К. О. Александровым-Дольником. *АТ 20А + 21 +*
(10b) *+248 А** (Птица кормит лису). Сюжетная контаминация, неоднократно встречающаяся в восточнославянском сказочном материале. Сюжет типа *248А** учтен в *АТ* в русских и литовских сборниках, но имеется и в сборниках сказок латышей (*Арайс — Медне*, с. 36), башкир (*Башк. творч.*, I, № 1, 2), татар (*Тат. творч.*, I, № 39), узбеков (*Лареу*, с. 137—139), казахов (*Казах. ск.*, I, с. 138—139), киргизов (Киргизские сказки. М., 1968, с. 211—214). В тюркоязычных сказках повествуется о дружбе лисы с перепелом. Русских вариантов — 21, украинских — 7, белорусских — 3. Сочетающиеся в тексте сюжеты разработаны детально.

31. ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

(с. 43)

31(11) Записано в Тверской губ.

АТ 62 (Мир у зверей). Сюжет распространен во всех частях света. Русских вариантов — 2, украинских — 5, белорусских — 1. Тексты представлены также в фольклорных сборниках народов СССР — сказках дагестанских, казахских, башкирских, татарских (*Ск. Дагестана*, № 7; *Казах. ск.*, III, с. 208 и 214; *Башк. творч.*, I, № 9; *Тат. творч.*, I, № 11, 12). В кратком варианте Афанасьева ярко использован прием звукоподражания. Если в восточнославянских сказках этого типа основными персонажами выступают обычно тетерев и лиса, то в сказках других народов СССР, а также зарубежных народов действуют чаще всего петух и лиса (лис), иногда фазан, курица и лиса. Старейшая зафиксированная версия сюжета — басня Эзопа «Лисица и голубка», переложенная с греческого на латинский язык Федром, а затем пересказанная в средневековом сборнике «Расширенный Ромул» (см. *Эзоп*, № 22, с. 207—208). Сюжет получил отражение в средневековых поэмах о лисе и обрабатывался впоследствии баснописцами. Особенную популярность получила басня Лафонтена «Петух и лис». Исследования: *Sudre*, р. 301—310; *Dähnhardt*, IV, S. 279—284; *Graf*, S. 26—32; *Аникин*, с. 81—82.

32. ЛИСА И ДЯТЕЛ

(с. 43—44)

32(12) Записано в Васильевском уезде Нижегородской губ. монахом Макарием, членом-сотрудником *РГО*.

АТ 56 В (Лиса и дятел или дрозд, соловей). Русских вариантов — 1, украинских — 7, белорусских — 1. Обычно птица мстит лисе с помощью собаки — та, притворившись мертвой, хватает лису. В указателе *АТ* учтены, кроме русского и некоторых украинских, финский, эстонский, латышский, шведские, датские, венгерские, испанские, французские и записанные на французском языке в Америке, а также африканские варианты. Ср. сказку «О слоне, воробьихе и ее друге дятле» в сб. «Панчатантра» (I, № 18). Судьба сказок типа *56 В* связана со сказками близкого им типа *56 А*, сложившегося в древности на Востоке и известного по «Главе о голубе, лисице и цапле» — из приложения к арабской версии «Калилы и Димны» (VIII в.). Как полагают исследователи, сюжет сформировался в основном на средневековой романской культурной почве. Он получил отражение в «Roman de Renart». Исследования: *Колмачевский*, с. 152—163; *Бобров. РФВ*, 1908, № 3, с. 56—57.

33. ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

(с. 44)

33(13) Записано в Тверской губ.

АТ 60. В *АТ* отмечены фольклорные тексты, записанные в Европе, Америке (у индейцев и негров) и в Африке. Русских вариантов — 4, украинских — 8, белорусских — 1. Сюжет встречается также в сказках восточных народов СССР (*Башк. творч.*, I, № 8; *Тат. творч.*, I, № 10 и др.) и зарубежного Востока (см., например, Персидские сказки/Сост. Н. Османов. М., 1959, с. 443—444). Басня Эзопа «Лиса и журавль», от которой прослеживается письменное распространение сюжета, известна в пересказе Плутарха (ок. 46—126 гг.) в его «Застольных вопросах» (см.: *Эзоп*, № 385, с. 178—179). Она была переложена на латинский язык Федром («Лиса и аист»). Обрабатывалась средневековыми авторами — Ромулом, Берахием, Жаком де Витри и др., а также авторами более позднего времени (в России — К. Д. Ушинским, А. Н. Толстым). Исследования: *Thompson S.* European Tales among the North American Indians. Colorado Springs, 1919, р. 450.

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 15) Афанасьев указал: «Сличи с Эзоповой басней о лисе и аисте». И привел следующий вариант начала этой басни: «Захотелось лисе, чтоб журавль ее угостил, и вздумала завести с ним знакомство и причесться ему в родню. Увидела раз, что журавль гуляет по полю, подошла к нему и говорит: «Здравствуй, журавль!» — «Здравствуй, премудрая просвирня (см. сказку «Лиса-исповедница»), что тебе?» — «Ходила я к попу, справлялась по книгам и разыскала, что ты доводишься мне троюродным братом: надо нам друг друга знать и почитать, друг

к другу в гости ходить». К словам «наварила манной каши» (с. 44) указан Афанасьевым вариант: «наварила яичницы и размазала по сковородке». К словам: «лижет кашу»; «Каша съедена» (с. 44) соответственно варианты: «лижет яичницу»; «Яичница съедена».

34. СНЕГУРУШКА И ЛИСА

(с. 45)

34(14) Записано в Калужской губ. *АТ 703** (Снегурочка). Сюжет развернут неполно, как и во многих русских текстах. Русских вариантов — 16, украинских — 2, белорусских — 2. По *АТ*, сходные с восточнославянскими сказками о Снегурочке, есть в литовских сборниках и в сербском сборнике Вука Караджича («Серпске народне приповиjетке. Вена, 1953, № 24). В латышском материале встречаются сказки типа *703** о слепленном из снега стариками мальчике,— он ожил, ходил на работу и растаял, прыгая через костер (*Арайс — Медне*, с. 111). Финальная часть сказки не имеет соответствия в опубликованном материале, но предшествующие эпизоды встречи Снегурушки, покинутой в лесу, со зверями напоминают татарские сказки о Курбале (*Тат. творч.*, I, № 32). Концовку (лиса спасается бегством от собаки, выскочившей из мешка) ср. с сюжетом «Мужик, медведь и лиса» (тексты № 23 и 24). Народная сказка о Снегурочке послужила одним из творческих источников пьесы А Н. Островского «Снегурочка. Весенняя сказка» (1873), к которой музыку написал П. И. Чайковский. На этот же сюжет написана опера Н. А. Римского-Корсакова.

35. ЛИСА И РАК

(с. 46)

35(15) Записано в Тамбовской губ. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 14, л. 5; 1849); ее отличие от опубликованного Афанасьевым текста, приведено в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. (с. 533).

АТ 275 (лиса или лев, заяц и рак или еж, черепаха). Сюжет известен в вариантах, записанных в разных частях света, но они немногочисленны; распространялся сюжет преимущественно письменным путем (см., например, арабскую библиографию: *Chauvin*, III, № 20) Русских вариантов — 2, украинских — 8, белорусских — 1. Наиболее раннее литературное отражение сказка получила в басне Эзопа «Черепаха и заяц» (*Эзоп*, № 226, с. 128), одноименной басне Бабрия, басне средневекового армянского писателя Оломпиана «Черепаха и конь» (*Орбели*, № 97). О. Денгардт высказал предположение о древнейшем малоазийском происхождении сказок о состязании большого и малого животного (*Dähnhardt*, IV, S. 46—97). Их происхождение относят к гомеровской эпохе (*Liungman*, S 33—34). Более позднее происхождение имеет другая форма сюжета, обозначенная в *АТ* номером *275 А** — Состязание зайца или льва с ежом в беге — старейшая литературная версия относится к XIII в.

36. КОЛОБОК

(с. 46—47)

36(16) Сведений о месте записи нет.

АТ 2025 (Колобок). Цепевидные, или кумулятивные, сказки данного сюжетного типа, построенные на нагнетании повторяющихся эпизодов, учтены в указателе *АТ* в фольклоре ряда славянских (русских, сербов, хорватов, словинцев), балтских, скандинавских, германских народов, но имеются и в другом национальном фольклорном материале, например, узбекском (*Ларец*, с. 133—137), татарском (*Тат. творч.*, I, № 32). Русских вариантов — 16, украинских — 8, белорусских — 5. В западноевропейских сборниках встречаются варианты, существенно отличающиеся от восточнославянских, например, о пироге, который убежал от трех девушек, не вынувших его своевременно из печи. Четырехкратно повторяющаяся в данном тексте песенка и ритмичный склад повествования характерны для украинских и белорусских сказок; нередко колобок или пирожок-утекач не поет песенки, но традиционные для песенки начальные строки есть в обращении его к зайцу, волку, медведю, лисе. Исследования: *Dähnhardt*, III, S. 272—284; *Пропп. Кум. ск.*, с. 250—252.

37—39. КОТ, ПЕТУХ И ЛИСА
(с. 48—51)

37 (17а) Записано в Никольском уезде Вологодской губ.

AT 61 B (Кот, петух и лиса). В *AT* учтены литовские, русские и лопарские, сербохорватский варианты. Имеются, однако, и другие национальные варианты, например, латышские (*Арайс — Медне*, с. 15—16), польские (*Krzyżanowski*, I, S. 59), чешские (*Jerh J.* Tschechische Volksmärchen. B., 1961, S. 551.— В комм. к № 1), эстонские (Eesti muinasjutud. Toimetanud Vijdalepp R. Tallin, 1967, № 16), башкирские (*Башк. творч.*, I, № 10), мордовские (*Эрзян. ск.*, № 2). Русских вариантов — 49, украинских — 11, белорусских — 8. Восточнославянским вариантам свойственна детальная разработка сюжета и особенная устойчивость общей для них структуры, стилистических формул, песенных вставок, составляющих важную принадлежность их колоритного словесного наряда. Традиционные для русских сказок песенки лисы встречаются иногда в сказках других народов СССР в переводе,— например, в отмеченной выше мордовской сказке. Вместе с тем некоторые украинские, белорусские и, тем более, сказки неславянских народов существенно отличаются от русских. Так, например, в украинской сказке (*Рудченко*, I, № 15) лисичка похищает одну за другой курочек, привязанных к дереву бабушкой; у бабушки рождается сын, он отправляется в лисичкину хату и отнимает курочку. Исследования: *Аникин*, с. 61.

Афанасьев в сноске указал два варианта песни лисы:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головка,
Шелкова бородка,
Красненький носок,
Сметанный лобок!
Выгляни в окошко,
Дам тебе кашки
На красной на ложке.

Или:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Чесаная головушка,
Масляная бородушка!
Выгляни в окошечко:
Бары едут,
Кольцами звенят,
Деньгами дарят.

К третьей песне лисы указано в сноске: «Вариант: «Дам тебе с семечком лепешку»». В рукописи следует продолжение, которое, вероятно, вставлено сюда из другого рассказа:

— Где ты вечер был-побывал? —
— Я летал, летал
До Фадеева двора.—
— Что тебе баба дала? —
— Клюкву да лопату,
Корову горбату.—
— Кикереку-петушок,
Золотой гребешок!
Да выгляни в окошко.—

В пересказе приведен вариант окончания сказки: «...не найдя своего товарища, унесенного злодейкою лисою, кот погоревал, погоревал и пошел выручать его из беды. Он купил себе кафтан, красные сапожки, шапочку, сумку, саблю и гусли; нарядился гусляром, пришел к лисициной избе и поет: «Трень-брень (или «стрень-брень»), гусельки, золотые струнушки! Дома ли Лисафья со своими, со детками: один сын Терентьюшко, другой Мелентьюшко, третий Алешка-парнечек, одна дочь Чучелка, другая Почучелка, третья Подмети-шесток, четвертая Подай-челнок!» Лиса посылает своих детей посмотреть, кто там поет? А кот всех и зарубил саблею, да в сумку. Подождала, подождала лиса; гусляр перестал петь, а детки нейдут в избу. Говорит петушку: «Поди, позови их!» Вышел петушок; как увидел кота — чуть было не закричал от радости: кукареку! «Беги скорее домой!» — говорит ему кот. Петушок побежал, а кот к лисе идет и поет:

«Идет кот на ногах,
В красных сапогах,
Несет саблю на плече,
А палочку при бедре,
Хочет лису порубить,
Ее душу загубить!
Пришел, да как хватил лису саблей — из нее и дух вон!»

38 (17b) Место записи неизвестно. *АТ 61 В*. Обычно в сказках данного типа повествуется о двух, а не трех, как в этом варианте, друзьях.

39 (17c) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 6, лл. 2—2 об.; 1848 г.). Дополнительно к немногим *АТ 61 В* разночтениям между печатным и рукописным текстами, выявленным в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. (с. 534—535), отнесем следующее: у лисы не четыре дочери, а три, причем одна из них называется не Пачучилка, а Мачучилка, и перечисление их идет в такой последовательности: «одна дочь Чучилка, другая Мачучилка, а третья Подай Челнок».

40—43. КОТ И ЛИСА

(с. 51—55)

40 (18) Сведений о месте записи нет.

АТ 103 (Кот и дикие животные). Сюжетный тип распространен преимущественно в Европе. Встречается он также в турецких сборниках и сборниках сказок восточных народов СССР (например, *Ск. Дагестана*, № 9; *Осет. ск.*, № 10; *Башк. творч.*, I, № 22, 23; *Тат. творч.*, I, № 16). В *АТ* под особым номером 103А учтены те латышские и литовские сказки типа «Кот и дикие животные», в которых кот выступает в роли мужа лисы, а под номером *103 А** те венгерские сказки, в которых кот выдает себя за большого начальника или царя зверей. Фактически же все восточнославянские сказки и почти все сказки других народов СССР, относящиеся к типу *103*, вместе с тем относятся и к типам *103 А*, *103 А**. Русских вариантов — 30, украинских — 26, белорусских — 9. Сказки Афанасьева о муже лисы бурмистре Котофее Ивановиче (данный текст), Котай Ивановиче (текст № 41), Котонайле Ивановиче (текст № 42) характерны для русских вариантов своей социальной насыщенностью, что отмечалось исследователями (см.: *Померанцева Э. В.* Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 84). Обращает внимание, что в восточнославянском фольклоре сюжет обладает особой устойчивостью, детальной разработкой таких традиционных эпизодов, как встреча кота с лисой, хвастовство лисы, «бурмистровой жены», перед лесными зверями, приход зверей на поклон с дарами к «присланному из сибирских лесов» бурмистру Котофею Ивановичу, бегство от кота перепуганных зверей. Самое раннее литературное отражение сюжет получил в латинской поэме XII в. о лисе и волке «Isengrimus» (ст. 736 и сл.). Исследования: *Gerber A*. Great Russian Animal Tales. Baltimore, 1891, p. 82; *Бобров. РФВ*, 1908, № 1 и 2, с. 237—240; *Dähnhardt*, IV, S. 209—217.

41 (18, вар. 1) Записано в Вологодской губ. *АТ 103.*

42 (18, вар. 2) Место записи неизвестно. *АТ 103.*

43 (18, вар. 3) Место записи неизвестно. *АТ 103.*

44—47. НАПУГАННЫЕ МЕДВЕДЬ И ВОЛКИ

(с. 55—60)

44 (19a) Записано в Гороховецком уезде Владимирской губ.

АТ 125 (Напуганные волки: бегут от барана, показывающего из мешка волчью голову) + *103*. В *АТ* первый сюжет учтен в сказках немногих народов Европы и в турецком, китайском, африканском, испано-американском фольклорном материале; особенно большое количество вариантов финских. Русских вариантов — 9 (из них 4 в сб. Афанасьева), украинских — 7 (из них один в сб. Афанасьева — см. текст № 554). Близкие восточнославянским сказки о волках, напуганных бараном или бараном и козлом, встречаются в татарских сборниках (*Тат. творч.*, I, № 17). Вместе с тем для фольклора народов Советского Востока характерна особая разновидность сюжетного типа *125* и отчасти типа *126 А** (см.: Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки/Пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М., 1964, с. 261—262; Тувинские народные сказки/Пер., сост. М. Ватагина. М., 1971, № 25; *Ск. Дагестана*, № 18; *Казах. ск.*, II, с. 171—180, III, с. 189—192 и др.).

45 Место записи неизвестно.
(19b) *АТ 130 Д** (Костер домашних животных в лесу) + *126 А** (Напуганные волки: бегут от барана или козла, кота, который угрожает их съесть и падает с дерева). Первый сюжет учтен в *АТ* в латышском материале, однако встречается и в восточнославянских сборниках. Русских вариантов — 3, украинских — 2, белорусских — 1. Второй сюжет учтен в *АТ* в единичных записях на латышском и русском языках. Русских вариантов — 3, украинских — 1, белорусских — 1 (*Романов*, III, 27, с. 36—37 — в контаминации с типом *126 А**, как и в варианте Афанасьева). Татарский вариант типа *126 А** опубликован В. Н. Витевским в русском переводе (Сказки, загадки и песни нагайбеков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии.— Труды IV археологического съезда. Казань, 1891, т. 3, с. 277) и перепечатан в обратном переводе на татарский язык в кн. I сказок многотомной серии «Татарское народное творчество» (Казань, 1977, № 17). Текст сборника Афанасьева отличается своеобразными подробностями: кот едет верхом на козле; козел и баран добывают огонь, стукнувшись лбами друг с другом; медведь ночует в лесу рядом с домашними животными; козел с бараном, схватившись передними ногами за сук, повесают над волками, а кот кидает в них еловые шишки. Иронический тон повествования связан с ритмичным складом сказки. Эпизод, в котором кот устрашает волков, говоря, что козел «бородою зверей побивает, а рогами только кожу снимает» напоминает эпизод встречи козла с волком в тувинской сказке о храбром козле (Тувинские народные сказки, 1971, с. 179). О волках сказано, что «запели они Лазаря», т. е. жалобно завыли, подобно нищим-слепцам, исполняющим духовный стих о несчастном Лазаре, который в струпьях лежал у ворот богача, питался крошками с его стола и давал облизывать свои струпья собакам. Сюжет этого духовного стиха восходит к притче Евангелия от Луки (16, 20—22).

46 Место записи неизвестно. *АТ 125 + 128 А**. Такая же контаминация сюжетов
(19c) встречается в прим. к предыдущему тексту белорусской и татарской сказок. Эпизод, в котором медведь гадает, сидя под деревом, является для русских сказок типа *126 А** традиционным. Данный вариант сюжета о напуганных волках отличается особыми комическими подробностями: хитрый козел убеждает волков в том, что в мешке находится много волчьих голов; он стреляет в волков из ружья. Афанасьевым в сноске указаны два варианта начала сказки: «...жил-был мужичок, у него были козел да баран» (с. 58).

«*Вариант 1*. Козел говорит: «Пойдем, баран, странствовать».— «Куда?» — спрашивает баран. «Известно куда! В лес».— «Зачем?» — «Известно зачем! Волков да медведей пугать».— «Как бы на свою шею не напугать?» — «Ничего! Пойдем». Вот и пошли в лес».

Вариант 2. «Жил мужик, у него был козел, да такой бедовый: погонит пастух стадо, козел бежит впереди да прямо в хлеб. Пастух за ним, а он в сторону; бился, бился с ним и свил себе кнут аршин в тридцать. Только козел в хлеб, а пастух его кнутом по ляжкам. Собрался козел бежать...»

После слов «Хватай ворожею-то, держи его!» (с. 59) указан вариант: «Напуганные козлом волки недолго бежали, а пораздумали-порассудили и поворотили назад. Приходят, а козла и барана нет. Козел влез на дерево, а баран повис на суку. Слышат волки по духу, что они близко, а где — не найдут, и послали за медведем-костометом. Пришел медведь, стал метать на костях и отгадывать, где спрятались козел да баран. Пока медведь ворожил, баран не удержался, как брякнется наземь и кричит: «Вот они! Вот они!» А козел за ним вслед упал и ревет: «Держи, пожалуйста, костомета!»

47 Место записи неизвестно.
(19c, вар.) *АТ 130 Д** + *125*. Характерный для сюжетного типа *125* эпизод, в котором звери пугаются, увидев звериную голову в мешке, в данном варианте отсутствует.

48. МЕДВЕДЬ, ЛИСА, СЛЕПЕНЬ И МУЖИК
(с. 61—62)

48(20) Место записи неизвестно. Опущено Афанасьевым окончание, неудобное для печати. В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 23) он указал: «С окончанием этой сказки желающие могут познакомиться в стихотворной ее переделке в Сочинениях Василия Майкова (изд. 1809 г., Спб., с. 211 и изд. 1867 г., с. 213)».

АТ 152. Варианты отмечены в указателе *АТ* в финском, эстонском, латышском, немецком, сербохорватском и русском материале, а литовские и польские тексты обозначены номером *152 B**. Не учтены в указателе украинские сказки — их опубликовано 5, из них две в зарубежных изданиях: Kryptadia. Recueil de documents... à l'étude de traditions populaires. Paris, 1883, Vol. V, p. 9—10; *Hnatjuk V.* Das Geschlechtsleben des ukrainischen Bauervolkes in Österreich — Ungarn. Leipzig, 1912, T. II, S. 446—448. Русских вариантов — 7. Разновидность данного типа представляет украинский текст сборника Левченко (№ 410): мужик запрягает медведя, захотевшего походить на рябую кобылу, в плуг, и пежит его.

49—50. ВОЛК
(с. 62—63)

49 (21a) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. в 1848 г. Рукопись, передающая фонетические особенности местного говора, в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 6, лл. 3—3 об.; 1848). Она напечатана Афанасьевым без изменений (см. комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. (с. 537)).

АТ 163 (Пение волка: он выманивает у старика животных, а затем старуху). В указателе *АТ* учтены латышские и русские тексты. Русских вариантов — 26, украинских — 5, белорусских — 7. Исследования: *Аникин*, с. 65—66; *Пропп. Кум. ск.*, с. 250—252.

50 (21b) Место записи неизвестно, *АТ 163.* Характерная для таких сказок песня волка в нашем схематичном варианте сюжета отсутствует.

51—52. СВИНЬЯ И ВОЛК
(с. 63)

51 (22a) Записано в Никольском уезде Вологодской губ. *АТ 106** (Волк и свинья). См. прим. к тексту № 17.

52 (22b) Место записи неизвестно. В первом издании текст отсутствовал. *АТ 106*.* Один из самых выразительных ритмизованных вариантов сюжета из имеющихся в опубликованном материале. См. текст № 4 у Афанасьева (№ 15 в нашем изд.).

53—54. ВОЛК И КОЗА
(с. 64—66)

53 (23a) Записано в Саратовской губ. К. А. Гуськовым.

АТ 123 (Волк и козлята). Сюжет бытует во всех частях света. Большинство учтенных фольклорных текстов европейские. Русских вариантов — 20, украинских — 4, белорусских — 3. Близкие восточнославянским варианты встречаются в сборниках сказок других народов СССР, например. *Башк. творч.*, I, № 30; *Тат. творч.*, I, № 14; Сказки народов Памира. М., 1976, № 77. Текст сборника характерен для русских сказок типа *123* традиционными повторяющимися стилистическими формулами и отличается живостью диалогов, ритмичностью склада. Судьба сюжета связана со средневековыми повествованиями, сборниками басен Ромула, поэтессы Мари де Франс, Берахия (XIII в.), сборником итальянских новелл конца XIII — начала XIV вв. (см.: *Anderson.* Novelline, I, N 2). Из многочисленных авторских обработок сюжета, относящихся к более позднему времени, особенно известна басня Лафонтена «Волк, коза и козленок». Исследования: *Dähnhardt*, IV, S. 277.

В сноске у Афанасьева приведен вариант песни козы:

Ох вы, детушки, мои батюшки!
Отопритеся, отомкнитеся;
Ваша мать пришла — молока принéсла.
Полны бокá молока, полны рогá творога,
Полны копытца водицы!

54 (23b) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. в 1848 г. Рукопись в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 9 об.—12; 1848). *АТ 123.* Вариант отличается характерным для восточнославянских сказок о волке и козлятах эпизодом перековки грубого волчье-

го голоса на тонкий козий голос, а также некоторыми своеобразными бытовыми подробностями. Афанасьев внес в рукописный текст ряд стилистических поправок — заменил книжные обороты речи разговорными.

55—56. ВОЛК-ДУРЕНЬ

(с. 66—69)

55 (24a) Место записи неизвестно. *АТ 122 А=47 В* (Волк-дурень) + *122 М** (Баран или козел обещает волку вскочить в его пасть). Вступительная часть напоминает сказки о собаке и волке (*АТ 101*, ср. текст № 59). В *АТ* учтены сказки о волке-дурне, записанные преимущественно в Европе, а также в Африке, Азии и на европейских языках в Америке. Русских вариантов — 16, украинских — 51, белорусских — 8. Подобные сказки встречаются во многих сборниках сказок народов СССР. Международное распространение сюжета письменным путем связано с баснями Эзопа «Осел и волк» и «Осел, лисица и лев» (*Эзоп*, № 187 и № 191, с. 118 и 119) и баснями сборников Бабрия, Ромула, Вардана (см.: *Орбели, Басни*, № 19, 139, 140), Штейнховеля, Сакса, шведского баснописца XV в. Пергаменуса (Dialogus clericalis moralisatus), а также со средневековой латинской поэмой «Isengrimus» (ст. 1167 и сл.) и более поздними поэмами о лисе и волке. Один из ранних литературных пересказов русской сказки о глупом волке принадлежит В. И. Далю («Сказка о Георгии храбром и о волке»). Сюжетный тип *122 М*, учтенный в *АТ* только в латышском материале, встречается и в сказках других народов, например, эстонцев (Eesti muinasjutud. Taimetanud Vidalepp R., № 24), поляков (Польские народные легенды и сказки/Сост. П. Глинкин, М.; Л., 1965, № 34), узбеков (*Узбек. ск.*, I, с. 25, 27), татар (*Тат. творч.*, I, № 31), а также в восточнославянских сказках, но не получает самостоятельной разработки, а является одним из эпизодов повествования о злоключениях глупого волка. Русских вариантов — 3, украинских — 9, белорусских — 5. Подобный эпизод известен и по средневековым поэмам о лисе и волке (например, «Roman de Renart»). В данном тексте сб. Афанасьева развивается характерный для таких русских сказок эпизод встречи хищника со свиньей, чуть было не утопившей его. Исследования: *Колмачевский*, с. 139—151; *Sudre*, р. 322—323; *Бобров. РФВ*, 1907, № 3, с. 182—188, *Wesselski*, S. 250; *Аникин*, с. 65; *Пропп. Кум. ск.*, с. 250—252.

56 (24b) Место записи неизвестно. В первом издании этого текста не было. *АТ 122 А + 122 М* + 121* (Волки лезут на дерево). Сюжетная контаминация, традиционная для восточнославянских сказок. Зачин — о хождении в старину Христа по земле — и эпизоды прихода неудачливого волка с жалобой к Христу встречаются нередко в сказках восточных, западных и южнославянских народов о волке-дурне. Сюжет о волках, лезущих на дерево, учтен в *АТ* в скандинаво-балтском, испанском, фламандском, немецком, венгерском, русском, франко-американском и индийском фольклорном материале. Русских вариантов — 7, украинских — 25, белорусских — 5. Исследования: *Пропп. Кум. ск.*, с. 255—256.

Приведенный Афанасьевым в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 27—28) этиологический легендарный рассказ, слышанный им «от одного поселянина», имеет близкие параллели в славянских и балтских фольклорно-этнографических сборниках. Иногда рассказ служит вступлением к повествованию о злоключениях волка-дурня в восточно- и западнославянских, литовских, латышских и эстонских сказках. Например, текст слышанного Афанасьевым рассказа: «Пасли два пастуха овечье стадо; захотелось одному водицы испить и пошел он через лес к колодцу. Шел-шел и увидел большой ветвистый дуб, а под ним вся трава примята и выбита. «Дай посмотрю, что тут делается»,— сказал пастух и влез на самую верхушку дерева. Глядь, едет святой Георгий, а вслед за ним бежит многое множество волков. Остановился Георгий у самого дуба; начал рассылать волков в разные стороны и наказывает всякому, чем и где пропитаться. Всех разослал: собирается уж ехать; на ту пору тащится хромой волк и спрашивает: «А мне-то что ж?» Егорий говорит: «А тебе вон на дубу сидит!» Волк день ждал и два ждал, чтобы пастух слез с дерева, так и не дождался; отошел подальше и схоронился за куст. Пастух огляделся, спустился с дуба — и бежать! А волк как выскочит из-за куста: схватил его и тут же съел». Ср. вариант в кн.: *Dähnhardt*, III, S. 295—306. Как доказывает Ю. Поливка в исследовании «Vlči pastýř» (Sbornik

praci věnovanych V. Tillovi k šebesátym narozeninám. Praha. 1927) слияние таких этиологических легенд со сказками о волке-дурне произошло в давнее время на общеславянской культурной почве. В фольклоре восточнославянских народов встречаются сказки типа *122 А* с легендарным вступлением о святом волчьем пастыре: см. текст № 555, а также — *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды/Под ред. И. П. Кочергина. Казань, 1914, № 32; *Смирнов,* № 170; *Рудченко,* I, № 1—4.

57—58. МЕДВЕДЬ
(с. 69—70)

57 (25а) Записано в Осинском уезде Пермской губ. Рукопись (*Васильев.* Этнографические сведения о России) — в архиве *ВГО* (р. XLVIII, оп. 1, № 18, лл. 2 об.—3). Изменения, которые Афанасьев внес в текст и, в частности, в песнь медведя (дополнил ее), указаны в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. (с. 542).

*АТ 161 А** (Медведь на липовой ноге). Сюжет отмечен в *АТ* только в русском материале. Русских вариантов — 22, украинских — 3, белорусских — 2. Сюжет встречается и в латышском фольклоре (*Арайс — Медне,* с. 26). Песнь медведя типична для таких русских сказок, своеобразно отражающих древние мифические представления о тотемных животных. Исследования: *Аникин,* с. 47—48.

В сносках Афанасьевым даны варианты начала и конца сказки. Начало: «Жил старик со старухой. Захотелось старухе медвежьего мяса. «Ступай, старик, за медвежьим мясом». Старик взял топор и пошел в лес. Приходит, глянул: лежит под колодою старый медведь и крепко спит. Старик не долго думал, отрубил у медведя лапу и понес домой...» Окончание: «Увидала старуха медведя. «Ну, старик, полезай в кузов, я тебя повешу над дверьми, а сама залезу на печь и за дрова спрячусь». Только медведь в избу, кузов с стариком оборвался и упал. Медведь испугался, вон из избы, да бежать...»

58 (25b) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 19 об.—20 об.; 1848 г.). *АТ 161 А* + отчасти *163.* Ввиду изобилия стилистических изменений, внесенных Афанасьевым в текст, последний воспроизводится полностью по рукописи в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. (с. 542—543).

59. МЕДВЕДЬ, СОБАКА И КОШКА
(с. 71—72)

59(26) Место записи неизвестно. *АТ 101* (Собака и волк) + *100* (Волк в гостях у собаки) + *117** (Собака подражает медведю или волку. Ср. *АТ 47 Д*). Первый сюжет учтен в *АТ* в европейском и американском (индейском) фольклорном материале. Русских вариантов — 3, украинских — 22, белорусских — 7. Сюжет встречается также в сказках некоторых народов Советского Востока, например, башкир (см.: *Башк. творч.,* I, № 21). Второй сюжет учтен в *АТ* также только в европейском и испано-американском материале, записывался у американских индейцев. Русских вариантов — 6, украинских — 22, белорусских — 8. Контаминация типов *101* и *100* является традиционной для сказок трех восточнославянских народов, а также для сказок других народов, имеет давнюю традицию, восходящую к басне Эзопа № 52 («Собака, волк и скупец»), переложенной Федром и Ромулом. Старейшую литературную обработку сюжет получил в средневековых поэмах о лисе (см.: *Graf,* S. 83—96). Сюжетный тип *117**, учтенный в *АТ* в литовских и русских сборниках, встречается также и в татарском (*Тат. творч.,* I, № 13) и другом фольклорном материале народов СССР. Русских вариантов — 4, украинских — 9, белорусских — 2. В данном тексте сюжет о нарушенной дружбе собаки и медведя составляет кольцевое обрамление двух других сюжетов — *АТ 101* и *100,* развиваясь в начале и в конце сказки. В значительной мере соответствуют сказкам типа *117** индийские сказки о лисице и тигре, учтенные в *АТ* под номером *47 Д.* Сюжет о нарушенной дружбе небольшого животного и могучего зверя имеет своим старейшим литературным вариантом басню «Лисица и лев» Афтония, греческого ритора конца VI в. (см.: *Эзоп,* № 355, с. 167). Сюжет обрабатывался также Варданом (*Орбели,* № 43).

К словам «Вдруг идет медведь» (с. 71) Афанасьев в сноске указал вариант: «Идет серый волк. «А, попался,— говорит он кобелю.— Зачем ты не подпускал меня

близко к деревне?» — «Прости, Григорий Иваныч! Впредь не стану, буду тебе первый друг!» Тут волк и подружился с собакою. (Вся сказка имеет то же содержание, только место медведя заступает волк)».

60—61. КОЗА
(с. 72—75)

60 (27a) Место записи неизвестно. *АТ 2015* (Нет козы с орехами).

Ареал устного распространения сюжета ограничен в основном европейскими странами. В *АТ* учтены также его варианты, записанные в Турции и на испанском языке в Америке. Русских вариантов — 23, украинских — 4 (один из них — см. № 535), белорусских — 6. Происхождение таких сказок связано с древнееврейской песней козла «Хагадья», исполняемой хором на еврейскую пасху в первый субботний вечер за праздничным столом. В виде песни козла кумулятивные сказки типа *2015* встречаются в русском и другом фольклорном материале нередко (ср., например, *Шейн. Вел.*, № 967—970). Сходный сюжет известен по южной редакции древнего индийского сборника «Панчатантра». Исследования: *Benfey*, S. 189; *Haavio*, № 88; *Пропп. Кум. ск.*, с. 250. Данный текст отличается полнотой изложения.

61 (27b) Записано А. Н. Афанасьевым в Воронежской губ. *АТ 2015*. Эпизоды «Плеть идет кузнеца бить, кузнец идет лом варить» имеют соответствие в ряде опубликованных восточнославянских вариантов этого сюжета.

62. СКАЗКА О КОЗЕ ЛУПЛЕНОЙ
(с. 75)

62(28) Записано в Тамбовской губ. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 14—15; 1848).

АТ 212 (Коза луплена). Отчасти напоминает текст № 14, относящийся в основном к типу *43*, отчасти же тексты № 60 и 61, относящиеся к типу *2015*. Сказки о козе лупленой учтены в указателе *АТ* в записях на европейских языках, в том числе в записях на французском языке, сделанных в Америке. Русских вариантов — 30, украинских — 27, белорусских — 9. Близко соответствует русским сказкам этого типа татарская (*Тат. творч.*, I, № 35). В «Сказке о козе лупленой» сб. Афанасьева отсутствуют следующие эпизоды вступительной части более полных вариантов: отец посылает своих сыновей или дочерей поочередно пасти козу; коза говорит, что не насытилась; отец сердится и прогоняет детей из дома, но когда сам убеждается, что коза обманывает, пытается ее зарезать; коза лупленая убегает в лес. Сказка Афанасьева имеет другое краткое своеобразное вступление. Характерной особенностью восточнославянских вариантов сюжета о лупленой козе являются стилистические формулы, которыми коза дает сама себе характеристику («Я — коза рухлена, полопина бока луплена...») и другие (например, отсутствующая в тексте Афанасьева формула: «Летела через мосток, схватила кленовый листок»). Исследования: *Пропп. Кум. ск.*, с. 253—254.

Немногие мелкие стилистические поправки, внесенные Афанасьевым, указаны в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. (с. 545).

В сноске Афанасьева к словам козы, отвечающей зайчику на вопрос «Кто там?» (с. 75), отмечено: «В Воронежской губернии этот ответ передается так: «Я — коза рьяная, за́ боки драная; сколю тебя рогами, стопчу тебя ногами!» В Малороссии: «Я — коза-дереза (задира́ка, капризная — см. Малоросс. словарь г. Афанасьева-Чужбинского, 87), пивбока луплена, за копу куплена. Тупу-тупу ногами, сколю тебя рогами, лапками загребу, хвостиком замету — брրру!» («Быт русского народа», соч. Терещенко, IV, 45)».

63. СКАЗКА ПРО ОДНОГО ОДНОБОКОГО БАРАНА
(с. 76—77)

63(29) Записано в Тверской губ. писателем И. И. Лажечниковым (1792—1869).

В основном *АТ 130* (Зимовье животных) и *АТ 130 B* (Животные убегают от смерти в лес), *АТ 130 A* (Животные строят жилье). Начало соответствует типу *АТ 212*. Сюжет о зимовье животных устно бытует во всех частях света. Эпизоды бегст-

ва домашних животных от смерти в лес и постройка ими жилища характерны для бытующих у ряда народов Восточной Европы сказок типа *АТ 130*. Русских вариантов — 21, украинских — 26, белорусских — 6. Наиболее раннее литературное отражение сюжет получил в басне «Осел, петух и лев» (*Эзоп*, № 82, с. 87—88), переложенной Федром; версия Федра вошла в сборник Ромула. Сюжет получил также отражение в средневековых поэмах о лисе и волке («Isengrimus», «Roman de Renart») и в шванках Г. Ролленгагена и Г. Сакса. Еще более определенную связь со сказками типа 130 имеет рассказ южной редакции индийского сборника «Панчатантра» и аналогичные рассказы «Книги попугая» («Шукасаптати») и персидской «Тути-наме». В новое время заметное влияние на сказки европейских народов оказала сказка бр. Гримм «Бременские музыканты». Исследования: *Aarne A.* Die Tiere auf der Wanderschaft. Eine Märchenstudie (FFC, N 11), Hamina, 1913; *Sudre*, S. 205—249; *Graf*, S. 108—119; *Dähnhardt*, IV, S. 277; *Пропп. Кум. ск.*, 253—254. Афанасьев в печатном тексте воспроизвел некоторые фонетические особенности местного говора.

64. ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ
(с. 77—78)

64(30) Место записи неизвестно. *АТ 130 + 130 А*. Мотив «Бык строит дом» является традиционным для славянских и балтских вариантов типа *130 А*, встречается в неучтенном Томпсоном болгарском, польском, восточнославянском, мордовском (*Эрзян. ск.*, № 4), башкирском (*Башк. творч.*, I, № 27) материале. Эпизод бегства домашних животных в теплые края во вступительной части сказки напоминает украинские сказки, выделенные в *СУС* под особым номером: — *130 Д*** (два варианта). Настоящий текст и приведенный Афанасьевым в сноске вариант окончания сказки проникнуты чувством юмора, характерным для русских сказок о зимовье животных. Исследования: *Krzyżanowski. Sz.*, II, S. 223—224. К словам барана: «я разбегуся и вышибу из твоей избы бревно» (с. 77) Афанасьев в сноске указал вариант: «и сшибу дверь с крючьев». После слов: «Вот живут они себе да поживают в избушке» (с. 78) отмечен вариант окончания сказки: «Спознали про то волк и медведь. «Пойдем,— говорят,— в избушку, всех поедим, а сами станем там жить». Собралися и пришли к избушке. Медведь говорит волку: «Иди ты вперед!» А волк говорит: «Мне не управиться, иди ты вперед!» — «Ну, смотри же, не выдавай меня» — сказал медведь и пошел в избушку. Только вошел, бык и припер его рогами к стене, а баран разбежался, да как бацнет (ударит) медведя в бок, и сшиб его с ног, а свинья рвет и мечет в клочки, а гусь подлетел — глаза щиплет, а петух сидит на брусу и кричит: «Подайте сюда, подайте сюда!» Волк услыхал крик, да бежать. Вот медведь рвался-рвался, насилу вырвался, прибежал и рассказывает волку: «Ну, что мне было! До смерти чуть не забили, да еще один на брусу сидел да все кричал: подайте сюда, подайте сюда! Ну, если б подали к нему, кажись бы и смерть была!»

65. МЕДВЕДЬ И ПЕТУХ
(с. 78—79)

65(31) Место записи неизвестно.
АТ 130 + 130 В + 130 А. См. прим. к № 63. Необычен для сказок этого типа мотив женитьбы дурака, сына хозяина животных.

66—67. СОБАКА И ДЯТЕЛ
(с. 79—81)

66 Место записи неизвестно.
(32а) *АТ 248* (Собака и дятел). В *АТ* учтены только сказки, записанные в странах Европы и две записи, сделанные в Южной Америке на испанском языке. Русских вариантов — 4, украинских — 11, белорусских — 1. Они имеют параллели в некоторых сборниках фольклора восточных народов СССР (см., например, «Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев». Сост. пер. К. П. Матвеевой. М., 1974, с. 234—235; *Тат. творч.*, I, № 39). История сюжета связана со сред-

невековыми поэмами о лисе и волке: см.: *Sudre*, p. 301—310. В западных вариантах птица (не дятел) мстит кучеру за то, что он переехал собаку, а не хозяевам (мужику) за то, что прогнал собаку, как в этом и следующем текстах сборника Афанасьева.

67 (32b) Место записи неизвестно.

АТ 248. Эпизод свадьбы отчасти напоминает сюжет «Волк в гостях у собаки» — *АТ 100.* Необычен для сказок типа *248* также эпизод схватки дятла с работниками и с лисой.

68. КОЧЕТ И КУРИЦА
(с. 81)

68(33) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 6, лл. 2 об.—3; 1848). Сказка напечатана Афанасьевым без изменений. См. комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. (с. 548).

АТ 2021 B (Петушок вышиб курочке глаз орешком). Сказки данного типа учтены в *АТ* только в латышском, литовском, турецком и русском фольклорном материале. Русских вариантов — 7, украинских — 13, белорусских — 3. Исследования: *Wesselski A.* Das Märchen vom Tode des Hünchen und andere Kettenmärchen. Giessen, 1933; *Haavio*, № 88; *Пропп. Кум. ск.*, с. 257; *Аникин В. П.* Царская цензура и сказка о выбитом курином глазе.— Русская речь, 1977, № 4, с. 45—50. Заключительные слова, произносимые волком — «Я есть захотел, мне бог повелел», были признаны цензором вредными (богохульными).

69. СМЕРТЬ ПЕТУШКА
(с. 82—83)

69(34) Записано в Архангельском уезде Архангельской губ. А. Харитоновым.

АТ 2021 A (Смерть петушка). Варианты учтены в *АТ* в латышском, венгерском и русском материале. Русских вариантов — 20, украинских — 9, белорусских — 3. О формировании сюжета на европейской культурной почве в средние века — см.: *Wesselski A.* Das Märchen vom Tode des Hünchen und andere Kettenmärchen. Giessen, 1933; *Haavio*, № 88; *Пропп. Кум. ск.*, с. 249—250.

70—71. КУРОЧКА
(с. 83—84)

70 (35a) Место записи неизвестно.

АТ 2022 B (Разбитое яичко). В *АТ* учтены румынские, русские, литовские и не отмечены варианты на других языках народов СССР, например, латышском (*Арайс — Медне*, с. 240). Русских вариантов — 11, украинских — 11, белорусских — 4. Вариант начала сказки указан в сноске Афанасьева: «Жил себе дед да баба, у них была курочка ряба; снесла под полом яичко. Дед бил — не разбил, баба била — не разбила, а мышка прибегла да хвостиком раздавила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудкудачет, ворота скрипят, с двора щепки летят! (Записано в Бобровском уезде Воронежской губернии)». Заключительные формулы: «Дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола.., а поп побежал, все книги изорвал» (данный текст) и «...тесто месила — все тесто разметала! Поп стал книгу рвать — всю по полю разметал» (следующий текст) являются традиционными только для восточнославянских сказок о разбитом яичке, наряду с формулой «Поп сжигает церковь», отсутствующей в вариантах Афанасьева. В балканских и балтских вариантах есть иные довольно разнообразные характерные начальные и заключительные формулы — мотивы. Например, в латышских обычно имеется особая концовка: курица сбрасывает перья ...барин идет искать еще более глупых людей. В некоторых восточнославянских вариантах, рассчитанных на детей младшего возраста, ироническая концовка отсутствует. К характерным мотивам русских сказок данного типа относятся также такие иронические подробности: «...верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась» (настоящий текст), «Баба рыдать, вереи хохотать... Поповы дочери шли с водою, ушат проломили» (следующий текст). Исследования: *Аникин*, с. 55; *Пропп. Кум. ск.*, с. 256.

71 (35b) Записано в Архангельской губ. А. Харитоновым.

АТ 2022 В. Текст, выдержанный в песенном стиле, отличается от предыдущего несколькими сюжетными звеньями; количество звеньев бывает различным.

72. ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ
(с. 85)

72(36) Записано в Никольском уезде Вологодской губ. *АТ 244 А** (Журавль и цапля). Единственная опубликованная русская народная сказка этого типа. Кроме нее в *АТ* учтены единичные записи на литовском и латышском языках (*Арайс — Медне*, с. 36). Украинских вариантов — 4, белорусских — 1. Исследования: *Аникин*, с. 73—74. Сказка неоднократно литературно обрабатывалась К. Д. Ушинским, Иваном Франко, Максимом Танком и др.

После слов «Лучше пойду замуж за журавля» (с. 85) в сноске Афанасьева указан вариант: «Повадился журавль к цапле в гости ходить. Пришел раз, долбит носом в вороты; а цапля спрашивает: «Кто тут у ворот?» Журавль отвечает: «Я, цаплинька, пришел тебя сватать». — «О, долгоногий жульдеба (уменьшительное от «журавль»), не пойду я за тебя». Поплелся журавль домой, а цапля стосковалася и думает: «Что я не пошла за такого молодца!» Думала-думала, пошла его искать...»

73. ВОРОНА И РАК
(с. 85)

73(37) Место записи неизвестно. В первом издании сб. Афанасьева отсутствует. Язык персонажей украинский, и сказка, вероятно, записана от украинского рассказчика (см. Основа, 1860, X, с. 20).

*АТ 227** (Ворона и рак). В *АТ* учтены литовские фольклорные варианты и текст сборника Афанасьева: сказки имеются в латышском (*Арайс — Медне*, с. 34), украинском, белорусском фольклорном материале, встречаются и в сборниках сказок восточных народов СССР, например, татар (*Катанов Н. Ф.* Материалы к изучению казанско-татарского наречия, I, Казань, 1859, № 5). Русских вариантов — 1, украинских — 8, белорусских — 1. Старейшие литературные произведения сюжетного типа — рассказ индийской «Панчатантры» и басня Эзопа о журавле и раке, которая до нашего времени не дошла, она послужила основой для ряда средневековых басен, например, «Куропатка и лиса» сборника Адемара (см. *Федр. Бабрий*, с. 74—75) и «Лиса и куропатка» сборника Вардана (*Орбели*, № 86).

74. ОРЕЛ И ВОРОНА
(с. 86)

74(38) Место записи неизвестно.

АТ 220 А (Суд орла над вороной). В *АТ* учтен только текст сборника Афанасьева. Русских вариантов — 10 (некоторые из них имеют песенную форму, например, *Шейн. Вел.*, № 985, 986), украинских — 2 (прозаический и стихотворный — они существенно отличаются от русских), белорусских — 1. Для сказок типа *220 А* характерна сатирическая направленность и бытовой колорит старой Руси.

75. ЗОЛОТАЯ РЫБКА
(с. 86—88)

75(39) Место записи неизвестно. *АТ 555* (Исполнение желаний бедняка золотой рыбкой или деревом, лисой, котом, птицей, а в сказках некоторых народов — змеей, старичком, святым Петром). Начало напоминает «Сказку о рыбаке» из «Тысячи и одной ночи» (ночь 3-я), а образ чудесного исполнителя всех желаний встречается во многих памятниках фольклора и литературы древнего Востока. Совпадение во всех сюжетных звеньях текста со сказкой Пушкина дает основание предполагать прямое ее влияние на устное повествование. В *АТ*, кроме многочисленных европейских, учтены африканские и испано-американские варианты. Русских — 26, украинских — 10, белорусских — 3. Только в тех восточнославянских сказках, которые близко соответствуют пушкин-

ской, главным действующим лицом является золотая рыбка, как в западноевропейских, и, в частности, в сказке сборника бр. Гримм, творчески использованной Пушкиным, может быть, наряду с русскими. Описания волшебных превращений в сказке «Золотая рыбка» лишены ряда подробностей, известных по сказке Пушкина. Вместе с тем в сказке сборника Афанасьева имеются такие особенности фольклорного стиля, которых нет в пушкинской сказке (например, повторяющаяся формула «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне передом»;— зачин «На море на океане, на острове Буяне жили...»). Исследования: *Майков Л. Н.* Сказка о рыбаке и рыбке и ее источники.— *ЖМНП*, 1892, май, с. 146—157; *Rommel M.* Von dem Fischer und seiner Frau. Karlsruhe, 1935; *Азадовский М. К.* Литература и фольклор. М., 1938, с. 65—75; *Волков Р. М. Нар. истоки*, с. 136—154; *Евсеев В. Я.* Карельские варианты пушкинских сказок.— Известия Карелофинского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1949, № 3, с. 75—88; *Токарева Е. И.* Народные варианты «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина.— Вопросы жанров русского фольклора. М., 1972, с. 111—130; *Пропп. Кум. ск.*, с. 252—253. По мотивам гриммовской сказки и ее лубочной шведской переделки созданы оперы: «Изебилл» Клозеса (1903) и «Рыбак и его жена» Шоецкса (1930).

76. ЖАДНАЯ СТАРУХА
(с. 89—90)

Место записи неизвестно.

76(40) *АТ 555.* Вариант сюжета об исполнении всех желаний замечателен мотивами, в которых отражается крепостническая действительность и самодержавный гнет. И не случайно цензор усмотрел в нем «неприличное сопоставление высших чинов и неуважительный отзыв о государе». Финальный эпизод чудесного превращения старика и старухи в животных имеет соответствие в ряде восточнославянских вариантов.

В сноске Афанасьева приведены варианты начала и вариант конца.

Начала: «*Вариант 1:* Жили-были старик да старуха. Старик на печи лежит, а старуха его бранит: «Поди-ка, старый хрыч, хоть дрова руби!» Пошел старик, лесину подломил — выскочила лисица и говорит: «Чего тебе, старик, надо?» — «У меня, матушка лиса, хлеба нету».— «Поди домой, все будет». Вернулся старик домой, а у него уж хлеб есть. На другой день старуха опять посылает старика дом просить. Пошел старик к лисице: «У меня,— говорит,— матушка лиса, дома нету».— «Поди домой, все будет». Вернулся старик, а у него уже каменный дом. На третий день старуха опять посылает его скота просить. Пришел старик к лисице и говорит: «У меня, матушка лиса, скота нету».— «Поди домой, все будет». Вернулся старик, а у него целый двор скота. (Записано в Чердынском уезде Пермской губ.).

Вариант 2: Жил старик со старухой, детей у них не было. Раз поехал старик на своей кобыле в лес по дрова; приехал, подошел к сухой лесине и собирается ее срубить, да вдруг увидел на ней птичку-невеличку. Птичка-невеличка бает старика: «Дедушка, не руби эту лесину; я тебе, что хошь сделаю». «А что сделаешь?» — бает старик. «Хоть злата, хоть сéребра дам».— «Ладно»,— сказал старик. Дала ему птичка-невеличка целую кучу денег. Принес старик домой и зажил со старухою богато-богато. Пожили сколько-то времени, бает старуха старику: «Ступай к птичке-невеличке, пусть тебя начальником сделает, хоть сотским — все лучше!» (Записано в Енисейской губ.)».

Вариант окончания: «Ступай-ка ты к птичке-невеличке да проси, чтобы нас святыми сделала». Старик пошел в лес, просит птичку-невеличку сделать их святыми. «Хорошо!» — сказала птичка. Старик воротился домой — нет ни дворца, ни денег, ни запасов; стоит старая избушка, набок покосилася, а в избушке старуха в прежнем дырявом сарафане сидит. Как быть? Чем кормиться? Говорит старуха: «Ну, старик, поди к птичке, попроси хлеба да денег; не умирать же нам с голоду!» Пошел старик: «Матушка птичка-невеличка, дай нам хлеба и денег, ведь нам есть нечего». Отвечает ему птичка: «А разве святые едят? А разве святым нужны деньги?» Сказала и улетела...»

К словам «Будь же ты медведем, а твоя жена медведицей» (с. 90) дан вариант: «Будь же ты, старик, пес, а твоя жена сука!»

Близкий сообщенному Афанасьевым в сносках вариант типа *555* — о чудесной птичке — имеется в сборнике мордовских сказок (*Эрзян. ск.*, № 17).

77—80. СКАЗКА ОБ ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

(с. 90—102)

77 (41a) Место и время записи неизвестно.

*АТ 254**=АА* 254*. Сказки о Ерше Ершовиче встречаются только в русском материале. Насчитывается 23 опубликованных текста, из них пять в сборнике Афанасьева. Текст № 556 перепечатан им из лубочного издания (*Ровинский Д.* Русские народные картинки. СПб., 1881, кн. I, № 173). Данный текст выделяется подробностями судебной волокиты Ерша с Лещом. К сюжетному типу *254*** примыкает украинская сказка о суде над ершами: по прошению рыб царь определяет место для ершей (*Етногр. зб.*, т. 37—38, 1916, № 365). Сюжет связан с русской сатирической повестью XVII в., известной по рукописным спискам XVII—XVIII вв. и по лубочным переделкам. Некоторые исследователи полагают, что сказка, самые ранние записи которой сделаны в XIX в., имеет устное происхождение и бытовала еще до появления рукописной повести, близкой отчасти к фольклорному стилю. Однако этот вопрос является спорным. Исследования: *Шляпкин И. А.* Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове.— *ЖМНП*, 1904, август, с. 380—400; *Адрианова-Перетц. Очерки*, с. 124—162; *Адрианова-Перетц. Сатира XVII в.*, с. 143—147, 168—174; *Лапицкий И. П.* Повесть о Ерше Ершовиче.— В кн.: Русская повесть XVII в.— М.; Л.: ГИХЛ, 1954, с. 428—440; *Романова Л. Т.* Сюжет о Ерше Ершовиче в устном народном творчестве.— В кн.: Славянский филологический сборник, Уфа, БГУ, 1962, с. 409—420; *Юдин Ю. И.* Тема социального протеста в русских бытовых сказках о судах и судьях.— В кн.: Проблемы изучения русского народного творчества. М.: МОПИ, вып. 4, 1977, с. 31—47; *Аникин*, с. 76—77. Популярной обработкой народной сказки является «Судное дело Ерша с Лещом» Б. В. Шергина (в его книге «Поморские были и сказания» — ряд изданий). К словам «пред свое величество» (с. 92) Афанасьев сделал сноску: «*В рукописи прибавлено:* «пред ершово высочество».

Слова сома: «С Петрова дня и до Ильина дня» означают: с 29 июня до 20 июля с. ст. К этим дням древних земледельческих праздников восточных славян («С Петрова дня красное лето, зеленый покос»; «Илья лето кончает, жито зажинает») церковь приурочила чествование христианских апостолов Петра и Павла, пророка Ильи, наделенного в народной среде чертами языческого бога-громовника.

78 (41b) Место записи неизвестно. *АТ 254***.

Данный и следующий варианты замечательны яркой стилистической формой, рифмованным складом.

79 (41c) Место записи неизвестно. *АТ 254***.

80 (41d) Из рукописного сборника, принадлежавшего историку И. Е. Забелину. Рукопись исследователя датируется третьей четвертью XVIII в. Хранится в *БАН СССР* (Сборная рукопись, с. 126—128).

*АТ 254***. О рукописном «Списке судного дела...», воспроизведенном Афанасьевым, см.: *Адрианова-Перетц. Сатира XVII в.*, с. 146; *Романова Л. Т.* О редакциях древнерусской повести о Ерше Ершовиче и о времени ее возникновения.— В кн.: Славянский филологический сборник. Уфа, 1962, с. 325—343. Напечатана Н. К. Гудзием в «Хрестоматии по древнерусской литературе» (М., 1935, с. 343—346).

81. БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

(с. 103)

81(42) Записано в Череповецком уезде Новгородской губ. Н. Черновым. Рукопись «Быт крестьян в Череповецком уезде Новгородской губернии» — в архиве *ВГО* (р. XXIV, оп. 1, № 5, лл. 13—14 об.; 1848 г.).

АТ — . Это не сказка, а «байка», не имеющая вариантов и не учтенная ни в одном из указателей сюжетов. Афанасьев напечатал ее без введения, которое имеется в рукописи:

«Раз я гулял на берегу Шексны и увидел крестьянина, который удил рыбу. «Что, друг, много ли наловил?» — сказал я ему. «Эх, барин, какая рыба? Была когда-то рыба, а нынче не те годы, кажись, слежу целый денечек, а глядь-ка сколько наловил!» Я посмотрел в кузовок, и в самом деле там не было более пяти рыбок. «Странно,—

сказал я,— кажется, Шексна — большая река, а рыбы в ней мало!» — «Поди ты! Кажись, надо бы было быть рыбке, ан нет ее, придется ловить, ан шиш возьми! Знаешь ли, барин, еще батько мне голцыл, отчего нет рыбы в Шексне?» — «Расскажи, любезный, отчего? Ты меня премного этим одолжишь».— «Ну, слушай, коли не лень слушать!» — и крестьянин так начал говорить...»

Далее в рукописи следует текст, воспроизведенный Афанасьевым, без каких-либо поправок (см. комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 555).

82—84. ТЕРЕМ МУХИ
(с. 104—105)

82 Записано в Архангельской губ. А. Харитоновым.
(43a) *AT 283 B** (Терем мухи). В *AT* учтены русские сказки, но они характерны для сюжетного репертуара трех восточнославянских народов, встречаются изредка и в фольклоре их соседей, например, словаков (*Dobšinski P.* Prostanárodné Slovenské povesti. Bratislava, 1973, III, S. 211—213) и латышей (*Арайс — Медне*, с. 38). Русских вариантов — 25, украинских — 10, белорусских — 3. В фольклор некоторых народов «Терем мухи» перешел из восточнославянского фольклора. Данный текст представляет наиболее распространенную разновидность сюжета — «Построила муха терем»; следующие два текста — иные разновидности: «Муха, комар, лягушка и другие в кувшине» и «Зверушки в лошадином черепе». В ряде восточнославянских вариантов повествуется о зверушках, забравшихся в потерянную кем-то рукавицу. Особой разновидностью сюжета является белорусская сказка о зверушках, забравшихся в экипаж мухи-хахавки, который везут шесть комаров (*Federowski*, II, N 1). Такие детские сказки, полные юмора, близкие по стилю шуточным песням, замечательны затейливым, словесным узором. Они имеют свои традиционные формулы, свои постоянные эпитеты (комические прозвища персонажей). Исследования: *Бобров. РФВ*, 1908, № 1 и 2, с. 222—223; *Смирнов-Кутачевский А. М.* Творчество слова в народной сказке.— Сб.: «Художественный фольклор», вып. II—III. М., 1927, с. 71—80; *Никифоров А. И.* Народная детская сказка драматического жанра.— В кн.: Сказочная комиссия в 1927 году. Л., 1928, с. 49—63; *Аникин*, с. 86; *Пропп. Кум. ск.*, с. 253—254. Сюжет приобрел особенную популярность благодаря его обработке В. И. Далем, Д. К. Ушинским, А. Н. Толстым, Якубом Коласом, С. Я. Маршаком. «Терем-теремок» Маршака — «сказка для чтения и представления» часто идет на сценах детских театров.

После слов «я; волчище серое хвостище» (с. 104) — как отметил в сноске Афанасьев,— «В другом варианте упоминаются: блоха-попрыгуха, слепень-жигун, лягушка-квакушка, лиса-краса, зайка-поплутайка, собачка из-под ворот гам!»

83 Место записи неизвестно. *AT 283 B**. К словам «Я из-за кустов хап» (с. 105)
(43b) Афанасьев указал вариант: «Я волк, что делил вас в долг».
84 Записано в Московском уезде. *AT 283 B**.
(43c)

85—86. МИЗГИРЬ
(с. 106—107)

85 Записано в г. Далматове Шадринского уезда Пермской губ. государственным
(44a) крестьянином Александром Никифоровичем Зыряновым. Ср. № 86. Его записи хранятся в архиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 32а, лл. 3—3 об.; 1850), частично опубликованы в «Народных русских сказках» и в «Народных русских легендах» Афанасьева, а также в *Перм. сб.* (I, 1859, с. 118—122); в последний вошли иные, чем напечатанные Афанасьевым, варианты сказок типа *283 A**, *283 B** и *295**. Данному тексту, напечатанному А. Н. Афанасьевым без изменения, соответствуют лл. 3—3 об. рукописи Зырянова (см. комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 556).

*AT 283 A**. В *AT* учтены только два русских варианта сюжета о мизгире (пауке) из сборника Афанасьева, но опубликовано 8 — прозаических и имеющих песенную форму. Сказка восходит к русской шуточной песне. Афанасьевский текст, имеющий рифмованный склад, отличается особенно подробной разработкой разнообразно варьируемого в песнях сюжета. Такие русские сказки и песни напоминает украинская сказка (*Етногр. зб.*, т. 37—38, 1916, № 374), учтенная в *СУС* под номером *283 A***. Она тоже имеет песенную основу.

86 (44b) Место записи неизвестно.
*AT 283 A**. Рифмованный текст представляет иную, чем предыдущий, разновидность сюжета о мизгире — похороны обезглавленной мизгирем осы.

87—88. ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ
(с. 107)

87(45) Место записи неизвестно.
AT 295 (Пузырь, соломинка и лапоть). Варианты учтены в *AT* в фольклоре немногих народов, но не только Европы, а и Америки, Северной и Южной (записывались у индейцев и негров). Русских вариантов — 4; украинских — 1 (на русском языке, см.: «Очерк сказок, обращающихся среди одесского простонародья» А. Маркевича.— Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, М., 1900, с. 173). Сюжет связан с басней Эзопа «Глиняный горшок и медный горшок», известной в пересказе Бабрия (*Эзоп*, № 346, с. 164) и в пересказах, переделках многих более поздних писателей, в частности Лафонтена («Горшок и котел»), Сумарокова (басня «Горшки»), Крылова (басня «Котел и горшок») и др.

88, (45) вар. Записано в Пермской губ. штатным смотрителем Кунгурского училища С. Буевским. Рукописный источник в комм. к I тому сказок Афанасьева издания 1936 г. не указан. Рукопись — в архиве ВГО (р. XXIX, оп. 1, № 61, л. 20; 1848); напечатано Афанасьевым без изменений.
AT 295. Вариант напоминает сказку типа *295* о соломинке, угольке и бобе, опубликованную А. Н. Зыряновым в *Перм. сб.*, (I, с. 121), а также латышские сказки (*Арайс — Медне*, с. 40).

89. РЕПКА
(с. 107—108)

89(46) Записано в Архангельской губ. А. Харитоновым.
AT 2044 (Репка). В опубликованном фольклорном материале сказка встречается редко, в *AT* учтены только литовские, шведские, испанские, русские тексты. Русских вариантов — 4, украинских — 1. Исследования: *Пропп. Кум. ск.*, с. 255—256.
В сноске Афанасьев привел вариант начала сказки, записанной в Вологодской губернии: «Был старик со старухою, насеяли репу. «Старуха! — зовет старик.— Я ходил, смотрел: репка частая. Пойдем рвать». Пришли к репке, посудили-посудили: как нам репку рвать? Бежит ножка по дорожке. «Ножка, пособи репку рвать». Рвали-рвали не могли вырвать...»

90. ГРИБЫ
(с. 108)

90(47) Записано в Оренбургской губ.
AT 297 B (Война грибов). В *AT* учтен только текст сборника Афанасьева. Русских вариантов — 6, украинских — 1 (в песенной форме). Песни о войне грибов бытуют и у некоторых народов Прибалтики, например, у эстонцев
Вариант начала сказки, указанный Афанасьевым в сноске: «Гриб-гриб боровик, всем грибам полковник...»; или «Царь грибов стал звать грибов на войну»; вариант ответа волнушек (с. 108): «Мы старушки...».

91. МОРОЗ, СОЛНЦЕ И ВЕТЕР
(с. 108—109)

91(48) Записано в западной части Гродненской губ. Язык белорусский.
*AT 298 A** (=*AA** 298*). В *AT* учтены финские, эстонские, латышские тексты и белорусская сказка сборника Афанасьева. Не отмечены Аарне—Томпсоном другие восточнославянские варианты — трех народов (см. *СУС*, с. 102—11 текстов; дополнительно: Этнографический сборник. III. Вильно, 1858, с. 85—87). Укажем также близкие румынский (учтенный Афанасьевым в примечании) и французский, литовский варианты: *Schott Arthur* und *Albert*. Walachische Volksmärchen. Stutgardt; Tübingen,

1845. N 38; Revue de traditions Populaires. Paris, 1887, vol. I, p. 327; *Kerbelite B.* Litauische Volksmärchen. Berlin: Akademie — Verlag, 1982, N 21. История сюжета связана с басней Эзопа «Борей и солнце» (*Эзоп*, № 46, с. 77). Ее перелагали и обрабатывали Бабрий, Авиан, Плутарх («Правила для супругов») и писатели более позднего времени (Лафонтен, «Ветер и солнце»). Белорусская народная сказка о морозе, солнце и ветре переложена стихами Владимиром Дубовкой («Кто сильнее?») Исследование: *Liungman W.* Der Kampf zwieschen Sommer und Winter.— *FFC*, N 130, Helsinki, 1941. Сложную опосредственную связь со сказками типа *298 A** имеют цепевидные сказки некоторых тюркоязычных народов, например, башкир, о том, кто сильнее — лед, солнце, облако, дождь, трава, бык или нож? (лед, солнце, облако, дождь или земля?). См. *Башк. творч.*, V, № 134, 135. Эта восточная разновидность сюжета «Какая стихия природы сильнее?» в международном и национальных каталогах не указаны.

В Примечаниях Афанасьев перепечатал подобную сказку из «Сказаний русского народа» И. П. Сахарова (СПб., 1841, т. I, с. 104): «Шел мужик, смотрит — навстречу ему идут мужики: Солнце, Ветер и Мороз. Мужик мужикам поклонился, посередь дороги становился, а Ветру еще поклон на особицу. Солнце сказало: «Постой, мужик, вот я те сожгу!» А ветер молвил: «Я тебя не допущу». Мороз пригрозил: «Постой, мужик, я те заморожу!» А ветер: «Я тебя отдую».

92. СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ И ВОРОН ВОРОНОВИЧ
(с. 109—110)

92(49) Место записи неизвестно.

AT 552 B (*C=AA** 299*). Сказки этого типа учтены в *AT* в латышском, литовском, шведском, норвежском, индийском и русском материале. В научной литературе имеются также ссылки на датские сказки (см. *Liungman*, S. 159—160). Русских вариантов — 6 (дополнительно к *СУС:* Сказки родного края/Сост. В. Н. Морохин. Горький, 1978, № 23). В скандинавских и индийских вариантах действуют другие персонажи, и сюжет получает несколько иное развитие. Есть основание предполагать, что происхождение сказок типа *552 B*, имеющих обычно неблагополучную развязку, восходит к более распространенным сказкам типа *552 A* — о животных-зятьях и о добывании с их помощью жены-красавицы, см.: текст *№ 562*.

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 42) Афанасьев перепечатал сходную сказку из журнала «Подснежник» (1858, № 1, с. 3—9): «В Петровки поехал мужик сено косить. «Эх, жарко,— говорит он,— кабы Ветер пахнул холодком, меньшую бы дочь за него выдал». Ветер и подул. Выдал мужик за него дочку и поехал к ним в гости. То да сё, говорит Ветер жене: «Жарко, жена, в избе, пойдем на воду сидеть».— «Что ты? Утонем». — «Небось не утонем; бери знай шубу». Пришли к реке, кинул Ветер шубу в воду: «Прыгай!» — говорит жене. Прыгнули оба разом. Ветер подул, и поплыла шуба, что твоя лодка. Мужик воротился домой, и сам задумал так же покататься. Кинул на воду шубу, прыг на нее вместе со старухой — и прямо на дно угодил».

93. ВЕДЬМА И СОЛНЦЕВА СЕСТРА
(с. 110—112)

93(50) Записано на Украине.

*AT 313 J** (Ведьма и солнцева сестра) + *313 H** (Бегство от ведьмы с помощью бросания чудесных предметов). В опубликованном международном сказочном материале, кроме украинской сказки сборника Афанасьева и ее пересказа, записанного в Сибири (*Смирнов*, № 324), отмечена лишь венгерская сказка о ведьме и солнцевой сестре (*Berze Nagy*. Baranyai magyar népһagyomanjo. Péca, 1940). Содержание еще одной подобной украинской сказки: *Афанасьев. Поэт. воззрения*, III, с. 271—274. Это изложение перепечатано в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. (с. 574). Эпизоды бросания чудесных предметов во время бегства от ведьмы (сюжет-мотив учтен в *AT* только в русском фольклоре) встречаются в 44-х разных русских, в 17-ти украинских и в 18-ти белорусских, а также во многих казахских, башкирских, татар-

ских сказках. Бегство царевича и спасение его от сестры-ведьмы напоминает сюжет типа *315 А* «Сестра-людоедка», известный по индийским сказкам и сказкам некоторых восточных народов СССР, например, башкир (см. Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974, с. 64—68). Исследования: *Пропп. Ист. ск.*, с. 320—321.

94. ВАЗУЗА И ВОЛГА
(с. 112)

94(51) Записано в Тверской губ.

АТ—. Это местное предание, поэтически истолковывающее особенности русла и течения Волги и впадающей в нее речки Вазузы, истоки которой находятся близ истоков великой русской реки. Ссылки на целый ряд преданий о Волге и Западной Двине, Доне и Шате, Днепре и Десне, Днепре и Соже — см.: *Афанасьев. Поэт воззрения*, II, с. 226—229. Некоторые из них известны в белорусских и украинских вариантах, например: *Романов*, IV, № 34, с. 176—177; *Добровольский*, I, № 12, с. 233—234; Маяк, XV, 1844, с. 30 (отд. «Смесь»); Наша нива, Вильно, 13 января 1911 г. Ср. аналогичные предания о споре рек Большой и Малый Инзер («Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке»/ Сост. Л. Г. Бараг. Уфа, 1969, № 64) и о споре рек Урал и Белая (Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974, с. 130). Стихотворным переложением текста сборника Афанасьева является «Волга и Вазуза. Русская сказка» С. Я. Маршака.

95—96. МОРОЗКО
(с. 113—117)

95 Записано в Никольском уезде Новгородской губ.

(52а) *АТ 480* (=*АА 480* В*. Мачеха и падчерица). Варианты всемирно известного сюжетного типа, не разграниченные в *АТ*, учтены в русском и восточнославянском сравнительном указателях. Разновидность — Морозко (баба-яга, леший, кобылячья голова) испытывает девушку и награждает — наиболее часто встречается в восточнославянском сказочном материале. Русских вариантов — 40, украинских — 30, белорусских — 11. Сказка о встрече падчерицы в лесу с Морозом отмечена и в фольклоре некоторых соседних с восточными славянами народов, например, латышей (*Арайс—Медне*, с. 291). Формирование своеобразных восточнославянских сказок о Морозко было связано с их взаимодействием с быличками — легендарными рассказами. Русские крестьяне еще в XIX в. совершали обряд угощения Морозко киселем (*Zelenin D.* Russische Volkskunde. Berlin, 1927, S. 375, 388). Когда устные рассказы о встрече падчерицы, вывезенной зимой в лес, с Морозкой, основанные на живом народном веровании, утратили связь с мифологическими представлениями, они стали восприниматься как волшебные сказки и приобретать особенности художественной формы. Исследования: *Волков Г. М.* Сказка. Сюжеты о невинно-гонимых. Одесса, 1924; *Смирнов-Кутачевский А. М.* Сказки о мачехе и падчерице. Дисс. на соискание степени доктора филологических наук. Машинопись, 1941, ВГБ им. Ленина; *Мелетинский*, с. 161—212. История сказок типа *480* связана со средневековым сборником «Gesta Romanorum» (№ 109, 251) и с «Пентамероном» Базиле (IV, № 7; V, № 2). По мотивам подобных словацких и чешских сказок написаны «Двенадцать месяцев» Божены Немцовой (первое издание 1854 г.) и «Сказка для чтения и представления» С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев» (1942). Русская сказка типа *АА 480* В* отразилась в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» и получила известность в пересказах В. Ф. Одоевского и других писателей.

96 Записано в Курской губ. *АТ 480* (=*АА 480* В*).

(52b) В сноске Афанасьев указал вариант эпизода встречи девушки с Морозом (с. 116). После слов: «По мою душу грешную» следует: «Идет Мороз в одних чулках, в одних сапогах»: «Тепло ль тебе, девица? Тепло ль тебе, красная?» — «Божье тепло, божье и холодно!»

97. СТАРУХА-ГОВОРУХА

(с. 117)

97 (52с) Записано в Курской губ. *АТ 480* (=*АА 480* В*). Менее подробный вариант сюжета насыщен традиционными для восточнославянских сказок формулами и отличается выразительным образом лешего-оборотня, встречающимся и в других восточнославянских сказках о гонимой падчерице.

98. ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА

(с. 118—119)

98(54) Записано в Тульской губ. Мясоедовым. *АТ 480* (=*АА 480* С*). Сказок, представляющих данную характерную для восточнославянского фольклора разновидность сюжета о мачехе и падчерице — Игра в жмурки с медведем, русских вариантов — 23, украинских — 6, белорусских — 12. Одни и те же эпизоды получают в сказках типа *АТ 480* трех восточнославянских народов сходное стилистическое оформление. Исследование: *Мелетинский*, с. 198—199.

В сноске Афанасьев указал вариант к эпизоду возвращения падчерицы домой («Вот собачка: — Тяф, тяф, тяф!...» (с. 118): «По другому списку — прилетает петух и кричит: «Кукуреку! Со стариком дочка едет и т. д.»

99. КОБИЛЯЧА ГОЛОВА

(с. 119—120)

99(55) Место записи неизвестно. Язык сказки украинский.

АТ 480 (=*АА 480* В*). Среди сказок восточнославянских народов, представляющих эту разновидность сюжета о мачехе и падчерице, могут быть особо выделены подобные сказки о Кобылячьей голове, встречающиеся в русском, белорусском и наиболее часто в украинском фольклорном материале (см. прим. к № 95). Кобылячья голова, хозяйка лесной хатки, в других вариантах — как и в данном, украинском — подвергает девушку испытаниям, подобно бабе-яге, образ которой рассматривается исследователями в связи с древнейшими мифологическими представлениями о хранительнице входа в царство мертвых, хозяйке леса и животных (см. *Пропп. Ист. ск.*, с. 40—96). Ср. ниже текст № 102: баба-яга играет ту же роль, что и кобылячья голова.

100. КРОШЕЧКА-ХАВРОШЕЧКА

(с. 120—121)

100(56) Записано в Курской губ. *АТ 511* (Чудесная корова). Сюжет устно бытует преимущественно в европейских странах, но известен и в других частях света — в Индии, Северной и Южной Америке (в Америке записывался на французском, английском и испанском яз.). Русских вариантов — 23, украинских — 13, белорусских — 17. Близкие тексты в сборниках сказок многих неславянских народов СССР (например, *Башк. творч.*, I, № 76; *Тат. творч.*, II, № 37). Исследования: *Rooth A. B.* The Cinderella Cycle. Lund, 1951; *Мелетинский*, с. 179; *Аникин*, с. 139—142.

101. БУРЕНУШКА

(с. 122—124)

101 (57) Записано в Архангельской губ.

АТ 511+403 (Подмененная жена). Контаминация сюжетов, традиционная для восточнославянских сказок и встречающаяся иногда в сказках неславянских народов СССР (например, *Башк. творч.*, I, № 76). Сюжет о подмененной жене получил устное распространение по всей Европе. В *АТ* учтены также варианты сюжета, записанные в Азии, Африке и Америке (от американцев европейского происхождения и от негров — на французском и испанском яз.). Русских вариантов — 25, украинских — 20, белорусских — 6. История сюжета связана с древнейшими литературными памятниками Востока, например, с индийской «Махабхаратой», с произведениями западно-

европейской литературы, например, с «Пентамероном» Базиле (III, № 10; IV, № 7) и «Сказки о феях» Д'Ольнуа (1688). Исследования: *Arfert P.* Das Motiv von der unterschobenen Braut. Leipzig, 1897. Сказка рядом подробностей и особенностями стилистической формы характерна для русских вариантов сюжетных типов *511* и *403*.

102—103. БАБА-ЯГА
(с. 124—127)

102 (58a) Записано в Переславль-Залесском уезде Н. Бодровым. *АТ 480* (*=480* B*). Образ бабы-яги имеет ту же функцию, что и образ Морозко, Кобылячей головы в текстах № 95—97, 99.

103 (58b) Записано в Бобровском уезде Воронежской губ.

*АТ 480 А** (Падчерица внимательно, ласково обходится с березкой, воротами, собаками, котом) *+313 Н**. Традиционная для восточнославянских сказок контаминация сюжетов. Первый из них учтен в *АТ* только в литовском фольклоре. Русских вариантов — 10, украинских — 7, белорусских — 6 (в том числе текст № 558); известны и латышские варианты (*Арайс—Медне*, с. 78). О втором сюжете — «Бегство от ведьмы» — см. в прим. к № 93). Сюжетный тип *480 А **, кроме разновидности,— «Падчерица идет к ведьме за иглой»,— представлен как в восточнославянском, так и в балтском фольклорном материале, и другой, более распространенной разновидностью — «Сестра отправляется спасать своего брата» (например, текст № 113)

104. ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ
(с. 127—132)

104 (59) Место записи неизвестно.

*АТ 480 В** (Падчерица добывает у бабы-яги огонь, выполнив трудные задачи с помощью куколки). В *АТ* учтены венгерские и русские тексты. Русских вариантов — 3, украинских — 2. Данный текст, по-видимому, подвергся литературной обработке. Мотив добывания огня девушкой у ведьмы-людоедки известен по разным сказкам и легендарным рассказам многих народов,— он встречается, например, нередко в башкирских сказках (*Башк. творч.*, I, № 61, 62 — *АТ 313 Н**). Эпизоды бегства Василисы-падчерицы имеют примечательное типологическое сходство с сюжетом древней исландской «Саги об Эдиле» (Исландские саги/Ред. вступ. статья и примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., 1965, с. 182). Исследования: *Пропп. Ист. ск.*, с. 181—182; *Мелетинский*, с. 185—186; *Иванова А. А.* К вопросу о происхождении вымысла в волшебных сказках.— Советская этнография, 1979, № 3, с. 119—121; *Назиров Р. Г.* Череп на шесте. Международные параллели к одному сказочному мотиву.— Фольклор народов РСФСР, Уфа, 1982, с. 33—44.

105. БАБА-ЯГА И ЗАМОРЫШЕК
(с. 132—134)

105 (60) Место записи неизвестно.

АТ 327 В (Мальчик-с-пальчик и его братья у ведьмы). Сюжет учтен в указателе *АТ* в фольклоре многих народов Европы и в американском (записи на английском, испанском, португальском языках от американцев европейского происхождения, негров, индейцев), а также в африканском, турецком, индийском, индонезийском фольклорном материале. Русских вариантов — 21, украинских — 21, белорусских — 10. Имеются варианты и в не учтенных Томпсоном сказках восточных народов СССР (например, *Ск. Дагестана*, № 54; *Абхаз. ск.*, № 72; *Тат. творч.*, I, № 91, 90; *Башк. творч.*, III, № 29). Сказка «Баба-яга и Заморышек» отличается характерной для восточнославянских вариантов сюжета трактовкой главного героя как богатыря и традиционными для богатырских сказок эпизодами — кузнец выковывает для героя оружие (обычно булаву; в данной сказке железную цепь), герой добывает чудесных коней. Своеобразно разработан эпизод чудесного бегства от бабы-яги. Международная известность сюжета связана со сказкой Перро «Мальчик-с-пальчик». Исследования: *Lang A.* Petit Poucet. Paris, 1888; *Saintyves P.* Les contes de Perrault et les récits paralèlles. Paris, 1923, p. 245—349.

К имени «Заморышек» (с. 132) Афанасьевым указан вариант: «Последышек». Приведен им также вариант окончания: «Ведьма польстилась на чудных богатырских коней и решилась убить ночью добрых молодцев. Заморышек взял — поснимал с ее сонных дочерей венчики, а с своих братьев шапочки; венчики надел на братьев, а шапочки на дочерей ведьмы. Ведьма пришла и перебила всех своих дочек. Заморышек захватил у нее щетку, гребенку и утиральник и с их помощью спасается бегством: бросает щетку — поднимается гора, бросает гребенку — вырастает лес, бросает утиральник — появляется глубокая река».

106—107. БАБА-ЯГА И ЖИХАРЬ
(с. 135—137)

106 (61a) Записано в Шадринском уезде Пермской губ. А. Н. Зыряновым. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXIX, т. 1, № 32а, лл. 16—17 об.; 1850), соответствует печатному тексту, если не считать опущенных бранных слов (см. комм. к I т. сказок Афанасьева, с. 581).

AT 327 C, F (Мальчик и ведьма). В *AT* учтены, кроме европейских, сказки, записанные на Ближнем Востоке (в Турции), в Америке (на английском яз.) и Африке. Русских вариантов — 52, украинских — 23, белорусских — 13. Жихарькой именуется мальчик — герой ряда русских вариантов сюжета. В данном варианте своеобразно разработаны эпизоды, в которых баба-яга считает ложки. Исследования: *Пропп. Ист. ск.*, с. 71, 83—88; *Новиков*, с. 174—180. Русские и украинские сказки о мальчике и ведьме неоднократно обрабатывались писателями А. Н. Толстым, Г. П. Данилевским, П. Г. Тычиной и др.

107 (61b) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 1—3 об.; 1848), опубликована Афанасьевым с изменениями, указанными в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. (с. 581—583).

AT 327 C. Эпизод спасения мальчика от людоедки перелетными птицами в сказках типа *327 C* представляет более позднюю стадию развития этой темы, чем, например, в чукотских и эвенкийских мифах, где она трактуется как историческая (*Богораз-Тан В. Г.* Миф об умирающем и воскресающем звере.— Художественный фольклор, I, 1926, с. 68; *Василевич Г. М.* Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936, с. 46—51).

108—111. ИВАШКО И ВЕДЬМА
(с. 138—145)

108 (62a) Записано Афанасьевым в Бобровском уезде Воронежской губ.

AT 327 C, F. Традиционные для русского, украинского, белорусского, литовского, латышского и болгарского фольклорного материала сказки о мальчике-рыболове и заманившей его к себе ведьме, которая перековала свой грубый голос на тонкий, материнский, отнесены в *AT* не только к типу *327 C*, но и к особой его разновидности — *327 F*. Для таких сказок характерны песенные вставки, подобные имеющимся в данном тексте, записанном на пограничье русской и украинской этнических территорий. Особенности украинской речи здесь заметно проявляются в песенных обращениях Ивашечки к челноку, и бабы, деда, ведьмы к Ивашечке.

109 (62b) Записано в г. Погаре Черниговской губ. учителем Н. Матросовым на местном диалекте, переходном от русского языка к белорусскому.

AT 327 C, F. Тельпушок (или Терешечка, Телесик, Лутонюшка, Липунюшка) восточнославянских сказок напоминает ожившую деревянную фигурку мальчика в западнославянских и других западных вариантах сюжета о мальчике и ведьме. Песенные обращения матери к Иванько-Тельпушку имеют параллели в белорусских и украинских вариантах.

110 (62c) Место записи неизвестно. Сказка украинская.

AT 327 C, F. «Покатимся, повалимся, Івашкиного м'ясца наївшись!» — нередко встречающаяся в подобных восточнославянских сказках традиционная формула.

111 (62d) Записано в Саратовской губ. К. А. Гуськовым. *AT 327 C, F*. Варианты, в которых мальчик обманывает и засовывает в печь одну за другой трех дочерей ведьмы, встречаются также и в других восточнославянских сказочных сборниках.

112. ТЕРЕШЕЧКА
(с. 146—147)

112 Записано в Курской губ.
(63) *АТ 327 С, F*. Эпизод возвращения мальчика домой отличается своеобразными подробностями.

113. ГУСИ-ЛЕБЕДИ
(с. 147—148)

113 Записано в Курской губ.
(64) *АТ 480 А* *. В варианте отсутствуют характерные для сюжета о поисках сестрой похищенного брата образы злой мачехи и ее дочери; вместе с тем здесь развиваются не обычные для таких сказок мотивы похищения мальчика гусями-лебедями и преследования гусями бегущей от ведьмы вместе с братом девочки, которой помогают печка, яблоня, река и т. п.

114. КНЯЗЬ ДАНИЛА-ГОВОРИЛА
(с. 149—151)

114 Записано в Курской губ.
(65) *АТ 313 Е* * (Бегство сестры от брата, который хочет на ней жениться) + отчасти *327 А* (Дети в избушке ведьмы-людоедки) + *313 Н* *. Такое же сочетание сюжетов-мотивов встречается в сказках некоторых соседних с восточными славянами народов,— например, латышей (*Арайс—Медне*, с. 49). Первый сюжет учтен в *АТ* в литовском, польском и русском материале. Русских вариантов — 6 (в том числе и текст № 294), украинских — 5 (см. также украинские сказки, отмеченные в *СУС* под номером — *313 Е***), белорусских — 5. Сюжетный тип *327 А* учтен в *АТ* во множестве европейских вариантов и в сказках, записанных в Америке (в Чили, Колумбии, Перу, Пуэрто Рико, на Кубе, в Доминиканской республике, Бразилии на испанском и португальском языках от потомков европейских переселенцев и от негров, индейцев), а также в Индии, Индонезии. Русских вариантов — 4 (из них только один — в сборнике В. И. Чернышева «Сказки и легенды пушкинских мест». М.; Л., 1950, № 42 — является подробным), украинских — 5 (наиболее развернутые — в сборниках Рудченко, II, № 22 и Ю. А. Яворского. Памятники галицко-русской народной словесности. Вып. I, Киев, 1915, № 22), белорусских — 3 (из них два подробных — *Добровольский*, I, № 16, с. 498—501 и *Federowski*, II, № 149). В развернутых вариантах повествуется о брате и сестре, брошенных в лесу отцом по наущению мачехи и попавших в избушку ведьмы. Старейшая европейская версия сюжета в «Книге шванков» Монтеня, изданой в 1560 г. в Страсбурге. Широкая международная известность сюжета связана со сказкой сборника бр. Гримм «Гензель и Гретель». Мотивы сюжетов типа *327 А* и *327 В, 327 С* нередко в сказках переплетаются. См. исследования Ланга и Сентива, указанные в комм. тексту № 105.

115—122. ПРАВДА И КРИВДА
(с. 152—163)

115 Записано в Чистопольском уезде Казанской губ. Рукопись — в архиве *ВГО*
(66а) (р. XIV, оп. 1, № 3, лл. 8—13 об.; б. г.).

АТ 613 (Правда и Кривда). Сюжет имеет всемирную известность. Русских вариантов — 38 (из них 8 в сборнике Афанасьева), украинских — 33, белорусских — 15. Древнейшая, зафиксированная на папирусе, сказка — египетская — относится к XII в. до н. э. Распространение сюжета связано с многими восточными и европейскими литературными памятниками разных эпох, в частности с китайским сборником V в. «Типитака», с индийскими санскритскими сборниками «Веталапанцамсатика», «Катхасаритсагара» («Сомадева») и с «Пентамероном» Базиле (I, № 5; V, № 7). Из писателей нового времени сюжет о Правде и Кривде творчески использовал М. Коцюбинский в повести «Ціпов'яз». Исследования: *Christiansen R*. The Tale of the Two Travellers, or the Blinden Mann (*FFC*, N 24). *Hamina*, 1916; *Wesselski*, S. 202—208; *Bolte J*. Warheit und Lüge, ein altägyptischen Märchen.— Zeitschrift für Volkskunde.

Berlin; Leipzig, 1932, Bd. III, H. 2, S. 172—173. Восточнославянские сказки типа *613* нередко отличаются социальной заостренностью. В этом отношении характерен текст сборника Афанасьева. Своеобразно разработан здесь эпизод излечения царевны с помощью чудотворной иконы. Сохранился также корректурный экземпляр сказки (сверстанные листы), заключающий около 4-х строк текста, изъятого цензурой,— эпизод встречи правдивого и криводушного с попом: начиная со слов «Вот пошли они опять по дороге —что скажет третий...» и кончая словами — «Какая нонче правда? За правду, слышь, в Сибирь угодишь, скажут кляузник. Вот хоть к примеру, говорит, сказать вам не солгать: в приходе-то у меня разе десятая доля на духу-то бывает, а знамо дело, мы всех записываем. Зато и нам повольготнее; ин раз ладно и молебен заместо обедни». О корректурном экземпляре сказок Афанасьева из библиотеки П. А. Ефремова см. в статье: *Чернышев В.* Цензурные изъятия из «Народных русских сказок А. Н. Афанасьева» — Советский фольклор, № 2—3, 1936, с. 307—315. Исключенный по требованию цензуры эпизод отсутствует во всех дореволюционных изданиях и был восстановлен в издании 1936—1940 гг. Афанасьеву по цензурным условиям пришлось заменить в тексте попа приказчиком. Другие изменения стилистического характера см. комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 586—587.

116 (66b) Место записи неизвестно. Текст из рукописного собрания П. В. Киреевского, записан П. И. Якушкиным.

АТ 613. В данном кратком варианте есть своеобразные мотивы: Правда предотвращает убийство и кровосмесительный брак.

117 (66c) Место записи неизвестно. *АТ 613.* Более подробные варианты сюжета, в которых Кривда и Правда обращаются к нескольким лицам (или встречным; например, тексты № 118, 121) с просьбой решить их спор, имеются в ряде восточнославянских и иных сборников. Последняя часть сюжета изложена схематично.

118 (66d) Записано в Черноярском уезде Астраханской губ. писарем О. Л. Волковидиным. Рукопись — в архиве ВГО (р. II, оп. 1, № 93, лл. 1—3; 1857), ее текст точно воспроизведен в сб.: Смирнов, № 255 и в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 588—589.

АТ 613. Мотив исправления испорченной чертом плотины, мельницы, отсутствующий в предшествующих вариантах, нередко встречается в восточнославянских и других сказках о Правде и Кривде. Афанасьев подверг запись Волковидина основательной стилистической правке, заменив канцелярские обороты речи короткими разговорными фразами.

119 (66e) Место записи неизвестно.

Отчасти относится к типу *АТ 613*, отчасти напоминает сказки о богатом и бедном братьях, обозначенные в *СУС* номером — *813 А*** («К чертовой матери»). Украинских вариантов — 9, белорусских — 1. Подобные сказки встречаются и в западнославянских сборниках (см., например: Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, XIII, Kraków, 1913, S. 124; *Polívka J.* Povidky lidu opavského a hanáckého, Praha, 1915, S. 152—153). В восточнославянском материале встречаются также развернутые варианты сюжета о Правде и Кривде, в которых правду олицетворяет бедняк, а кривду его богатый брат, пославший бедняка «К чертовой матери» (например, в некоторых белорусских сказках, см. *СУС*, с. 167).

120 (66f) Записано в Зубцовском уезде Тверской губ.

АТ 613 + 1061 (Кто раскусит «орехи») + *1083* (Драка человека с чертом) В своеобразной контаминации из сюжета «Правда и Кривда» выпали такие эпизоды, как спор двух человек о жизни и ослепление правдолюбца. Сюжетный тип *1061* учтен в *АТ* преимущественно в европейском фольклорном материале и в немногочисленных индийских, африканских и американских (записанных на испанском языке в Доминиканской республике) вариантах. Русских вариантов — 10 (из них 4 в сборниках Афанасьева), украинских — 4, белорусских — 1. Сюжет типа *1083* отмечен в *АТ* в литовских, французских, итальянских, венгерских, славянских, сербохорватских и русских сказках. Русских вариантов — 2, украинских — 7, белорусских — 3. В большинстве вариантов человек и черт ударяют друг друга длинными шестами или вилами.

121 (66g) Место записи неизвестно. *АТ 613.*

В сноске Афанасьев привел вариант окончания, в котором развиваются мотивы сюжета «Девушка, встающая из гроба» (*АТ 307*, см. прим. к тексту № 361).

«Вылечить царевну можно. В такой-то горе лежит животворный крест; да гора-то

велика, всю ее не скопаешь. А здесь нужна сметка: на той горе растет береза, сто́ит только отмерить от березы двенадцать локтей на восход солнца, да и копать землю: тут он и лежит! Тем крестом надо благословить царевну — она совсем исцелеет». Портной выслушал эти речи, достал живствоорный крест и пошел в то царство, где заклятая царевна людей пожирала. Три года и три месяца шел он туда; наконец добрался и выпросился ночевать к одному бедному мужичку. Вечером стали метать жребий: кому идтить на съедение к царевой дочери; а она лежит в гробу в церкви и каждую ночь съедает по человеку. Жребий упал на того самого бедного мужичка, у которого портной пристал; пришли его брать, и поднялся в доме вой да плач: мать, жена, дети так слезами и заливаются — не приведи бог! «О чем вы плачете?» — спрашивает портной. «Как же нам не плакать? Один хозяин был, и тому досталось идти на съедение».— «Не тужите; я за него пойду. Одна голова не бедна, мне все равно помирать!» Сказал и пошел в церковь; как вошел туда, очертил вокруг себя крестом, стоит да богу молится. Ровно в двенадцать часов встала царевна из гроба и кинулась к нему. Портной поднял животворный крест и благословил ее три раза; царевна упала к его ногам, и с той минуты совсем исцелена. Поутру приходят сторожа кости убирать, а он живехонек, и царевна выздоровела. Царь на радостях отдал за него дочь свою и много земель, много городов и сел пожаловал в приданое».

122(66 прим.) Впервые опубликовано в примечаниях Афанасьева к вып. I, 1855, с. 110—111, а затем в Примечаниях ко второму изданию сборника (кн. IV, 1873, с. 68—69). Записано А. Н. Афанасьевым в Бобровском уезде Воронежской губ.

AT 613. Опущен традиционный для сюжетного типа мотив ослепления правдолюбца. Необычный для сказок о Правде и Кривде финальный эпизод напоминает сюжет «Нерассказанный сон» — *AT 725* (ср. тексты № 240, 247, 252 и 253).

123—124. КОРОЛЕВИЧ И ЕГО ДЯДЬКА
(с. 163—170)

123 (67а) Место записи неизвестно.

AT 502 (Чудесный пленник, освобожденный царевичем). В указателе *AT*, кроме многочисленных европейских, учтены подобные сказки, записанные в Америке — Северной на французском языке и Южной (в Вест-Индии) от негров на испанском языке. Русских вариантов — 35 (дополнительно к *СУС*: *Матвеева*, № 15), украинских — 15, белорусских — 8. Близкие русским варианты имеются в сборниках сказок восточных народов СССР (например, *Осет. ск.*, № 46, 60; *Башк. творч.*, II, № 4, 5). В научной литературе (например, в работах А. Н. Веселовского, И. И. Толстого, М. Бошкович-Стулли, И. Боберг, В. Юнгмана, В. Я. Проппа) отмечалась связь сюжета с древнегреческим мифом об освобожденном Силене, с более поздними легендами о царе Мидасе, взявшем в плен Силена, о царе Нуме, пленившем лесного демона Фавна, о царе Соломоне, державшем в плену Асмодея, а также с известными по исландским сагам (Heimskringla: Halfdanar saga svarta. Kap. 8) и по первой книге «Деяний датчан» («Gesta Danorum») летописца XII—XIII вв. Саксона Грамматика историческим преданиям-легендам об освобожденном принцем великане, чудесном пленнике короля. Сказки типа *502* вошли в итальянские сборники XVI—XVII вв.— «Приятные ночи» Страпаролы (ночь V, сказка 1) и «Пентамерон» Базиле (IV, № 4). В России подобные сказки получили популярность отчасти устным путем, а отчасти благодаря лубочным и «серым» изданиям *Прогулки*.., 1786 г.; «Жар-птица и сильный могучий богатырь Иван-царевич, победивший Змея Горынича, и его братья». М., 1839 и др.), которые оказали влияние на устные повествования. Они существенно отличаются от западноевропейских. Если, например, в итальянских сказках принц укрощает жеребца, который беспощадно терзал и опустошал королевство, в русских сказках герой совершает другие подвиги — побеждает вражеское войско или змея. Основные исследования: *Пропп. Ист. ск.*, с. 141—147; *Liungman*, S. 119—120. Данный вариант один из наиболее подробно и ярко разработанных. Своеобразными подробностями отличаются эпизоды угощения отравленным пирогом, преподнесения королевичу чудесных подарков дочерьми лешего, спасения королевича, брошенного дядькой на дно моря. Воинские подвиги королевича напоминают сюжет типа «Незнайка» — *AT 532*, иногда полно сочетающийся с сюжетом типа *502* (см. текст № 126) в восточнославянских сказ-

ках. Характерно для них и изображение чудесного пленника в облике могучего богатыря-лешего.

После слов «вытащи ключ у ней из кармана, да меня и выпусти» (с. 163) Афанасьев в сноске привел вариант просьбы лешего, обращенный к царевичу: «Пойди к матери и заплачь горькими слезами; будет она тебя по головушке гладить, да ты у ней ключ из кармана и выкради».

После слов «дали ему котомку и одного дядьку» (с. 164) указан вариант начала: «Был-жил король, у него был один сын Иван-королевич; стал он на возрасте, собрал своих сверстников и начал с ними погуливать и шутить шутки нехорошие: кого за руку ухватит — рука прочь! кого за голову — голова прочь! Пришли бояре и купцы и всякие люди к королю с жалобами. Король только руками хлопнул: «Экая напасть,— говорит,— один блин, да и тот комом!» Созвал генералов и сенаторов: «Куда мне сына девать? В крепость посадить или повесить?» — «Ваше королевское величество,— отвечают генералы и сенаторы,— царских семян (т. е. детей) не бьют, не куют, а на божью волю пускают». (Записано в Архангельской губернии).

Вариант ответа средней дочери мужика-лешего (с. 164—165): «Я ему подарю перстень: и ночью свечей зажигать не надобно — так светит».

124
(67b) Записано в Воронежской губ. и передано Н. И. Второвым, собирателем воронежского фольклора, Афанасьеву и Далю.

АТ 502. Эпизод поимки младшим из трех братьев, дураком, таинственного ночного вора является иногда вступлением не только в русских, но и в других восточнославянских сказках типа *502* (ср. текст № 126, белорусских). Характерны для восточнославянских вариантов также эпизоды чудесной помощи, оказываемой царевичу-пастуху бывшим пленником его отца в решении трудных задач.

После слов: «пойман этакий богатырь» (с. 167) Афанасьев в сноске привел три варианта начала сказки:

«*Вариант 1*: Жил-был царь на царстве, государь на государстве; у того царя был любимый сад, а в том саду росла яблоня с золотыми и серебряными яблоками. Начал вор ходить, золотые, серебряные яблоки обрывать. Царь поставил кругом большой караул — все нет толку! Вор свое дело знает, яблочки по-прежнему сымает. Вот и вызвался старый садовник. «Я,— говорит,— могу вора изловить!» Царь тому очень рад: «Пожалуйста, излови! царской рукой награжу!» Садовник потребовал три ведра вина крепкого да три кадочки меду сладкого; взял корыто, рассытил вино медом и поставил под яблоню, а сам спать пошел. Вдруг пошел гул по саду: земля дрожит, лист на дереве шумит, волна на реке подымается — летит чудище; прилетел, нарвал золотых и серебряных яблок и увидал корыто, спустился на́земь, упился вином и тут же мертвецким сном заснул. Садовник как раз вовремя пробудился, прибежал и двенадцать кузнецов с собой привел; взяли кузнецы цепи железные, оковали чудище и сволокли его сонного в крепкую темницу. Царь обрадовался, наградил садовника и приказал войска готовить, народ сзывать, виселицу ставить, захотел казнить это чудище... (Царевич выпускает его на волю). В назначенный час пошли за чудищем, отперли темницу,— а там его и духу не слыхать, только разорванные цепи валяются. Осерчал царь на свою царицу: «Как-де ты усмотреть не могла? У тебя ключи были!» Ухватил ее за белую руку и возвел на виселицу: «Честно́й, православный народ! Свободила она чудище от лютой казни; пусть сама ее приймет!» (Царевич признается...).

Вариант 2: У крестьянина было три сына; посеяли на новине белоярую пшеницу; вместо зеленей все поле засветилося самоцветными каменьями. Пошел мужик к царю: «Ваше величество! Позволь слово говорить, не вели за слово казнить».— «Говори смело». Рассказал мужик про каменья самоцветные: «Нам ли велишь тем полем владеть али в казну велишь отобрать?» — «Вам бог дал, вы и владейте!» Повадился на крестьянское поле вор ходить. Пошел старшой брат караулить. В самую полночь приезжает Вихорь Вихрёвич о двенадцати головах, под ним борзый конь, копытом в землю бьет да самоцветное каменье пожирает. Большой брат выскочил: «Что ты, Вихорь Вихрёвич, нас обидишь (обижаешь)? Нам бог дал, государь пожаловал!» — «Ах, ты белогубый щенок! — говорит Вихорь.— Еще вздумал со мной считаться!» Слез с коня, вытащил острый нож и вырезал у него ремень со спины. Наутро спрашивает отец: «Что, сынок, не видал ли вора?» — «Нет, не видал! Разве вор дурак, что тогда пойдет, когда стерегут!» На другую ночь пошел средний брат; у него Вихорь два

ремня вырезал. На третью ночь досталось младшему караулить; он поймал вора, скрутил его веревками и привязал к дубу...

Вариант 3: Вместо чудища и Вихря сказка выводит Кощея, седого старичка, который сам с ноготь, борода с локоть; понравилось ему гонять свой табун лошадей на крестьянское поле да пшеницу травить; почти всю сгубил. Два старших брата караулили вора, да ничего не узнали. Пошел меньшой, вырыл яму и залез туда на́ ночь». «Вор хитер,— думает,— сон напущает! Ну, да в яме не увидит и сна не напустит!» Целую ночь добрый молодец не спал, укараулил-таки Кощея, поймал за бороду да к царю отвез».

После слов «и тебя самого в полон возьму» (с. 168) указан Афанасьевым вариант: «У царя пир горой: гости вполсыта наедалися, вполпьяна напивалися — вдруг с шумом влетает в окно каленая стрела и упадает к ногам царя, а к той стреле привязано грозное письмо от змея трехглавого»

125. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И МАРФА-ЦАРЕВНА
(с. 170—174)

125 Записано в Шадринском уезде Пермской губ. А. Н. Зыряновым. Рукопись —
(68) в архиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 32а, лл. 27—32; 1850). Ее текст был подвергнут Афанасьевым стилистической правке (например, вместо «мне не выпить ета», напечатано «мне не выпить»), но своеобразные и непоследовательные в орфографическом отношении написания были сохранены. См. комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 594.

АТ 502 + отчасти *300* (Победитель змея). Такое слияние двух сюжетов воедино, когда второй — о победителе змея — входит в первый не полностью в качестве эпизодов, является для русских сказок традиционным. О сюжетном типе *300* см. в прим. к тексту № 162. Изображение чудесного пленника царя в виде медного человека (Медного лба, Медной бороды, Медного дедушки, Медного чудовища) встречается в сказках типа *502* многих народов — ср. образ масенжного (т. е. желто-медного) дзядка в следующей ниже сказке. Формула изображения облика посланника Водяного царя в тексте — «сам с ноготок, борода с локоток» — является традиционной для изображения демонического старичка-карлика в восточнославянских сказках о трех подземных царствах (тексты № 128—132, 139—142, 156). Мотив дарования герою чудесным помощником богатырской силы через поднесенное питие встречается в ряде восточнославянских вариантов сюжета типа *502* (например, *Худяков И. А.* Верхоянский сборник. Иркутск, 1890, с. 268—288; *Романов*, VI, № 43, с. 395—404). Эпизод испытания героя в раскаленной докрасна чугунной бане напоминает сюжет о шести чудесных товарищах (ср. текст № 127, 136, 144).

126. МАСЕНЖНЫ ДЗЯДОК
(с. 174—177)

126 Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым.
(69) *АТ 502* + *532* (Незнайка). Традиционная для восточнославянских сказок контаминация сюжетных типов, встречающаяся и в сказках некоторых неславянских народов СССР, например, башкир (*Башк. творч.*, II, № 4, 5). Из первого сюжета в данном его варианте выпал ряд традиционных эпизодов (подмена царевича его дядькой; выполнение царевичем трудных задач царя с помощью освобожденного им пленника; козни дядьки и спасение от них царевича). Варианты сюжета о Незнайке учтены в *АТ* в основном в европейском, но также и в американском (записи на французском и испанском, последние от пуэрториканцев, языках), азиатском (турецком, индийском) фольклорном материале. Русских вариантов — 67 (в том числе тексты № 295, 296; один из лубочных вариантов Афанасьев перепечатал в Примечаниях — текст № 571), украинских — 23, белорусских — 9. Близкие восточнославянским тексты есть в башкирских, татарских, казахских, адыгейских и др. сборниках сказок народов СССР. Отдельные мотивы сюжета сходны с рыцарскими средневековыми романами. Многократно издавались лубочные переделки русских народных сказок о Незнайке, оказавшие влияние на фольклорную традицию. Самые ранние из таких лубочных переделок были напечатаны еще в XVIII ст.: *Повествователь*.., с. 49—83; Сказка о тридесятилетнем

сидне, Иване крестьянском сыне. СПб., 1788. Исследования: *Пропп. Ист. ск.*, с. 120—121; *Новиков*, с. 79—104. В варианте сборника Афанасьева отсутствуют характерные для восточнославянских сказок: 1) завязка: мать (мачеха) пытается извести сына (пасынка), опасаясь разоблачения своей неверности мужу; 2) конфликт Незнайки со старшими царскими зятьями. Менее значительную роль, чем в других вариантах, играет здесь чудесный конь, поскольку в активной роли чудесного помощника героя выступает масенжный дзядок. Если королевич перед поступлением на службу к чужеземному королю облачается в свиной кожушок, то в целом ряде других восточнославянских вариантов он облачается в шкуру быка, овцы, козы, но чаще всего сказочный Незнайка скрывает свои золотые волосы, напялив на голову бычий пузырь.

127. КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ И СЛУЖАНКА
(с. 177—180)

127 **(70)** Записано в Казачьей слободе Липецкого уезда Тамбовской губ. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 55—60 об.; 1848). Подвергнув ее текст значительной правке, Афанасьев тем не менее сохранил непоследовательную орфографию рукописи. Многочисленные расхождения между текстом рукописи и печатным текстом Афанасьева отмечены в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 596—601.

AT 533 (Подменная царевна) + отчасти *403* (Подменная жена. См. прим. к тексту № 101). Сказки типа *533* учтены в *AT* в многих европейских сборниках, а также в американском (записи на испанском языке в Чили, Доминиканской республике и Пуэрто-Рико), африканском и азиатском (турецком, индийском) фольклорном материале. Русских вариантов — 7 (из них только 4 являются развернутыми), украинских — 1. Варианты сказок встречаются в сборниках сказок неславянских народов СССР, например: Грузинские народные сказки/Сост. Н. И. Долидзе (Тбилиси, 1971, с. 183—186— в контаминации с *AT 403*); *Осет. сказки* (№ 63, 76); *Абхаз. ск.* (№ 9). К этому сюжетному типу отчасти относится также башкирская сказка «Алеука» (*Зеленин, Перм. ск.*, № 107). Бытование сюжета о подменной царевне в Западной Европе прослеживается с эпохи средневековья в связи с известной по «народным книгам» легендой о Берте, ослепленной супруге французского короля Пипина Короткого (XIII в.) со сказками сборника Страпаролы «Приятные ночи» (ночь III, сказка 3) о Бианкебелле, ослепленной, искалеченной и подмененной супруге неаполитанского короля Феррандино, и сказкой «Пентамерона» Базиле (IV, № 7). Примечательно, что ряд мотивов итальянских сказок находит соответствие в варианте «Купеческая дочь и служанка» сборника Афанасьева, а также в некоторых других восточнославянских вариантах этого типа. Причем мотивы сюжетов типа *533* и *403* в ряде восточнославянских сказок сливаются, как и в сказках Страпаролы и Базиле. Исследования: *Arfert P.* Das Motiv von der unterschobenen Braut. Leipzig, 1897; *Memmer A.* Die altfranzösische Bertsage und das Volksmärchen. Haale; Saale, 1935.

128—130. ТРИ ЦАРСТВА — МЕДНОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ
(с. 180—199)

128 **(71а)** Записано в Пинежском уезде Архангельской губ. Рукопись — в архиве ВГО (р. I, оп. 1, № 68, лл. 1—4 об.; 1848). Многочисленные мелкие поправки, внесенные Афанасьевым, приведены в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 603—605. В некоторых фразах косвенная речь заменена им прямой, добавлено или исключено несколько слов, отдельные слова заменены другими, перестроен порядок слов, исправлены стилистические погрешности.

AT 301 («Три подземных царства»). Всемирно распространенный сюжет представлен в восточнославянском фольклорном материале большим, чем какой-либо другой, количеством записей. Русских вариантов — 144 (из них 12 в сборнике Афанасьева), украинских — 58, белорусских — 32. Много также опубликовано подобных сказок неславянских народов СССР. Старейшей зафиксированной версией является рассказ греческого писателя I в. н. э. Конона о пастухе, который был покинут товарищами в подземной пещере и прилетел оттуда на гигантском коршуне. Сказка типа *301* — «Пегий бычок» (или «Беломордый бычок») вошла в древний индийский сборник «Двадцать пять рассказов Веталы» и соответствующие ему тибетский и монголо-ойратский сбор-

ники «Игра Веталы с человеком» и «Волшебный мертвец». Мотивы сюжета известны по «Тысяче и одной ночи». Его лубочная переделка издавалась на русском языке отдельной книжкой под названием «Сказка о золотой горе, или чудные приключения Идана, восточного царевича» (СПб., 1782). Другая «Сказка о золотом, серебряном и медном царствах» из лубочной книжки первой половины XIX в. была перепечатана Афанасьевым в примечаниях к I выпуску первого издания и к IV тому второго издания «Народных русских сказок». Исследования: *Panzer F.* Beowulf. Studien zur germanischen Sagengeschichte. I. München, 1910; *Пропп. Ист. ск.*, с. 164—167; *Новиков*, с. 53—56; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981, с. 578—581. Мифологическое истолкование сказочных образов трех царств см.: *Афанасьев. Поэт. воззрения*, II, с. 530. В настоящем варианте вместо характерного для таких сказок вступительного эпизода (герои идут искать исчезнувшую царевну) необычное введение (братья поочередно идут присматривать невесту). Отсутствуют также характерные для вариантов мотивы столкновения героев с подземным карликом, расправы над ним сильнейшего из трех братьев или товарищей, единоборства его со змеями, появление чудесно возвратившегося главного героя на свадьбе царевны и мнимого ее спасителя. Не имеют параллелей в других вариантах эпизоды с Идолищем и ягой-бабой. Запечник (Попелушка), или мнимый дурень играет нередко главную роль в восточнославянских сказках о богатырях — змееборцах.

129 (71b) Записано в Воронежском уезде и доставлено Н. И. Второвым Афанасьеву и Далю.

АТ 301. Варианты сюжетного типа, в которых повествуется о путешествии героя в поисках похищенной (унесенной вихрем) матери на крутые высокие горы, куда он взбирается с помощью железных когтей, неоднократно встречается в опубликованном восточнославянском материале. Ср. отчасти текст № 130, а также сказки сб.: *Худяков*, № 3, *Добровольский*, I, № 38, с. 630—631; ср. также башкирский вариант (*Башк. творч.*, I, № 37). В данном тексте сюжет о трех царствах осложняется необычными для него эпизодами исполнения желаний героя, завладевшего чудесной дудочкой (вместе с тем выпадает традиционный эпизод полета героя на гигантской птице: героя доставляют на белый свет хромой и кривой бесы), решения героем под угрозой смерти трудных задач Елены Прекрасной («Чтоб стояло царство золотое», «чтоб был мост золотой» и т. д.).

После слов «и пепел по ветру развеял» (с. 192) в сноске Афанасьева указан вариант предыдущих эпизодов сказки: «Иван-царевич, взяв родительское благословение, оседлал своего доброго коня и поехал в дорогу. Ехал-ехал и забрался в великую глушь. Стоят перед ним горы высокие — ни взойти, ни въехать! А под горами видны шатры белые, в тех шатрах — его старшие братья. Поздоровались. Говорит им Иван-царевич: «Оставайтесь здесь да ждите меня ровно три месяца, а я на горы поеду». Ударил коня по крутым бедрам; его конь возъярился, поднялся выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и принес мо́лодца на высокие горы. Видит Иван-царевич медиый дворец, у дворца медный столб стоит, на столбе — медное кольцо висит. Въезжает на широкий двор, слезает с коня, привязывает его за то кольцо медное и идет в палаты белокаменные. В палатах на троне сидит девица-красавица. «Здравствуй, умница!» — «Здравствуй, добрый челове́к! Напрасно ты сюда заехал...» — «Отчего так?» — «Не быть тебе живому! Вот скоро прилетит трехглавый змей, он тебя пожрет и с косточками».— «А может подавится! Не бойся, умница; лучше спрячь меня до времени». Она спрятала его в укромное местечко. Поднималася сильная буря — гром гремит, земля дрожит, дремучий лес долу преклоняется, летит трехглавый змей. Прилетел, ударился об пол и сделался молодцем: «Фу! Русским духом воняет...» — «Помилуй, змей! Кто из русских посмел бы сюда зайти! В наши горы ни звери не рыскают, ни птицы не залетывают».— «Говори не говори, а я не боюсь, на свою силу надеюсь! Во всем свете нет мне другого соперника, кроме Ивана-царевича, что народился у царя Бела Белянина; да он еще молод, даже ворон костей его сюда не занесет!» Иван-царевич не вытерпел, выскочил и говорит громким голосом: «Врешь, проклятый змей! Не ворон богатыря заносит, а добрый конь завозит».— «А, Иван-царевич! Так ты здесь... Ну, что ж, станем с тобой биться али мириться?» Отвечает царевич: «Не затем я приехал, чтобы мириться, а затем, чтоб предать тебя злой смерти».— «Коли так, пойдем в чистое поле ток делать, чтоб было на чем разгуляться, силами помериться». Вышли в чистое поле. Змей дунул — сделался на три версты железный ток.— «Ну,— говорит змей,— станем воевать на этом месте».— «Нет, твой ток не годится!» — сказал

Иван-царевич и как дунул — сделался стальной ток на шесть верст: «Вот теперь будет где потешиться! Начинай ты, проклятый змей!» Разошлись богатыри и опять сошлись; ударил змей Ивана-царевича и вогнал его по косточки в стальной ток. Разошлись и сошлись в другой раз; ударил Иван-царевич змея и с одного маху отрубил ему мечом три головы; наклал костер, сжег змея в пепел и пустил по ветру. После того приезжает царевич к серебряному дворцу и сражается с шестиглавым змеем. Змей дунул — сделался на шесть верст медный ток; Иван-царевич дунул — сделался ток серебряный на двенадцать верст. Победив этого неприятеля, царевич едет к золотому дворцу и сражается с девятиглавым змеем; змей дунул — и сделался ток серебряный на девять верст; Иван-царевич дунул — сделался ток золотой на осьмнадцать верст. Убил царевич и это чудище и едет к алмазному дворцу, в котором жила его матушка, Настасья Золотая коса, у двенадцатиглавого змея. Алмазный дворец, словно мельница, вертится, а с того дворца вся вселенная видна — все царства и земли как на ладони. Царевич поздоровался с своей матерью и говорит: «Как стану я со змеем сражаться, а мой добрый конь начнет с привязи рваться, ты, матушка, беги и отвязывай коня наскоро». Сказал и спрятался в укромное местечко. Прилетел двенадцатиглавый змей. «Фу! Русским духом воняет».— «Помилуй, змей!— говорит царица.— Как сюда русскому духу зайти? В наши горы ни звери не рыскают, ни птицы не залетывают».— «Полно обманывать! Я сам видел, что на нашем дворе богатырский конь у столба привязан». Иван-царевич выскочил, и пошли они воевать в чистое поле. Змей дунул — сделался золотой ток на двенадцать верст; а царевич дунул — сделался алмазный ток на двадцать четыре версты. Сошлись они, словно громовые тучи в небе сходятся; ударились так сильно, аж земля застонала... Бились-бились; загнал змей Ивана-царевича в алмазный ток под самые руки, а Иван-царевич срубил змею десять голов. Видит Настасья Золотая коса, что богатырский конь с привязи рвется, побежала наскоро и отвязала его; богатырский конь бросился на побоище и начал змея зубами грызть и копытами топтать. Тем временем Иван-царевич вылез, оправился и снес змею остальные две головы, сжег его на костре и пустил пепел по ветру. «Спасибо тебе, добрый конь! Сослужил ты мне службу великую, отпущаю тебя на все четыре стороны». Конь пустился стрелою по полю и вмиг с глаз пропал, а царевич сделал блоки, разыскал много крепких холстов, связал вместе и начал спущать с высоких гор свою матушку и трех девиц из медного, серебряного и золотого царств...»

К словам «Глядь — на окне лежит дудочка» (с. 192) в сноске дан вариант: «золотой перстень; царевич взял перстень, только надвинул на палец — тотчас явились два арапа: «Что угодно, Иван-царевич?»

130 Место записи неизвестно.

(71с) *AT 301*. Эпизоды, в которых действуют девушки-птицы и их отец Ворон Воронович (ср. со сказками о чудесном богатстве — *AT 311*; см. тексты № 219—228). Образы девушек-птиц встречаются и в некоторых других восточнославянских вариантах сюжета о трех царствах (например, *Романов*, III, № 13, с. 92—99). Необычные для сюжета эпизоды (столкновения Ивана-царевича с царем, который хотел жениться на его нареченной невесте, и купания в горячем молоке) сходны со сказками о волшебном коне (*AT 531*; см. тексты № 169, 170, 185). Присказка о времени царя Гороха встречается в разных восточнославянских сказках. В стиле заметно книжное влияние.

В сноске Афанасьев привел два варианта начала сказки:

«*Вариант 1*: В некотором государстве пропала у царя царица. Кликнул царь клич: не вызовется ли кто разыскать царицу? Вызвались два генерала, забрали царской казны несчетное число и уехали неведомо куда. Царь ждал их ждал и ждать перестал; вздумал он нарядиться в простое платье, пойти потолкаться промеж черного народа да послушать людских речей: «Может, что доброе услышу!» Вот заходит он в кабак,— в кабаке гуляет с своими однокашниками веселый, разухабистый солдат: вино пьет, песни поет да быль с небылицей мешает. Царь тотчас выставил полштофа водки, пристал к ним в товарищи и завел речь про тех генералов, что взялись разыскать царицу. Солдат опьянел порядком да спьяну и вымолви: «Хороши генералы! Царскую казну огребли, из столицы ушли, засели в чужестранном городе и кутят себе с утра до вечера да по трактирам денежки переводят. Правду-матку сказать, и царь-то глуп! Ну как таким плутам поверить было? Если б он догадался да пожаловал мне хоть десятую часть этих денег, так я бы ему давно-давным отыскал царицу».— «Что ж ты

хвастаешь? — говорит ему царь.— Пошел бы во дворец, явился бы государю и доложил все, как следует...» — «Э, любезный! Куда нам, грешным, к праведникам? Во дворец меня на сто шагов не подпустят; а пойдешь — шею накостыляют, да, пожалуй, еще под суд попадешь!» На другой день царь отдал приказ взять этого солдата и представить к себе. Привели солдата. Говорит ему царь: «Вчера в кабаке ты при всем народе похвалился, что можешь царицу отыскать. Сказывай: станет ли тебя с этакое дело?» — «Станет, ваше величество!» Царь дал ему денег сорок тысячей и открытый лист со своей рукою: куда хошь — туда и ступай! (Солдат отправляется искать царицу и совершает те же самые подвиги, что и Иван-царевич).

Вариант 2: Сделал царь клич по всему государству: «Кто найдет мою царицу, того чинами пожалую, деревнями наделю, золотом с ног до головы осыплю». Никто не вызывается; старый за малого хоронится, а от малого ответу нет. На ту пору жил у царя на кухне поваренок — мальчик невеличек, лет десяти — не больше, завсегда сидел он на печке да в золе валялся, и прозвали его Иван Затрубник. Услыхал Иван Затрубник, что на царский клич никто не вызывается, и стал поварам сказывать: «Кто царицу унес — я не ведаю, а разыскать ее да назад привести — дело плевое! Хоть сейчас готов!» На́больший повар рассердился: «Экий дурак, расхвастался!» Схватил чумичку и ударил его по́ лбу. С того горя закричал-заревел Иван Затрубник громким голосом; от его крику детского с царских теремов крыша свалилася. Царь всполошился.— «Кто,— говорит,— крышу повалил?» Тотчас доложили царю про Ивана Затрубника. Спрашивает его царь: «Сдуру ты похвалился али впрямь сказывал?» — «Что сказал, от того не отрекаюся; дай мне три года сроку, подрасту да в силу войду — твою царицу достану». Дал ему царь три года сроку. Пред царским дворцом был зеленый луг, на том лугу три дуба стояло: один дуб в пятнадцать обхватов, другой в двадцать, а третий в двадцать пять. Прошел первый год; Иван Затрубник побежал на луг силу пробовать, ухватился своими богатырскими руками за дуб в пятнадцать обхватов, вырвал его с кореньем, ударил о землю — только щепки посыпались. Еще год совершился — Иван Затрубник вырвал дуб в двадцать обхватов и разбил его вдребезги. На исходе третьего года стал он силу пробовать, взялся за дуб в двадцать пять обхватов, выдернул совсем с кореньем, поднял вверх и ударил о землю — лес зашумел, земля затряслась, сине море взволновалося, а дуб пеплом рассыпался. «Теперь никого не убоюсь!» — сказал Иван Затрубник и пошел добывать царицу...»

131. ФРОЛКА-СИДЕНЬ
(с. 199—201)

131 (72) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукописный источник в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г. не отмечен. Рукопись — в архиве ВГО (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 15 об.—19 об.; 1848).

АТ 301. Мотив змееборства развивается отчасти сходно с сюжетом «Победитель змея» (*АТ 300.* Герой прячет срубленные им змеиные головы под камень, а туловище зарывает в землю). «Мириться или драться?» — «Не мириться я пришел, а драться!» — канонические формулы восточнославянских сказок типов *АТ 300 А* и *301.* Сюжет типа *301* подвергся здесь существенному изменению — из него выпали традиционные эпизоды путешествия героя на «тот свет» и возвращения обратно на землю.

Афанасьев подверг текст существенной стилистической правке (в целом ряде мест заменил одни слова другими, изменил порядок слов, исключил отдельные мелкие (частные) подробности и пр.).

Страница и строка *	Напечатано:	Рукопись:
199, 9—10 св.	дочери, да такие красавицы, что ни в сказке	дочери — красавицы — ни в сказке
10—12 св.	любили они по вечерам гулять в своем саде, а сад был большой и славный	Первое удовольствие их было вечером прогуливаться по саду, а сад этот был обширный и по удовольствию и красоте своей редкой

* С учетом колонтитула.

Страница и строка	Напечатано:	Рукопись:
199, 12—13 св.	туда летать	летать в сад
13—14 св.	дочери царские припоздали в саду, засмотрелись на цветы; вдруг откуда	дочери царские, не знавшие его, припоздали в саду, занявшись рассматриванием прекрасных цветов. Вдруг к несчастью их
17—18 св.	но все было напрасно: служанки не нашли царевен	и все это было тщетно: они не нашли их
18—19 св.	народу собралось множество. Тут царь и говорит	и собралось множество народа. Тут царь предлагает своим подданным
21—23 св.	Фролка-сидень и Ерема; уговорились с царем и пустились искать царевен. Шли они шли, и пришли в дремучий, густой лес. Только взошли	Фролка сидня и Ерема. Уговорившись с царем, они отправились искать дочерей его. Взошли они в густой лес: тут они шли, шли и пришли в дремучий лес. Лишь только взошли
23—24 св.	стал	начал
18 сн.	Фролка-сидень	Фролка сидня
17—18 сн.	табакерку, постукал, открыл ее и пхнул	табакерку свою большую, открыл ее, постукал и пхнул
12—13 сн.	Фролка-сидень оттолкнул солдата и Ерему: «Пустите-ка, братцы!»	Фролка сидня, оттолкнув солдата и Ерему, сказал: пустите-ка, братцы!
12 сн.	их	оные
10—11 сн.	сели в кружок и собираются закусить чем бог послал. А из дома выходит девица, собою такая красавица	и поспешили сесть в кружок, дабы утолить голод. Вдруг из дверей дома на верхнем этаже, выходит барышня, собою красавица единственная
8—9 сн.	Ведь здесь живет прелихой змий	Ведь здесь опасность для вас великая: здесь живет змий прелихой
8 сн.	дома нет	нет дома
7 сн.	Не успел вымолвить	Не успели они вымолвить
6 сн.	Ужель	Ужели
5 сн.	мне противники? Есть у меня	противник мне? Признаюсь, есть у меня
4 сн.	сказал Фролка	сказал Фролка отрывисто
2 сн.	Не мириться я пришел,— говорит Фролка	Фролка говорит: Не мириться я пришел
200, 3 св.	взял и положил	и взял положил
4 св.	девица обрадовалась и говорит	барышня, обрадованная смертью своего злодея, говорит
6 св.	Она говорит, что царская дочь; Фролка также рассказал ей, что было нужно	Она объяснилась им и Фролка также с своей стороны рассказал, что было нужно
7 св.	Царевна позвала их в хоромы	Она позвала их к себе в хоромы

Страница и строка	Напечатано:	Рукопись:
200, 8—9 св.	просит, чтоб они выручили и других ее сестер. Фролка отвечал: «Да мы за этим и посланы!» Царевна рассказала, где живут ее сестры	просила их, чтобы они выручали и прочих ее сестер да мы ... как же сударыня?— Мы за этим и посланы. Барышня рассказала, где жительствуют прочие ее сестры
10 св.	с нею живет змий	Ибо у ней Змий живет
11—12 св.	разве долго покопаюсь я с двенадцатиглавым змием	разве долго я покопаюсь с двенадцатиглавым
13 св.	дальше	далее
15 св.	огромные, а вокруг палат ограда высокая, чугунная	были огромные, также ограда вокруг палат была превысокая и чугунная
15—16 св.	они и начали	они к ней и начали
16 св.	Фролка	и Фролка
18 св.	летит	и летит
20—21 св.	сразился с змием и с одного маху сшиб ему все семь глав, положил	и сразился с Змием. С одного маху сшиб Змию все семь голов и положил
22 св.	проходят	вот проходят
23—28 св.	увидали среднюю царскую дочь — сидит на диване. Как рассказали они ей, каким образом и для чего сюда пришли, она повеселела, начала угощать их и просила выручить от двенадцатиглавого змия ее меньшую сестру. Фролка сказал: «А как же! Мы за этим и посланы. Только что-то робеет сердце, ну, да авось бог! Поднеси-ка нам еще по чарочке».	они увидели сидящую на диване среднюю дочь царскую. Она сперва с ужасом великим взглянула на них, потом, как они объяснили ей каким образом и для чего они сюда пришли, она повеселела и начала с ними разговаривать. После краткого разговора она начала угощать их: тут сердобольно она просила их выручить из рук двенадцатиглавого змия ее сестру младшую. Фролка сказал: а как же! Мы и без этого, сударыня, обязаны идти туда, только что-то робит сердце: Ну-да авось бог! Поднесика, сударыня, нам еще по чарочке.
18—19 сн.	Вот выпили они и пошли; шли-шли и пришли к оврагу крутому раскрутому	вот выпили они и пошли, отошли сажен десять — Фролка довольно захмелевший, закричал барышне, которая стояла на крыльце, провожая их своими глазами: прощай, сударыня! За угощенье!— И пошли: шли, шли и пришли ко оврагу крутому раскрутому
17—18 сн.	вместо ворот огромные столбы, а к ним прикованы были два страшные льва и рычали	огромные столбы вместо ворот: к ним прикованы были два ужаснейшие льва, которые увидя их к себе приближающихся, рычали
15 сн.	Фролка сказал им	Фролка ободрил их, говоря

Страница и строка	Напечатано:	Рукопись:
200, 14 сн.	пошли дальше	пошли ко львам.
12—13 сн.	Вдруг вышел из палат старец — примерно лет семидесяти, увидал их, пошел к ним	Вдруг из палат выходит старец — примерно лет семидесяти. Увидав их, робко приближающийся ко львам, вышел к ним
8 сн.	сказал	продолжал
7 сн.	Фролка пробрался	Фролка поспешно пробрался
5 сн.	Вот взошли	Взошли
5 сн.	старик повел	Старик добродушный повел
4 сн.	царевна	царская дочь
3—4 сн.	Увидела она их, проворно скочила с кровати, подошла и пораспросила	Увидав их, она проворно скочила с кровати и подошла к ним: пораспросила их
200—201, 3 сн. 2 св.	Царевна угостила	Потом царская дочь позаботилась угостить
201, 2 св.	Только стали	Лишь качали
3 св.	вдруг видят: в версте от них	вдруг в версте видят
4 св.	Фролка с товарищами пошел навстречу	они стали на крыльце. Не успел змий подлететь — Фролка с своими товарищами вышел навстречу
6 св.	одержать победу, сшиб ему	одержать победу над змием, сшиб ему
7 св.	Потом вошли	Тут обратно они вошли
8—9 св.	а после отправились в путь и зашли за другими царевнами и все вместе прибыли на родину	потом безбоязненно отправились в путь: зашли и за другими сестрами и вот около двенадцати часов прибыли они на родину к царю
10 св.	растворил им свою царскую казну и сказал	и растворил им свою казну царскую, говоря
11 св.	себе денег	денег себе
13 св.	стал	начал
14 св.	треуха и прорвалась	и треуха прорвалась
17 св.	спросили	возразили
17 св.	на	для
18 св.	Ерема давай-ка пока деньги есть, насыпать лукошко, а солдат ранец, насыпали и пошли	В самом деле Ерема давай-ка пока есть деньги насыпать: солдат насыпал свой ранец, а Ерема свое лукошко и пошли

132. НОРКА-ЗВЕРЬ
(с. 201—204)

132
(73) Записано в г. Погаре Черниговской губ. учителем Н. Матросовым. В тексте сохраняются особенности местного диалекта переходного от русского языка к белорусскому.

АТ 301. Вступительный эпизод соответствует сказке о жар-птице (*АТ 550*) и Сивке-бурке (*АТ 530*). Норка-зверь играет роль, которую в других вариантах исполняют змеи и старичок-подземный карлик.

133—134. ПОКАТИГОРОШЕК
(с. 205—214)

133 (74a) Записано на Украине, доставлено историком, этнографом и фольклористом М. А. Максимовичем (1804—1873). Текст украинский.

АТ 312 Д (Катигорошек). В *АТ* учтены только русские варианты сюжета, популярного у трех восточнославянских народов, особенно у украинцев, белорусов, и встречающегося в сборниках сказок некоторых неславянских народов СССР, в том числе латышей (*Арайс — Медне*, с. 48), башкир (*Бессонов, Башк. ск.*, № 16—*АТ 312 Д + 301*). Русских вариантов — 13, украинских — 27, белорусских — 11. Первая публикация сказки на русском языке относится к XVIII в. («Забавный рассказчик» Е. Хомякова, М., 1791, ч. I, с. 1—19). Обработанная в начале XIX в. в лубочном духе «Сказка о Василисе золотой косе, непокрытой красе, и об Иване-Горохе» (*Бронницын Б.* Русские народные сказки. СПб., 1838, № 1) была перепечатана Афанасьевым в примечаниях к 1-му выпуску первого и к IV тому второго изданий «Народных русских сказок» с рядом неточностей. Сюжет обрабатывался и в драматургической форме (например, украинским писателем Л. И. Шияном — «Катигорошко», пьеса для детей, 1947 г.). Исследования: *Новиков*, с. 28—43; *Бараг Л. Г.* Об особенностях украинской сказочной героики сравнительно с белорусской и русской.— Русский фольклор, Л., 1968, XI, с. 159—176; *Dömotor A.* Russische Redaktionen des Märchens vom Erbensohn.— Studia Slavica. Budapest, 1976, T. XXII, S. 387—399. В данном характерном, но кратком украинском варианте нет ряда часто встречающихся в подобных сказках эпизодов: испытания Катигорошком прочности богатырской булавы, угощения Катигорошка змеем (железными бобами или галушками), чудесного оживления братьев богатыря и др.

134 (74b) Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым.

АТ 312 Д + 300 А (Бой со змеями на мосту). В варианте ярко проявляется социальная заостренность образов «сільна-магущых багатырей» как «защытнікаў города і ўсяго народа». Убежденный в своем призвании народного заступника юный Покатигорошек говорит родителям: «Мяне вы не ўдзержыце, мяне людзі даўно ждуць». Вместе с тем социально заостряется и образ змея как презирающего народ, наглого насильника-угнетателя. Он заявляет своему шурину-крестьянину: «Кагда ж ты этага не здзелаеш, полна цябе сюда дадзіць дураку-мужику, салам'янаму языку... Калі ты мне брат, то і свиня сястра!» Подробно разработаны и традиционные для сюжета эпизоды, в том числе и отсутствовавшие в предыдущем тексте,— например, расправы над незлобливым Покатигорошком неблагодарных братьев: привязывают его к дубу, а богатырь вырывает дерево с корнем и волочит за собой. Второй сюжет — о змееборстве на мосту, сведения о котором в *АТ* недостаточны, представлен наиболее полными и многообразными вариантами, отличающимися вместе с тем характерными общими особенностями, в восточнославянском материале. Русских вариантов — 32, украинских — 23, белорусских — 15. Бытуют сказки о змееборстве на мосту у всех западнославянских, балтских, некоторых балканских (венгров, румын) народов и у ряда тюркских, финно-угорских и кавказских народов СССР — башкир, татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы, манси, осетин, грузин. Немецкая сказка типа *300 А* (*Plenzat K.* Der Wundergarten. Berlin; Leipzig, 1922, S. 58—64) является искаженным, деформированным вариантом сюжета. Редкие и фрагментарные варианты в фольклоре народов, соседних с восточными славянами — например, поляков, башкир,— восходят, видимо, к восточнославянским устным источникам, так как связаны с восточнославянской сказочной формой, что отмечалось в научной литературе. Исследования: *Гиппіус В.* Ковали Кузьма-Дем'ян у фольклорі.— Етнографічний вісник. Київ, 1929, кн. 8, с. 3—51; *Петров В.* Кузьма-Дем'ян в українському фольклорі.— Етнографічний Вісник. Київ, 1930, кн. 9, с. 197—238; *Ranke*, № 114; *Капелусь Е.* Семь польских сказок русского происхождения.— Русский фольклор, VIII, 1963, с. 67—80; *Krzyżanowski Sz.*, II, S. 258—259; Новиков, с. 56—67; *Barag L. G.* Drachenkampf auf der Brüke.— Enzyklopädie des Märchens. Berlin; New York (1980), Bd. III, S. 825—834; *Бараг Л. Г.* Сюжет о змееборстве на мосту в сказках восточнославянских и других народов.— Славянский и балканский фольклор. М., 1981, с. 160—188; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян, с. 581—587. См. также: *Афанасьев. Поэт. воззрения*, II, с. 533—536 (мифологическое истолкование образов сказки о змееборстве на мосту). В большинстве

восточнославянских вариантов сюжетного типа *АТ 300 А* герой также сражается три ночи подряд с тремя разными змеями на калиновом мосту. Если в этом варианте спутниками героя-змееборца являются Вернигора и Вернидуб — персонажи, характерные для сюжета о трех царствах, то в большинстве других вариантов «Змееборства на мосту» спутниками являются братья главного героя, одновременно с ним чудесно родившиеся. Эпизоды сражений героя на мосту со змеями, подслушание им разговора жен убитых змеев, расправа его над змеей с помощью кузнецов трактуются в традиционном для восточнославянских сказок стиле. Присказка о некотором царстве, острове Буяне, зеленом дубе и быке печеном имеет целый ряд вариантов в русских волшебных сказках разных сюжетных типов.

135. ИВАН ПОПЯЛОВ
(с. 214—216)

135 **(75)** Записано в г. Погаре Черниговской губ. учителем Н. Матросовым. В тексте сохраняются особенности местного диалекта, переходного от русского языка к белорусскому.

АТ 300 А. Особая разновидность сюжета о змееборстве на мосту — «Возвращение змееборцем похищенных небесных светил (или добывание у змея солнца для храма, ключа от солнца, золотой царской шубы и серебряной короны, чудесно сияющего креста и т. п.)» учтена в *АТ* только в румынском материале (под номером *300 А**), но встречается среди русских, украинских, белорусских, латышских, словацких, венгерских, марийских, чувашских и других сказок. Русских вариантов — 8, украинских — 5, белорусских — 3. Прозвище, подобное Попялову, весьма часто носят герои-змееборцы в восточнославянских вариантах сказок типа *300 А*: Иван Запечник, Запеченный Йскр, Попялышка, Васька Попялышка, Кошбуры Попелюк, Конкуфит Пепельвар и т. п. Попельваром или Попельвареком, Попельчиком, Пепучином нередко именуется герой словацких и чешских сказок. В ряде восточнославянских сказок против героя-змееборца также действуют дочери убитых змеев, но чаще всего — жены змеев, разговор которых он подслушивает, обернувшись котом или мышью, мухой. Близкие параллели во многих русских, украинских и белорусских вариантах имеют описание полета старой змеихи, преследующей Ивана Попялова и его братьев. В большинстве русских, белорусских, многих украинских и в сходных с русскими мансийской и марийской сказках о змееборстве на мосту (*Kaunisto A.* Wogulische Volksmärchen. Helsinki, 1956, III, № 18; *Четкарев*, № 18), как и в данной, герой укрывается от преследования чудовищной змеихи в кузнице Кузьмы-Демьяна, с помощью могучих кузнецов расправляется с нею. Типично для восточнославянских сказок типа *300 А* изображаются и испытание богатырем прочности булавы, единоборство его со змеями, пробуждение спавших братьев героя и расправа над змеихами.

136. БУРЯ-БОГАТЫРЬ, КОРОВИЙ СЫН
(с. 216—225)

136 **(76)** Записано в Оренбургской губ.

АТ 300 А + отчасти *519* (Брунхильда: слуга помогает царевичу жениться на богатырке). Контаминация сюжетов, неоднократно встречающаяся в сборниках русских сказок и в имеющих, по-видимому, русское происхождение марийских сказках (*Четкарев*, № 18 и 24). Текст сборника Афанасьева отличается замечательной выразительностью традиционной стилистической формы и детальной разработки сюжета о змееборстве на мосту, и, в частности, таких традиционных для него, но отсутствующих в текстах № 134 и 135 эпизодов: чудесного рождения королевой, девкой-чернавкой, коровой от съеденной златоперой щуки и остатков от нее трех богатырей — Ивана-царевича, Ивана девкина сына, Ивана коровьего сына; состязания богатырей-братьев и выборов старшего; бросание героем-змееборцем во время боя на мосту своего сапога в избушку, где спят его братья. Характерный для восточнославянских сказок типа *300 А* и изредка встречающийся в латышских, эстонских, мордовских, чувашских и других сказках соседних народов эпизод, в котором герой бросает богатырский сапог, генетически связан с древними легендами-преданиями древней Руси. Одну из них —

о богатыре Чоботке, который во время сражения снял чобот (сапог) и побил им вражеское войско, слышал в Киеве XVI в. и пересказал в своем путевом дневнике посол Эрих Ляссота (*Lassota E.* Tagebuch von Steblau. Halle, 1866, S. 205). Гиперболизированное изображение мощи героя восточнославянской сказки, расправляющегося с врагами по-простецки, неотделимо от ее демократического пафоса. Характерно, что для Ивана коровьего сына оружием служат, наряду с палицей, кулаки, сапог и даже поварешка («...вышел, как махнул поварешкою, так половину войска и положил»), и это проявляется в противопоставлении его, богатыря самого «низкого» происхождения, королю и названным братьям: «Мне ваши стены — не стены, и решетки не решетки, захочу — все кулаком расшибу!» — угрожает Иван коровий сын королю, пытавшемуся заточить его в крепости. В большинстве восточнославянских сказок типа *300 А* герой является сыном собаки и во многих — сыном кобылы или коровы; многоголовые змеи, с которыми сражается герой, нередко также именуются чудо-юдами. Изображение того, как чудо-юдо змей многоглавый въезжает в полночь на мост и конь под ним спотыкается, отшлифовалось в традиционные стилистические формулы, перешедшие в марийские (*Четкарев*, № 18), румынские (Румынские сказки/Сост. А. Садецкий, М., 1960, с. 5—15) и другие национальные варианты. Обращает внимание относительная близость героики восточнославянских сказок к героике былинного эпоса. Как и в эпосе, значительную активную роль играет богатырский конь,— он спешит на помощь герою и выручает его. В западных вариантах сюжета,— румынских, венгерских, чешских, словацких, а также в некоторых закарпатских и галицийских украинских,— герою помогает одолеть змея не конь, а ворон или ворона. Из характерных для восточнославянских вариантов подробностей отметим также изображение старой змеихи, матери убитых змеев, в облике чудовищной огромной свиньи, которая под ударами молотов кузнецов изрыгает из своей пасти проглоченных братьев змееборца и «рассыпается аредом». В восточнославянские сказки типа *300 А* нередко переходят стилистические формулы из других сказок, например, из «Сивки-бурки»: «...свистнул-гаркнул молодецким покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». «Конь бежит, земля дрожит»; или: «Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, изо рта огненное пламя пышет». К оригинальным, не имеющим параллелей в других известных вариантах, относится эпизод с чудесным кувшинчиком, пляшущим на мосту. Второй сюжет (*AT 519*) получил весьма неполное отражение в самом конце сказки. Подробно разработаны лишь эпизоды чудесных превращений богатырки и укротившего ее героя. В большинстве восточнославянских вариантов богатырка, став женой царевича и узнав об обмане, отрубает герою ноги; мужа определяет в пастухи; безногий находит слепого, они помогают друг другу, заставляют колдунью исцелить их; герой наказывает царевну и выручает мужа-царевича. В приведенном Афанасьевым варианте окончания сказки сюжет типа *519* представлен несколько полнее, чем в основном тексте — «Буря-богатырь коровий сын». Развернутыми вариантами являются тексты № 198—200.

К слову «чарочка» (с. 221) Афанасьев в сноске привел вариант «ковш».

После слов «свинья рассыпалась аредом» (с. 223) Афанасьевым в сноске указано: «В другом списке: свинья глотает коня Ивана коровьина сына; он с помощью кузнецов хватает ее за язык раскаленными клещами, запрягает в соху и начинает пахать землю. Свинья провела борозду до самого моря и бросилась пить воду, пила, пила, пока лопнула. Кузнецы сковали Ивану коровьину сыну железного коня, на котором он и поехал дальше».

Вариант окончания сказки: «В другом списке сказка оканчивается так: «Поутру встал Буря-богатырь и говорит царевичу: «Теперь ничего не бойся! Твоя жена выучена. Только смотри, как пойдешь с нею в баню париться, не моги ахать!» Пришло время, пошел Иван-царевич с королевной в баню; глянул он на ее тело белое, так и ахнул: «Ах, какие рубцы значатся!» — «А,— думает королевна,— так это не ты меня бил, а твой брат Буря-богатырь». С той поры стала она приставать к царевичу: «Отруби своему старшему брату ноги; ведь он надо мной насмеялся!» Иван-царевич отрубил ему сонному ноги. Буря-богатырь взял свои отрубленные ноги, выбрался ползком в чистое поле, натянул тугой лук, пустил калену стрелу и убил своего коня, выпотрошил, залез в лошадиное брюхо и сидит-дожидается. Прилетел ворон с воронятами и спустился падали поклевать. Буря-богатырь хвать — и поймал вороненка. «Отдай, богатырь, мое детище!» — кричит ворон. «Принеси мне живой и мерт-

вой воды, тогда отдам».— «Хорошо,— отвечает ворон,— только привяжи мне на хвост два пузырёчка». Скоро слетал ворон и принес живой и мертвой воды. Буря-богатырь выпустил вороненка, брызнул тою водой себе на ноги — и хоть сейчас бежать готов; брызнул на коня — и конь ожил. Воротился домой, а Иван-царевич свиней пасет; так ему жена присудила. Как увидела королевна, что Буря-богатырь коровий сын опять с ногами стал, тотчас повинилася. С того времени жила она с Иваном-царевичем в любви и совете, никакого ду́рна не делала».

137. ИВАН БЫКОВИЧ
(с. 225—232)

137 **(77)** Место записи неизвестно.

АТ 300 А + 513 А (Шесть чудесных товарищей). Такая контаминация (ср. следующий текст) характерна для многочисленных восточнославянских сказок и ряда сказок соседних с восточными славянами народов, в которых сюжет о змееборстве на мосту завершается тем, что герой попадает под власть демонического старика (нередко, как в нашем варианте, отца убитых змеев) и получает поручение ехать сватать для него необыкновенную красавицу. Уродливый облик старика сходно с данным текстом нередко изображается в русских и белорусских вариантах (например, Коргуев, II, с. 509—521; «Белорусские народные сказки». М., 1959, с. 162—173). В характерном для восточнославянских сказок типа *300 А* стиле повествуется о чудесном рождении богатырей, избрании им старшего, добывании боевого коня, ночлега в избушке бабы-яги, единоборство героя со змеями на калиновом мосту через реку Смородину (через эту известную по былинам реку также ездят по калиновому мосту змеи) и расправы с чудо-юдовыми женами-колдуньями. Необычен для таких восточнославянских сказов эпизод встречи змееборца с мнимой нищенкой (матерью змеев), которая тащит его в подземелье и доставляет к своему мужу-старику. В венгерской сказке о змееборстве на мосту (*Jones H., Knoopf L.* The Folk-Tales of Magyars. London, 1889, № 38) ведьма, старуха с железным носом, тоже заманивает героя-победителя в подземный мир, но далее действие в венгерской сказке развивается иначе, чем в русской. Второй сюжет сказки «Иван Быкович» получил широкое международное распространение. Кроме европейских, в *АТ* учтены сказки типа *513 А*, записанные на Ближнем Востоке, в Индии и Америке. Сказки о чудесных товарищах очень популярны также у башкир, татар, казахов и других восточных народов Советского Союза. Некоторые образы-персонажи таких тюркских сказок не встречаются в сказках славянских и других европейских народов. У восточных славян этот сюжет бытует чаще всего в контаминации с сюжетом типа *300 А*. Русских вариантов — 30, украинских — 34, белорусских — 11. В фольклористических исследованиях отмечалась генетическая связь сюжетных типов *513 А* и *513 В* (Летучий корабль,— см. текст № 144) с древнегреческим сказанием об аргонавтах, известном в обработках Аполлодора и Овидия. Сказки о чудесных товарищах-сватах литературно обрабатывались на Востоке, а затем в Западной Европе еще в средние века, вошли в сборник «Пентамерон» Базиле (III, № 8), в переведенный в XVIII в. с персидского на французский язык сборник «Тысяча и один день» и в другой популярный французский сборник конца того же века — «Сказки о феях» Д'Ольнуа. Исследования: *Wesselski*, S. 216—217; *Пропп. Ист. ск.*, с. 164—167, 283—299; *Новиков*, с. 152—154. В настоящем варианте сюжета о чудесном сватовстве трудные задачи сватам-искусникам задает сама невеста, а в других вариантах (см., например, текст № 138) — царь-отец. Путешествие чудесных товарищей на лодке отчасти напоминает сюжет типа *513 В*, а финальный эпизод хождения героя через яму по тонкой тростинке многие варианты сюжета типа *531* — «Конек-горбунок».

Варианты, указанные в сносках Афанасьева (с. 225): вместо ерша — «карась, окунь»; вместо коровы — «кобыла; от нее родится Иван кобылин сын». После слов «у коровы Иван Быкович» (с. 225) указаны два варианта начала сказки:

«*Вариант 1:* Не было у царя детей, вздумал он через болота-трясины непроходимые мост построить, созвал мастеровых и приказал делать мост с беседками. Как скоро готов был мост, посылает царь своего слугу: «Поди, сядь по́д мостом да людских речей послушай». Сидит слуга по́д мостом, идут двое нищих. Один говорит: «Спасибо нашему царю, что мост построил и беседки поделал; есть где отдохнуть страннику». А другой говорит: «Надо ему пожелать наследника. Если б он догадался да велел

за ночь, пока петухи не споют, шелковый бредень связать да тем бреднем золотую рыбку в море изловил, царица покушала б золотой рыбки и родила б ему сына». Слуга побежал к царю и рассказал, что слышал. Царь приказал за ночь до первых петухов связать шелковый бредень и с тем бреднем послал рыбаков на́ море. Рыбаки раз бредень закинули — ничего не вытащили, в другой закинули — опять ничего, а за третьим разом попалась им золотая рыбка; взяли ее и отнесли к царю.

Вариант 2: Жил-был царь, у него была дочь. Раз как-то поехал он на охоту за красным зверем и перелетными птицами. Подъезжает к одному озеру, глядь — плавает в озере золотая голова. Говорит царь: «Кто поймает мне эту голову, того щедро буду жаловать» Бросились охотники в воду, плавали, плавали — никто не поймал золотую голову, а поймал ее самый последний псарь. Царь обрадовался, привез золотую голову, никому про нее не сказал и поставил в своей комнате. Через несколько времени собрался он опять на охоту, отдает ключи своей дочери: «Везде ходи, только в мою спальню не заглядывай!» Вот царевна пошла со своей нянькою по дворцу гулять, не утерпела и зашла в отцовскую комнату; увидела тут золотую голову: «Что за диво! Посмотри-ка, нянька!» С того самого часу и царевна и нянька обе сделались беременны. Воротился король, видит, что дочь тяжела, и стал ее допрашивать: «Говори, с кем живешь?» — «Знать не знаю, ведать не ведаю, от чего это приключилося. Зашли мы с нянькою в твою комнату, увидали там золотую голову, и с того часу обе сделались беременны».— «Хорошо,— говорит царь,— если вы обе в один день, в один час разрешитесь — правда твоя; а если да в разные часы, тотчас твою голову срублю». Пришло время рожать, и царевна и нянька в один день, в один час, в одну минуту родили себе по сыну и нарекли их одним именем: Иван-царевич да Иван нянькин сын. (Последний в дальнейшем рассказе исполняет те же подвиги, какие в других списках приписываются Ивану коровину или кобылину сыну)».

Вариант описания бабы-яги (с. 226): «На печи лежит баба-яга, ноги раскорячила из угла в угол, зубы на полку положила, а уши по земле волочатся. «Фу-фу!— говорит.— Давно не случалось русского духу носом слышать, а теперь глазами вижу; только подумала: чего бы покушать, а тут само кушанье явилося!»

Вариант описания появления чуда-юда шестиглавого (с. 227): «Вдруг собаки залаяли, соловьи запели, чугунный мост загудел — выезжает шестиглавый змей».

Вариант к описанию боя с шестиглавым чудом-юдом (с. 227): «Стой, Иван Быкович! Давай поправиться».— «Что за поправа! По-нашему: бей да руби, себя не береги!»

К описанию коня чуда-юда двенадцатиглавого (с. 228): «Конь у него вороной — во лбу месяц золотой, по бокам часты звезды».

После слов «Чудо-юдо согласился» (с. 228) дан вариант описания боя с чудом-юдом двенадцатиглавым: «На третью ночь надо идти на дозор Ивану Быковичу; он вышел в чистое поле, ударился о сырую землю, обернулся воробышком и полетел к змеиной матери; прилетел к ее окошечку, сел и слушает. Змеиха на печке сидит, кота поглаживает, а сама говорит: «Котик, котик, серо-пегий лобок! На реке на Смородине появился Иван Быкович, убил у меня двух сыновей, середнего, да младшего; теперь я пошлю старшего о двенадцати головах — тот его доконает. Потому доконает, что есть у него вода сильная и вода слабая; сильная стоит на правой руке моста, а слабая на левой». Иван Быкович выслушал, полетел на реку Смородину, на калиновый мост, обернулся добрым молодцем, переставил сильную воду налево, а слабую направо, и ждет змея. Едет змей о двенадцати головах, увидал Ивана Быковича: «Теперь-то я вдоволь натешусь! Давай,— говорит,— сражаться».— «Ладно! Только наперед уговор сделаем: кто в бою ослабеет, тому давать роздыху». Стали они сражаться, начал змей одолевать. Иван Быкович запросил роздыху, и бросились оба воду пить: богатырь сильную, а змей — слабую. У Ивана Быковича много силы прибыло, а у змея убыло. Стали опять сражаться, и богатырь убил змея».

Другой вариант к описанию боя: «Шляпа упала на конюшню и разломала все двери и затворы; выскочили оттуда два коня, два ворона и два хорта — те самые, что Иван Быкович у змея шестиглавого да у змея девятиглавого отобрал в прежние две ночи. Бросились они помогать Ивану Быковичу. Говорит им змей о двенадцати головах: «Что вы меня бьете? Ведь вы наши были!» — «Да, сколько мы у вас ни жили — никогда такого корму не едали, какой нам теперь дают». И забили того змея кони копытами, хорты на мелкие части его разорвали, а вороны дотла исклевали».

17 Заказ № 27

К оборотничеству героя: вместо «сделался воробышком» (с. 229) — «сделался голубем; прилетел к белокаменным палатам, обернулся мурашом и залез в щелочку — сидит да слушает».

К оборотничеству меньшей жены чуда-юда: вместо «сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками» (с. 229) — «сделаюсь прекрасным цветочком».

138. ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И МУЖИЧОК, САМ С ПЕРСТ, УСЫ СЕМЬ ВЕРСТ
(с. 232—236)

138 (78) Записано в Саратовской губ. К. А. Гуськовым. В сноске Афанасьева к имени «Студенец» (в эпизоде встречи Ивана с чудесными искусниками, с. 235) указан вариант: «Мороз».

АТ 300 А + 513 А. Текст в основной, первой, своей части относится к разновидности сюжета о бое на мосту, учтенной в *СУС* особо: — *300 А*** — Добывание чудесного коня-змея. В опубликованном русском материале она представлена двумя вариантами, а в украинском — четырьмя. Известны также словацкие сказки о солнечном коне, добытом в бою на мосту. На сказку «Солнечный конь» сборника Божены Немцовой «Словацкие сказки и повести» ссылается Афанасьев в своих Примечаниях. Более полно сюжет разработан в одноименной словацкой сказке сборника Янки Римовского (см.: *Michel R.* Slowakische Märchen. Wien, 1944, S. 97—101). Мифологическое истолкование сказочного образа солнечного коня см.: *Афанасьев. Поэт воззрения*, II, гл. 5 (Солнце). Крестьянским сыном, а не чудесно родившимся сыном собаки или кобылы, коровы является герой в большинстве восточнославянских сказок о добывании коня-змея и похищенных змеем небесных светил (*АТ 300 А**). В традиционном для восточнославянских сказок стиле изображаются здесь поиски юным богатырем боевого коня и испытание крепости коня. Поединок богатыря со змеем происходит на мосту через огненную реку, как в некоторых других вариантах (см., например, *Романов*, VI, № 28, с. 254—262). Облик демонического «мужичка, сам с перст, усы на семь верст», который сбивает змееборца с седла и отнимает у него коня, сходен с подземным старичком сказок о трех царствах (*АТ 301*), как и в ряде других восточнославянских вариантов сюжета о змееборстве на мосту (ср *Романов*, III, № 15, с. 110—120). Если в большинстве восточнославянских вариантов коня у победителя змеев отнимает уродливый старичок, по-разному именуемый (змеевым батькой Сатанаилом, царем Побегаем и т. п.), то в некоторых, редких, вариантах ту же роль играет сын Яги Ягишны (*Зеленин, Перм. ск.*, № 9), племянник змеев — чудесный мальчик (Русское народное творчество в Башкирии/Под ред. Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957 г., № 15). Необычным является эпизод службы Ивана крестьянского сына у «мужичка» перевозчиком. Путешествие Ивана крестьянского сына, Студенца, Обжоры и колдуна на летающей лодке ср. со сказками типа *513 В* — Летучий корабль (см. текст № 144), а превращение невесты в булавку — со сказками типа *329* — «Елена Премудрая» (см тексты № 236, 237).

139. ИВАН СУЧЕНКО И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН
(с. 236—241)

139 (79) Записано на Украине и доставлено Афанасьеву М. А. Максимовичем. Вероятно, перевод с украинского.

АТ 301. Имена-прозвища главных персонажей характерны для украинских сказок о змееборстве на мосту. Сказкам типа *АТ 300 А* — соответствует также вступительный эпизод чудесного рождения Ивана Сученко, Ивана Поваренко и Ивана Царенко (ср. тексты № 138, 137). Такие вступительные эпизоды есть и в некоторых других восточнославянских сказках типа «Три царства» (например, *Добровольский*, I, № 6, с. 410—416; *Романов*, III, № 12, с. 88—92; VI, № 36а, с. 340—347; № 37, с. 347—354). Эпизод встречи, поединка и братание Ивана Сученко с Белым Полянином напоминает встречу, поединок и братание Еруслана Лазаревича с Ивашкой Белой Поляницей в сказках типа «Еруслан Лазаревич» (*СУС — 650 В**)=*АА* 650* II). Подобный же эпизод есть в сказке «Иван-царевич и Белый Полянин» (см. текст № 161), отчасти относящейся к сюжетному типу *301*. В отличие от текстов № 128—

132, в которых отсутствуют характерные для сказок о трех подземных царствах эпизоды столкновения героев с демоническим бородатым старичком (он калечит варящих обед спутников силача, но терпит поражение в схватке с ним; тот по следам старичка спускается под землю, убивает его), в данном и следующем (№ 140) текстах эти эпизоды получают подробную яркую разработку. Чаще всего в сказках о подземных царствах героя выносит на белый свет не чудесный конь, а огромная птица (ср. тексты № 128, 132). Своеобразные подробности есть в эпизодах службы Ивана Сученко у золотаря и расправы с Белым Полянином, мнимым спасителем царевен. Присказкой «от сивки, от бурки, от вещей каурки...» начинается целый ряд русских и белорусских волшебных сказок разных типов (ср. текст № 295): варианты присказки приведены в статье Н. В. Новикова «К художественной специфике восточнославянской волшебной сказки». В сб.: Отражение межэтнических процессов в устной прозе (М., 1979, с. 27—28).

140. ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА И ПОЛУНОЧКА
(с. 241—244)

140 Место записи неизвестно.

(80) *АТ 301.* Мотив рождения трех братьев-близнецов в разные периоды суток и соответственно этому нареченных развивается в довольно многих русских, украинских и белорусских сказках о трех царствах. Изредка сказки о Вечернем, Полуночном и Утреннем (Заревом) богатыря встречаются и в сборниках произведений устного творчества неславянских народов СССР, например, в сб.: *Груз. ск.*, с. 15—19; Татарские народные сказки/Сост. Х. Ярмухаметова. Казань, 1970, с. 8—35; *Башк. творч.*, III, № 7. «Старичок сам с ноготок, борода с локоток» — традиционная для восточнославянских сказок формула изображения демонического старичка-карлика. Обычно в сказках типа *301* братья (спутники) героя не вытаскивают его обратно на белый свет, как в данном варианте сюжета, но совершают предательство. Об образе богатыря Зорьки см.: *Новиков*, с. 53—56.

Варианты в сносках Афанасьева: к именам героев Вечорка, Полуночка и Зорька (с. 242) — «Было у нее три сына: Вечер, Полночь и Заря»; к мотиву приготовления обеда Вечеркой (с. 242) — «на дворе было много всякого скота; вот он выбрал самого большого быка...»; к описанию старичка (с. 242) — «Старичок — сам в аршин, борода — семь аршин».

Даны два варианта описания схватки Зорьки со старичком (с. 243).

«*Вариант 1:* Зорька ухватил старика зá бороду и до тех пор садил его об пол, пока совсем борода не оторвалась. Старичок с ноготок вырвался и убежал, а борода его осталась у богатыря в руках. Зорька взял ее, прибил к стене гвоздем и, как только братья с охоты пришли, стал им на ту бороду показывать: «Вот-де ваша головная боль! Угорели вы не от печки, а от этой бородки».

Вариант 2: «Зорька раздвинул в полу две доски, просунул старичку бороду, защемил и давай его бить железным прутом. Тот рвался, рвался и ушел без бороды».

141—142. МЕДВЕДКА, УСЫНЯ, ГОРЫНЯ И ДУБЫНЯ-БОГАТЫРИ
(с. 244—250)

141 Место записи неизвестно.

(81а) *АТ 301.* Начало отчасти сходно со сказками типа *АТ 703* — «Снегурочка» (ср. текст № 34). Эпизоды рождения Ивашки Медведко и его «забав» с ребятами-сверстниками и изгнания, имеющие параллели во многих восточнославянских сказках о трех царствах, находят соответствие в сказках типа *АТ 650 А* — «Юный силач» (ср. тексты № 143, 150, 152). Разновидность сюжета «Три царства», в которой спутниками героя-силача (сына медведя) являются фантастические исполины (Усыня, Горыня, Дубыня или подобные им) отмечена в *АТ* особо под номером *301 В.* Варианты этой разновидности типа *301* записывались во всех частях света, встречаются в сборниках сказок многих народов СССР и составляют около половины опубликованных восточнославянских сказок о трех царствах. В настоящем варианте, как и в следующем (текст № 142), а также в нескольких других опубликованных вариантах

богатыри сталкиваются не со старичком-карликом, а с бабой-ягой, герою помогают победить ее дочери-невесты. Об образах чудесных встречных великанов см.: *Новиков*, с. 146—152.

В сносках Афанасьев указал варианты: вместо «за ягодами» (с. 244) — «за грибами»; вместо имени Ивашко-Медведко (с. 245) — «Максим семи аршин».

К словам «богатырь дубье верстает» (с. 245) дан вариант: «Богатырь в лесу работает: возьмется за ель — тотчас с корнями вон, за сосну — и ту выдернет».

К имени Дубынюшка дан вариант (с. 245): «Лесиня-богатырь (от слова лес) или Еленя-богатырь (от слова ель)».

После слов: «Ну, пойдем; я товарищам рад» (с. 245) указан вариант предыдущих эпизодов сказки: «Растет Ивашко не по годам, а по часам, ест по целой квашне на день; не донялся тем, что по целой квашне съедал, и стал говорить старику со старухою: «Вы мне больше не кормильцы; пойду по дорогам гулять».— «Что ты, дитятко! Живи с нами». — «Нет, коли с вами жить, надо мной смеяться будут: в лесу-де родился, пням богу молился!» Сковал себе палицу в девяносто пуд, подбросил ее высоко вверх и подставил свой лоб; палица упала — чуть-чуть погнулась. «Годится!» — сказал Ивашко, взял эту палицу и пошел — куда сам знал. Идет он путем-дорогою и видит: в некотором царстве, в чужой стороне против неба на земле, один богатырь горох веет. «Бог помочь, богатырь Горошник!» — «Спасибо, Ивашко-Медведко!» — «Нечто пособить тебе?» — «Пожалуй, пособи!» Ивашко начал горох веять, бросит одну горсть — сделается четверть, бросит другую горсть — две четверти; живо весь горох перевеял. Спрашивает его богатырь Горошник: «Возьми меня с собой; я твоим меньшим братом буду». — «Ладно, и мне веселей с товарищем! Чем этаким богатырям дома сидеть, лучше по белу свету погулять, себя показать, людей посмотреть». Пошли вместе. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — доходят до высокой горы, ту гору богатырь копает. «Здравствуй, богатырь Горник! Зачем гору копаешь?» — «От скуки. Нонче время мирное, воевать не с кем, делать нечего — хоть над горою потешиться!» «Что ж ты долго возишься? Аль пособить тебе?» — сказал Ивашко, схватил гору и разом с места сдвинул. «Пойдем лучше с нами!» Пошли трое. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — пришли к озеру; на том озере богатырь усами рыбу ловит. «Здравствуй, Усыня-богатырь! Что делаешь?» — «От скуки рыбу ловлю».— «А много поймал?» — «Нет, братцы, еще и почину не сделал».— «Плохо твое дело,— сказал Ивашко.— Нечто пособить тебе?» Нагнул голову к озеру и давай тянуть воду; вытянул все озеро до́суха, вся рыба на дне оказалася: сколько хошь, руками бери! Просится Усыня-богатырь: «Возьми меня с собой!» — «Пойдем!»

К словам «толкачом погоняет» (с. 246) вариант: «пестом упирает, помелом след заметает».

После слов «отсек бабе-яге голову» (с. 247) указан вариант описания встречи Ивашки с ягой под землей: «Баба-яга теперь больна, в своей спальне сидит, а как проснется — станет с тобой бороться. Ступай на погреб, там есть две бочки пива: в одной пиво сильное, в другой бессильное; переставь их с места на место. Коли это сделаешь, твой верх будет». Ивашко переставил бочки. Вот проснулась баба-яга, увидала его и говорит: «Здравствуй, Ивашко-Медведко! Зачем сюда зашел?» — «В гости, баба-яга!» — «Ну пойдем пиво пить». Пошли на погреб; баба-яга пьет пиво бессильное, а Ивашко сильное. «Ну, Ивашко-Медведко, давай бороться».— «Давай, баба-яга!» Схватились они руками, ходили-ходили, Ивашко приподнял бабу-ягу и ударил так сильно, что насилу на́ ноги встала. «Пойдем, еще пива выпьем!» Припали к бочкам: баба-яга пьет пиво бессильное, а Ивашко сильное. Стали бороться, Ивашко опять поборол бабу-ягу, снова бросилась баба-яга пить пиво, припала к бессильной бочке, а Ивашко подкрепил себя из сильной бочки, и когда стали бороться — так хватил бабу-ягу, что она тут же упала мертвая».

142 (81b) Место записи неизвестно. *AT 301*. Вступительному эпизоду чудесного рождения героя и эпизоды его «забав» и изгнания соответствует, как и в предыдущем тексте, сюжетный тип *650 A* — «Юный силач». Эпизоды боевой схватки героя с чудовищным противником, во время которой девушка меняет местами сосуды с водой, прибавляющей силу, и с водой, убавляющей силу, часто встречаются в восточнославянских вариантах сюжета о трех царствах. В нашем варианте последняя часть сюжета изложена схематично.

143. НАДЗЕЙ, ПАПОВ УНУК
(с. 250—253)

143 Записано в Ржевском уезде Тверской губ. священником С. Разумовским.
(82) *АТ 650 А* (Юный силач). Заключающий текст эпизод встречи героя с Горыней-богатырем сближается с сюжетом о трех царствах (*АТ 301*). Сюжет типа *650 А* бытует в разных частях света. Русских вариантов — 42, украинских — 22, белорусских — 13. С этим сюжетом связаны некоторые эпизоды англосаксонской эпической поэмы «Беовульф», дошедшей в рукописи X столетия. Исследования: *Panzer F.* Beowulf. Studien zur germanischen Sagengeschichte. München, 1910; *Wesselski*, S. 247—249. Старейшая русская литературная обработка «Сказки о Иване-медвежьем ушке» (контаминация с сюжетом о трех царствах) относится к XVIII в.: *Погудка..*, I, № 10, с. 37—47. В фольклоре восточнославянских народов сюжет о юном силаче чаще всего соединяется с сюжетами или отдельными мотивами сюжетов о глупом черте (см. тексты № 150, 152) или о трех царствах, нередко имеет антипоповскую или антибарскую социальную заостренность. В данном варианте характерны для русской сказочной традиции эпизоды проявления героем необычайной силы во время игры с ребятами, при корчевке леса и заготовке дров (запрягает в телегу медведей). В более полных вариантах сюжета, в которых он получает самостоятельную разработку, повествуется также о подвигах юного силача после его изгнания.

144. ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ
(с. 253—256)

144 Записано в Пирятинском уезде Полтавской губ.
(83) *АТ 513 В* (Летучий корабль). В *АТ* учтены тексты, записанные в ряде стран Европы, преимущественно в восточной ее части, и на французском, английском языках в Северной Америке; отмечены также записи, сделанные в Вест-Индии от негров. Русских вариантов — 7 (не считая сказки сборника Афанасьева, которая вероятно является переводом с украинского), украинских — 7, белорусских — 1. Сюжет связан с такими древними сказками Востока, как «Шестеро побратимов» индийского сборника «Двадцать пять рассказов Веталы» и переведенного с санскрита тибетского сборника «Игра Веталы с человеком». Высказывалось в научной литературе предположение, что сюжеты о чудесных искусниках и о летучем корабле первоначально сложились в гомеровско-микенскую эпоху, приблизительно в VII в. до н. э. (*Liungman*, S. 135—138). Для большинства украинских, русских и белорусских сказок типа *513 В*, для многих латышских, литовских и некоторых других характерно такое, как и в сказке сборника Афанасьева, начальное развитие действия. Иную завязку имеет западноевропейская разновидность типа *513 В*, которая представлена, например, известной сказкой бр. Гримм «Птица Гриф». Приведенный Афанасьевым в примечании вариант окончания сказки напоминает сюжет «Деревянный орел» (*АТ 575*), генетически связанный с сюжетом о летучем корабле и получивший особенно яркую, подробную разработку в «Тысяче и одной ночи» (ночи 357—370). Русских вариантов типа *575* — 23, украинских — 5, белорусских — 1.

В сноске Афанасьев отметил: «К сожалению, записавший сказку не подорожил малороссийским текстом и передал ее на великорусском наречии». Однако имеется украинский текст (*Рудченко*, II, № 25), дословно совпадающий с текстом Афанасьева. Источник последнего не выяснен.

Вариант второй задачи царя (с. 255): «Съешь за один раз столько хлеба, сколько в сорока печах будет испечено».

Вариант окончания сказки: «Царь задает дураку разные задачи, он исполняет их с помощью своих необыкновенных товарищей; наконец приказал царь вырыть глубокую яму, налить ее горячею смолою и поверх протянуть веревку. Говорит дураку: «Пройди взад и вперед!» — «Я не сумею; покажи, как делать». Царь стал на веревку, а дурак выхватил меч и перерубил ее; царь повалился в горячую смолу. Тут набежала стража, подхватила виновного и повела на виселицу. Дурак начал просить, чтобы позволили ему в последний раз перед смертью поездить на своем крылатом коне. Судьи позволили; он сел на коня, конь поднялся на воздух и понес его на родину. Увидела это царевна, ударилась оземь, обратилась голубем, догнала дурака, села с

ним вместе: «Возьми меня с собою; я иду за тебя замуж». Долго летели они, захотелось дураку отдохнуть, он остановил коня и спустился на чистое поле. «Ложись ко мне на колени,— говорит царевна,— я у тебя в голове поищу». Он лег и крепко уснул; царевна положила его голову на кочку, а сама села на лошадь и воротилась в свое царство взять свои драгоценные вещи. Как скоро дурак проснулся да увидал, что нет ни коня, ни царевны, то горько восплакал: «Вот когда пропал я, несчастный!» Глянул на небо, а царевна назад летит; спустилась, посадила его, и полетели вместе куда надо. После обвенчались и стали жить-поживать, добра наживать».

145—147. СЕМЬ СЕМИОНОВ
(с. 256—262)

145 Записано в Шадринском уезде Пермской губ. А. Н. Зыряновым. Рукопись — в
(84a) архиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 32а, лл. 25об.— 27, 1850), ей полностью соответствует печатный текст (см. комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 619).

АТ 653 (Семь Симеонов). Всемирно распространенный сюжет. Русских вариантов — 13, украинских — 3, белорусских — 3. Первые русские публикации в серых изданиях XVIII в. — *Лекарство*.., с. 132—151 — перепечатано Афанасьевым в его Примечаниях (см. текст № 561) и *Погудка*.., III, № 4, с. 3—22. Формирование сюжета прослеживается по древним индийским и персидским сборникам «Катхасаритсагара» («Сомадева»), «Тути-наме», «Синдбад-наме». Старейшие западноевропейские сказки об искусных братьях, которые, странствуя по свету, добыли богатство и чудесную красавицу, относятся к XVI—XVII вв.: «Приятные ночи» Страпаролы (ночь VII, сказка 5); «Пентамерон» Базиле (I, № 5; V, № 7). Исследования: *Benfey*, I, S. 489 и сл. В данном и следующих текстах (№ 146, 147) отсутствует характерная для многих восточнославянских вариантов этого сюжета вступительная часть: отец посылает своих семерых сыновей учиться; один выучивается воровать, другой стрелять, третий лечить и т. д. Добытая братьями для царя красавица-невеста обычно, как и в данном варианте, выходит за Симеона (Семена) - вора. Изложение здесь несколько схематичное.

146 Записано в Новоторжском уезде Тверской губ. Петром Сокальским. Рукопись —
(84b) в архиве *ВГО* (р. XLI, оп. 1, № 39, лл. 1—3 об.; 1855); стилистические изменения, которым Афанасьев подверг текст записи, незначительны (см. комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 169—620.).

АТ 653+1880 (присказка-небылица о возвращении сказочника со свадебного пира на восковой или смоляной (ледяной) кобыле). Вариант сюжета сборника Афанасьева о семи Симеонах отличается обстоятельной разработкой эпизодов: встречи, беседы царя с искусными братьями; показа их мастерства перед царем, боярами, воеводами, народом; ловкого проникновения вора Симеона в терем царевны и ее похищения. Присказки типа *1880* отмечены в указателе *АТ* в финских, шведских, ливских, литовских и русских сказках, но встречаются также в латышских (*Айрас-Медне*, с. 235). Русских присказок — 21, украинских — 3, белорусских — 6. О таких присказках см.: *Новиков Н. В.* «К художественной специфике восточнославянской волшебной сказки», с. 40—41.

К описанию красоты царевны (с. 258) Афанасьев в сноске указал вариант: «как мозжечок из косточки в косточку переливается».

Вариант концовки: «А я там была да мед пила, по усам текло, а в рот не попало. Дали мне шлык, да в подворотню меня швырк; дали мне колпак, да и ну меня толкать; дали мне щуку на серебряном блюде, я — щупать, щупать, ан ни щуки, ни блюда и доныне нет! Дали мне гороховую плетку и вощаную лошадку; я стала смотреть, ан лошадка растаяла, а плетку воробьи расклевали! И до сих пор пешком хожу. Дали мне синий сарафан да красные коты; летит синица и кричит: «Синь да хорош!», а я думала: «Скинь да положь!» — взяла да и скинула. Дали мне кузов, а я и ну гузать (медлить)».

147 Записано в Курской губ. *АТ 653+1880*. Этот близкий предыдущему вариант о
(84c) семи Семионах отличается своеобразными подробностями.

148. НИКИТА КОЖЕМЯКА
(с. 263)

148 Записано в г. Козлове Тамбовской губ. П. И. Якушкиным.
(85) *СУС — 300_2* — Змееборец Кожемяка. Примыкает к сказочному сюжету «Победитель змея» — *АТ 300* (см. тексты № 171, 176, 204, 206, 271), и к местным преданиям о богатырях (ср. рассказ «Повести временных лет», о юном ремесленнике-кожемяке). Особенно близки восточнославянские сказки-предания о Никите (или Кирилле) Кожемяке к тексту рассказа московской Никоновской летописи XVI в. о силаче Яне Усмошевце. Сказочный мотив освобождения царевны от змея отсутствует в летописных рассказах. Русских вариантов — 5 (дополнительно к *СУС: Матвеева*, № 6), украинских — 7, белорусских — 3. Образ змея в сказках этого типа интерпретируется некоторыми исследователями как олицетворение степняков-кочевников, нападавших на Киевскую Русь, и рассматривается в связи с преданиями-легендами о древнем оборонительном Змеевом вале, следы которого сохранились на Украине. Вместе с тем сказка о Кожемяке сопоставлялась с типологически сходным польским преданием о Краке, победившем змея, и сербской эпической песней о змееборце Дойчине. Исследования: *Азбелев С. Н.* Летописание и фольклор.— Русский фольклор, VIII, 1963, с. 5—28; *Кулжинский Я.* Как сложилась сказка о Кирилле Кожемяке. Киев, 1911; *Плетнева С. А.* Змей в русской сказке.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1979, с. 127—132.

149. ЗМЕЙ И ЦЫГАН
(с. 264—265)

149 Место записи неизвестно.
(86) *АТ 1060* (Кто раздавит камень) + *1084* (Кто громче свистнет) + *1053 А* (Угроза унести все стадо) + *1049* (Угроза унести весь колодезь и вырвать с корнями лес) + *1149* (Человек пугает змея или черта своими детьми). Некоторые из указанных анекдотических сюжетов о глупом черте (змее) часто контаминируются друг с другом в восточнославянских сказках: типы *1060* и *1084*, *1149*; *1149* и *1049*, *1053 А*. Тип *1060* учтен в *АТ* в очень многих европейских вариантах и в вариантах, записанных в Индии и на английском, испанском и португальском языках в Америке. Русских вариантов — 13, украинских — 14, белорусских — 5; известны также другие варианты (см.: например, башкирскую сказку «Старик и деу» — *Зеленин. Перм. ск.*, № 104, где тип *1060* контаминируется с типами *1084*, *1149* и др., как в восточнославянских сказках). Бытование сюжета типа *1060* прослеживается по памятникам письменности, начиная с XII—XIII вв. (Heinrich von Freiberg. Tristan, ок. 1300 г.). Сюжетный тип *1084* учтен в *АТ* в сказках балтских, германских, славянских (чешских, словинских, сербохорватских, русских и украинских) и балканских (Венгрия) народов. Русских вариантов — 24, украинских — 21, белорусских — 5. Тип *1053 А* учтен в *АТ* только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 9, украинских — 6, белорусских — 2. Известны также башкирские варианты (*Башк. творч.*, II, № 59) в контаминации с *АТ 1049* и др. Тип *1049* учтен в *АТ* в сказках народов Европы, Азии и Америки (записи на испанском языке, сделанные в Пуэрто-Рико), встречается в сборниках фольклора многих народов СССР. Русских вариантов — 12, украинских — 11, белорусских — 1. Исследования: *Köhler R.* Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Weimar, 1898, I, S. 69, 85, 262, 290, 328, 479. Тип *1149* учтен в *АТ* в европейском, азиатском и американском (записи на испанском языке, сделанные в Пуэрто-Рико и Вест-Индии), встречается в сказках многих народов СССР. Русских вариантов — 9, украинских — 10, белорусских — 2.

К эпизоду «раздавливания» камня цыганом (с. 264) Афанасьев в сноске сделал пояснение: «Иногда вместо творогу сказочники заставляют цыгана давить жирный пирог».

150. БАТРАК
(с. 265—268)

150 Место записи неизвестно.
(87) Традиционная для восточнославянских сказок цельная контаминация пяти сюжетных типов: *АТ 850 А* (Юный силач; см. комментарии к тексту № 143) + *1045* (Уг-

роза черту морщить озеро веревкой) + *1130* (Шляпа денег) + *1132* (Бегство от работника) + *1120* (Хозяйка сброшена в воду). Последние два сюжетных типа сливаются воедино очень часто. Мотив «Щелчок в лоб хозяину за год батрацкой службы» характерен для социально заостренных русских антипоповских сказок, в которых сюжет о юном силаче-работнике контаминируется с сюжетами о глупых чертях типа *1045, 1130, 1120* и другими: ср., например, сказку, записанную конспективно Пушкиным и послужившую источником «Сказки о попе и работнике его Балде» (*Пушкин, Прил. I*, № 3). Сюжет типа *1045* учтен в *АТ* в вариантах, записанных в странах Европы, Америки (в США и Вест-Индии от американцев европейского происхождения и негров) и в Индии. Русских вариантов — 36, украинских — 10, белорусских — 7; из опубликованных в русском переводе вариантов отметим: Башкирские народные сказки/Сост. А. Н. Усманов. Уфа, 1969, с. 35—38; *Бурят. ск.*, II, № 18. Сюжет типа *1130* учтен в *АТ* в основном в европейском фольклорном материале и в немногочисленных записях, сделанных в Америке от негров, его история связана со средневековой легендой о святом Бенедикте, обманувшем чертей. Русских вариантов — 24, украинских — 18, белорусских — 6. Сюжет типа *1132* учтен в *АТ* в сказках европейских народов и в арабских, турецких, конголезских сказках. Русских вариантов — 42, украинских — 15, белорусских — 9, есть варианты в сборниках сказок восточных народов СССР. Сюжет *1120* учтен в *АТ* в европейских и немногочисленных вариантах, записанных в Южной Америке (на испанском языке) и на Ближнем Востоке. Русских вариантов — 26, украинских — 20, белорусских — 9.

После слов: «как им беду-горе отбывать?» (с. 266) в сноске Афанасьева приведен вариант этой сказки, записанный в Малоархангельском уезде Орловской губернии П. И. Якушкиным: «Понадобился раз одному попу батрак, он и пошел на торг. Видит — стоит мужичок, поп ему и говорит: «Не знаешь ли, свет, кого б мне нанять в батраки себе?» — «Да ежели хочешь, батюшка, то найми меня».— «Изволь, а что возьмешь?» — «Недорого: я проживу у тебя год да тебе же дам три щелканца в лоб». Поп тому и рад: три щелканца не велика важность! Вот идут они вместе; хочется попу посмотреть, каковы батраковы щелканцы. Глядь — человек десять держат быка, да никак не удержат; поп и говорит батраку: «Поди помоги им унять быка». Тот сказал: «Изволь!» Пошел к быку да как даст ему один щелканец — бык тут же и упал: до смерти убил! Приходит поп домой и говорит попадье про свое горе. Попадья-то была баба хитрая и выдумала штуку — убежать из дому. Штука-то славная, да батрак-то все слышал! Вот поп и собирается: поклал в мешок свои книги и пошел посмотреть на свой двор; а батрак тем временем книги все повыбросал и засел в мешок. Как только стемнело, поп кликнул попадью, схватил мешок и давай бежать. Со первых-то поров поп и сам шибко бежал, а как стал приумариваться, батрак зачал его подгонять, кричит себе из мешка: «Догоню, догоню!» Поп услышит — сейчас рыси прибавит. А коли опять шажком пойдет, батрак подгонит. Ну да сколько ни бежать, а надо и умориться! Говорит поп попадье: «Остановимся, матушка! Нет силы бежать больше!» — «Остановимся, батька!» Поп остановился да кинул мешок на землю, а из мешка лезет батрак и говорит ему: «Того уговору не было, чтоб меня одного покидать!»

Вариант окончания другой сказки «Батрак», указанный Афанасьевым: «А батрак сидит в мешке да свищет: «Побежим живей, батрак гонит!» Бежали, бежали. Батрак замолк. «Ну, жена,— говорит купец,— давай-ка пирожком закусим». Снял с плеч мешок, распутал веревку; тут батрак высунул голову: «Здорово, хозяин с хозяйкою! Что ж это вы из дому побежали, а со мной не рассчитались?» Дал купчихе щипок да купцу щелчок — поминай как звали!»

Вероятно, в устной сказке «Батрак» так же, как и в сказке, записанной Якушкиным, и в подобной пушкинской «Сказке о попе и работнике его Балде» сатирическим персонажем является поп. Пушкинская сказка до 1882 г. печаталась в измененном Жуковским виде как сказка о купце Остолопове и его работнике Балде. В печатном тексте сказки «Батрак» поп тоже мог быть заменен купцом. Предположение это обосновано в комментариях В. Я. Проппа к изданию сказок Афанасьева 1957 г. (т. I, с. 496—497).

151. ШАБАРША
(с. 268—270)

151 Место записи неизвестно. Записано Д. Ханыковым.
(88) *АТ 1045* + *1071* (Состязание с чертом в борьбе: человек вместо себя подставляет «брата» — медведя) + *1072* (Состязание в беге: человек вместо себя запускает «маленького брата» — зайца) + *1084* (см. прим. к тексту № 149) + *1063* (Кто выше или дальше кинет дубину) + *1130*. Сюжет типа *1071* учтен в *АТ* только в фольклоре балтских и некоторых германских и славянских народов. Русских вариантов — 24, украинских — 19, белорусских — 3. Сюжет типа *1072* имеет несколько более широкий ареал распространения, охватывающий Венгрию, Словению, Турцию, где варианты типа *1071* не записывались. Русских вариантов — 34, украинских — 29, белорусских — 6. Сюжет типа *1063* учтен в *АТ* в записях, сделанных в разных частях Европы и в Америке. Русских вариантов — 29, украинских — 20, белорусских — 4. В отличие от сходной с нею сказки «Батрак» сказка о Шабарше лишена социальной заостренности, в ней заметны следы литературной правки. Такие, как в данном тексте, контаминации для восточнославянского фольклорного материала характерны.

К словам: «Да ты не сладишь с моим средним братом Мишкою».— «А где твой Мишка?» (с. 268) Афанасьев в сноске указал вариант: «Есть у меня старый дед семидесяти лет; ты и с тем не сладишь».— «А где твой дед?»

152. ИВАНКО-МЕДВЕДКО
(с. 270—272)

152 Записано в Уфимской губ.
(89) *АТ 650 А* (см. прим. к текстам № 143 и 150) + *1006**. (Зарежь овцу, которая на тебя посмотрит) + *1009* (Сторожи хорошенько дверь) + *1045* + *1072* (см. прим. к предыдущему тексту) + *1063* + *1082* (Кто понесет лошадь) + *1130*. Сыном медведя, чаще всего именуемым Иваном Медвежьим ушком, является герой многих восточнославянских сказок о юном силаче. Медвежьим ушком (ухом) именуется нередко и герой башкирских, татарских, казахских и других сказок неславянских народов СССР, относящихся к типу *650 А* (например, *Бессонов. Башк. ск.*, № 15). Об образе Ивана Медвежье ушко см.: *Новиков*, с. 43—53. Сюжет-мотив типа *1006** распространен преимущественно в Европе, но встречается и в восточном, например, индийском фольклорном материале. Русских вариантов — 15, украинских — 6, белорусских — 6. Сюжет типа *1009*, который часто контаминируется с сюжетом типа *1006**, имеет сходный с ним ареал распространения; древнейший литературный его вариант в индийской «Катхатсаритсагаре» («Сомадеве»). Русских вариантов — 13, белорусских — 2. Сюжет-мотив типа *1082* учтен в *АТ* в финском, шведском, эстонском, саамском, немецком, чешском и русском материале. Русских вариантов — 4, украинских — 8, имеются варианты в сборниках сказок ряда неславянских народов СССР, например, латышей (*Арайс — Медне*, с. 158—159), башкир (*Башк. творч.*, II, № 61).

Варианты, указанные Афанасьевым к словам: «Что? Веревки вью. Хочу озеро морщить» (с. 271) — «Что? Оборки вью, хочу берег с берегом сводить, вас, чертей, из омута выводить!» К мотиву забрасывания костыля (с. 271) — «Чертенок принес дедушкину палицу: «Ну, Медведко, попробуем: кто из нас выше бросит?» — «Бросай ты прежде!» Чертенок бросил палицу вверх, так высоко, что за щепочку показалась, а назад упала — земля ходенем пошла! Стала очередь за Медведком; взял он палицу за один конец — не только вверх бросить, и поднять не сможет; пустился на хитрости, поднял глаза на небо и начал пристально приглядываться. «Что ж ты попусту глазеешь?» — «А вот поджидаю, когда подойдет облачко, хочу на него забросить палицу».— «Э, нет, не бросай, пожалуйста; дедушка прибранит меня».— «Ишь, чертово племя! Небось жалко...»

153. СОЛДАТ ИЗБАВЛЯЕТ ЦАРЕВНУ
(с. 272—275)

153 (90) Место записи неизвестно.

АТ 1061 (Кто раскусит чугунные пули или камни) + *1060** по *СУС* (Игра в карты на щелчки и орехи) + *1162* (Железный человек и черт) + *300 В* (Черти или смерть в ранце). Контаминация сюжетных типов *1061* (об этом типе см. в прим. к тексту № 120) и *1060** является для русских сказок традиционной. В белорусском опубликованном материале есть два варианта сюжета-мотива о игре в карты на орехи и щелчки, а в украинских сборниках он отсутствует. Сюжетный тип *1162* в *АТ* учтен лишь в эстонских, литовских, шведских и русских сборниках. Русских вариантов — 9, украинских — 1. Сюжет типа *330 В*, получающий обычно самостоятельную разработку, учтен в *АТ* только в записях на европейских языках. Русских вариантов — 19, украинских — 20, белорусских — 14. История сюжета связана со средневековыми фабльо и шванками, но подобные сказки о смелом и ловком солдате сложились на Западе не ранее XVII в. В этой сказке необычен для сюжета о чертях, загнанных в ранец, финал: выпущенные женщинами черти бросаются под мельничное колесо и там остаются навсегда.

После слов «аж пятками в зад достает» (с. 273) в сноске Афанасьева приведен вариант предыдущих эпизодов сказки, записанный в Пермской губернии: «Пришел черт, стал с солдатом в карты играть: кто кого обыграет, чтобы дурака ударить раз. Дьявол обыграл солдата и ударил так шибко, что чуть с ног его не свалил. Потом солдат обыграл дьявола. Ну как его бить? То и есть вертится, ни минуту не остановится окаянный! «Постой-ка,— думает солдат,— я с тобой поправлюсь по своему!» Показывает ему чугунное ядро и спрашивает: «Раскусишь ли ты вот этот орех?» Дьявол говорит: «Раскушу!» Взял ядро, грыз, грыз, все зубы поломал, а не раскусил. «Эх ты! — говорит ему солдат.— Посмотри-ка: у меня малый братишка лучше тебя». Сунул ядро в рот чугунному мужику, потрогал пружину, ядро на мелкие части разлетелось. Дьявол облизнулся: «Постой! Целы ль зубы?» Начал щупать; только запихал в рот руки, а у него их и прижало. Солдат пошевелил другую пружину, чугунные руки обвились вокруг дьявола и крепко схватили; а солдат давай его угощать царапкою... Насилу черт вырвался и убежал; после того полно ходить к Марфе-царевне».

154. БЕГЛЫЙ СОЛДАТ И ЧЕРТ
(с. 275—277)

154 (91) Место записи неизвестно. В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 156) Афанасьев указал, что «сказка эта напечатана не вполне»,— вероятно, потому, что конец неудобен для печати.

АТ 1159 (Черт хочет научиться играть на скрипке) + *1061*. Первый сюжет, осложняясь своеобразными мотивами, подробностями, является здесь основным. Целостная композиционная структура сказки «Беглый солдат и черт» близких параллелей в опубликованном материале не имеет. Сюжет типа *1159* учтен в *АТ* только в европейском фольклоре, большинство текстов записано в странах Восточной Европы, особенно много финских — 104. Русских вариантов — 6, украинских — 9, белорусских — 3.

155. ДВА ИВАНА СОЛДАТСКИХ СЫНА
(с. 278—284)

155 (92) Место записи неизвестно.

АТ 303 (Два брата). Сказки, органичной частью которых является сюжет о победителе змея (*АТ 300*; ср. тексты № 162, 171, 176), бытуют во всех частях света. Русских вариантов — 50, украинских — 29, белорусских — 9. Варианты нередко встречаются и в не учтенных *АТ* сборниках фольклора неславянских народов СССР (например, *Бессонов. Башк. ск.*, № 10; *Башк. творч.*, III, № 9—11). История сюжета восходит к ассирийской сказке «Бата и Анубис» XIII в. до н. э. и связана также с литературными памятниками гораздо более позднего времени, например, «Пентамероном» Базиле (I, № 7, 9). Исследования: *Ranke*, № 114; *Liungman W.* Sagen om Bata

och der orientalisk-europeiska untersagans ursprung. Lund, 1946. Солдатскими сыновьями являются два брата-богатыря и в некоторых других восточнославянских сказках типа *303*, совпадающих с нею рядом подробностей, эпизодов (например, «Солдатские сыны» в сб. «Сказки Ф. П. Господарева». Петрозаводск, 1941, № 2).

После слов «и залег спать на трои сутки» (с. 282) Афанасьев в сноске указал вариант: «Иван солдатский сын сражается с змеем и убивает его; при прощанье дает ему царевна на память свой золотой перстень. Богатырь разломил перстень надвое; одну половину себе взял, другую царевне отдал. После по этим половинкам, сложенным вместе, царевна узнает своего избавителя».

Гибель героев — необычный конец сказки. Приведен Афанасьевым вариант благополучного окончания: «Убил Иван солдатский сын третьего змея и думает: «Больше нет мне противника!» Вдруг издали пыль поднимается — что бы это значило: вихорь ли играет али рать-сила идет? Глядь-поглядь — скачет на железной ступе баба-яга костяная нога, толкачом погоняет, помелом след заметает, сзади собачка побрехивает. Кричит она зычным голосом: «Стой, Иван солдатский сын! Зачем заехал в наши места? Вот возьму толкач да начну твои косточки в ступе толочь, так не скоро опомнишься!» Иван солдатский сын ударил бабу-ягу острой саблею и ранил в самую грудь, ухватил ее — сунул под камень и пошел домой... Дня через три отдохнула баба-яга, вылезла из-под камня и давай вынимать оттоль змеиные головы, вынула головы, принялась добывать змеиные туловища — добыла и их со дна моря. Приложила головы к туловищам и оживила всех троих змеев. На ту пору взгрустнулось Ивану-царевичу по своем брате, поехал его разыскивать, и случилось ему проезжать мимо серого камня. Увидали его лютые змеи, выскочили из-за камня и убили до смерти. А Иван солдатский сын живет, с молодой женой тешится, про ту беду и не ведает; раз поутру вздумал он утереть лицо братниным платком — посмотрел: платок весь в крови. Поехал он к синему морю, к серому камню поглядеть — все ли по-старому? Глянул, а под камнем нет ни бабы-яги, ни змеиных голов, а лежит его мертвый брат Иван-царевич. (Иван солдатский сын снова сражается с двенадцатиглавыми змеями и убивает их; после того бьет бабу-ягу, заставляет ее оживить царевича мертвой и живой водою, а ее самоё предает злой смерти: «Коли отпустить ее на волю,— думает богатырь,— она опять оживит эти чудища!»). Сказке конец, давай меду корец»».

156—158. КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ
(с. 285—300)

156 (93а) Записано в Шадринском уезде Пермской губ. А. Н. Зыряновым. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 32а, лл. 12—16; 1830); напечатана Афанасьевым без изменений, за исключением отдельных мелких поправок в написании (см. комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 627).

AT 302_1 (Смерть Кащея в яйце) + *301* («Три подземных царства». См. прим. к тексту № 128). Первый сюжетный тип, учтенный в *AT* в фольклоре разных частей света, обычно контаминируется с другими сюжетными типами. Русских вариантов — 56, украинских — 13, белорусских — 12. Особая разновидность типа — «Смерть Кащея от коня», не выделенная в *AT*, обозначена в *СУС* номером 302_2. Русских вариантов — 11, украинских — 5, белорусских — 5. Кащею (Кащу, Костею) восточнославянских сказок соответствует в западноевропейских чаще всего великан без сердца, в польских — черт и змей, в болгарских — Червен вятър, душа (сердце) которого находится в яйце на дне морском. На восточнославянской культурной почве сложился особый, хотя и не вполне цельный тип сказки о Кащее Бессмертном. Первая русская литературная обработка народной сказки о нем относится к XVIII в. (*Прогулки*, № 6, с. 2—26). Данный и следующие тексты № 157, 158 отличаются характерными для восточнославянских сказок чертами сюжета, которые конспективно были зафиксированы в пушкинской записи (*Пушкин. Прил. I*, № 4). Заметное влияние на русские сказки оказали лубочные сказки о Кащее Бессмертном. Исследования: *Köhler R.* Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Weimar, 1898, I, S. 158—162; *Новиков*, с. 192—219. Об образах благодарных животных см. библиографические указания к тексту № 159 (*AT 554*). В сказке сборника Афанасьева необычайно тесно переплетаются сюжеты о Кащее и о трех царствах. Последний отличается здесь оригинальными или редкими подробностями.

157 (93b) Записано в Архангельской губ.

АТ $302_1 + 400_1$ (Муж ищет похищенную или исчезнувшую жену). Традиционная для сказок о Кащее Бессмертном контаминация. Всемирно известный сюжет о поисках жены обычно сочетается с разными другими сюжетами. Русских вариантов — 90, украинских — 42, белорусских — 6. История сюжета связана с такими древними литературными памятниками Востока, как индийская «Рамаяна» (повествование о поисках Рамой его супруги Ситы, похищенной демоном Раваном), арабская «Тысяча и одна ночь» (эпизоды поисков Джаншахом его исчезнувшей жены Ситт Шамсы — ночь 521—527), а также со средневековыми литературными обработками («Lais» Мари де Франс, 1150 г., «Seifrid de Ardemant» Альбрехта фон Шарфенберга, XIV в. и др.) Текст сборника Афанасьева является в восточнославянском фольклорном материале единственным (если не считать упомянутой выше конспективной записи А. С. Пушкина), в котором повествование о Кащее получило самостоятельное значение. Встречи Ивана-царевича с царевной Ненаглядной Красой в церкви и похищение царевны в поле Кащеем Бессмертным в то время, когда находившийся рядом Иван-царевич спал непробудным сном, напоминает сюжет «Царь-девица» (*СУС* 400_2). См. прим. к тексту № 232. Красотой, как и в русских сказках, именуется также героиня башкирской сказки типа «Царь-девица» (*Башк. творч.*, I, № 87), в которой проявляется влияние русской сказочной традиции. Эпизод воздушного путешествия Ивана-царевича на Моголь-птице имеет параллели в сказках о трех подземных царствах (см., например, тексты № 128, 132). Традиционная стилистическая форма сказки замечательна своей живостью. Исследования: *Корепова К. Е.* Волшебные сказки с образом чудесного супруга.— Вопросы сюжета и композиции. Горьковский ун-т, 1978, с. 3—17.

К эпизоду встречи героя с первой старухой (с. 289) в сноске Афанасьева указан вариант: «Входит царевич в избу, а там лежит баба-яга костяная нога из угла в угол, нос в потолок. «Здравствуй, красавица!» — «Здравствуй, Иван-царевич! Куда путь держишь?» — «Еду сватать за себя царевну Ненаглядную Красоту!» — «Куда тебе! Ее ни один богатырь доступить не может, а ты еще мал, в лета не вошел».— «Эх ты, старая хрычовка! Не тебе бы говорить, не мне бы слушать: сидючи на одном месте, ты вся зацвела, заплесневела; тебя, проклятую, и смерть бегает!» Плюнул царевич и поехал дальше...»

158 (93c) Место записи неизвестно.

АТ $302_1 + 400_1 + 516$ (Верный слуга). Третий сюжетный тип учтен в *АТ* преимущественно в записях, сделанных в странах Европы, Америки (в Америке — на французском, испанском и португальском языках), отмечены также африканские (арабские) и азиатские (турецкие, индийские) его варианты. Русских вариантов — 14, украинских — 16, белорусских — 5. Варианты типа *516* встречаются и в сказках неславянских народов СССР: латышских (*Арайс — Медне*, с. 86—87), абхазских (*Абхаз. ск.*, № 26), башкирских (*Башк. творч.*, I, № 98) и др. Сюжет о преследовании человека демонами известен по древнему индийскому сказанию (см.: *Tawney C.* Kathasaritsagara or Ocean of the Streams of Story. Kalkutta, 1880, t. I, p. 519, t. II, p. 251). Формирование сюжета на европейской культурной почве связана со средневековым рыцарским романом «Амикус и Амеликус», «Пентамероном» Базиле (IV, № 9), с получившей международную известность сказкой бр. Гримм «Преданный Иоганн». В драматической форме сюжет обработал К. Гоцци («Il corvo», 1772). Первая русская литературная обработка издана в 1787 г. (*Повествователь*, с. 49—83). Значительную популярность получила неоднократно издававшаяся в прошлом столетии лубочная «Сказка о Булате-добром молодце», оказавшая влияние на устные сказки. Было издано также стихотворное переложение лубочной сказки о верном Булате-добром молодце (оно в значительной части перепечатано в книге А. Федорова-Давыдова «Цари, короли, их семья и придворные по народным сказкам и легендам». М., 1904, с. 138—146). Исследования: *Wesselski*, S. 220—221; *Rösch E.* Der getreue Johannes. Eine vergleichende Märchenstudie (*FFC*, N 77). Helsinki, 1928; *Bauerfeld W.* Die Sage von Amis und Amiles, ein Beitrag zur mittelalterlichen Freundschaftssage. Halle, 1941. Сюжетные типы *302* и *516* контаминированы как и в лубочной сказке. Мотивы сюжета «Верный слуга» отчасти сочетаются с мотивами сюжета о Кащее и в белорусской сказке «Булат-добрый молодец» (*Романов*, VI, № 2, с. 7—14), персонажи которой носят лубочные имена: Булат, Иван-царевич, царь Кирбит, царевна Кирбитьевна. В белорусской сказке, как и в русской сказке, царь Кирбит посылает Кащея в погоню за похищенной

царевной. В стихотворной лубочной сказке «Булат-молодец» царь Кирбит посылает в погоню за похитившими его дочь царем Бамбардасом и Булат-молодцем войско; Булат возвращается с полдороги обратно и сражается с войском Кирбита и Змеем Горынычем, выступающим здесь в роли Кащея. Мотив возвращения верного слуги к врагам и сражения с ними имеется также еще в трех опубликованных белорусских и украинских сказках (*Романов*, IV, № 1 и 2, с. 1—14; *Чубинский П. П.* «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край», т. II, СПб., 1872, № 80). Кроме этих сказок, в опубликованном международном материале отмечена всего лишь одна сказка типа *516* с мотивом возвращения — румынская (*Schott Arthur* und *Albert*. Walachische Märchen. Stuttgart, Tubingen, 1845, S. 144). Вместе с тем в сказке сборника Афанасьева отсутствуют эпизоды, характерные для некоторых более полных вариантов сюжета о верном слуге: например, царевич влюбляется в царевну по портрету; найденную с помощью верного слуги царевну заманивает на корабль и увозит за море. Мотив морского путешествия, традиционный для западноевропейских сказок и восходящий также к лубочным источникам, развивается, например, в вариантах типа *516* сборников: *Зеленин. Вят. ск.*, № 29; Коргуев, I, № 27; *Weriga W*. Podania białoruskie. Lwów, 1889, № 8.

К словам «сидит на дубу орел с орлятами» (с. 298) в сноске Афанасьева дан вариант: «Сокол с соколятами».

К предсказанию голубиц в третью ночь (с. 299) — вариант: «как приедет Иван-царевич домой, перевенчается и ляжет спать с Василисой Кирбитьевной, в те́ поры прилетит двенадцатиглавый змей и унесет их обоих в свое царство».

После слов «Булат-молодец отрубил и ей голову» (с. 299) — вариант: «Воротился Иван-царевич домой и женился на Василисе Кирбитьевне; говорит ему Булат-молодец: «Не спи, царевич, первую ночь с женой — худо будет! Лучше пусти меня на свое место». Царевич согласился, а сам думает: верить или не верить ему? И приставил он слугу верного присматривать, что будет делать Булат-молодец. Наступила полночь, вдруг зашумели ветры — прилетает двенадцатиглавый змей. Булат-молодец начал с ним сражаться, срубил все двенадцать голов и выкинул в окно. Как рубил он змею последнюю голову, брызнула змеиная кровь прямо Василисе Кирбитьевне на лицо, Увидал это Булат-молодец, думает: что делать? Так оставить — спросят: отчего кровь показалась? Платком обтереть — пожалуй, Василису Кирбитьевну разбудишь: дело непригожее. Взял да языком и слизнул кровь с ее лица белого. А слуга Ивана-царевича только и видел, как Булат-молодец свою саблю точил да кровь слизывал; поутру докладывает он: «Так и так, с вечера Булат-молодец свою саблю точил, а ночью Василису Кирбитьевну в уста целовал». Иван-царевич разгневался, приказал Булата-молодца в железа заковать, злой смерти предать».

К словам «Пришли, смотрят,— а дети живы» (с. 300) указан вариант: «Булат-молодец разрезал себе палец и своею кровью помазал детей царевича накрест — и они в ту же минуту ожили».

159. МАРЬЯ МОРЕВНА
(с. 300—305)

159 Место записи неизвестно.

(94) *АТ 552 А* (Птицы или животные-зятья) + 400_1 + *554* (Благодарные животные помогают решить трудные задачи) + 302_2 (Смерть Кощея от коня). Традиционная контаминация сюжетов. Лубочная сказка была перепечатана Афанасьевым в его Примечаниях из сборника «Лекарство..,» (с. 99—131) с приложением соответствующих библиографических сведений (они приведены в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936 г., с. 629); текст лубочной см. под № 562. Сюжет типа *552 А* учтен в *АТ* преимущественно в европейском материале, отмечены также записи из Турции и Америки (от американских негров, индейцев). Русских вариантов — *36*, украинских — *9*, белорусских — *7*. Такая же, как в восточнославянских сказках, сюжетная контаминация встречается в сказках о животных-зятьях, опубликованных в сборниках фольклора неславянских народов СССР, например, башкир (*Башк. творч.*, I, № 99; II, № 11; III, № 41). Сюжетный тип *554*, чаще всего контаминируемый с типами *302* и *552*, отмечен в *АТ* в фольклоре разных частей света. Русских вариантов — *44*, украинских — *39*, белорусских — *17*. Разновидность сюжета — «Герой с помощью благодар-

ных животных выслуживает у бабы-яги коня» — особенно характерна для восточнославянских сказок и получает в них своеобразно яркую трактовку. Исследования: *Marx A.* Griechische Märchen von dankbaren Tieren und Verwandtes. Stuttgart, 1889; *Пропп. Ист. ск.*, с. 138—141. Анализ сказки «Марья Моревна» сборника Афанасьева см.: *Аникин*, с. 128—131.

К рассказу о запретном чулане (с. 301) Афанасьев в сноске привел вариант: «Глянул — а там змей о двенадцати головах, о двенадцати хоботах на железных крюках висит, из его ран кровь течет. Говорит змей Ивану-царевичу: «Ах, добрый человек, обмакни в мою кровь свой палец и дохни на меня; за твою услугу я тебя три раза от смерти избавлю». Иван-царевич обмочил свой палец в кровь и дохнул на змея; змей рванулся, поломал крюки и улетел».

К рассказу о пребывании у ворона (с. 302) — вариант: «Оставь у нас свое золотое кольцо; будем на него смотреть, тебя вспоминать; если кольцо светло — значит, ты жив и здрав; а если потускнеет — тотчас уведаем, что с тобой беда приключилася». Иван-царевич оставил свое золотое кольцо и пошел в змеиное царство».

Вместо «пять печей хлеба» (с. 302) — вариант: «пирогов». К рассказу об оживлении Ивана-царевича (с. 303) дан вариант: «Орел Орлович полетел на́ море и поднял сильные ветры, море взволновалося и выкинуло бочку на́ берег; Сокол Соколович схватил бочку в когти, занесся высоко-высоко за облака и бросил ее оттуда на́земь — бочка упала и разбилась вдребезги; а Ворон Воронович принес воды целющей да живущей и вспрыснул Ивана-царевича. После все трое подхватили его и понесли за тридевять земель, в тридесятое государство. Принесли в тридесятое государство и говорят: «Ступай к синему морю, там гуляет чудная кобылица; впереди ее двенадцать косарей сено косят да двенадцать гребцов сено гребут — она за ними идет да все поедает; когда станет кобылица воду пить — синё море волнуется и лист с дерев опадает, а станет у столетних дубов чесаться — те дубы, словно овсяные снопы, на́земь валятся. Каждый месяц выкидывает она по одному жеребенку: а следом за ней ходят двенадцать волков да тех жеребят пожирают. Улучи время, и как только выкинет кобылица жеребенка со звездой на лбу — скорей хватай его да от волков отбивай; то тебе будет конь богатырский! С ним не догонит тебя и Кощей Бессмертный». Иван-царевич сделал так, как научили его зятья...»

К рассказу о пчелином улье (с. 303) дана сноска: «Вместо пчелиного улья, по другому списку, Иван-царевич встречает рака». К ответу кобылиц на упреки яги (с. 304) дан вариант: «Как нам было не воротиться? Приползли раки со всего моря, начали в нас впиваться да клещами пощипывать — рады были на край света бежать!»

После слов «а царевич доконал его палицей» (с. 305) указан вариант окончания сказки: «А можно ли их догнать?» — «Если сейчас поедем, то авось нагоним; у Ивана-царевича конь — мой меньшой брат». Кощей погнал вслед за Иваном-царевичем; вот-вот нагонит. «Ах, брат,— говорит конь Ивана-царевича коню Кощееву,— зачем ты служишь такому нечистому чудищу? Сбрось его на́земь да ударь копытом!» Конь послушался, сбросил Кощея и убил его до смерти».

160. ФЕДОР ТУГАРИН И АНАСТАСИЯ ПРЕКРАСНАЯ
(с. 305—309)

160 Записано в г. Погаре Черниговской губ. учителем Н. Матросовым. Диалект, пе-
(95) реходящий от русского языка к белорусскому.

АТ 552 А + *400₁* + *554*. См. прим. к текстам № 157, 159. Эпизоды на ратном поле и в шатре богатырки, победившей три рати, встречаются в сказках о Еруслане Лазаревиче (*СУС — 650 В*=АА* 650 II*).

161. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН
(с. 309—313)

161 Место записи неизвестно.
(96) Отчасти относится к типу *301* («Три подземных царства». См. прим. к тексту № 128). В некоторых вариантах типа *301* герой также сталкивается в подземном царстве с бабой-ягой и губит ее (см. тексты № 141, 142). Эпизоды встречи и братания Ивана-царевича с Белым Полянином находят соответствие в сказках о Еруслане Ла-

заревиче. Однако в целом сказка «Иван-царевич и Белый Полянин» — о войне двух побратимов-богатырей против несметной рати бабы-яги, для которой чудесные портные и сапожники делают солдат, оригинальна по содержанию. Подобные сказки есть в сборниках: *Романов*, III, № 12, с. 88—92; *Башк. творч.*, III, № 11. На заключительную сцену богатырского великодушия Афанасьев обратил особое внимание в своей «Заметке о сказке «Еруслан Лазаревич»» (см.: Дополнения к III тому), где он говорит, с какой замечательной поэтической простотой передана в сказке «Иван-царевич и Белый Полянин» встреча Федора Тугарина с Анастасией Прекрасной. Возможно, сказка была известна Афанасьеву в двух близких вариантах, и названные выше белорусская и башкирская сказки имеют общий лубочный источник.

К имени Белый Полянин (с. 309) в списке Афанасьева указан вариант: «Поляк Белый Колпак». Оба эти имени встречаются в сказках о Еруслане Лазаревиче.

К эпизоду о портных и сапожниках, изготовляющих войско для бабы-яги (с. 312), указан вариант: «Шел-шел — стоят кузницы, в тех кузницах железо калят да молотом бьют; что ни удар молотом — то и солдат готов, с ружьем, с саблею, в полной походной амуниции; хоть сейчас на войну! Спрашивает Иван-царевич: «Кузнецы, кузнецы! Кому столько войска готовите?» — «Бабе-яге золотой ноге; тридцать лет с Белым Полянином сражается, а все победить не может...» Шел-шел — стоят избы, в тех избах сидят красные девицы, за ткацкими станами работают: только ударят бердом — тотчас солдат и выскочит, с ружьем, с саблею, в полной походной амуниции; хоть сейчас на войну!..»

К концу сказки дана сноска: «В другом списке конец рассказан иначе: Белый Полянин вытащил на канате красную девицу, побоялся, чтобы Иван-царевич не отбил у него невесты, и задумал убить его. Иван-царевич догадлив был, захотел наперед испробовать, какова верность Белого Полянина, взял большой камень и привязал к канату. Белый Полянин тянул, тянул, дотянул до половины и обрезал канат — камень упал и в мягкую пыль разлетелся. Огромная птица выносит Ивана-царевича с того света (точно так же, как в сказке «Норка-зверь»). Как увидал его Белый Полянин, крепко испугался, пал к ногам и начал просить прощения. «Ну, брат,— сказал Иван-царевич,— ни за что б тебя не простил, если б не твоя молодая жена. Ее жалко; ради ее и тебя прощаю!» Вслед за тем едет Иван-царевич в змеиное царство...»

162. ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА
(с. 313—314)

162 Место записи неизвестно.

(97) *AT* —. Отчасти соответствует типам *554* (Благодарные животные: наделяют героя способностью превращаться в сокола и муравья) + *302* (Яйцо Кощея. В данной сказке яйцо змея, добыв которое герой разрушает хрустальную гору. См. прим. к тексту № 156). Эпизоды службы Ивана-царевича пастухом отчасти соответствуют сюжету типа *321*. Русских вариантов — 1, украинских — 3, белорусских — 3. Сказочный образ хрустальной или стеклянной горы, восходящий к представлениям о царстве мертвых, встречается в западноевропейских и в целом ряде опубликованных украинских и белорусских типа *530* («Сивко-бурко») и в сказках типа *301* («Три подземных царства»). В некоторых западноевропейских вариантах сюжетных типов *314* (Бегство с помощью волшебного коня), *400* (Поиски исчезнувшей супруги или супруга) и *502* («Медный лоб», или «Дикий человек») тоже имеются эпизоды путешествия на хрустальную гору, что отметил в своем труде о происхождении и истории шведских сказок В. Юнгман (*Liungman*, S. 144—147). По-разному творчески трактуется образ хрустальной горы в западноевропейских народных книгах эпохи средневековья и более позднего времени. Афанасьев в своих Примечаниях указал на несколько сходных с уникальной русской сказкой «о государстве, наполовину втянутом в хрустальную гору» и замурованной в хрустальных недрах царевне хорватских сказок сборника Валявца (*Valjavec M. K.* Narodne pripoviedke u i oko Varaždini in okolici. U Zagrebu, 1890, S. 127—131, 154—157) О мифах и обрядах, проливающих свет на происхождения сказочного образа хрустальной горы, см.: *Пропп. Ист. ск.*, с. 268—269.

163. БУХТАН БУХТАНОВИЧ
(с. 315—316)

163 Перепечатано Афанасьевым из журнала «Москвитянин» (1844, № 1, с. 122—
(98) 124). Сказка записана в Шенкурском уезде Архангельской губ. Борисовым.

АТ 545 В (Кот в сапогах). Сюжет имеет всемирную известность. Кроме европейских, в *АТ* учтены варианты, записанные в Азии (турецкие, индийские, индонезийские), Африке и Америке. Русских вариантов — 15, украинских — 23, белорусских — 9. В большинстве восточнославянских, а также тюркоязычных и других восточных сказок герою мнимому богачу помогает жениться на царевне лиса (см., например, текст № 164). Дополнительно: *Ск. Дагестана*, № 25; *Казах. ск.*, II, с. 7—10; *Абхаз. ск.*, № 3; *Бурят. ск.*, № 46, 47; *Башк. творч.*, I, № 38, 39; *Тат. творч.*, I, № 28, 29. Мотивы, близкие к сказкам типа *545 В*, исследователи отметили в литературных памятниках Востока, например, в индийском сборнике «Двадцать пять рассказов Веталы» и в соответствующем ему тибетском сборнике «Игра Веталы с человеком». Однако сюжет сформировался, в основном, в Европе, и его литературная история по-настоящему начинается со сказки Страпаролы о Константине Счастливчике, добывшем могучее королевство, благодаря своей кошке («Приятные ночи», ночь XI, сказка 1). Затем сюжет обрабатывался Базиле («Пентамерон», I, № 10). Особенно большую международную известность приобрела сказка Шарля Перро «Кот в сапогах», впервые изданная в 1697 г. (сборник «Сказки моей матушки Гусыни») и переведенная на русский язык В. А. Жуковским (1845). По мотивам сказки Перро Людвиг Тик написал пьесу «Кот в сапогах» (1797, рус. пер. 1916). Русская сказка типа *545 В*,— «О лисе и дураке»,— литературно обработанная, издана впервые в 1787 г. (см.: *Тимофеев*, с. 219—240). В сказке «Бухтан Бухтанович», как и во многих восточнославянских сказках этого типа, герой является «запечником» (лежит на печи), в некоторых вариантах он именуется Иваном Запечником, Попялинским, Попяловским, дурнем. В сказке сборника Афанасьева приход лисы на выручку героя не мотивирован (то же: *Худяков*, № 70); в ней же отсутствуют некоторые характерные для сказок типа *545 В* эпизоды, например, встреча с пастухами, которые соглашаются выдавать себя за слуг героя. Исследования: *Wesselski, Vers.*, S. 75, 80.

После слов «Ну, ладно, покажи же ты мне жениха» (с. 315) в сноске Афанасьева даны ссылки на два варианта этой сказки.

«*Вариант 1:* В одной деревне была-жила вдова, у нее был сын Ванька Голый Жили они в большой бедности: изба набок свалилась; окно худым сарафанишком затыкалось; ни сеней, ни двора — кругом чисто! Пошел сын в город работы искать, денег наживать; жил так год и два и выжил десять рублей. «Нет,— думает,— от работы не будешь богат, а разве горбат!» Воротился домой и говорит матери: «Поди к богатому мужику, проси четверик, а станет спрашивать: «зачем?» — скажи: деньги мерить». Пришла баба к богатому мужику и просит четверика: сын-де приехал из города, так деньги надо смерить. «Возьми» Приносит домой: Ванька Голый и начал побрякивать десятью рублями. А богатому мужику не терпится, пошел подслушивать. Баба увидала его и спрашивает у сына: «Что, сколько четвериков?» А он говорит: «Двадцать». Только богатый мужик воротился домой, Ванька Голый будь догадлив, позасунул в четверик за обручи пятачков да гривенников и отнес к нему. Посмотрел мужик на свой четверик, как увидел серебро — и думает себе: «И впрямь он деньги мерил!» На другой день Ванька Голый посылает мать: «Поди, сватай за меня дочь у богатого мужика». Пошла сватать, а мужик тому и рад, веселым пирком да за свадебку! Взял Ванька большое приданое и стал жить-поживать с своею молодою женою в богачестве, и теперь живут да хлеб жуют. Я у них на свадьбе был, мед-вино пил; дали мне блин, что три года гнил, а кто-то был смел, выхватил да съел.

Вариант 2: Жил себе купец, у него был сын. Вот отец помер, а сын остался один, прогулял все имение и задумал жениться. Пошел он на базар, накупил горшков, поразбивал в черепки и наколотил полный погреб. Недалеко жил другой купец, у него была дочь красавица. Приходит к нему купеческий сын и просит: «Дай, пожалуй, четверика».— «На что тебе?» — «Да купил овса, так за ночь хочу перемерить». — «Бери»,— говорит купец, а сам думает: «Что такое хочет мерить? Дай разузнаю!» И пошел подслушивать, а купеческий сын сидит в погребе да черепки пересыпает. «Ишь гремит!— думает купец.— Верь после людям, сказывают, что промотался, а он

по ночам деньги меряет». Наутро купеческий сын набил в щель четверика мелких денег с рубль серебра и понес и отдал купцу. Потом заслал к нему сваху и женился на его дочери, да и стал жить припеваючи».

164. КОЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ

(с. 316—319)

164 *(99)* Записана в Подольской губ. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXX, оп. 1, № 7, лл. 1—8; 1848); ее малограмотный, тяготеющий к книжному слову текст Афанасьев подверг значительной литературной обработке, ввиду чего его пришлось полностью воспроизвести в комм. к I т. сказок Афанасьева изд. 1936, с 632—634.

АТ 545 В Данная разновидность сюжета, в которой повествуется о том, как лиса пригнала к царю и подарила ему от имени жениха, мнимого богача, много зверей, является для восточнославянских сказок традиционной и встречается в опубликованном материале нередко. Сказка «Козьма Скоробогатый» имеет необычное начало: бедняк ловит лисичку-воровку, и она обещает сделать его богатым.

После слов «Обвенчался он на царевне» (с. 318) в сноске Афанасьева приведен вариант:

«Был-жил мужик с бабой, у них был один сын, да и тот не в полном разуме. «Муж-муженек,— говорит баба,— в нашем сыне мало толку будет; давай отделим его, пускай сам живет по себе». Вот и отделили его, дали ему одну худую лошаденку да петуха. Сел дурак на клячу, взял петуха и поехал в чистое поле; ехал долго ли, коротко ли, и приехал в лес. Видит: стоит в лесу глиняная избушка; входит туда, а в избушке пусто — нет никого. Вот пустил он лошадь в лес, а сам забрался в избушку и лежит себе голодный на печке. Где ни взялась лисица, вбежала в избу и говорит: «Здравствуй, дядюшка! Как тебя зовут? Скажешь — буду знать, как величать».— «Люди зовут: Никита Македонский».— «Ну, Никита Македонский, подари мне петуха, я тебе невесту высватаю». Он не много думал, слез с печи, зарезал петуха, ощипал и отдал лисице: «На, кушай, лисонька, на здоровье».— «Спасибо, Никита Македонский! Есть царь Огонь и царица Грозная Маланья́ (Молния), у них дочь — прекрасная царевна; я ее за тебя высватаю».— «Кто за меня, бедного, пойдет?» — «Молчи, не твоя забота».

И побежала лисица к царю Огню и царице Маланье́. «Здорово, лиса! Что хорошенького скажешь?» — «Здорово! Пришла свахою. У вас есть невеста, у меня жених молодец, Никита Македонский царевич».— «Где же он? Что сам не приехал?» — «Ему нельзя, он один на своем царстве.»— «Что же он поделывает?» — «Да все за зверями охотится».— «Ну, пускай пришлет нам семьдесят зайцев; тогда поверим тебе». Лисица пустилась в лес; попадается ей косой заяц: «Где была, лиса?» — «На обеде у царя Огня и царицы Маланьи́».— «Не слыхала ль чего про нас, зайцев?» — «Как же, слыхала; про вас завтра будет у царя большой обед. Соберитесь гуртом семьдесят зайцев, я вас завтра туда проведу». Заяц бросился созывать своих товарищей; созвал. «Ну, лиса, веди!» Лиса привела их к царю, поставила рядком и говорит: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья́! Нареченный зять прислал вам в подарок семьдесят зайцев». Ну, их забрали и заперли в клеть. Царь и говорит лисе: «Коли нареченный зять прислал зайцев, пусть пришлет еще семьдесят волков».

Лисица опять побежала в лес; попадается ей навстречу серый волк. «Здорово, лиса!» — «Здорово, куманек!» — «Где ты была? — «На обеде у царя Огня и царицы Маланьи́».— «Не слыхала ль чего про нас, волков?» — «Как же, слышала; про вас завтра будет у царя и царицы большой обед. Собери семьдесят волков, я вас туда проведу». Волк побежал скликать своих товарищей, скликал и прямо к лисе: «Ну, лиса, веди нас!» Лиса привела к царю, построила их рядком и говорит: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья́, извольте принять; нареченный зять прислал вам подарок».— «Ну, спасибо». Сейчас их забрали и заперли в сарай «Скажи нареченному зятю: коли он прислал волков, то пусть пришлет еще семьдесят медведей». Лисица ударилась в лес; попадается ей навстречу медведь. «Куда, лиса, ходила?» — «Была в гостях на обеде у царя Огня и царицы Маланьи́».— «Не слыхала ль чего про нас, медведей?» — «Как же, слышала; про вас завтра будет у царя и царицы большой обед. Соберитесь семьдесят медведей, я вас проведу». Косолапый медведь поплелся скликать

своих товарищей, накликал — и к лисице: «Ну, веди нас, лиса!» Привела их лиса, построила рядком и говорит: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья! Нареченный зять прислал вам подарок».— «Спасибо! Пускай нареченный зять Никита Македонский приедет сам к нам: мы на него поглядим, а он на невесту посмотрит».

Лисица распрощалась и пустилась к глиняной избушке, где Никита Македонский на печи ничком лежал. Прибежала и говорит: «Что лежишь? Царь Огонь и царица Грозная Маланья зовут тебя в гости; поедем, станем свадьбу играть».— «Ах, лиса, как я поеду? Мне одеться не во что» — «Ничего! Запрягай свою лошадь. Как поедешь через город, я пробегу мимо лавок; купцы и приказчики бросятся за мною, а ты смотри не плошай, кушаки, шапки и разную одежду из лавок хватай; да захвати кстати и пилу». Поехал Никита городом, а лиса уже около лавок; все купцы и приказчики выбежали да за нею, а Никита Македонский берет из лавок, что надо, да грузит тележонку; и одежду добыл и пилу спроворил одноручную. Выехал за город и видит, что лиса давно его дожидает. Поехали. Попался на пути на дороге мостик. «Пили мост!» — говорит лиса. Никита Македонский и ну стараться, подпилил столбы, мост и рухнул. «Раздевайся донага да кидай всю одежду в воду-то, а сам катайся по песку». Сказала лиса и побежала к царю и царице. «Ах,— говорит,— несчастье случилось».— «Какое несчастье?» — спрашивает царь.— «Да мосты некрепки в вашем царстве; нареченный зять ваш Никита Македонский ехал к вам в гости, а мост и подломился; люди его все потонули, да и сам он еле жив».

Поскакали к мосту, смотрят: Никита Македонский голый валяется в песку. Подняли его, одели в царское платье, посадили в карету и повезли во дворец. Вот пирком да за свадебку; у царя не пиво варить, не вино курить, обвенчали Никиту на царевне и стали пить-есть и прохлаждаться. Нагулялись досыта. Молодая княгиня и говорит: «Ну, Никита Македонский, пора к тебе ехать, посмотреть твое царство...» (Продолжение сказки такое же, как и о Козьме Скоробогатом. Вместо выражений: царь Огонь и царица Грозная Молния — ставят иногда Грома-батьку и Молнию-матку)».

165—166. ЕМЕЛЯ-ДУРАК
(с. 320—327)

165 Текст перепечатан Афанасьевым с лубочного издания.

(100а) В сносках Афанасьева приведены варианты: к словам «вытащил из-под навесу сани» (с. 322) — «из сарая»; к словам «поехал из городу домой» (с. 322) — «В свою деревню»; к словам «Чаны с разными напитками» (с. 326) — «винами».

АТ 675 («По щучьему велению»). В *АТ* учтены варианты, записанные в европейских странах, в Турции и в Америке на французском и испанском языках от американцев европейского происхождения и индейцев, негров. Русских вариантов — 22, украинских — 11, белорусских — 6. Сюжет сложился первоначально как анекдотический. В таком плане разработаны его первые литературные версии XVI—XVII вв.— сказка Страпаролы о Пьетро Дураке («Приятные ночи», ночь III, сказка 1) и сказка Базиле («Пентамерон», I, № 3). В восточнославянской традиции сюжет получил характерную форму волшебной сказки. Первая русская публикация — «Сказка о Емеле-дурачке» в сб.: *Тимофеев*, с. 312—345. Сказки этого типа вошли в лубочные книжки XIX в. и обрабатывались также известными русскими писателями — В. И. Далем («Емеля-дурачок»), И. А. Буниным («О дураке Емеле, какой вышел всех умнее»), А. Н. Толстым («По щучьему веленью»). Лубочный текст отличается обстоятельностью изложения, но ему недостает живости слога.

166 Записано в Новгородской губ. *АТ 675.* Текст воспроизводит устный пересказ
(100b) лубочной сказки.

167. ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ
(с. 328—330)

167 Место записи неизвестно.

(101) *АТ 675.* В варианте выпали некоторые звенья традиционного сюжета (рубятся дрова, движется печь), но вместе с тем он осложнен необычными эпизодами (рожденный царевной мальчик опознает отца; единоборство сына царевны с богатырем; утка, найденная у отца царевны).

168. СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ, ЖАР-ПТИЦЕ И О СЕРОМ ВОЛКЕ (с. 331—343)

168 Текст перепечатан Афанасьевым из книги: *Прогулки..*, № 3, с. 3—27.
(102) *AT 550* (Жар-птица и серый волк). Всемирно известный сюжет. Русских вариантов — 30, украинских — 19, белорусских — 6. Близкие восточнославянские тексты встречаются в некоторых сборниках сказок неславянских народов СССР, например, башкир, татар, шапсугов (*Башк. творч.*, II, № 6; *Тат. творч.*, I, № 63, 64, 68; Сказки адыгских народов. М., 1978, № 14). Старейшая письменно зафиксированная европейская сказка о жар-птице и сером волке восходит к латинскому сборнику монаха Йоганна Габиуса «Scala coeli», изданного в 1480 г. (см. *Wesselski*, № 28). С конца XVIII в. сюжет получает распространение в России, преимущественно книжным путем: лубочные издания сказки весьма многочисленны. Имеющие немало общего с западноевропейскими, русские лубочные варианты «Жар-птицы и серого волка» вместе с тем отличаются некоторыми характерными особенностями, связанными с национальной фольклорной традицией, в них отсутствуют такие часто встречающиеся в западноевропейских сказках мотивы, как, например, превращение волка-помощника в человека (он, оказывается в конце сказки, был заколдованным принцем). В стихотворной форме сюжет обрабатывался В. А. Жуковским («Сказка о Иване царевиче и сером волке», 1845) и Н. М. Языковым («Жар-птица», драматическая сказка, первое издание 1857 г.). Источниками для них, как отмечалось исследованиями, послужили, вероятно, сказка лубочной книги «Дедушкины прогулки» и немецкие сказки, влияние которых явно проявляется в тексте Жуковского, особенно в финальном эпизоде. Исследования: *Nilsson N. A.* Die Apolonias Erzählungen in der slawischen Literatur. Uppsala, 1949, S. 46. О происхождении сказочного мотива живой и мертвой воды, его мифологических истоках основательные предположения высказаны, в связи с данной сказкой, в монографии В. Я. Проппа (*Ист. ск.*, с. 179—181).

169—170. ЖАР-ПТИЦА И ВАСИЛИСА-ЦАРЕВНА (с. 344—349)

169 Место записи неизвестно.
(103a) *AT 551* (Конек-горбунок). Сюжет широко распространен в странах Европы. В *AT* учтены также записи, сделанные на Востоке (в Турции. Индии) и в Америке. Русских вариантов — 51, украинских — 40, белорусских — 24. Сюжет в близких русским и в очень своеобразных вариантах встречается в сборниках сказок многих неславянских народов СССР — башкирских, татарских, казахских, осетинских, абхазских, адыгейских и др. Сюжет сформировался на европейской культурной почве, но отдельные его мотивы имеют параллели в сказках древних народов Востока. Старейшие литературные версии в итальянских сборниках XVI—XVII вв. «Приятные ночи» Страпаролы (ночь III, сказка 2 — о царевиче Ливоретто и его волшебном коне) и «Пентамерон» Базиле (III, № 7). Первая русская публикация лубочной сказки относится к концу XVIII в. (Погудка, I, № 9, с. 3—36), за ней последовал ряд других изданий. Влияние лубка проявляется в сказке сборника Афанасьева, довольно схематично излагающей приключения стрельца-молодца, обладающего чудесным богатырским конем. В 1834 г. был издан «Конек-горбунок» Ершова, имеющий фольклорную русскую основу. Он оказал заметное влияние на народные сказки второй половины XIX в. и начала XX в. Своеобразной стихотворной переделкой сказки Ершова в революционном публицистическом духе является «Конек-скакунок» С. А. Басова-Верхоянцева (1906). Исследования: *Лупанова И П.* Фольклорные основы сказки П. П. Ершова «Конек-горбунок».— Уч. зап. Петрозаводского ун-та. Историч. и филологич. науки. 1956, т. 6, вып. 1. Петрозаводск, 1957, с. 161—162; *Новиков*, с. 112—113. К имени Василиса-царевна (с. 344) Афанасьев в сноске указал вариант: «царевна Елена-краса, золотая коса».
170 Место записи неизвестно.
(103b) *AT 531*. В данном варианте — редкий сказочный мотив восточного происхождения, не отмеченный в других известных русских сказках: герой выполняет трудное задание — выдоить семьдесят кобылиц. Мифологическое истолкование этого мотива см.: *Афанасьев. Поэт. воззрения*, II, с. 128.

После слов «купается — ничего ему не делается» (с. 348) Афанасьев в примечании отметил вариант: «Царь-девица призывает согреть чан молока; как только молоко вскипело — жеребенок разыгрался, подбежал к чану, три раза хлебнул, доброго молодца туда пихнул; искупался добрый молодец в горячем молоке и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать».

171—178. СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ, МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ
(с. 349—373)

171* *(104a) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукопись в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 23—27, 1848).

АТ 551 (Молодильные яблоки) + 300_1 (Победитель Змея). Первый сюжет учтен в *АТ*, в многочисленных европейских вариантах, а также в записях, сделанных в Африке и Азии (в Турции, Индии) и на французском, испанском языках в Америке от американцев европейского происхождения и негров. Русских вариантов — 40, украинских — 14, белорусских — 5. Отдельные мотивы сюжета отмечались исследователями в «Тысяче и одной ночи» и в средневековых рыцарских романах, например, в «Парцифале» (XIII в.), но старейшая сказка типа *551* относится к позднему средневековью. Она вошла в латинский сборник Иоганна Габиуса «Scala coeli» (см.: *Wesselski*, № 28). Первые русские лубочные издания сказок этого сюжетного типа появились в XVIII в. (*Лекарство..*, с. 152—188; *Прогулки..*, № 3, с. 3—27; *Тимофеев*, с. 1—22). Обычно в русских сказках о молодильных яблоках герой проникает в волшебный сад и дворец богатырской царь-девицы, а не в сад «страшной ведьмы», как в сказке сборника Афанасьева. Исследования, указанные в комментариях к тексту № 169, посвящены не только сюжетному типу *АТ 550*, но и типу *АТ 551*. Сюжет типа 300_1, имеющий широкое распространение во всех частях света, обычно встречается в восточнославянских сказках в соединении с разными сюжетами, особенно часто входит эпизодом в сказки о неверной сестре (*АТ 315*, см. тексты № 201—207) и является неотъемлемой частью сюжетного типа *303* — «Два брата» (см. текст № 155). Русских вариантов — 108, украинских — 30, белорусских — 29. История сюжета связана с мифом о Персее, известном по памятникам античной литературы: *Аполлодор*. Мифологическая библиотека (Л.: Наука, 1972, с. 29); имеет одним из своих источников сочинение греческого логографа V в. до н. э. Ферикида; *Овидий Назон*. Метаморфозы, II, 660—763 — о Персее и Андромеде. Сказкам и легендам о победителе змея посвящены монографии: *Hartland E. S.* The Legend of Perseus. London, 1893; *Ranke*, № 114. А. И. Никифоров опубликовал в сборнике «Советский фольклор» (1936, № 4—5, с. 143—242) 15 записей севернорусских сказок типа 300_1, предпослав им статью «Победитель змея». Эпизоды в подземном царстве и особенно полет героя на птице-колпице, выносящей его на белый свет, напоминает сюжетный тип *301* (Ср. тексты № 128—132, 139—142). Эпизод обольщения «Прекрасною Дунею» старшего и среднего братьев царевича-удальца, которые «проваливаются сквозь кровать», соответствует былине «Три поездки Ильи Муромца» и другим вариантам сюжета типа *551* (ср. тексты № 174, 175, 176). Эпизод на пиру в подземном царстве, когда герой увеселяет гостей своей игрой на музыкальном инструменте, восходит к разным сказочным и эпическим сюжетам; для сказок о молодильных яблоках и победителе змея он необычен.

Афанасьев внес в текст много мелких поправок, которые перечислены в комм-ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г., с 585—586. Некоторые из поправок неудачны: нарочито усилено аканье рассказчика (тамбовский диалект). Так, например, Афанасьев напечатал: «А малец паехал дальше» (в рукописи: «А он поехал дальше»), «и спрасился начевать» (в рукописи: «спросился ночевать»), «маво каня» (в рукописи: «Моего коня»).

172* *(104b) Место записи неизвестно.

АТ 551. Вариант сюжета о молодильных яблоках отличается рядом подробностей (три брата отправляются на поиски молодости отца; убитого старшими братьями героя оживляет жар-птица), отсутствующих в тексте № 171, но характерных для пол-

ных восточнославянских вариантов: герой крадет у спящей царь-девицы пузырек с живой водой, «на девичью красоту позарился», «квас пил, да квасици не покрыл» (традиционная для таких восточнославянских сказок стилистическая формула); воинственная царь-девица разыскивает героя, угрожает разорить, выжечь царство его отца и в конце концов становится его женой. Об образе царь-девицы см.: *Новиков*, с. 70—75.

После слов «а младший — прямо дорогой» (с. 353) Афанасьев в сноске сослался на вариант: «Старшие два брата ехали, ехали, добрались до огненной реки; как дальше ехать — не ведают, разбили в стороне палатки и стали в чистом поле жить, в гульбе время проводить. А младший брат заехал по дороге к бабе-яге; она дала ему полотенце: «С ним через огненную реку переедешь: махни полотенцем направо — мост появится, махни налево — мост пропадет».

После слов «ты в ворота не езди, у ворот львы стерегут» (с. 354) указан вариант: «В другом списке сказано, что кругом сада с моложавыми яблоками и с ключами живой и мертвой воды змей обвился — голова и хвост в одном месте сошлись. Говорит баба-яга царевичу: «Ударь ты этого змея по голове; от этого удара богатырского он будет спать трое суток. В это время успеешь все сделать! Да вот сухой прутик; как войдешь ты в сад, сейчас беги по всем родникам и макай этот прутик в воду; в каком роднике он даст листья и цвет — в том, значит, и живая вода течет».

173 (104с) Место записи неизвестно.

АТ 551. Здесь в лубочном стиле оригинально разработаны мотивы трех перевозов на пути в тридесятое царство красной девицы, выезда красной девицы во главе девичьего войска, встречи Ивана-царевича с бабой-ягой и с великаном, которому он отрубает голову, умерщвления и оживления Ивана-царевича красной девицей.

В сноске к незаконченному тексту Афанасьев изложил следующие ее эпизоды: «Иван-царевич спасается с помощью большой птицы, которая выносит его на своих крыльях с того света (см. сказку: «Норка-зверь»); затем сказка оканчивается точно так же, как и в предыдущем списке» (№ 172). Сказка «Норка-зверь» (текст № 132) относится к сюжетному типу *АТ 301* «Три подземных царства».

174 (104) Записано в Пермской губ. штатным смотрителем Кунгурского училища С. Буевским. Рукописный источник в комм. ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г. не отмечен. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 61, лл. 11 об.— 15 об.; 1848). Как установил Д. К. Зеленин, у Афанасьева запись ошибочно отнесена к Архангельской губ. (см. прим. к № 218).

АТ 551. Эпизоды обольщения путников, остановившихся на ночлег, девицей связаны здесь и в следующем тексте № 175 с разными частями сказки и играют более конструктивную сюжетную роль, чем в тексте № 171. Характерны для восточнославянских сказок также эпизоды погони за Иваном-царевичем царь-девицы или ее стражников (ср. тексты № 175, 176, 563), а также встречи несколько лет спустя сыновей царь-девицы с братьями их отца и с отцом (ср. тексты № 175, 176, 178).

Текст напечатан Афанасьевым с многочисленными стилистическими изменениями, которые особенно заметно проступают в замене одних слов другими, вводе новых слов и целых предложений, в перестановке слов.

Страница и строка	Напечатано:	Рукопись:
358, 16 сн.	Посылаѐт царь	царь посылает
15 сн.	сладкие моложавые яблоки	сладкие яблоки
9 сн.	его долго	долго его
7—9 сн.	до того же	опять до того же
8 сн.	Девица и этого	девица та опять и этого
4—5 сн.	входит туда, а в избушке ягишна	входит в нее, тут ягишна
359, 3 св.	по сладкие моложавые яблоки — туда, где	по сладкие яблоки, где
5 св.	Он сел и поехал	он поехал и

Страница и строка	Напечатано:	Рукопись:
359, 6 св.	Взошел	когда взошел
7 св.	а ныне	ныне
8 св.	отвечает	отвечал
10 св.	сладкие моложавые яблоки — туда, где	сладкие яблоки, где
11 св.	«Едва ли достанешь!» сказала баба	Она говорит, едва ли достанешь
13 св.	Царевич	он
14 св.	слыхом было не слыхать	слыхом не слыхать
17 св.	сладкие моложавые яблоки	сладкие яблоки
18 св.	«Трудно царевич! Едва ли достанешь»	Трудно! едва ли достанешь
19 св.	станешь подъезжать	подъезжать станешь
20 св.	ударь коня палицей	ударь палицей коня
20 св.	перескочил за	когда же перескочил
22—27 св.	а он сквозь пробивается: «Я,— говорит,— Белой Лебеди записку несу». Добился до покоев Белой Лебеди Захарьевны; в то время она крепко спала, на пуховой на постеле разметалася, а живая вода стояла у ней под зголовьем. Он взял воды поцеловал девицу и пошутил с ней негораздо; потом, набравши моложавых яблоков	пробивается через них и говорит, я записку Елизарьевне несу и иду по живую воду потом добился до покоев Захарьевны, она в то время спала, разметавшись, пришед от обедни, живая вода стояла у ней под зголовьем, он взял воды, поцеловал ее, потом набравши яблоков
27 св.	задел за край	задел
17 сн.	Белая Лебедь Захарьевна	Захарьевна
16 сн.	кто-то в доме был	кто-то был
13 сн.	Лебедь Захарьевна	Захарьевна
12 сн.	только что коня сменил, и спрашивает	переменил лошадь, говорит
10 сн.	а Лебедь Захарьевна	Елизаровна
9 сн.	и	тут же и
7 сн.	Лебедь Захарьевна	Захарьевна
6 сн.	спрашивает ягишну	к ягишне, спрашивает
3 сн.	домой воротилась	воротилась домой
360, 1—4 св.	зовет его спать с собою. Царевич говорит: «Напой-накорми, тожно спать клади». Она напоила-накормила и опять говорит: «Ложись со мной!» Отвечает царевич: «Наперед ты ложись!» Она легла наперед, он ее и спихнул; де́вица полетела	предлагает лечь ему с нею; царевич говорит, напой-накорми тожно распроси, она напоила, накормила и опять говорит, ложись со мной; он отвечает, ты наперед ложись; после долгого спора она легла наперед, а когда легла, он ее пихнул, та и полетела:
6 св.	Вскрыл — они тут и сидят, говорит им	они тут и сидят, он им и говорит

Страница и строка	Напечатано:	Рукопись:
360, 7—9 св.	Собрались и поехали все вместе домой к отцу. Вот дорогою старшие братья вздумали убить младшего; Иван-царевич узнал их думу и говорит: «Не бейте меня, я вам все отдам!»	потом все вместе поехали домой к отцу; старшие братья вздумали младшего убить, он узнал их думу, говорит: не бейте меня, братцы, я все отдам вам
11 св.	Конь Ивана-царевича собрал его косточки в одно место	Конь его собрал косточки в место
12 св.	царевич	он
13 св.	Долго я спал	долго спал
14 св.	отцу в чужелке; отец	отцу также в чужелке как отправился; отец
17 св.	выдал ей виноватого	послал виноватого
18 св.	Детки Белой Лебеди, завидя его	дети, завидев его
19 св.	А мать	Мать
22 св.	едва	он едва
22 св.	детки	дети также
23 св.	А мать	мать
18—19 сн.	«...в руках, тем и потчуйте!» Они так же ему бока навохрили	в руках; они навохрили бока
18 сн.	Белая Лебедь Захарьевна выслал	Елизаровна послал
16 сн.	на нем лапотишки худые, чежелко́	в лапотишках худых, чежелчишко
15—16 сн.	Вон нищий	Вон, маменька, нищий
15 сн.	А мать	она
15 сн.	ваш батюшка	тятенька ваш
14 сн.	его потчевать	потчевать его
14 сн.	Иван-царевич	он
12 сн.	к царю	к отцу своему
12 сн.	отцу свое	отцу своему свое
11 сн.	и как они убили его	как они его убили
9—10 сн.	взял к себе в наследники	взял к себе

175 (104е) Записано в Архангельской губ.

*АТ 551 + 313 Н** (Бегство с помощью бросания чудесных предметов. Ср. текст № 93). Изображение облика богатырского коня героя сходно со сказкой о Сивке-бурке (*АТ 530*). Из своеобразных подробностей афанасьевского текста отметим: царь посылает за молодою и живою водой старшего сына по совету «бар»; младший царевич, носящий традиционное имя героя русских сказок типа *530* (Сивка-бурка) и *545 В* (Кот в сапогах),— Иван Запечный распознает царь-девицу среди двенадцати спящих девиц; убитого братьями Ивана-царевича оживляет старичок; по вызову царь-девицы, приплывающей на корабле, Иван-царевич идет к ней во главе буйной ватаги пропойц. Изложение отличается живостью.

После слов: «И дает ему коня еще лучше того» (с. 362) Афанасьев указал в сноске вариант начала сказки: «Царь собрал к себе разных королей и королевичей и сильномогучих богатырей; сели за столы дубовые, за скатерти браные, ели-пили, веселилися. Стали говорить гости хозяину: «Ваше величество! Говорят: старость не радость, а за тридевять земель, в тридесятом государстве есть чудесный сад, в том

саду яблоня, а на яблоне растут моложавые яблоки; кто съест хоть единое яблочко, тот отбудет своей старости». Царь посылает за теми яблоками двух старших сыновей: «Кто из вас достанет, тому при жизни половину царства отдам, а по смерти сделаю своим наследником». Наперед вызвался ехать старший сын; говорит ему отец: «Выбирай себе из моих лошадей — какая люба будет, и бери денег, сколько надобно: казна моя тебе не закрыта!» Поехал царевич, а навстречу ему — отколь ни взялась — идет старуха: «Здравствуй, русский царевич! Куда бог несет?» — «А тебе что за дело, старая чертовка!» — сказал царевич и поскакал дальше. Старуха перекинулась лютым зверем, забежала вперед и перешла ему дорогу. «Нехороша встреча, недоброе вещает!» — подумал царевич, повернул коня назад и воротился в ближний город. То же случилось и с средним братом. Стал собираться меньшой, Иван-царевич: «Любезный мой батюшка! Не прикажи казнить, прикажи речь говорить».— «Говори, милый сын!» — «Благослови в тридесятое государство ехать — моложавых яблоков достать и братьев разыскать».— «С богом, поезжай!» Иван-царевич пошел в белокаменные конюшни и выбрал себе доброго жеребца: на шести верстах жеребец один раз ноги переменяет! Надел сбрую богатырскую, опоясал вокруг себя меч-кладенец, в одну руку копье взял, а в другую железный молот в сорок пуд; тем молотом коня осаживать, чтоб не занес на край света. Сел на коня и уж нет его! Не поймать буйного ветра во чистом поле, не нагнать добра мóлодца! Едет царевич дорогою, а навстречу ему старуха: «Куда бог несет?» — «А тебе что за дело, старая ведьма!» — отвечает Иван-царевич и поскакал было мимо, да через минуту одумался: «За что я ее выругал?» Повернул коня, нагнал старуху и стал говорить: «Прости меня, бабушка! С глупого разума злое слово молвилось».— «Бог тебя простит! Куда едешь?» — «За моложавыми яблоками, отец послал». «Ну слушай, я тебя научу...»

После слов «Сделал то Иван-царевич» (с. 362) указан вариант: «Иван-царевич напустил на себя смелость, вошел в спаленку царь-девицы, прельстился на ее красоту девичью и сотворил с нею грех; спит царь-девица крепким богатырским сном и очнуться не может! А Иван-царевич хочет домой ехать; подошел к своему доброму коню, говорит ему конь человеческим голосом: «Не могу поднять тебя, добрый мóлодец! Согрешил ты с царь-девицей и стал больно тяжел...» Царевич побежал к колодцу, обмылся. Тогда говорит ему верный конь: «Хоть теперь и подниму тебя, добрый мóлодец, а все же тяжел ты — за одну струну задену».

176 (104f) Записано в Зубцовском уезде Тверской губ. *АТ 551+300*₁ (см. прим. к тексту № 171). Эпизод добывания героем богатырского коня с помощью благодарного мертвеца, им похороненного, аналогичен сюжетному типу *508* (Благодарный мертвец) и выдержан в стиле, характерном для русских сказок о богатырях. Эпизод бросания волшебного платочка Иваном-царевичем близок к типу *313 Н** (ср. текст № 175). Эпизоды в подземном царстве, откуда герой возвращается на «птице-соколе», напоминают, как и в варианте № 171, сюжетный тип *301*. И так же, как в варианте № 171, герой играет в подземном царстве на музыкальном инструменте. Сюжет о молодильных яблоках отличается здесь многими необычными подробностями: младший царевич отправляется за мертвой водой и «моложавыми» яблоками в восьмилетнем возрасте; в пути он останавливается в избушках сестер Елены Прекрасной, пересаживается со своего коня на летучего сокола первой ее сестры, потом на сокола второй сестры и на нем перелетает через шнуры, натянутые от 12-ти церквей к дому царь-девицы, и обратно; красная девица, к которой он заезжает на обратном пути и которую берет с собой, предупреждает его о коварной ведьме-соблазнительнице (ведьма играет роль «прекрасной Дуни», «девицы» и «Ирины мягкой перины» в вариантах № 171, 174, 175); царь-девица приплывает по морю в царство отца Ивана-царевича через двенадцать лет с двумя сыновьями и выдувает от своих кораблей до царского дворца хрустальный мост.

177 (104G) Записано в Новгородской губ.
АТ 551. Необычный для сюжета о молодильных яблоках эпизод испытания героем крепости огромной железной булавы (палицы) является традиционным в восточнославянских сказках разных сюжетных типов о богатырях, как и эпизод добывания могучего коня. Основная часть сюжета изложена в этом варианте схематично.

178 (104G) Записано в Архангельской губ.
АТ 551. Необычный зачин связан с мотивом, не отмеченным в других вариан-

тах сюжета о молодильных яблоках: царь-девица катается на горохе, гремя и грохоча. Встречаются в сказке и другие своеобразные подробности: царь-девица во время погони за Иваном-царевичем рожает сына; старшие братья Ивана-царевича идут к царь-девице по красным сукнам босиком, и она каждому из них «дает стежь», у каждого из них «вышибает из спины два сустава», а Иван-царевич идет по красным сукнам и все сукна в грязь вбивает» — царь-девица его встречает торжественно и радушно.

В Примечаниях к сказкам о молодильных яблоках Афанасьев дал пересказ другого варианта этой сказки без указания на источник: «В нашем простонародье существует еще следующий рассказ о кривой царевне. Весельчак-пьяница вызвался вылечить ее глаза и поехал в змеиное царство; в том царстве жили одни змеи да гады. Кругом города лежала большая змея, обвившись кольцом, так что голова с хвостом сходилась. Пьяница воспользовался сном исполинской змеи, сделал веревочную лестницу с железными крюками на конце, накинул лестницу на городскую стену, забрался в город и посреди его нашел камень, а под камнем целебную мазь,— сто́ит только помазать ею глаза, как слепота тотчас же проходит. Взял он эту мазь, спрятал под мышку, сел на корабль — и в море. Пробудилась большая змея, погналась за вором; плывет по́ морю, а под ней вода словно в котле кипит; махнула хвостом и разбила корабль вдребезги. Пьянице удалось выплыть на́ берег; он вылечил кривую царевну и получил щедрую награду».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ
А. Н. АФАНАСЬЕВА
В ТРЕХ ТОМАХ
ТОМ I

*

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

*

Редактор
О. К. Логинова

Художник
Б. И. Астафьев

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Художественно-технические редакторы
С. Г. Тихомирова, Н. Н. Кокина

Корректоры
Р. С. Алимова, М. В. Борткова

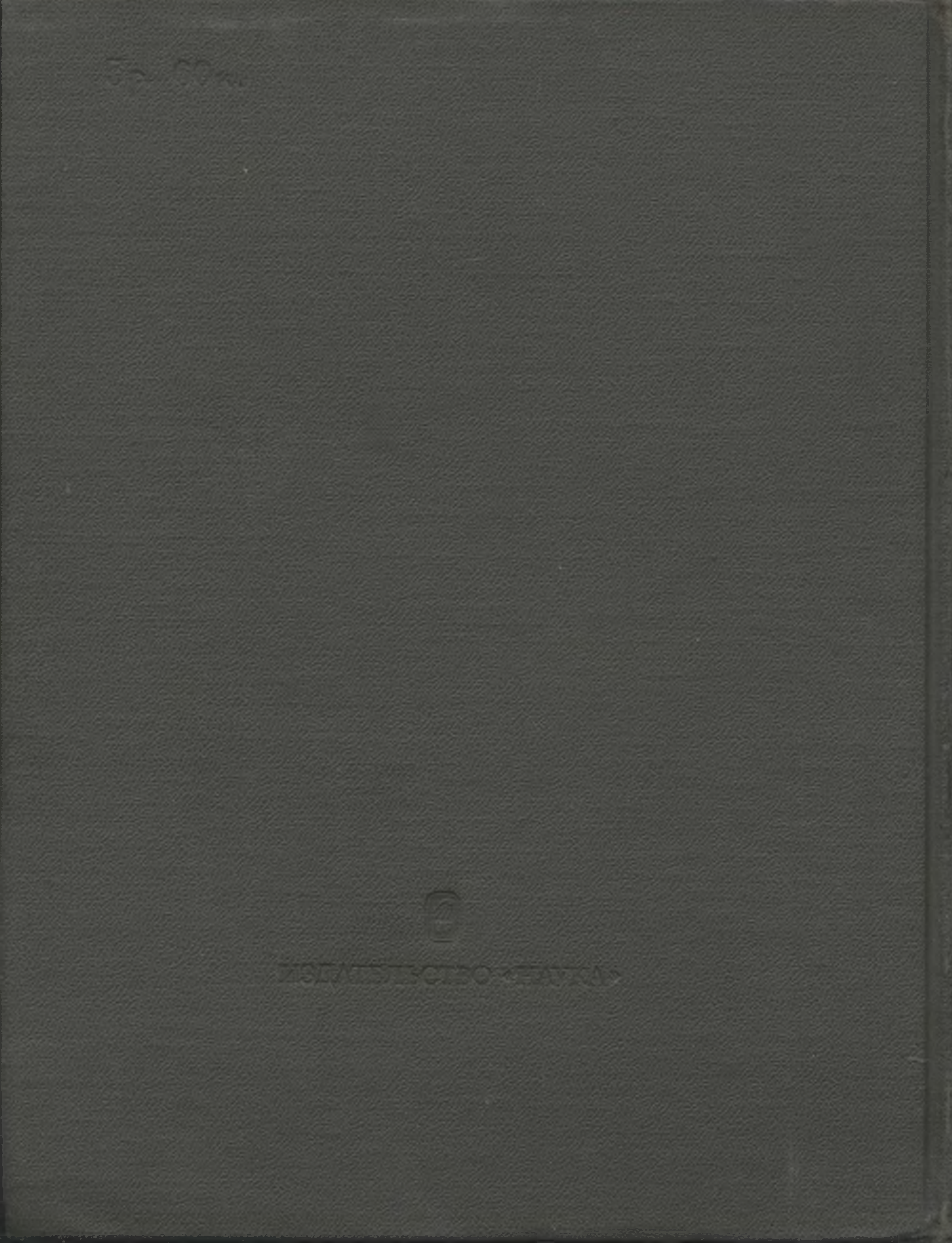
*

ИБ № 28528

Сдано в набор 19.03.84.
Подписано к печати 17.10.84.
Формат 70×90¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура академическая
Печать высокая
Усл. печ. л. 39,33. Уч.-изд. л. 42,9
Усл. кр. отт. 41,66. Тираж 50 000 экз.
Тип. зак. 27. Цена 5 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6


ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»